

ИСТОРИЯ ЯКУТИИ

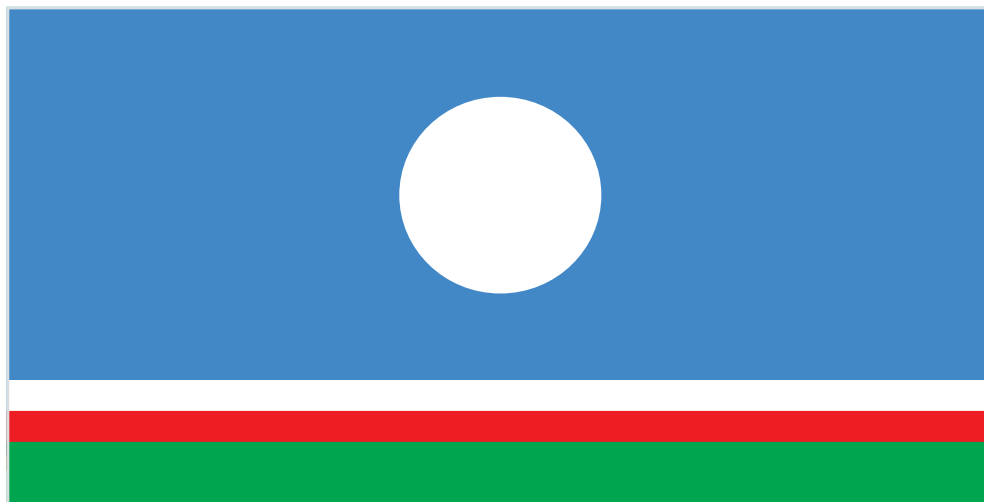
II



*Посвящено
100-летию образования
Якутской АССР*



ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБ
РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)



ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ФЛАГ
РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

**ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ПРОБЛЕМ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**



ИСТОРИЯ ЯКУТИИ



В ТРЕХ ТОМАХ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.С. Николаев, председатель

канд. ист. наук А.Н. Жирков, зам. председателя

С.В. Местников, зам. председателя

канд. ист. наук Е.П. Антонов; д-р ист. наук, проф. А.Н. Алексеев; д-р ист. наук С.И. Боякова;

д-р ист. наук А.А. Борисов; д-р ист. наук Р.И. Бравина; д-р ист. наук, проф. А.И. Гоголев;

канд. полит. наук А.И. Еремеев; д-р ист. наук, проф. В.Н. Иванов; Г.В. Кириллин;

канд. экон. наук Ю.С. Куприянов; д-р биол. наук А.Н. Николаев; канд. филол. наук Н.И. Попова;

д-р геогр. наук М.Ю. Присяжный; д-р ист. наук, проф. Е.Н. Романова; М.П. Сивцев;

канд. ист. наук Н.А. Стручкова; д-р техн. наук, проф. В.В. Филиппов

НОВОСИБИРСК

«НАУКА»

2021

ИСТОРИЯ ЯКУТИИ



ТОМ II

Под общей редакцией
доктора исторических наук, профессора *А.Н. Алексева*

Ответственные редакторы тома
доктор исторических наук *А.А. Борисов*
кандидат исторических наук *А.И. Макарова*
кандидат исторических наук *А.П. Николаев*

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
2021

УДК 94(571.56)
ББК 63.3(2Рос.Сах)
И90

DOI 10.7868/978-5-02-038820-8 (Т. II)
DOI 10.7868/978-5-02-038818-5

Рецензенты

доктор исторических наук *И.Л. Дамешек*
доктор исторических наук *А.С. Зуев*
доктор исторических наук *В.В. Трепавлов*

УТВЕРЖДЕНО К ПЕЧАТИ РЕДАКЦИОННЫМ СОВЕТОМ

УТВЕРЖДЕНО К ПЕЧАТИ УЧЕНЫМ СОВЕТОМ ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ПРОБЛЕМ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА СО РАН

Подготовка и издание научного труда «История Якутии» в трех томах
осуществлены по заказу Главы Республики Саха (Якутия)
и Правительства Республики Саха (Якутия)

И90 **История Якутии:** в 3 т. Т. II / Под общ. ред. А.Н. Алексеева; отв. ред. А.А. Борисов, А.И. Макарова, А.П. Николаев. — Новосибирск: Наука, 2021. — 216 с.
ISBN 978-5-02-038820-8 (Т. II).
ISBN 978-5-02-038818-5.

Второй том академического издания «История Якутии» посвящен историческому прошлому северо-востока России со времени присоединения к ней Якутского края в XVII в. до конца XIX в. Этот почти трехвековой период в истории крупнейшего региона наполнен важными событиями первых историко-культурных контактов между Российским государством и народами Якутии и их постепенной интеграции в состав формирующейся империи. Именно во многом благодаря «приращению» ее могущества вновь присоединяемыми северными территориями произошло становление современной России. В этом томе освещается процесс политического, социального и экономического освоения Якутии, который показан на примере развития путей сообщения, новых отраслей хозяйства, прежде всего земледелия, торговых связей. В издании нашли отражение и такие процессы цивилизационного характера, как распространение православия, начало просвещения и появление зачатков профессионального искусства. Авторы постарались обратить внимание читателя на выдающихся деятелей, оставивших яркий след в истории. При этом они стремились рассматривать явления и факты на широком историческом фоне общероссийских тенденций.

УДК 94(571.56)
ББК 63.3(2Рос.Сах)

ISBN 978-5-02-038820-8 (Т. II)
ISBN 978-5-02-038818-5

© ГБУ «Академия наук Республики Саха (Якутия)», 2021
© Редакционно-издательское оформление. Новосибирский филиал
ФГУП «Издательство «Наука», 2021



ВВЕДЕНИЕ

В наши дни писать историю Якутии непросто. Казалось бы, что можно сообщить нового? Ведь еще «отец сибирской истории» Герхард Миллер ввел в научный оборот немало архивных документов, в том числе из архива Якутской воеводской канцелярии. Он и его современники Яков Линденау, Иоганн Фишер, Георг Стеллер, Степан Крашенинников и др. оставили замечательные описания народов Якутии, назвали имена первых русских землепроходцев, наметили хронологию важнейших событий периода присоединения края к Русскому государству.

Последующие поколения исследователей еще больше обогатили историю Якутии новым фактическим материалом. В советское время были изданы «Очерки по истории Якутии» Г.А. Попова (1924), «Очерки» С.А. Токарева (1940), наконец, «История Якутской АССР» (1955). В них системно изложена история Якутии с древнейших времен, и особое внимание уделено периоду XVII — начала XX в. Именно в советское время был открыт основной корпус имевшихся источников, и историки в те годы могли не только выбирать, но и обобщать значительные массивы документов. Поскольку к тому времени в советской исторической науке возобладал эволюционный методологический подход, основанный к тому же на формационной теории классовой борьбы, то стержень исторического повествования составляли следующие обязательные моменты: поступательное развитие общества от примитивного к более совершенному, а также обусловленность социального прогресса движением от первобытного родового коммунизма к классовому обществу. Соответственно, в центре внимания стояли вопросы, связанные с возникновением антагонистических классов эксплуататоров и эксплуатируемых. Вопросы культуры рассматривались через призму классового деления общества. Немалую роль играли и другие идеологические установки, например принцип партийности. Согласно ему,

все классово чуждые личности, исторические и культурные явления, связанные с ними, подвергались критике или замалчивались. Как показывает современная историография, общественное развитие имеет далеко не однозначную траекторию. К тому же разнообразие культур не поддается единой классификации. Не все общества двигались в направлении классовой дифференциации. Богатство форм социальной организации также усложняет общую картину.

История многонационального Российского государства предстает как многовековой процесс объединения различных народов в рамках единой политической и законодательной системы. Московское государство в Якутии продолжило политику, которую оно проводило вначале в отношении народов Европейского Севера, Поволжья и Приуралья, а затем в Западной Сибири: «...различные мотивы экспансии, оба типа — прямого и косвенного — господства, проходящие разные ступени присоединения нерусских народов, начиная с установления экономической зависимости до административной и, наконец, полной социальной и культурно-конфессиональной интеграции» [Каппелер, 2000, с. 18]. Такая политика тем не менее позволила на протяжении веков сохранять этнокультурное многообразие. Проблема заключалась в темпах прохождения этих «ступеней». Там, где соблюдалась постепенность, процесс интеграции шел более-менее успешно.

Ничего подобного не было в Северной Америке, историко-культурные условия которой были типологически сходны с российскими. Там еще в первой половине XIX в. была сформулирована теория «предопределенной судьбы» как основы американской политики, согласно которой «естественное» превосходство американских порядков давало право не считаться с интересами «отсталых» народов [Уайт, 2006, с. 13]. На протяжении XVII–XIX вв. здесь систематически осуществлялась политика сго-

на коренного населения с занимаемой ими земли. Правительство США подписывало сотни договоров с различными индейскими племенами, но ни один из них не соблюдался, и все закончилось заключением индейского населения в резервации [Уайт, 2006, с. 209–237].

В отечественной историографии в XIX в. также предпринимались попытки считать политику Русского государства в Сибири, и Якутии в частности, завоевательной по своему характеру [Левенталь, 1929, с. 241–242, 244]. В ранний период и в советской историографии утверждалось, что царское правительство, исходя из классовой солидарности, привлекло на службу элиту туземного общества для своих завоевательных целей [Токарев, 1940, с. 61–63, 70–71, 82–89; Романов, 1956, с. 103–104; Башарин, 2003, т. 1, с. 149–150]. Тем не менее было признано, что имела место политика «попечительства» со стороны царского правительства, начавшаяся со второй половины XVII в. Причинами ее назывались борьба ясачных против гнета и произвола властей и падение платежеспособности ясачных. Она имела фискальную и политическую цели: ликвидация недовольства ясачных, усиление позиций и сплочение тойонов [Башарин, 2003, с. 242, 358]. Вот и в сибирской историографии, посвященной внутренней политике царского правительства, которая ныне осмысливается как окраинная политика Российской империи, признается определенная этнокультурная автономия инородцев Сибири [Дамешек, 1986; Зуев, 2009, с. 9–14; Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., 2014; и др.].

В зарубежной историографии судьбы народов Якутии рассматривались в общесибирском контексте [Слезкин, 2008; Fisher, 1943; Lantzeff, 1972; Wood, 1991; и др.]. Зарубежным ученым было сложно в силу объективных причин уловить локальные различия в политике Русского государства в отношении тех или иных этносов. Между тем они важны, так как царское правительство всегда учитывало культурные особенности присоединяемых народов и их образ жизни.

Несмотря на однозначное определение политики Русского государства в Сибири как захватнической, Джордж Лантцев, например, писал, что аборигенное население находилось под покровительством государства, которое регулировало крестьянскую колонизацию и не распространяло протекцию на

своих коммерческих конкурентов — торговцев и промышленников [Lantzeff, 1972, p. 200–205].

В современной отечественной историографии существуют следующие основные положения, которые разделяют и которых стараются придерживаться авторы данного тома. «В ходе присоединения Сибири аборигенная политика, не имея выраженного идеологией оформления, определялась задачами политического подчинения и включения в русское подданство сибирских народов, закрепления новых территорий за Россией. Ее основные установки отражали предшествующий опыт Московского княжества, затем опыт государства по “собираению” русских земель и взаимодействию с нерусскими и неправославными народами Урала и Поволжья. Были восприняты многие элементы политики Золотой Орды в отношении покоренных народов, а также учтена этнополитическая ситуация в Сибири и на ее границах, численность и плотность населения на отдельных территориях, характер социально-политических связей между сибирскими этносами, в том числе практика данничества и так называемого кыштымства. Но, при всей вариативности применительно к присоединению отдельных земель и народов, принципы аборигенной политики в Сибири на протяжении конца XVI — начала XVIII в. не менялись. В их основе лежало сочетание сотрудничества, в первую очередь с нерусскими военно-политическими элитами, и прямого насилия и администрирования. Ведущей целью аборигенной политики являлось обложение аборигенов ясаком, который на данном этапе имел не только финансовое значение, обеспечивая пополнение казны пушниной, но и политическое, выступая главным показателем подданства и признания русской власти» [Зуев, 2009, с. 9]. Также выделено четыре модели вхождения национальных окраин в состав Российской империи и их развития: протекторат, статус политической автономии, статус административной автономии и, наконец, управление с общеимперской администрацией [Национальные окраины..., 1998]. История Якутии на протяжении изучаемого времени вполне коррелирует с вышеназванными утверждениями. Действительно, имея различную степень автономии, эта национальная окраина к началу XX в. столкнулась с тенденциями, связанными с вовлечением ее в общеимперскую систему управления.



ЧАСТЬ I

ЯКУТИЯ В XVII ВЕКЕ

ГЛАВА 1

ЯКУТИЯ НАКАНУНЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ

К началу XVII в. границы Русского государства раздвинулись далеко за Урал в пределы Сибири. Внешнеполитические интересы страны вплотную соприкоснулись с центральноазиатскими и дальневосточными государствами.

В XVII столетии в России и Китае происходили схожие процессы. Угасание древней династии Рюриковичей, смутное время, по сути, гражданская война — в первом случае, внутренний кризис, недовольство правящим режимом династии Мин и его ослабление — во втором. Зарождались две великие династии — Романовых в 1613 г. и Цин в 1636 г., которые дали начало двум великим империям.

Маньчжуры преодолевали мощное сопротивление Мин и монгольских княжеств на протяжении всего столетия, а русские цари наталкивались на сильное противодействие в Поволжье и Западной Сибири во второй половине XVI — начале XVII в. Кроме того, в Южной и Юго-Восточной Сибири (где проживали хакасы, телеуты, буряты) в связи с урегулированием русско-маньчжурских и русско-джунгарских отношений длительное время сохранялась напряженность. На границе империй происходили столкновения и неоднократные перекочевки через нее. Джунгары на протяжении двух столетий являлись буфером между двумя государствами.

Продвижение русских землепроходцев в Восточную Сибирь началось с севера. В конце XVI — начале XVII в. они проникли в Енисейский край и в 1601 г. в междуречье Оби и Енисея основали Мангазейский острог, который вскоре станет центром уезда. В первое десятилетие XVII в. в состав Русского государства вошли территории среднего и частично верхнего бассейна р. Енисей: в 1618 г. на р. Кеть был основан Маковский острог, в 1619 г. — Енисейский. Почти вся эта территория была заселена кетоязычным и самодийским населением, а также тунгусами и тюрками Южной Сибири.

В районе озера Байкал кочевали предки бурят. Ввиду того, что все эти народы, особенно последний, были связаны разной степенью близости с монгольскими ханами Халхи и Джунгарии, здесь процесс присоединения их к Русскому государству затянулся вплоть до XVIII в. Намного быстрее это произошло севернее — в землях якутов, эвенков, эвенов и юкагиров.

Благодаря письменным источникам XVII в., особенно документам ясачного сбора, мы можем представить этническую карту изучаемого региона накануне вхождения его в состав Русского государства. Самое многочисленное якутское население занимало четыре анклава: 1) центральный — в междуречье Лены и Алдана, где проживала большая часть якутов; 2) южный — в районе устья р. Олёкмы; 3) западный — ниже течения р. Вилюй; 4) северо-восточный — в Верхоянье. Таким образом, были намечены поздние направления миграции якутов под влиянием присоединения. Эти анклавы были окружены кочевьями тунгусоязычного населения, которые занимали таежные районы бассейнов Алдана и Олёкмы — с южной стороны, Вилюя, Оленька — на западе и юго-западе (предки эвенков), низовий р. Лены, бассейнов Яны, Оймякона, Момы, Май вплоть до р. Колымы и побережья Охотского моря — с севера, северо-востока и востока (предки эвенов-ламутов). На северо-востоке кочевали довольно многочисленные к тому времени группы юкагирского населения. На р. Яне они соседствовали с якутами. Весь северо-восток нынешней Якутии был заселен юкагирами.

По сведениям Б.О. Долгих, общая численность якутов в середине XVII в. составляла 28 470 чел., эвенков и эвенов — 12 580 чел., юкагиров — 4775 чел., всего представителей народов Сибири — 46 350 чел. [Долгих, 1960, с. 544, 547–548]. Приведенные цифры, взятые из ясачных книг, нельзя считать одно-

значно достоверными. Понятно, что несовершенство переписи населения оставляло какой-то процент его неучтенным. Но в условиях Севера, например, подобная численность была вполне реальной.

Характерной особенностью расселения в Якутии накануне прихода русских землепроходцев было отсутствие крупных оседлых поселений, потому что почти все народы вели кочевой или полукочевой образ жизни, обусловленный их охотничьим, оленеводческим или скотоводческим хозяйством. Даже жившие сравнительно оседло юкагиры селились по рекам небольшими родственными группами в несколько десятков человек. У якутов, большую часть года проводивших на зимниках, был хуторской (аласный) тип расселения по 1–2 семьи на большом расстоянии друг от друга. Летники нередко собирали на одном месте гораздо большее количество семейных хозяйств (*түөлбэ*), но и они не превышали по размерам юкагирские речные поселки.

В условиях экстенсивного присваивающего хозяйства охотники и рыболовы северных рек Яны, Индигирки и Колымы — предки юкагиров могли успешно вести свое хозяйство немногочисленными коллективами, разбросанными на значительной площади. Ведь пригодных для жительство богатых промысловых мест было не так много. Громадную часть пространства занимали бескрайние тундровые зоны со скудной растительностью и не столь разнообразным животным миром. Не меньшие по площади горно-таежные ареалы также не могли бесперывно обеспечивать жизнедеятельность значительных групп населения. Издревле юкагиры были оседлыми насельниками речных долин. «А те де иноземцы на той реке Колыме сидячие зимою и летом сядят об одном месте, пешие, а оленные люди — кочуют с места на место и на озера», — сообщается в наказной памяти якутского воеводы Василия Пушкина от 5 июля 1647 г. [ПФА РАН. Ф. 27. Кн. 30. № 139. Копия]. Многие юкагирские группы населения селились вблизи бассейнов рек, богатых рыбой, где устраивали специальные запруды для массового рыбного промысла. С реками же был связан сезонный промысел диких оленей, следовавших своими миграционными путями. Знания о них и связанные с этим культурные комплексы (промысловые средства, обрядность) определяли локализацию основных подразделений юкагиров: ононди, яндагиров — в бассейне р. Яны, олюбэнцев, шоромбойцев, янгинцев — в долине р. Индигирки, когимэ, омоков — в колымской речной системе, алаев — по берегам р. Алазеи, лавренцев — р. Омолон, анаулов, ходынцев, чуванцев — далее на северо-востоке, вплоть до р. Анадырь и побережья Чукотки [Юкагиры..., 1975; Туголуков, 1979; Плужников, Шадрин, 2010]. По фольклорным данным, в прошлом насчитывалось до 12 юкагир-

ских племен. Другими словами, пространство между низовьями р. Лены и Чукоткой было сплошь населено предками юкагиров.

Издревле началось разделение юкагиров на тундровых и таежных, которому соответствовали диалектные зоны. Здесь немалую роль играло все большее проникновение транспортного оленеводства под влиянием тунгусской среды. Хозяйственно-культурным своеобразием отличались юкагиры Индигирки, в среде которых было развито собаководство. «И пришед на Индигирку, и нашли юкагирей князца Иванду, а у того Иванды роду ево было человек со сто и больши, люди сидячие, а ездят де они на собаках...» — говорится в расписных речах Посника Иванова января 1646 г. [РГАДА. Ф. 1177. С. 66. Л. 5]. Предки юкагиров жили в полуземлянках — *чандалах*. В весенний и летний периоды жилищем служили чумы, крытые оленьими шкурами. Матрилокальный брак, развитый культ предков, архаичный облик материальной культуры (по сути, носивший следы каменного века при сравнительно слабом развитии металлических изделий) отличали культуры юкагирских племен в период их встречи с русскими землепроходцами. «А товары де иноземцом надобны — топары небольшие, да ножи, да баты и полицы якуцкие кучачные, да котлики малые, да стрелы железные...» — отметили русские землепроходцы, говоря о предках юкагиров, живших на Колыме [ПФА РАН. Ф. 27. Кн. 30. № 139. Копия]. Несмотря на материнский счет родства, во главе юкагирского рода стояли мужчины — старейшины, нередко не самые старые. Одновременно в каждом роду были «сильные люди» (становившиеся героями сказаний), иногда зятя старейшин, способные защитить род от нападения врагов.

В Якутии были представлены две группы предков эвенов: «внутренние», кочевавшие со своими оленями в горно-таежной зоне, и приморские, совмещавшие охоту, оленеводство и рыболовство, прикочевывавшие весной из континентальных районов к охотскому побережью. Кочевья эвенов простирались между бассейном р. Яны, низовий р. Лены на севере до верховий Колымы на северо-востоке и до Охотского моря к юго-востоку. Эвенов некоторых групп, проживающих на севере, русские землепроходцы станут называть тунгусами, смешивая их с эвенками. Этноним «ламут» (от слова «море») рано попадет в русские документы XVII в. [ДАИ, т. 3, с. 55; Т. 4, с. 161, 241], а вместе с ним и понимание этнокультурного своеобразия предков эвенов.

Широко были расселены кочевые тунгусы (эвенки). В верховьях р. Сиинэ жили пуягиры (баягиры), в бассейне р. Виллой — фугляды (угуляты), мургаты (брангаты, нюрбагаты), белдеты, р. Олёкмы — нанагиры и киндигиры, р. Оленёк — азяны, нижней

Лены — эдиганы. Самыми северо-восточными эвенкийскими группами были синигиры и момогиры, кочевавшие по обоим берегам нижней Лены и далее к востоку. Значительное влияние тунгусов испытывали охотники и рыболовы долганы, кумкогиры, возможно, потомки юкагиров [Долгих, 1960, с. 148–150, 153, 176, 450, 460, 462, 472–473, 478–480, 484–485, 488; Туголуков, 1985, с. 164–166, 188–192, 209]. Исключительно кочевой образ жизни в горно-таежных водоразделах рек Лены, Вилюя, Олёкмы и Алдана был характерной особенностью предков эвенков на территории Якутии. Кочевали небольшими группами семей, объединенных кровнородственными связями. Парные объединения частей одного рода или больших семей, бытовавшие среди них, были обусловлены обычаями экзогамии — избегания браков между представителями отцовского рода. Во главе таких групп стояли *гататканы* — самые сильные и удачливые охотники. Из них выделялись военные предводители — *сонинги*.

О размерах тунгусских родов сообщается в отписке первых якутских воевод в 1640 г.: «А по Мае де, государь, реке живут многие тунгусские люди, родов десять. А в роду де, государь, человек по сту и по двести» [НИА СПбИИ РАН. Ф. 607. Карт. 1. Ст. 980].

Эвенская социальная организация была близка эвенкийской: так же имело место деление на отцовские родовые группы и роды насчитывали несколько сот человек. У всех трех народов в каждом роду были шаманы, которые часто играли важную общественно-политическую роль. Они могли выступать инициаторами конфликтов между родами.

Больше 90 % якутов были сосредоточены в центральном анклав. Здесь русские служилые люди образовали 35 якутских ясачных волостей. В подавляющем большинстве случаев под ними подразумевались кровнородственные патронимические группировки (якуты их называли *ага уустара*), не превышавшие 1 тыс. чел. Но среди них было 5–6 волостей, которые соответствовали территориальным группировкам якутов — улусам с населением, достигавшим 2–5 тыс. чел. Это Кангаласская и Намская волости-улусы на левом берегу р. Лены, Борогонская, Бетунская, Мегинская и Батуруская (Катылинская) волости-улусы на ее правобережье. Во главе волостей стояли клановые предводители, в улусах было до пяти и более таких глав, которых русские служилые люди стали называть «князцами» или «лутчими людьми» [Токарев, 1940; Борисов, 1997]. Среди якутских клановых предводителей на рубеже XVI–XVII вв. выдвинулся глава кангаласских якутов Тынин Мындыаков (более известный в якутских легендах как Тыгын), власть которого распространялась не только на его улус, но и на родственные и соседние группиров-

ки накарских, нерюктейских, жарханских, бордонских якутов [Ксенофонтов, 1937; Борисов, 2010]. В Намском улусе господствовали Мымак и его сыновья. В Борогонском — наибольшим влиянием пользовался Логуи Амыканов. В Бетунском — власть держали братья Дергина, Камык, Мазей, а также сильны были Ортуи и Чегунай. В Мегинском улусе на роль лидеров претендовали Буруха и Бодой. Все они именовались *тойонами*, немногие из них носили титул *дархан*, как, например, Тыгын и его отец Муньян. Такой титул у средневековых тюркских и монгольских народов давал исключительные права на власть и привилегии. Шаманы тоже играли заметную роль, нередко возглавляя *ага уустара*. В ранних русских документах XVII в. описаны факты, когда шаманы возглавляли военные мероприятия или выступали посредниками в переговорах.

Поселения якутов зафиксированы в материалах раскопок кулун-атахской культуры позднего Средневековья [Гоголев, 1990]. Это были зимники, состоявшие из десятка жилых (балаганов-юрт) и хозяйственных (*хотонов* — хлевов для крупного рогатого скота, амбаров) построек. За последние годы такие памятники открыты во всех ареалах расселения якутов, включая некоторые северные районы. К приходу русских коневодство преобладало над скотоводством, так как якутская лошадь способна круглый год проводить под открытым небом. Поэтому в рассматриваемое время у якутов не было необходимости заготавливать в большом количестве корма для зимнего содержания скота, как это будет позднее, в XVIII–XIX вв. Социальная дифференциация у якутов отчетливо видна по различиям в богатстве убранства погребений, ныне открытых в большом количестве, особенно в Центральной Якутии [Бравина, Попов, 2008; Алексеев, Крюбези, 2012]. Это видно по отделке оружия, орудий труда, бытовых предметов, поясов у мужчин, по набору украшений (серег, браслетов, гривен, колец) у женщин. На то, что человек при жизни был наделен властью, указывают также перстни с печатками, богатая одежда (обычно соболиные, волчьи, рысьи шубы и шапки) и т.д. Исключительный статус представителей знати подчеркивался их погребением с рабами и конями, которые должны были сопровождать их в загробный мир.

Этническое единство якутов поддерживалось тем, что всем им были свойственны занятия коневодством и скотоводством, образ жизни степняков-номадов, улусная система политической организации. Наконец, якуты все говорили на взаимопонятном языке, несмотря на большую их разбросанность от заполярных высокогорных районов Верхоянья и Оймякона до устья р. Олёкмы — с севера на юг, от бассейна р. Вилюя до притоков р. Алдана — с запа-

да на восток. Этот факт отмечен и в ранних русских источниках.

Якутские подразделения не были консолидированы, и этническое самосознание якутов носило

сложный многоуровневый характер [Гоголев, 1990; Борисов, 1997]. Приход русских ускорил процесс сближения улусов, который через два столетия привел к формированию нации.

ГЛАВА 2

ВХОЖДЕНИЕ ЯКУТИИ В СОСТАВ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

В 20-х годах XVII в. российские землепроходцы проникли в Якутию. Река Лена стала известна им в 1619 г. Тогда в Енисейском остроге был допрошен пленный князец кипанских эвенков Илтик. Он сообщил воеводам о существовании «великой реки Лены» «на два дня ходу» от Енисейского острога, на которой живет богатый и могущественный народ, у которого имеются большие суда с колоколами, пушками и остроги.

Несмотря на неполноту и известную фантастичность информации Илтिका, она в свое время сыграла немалую роль в деле открытия Ленского края. Енисейская и мангазейская администрации были заинтригованы и не замедлили распорядиться об организации обследования «неизвестной страны». В конце 1619 г. в Мангазейском остроге поручение об обследовании «Лины реки» получили пятидесятник Григорий Семенов и 10 служилых людей.

В 1621 г. мангазейским служилым людям от шести пленных буляшей (эвенков) удалось узнать о существовании «Лин, большой реки», где обитал многочисленный народ. Буляши сообщили, что «избы-де у них, как у русских людей, и лошади есть, а про то они не ведают, пашенные ль они люди или не пашенные; а платье носят такое же, как русские люди»; они знали производство железа и вели оживленную торговлю с другими народами. С.В. Бахрушин не сомневался, что речь идет о якутах [1955].

Дальнейшее развитие событий восстановить трудно. Известно только, что в начале 20-х годов XVII в. отряд из 40 человек во главе с мангазейским промышленником Пантелеем Пенда (или Пянда) не только проник в бассейн р. Лены, но и доплыл вниз по реке до того места, где, как говорится в фольклорных материалах, в будущем был заложен Якутский острог. Исторические предания якутов рассказывают, что в одно время неожиданно на земле кангаласцев перед юртой престарелого тойона Тыгына появились неизвестные люди, говорившие на незнакомом якутам языке и внешне отличавшиеся от них. Своим трудолюбием и кротким нравом они завоевали симпатию Тыгына, который охотно взял их в работники. Но через три года пришельцы исчезли так же внезапно, как и

появились. А через несколько лет нагрянул целый отряд людей, похожих на тех, которые были знакомы кангаласцам.

Действительно, через несколько лет, а именно в 1628 г., сын боярский Самсон Новацкий, получив у шамагирских эвенков более достоверные сведения о «якуцких людях», в следующем году отправил отряд из 30 чел. «про те новые землицы проведать и тех новых землиц людей под государеву царскую высокую руку призывать». Это был отряд тобольского служилого человека Антона Добрынского. Отделившись от отряда Новацкого, который действовал в районе Нижней Тунгуски, зимой 1630 г. Добрынский со своими людьми перешел на р. Чону — приток Вилюя. На Вилюе они обнаружили «многие люди нанагири, человек с семьсот и больше, а конных людей у них нет, а кочуют на усть реки Варки», «ясак с себя государю не платят, потому что люди большие; а по Лене реке на усть Вилюя живут долганы и якуты». С устья Вилюя они поднялись вверх по Лене, и тогда же часть отряда успела разведать р. Алдан и обнаружить там несколько племен эвенков. На Лене же добрынцы наткнулись «на конную якуцкую орду» и где-то zaloжили первое зимовье.

Осенью 1630 г. отряд Добрынского разделился на две группы. Первая группа из 15 чел. во главе с самим Добрынским осталась «у якуцких людей» для сбора ясака 1631 г. и для «утверждения» здесь «государевой власти»; другая — во главе с березовским казаком Мартыном Васильевым — возвратилась назад, из них 7 чел. в июне 1632 г. добрались до Тобольска и представили воеводам сведения о произведенных на «новой земле» открытиях.

Группа Добрынского провела зиму 1630/31 г. в Якутии, и, по-видимому, в разгар сбора нового ясака местные жители осадили острожек. Осада длилась с 8 ноября 1630 г. по 9 мая 1631 г. и закончилась неудачно для местных жителей: они не только были вынуждены снять осаду, но и потеряли немало убитыми и «перераненными». У осажденных потерь не было, но отряду не удалось собрать ясак за 1631 г. В июле 1632 г. в Тобольск вернулись 5 чел., которые «подали в съезжей избе доездную память», содержащую более достоверные сведения о якутах.

Значение пребывания, хотя и кратковременного, отряда А. Добрынского в Якутии состоит в успешном «проведывании» ранее неизвестной «новой землицы», в доставлении сибирской воеводской администрации первых конкретных данных, достаточных для понимания значения «новой землицы» и организации новых предприятий по ее дальнейшему освоению. С походом Добрынского на Лену открылась новая страница в истории политического и хозяйственного освоения Сибири Российским государством.

Разведка Лены одновременно была предпринята и со стороны Енисейска. В 1630 г. казачий десятник Илей Ермолин во время плавания по р. Лене узнал от тунгусов, что «на край» этой реки есть «Якольская земля», которая «людна и скотна» и в ней «скот всякой есть, и кони и коровы». Разведку р. Лены осуществлял также отряд енисейского атамана И.А. Галкина. Из Енисейска он выехал в конце 1630 г. Вскоре он поставил на берегу р. Усть-Куты «в ясачных в налянских и в тунгуских людях» зимовье и взял с них ясак. Он побывал также на Лене, заложил здесь острожек и собрал ясак с «якольской» земли. Отряд обследовал «иные сторонние реки, которые впади в Лену реку» и где жили «конные и скотные многие люди», дошел до Алдана и повернул назад. Галкин сообщал, что встреченное им население еще не было подвергнуто ясачному обложению, между тем «соболя-де и всякого зверя туту много». Жителей «новой землицы» Галкин охарактеризовал как «непослушных и немирных» и предложил «привести» их «под государеву высокую руку большими служилыми людьми». В его доездной памяти сказано, что якуты «скотны и людны и доспешны и воисты и не хотели государеву ясаку дать».

Вызывает интерес тот факт, что атаман, когда плыл вниз по Лене, встречался с кангаласским тойоном Тыгыном (Тыниной — в русском делопроизводстве более позднего периода) и каким-то образом сумел склонить его к принятию «государевой службы». Но почему Галкин не сделал никаких записей на сей счет — загадка истории [Иванов, 2002, с. 16].

Дать ту или иную характеристику действиям или позиции Тынины в то непростое время и главное — в непредсказуемой ситуации, созданной атаманом Галкиным, довольно трудно, если вообще возможно. Трудность объясняется тем, что кангаласский тойон больше не фигурирует как действующее лицо в документах тех лет (он или умер от старости, или погиб в «бою»).

Судя по всему, кангаласский тойон Тынина не оказал организованного сопротивления первым отрядам служилых людей, мало того, он привел аманатов, а столкновение с Иваном Галкиным было спровоцировано: атаман «с товарищи» учинил кан-

галасцам «великую обиду», видимо, потребовав на обратном пути повторного ясака [Там же, с. 17].

Сибирские воеводы поняли «государственную пользу новой землицы» и сразу же приступили к конкретным действиям. Обо всем было сообщено московскому царю. Одним из мероприятий явилась организация похода Петра Бекетова.

30 мая 1630 г. Бекетов был отправлен на «дальнюю службу на Лену реку на один год», но до апреля 1632 г. он находился в верховьях Лены, где собирал ясак с эвенков и бурят. Енисейский воевода, ознакомившись с доездной памятью Галкина, распорядился прислать на Лену к Бекетову «прибавку для дальнейшей службы» — 14 чел. казаков во главе с десятниками Илеем Ермолиным и Василием Бугором. Перед отрядом Бекетова были поставлены задачи: привести население «Якуцкой земли» под власть России, собрать с него ясак и продолжить разведывание новых земель Ленского края.

Предписание енисейского воеводы Бекетов получил 8 апреля 1632 г. и через некоторое время со своим отрядом спустился вниз по Лене. Уже 14 мая 1632 г. он оказался на земле бетунских якутов. Здесь Бекетов начал с того, что пытался «рассказать» якутам о русском царе, призывал их под его «высокую руку» и «государеву жалованное слово сказать». Бетунцы не поддались агитации и отказали в ясаке. Бекетову пришлось прибегнуть к силе. В результате бетунцы первыми из якутов присягнули русскому царю и внесли ясак. Вскоре Бекетов заставил внести ясак улусы «якуцких князей» Шора и Шуреняка. В сентябре он столкнулся с батулинцами во главе с Ногум. Последний оказался человеком горячим, в частности «государское величество ни во что почал ставить и неподобные словеса почал говорить про государственное величество». Только после того как был схвачен брат Ногья, батулинцы «шертowali» царю и внесли ясак.

В дальнейшем Бекетов решил укрепить свое положение строительством острога, как он думал, в центре якутской земли. Он заложил его в сентябре 1632 г. В его докладе в Сибирский приказ об этом сказано так: «Того же году сентябре в 25 день по государеву великому князя Михаила Федоровича всея Руси указу поставил я, Петр, со служилыми людьми по Лене реке острог для государева величества в дальней окраине и для государева ясачного збору и для приезду якуцких людей. А претово на Лене реке и в якуцкой земле государева острогу не бывало нигде. А поставил, государь, новой острожек я, Петрушка, против якуцкова князя Мамыкова улусы и меж иными многими улусами среди всей земли».

В конце октября 1632 г. ясак внес мегинский князец Буруха, оказав, правда, сопротивление казкам. В начале ноября такая же участь постигла и

катылинцев, князец которых объяснял свое сопротивление тем, что раньше в его улус не приезжали русские люди и потому «про государево величество» он ничего не знал. В марте 1633 г. Бекетов вынудил к внесению ясака жителей Дюпсюнского улуса во главе с князем Оспеком.

Преодоление сопротивления дюпсюнцев было, пожалуй, последним вооруженным предприятием Бекетова по приведению якутов под власть царя. Дальнейшие события носили в целом мирный характер. Об этом сам Бекетов так писал: видя его жесткую линию объясачивания, «многие якуцкие люди князцы со всеми своими людьми многих разных улусов... приклонися и учинились под государевую высокою рукою послушны и в новой острожке приезжают безстрашно и шертовали за себя и за своих улусных». В результате такого развития событий Бекетову присягнули всего 32 князца из 17 улусов. В их числе оказались: кангаласский Ника с сыновьями Еюком и Оттоем, братом Сергеем; сыновья Тыгына: Бозеко, Откурай, Челлай; намский князец Мымах, нюрюктейский Кириной и др. Таким образом, за год с небольшим отряд служилых людей включил в состав Российского государства почти все центральные улусы Якутии.

Одновременно велась разведка отдаленных мест края. В июле и августе 1632 г. Бекетов один за другим посылает вниз по Лене отряды Андрея Дубины и Алексея Архипова. Отряд последнего добрался до Жиганской земли, поставил зимовье (1632 г.), прозимовал и собрал ясак «з две земли с новых тунгусских людей з долганов и ыжиганов».

Такова в первые годы открытия Ленского края деятельность П. Бекетова, которая занимает особое место в системе мероприятий, связанных с включением Якутии в состав России. Если Добрынский и Галкин разведывали «новую землю», то Бекетов положил начало практическому включению Ленского края в состав Российского государства. Все его действия подчинялись этой основной задаче.

Летом 1633 г. Бекетов оставил Ленский острог. В начале сентября того же года он прибыл в Енисейск. Свои дела в Якутском остроге он сдал сыну боярскому Парфену Ходыреву, который не предпринял никаких существенных мер по закреплению успехов своего предшественника. А 21 сентября 1633 г. под острогом неожиданно появился атаман Иван Галкин с 12 служилыми людьми и «насильством» отнял у Ходырева всех его людей. Отстранив его от власти, Галкин стал действовать по своему усмотрению, круто и жестко.

Галкин начал с того, что в конце сентября 1633 г. предпринял наступление на земли баксинского князя Тусерги. Этот князец и его улусные люди неоднократно отказывались от внесения ясака. Кроме того, казаки вспомнили, что Тусерга вместе

с кангаласцами в том же 1633 г. убили двух служилых людей и трех промышленников. Баксинцы оказали довольно сильное сопротивление, но Галкину удалось «побить и порубить» часть из них. Были захвачены в плен многие баксинцы, в том числе женщины и дети. Тусерга вынужден был платить ясак.

«Непослушными» оказались князец Еюк и «бурухины» дети — мегинцы. Они также отказали в ясаке. Но уже в сентябре — ноябре и эти улусы подчинились Галкину, однако чувствовалась напряженность. Опасной обстановка стала в начале 1634 г. Служилые люди во главе с Галкиным своим насилием и вымогательством спровоцировали вооруженное выступление улусных жителей. В конце 1633 г. в Намском улусе стали собираться «многие якольские князцы своими людьми» с намерением выступить против Галкина. Узнав об этом, Галкин в начале 1634 г. первым навязал бой, но казакам и промышленникам (около 50 чел.) пришлось отступить к острогу. Якуты преследовали их и 9 января начали осаду острога, которая продолжалась до 28 февраля. В этот день осада неожиданно была снята, видимо, из-за взаимной вражды и раздоров между отдельными князцами, особенно кангаласскими и борогонскими.

Сразу же после снятия осады Галкин учинил «погром» в Бетунском улусе, а 9 марта 1634 г. он ездил уговаривать «якольских князцев Бурдуя и Семена Улта», которые собирались бежать «на дальние и сторонние реки», боясь ответственности за участие в осаде острога. Ему удалось уговорить их остаться.

Атаман Галкин, действуя в центральных улусах, «заботился» и «о дальних землях». В 1634 г. служилые люди Посник Иванов и Аникей Никитин «ходили в новую землю вверх по Вилюе реке на стороннюю реку Туню к новым тунгусским людям» и взяли аманатов от родов увалагир, сологон, калтагир. В том же году другой отряд во главе с Федором Чуркиным был послан на Алдан к катылинскому князцу Даваня и эвенкам. Отряду удалось поставить острог «середь Катулинского роду».

Насилием, вымогательством и личными жесткими действиями Галкин вызвал возмущение местного населения, вылившееся в открытое вооруженное выступление против него. Парфен Ходырев имел полное основание писать, что от Галкина и его людей «стало тем якуцким князцам и их улусным людям изгоня велика». Мало того, Галкин спровоцировал вооруженное столкновение с мангазейскими служилыми людьми, увидев в них конкурентов. В 1635 г. енисейский воевода А. Племянников вынужден был сообщить царю о столкновении отряда Галкина, «сшодчеея на Лене реке», с отрядом Степана Корицова, в ходе которого было убито 4 чел.

После Галкина в Ленском остроге в тяжелой обстановке служили Богдан Байкашин и тот же Парфен Ходырев. Первейшей их заботой было утихомирить возбужденных, «взбунтовавшихся ясачных». Особенно сопротивлялись кангаласцы во главе с князьями Откураем и Бозеком, а также бетунцы во главе с князьями Камыком, Улты и Оттуем. В 1636—1637 гг. происходили и другие вооруженные стычки, которые кончались обычно поражением местных жителей. В дальнейшем между основной массой якутского населения центральных улусов и служилыми людьми установились мирные взаимоотношения.

С 1635 г. в бассейне Вилюя действовал отряд Воина Шахова. Собрав ясак за 1636 г., отряд обосновался на берегу реки «под красным яром». Здесь он обнаружил эвенкийские роды долган, кукугир, нюрмаган, баягир, увалагир, калтагир и буллег. Кроме того, в нижнем течении реки были объяснены роды «пеших якутов»: Осекуйский, Кокуйский, Кирикинский и онтулы. Были основаны три зимовья: в среднем течении Вилюя, в устье р. Туканка — Туканское (или Верхневилуйское), в низовьях — Средневилуйское (Вакутское и Усть-Вилуйское). В 1639 г. первым якутским воеводам П.П. Головину и М.Б. Глебову Шахов сообщил, что «с устья Вилюя реки с тунгусов и с якутов с конных и пеших» им собрано 400 соболей.

Деятельность В. Шахова в бассейне Вилюя была в основном мирной. Это объясняется, по-видимому, тем, что он пользовался методом переговоров и раздачей «подарочных товаров». Только в первый год соприкосновения с немногочисленным населением трех вилюйских зимовий было отпущено этому населению в общей сложности «20 котлов и четверть пуда меди зеленые», 1 «тарелей и четверть пуда олова» и 33 000 «одекую».

С освоением бассейна Вилюя связано «проведение» бассейна р. Алдан. Еще участники первых казачьих отрядов, побывавших в Якутии, указывали, что они занимались там «приисканием новых земель». В этом большую роль сыграл томский служилый человек Д.Е. Копылов, который был послан на Алдан енисейским воеводой. В устье Алдана он прибыл в августе 1637 г. Здесь его отряд встретили «многие воинские люди якуты и тунгусы по обе стороны» реки, собираясь не пропускать дальше. Казаки «поставили бой», побили многих из местных жителей и прошли дальше вверх по Алдану. На устье «Томки реки» в 1638 г. они поставили острог, получивший название Бутальского.

В 1638 г. отряд объясачил «многих улусных людей якутов тагуских княздов», которые кочевали в бассейне р. Томки. Весной того же года Копылов со своими людьми прибыл в устье р. Май, где их встретили «многие земли воинские люди якуты из

Май реки, из-за Камени с Ламы многие тунгусы». В результате трехдневных столкновений местные жители потерпели поражение. Попав в «Бутальскую землю», Копылов путем мирных переговоров склонил на свою сторону нахарских якутов. Вскоре добровольно принес ясак кангаласский князец Тетко Киринеев со своими людьми.

Что касается бассейна Олёкмы, то жители его встречались со служилыми людьми уже в первые годы открытия Якольской земли. Первое ясачное зимовье здесь появилось в 1633 г. близ устья Олёкмы. Особенно ускорило его освоение после того, как в 1635 г. П. Бекетов в устье этой реки построил острожек, получивший тогда же название Олёкминского. Служилые люди обнаружили здесь главным образом «тунгусских людей», но с 1640 г. появляются сведения о наличии здесь якутского населения.

Далее, за сравнительно короткий срок, до 1640-х годов, русские служилые люди продвинулись на северные реки Яну, Индигирку и Колыму.

Таковы главные события, в результате которых произошло открытие русскими людьми Якольской земли. Это движение связано с расширением пушного промысла от Енисея на восток. Во главе его шли промышленные люди, которых поддерживали подпираемые небольшие отряды служилых людей. Начав с 20-х годов, они уже в 30-х активно осваивали районы по среднему течению Лены и ее притокам: Вилюю, Алдану, Амге и др. Основная часть якутов, проживавшая в Центральной Якутии по берегам Лены, приняла российское подданство в 1628—1636 гг. Другие народы края: эвенки, эвены и юкагиры — становились подданными Российского государства в разное время, вплоть до 40-х годов XVII в. Все они населяли огромную территорию, на которой должны были получить распространение новые порядки административно-государственного управления.

Еще в 1633 г. мангазейский воевода А.Ф. Палицын¹ представил «отписку» — своеобразную докладную записку в Приказ Казанского дворца². Ин-

¹ О жизни и деятельности Андрея Федоровича Палицына имеется превосходно написанный С.В. Бахрушиным специальный очерк (см. [Бахрушин, 1955, с. 175—197]). А.Ф. Палицын — племянник знаменитого келаря Троицкого монастыря Авраамия Палицына, очевидца крестьянской войны и интервенции начала XVII в., автора широко известного «Сказания Авраамия Палицына». На должности мангазейского воеводы А.Ф. Палицын работал с августа 1629 г. до весны 1632 г.

² До 1637 г. управление Сибирью находилось в ведении Приказа Казанского дворца, или Казанского приказа, возникшего после присоединения Казанского ханства в 1552 г. В 1637 г. из этого приказа выделилось ведомство Сибирского приказа, управлявшего Сибирью во всех от-

тересно отметить, что она, по-видимому, была составлена по указанию царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета. Дело в том, что по возвращении из Сибири в Москву Палицын 25 ноября 1632 г. добивался у них аудиенции, чтобы представить им свой проект. Он писал: «...и когда вам, государям, весной будет, где вам, государям, можно устроить на полуночной и северной стороне новую Мангазею, на восток и на полдень, и новую Сибирь, а путь, государи, к новым землям от Мангазеи и от Енисейского острога водяной с малыми волоки и по тем землям ходить водяной путь без перерыву» [Бахрушин, 1955, с. 192]. Согласовав свои мысли с обоими государями, А.Ф. Палицын составил подробный текст докладной записки и представил в Приказ Казанского дворца для принятия практических мер. Руководство Приказа с осуществлением проекта замешкалось. В течение довольно продолжительного времени оно пыталось получить подтверждение сведений о «Новой Сибири», изложенных Палицыным. С этой целью в Приказе допрашивали лиц, возвратившихся в Москву с Лены, что нашло отражение в наказной памяти первым якутским воеводам.

Несмотря на то, что докладная записка А.Ф. Палицына составлена без соблюдения строгой логической последовательности, все же можно выделить основные ее положения.

Характеристика территории «Новой Сибири» и народов, населяющих ее, занимает в докладной заметное место. И это понятно: без характеристики объектов колонизации записка выглядела бы неполной и беспредметной. Автор подчеркивает обширность территории и многочисленность живущих в ней народов: «...та великая река Лена угодна и пространна, и людей по ней разных землиц кочевных и сидячих... много». В подтверждение этого Палицын представил чертеж и роспись «той великой реке Лене и разных землиц людям, которые по той Лене и по иным рекам живут» [РИБ, с. 962]. Он знает почти все реки, впадающие в Лену: Вилюй, Алдан, Олёкму, Витим, Киренгу, Пеледуй, Чичюй, Ичору, Чаю, Таюру, Камгу, Бранту, а также «Полунощный океан», в который впадает Лена. На востоке познания Палицына ограничиваются Алданом. На всей этой территории, продолжал автор, кроме якутов и бурят живут несколько десятков

ношениях: назначал и смещал сибирских воевод, дьяков и других служилых людей; распоряжался стрельцами и ратными людьми, размещенными по сибирским городам; заведовал сбором ясака с нерусских народов, денег, хлеба и соли с русского населения; размещал ссыльных и устанавливал надзор за ними; ведал вопросами открытия и освоения новых земель (см. об этом [Ключевский, 1957, с. 342; Ерошкин, 1960, с. 63]).

племен эвенков: «налякигири, камчюгири, сучигири, когири, кимжегири, нанагири, шамагири, синегири, долганы» и др. [Там же, с. 962–964].

Упомянутые народы распадаются на две большие группы: «кочевные» и «сидячие» [Там же, с. 962]. Такое разделение подтверждено кратким описанием занятий населения.

Буряты и якуты значатся как «конные и пешие (т.е. с рогатым скотом. — В.И.) сидячие многие люди» [Там же, с. 964], в противовес остальным племенам, которые оказались богатыми пушниной и рыбой [Там же, с. 962–964]. Таким образом, уже тогда был точно зафиксирован оседлый и сидячий образ жизни одной части, кочевой характер — другой части населения Якутии. Охарактеризовав территорию и население, Палицын делает общий вывод: «многие люди, а не владеют ими никто» [Там же, с. 964].

Автор документа особо останавливается на характеристике пушных богатств «Новой Сибири», причем к ней он возвращается несколько раз. То и дело встречаются слова: «и соболей много и иного зверя много», «соболей, и лисиц, и горностаев, и бобров, и много всякого зверья и рыбы у них много», «и лисиц, и бобров всякого зверя много», «а соболей и всякого зверя и рыбы по тем всем рекам много же», «а соболей-де, и лисиц, и бобров, и горностаев в тех землях много ж, а те-де люди в соболях и во всякой дорогой мягкой рухляди цены не знают». Эти слова понадобились Палицыну для того, чтобы добиться главного — убедить московскую администрацию в том, что «мочно-де в таких дальних многих и пространных землях учинить государю многая прибыль» [Там же, с. 63].

Из фактов, изложенных в документе, логически вытекает центральное положение автора докладной — о необходимости правительству принять меры для «приведения новой Сибири под царскую высокую руку» и обложения населения ясаком. Палицын указывает, что вся эта земля с ее сказочным богатством может и должна стать самостоятельной административной единицей: «...и будет-де Лена река другая Мангазея» [Там же, с. 962]. Таким образом, бывший мангазейский воевода поставил перед правительством вопрос не только о присоединении «Новой Сибири», но и о выделении ее в особую административную единицу. Эта мысль исходила из глубокого понимания автором громадного значения Якутии как поставщика пушнины для России, а также тех трудностей, которые уже тогда возникали при попытках управления новым краем из других сибирских пунктов.

Палицын подумал и о путях присоединения «Новой Сибири» к России. Эта мысль тесно связана с предыдущим положением. Он видел два пути: немирный и мирный. Если придется осуществить

присоединение «Новой Сибири» немирным путем, то понадобятся, по мнению Палицына, «немногие силы». Он рекомендовал опираться в основном на острожки, которые предполагал строить на р. Чоне и в устье р. Вилюй с 15 служилыми людьми в каждом, в устье р. Алдан, где можно разместить 50 чел. Отсюда его уверенность в том, что Якутию можно привести под власть России «в вечное холопство немногими ратными людьми, двумя сты человеки с вогненным боем, а больши-де того людей ненадобно» [РИБ, с. 965–966].

Однако при наличии определенных условий, по мнению Палицына, Якутию вполне возможно присоединить мирным путем. Эти условия он видел в учреждении в «Новой Сибири» самостоятельного воеводского управления, которое взяло бы это дело в свои руки, разумно и дальновидно направляя его в пользу государства Российского. Он писал: «...а якульские и якутские тайши и князцы и иные многие люди со всеми своими землями как услышат про государское величество и увидят к себе ласку и привет воеводской, все будут государю служить и ясак с себя давать на веки неотступно» [РИБ, с. 965]. Именно поэтому Палицын говорил о необходимости учреждения самостоятельного воеводского управления в новом крае.

И именно в связи с этим Палицын обратил внимание центра на грабежи и насилие со стороны разрозненных отрядов служилых людей; енисейские и мангазейские люди ходят «с товары и пристав под которою землею приманивали тех землиц людей торговать, и имали у них жон и детей, и животы их и скот грабили, и насильства им чинили многие, и от государева высокие руки тех диких людей отгоняли, а сами обогатели многим богатством». А в 1631 г. от насаий И. Галкина «учинились от государя отгонны лутчие тайши, которые государю служили Бодоч и Тынина и алданские князцы» [Там же]. Учреждение воеводского управления, по мнению Палицына, могло если не искоренить, то ограничить эти злоупотребления.

Воеводскому управлению предстояло продолжить дальнейшее освоение огромной территории, лежащей «вниз по великой реке Лене и до полунощного океана». Это должно было привести к тому, что «все тамошние многие люди покорны учинить государю мочно» [Там же]. Следовательно, по мысли Палицына, «Новая Мангазея» явилась бы центром не только закрепления уже освоенных земель в бассейне р. Лены, но и дальнейшего продвижения русского влияния на север и восток Сибири.

Палицын подал московской администрации мысль о возможности заведения пашни: «...а вверху по Лене и по Ангаре и по Оке рекам мочно и пашня завестъ» [Там же, с. 964; Сафронов, 1961, с. 19]. При этом он, конечно, ясно представлял, ка-

кие трудности встречаются в деле снабжения служилых людей хлебным жалованьем. Забота об обеспечении местного производства хлеба, по его мнению, должна была стать одной из важных задач будущих якутских воевод. Эта мысль также должна была подкрепить идею А.Ф. Палицына о необходимости организации самостоятельного воеводского управления в «Новой Сибири».

Таковы основные положения докладной записки А.Ф. Палицына, которые свидетельствуют о том, что автор документа сумел из отрывочных сведений, доставленных ему служилыми людьми в бытность его в Мангазее, понять три важных обстоятельства: 1. Якутия, или «Новая Сибирь», по своему богатству представляет для экономики России громадный интерес; 2. Планомерная и разумная эксплуатация этой окраины возможна только при условии, если будет учреждено самостоятельное, облеченное большими правами воеводское управление; 3. На основе закрепления уже освоенных земель необходимо продолжать проникновение в еще неизвестные земли на восток, утверждая в них власть царского правительства. Убежденность в своей правоте заставила Палицына уже тогда дважды отстаивать необходимость учреждения в Якутии самостоятельного воеводского управления, особой административной единицы. Таким образом, в 1632–1633 гг. был принципиально поставлен вопрос о государственной пользе «Новой Сибири» и перспективах политико-экономического ее освоения Российским государством. Всему этому способствовали и личные качества А.Ф. Палицына как государственного деятеля. «Впечатлительный, талантливый, в достаточной мере образованный, он и в личные отношения, и в свои писания, и в порученное ему дело управления далекой “заочной государевой вотчиной” вносил страстность своего темперамента, оригинальность мысли, широту понятий» [Бахрушин, 1955, с. 193].

Как отнеслось к докладной А.Ф. Палицына руководство Приказа Казанского дворца? Докладная вызвала интерес, и в Приказе начали собирать сведения от других сибирских воевод, подтверждающие основные пункты докладной. Сведения представляли тобольский, мангазейский и енисейский воеводы, т.е. те, которые непосредственно имели дело с «Новой Сибирью».

Они сообщили два факта: 1) регулярная посылка отрядов служилых людей в Якутию начата ими в 1632 г.; 2) посылка людей из трех пунктов — Тобольска, Енисейска и Мангазеи — порождала многочисленные недоразумения в отношениях между разрозненными отрядами служилых людей, нередко приводившие к вооруженным столкновениям. Это первая отрицательная сторона действовавшей тогда практики управления «Новой Сибирью». Другая со-

стояла в том, что вследствие несогласованности в действиях отрядов ясак с населения зачастую брали дважды, нередко и трижды. Повторное взимание ясака, жестокость и злоупотребления служилых людей двели до того, что «в Якутской земле учинилась смута великая» [РИБ, с. 968–970].

Тобольский, енисейский и мангазейский воеводы также были сторонниками выделения «Новой Сибири» в самостоятельную административную единицу во главе с воеводским управлением, способным навести надлежащий порядок в этом отдаленном не только от центра государства, но и от сибирских городов крае. Правда, такое поведение воевод объяснялось и личными интересами каждого из них. Дело в том, что создание самостоятельного уезда должно было прежде всего облегчить их обязанности: снаряжение через каждые два года отрядов с большими запасами продовольствия и вооружения для посылки их в Якутию было делом чрезвычайно затруднительным и исключительно хлопотным. Кроме того, из-за вышеупомянутых недоразумений, а порой и вооруженных столкновений с коренным населением каждая такая экспедиция становилась рискованным предприятием, ибо угрожала потерей части служилых людей, за которых ответственность несли сами воеводы.

Руководство Приказа Казанского двора, ознакомившись с соображениями воевод, решило выслушать еще показания рядовых служилых людей, которые побывали на р. Лене или имели сведения от других лиц. Подтверждение последними основных положений докладной Палицына и других воевод должно было дать центральному органу по управлению Сибирью прочную основу для принятия решения. «Допрошенные» рядовые служилые люди полностью подтвердили все выслушанное в Приказе, тем самым удовлетворив его руководство. Тонкая характеристика деталей событий, наблюдательность служилых людей, может быть, дали вершителям дела даже больше, чем официальные данные. В разное время были выслушаны показания мангазейских стрельцов Надея Сидорова, Степана Иванова-Дудора, березовского казака Мартына Васильева, енисейского стрельца Ивана Падерка и др. Все это происходило в 1634–1638 гг. Значит, все это время московское правительство занималось изучением вопроса.

Докладная записка А.Ф. Палицына, показания трех сибирских воевод и нескольких сибирских служилых людей позволили уяснить московской администрации три очень важных момента: 1. Якутия по своим пушным богатствам, заменявшим тогда валюту, по особенностям историко-экономического состояния основного ее населения является вполне самостоятельным районом, занимающим громадную территорию и имеющим сравнитель-

но многочисленное население; 2. Управление этим районом практически невозможно осуществить из других пунктов Сибири; 3. На востоке от «Новой Сибири» есть еще неизведенные земли, сулящие государству большие доходы.

Все это и явилось основой для принятия решения, имеющего по своим целям и последствиям историческое значение: в 1638 г. был образован Якутский уезд с непосредственным подчинением Сибирскому приказу, а 6 августа того же года составлена наказная память первым якутским воеводам П.П. Головину и М.Б. Глебову, направленным «на великую реку Лену».

К такому заключению относительно образования Якутского уезда привел нас внимательный анализ исторических документов. Как было отмечено вначале, ошибочное толкование основных предпосылок образования Якутского уезда усугублялось недооценкой роли государства в освоении Восточной Сибири в XVII в. Как обстоит дело с этой стороной интересующего нас вопроса?

В сибиреведении известно, что С.В. Бахрушин, исследуя вопросы присоединения Сибири к России, придавал большее значение деятельности торгово-промыслового населения, «нежели... государственного аппарата» [Шунков, 1956, с. 6]. Нет нужды доказывать, что до сих пор решение вопроса об организации Якутского уезда целиком подчинялось этой общей схеме, однако в настоящее время подавляющим большинством сибиреведов идея С.В. Бахрушина отвергнута. Все они сходятся в том, что присоединение Сибири, первоначально явившееся результатом мощного потока вольно-народного освоения, в условиях XVII в. стало делом рук государства, определялось и направлялось государственной политикой [Красинский, 1947, с. 92–94; Введенский, 1949, с. 23; Бояршинова, 1954, с. 61–82].

Следовательно, организация самостоятельного уезда с непосредственным подчинением Москве явилась прямым продолжением официальной политики в отношении вновь приобретаемых в Сибири районов. Политическое и экономическое их освоение во всех необходимых случаях сопровождалось учреждением специальных опорных пунктов, постепенно приобретших значение политических, экономических и культурных центров целых историко-этнографических областей. Таковы, например, Тобольск, Верхотурье, Енисейск, Мангазья и др., ставшие центрами уездов. К моменту организации Якутского уезда, таким образом, мы видим уже оформившиеся административные центры Сибири, сложившуюся систему управления присоединенными районами. Организация административных центров — звенья в цепи официальной колониальной политики Российского государства, одно из средств обеспечения эксплуатации колонизируемого района. Организацию каж-

дого такого центра следует рассматривать как одно из мощных средств приспособления колониальной политики царского правительства к конкретным условиям, особенностям тех или иных районов Сибири, создания наибольших удобств для управления этими районами. Именно с таких позиций следует объяснять политические предпосылки организации Якутского уезда.

Учреждая его, московская администрация, несомненно, понимала, что новый уезд «силой вещей» превратится в важнейший центр огромной территории с ее разнообразными и неисчерпаемыми природными богатствами, в центр освоения еще неизвестных на северо-востоке земель. Так и получилось: Якутский уезд с его центром, Ленским острогом, уже в середине 1640-х годов стал военным, административным, экономическим центром всего северо-востока Азии.

В свете изложенного утверждение наших предшественников о том, что Якутский уезд был образован в целях пресечения злоупотреблений служилых людей и той анархии, которая предопределялась посылкой в Якутию служилых людей из двух пунктов — Мангазеи и Енисейска, — оказывается односторонним. Оно не отражало действительной истории, заглушевало сущность мероприятий, направленных на реализацию колониальной политики царского правительства на окраинах, а потому его следует признать устаревшим.

В сохранившейся части наказной памяти воеводам П.П. Головину и М.Б. Глебову не нашел отражения вопрос о границах вновь созданного уезда. Однако правомерно предположить, что в ее другой, несохранившейся части была сделана попытка их определить. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что сами воеводы имели известное представление о границах и руководствовались им в своих практических действиях, находясь даже в пути в «Якольскую землю». Так, в 1640 г. находившийся тогда в Ленском остроге атаман Осип Галкин получил «из Енисейсково острогу от стольников и воевод П.П. Головина да М.Б. Глебова да дияка Е. Филатова... государевы наказные памяти за государевую Ленскую печать», в которой следующим образом была сформулирована «граница» вновь образованного Якутского уезда: «быти всем рекам, кои пали в Лену под Ленским новым острожком» [РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Д. 6. Л. 47]. Думается, что подобная формулировка содержалась и в царской наказной памяти якутским воеводам.

Таким образом, определение границ Якутского уезда было весьма расплывчатым. Объясняется это прежде всего незнанием конкретных данных о территории, примыкающей к р. Лене, и, вероятно, предположением, что в дальнейшем территория уезда будет расширена. Неопределенность границ уезда

сразу же сказалась на действиях воевод. Из литературы уже известен факт, что в сентябре 1640 г. якутские воеводы послали с Ленского волока в верховья р. Лены пятидесятника К. Иванова для поисков хлебопахотных земель. В представленный чертеж Иванов включил всю территорию по р. Лене между озером Байкал и устьем р. Куты [Сафронов, 1961, с. 13]. Территорию от верхнего Илимского порога вверх по р. Илим до Ленского волока как неоспоримую часть Якутского уезда описал Потап Баландин [РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Д. 17. Л. 256, 262]. Тот же Иванов, отправленный в 1641 г. из Якутского острога в Жиганское и Молодское зимовья, составил чертеж всей р. Лены «с вершины до устья» и важнейших ее притоков: Витима, Киренги, Вилюя, Алдана. В 1643 г. он же «рописал» озеро Байкал и впадающие в него реки, безусловно подразумевая, что они входят в ведение якутских воевод [Сафронов, 1961, с. 13–14]. Также поступили все остальные служилые люди «Якутского острога», действовавшие в тех или иных районах «Ленской земли».

Необходимо подчеркнуть, что и эта «граница» постоянно изменялась вследствие каждого нового открытия отрядов служилых людей «Якутского острога», каждой «новоприисленной земли» на востоке, севере, западе и юге от центра уезда. То есть применительно к этому периоду термин «граница» почти не имел никакого реального значения. Граница в подлинном смысле этого слова сложилась исторически. С одной стороны, она зависела от завершения процесса политического освоения территории, примыкающей к центру уезда, с другой — от дальнейшего развития вглубь воеводской власти внутри самого уезда. Оба процесса в основном завершились в конце 1640-х годов, когда дотоле неизвестные на севере и востоке земли были открыты и освоены и воеводское управление в основном стабилизировалось.

Некоторые коррективы в это положение внесли мероприятия по хозяйственному освоению края. Так, в начале 1640-х годов было выяснено наличие пашенных мест на Ленском волоке и в верховьях р. Лены. Тогда же якутские воеводы поняли, что организация на этой территории «государевой пашни» и руководство ее развитием из Якутского острога невозможны из-за чрезмерной отдаленности. Именно поэтому в 1642 г. они поставили перед правительством вопрос об учреждении здесь самостоятельного уезда. Такой самостоятельный уезд, названный Илимским, был образован только в 1648 г. В результате от Якутского уезда отошла значительная территория верховьев р. Лены выше Чечуйского волока и весь бассейн р. Илим [Там же, с. 14–15].

Таким образом, в конце 1640-х годов Якутский уезд составляли весь Приленский край и вся территория к востоку до Охотского моря. Здесь суще-

ствовало множество опорных пунктов — острожков и зимовий. В 1653 г. было три острожка: Чичуйский, Олёкминский и Охотский — и свыше двух десятков зимовий [ДАИ, т. 6, с. 403–407].

Эта «граница» сохранялась до конца XVII в., за исключением некоторых незначительных изменений. Так, в 1681 г. Илимский уезд был присоединен к Якутскому уезду [РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Д. 1380. Л. 2], но в 1708 г. он опять выделился в самостоятельную административную единицу.

Из изложенного видно, что «граница» Якутского уезда XVII в. была намного шире «границ» обитания собственно якутского населения. Важно заметить, что в связи с вхождением Якутии в состав России и образованием самостоятельного Якутского уезда якуты оказались в пределах определенной официальной территориально-административной единицы, навязанной им извне в целях создания благоприятных условий для проведения колониальной политики. Историческое значение административно-территориального устройства Якутского уезда состоит в том, что оно оформило политическое прикрепление местного населения к Российскому государству, его подчинение царизму. Именно в пределах этой границы якутскому населению предстояло пройти почти трехсотлетний путь исторического развития в составе Российского государства вместе с русским и другими народами нашей страны.

Необходимо внести некоторые, хотя и не принципиальные, уточнения в терминологию. Ранние исследователи, касаясь интересующего нас вопроса, всегда писали о создании Якутского воеводства как административной единицы [Токарев, 1940, с. 5; Бахрушин, 1953, с. 46–49; Ионова, 1957, с. 36–37]. Исключения представляют только последние работы Ф.Г. Сафронова [1956, с. 7, 10; 1961, с. 13, 18] и исследование Б.О. Долгих [1960, с. 352], где говорится о Якутском уезде. Ф.Г. Сафронову следовало разъяснить сущность этого понятия, ибо в предыдущих его работах речь шла о Якутском воеводстве [Сафронов, 1957, с. 44–45, 49].

Между тем термин «воеводство» в значении административной единицы явно неточен, ибо в практике административного устройства Российского государства такого понятия тогда не существовало. В то время основной административной единицей в России являлись уезды, возникшие в конце XV в. и существовавшие до 1708 г., когда были учреждены губернии [Юшков, 1961, с. 184, 195, 347]. К тому же и в документах никогда не использовали термин «воеводство», а наряду с выражениями «Ленский острог», «Якутский острог», «Якутская земля» применяли термин «уезд» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 331. Ст. 247, 252, 270; Колониальная политика..., 1936, с. 87, 89, 99, 217; Открытия..., 1951, с. 150, 249, 508].

Для нужд Якутского уезда первым воеводам, согласно наказной памяти, выделялись: двое письменных голов из Москвы, 5 детей боярских из Казани, 395 казаков и стрельцов из состава сибирских гарнизонов Тобольска, Березова и Енисейска; 2 «кузнецов добрых дел оружейной починки» из Тобольска; 2 толмача из Енисейска, «которые 6 Ленских и иных тамошних земляч людей языку умели и наперед сего на Лене бывали». Всего с П. Головиным, М. Глебовым и дьяком Е. Филатовым должны были уехать в Якутский уезд 406 чел. с «вогненным боем».

Всему составу этой экспедиции предъявлялись следующие требования: чтобы 1) «ружье было доброе»; 2) «служба была за обычай»; 3) «енисейские служилые люди наперед того на Лене реке бывали»; 4) в числе служилых людей, которых предстояло взять в Тобольске, было человек 20–30 «таких, которые с топором судовому и всякому плотнишному делу умели», ибо им предстояло строить суда в пути для проезда по рекам, а также для строительства зимовий, острожков и острогов [РИБ, с. 970–971].

Окончательное снаряжение экспедиции было произведено в Тобольске и Енисейске. Кроме того, Головин взял дополнительно: из Москвы двух подьячих, из Казани четырех попов и одного дьякона, из Енисейска пять толмачей. Из этих же городов получили денежное и хлебное жалованье, вино, мед; вооружение (7 пушек, 10 полковых пищалей и различные пушечные и оружейные запасы); материалы для судостроения, для ремонта оружия — железо и уклад; писчую бумагу [ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Л. 30. Л. 126–126об.].

Таким образом, для вновь образованного уезда были выделены достаточно внушительные ресурсы. Это также говорит о том важном значении, которое придавалось Ленскому острогу не только как административному центру «Якольской земли», но и как будущему опорному пункту для дальнейшего распространения российского влияния на восток, в еще «неведомые земли».

Воеводы со всем своим снаряжением прибыли в Ленский острог 18 июля 1641 г. Первым делом приняли у своего предшественника О. Галкина печать и острожные ключи, осмотрели острог и его строения, приняли по счету деньги, всю «государеву казну», дела в съезжей избе, царские указы и указные грамоты и устроили смотр наличным служилым и жилацким людям. Затем проверили О. Галкина «в приходе и расходе в деньгах, и в хлебных, и в пушечных, и во всяких запасах, и в соболиной, в ясачной, и в пошлинной, и во всякой государеве казне» по приходу-расходным книгам «подлинно». По окончании этой процедуры воеводы устроили прием своих подчиненных.

В съезжую избу пригласили казаков и жилецких людей. П. Головин произнес официальное «государево жалованное слово» об их обязанностях и сам, со своей стороны, обещал «во всем расправу чинить в правду», «береженье держать» и «воров от воровства унимать». Затем пригласили приезжих торговых и промышленных людей, перед которыми также было произнесено государево слово с обещанием беречь их всячески и не чинить им «обиды и налоги». Наконец состоялась встреча с ясачными якутами подгородных волостей в лице их князцов и тойонов. Воеводы и служилые люди встретили их в парадном «цветном» платье, в полном вооружении. Воевода рассказал якутам о заботе государя о них, призвал верно служить государю, аккуратно платить ясак и воздержаться от «воровства»; в конце приема состоялось угощение ясачных за счет казны» [Сафронов, 1957, с. 15–16].

Таким образом, первый официальный прием сразу же определил состав тех сил, на которые предстояло опираться якутским воеводам при проведении колониальной политики в Якутии. Это были казаки и жилецкие люди, т.е. военно-служилые люди, торгово-промышленные люди и, наконец, якутские тойоны. Огласив основные пункты политики правительства по отношению к каждой из этих сил, Головин сразу же приступил к практическим действиям.

Прежде всего ему необходимо было прекратить участие сибирских воевод в «якутских делах». Ко времени приезда Головина на Вилюе продолжали действовать мангазейские служилые люди, и вот им Головин отправил тогда же отписку с извещением, что «по государеву указу Вилюйское зимовье велено ведать к Лене реке к Якутскому острогу» [Бахрушин, 1953, с. 46–49]. Аналогичные отписки были отправлены и всем начальникам отдельных отрядов, действовавших на территории Якутского уезда.

Так первое воеводское управление приступило к установлению официального порядка в «новой земле», устранив несколько сибирских администраций от процесса «приведения Якольской земли под высокую царскую руку» и сосредоточив в своих руках все функции и обязанности, связанные с политическим и хозяйственным освоением нового края. В обязанности воевод входило: «поставление» острогов и их защита от «воинских людей», «прискание по Лене и по иным рекам новых земель» и обложение их ясаком, «высматривание» пашенных земель для заведения местной пашни; «храм воздвигнута и осветити»; «береженье» интересов торговых и промышленных людей; борьба против корчемничества, игры в зернь, курения табака и т.д.; производство суда и расправы в отношении и русского, и местного населения; забота о «госу-

даревой казне». Однако главной обязанностью воевод было все-таки обложение коренного населения ясаком, обеспечение «прибыли» в ясачном сборе — отсюда разнообразные полномочия в отношении местного населения, регулирующие принципы, методы и технику извлечения этой прибыли.

Систематическое взимание ясака с местного населения начал Петр Бекетов. В 1632 г. ему дали ясак бетунцы — 24 соболя и 4 шубы собольих; в 1633 г. они же внесли 120 соболей. Тогда Бекетов дал указание о составлении первой ясачной книги, которая дошла до нас в составе столбцов Сибирского приказа. В 1633 г. с 32 князцов 17 якутских волостей им было собрано 640 соболей, 24 собольих шубы и 3 красных лисицы. В ясачной книге Парфена Ходырева в 1639–1640 гг. было зарегистрировано 636 ясакоплательщиков из 32 волостей; в 1641 г. — 712 чел., от которых поступило 3580 соболей и 404 лисицы.

К концу 30-х годов XVII в. основная часть Якутского уезда была охвачена ясачным обложением по принципу: «брати б ясак поскольку будет мочно». Однако этот принцип не обеспечивал стабильных и высоких показателей в ясачном сборе, но был на руку служилым людям, допускаям злоупотребления с целью личного обогащения и в ущерб интересам государства. Кроме того, он не учитывал имущественного положения отдельных хозяйств. Вскоре администрация поняла, что размеры ясака выгодно связать с возможностями ясакоплательщика. Этот принцип был введен в практику ясачного обложения вместе с проведением переписи населения и скота в 1642 г. Учитывалось также количество членов семьи мужского пола, наличие «холопов», «захребтников» и подростков. С этого времени были введены твердые индивидуальные ясачные оклады. Ясачных людей записывали в ясачные книги. Перепись в известных рамках упорядочила сбор ясака, устранив беспредел в этом деле, ввела систему ясачного режима, просуществовавшую до конца XVII в. Фактическое оформление нововведения завершилось к 1649 г., когда по всему уезду была составлена более полная ясачная книга с охватом всех якутских волостей и выявленного к тому времени взрослого ясачного населения. Тогда в 35 волостях было зарегистрировано 1497 ясачных плательщиков, с которых предполагалось собрать 7393 соболя; кроме того, надлежало взимать государевых поминок — 261 соболь, воеводских и дьячих — 841 соболь («подарки», предназначавшиеся царю, воеводе и дьяку).

Введение окладов, как и рассчитывала воеводская администрация, привело к увеличению общей суммы ясачных поступлений. Перепись в первую очередь увеличила размеры окладов. Так, в Намской волости на 1643 г. предусматривалось 16 раз-

личных по размеру окладов — от 1 до 25 соболей. Оклад из 1 соболя имели 6 ясачных, из 2 — 18, из 3 — 13, из 5 — 11, из 6 — 8, из 7 — 6, из 8 — 4 ясачных; кроме того, оклад из 18 соболей имел 1, из 20 — 1, из 25 — 1. Таким образом, наиболее распространенным был оклад из 2–5 соболей. Эта картина подтверждается материалами ясачной книги 1649 г. [Материалы..., 1970]. Администрация добилась желаемой для нее стабильности в поступлении ясака — оклад выступал как единица ясачного обложения, основным содержанием которой являлось закрепление за каждым плательщиком твердого размера ясака, соответствующего его имущественному состоянию. Наконец, поименный оклад прикрепил каждую семью к ясачной волости, превратив ее в постоянный объект обложения.

Таким образом, перепись населения и скота 1642 г. сыграла свою роль в насаждении ясачного режима в Якутском уезде. Основные ее принципы реализовывались в ходе нового ясачного обложения, совершенствования техники сбора ясака и, конечно же, привели к изменениям в ясачной политике правительства в последующие десятилетия XVII в. Формировалась особая система уплаты ясака в казну как главной обязанности коренного населения Якутии в качестве подданных Российского государства. Ясак выступал одновременно в двух ипостасях: как дань — в знак покорности Российскому государству и как подать — форма получения государством натурального налога.

Организовывали обложение и контролировали поступление ясака в казну воеводы (в острожках — и приказчики); ясак же собирали служилые люди, которые объезжали улусы (были случаи, когда сами якуты привозили ясак в Якутский острог, острожки и зимовья). Ясачные сборщики в сопровождении целовальников, подьячих и толмачей выезжали из Якутского острога с наступлением зимы, а возвращались с весенней распутицей. Каждому плательщику сборщик ясака обязан был выдать квитанцию — «отпись» о приеме ясака, «пишучи своими руками и за своими печатями». Одновременно велась именная ясачная книга; из таковых в Якутском остроге составлялась сводная книга.

Ясачным людям «приказывалось изготовить весь государев ясак» и платить его «без мотчанья весь сполна». Сборщикам ясака рекомендовалось, чтобы они «утеснения им [ясачным] никакова для царского величества не чинили». С другой стороны, воеводам наказывалось посылать со служилыми людьми для «бережения» собранного ясака и «для того, чтоб служилые люди не воровали, государевым ясаком не корыстовались, лутчих ясачных людей по сколку человек пригоже». Такое, весьма важное, указание содержалось уже в наказной памяти первым якутским воеводам. Речь идет о том, что цар-

ская власть с первых же лет допускала якутских тойонов к участию в сборе ясака, хотя бы в качестве сопровождающих. Такое доверие в известной степени снимало напряженность между местной администрацией и ясачным населением.

Принуждение к уплате ясака подкреплялось «шертованием» князцов и «лутчих людей» из каждого улуса в том, что они берут на себя обязательство платить царю ясак «по вся годы без недобру», а также обеспечить внесение ясака всеми своими родственниками и улусными людьми. Совершение такой клятвы сопровождалось заклинаниями, которые для местных жителей обладали магическими свойствами. Соблюдение «шерти» коренным населением диктовалось нормами обычного права, и воеводская администрация стремилась извлечь из него максимальную для себя пользу.

Практика «приказывания» далеко не обеспечивала исправное внесение ясака. Отсюда использование мер принуждения. Среди них довольно распространенным было аманатство — заложничество. О необходимости его введения говорилось еще в наказной памяти первым якутским воеводам: «в аманаты велети им имати в острог к себе тех землиц лутчих людей по сколку человек пригоже». В аманаты брали князцов и богатых людей «по человеку или по два из улуса» и держали в остроге «по переменам по году или по полугода или помесечно или как пригоже, смотря по тамошнему делу». Все это отражено в сохранившейся «Росписи имянная Якуцково острогу якуцким и тунгуским аманатам и кто с кем переменяетца...» за 1646 г. Однако для оседлых якутов аманатство не имело особого значения, и с 50-х годов они продолжали платить ясак без аманатов, но по отношению к другим народам, особенно ведущим кочевой образ жизни, аманатство сохранялось. Из других мер принуждения к уплате ясака можно назвать привлечение к подводной повинности тех якутов, которые «великих государей ясак не платили или которые платили не сполна»; конфискацию в пользу казны скота у таковых же ясакоплательщиков; передачу неплательщиков на поруки богатым одноулусникам и т.д.

Эти и другие меры принимались в рамках того главного принципа политики московского правительства, который был им провозглашен в отношении ясачного населения в XVII в. и который должен был обеспечить возможно более полное и регулярное поступление ясака. Этот принцип состоял в проведении такой политики, которая не допустила бы истребления и разорения местного населения как объекта ясачного обложения. Во всех наказах якутским воеводам настойчиво рекомендовалось «ясак с них [ясачных] собирать с великим раденьем, всякими мерами, ласкою, а не

жесточью», а воеводы в свою очередь должны были ясачным сборщикам «приказывати накрепко, чтоб они, ходячи по ясак, ясачным людям напрасных обид и налогов отнюдь никому никаких ни которыми мерами не чинили, збирали б с них государев ясак ласкою и приветом, а не жесточью и не правежем, чтоб с них збирати государева ясаку с прибылью; а жесточи б им в том никакой не учинити и имати б с них государев ясак по скольку будет мочно по одиножды в год». Политика «ласки и привета» в реальной жизни нередко нарушалась из-за отсутствия необходимого надзора и контроля, что способствовало злоупотреблениям и лихоимству воевод, но именно она существовала и действовала. И именно в рамках этой политики практиковались поощрения за исправное внесение ясака. Среди них — «государево жалованье», когда воевода или приказчик одаривали исправных плательщиков ясака определенным количеством бисера, олова, меди и т.д. В 1641 г. «иноземцем якутом и тунгусом» было израсходовано «подарков»: 11 гривенков меди, 268 «лоскутов разрезной меди», 31 гривна олова, 24 «лоскута олова», 650 «прядок камени одскую», 20 «белемков медных», 4 «перстни медных те со ставками», кроме того, различных видов сукна, сетей, «хвостов коневых» и т.д.

Московское правительство стремилось защитить ясачных людей от произвола торговых, промышленных людей; за убийство или увечье ясачного могли быть применены суровые наказания; запрещалось холопить, обращать в зависимое состояние коренных жителей; осуждалось истребление соболей во владениях ясачных — воеводам «учинялся наказ крепкий под смертной казнию, чтоб отнюдь в соболиных угодьях лесов не секли и не гибли, чтоб от того зверь не выводелся и в даль не бежал». Несмотря на эти указания правительства, сами воеводы и служилые люди (а также торговые и промышленные) допускали злоупотребления в управлении уездом, в сборе ясака. В действительности в XVII в. было больше бесчинств и лихоимства, чем разумной политики. Не случайно правительство неоднократно принимало различные меры, чтобы как-то ограничить воеводский произвол служилых людей.

О некоторых из таких мер говорилось выше. Функция контроля за деятельностью рядовых ясачных сборщиков со стороны «лутчих» якутов не только сохранялась, но во второй половине XVII в. получила дальнейшее развитие. В царском указе от 1678 г. якутским воеводам рекомендовалось несколько «убавить» число служилых людей — сборщиков ясака и вместо них («убавочных») использовать князцов и «лутчих» якутов, «сколько человек пригоже, поочередно» — князцы должны были «у ясачного збору быти вместе» с ясачными сборщиками. По мнению правительства, такая практика была

пригодной «для послушания ясачных якутов»; для «збору и бережения ясака и ясачных людей»; для того чтобы «ясачным людям от ясачных сборщиков налог и обид никаких не было, лишнего бы с них иноземцев не збирали и не перемняли». Еще в феврале 1677 г. был объявлен указ о предоставлении князцам и «лутчим людям» права участвовать в разборе мелких исковых дел ясачных, «судить... вместе с их иноземскими князцы и с лутчими людьми; а без их князцов и лутчих людей однолично ясачным сборщиком и в малых делах не судить», чтобы им не было «убытков и обид». В 1681 и 1682 гг. из Москвы были получены грамоты, содержащие указ «казнить смертью без всякие пощады» служилых людей, виновных в злоупотреблениях в «больших делах»; виновным в «малых делах чинить наказанье, бить на козле кнутом и в проватуку и животы их имать на великих государей все ж без остатку, а самих их ссылаты в Даурские остроги и верстать детей боярских, и сотников, и атаманов, и пятидесятников в казаки, а казаков в пашню».

Многообразие методов сбора ясака обеспечивало своевременное его поступление в казну. Якутский уезд давал государству значительное количество пушнины. Если говорить о ясачной пушнине, то в 1654 г. было собрано в ясак 8724 соболя и 2142 лисицы, в 1662 г. — 8938 соболей и 3669 лисиц, в 1665 г. — 9180 соболей и 2792 лисицы, в 1673 г. — 7307 соболей и 2065 лисиц. В 1700 г. в 35 ясачных волостях было 9205 плательщиков ясака с окладом 7629 соболей и 5980 лисиц. Якутский ясачный сбор стал важнейшей статьей финансовой мощи Российского государства, а в Якутии установился тяжелый ясачный гнет.

Таким образом, в течение 10–15 лет русские служилые люди открыли и обследовали всю территорию Якутии, где встретились с населением, довольно пестрым в этническом отношении и имеющим разные типы хозяйствования. Ленский край в то время населяли якутские племена, объединявшиеся в единый этнический комплекс, различные группы эвенков, эвенов, юкагиров и чукчей. До российских людей практически ни одно другое государство, ни один другой народ не входили в тесные контакты с аборигенами этой части Сибири. Западная Европа до последней четверти XVI в. знала очень немногое о Северной Азии и ее обитателях, и только со времени Ермака она стала получать информацию об огромной территории за Уралом. Познания китайцев вплоть до XVII в. не распространялись дальше Амура и устья Зеи, а японцы до конца первой трети XVII в. не имели никаких представлений о Восточной Сибири.

Открытие и включение Ленского края в состав Российского государства составляют часть политической жизни и истории России, поскольку русские

так или иначе сразу же вступали в определенные отношения с местными народами. Это было сложное и противоречивое явление. В процессе проникновения в край российских людей главари казачьих отрядов и царские воеводы нередко прибегали к грубому насилию по отношению к местным жителям. В то же время они пользовались методами раздачи «подарков», пропаганды среди населения могущества царской власти, убеждения населения в целесообразности мирного перехода «под высокую власть великого царя». С другой стороны, после первых же вооруженных стычек местные «родоначальники», убедившись в превосходстве огнестрельного оружия над луками и стрелами, предпочли установление мирных связей с пришельцами. Вскоре мирное сожителство стало устойчивым, ведущим во взаимоотношениях между пришельцами и местным населением. Вхождение Якутии в состав России в XVII в., таким образом, произошло в основном мирным путем.

Хозяйственный строй аборигенов не подвергся разрушению, население за редким исключением продолжало оставаться на прежних местах, а редкие вооруженные стычки не приводили к значительным людским потерям, ибо правительство предписывало ясак собирать с населения «ласкою, а не жесточью», «напрасных обид и налогов не чинить ему», «не ожесточить» его и «от государевы царские высокие руки не отогнать, а в государево в казне в ясачном сборе учинити прибыль». Не разрушалась и внутренняя общественная организа-

ция народов. В целом включение края в состав России не сопровождалось насильственной ломкой глубинных устоев общественного строя, быта и верований местного населения. Наоборот, факты показывают, что царское правительство очень рано стало опираться на социальные институты внутренней организации жизни народов, привлекая на свою сторону их верхушку.

До вхождения в состав России народы Якутии не имели своей государственности и не находились в составе другого государства. Отсутствие политической организации общества, призванной консолидировать народ, наложило отпечаток на характер правового оформления принятия подданства России. Малочисленные отряды служилых людей имели дело прежде всего с отдельными племенами или родами. В этих условиях, в зависимости от конкретной ситуации, «князцы» или родоначальники в одном случае «со всеми своими людьми и вину свою великому государю приносили» (а служилые люди «приводили тех князцов всех к шерти»), в другом — «со всеми своими людьми учинились послушны под государскою высокою рукою неотступны на веки». В дальнейшем принятие подданства России оформлялось «шертованием», которое предусматривало принятие определенных политических, экономических и правовых обязательств. Все земли Ленского края были объявлены собственностью государства — «государевой вотчиной Якутские земли». Так Якутия стала частью огромного и могущественного Российского государства.

ГЛАВА 3

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ И ХОЗЯЙСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

3.1. ЯКУТЫ

Природно-географические особенности — климат, ландшафт, природные ресурсы — определили структуру и направления развития традиционного хозяйства якутов.

Долгий и сложный процесс освоения региона привел к формированию здесь культурно-хозяйственного комплекса, в котором господствовало скотоводство — разведение крупного рогатого скота и лошадей. Имевшие также место охота, рыболовство и собирательство не выделялись в самостоятельные отрасли³.

Якуты сумели приспособить южную скотоводческую культуру к суровым условиям севера, создав,

по существу, новый тип сенокосно-пастбищного хозяйства. Его очагом стала Центральная Якутия с большим количеством обширных таежных лугов — аласов и речных долин, пригодных для разведения скота. К XVII в. скотоводческая культура якутов успела распространиться от устья р. Олёкмы на юго-западе до Алдана на северо-востоке; на севере она охватывала территорию от устья р. Вилюй до его среднего течения, на юго-востоке — верховье р. Амги и среднее течение р. Алдан.

Разводился преимущественно крупный рогатый скот. Материалы переписи Якутского уезда в 1642 г. [РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Д. 3. Л. 12–20; Оп. 4. Д. 52. Л. 1–19; Д. 53. Л. 1–22; НИА СПб ИИ РАН. Ф. 160. Карт. 3 (188). Стб. 14. Стр. 28–31] показывают, что в отдельных улусах быки, волы и коровы составляли 54–55 % общего поголовья. Преобладание лошадей наблюдалось только у богатых якутов. В целом ста-

³ О скотоводческом хозяйстве якутов XVII в. подробно см. [Токарев, 1945, с. 30–34; Иванов, 1966, с. 99–127].

да были небольшими: в трех волостях — Намской, Батурусской и Одейской — перепись 1642 г. зарегистрировала в среднем 1,5–2 головы скота на душу населения, что расходится с историческим фольклором, повествующим о владельцах стад в несколько тысяч голов. В Батурусской волости самое крупное хозяйство имело 298 лошадей и коров с быками, в Намской — 161, в Одейской — 82.

Первые отряды служилых людей, докладывая о якутах как о «конных и скотных людях», обратили внимание на существенную имущественную дифференциацию. В указанных волостях крупных скотоводческих хозяйств (в сотню голов) было всего семь, при этом отмечались семьи, совсем не имеющие скота.

Равномерно высокий процент коров по отношению ко всему рогатому скоту свидетельствовал о преобладании молочного направления развития скотоводства. Волы использовались в основном в качестве тягловой силы, а также как средство передвижения.

Число хозяйств, где преобладали лошади, составляло в целом меньше трети [Иванов В.Н., 1966, с. 112–116]. При этом кобылье молоко и конина как продукты питания имели большое значение в жизни якутов. Из кобыльего молока изготавливали кумыс. Лошадей забивали на мясо, причем конина (особенно жеребятина) высоко ценилась среди якутов — ее предпочитали даже говядине. Лошади играли главную роль в хозяйстве как средство передвижения и тягловая сила: на них ездили верхом, их использовали под вьюк, а также запрягали в сани [Там же, с. 118–119].

Все продукты скотоводства утилизировались: из коровьей кожи изготавливались обувь, сумки, ремни, сбри и веревки. Шкурами в начале зимы обшивались двери юрт; перед наступлением холодов стены для утепления обмазывались смесью коровьего навоза и глины. Шкура лошадей также шла на изготовление обуви, чепраков и посуды под кумыс; из конского волоса изготавливали неводы, сети, арканы и т.д. [Башарин, 1956, с. 24].

Якутское хозяйство в XVII в. основывалось на праве частной собственности и носило индивидуальный характер. Данные из материалов переписи 1642 г.: «Якутский князец Очей, Табутуев сын. Живет своею юртой. Сказал, он, Очей, у себя скота: сто двадцать кобыл, двадцать коней и жеребцов езжалых, пятьдесят жеребенков, двадцать двюгодных кобылок, двадцать коров больших, пять быков, десять нетелей, десять теленков малых. Да у нево, Очая, пять холопей: Буруяк, Касаток да Дегей Некрекеевы да Сатыл да Колчогос Оборчеевы да Кундак Сарыргин.

...Юрта Янгаева, Тагина сына. Скота у него четыре коня, семь кобыл, два жеребенка. Да у него

ж три жеребенка, шесть коров да бык, четыре теленка.

...Юрта Толукова, Тагазарова сына. Живет сам. Женат, а дети у нево малы. А скота у нево две коровы да нетель да теленок годовой. Он, Толук, неясашной» [РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Д. 53. Л. 2, 7, 13].

Из-за накопившихся недоимок в ясачном сборе в середине 60-х годов XVII в. по указанию якутского воеводы И.Ф. Голенищева-Кутузова была осуществлена новая перепись в Успетской, Баягантайской, Борогонской, Мегинской и Батурусской волостях [НИА СПбИИ РАН. Ф. 160. Карт. 19 (202). Стб. 13. Ст. 20–22, 39–40, 68–73]. Материалы этой переписи вновь подтверждают, во-первых, количественное преобладание крупного рогатого скота, во-вторых, усиление индивидуального характера организации скотоводческого хозяйства.

В данном аспекте показательны свидетельства источника 1690 г.: когда в Батурусской волости умер Молтона Очев, его недвижимое и движимое имущество, включающее 227 голов разного скота, было распределено между пятью сыновьями. Одному из наследников досталось 38 и каждому из четырех остальных — по 48 голов скота. Интересно, что в свою очередь покойный Молтона Очев был пятым из шести сыновей батурусского тоюна Очая Табутуева, у которого в 1642 г. было 255 голов скота, а сам Молтона имел свое индивидуальное хозяйство, состоявшее из 79 голов скота: 57 лошадей (10 рабочих, 15 кобыл, 1 жеребец, остальное — молодняк) и 22 головы рогатого скота (3 быка, 10 коров, 6 нетелей, остальное — молодняк). Тогда хозяин уже был женат, и ему помогли трое работников — «холопов». Таким образом, к 1690 г., т.е. через 48 лет, поголовье скота у этого тоюна увеличилось на 148 голов — в 3 раза. Расширился и круг лиц, обслуживавших его скотоводческое хозяйство: в 1690 г. у него работало уже 13 «холопов» и 8 «женок» [РГАДА. Ф. 1177. Оп. 1. Д. 201. Л. 3–4].

Характерной особенностью якутского хозяйства стало усложнение производственного процесса скотоводства из-за условий Севера. Преимущественное разведение здесь крупного рогатого скота оказалось возможным только при условии заготовки огромных объемов кормов на зиму. В результате определяющее значение в экономике приобретали сенокосы. Нигде в мире не заготавливалось столько сена за короткий промежуток теплого летне-осеннего сезона.

Согласно общепринятой теории, возникновение сенокосного хозяйства у якутов связано с освоением ими бассейна средней Лены, и оно появилось намного позже пастбищного хозяйствования южных степей и лесостепей.

Сенокосные угодья якутов того периода можно разделить на три основные группы: во-первых, до-

вольно обширные массивы равнин по долинам рек; во-вторых, аласы, расположенные рядом или связанные друг с другом речками; в-третьих, аласы, изолированные один от другого горами и лесами. Для возникновения и развития сенокосного хозяйства наибольшую ценность представляли равнинные местности. Именно поэтому они издавна являлись объектом борьбы за право владения. Уже в XVII в. лучшие сенокосы находились в распоряжении отдельных богатых семей и, как свидетельствуют самые ранние русские документы, огораживались.

Другой способ содержания скота — пастбищный (традиционно южный) — сохранился в Якутии благодаря короткому, но жаркому лету, обширным естественным лугам с водоемами и сочным травостоем. Лошади находились на подножном корму и зимой.

Основным видом пастбищ считался *сайылык* — постоянное место проживания в летний период. Поэтому здесь находилось все, что было необходимо для содержания скота: *дал* — загон для скота, *титик* — крытое помещение для дойных коров и телят, *хасаа* — крытое помещение для дойных кобыл и жеребят и др. Для выпаса упряжного скота, преимущественно рабочих лошадей, использовались *ертюк* или *тиэртэс* — специально огороженные луга.

С наступлением тепла и появлением весенней зелени, как правило в мае, скот выпускали на подножный корм. В конце мая якуты оставляли зимники — кыстыки и переезжали на сайылыки. Пастбищное содержание продолжалось до второй половины сентября — середины октября, до первого снега.

Летний период годового хозяйственного цикла якутского скотовода требовал значительных затрат труда. Он включал непосредственно выпас, уход за телятами, доение коров и кобыл, обработку молочных продуктов для непосредственного употребления и длительного хранения, возведение хозяйственных построек, устройство дымокуров от гнуса и т.д. Все это с начала июля сочеталось с ежедневной заготовкой сена, с которой связана система околдомных хозяйственных построек. Прежде всего это хлев для скота — хотон. В нем содержался крупный рогатый скот. Документы XVII в. говорят и о своеобразных хотонах для лошадей — «кониных жилищах». К хотону примыкали изгородь для складывания сена, скотный двор (*дал*).

Сено заготавливали с помощью железных «якуцких кос», известных под названием «хотур». Это были косы-горбуши, мало чем отличавшиеся от русских аналогов. Для своего времени они, по-видимому, обладали хорошей производительностью, о чем говорят большие объемы сенокосных работ, производимые тогда отдельными хозяйствами. Применялись также вилы-рожнецы разных видов и

назначений, различные крюки (*тордуок*), при помощи которых скошенная трава сгребалась, копнилась и стоговалась. Необходимо было также обеспечить транспортировку сена, специальный уход за тягловым скотом, изготовить средство доставки — сани, отдельно для волов и для рабочей лошади⁴.

Заготовку сена якуты издавна считали своей основной работой, от которой напрямую зависело сохранение и воспроизводство скота, а значит, и выживание. В 1642 г. якутский воевода П.П. Головин за «измену» заключил в тюрьму нескольких улусных жителей, угрожая смертной казнью. Но эти узники были озабочены не предстоящим осуждением, а заготовкой сена. Они обращались к воеводе со словами: «...либо-де нас вешай или в улусы отпущай; ныне-де сено у нас не кошено, скотишко перемрет» [Якутия..., 1953, с. 70].

Якуты начинали сенокос в первых числах июля и заканчивали обычно в середине сентября, т.е. на заготовку сена на зиму из хозяйственного годового цикла приходилось только 70–75 дней. Такая кратковременность рабочего сезона заставляла осуществлять в сжатые сроки множество разнообразных действий. Все начиналось с приготовления орудий труда, необходимых для сенокоса. Затем приступали к «отборочной косьбе» (*тала сылдьан оту охсочун*) в тех местах, где трава считалась «созревшей» (*суннум*). Выкашивались луга с высокой влажностью почвы, где трава росла быстрее. Этот первоначальный этап продолжался 10–15 дней.

Со второй половины июля начиналось сенокосение на основных массивах угодий. К этому времени трава достигала максимальной высоты. Это был самый напряженный период заготовки сена — люди работали «от восхода солнца до его захода», в условиях коротких летних ночей Якутии — по 18–20 часов в сутки с небольшими перерывами.

Выкошенную траву сушили, сгребали в валы и на второй-третий день копнили. Примерно с середины августа начиналось стогование. Стога ставились, как правило, каждый год в одних и тех же местах. В стог входило от нескольких десятков до сотни копен. В начатом в 1672 г. судебном деле упоминалось, что «ставилось в тех остожьях сена по 40 копен», а потравлено было угодье площадью в «6 остожей». По-видимому, стог из 40–60 копен был типичным для того времени. Каждый стог сена огораживался.

К осени в основном завершалась уборка сена, хотя кошение травы не прекращалось. Осенью водоемы мелели, и проще становилось добраться до травы по их берегам. По качеству такое сено уступало летнему, оно было менее питательно, верхняя

⁴ Подробно о традиционных орудиях труда якутов-скотоводов см. [Зыков, 1989, с. 141].

часть страдала от заморозков. Но якуты по опыту знали, что в условиях общей нехватки кормов и это сено станет востребованным. Сеном поздней заготовки кормили обычно нерабочий или недоеный скот.

Исследователь конца XIX в. В.М. Ионов писал: «Якуты все лето стремятся к одному: накосить возможно более сена, накосить, пока еще не пожелтело; но и желтым они не брезгают, будут и его косить, сколько можно... каково бы оно ни было, все оно будет съедено скотом» [1975, с. 31–32]. Длинная и морозная зима диктовала свои правила.

Подготовка к зиме у якутов представляла собой еще один самостоятельный комплекс работ, призванный обеспечить всем необходимым семью и хозяйство. Юрты ремонтировались, затем их обмазывали смесью глины и навоза для утепления. То же самое делали с хотоном. Застилавали и обновляли зимние скотские загоны, изгороди (*кюре*) для складывания сена, чинили «конинные жилища».

С первым снегом начинался подвоз сена к хотонам и стойловое кормление, осуществлялись уход за рабочим скотом, чистка проруби для водопоя скота, доение коров и кобыл (в XVII в. широко практиковалось зимнее доение кобыл, оно прекратилось лишь в XIX в.), регулярная заготовка и подвоз топлива (дров) к юрте и т.д. Кроме того, зимой якуты изготавливали предметы быта и домашней утвари, различный хозяйственный инвентарь и оружие, рыболовные снасти. Охотой и рыболовством также занимались преимущественно зимой.

Таким образом, в регионе с самой низкой температурой в Северном полушарии, где зимний период продолжается около 200–220 дней, якуты сумели так организовать свои хозяйственные занятия, что сформировался уникальный культурно-хозяйственный комплекс: зимнее стойловое содержание скота в сочетании с летними выпасом и масштабной заготовкой сена. Пастбищно-сенокосное хозяйство обусловило характер общественного разделения труда, оказывало прямое влияние на бытовую сферу, образ жизни якутов и — в числе других факторов — на социальные отношения.

С основным занятием населения были тесно связаны ремесленное производство и промыслы⁵.

Как отмечали русские люди, в кузнечном ремесле якуты к XVII в. достигли высокого мастерства: «Куяки и пальмы, и копыя, и топоры, и ножи сами делают» [ДАИ, т. 7, с. 331]. Кузнецы снабжали скотоводов, охотников и рыболовов всеми необходимыми орудиями труда, оружием, бытовыми изделиями. С появлением русских якутские мастера

даже стали обслуживать служилых людей — «для государев служб у якутов в... великого государя казну служилым людям куяки емлют». Кузнечное производство носило товарный характер — изделия из железа находили сбыт и на внутреннем и на внешнем (межплеменном) рынке. В XVII в. уже намечилось отделение кузнечного дела от других отраслей хозяйства, якутский кузнец работал и на заказ, но при этом производил значительную часть своих изделий на рынок. Когда в 1682 г. якутские воеводы велели купить у якутов на «государев товар» 15 пудов железа, то выяснилось, «что-де у них железа немного, потому что-де они продают меж себя на ясак» [Там же, с. 304].

Текстильного производства в XVII в. у якутов не было, поэтому для одежды использовались иные материалы, а именно обработанные шкуры крупного рогатого скота, лошадей, оленей и других домашних животных, а также диких зверей. «Шуба мужская летняя», «шуба мужская жеребья», «шуба телячья», «шуба женская телячья», «шубка женская ровдужная», «шубка оленья», «санаяк олений», «камыз кобылий», «торбаза», «наполники», «половики сохатые» или «лосиные», «постель оленья», «постель бычья», «телях (постель) кобылья» [Иванов, 1966, с. 163] и т.п. — таков далеко не полный перечень одежды, обуви и других предметов, отмеченных в исторических документах того времени.

Специально обработанная кожа служила материалом для изготовления посуды, нужной в скотоводческом хозяйстве: *турсук* — мешок из прокопченной кожи для хранения молока и молочных продуктов («турсук для кумызу», для сметаны, для кислого молока); *симиир* — мешок призматической формы из кожи для изготовления кумыса; *бэрэмэ-дэйэ* — пара связанных между собой кожаных мешков для вьючных лошадей.

Кожа широко использовалась для изготовления разнообразных видов поясов, обозначающих у якутов социальный статус их владельцев. В источниках описаны «пояс с адекуем», «пояс мужской бисерной», «пояс якутской с адекуем и с бисером и с кругами медными» и т.д.

Одежда из обработанного меха зверей была замечена еще первыми отрядами служилых людей; ранний ясак поступал в виде собольих и лисьих шуб («4 шубы собольи, 2 лисьи шубы» и т.д.). Из меховых шкур шили в большом количестве различные виды шапок-малахаев: собольих, лисьих, рысьих, беличьих, волчьих и др. Из заячьих шкур шили одеяла; особо ценилась шкура медведя.

В целом кожевенное дело у якутов XVII в. было производством в полном смысле этого слова.

После скотоводства в хозяйстве якутов заметное место занимал охотничий промысел. В описываемый период он был тесно связан с ясачной поли-

⁵ Подробно о кузнечном производстве и промыслах см. [Иванов В.Н., 1966, с. 151–177].

тикой Российского государства. Причем охота на пушного зверя напрямую зависела от состояния основного вида занятий — скотоводства. В документах XVII в. нередко встречаются такие обороты: «...на соболя приходили ездить на лошадях по Лене и по Олёкме, по Чаре и по Алдану, и по Вилюю, и по Учурю, и по Тонторе, и по Мае, и по Юдому, и по иным сторонним речкам», «...ездили и на Яну», «...на соболиный промысел не ездил, что у него коней нет» и «...без лошади промышлять стало не на чем»; «...пешие соболиные и лисичные промыслы не издались, потому что соболи и лисицы выпромышлялись все, и многие якуты у них скотом опали, стали бедны и соболей промышлять не на чем» и т.д. [РГАДА. Ф. 214. Кн. 250. Л. 122, 129, 135, 138 и др.].

Охотились на соболя, песца, лисицу, выдру, белку, горностая; на зайца, медведя, волка, лосей; широко практиковалась охота на уток, гусей и других водоплавающих птиц, на куропаток, рябчиков, глухарей и т.д.

В XVII в. якуты не знали огнестрельного оружия, поэтому на охоте применялись разнообразные виды снаряжения и различные способы охоты. Охотничья снасть изготовлялась из дерева, кожи, конских волос и железа. Распространенным универсальным охотничьим орудием был лук со стрелами (*ох саа*)⁶. Широко использовались ловушки: луки-самострелы (*айа*) и пасти (*сохсо*); зайцев добывали волосяными силками и петлями (*тусах*). Уток ловили волосяными петлями — *тургэ*. На крупных зверей тайги и тундры охотились с помощью копья, а также *батаса* (древковое колюще-рубящее оружие) или пальмы.

Вместе с тем якуты сумели сохранить вплоть до XIX в. традиционный степной способ охоты — загон зверя верхом на лошади.

В целом же охота у якутов носила натуральный промыслово-продовольственный характер: меха служили материалом для разнообразной одежды; мясо зверей и дичи удовлетворяло потребности населения в продовольствии.

Якутия — страна многочисленных рек и озер. Это определило повсеместное распространение рыболовства. Особенно заметную роль оно играло в жизни вилюйских и янских якутов.

Рыболовство преимущественно было делом бедноты, не владеющей достаточным количеством скота. Отсюда часто встречающееся в документах слово *балыксыты* («рыболовы»), обозначающее малоимущих. Состоятельные якуты относились к рыболовству как к подсобному занятию [Материалы..., 1970, с. 159–790].

Ловили рыбу преимущественно в озерах — карасей и гольянов, на реках — тугунов, окуней, шук, стерлядей, ершей, налимов, тайменей, омулей и др. Еще В.Л. Серошевский отмечал, что якуты ловят рыбу «самым разнообразным способом» [1993, с. 297]. Наиболее распространенным был лов рыбы ловушками — мордами (*туу*). Сведения об их наличии в XVII в. содержат многие документы [РГАДА. Ф. 1177. Оп. 1. Д. 64. Л. 35; Оп. 2. Д. 159. Л. 98; Д. 234. Л. 58; НИА СПбИИ РАН. Ф. 160. Карт. 32 (215). Стб. 21. Ст. 23 и др.]. Часто упоминаются и сети [НИА СПбИИ РАН. Ф. 160. Карт. 21 (204). Стб. 11. Ст. 59; Карт. 26 (209). Стб. 7. Ст. 13 и др.], встречаются указания и на «неводь волосяной». В документах XVII в. нет упоминаний о сачках (*куйуурах*), но, несомненно, сачки применялись и тогда, так как они считаются одним из самых древних орудий лова у якутов.

Преобладала индивидуальная (похозяйственная) форма рыболовства, основанная на собственности отдельного хозяина на орудия лова рыбы. При этом богатые якуты могли себе позволить промысел в очень широких масштабах. Например, в 1672 г. у богатого бетунца Акона Камыкова его сбежавшие работники прихватили с собой «10 сетей волосяных» [Там же. Карт. 24 (207). Стб. 24. Ст. 3].

Итак, продукты скотоводства (мясо, молоко, молочные продукты, кумыс), охоты и рыболовства являлись основными компонентами пищевого рациона якутов.

Некоторое разнообразие в питание вносило собирательство. Особенно распространено было употребление заболони сосны — молодого слоя древесины, образующегося непосредственно под корой. Заболонь размалывали в деревянный ступке, превращая ее в своеобразную муку. В ясачных книгах часто встречаются сведения о том, что якут «кормитца по озерам рыбою и сосною» (см. [Иванов В.Н., 1966, с. 176–177]).

Употреблялись в пищу корни: *сардаана* или *сарана* (лилия даурская), *уннуула* (корневище сусака), *куба асылыга* (корневище рогона широколистного), *ымыях* (корни кровохлебки). Любимым лакомством были ягоды: брусника, голубица, черная и красная смородина, земляника, шиповник, княженика.

В историографии некоторое время ставилась под сомнение оседлость якутского хозяйства в связи с сезонными переездами с зимников (кыстыков) на летники (сайылыки). Однако все характеристики хозяйственной деятельности указывают на оседлый образ жизни.

Переход к оседлости был связан с природно-климатическими и ландшафтными условиями края, определившими хуторской характер расселения. Этот процесс завершился, когда в скотоводческом хозяйстве начался процесс количественного преоб-

⁶ Подробно об орудиях охоты см. [Зыков, 1989, с. 63–93].

ладания крупного рогатого скота над лошадьми. Его преимущественное разведение привело к развиту сенокосного хозяйства, основанного на постоянной и оседлой эксплуатации определенных участков земли.

Оседлость и сенокосное хозяйство оказали непосредственное влияние на происхождение и характер земельной общины — волости. Индивидуализированное скотоводческое хозяйство обусловило с самого начала индивидуализацию землепользования. В формировании общин-волостей к этому времени выдвинулся на первый план территориальный признак [Иванов В.Н., 1966, с. 178—197]. Первичной хозяйственной ячейкой стала отдельная семья. Внутри волостей и родов — коллективов родственников — преобладали семейные интересы, основанные на индивидуальном производстве и потреблении.

Служилые люди с первых же лет появления в крае обратили внимание на значение земельной собственности в жизни якутов. Еще в 1634 г. атаман Галкин писал: «...а те кангаласские князцы людны и всею землею владеют, и ныне многие князцы их боятца» [Токарев, 1945, с. 165].

В 1644 и 1646 гг. кангаласский князец Еюк Никин жаловался служилым людям на проход в его земли «худых людей» из других волостей, прося «сослать жить на старые их места».

Архивные документы зафиксировали многочисленные случаи конфликтов по земельным делам. Самый ранний прецедент относится к 1644 г. и связан с тем же Еюком Никиным, который жаловался на то, что несколько служилых людей «покосили на острове ево еюковых юрт блиско, сенные покосы все выкосили». Оказалось, что было скошено около 85 десятин (850 копен) сенокосных угодий Никина и его двух племянников [РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Д. 120. Л. 1—2].

Судебные тяжбы из-за земли между самими якутами представляют особый интерес. Характерным примером можно считать судебные разбирательства ясачного якута Мегинской волости Ноко Чермокова. Он предстал по земельным вопросам перед воеводским судом в 1654, 1666, 1667 и 1671 гг.

Первоначально в конце июля 1654 г. Ноко Чермоков подал в Якутскую приказную избу жалобу на «холопов» мегинского якута Девуни Онкудеева, якобы отнявших у него «4 луга сенных покосов». При этом они избили его «холопа». Челобитчик особо настаивал на том, что «те луги» его, что косил «на тех лугах лет з десять». В заключение он просил «дать царский суд и управу... за драку и за увечье холопа». Девуня Онкудеев же подал встречную челобитную, в которой пострадавшим показал себя, считая, что именно у него были насильно отняты угодья его отца и дяди. По решению властей, спорный участок признан принадлежащим

истцу и остался в его распоряжении [Иванов В.Н., 1966, с. 210—211].

В 1667 г. Чермоков вновь защищал свои права на землю, судясь с работником служилого Андрея Булыгина — новокрещенным якутом Яковом, который «выкосил сенные покосы». В ходе разбирательства выяснилось, что спорные земли в 1664 г. были отведены подъячему Семену Ермолаеву и еще восьми «человекам» и именно на этих землях Яков будто бы заготовил сено. Но Чермоков доказал обратное, напомнив, что еще в 1664 г. по решению воеводы И.Ф. Голенищева-Кутузова, «по его-де... челобитью, то место отдано ему, Нокочу, попережнему» [НИА СПб ИИ РАН. Ф. 160. Карт. 21 (204). Стб. 2. Ст. 164].

Однако самое интересное дело возникло в 1671 г. На этот раз Чермоков вступил в тяжбу со своим земляком Тением Татуровым. Челобитная Чермокова была принята в приказной избе 14 января, а указ воеводы вынесен 24 февраля. Чермоков писал, что в 1670 г. на его сенокосе Татуров «своим озорничеством и насильством косил сено и поставил стог большей сена и то сено свозил к себе» и напомнил, что «тем сенокосным владел [его] отец», а после его смерти — он, т.е. челобитчик. Кроме того, Чермоков жаловался, что Татуров 11 января избил его и «волосы из головы выдрал». На допросе ответчик отрицал все. Тогда истец указал суду, что спорное угодье Тогургестях находится за Леной, подчеркнув, что «то-де место старинное отца ево Нокочина Чермока, а после отца своево владеет он, Нокочо». В подтверждение своих слов он просил произвести «повальный обыск» — опрос всех жителей Мегинской волости. Татуров на это ответил встречной челобитной, в которой указывал, что «на тем сенокосе ставили сено преже сего дед и отец» его. Чермоков требовал проведения обыска, и воевода направил в Мегинскую волость казака Льва Лаврентьева «сыскать повальным обыском чей тот сенной покос: еволь нокочино или тениево и сколь давно кто им владеет». Задание было добросовестно выполнено, и 12 из 17 опрошенных показали, что «тот-де сенокос Тогургестях исстари косит Нокочо, а Тения-де опричь сего году не кашивал». Воевода И.П. Торятинский наложил резолюцию: «по государеву указу и по скаске сторонних людей сенным покосом быть за Нокочою по старине А. Тению отказать».

Примечательно, что Тений Татуров происходил из бедной семьи, его отец Татур «жил-де на озерах и рыбу ловил». Богач Чермоков судился из-за земли с бедняком, отец которого был «балыксытом». События конфликта наглядно демонстрируют отношения, сложившиеся к тому времени между богатой и бедной прослойками якутского общества.

Приведенные источники и другие многочисленные судебные дела о праве владения землей свиде-

тельствуют о разнообразных формах распоряжения теми или иными участками сенокосных угодий. Используются понятия: «покосы отцов», «покосы отцов и дедов», «покосы отцов, дедов и прадедов», «старинные вотчинные покосы», «мои старинные покосы», «право давности», «мои покосы», «мои сенные породные» или «природные покосы». Подтверждаются следственными документами и факты купли-продажи, аренды и залога земли, передачи ее в наследство (см. [Иванов В.Н., 1966, с. 208–240]).

Понятия эти применяются жителями всех улусов Якутии с 1640-х годов до конца XVII в. и относятся к нормам обычного права, на основании которого регулировалось фактическое владение и наследование. Совокупность же всех этих зафиксированных в документах форм отношения к земле указывает на развитие частной собственности на землю, прежде всего на покосы.

Пастбища, рыболовные и охотничьи угодья продолжали сохраняться в коллективной собственности. Хотя отдельные хозяйства, особенно богатые и влиятельные, уже начинали предъявлять на них права.

Собственность на землю и собственность на скот были органически взаимосвязаны, одна предполагала другую. Собственность на скот у якутов четко прослеживается по материалам переписи 1642 г. Причем, как отмечалось, отряды служилых людей сразу обратили внимание на существенную имущественную дифференциацию.

В трех волостях (Намской, Батурусской и Одейской) в среднем $\frac{1}{4}$ хозяйств не имела скота; в Одейской — даже $\frac{1}{3}$. В Намской волости из 136 учтенных хозяйств, в которых содержалось 1545 голов скота, группа бесскотных составляла 23,5 % всех хозяйств, а группа, имеющая от 1 до 5 голов скота, — 31,1 %. Обе эти группы занимают 53,6 % всех хозяйств. Якуты, имеющие 1–3 головы скота, как правило, относились к той категории, которую документы характеризуют так: за «бедностью жил на озерах, кормился рыбою» или «кормитца по озерам рыбою, сосною». Таким образом, больше половины хозяйств Намской волости составляли бедняки, не способные вести самостоятельное хозяйство. При этом в распоряжении четырех семей (примерно 3 %) находилось 20,7 % всего скота волости (429 голов).

Характерным в этом отношении является хозяйство тойонской семьи Табутуевых из Батурусской волости. Сам князец Очей Табутуев тогда имел в своем хозяйстве 255 голов различного скота, а шесть его сыновей, выступавшие как самостоятельные хозяева, в общей сложности владели 896 головами скота (Каптак — 298, Девенек — 96, Енок — 125, Немюк — 141, Молтона — 79 и Иргин — 177) [РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Д. 52. Л. 13–15]. Так было и в других волостях.

Право собственности на скот реализовывалось в самых различных формах. Среди многочисленных судебных дел якутов XVII в. упомянутые земельные споры даже уступают по численности конфликтам, возникшим из-за владения скотом. По ним можно судить, что скот был предметом самых разнообразных и сложных отношений между якутами — купли-продажи, обмена, калыма за невесту, приданого, «головщины» или «выкупа за кровь»; его отдавали «на выпас» и «в тело» — своего рода аренду и т.д.

В XVII в. количество скота росло быстро у тех лиц, в руках которых концентрировались лучшие сенокосы и пастбища. Основным субъектом собственности являлись тойоны и «лучшие люди» улусов, хотя в этой роли, как отмечается в источниках, выступали и мелкие собственники, происхождение которых связано с первоначальной захватной формой землепользования и хуторским расселением.

Род как хозяйственно-общественная ячейка и как субъект собственности к XVII в. перестал иметь особое значение. В коллективном пользовании сохранились некоторые охотничьи и рыболовные угодья, дальние пастбища и леса.

Социальная стратификация якутского общества к XVII в. уже имела сложную структуру. В ранних документальных источниках зафиксированы «неясашные», «подростки», «захребетники», «холопы», «улусные люди», «лучшие люди», «князцы». Четко разграничивались «якуцкие князцы», «лутчие якуты» и «улусные их люди» [РГАДА. Ф. 1177. Оп. 2. Д. 44. Л. 76]. Служилые люди имели дело прежде всего с князцами, в которых они видели ответственных за определенную волость, за людей, проживающих на данной территории, и за внесение ясака в казну.

Слово «князец» русского происхождения, однако у якутов существовал и самобытный термин для обозначения лица, обладающего властными полномочиями. В ранних документах оно писалось «тоен» [Токарев, 1945, с. 135]. Под «лутчими якутами» подразумевались просто богатые люди.

Тойонами не всегда становились самые богатые жители улуса, главным было происхождение: тойоны считались потомками лидеров древнеякутских объединений дорусской истории. В руках тойонов сосредотачивалась власть в улусе, включающая охрану имущественных, семейных и личных прав семьи и родственников, управление скотоводческо-сенокосным хозяйством, регулирование отношений и отправление дел на основе обычного права в улусе, осуществление мер, направленных на охрану и расширение территории улуса, вплоть до ведения войн, и т.д. Кроме того, с приходом русских тойоны начали собирать ясак и другие подати, проводить в волостях политику Российского государства и т.д.

Для тойонов особое значение имели их судебные полномочия. В 1677 г. князья Нокто Никин из Намской, Мазары Базеков из Кангаласской и Трек Осюркаев из Мегинской волостей совершили поездку в Москву и «били челом» царю Федору Алексеевичу, чтобы «судить бы их не в больших делах меж себя им, князьям в своих волостях, а в иных волостях иным князьям», иначе говоря, «быть бы им над родниками своими судьями» и «меж их суд и расправа чинить без градские волокиты» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 899. Ст. 4]. Бесспорно, якутские князья-тойоны стремились восстановить и зафиксировать свое исключительное право на судопроизводство в улусах, утрачиваемое в результате распространения российского законодательства и деятельности русской администрации.

Миссия Н. Никина «с товарищи» закончилась частичным успехом. Они добились издания специального указа от 9 февраля 1677 г., согласно которому судебные дела в улусах должны были рассматриваться только при участии представителей местного инородческого самоуправления: «вместе с их иноземскими князьями и с лутчими людьми; а без князев и лутчих людей однолично ясачным зборщиком и в малых делах не судить». Получение права участия в рассмотрении судебных дел, хотя бы и «малых», заметно укрепило позицию тойонов, усилило их положение как в улусах, так и в отношениях с русской уездной администрацией.

На противоположной стороне социальной структуры находились бескотные (безземельные) и малокотные (малоземельные) соотечественники тойонов. В документах того времени эти категории населения обозначались следующими словами и выражениями: «холоп», «работник», «захребетник», «бокан», «сосед», «живущий у» и «живущий около», «балыксыт», «беден, скота нет», «скитается меж двор», «худой человек, рыболов», «живет на озере» и т.д.

В переписной книге Одейской волости 1642 г. имеется особый раздел «Имена неясашным якутам захребетникам и их детям и братьям Одейсково улуса Сергуева, которые живут с ясашными якутами». В списке приведены имена 26 чел., которые «жили у/около» различных лиц. У них не было скота; трое из них были женаты, у одного был сын; двое происходили из других волостей. У Толка Коресеева «жило» три человека, у Сергуя Унегина, Ончока Битюкова, Кореса Туентуева, Тюмука и Тунуя Сергуевых и Таги Кундосова — по два человека [Там же. Ф. 1177. Оп. 4. Д. 52. Л. 5–6].

В Батурусской волости отмечено наличие 67 «холопов», живущих у 35 богатых лиц. По 4–5 «холопов» имели почти все представители семьи Очевых; сам Очей Табунтуев держал 5 «холопов», столько же — один из его сыновей Енок. Из 67

«холопов» 9 имели жен, но наличие имущества не отмечено.

Намские якуты — 47 чел. — показали у себя 57 лиц, «живущих» у них. Из них двое имели по одной корове. Только за Арчиной Качиковым числилось трое «живущих», у остальных было по 1–2 «работника». У князя Мымаха Намова жил один «мужик», у Ники Мымахова — два и т.д. [Там же. Д. 53. Л. 1–14].

Такая картина была типичной для остальных улусов, что видно из ясачной книги Якутского уезда 1648–1649 гг., содержащей схожие показатели по всем улусам (волостям).

«Живущие подле», как указывают документы, находились «в работе» у богатых соседей, при этом у них были своя юрта, минимум скота, своя семья, они занимались рыбной ловлей и платили ясак. Так, в 1655 г. батурусец Ондек Кылтин жил «подле» Билте Чермокова — состоятельного хозяина. Ондек имел лошадь и корову. У его брата было столько же скота, и было отмечено, что оба «кормятца-де они работою своею у своей братии якутов» [НИА СПбИИ РАН. Ф. 160. Карт. 19 (202). Стб. 13. Ст. 20]. Эта категория была наиболее многочисленной среди малоимущих жителей улуса [Иванов В.Н., 1966, с. 281–289].

В источниках отмечается и другая категория населения — так называемые «захребетники». Так, в 1645 г. в Успетской волости «захребетниками» обозначены 9 ясачных, имевших 37 голов скота; в Батурусской — соответственно 7 и 38. Количество скота на каждого колебалось от 3 до 8 голов, т.е. по своему материальному положению «захребетники» стояли ближе к «живущим подле», но отличались от них некоторой хозяйственной самостоятельностью.

Следующую, довольно заметную группу составляли те, кто в документах значится как «вскормленники». Их особое общественное положение отмечено служилыми людьми: «Турчак Бакин, Торонеев вскормленник. Ясаку на нем взят соболь», «Тороней Кочонеев, Каратюсюков вскормленник», «Кутуякан, Теков вскормленник», «Лююкан Бытыков, Элсенов вскормленник» и т.д.

С части вскормленников взимался ясак. В 1689 г. у неруктянского якута Бызиги умер его вскормленник Манык, и после него осталось «скота две коровы, две собаки, лотка и сети, и морды». Есть сведения, указывающие на происхождение «вскормленничества»: некий Бочюй взял «с улицы» якута Яттыка и «споил и вскормил, и женил его, и наделил скотом и платьем» [РГАДА. Ф. 1177. Оп. 1. Д. 144. Л. 73; Д. 190. Л. 211–212; Токарев, 1945, с. 106]. Особенность их положения состояла в том, что они не имели своей юрты, а проживали в юрте того, кто их «вскормил».

Вскормленничество обеспечивало хозяйства постоянной рабочей силой. Нередко вскормленники наследовали не только часть имущества, но и обязательство хозяина. Так, батурусец Тунуй-шаман «вскормил из малых лет той же волости якуцкого парня Булгуйка до полного возраста» с расчетом, что «хотя для своего старости и нужи наложить на него... ясаку своего окладу за прокорм соболя» [РГАДА. Ф. 1177. Оп. 1. Д. 182. Л. 11; Д. 218. Л. 428]. Таким образом, в практике вскормленничества имели место две формы отношений: воспитание работника и усыновление для наследования имущества.

Особую группу людей в якутском обществе составляли балыксыты — бескотные якуты. Нередко они характеризуются как «худые людишки». Например, Треки Сабаев — «человек бедной, бескотной, пешой и сходя-де жил по озерам, кормился рыбою»; некий Чекен из Батурусской волости «старый и увечный» жил по «чюжим юртам», «кормился около якутов», был не в состоянии «корму и рыбы на себя добыть» [НИА СРБИИ РАН. Ф. 160. Карт. 11 (194). Стб. 20. Ст. 28, 35] и т.п.

Служилые люди обнаружили в якутском обществе также лиц, которых они обозначили словом «боканы», нередко в чередовании со словом «холоп». Этим понятием обозначались сложные отношения; ясно только то, что боканы представлены как зависимые люди, исполняющие определенные поручения своих хозяев. Часть боканов имели скот и имущество; одни из них облагались ясаком, другие проживали у отдельных тойонов, не уплачивая ясак. Основная отличительная черта их положения — временный характер взаимоотношений с теми, у кого они проживали или работали: боканы часто меняли своих хозяев. Боканы не занимались рыболовством и пр., постоянным источником их дохода была работа в хозяйстве тойонов. За свою работу они получали материальное вознаграждение в виде скота, но после установления ясачного режима в отдельных случаях — шкурками лисицы или соболя для уплаты ясака.

Наконец, многими фактами подтверждается наличие среди якутов патриархального рабства. Рабы обозначались в документах «кулуты», часто — «холопы». Но определение их точного места в социальной структуре и отношениях якутов затруднено из-за неопределенности содержания термина «холоп». Только в тех случаях, когда в документах встречается слово «кулут», можно быть достаточно уверенным в отношениях зависимости. Некоторые из них были военнопленными, захваченными в ходе межплеменных усобиц. Кулутами становились в случае продажи из-за нужды (якута Тюбейка продал брат, «почто де у них роду и племени и скота нет»); были случаи, когда якут продавал

жену; более распространенным было «охолопление» богатыми якутами своих бедных сородичей.

Рабы-кулуты использовались во всех отраслях якутского хозяйства, но они не играли заметной роли в скотоводческой деятельности. Как показывают документы, рабский («холопский») труд почти не применялся в заготовке сена для скота на зиму [Иванов В.Н., 1966, с. 305–307].

Таким образом, в хозяйствах крупных собственников земли и скота складывался сложный комплекс социальных отношений. Основные производственные циклы: кормление скота в период его стойлового содержания, выпас скота на пастбищах летом, доение коров и кобылиц, обработка молочных продуктов, уход за скотом в хотохнах и т.д. — выполнялись в хозяйстве тойонов многочисленными родственниками, вскормленниками, боканами, «живущими подле». На второстепенных производствах и в качестве прислуги использовались рабы-кулуты.

Кроме того, у обеспеченных семей практиковалась передача скота на содержание в чужие хозяйства, хотя и в ограниченных масштабах. Перепись 1642 г. из трех волостей только в Намской выявила два случая передачи скота тойонами на содержание в чужие хозяйства: князец Ника Мымахов и богач Арчина Качиков передали по одной корове четырем семьям. Два содержателя имели по одной, третий — три головы своего скота; четвертый же — бескотный.

У якутов также существовала традиция передачи рабочего скота «в пользование» и «в тело». В летний период богатые семьи давали дойный скот в «пользование» малоимущим «для корму», «для молака и кумысу» за работу (главным образом — сенокос) в хозяйстве собственника.

Другая форма своеобразной аренды скота — *ха-саас* — появилась во второй половине XVII в., что было связано с возникновением скотоводческого хозяйства у русских служилых людей, передававших свой скот на содержание якутам на определенный срок.

Таким образом, центром развития социально-экономических отношений в якутском обществе стало сенокосно-пастбищное хозяйство тойонов и «лутчих людей», для обслуживания которого мобилизовались значительные трудовые ресурсы. Именно в хозяйстве тойонов сосредотачивалась значительная часть рабочих рук, занятая в заготовке сена, пастбищном и стойловом содержании скота, охоте, рыболовстве и других второстепенных отраслях хозяйства. Решающую роль играл труд «живущих подле» и «около» — бедных соседей, а подсобную — труд рабов и близких к ним категорий.

Процессы социальной дифференциации и отношения господства-подчинения порождали опреде-

ленную напряженность, отмечаемую на всем протяжении XVII в. Бедняки самовольно заготавливали сено на угодьях, принадлежавших тойонам, пускали скот на их пастбища и в стога сена. Некоторые безземельные бедняки бежали из родных улусов в соседние в поисках свободной земли, вступая в конфликты с местными владельцами сенокосов и скота. В 1648 г. «снизу Лены реки» из Борогонской волости пришли «под Олёмминский острог» на жительство «якуты Куренке со своей родней». На вопросы тамошней администрации они ответили, что «пришли-де на жительство для того, что-де» там «жить скоту кормно». Тойоны активно выступали против подобных переселений. Когда «худые» якуты из Одейской, Намской, Накарской и других волостей в 1646 г. пришли жить под Якутский острог, где находились сенокосные угодья кангаласского князя Еюка Никина, то последний настойчиво требовал от русских властей их «сослать жить на старые места».

3.2. НАРОДЫ СЕВЕРА

Из исторических источников XVII в. видно, что в описываемое время, несмотря на первые последствия русской колонизации — миграции народов Севера в связи с установлением ясачного режима, начало культурных контактов, колебания численности людей из-за эпидемий оспы, — по-прежнему на северных реках развивалось полуоседлое рыболовческое и охотничье-промысловое хозяйство юкагиров. Усиливается процесс обмена ценных мехов на предметы, завозимые русскими промышленниками и торговыми людьми.

Кочевники-оленоводы эвенки и эвены продолжили освоение территории Якутии в северо-восточном направлении, вступая в этнокультурные контакты с юкагирами и палеоазиатами Северо-Востока. Продвигавшиеся вслед за ними русские служилые люди, в частности, у места впадения р. Ульи в Охотское море застали тунгусов из четырех родов: киларов, долганов, горбыканов, бояшенцев. В одном из них было «человек пятьсот и больше, а у иных де родов потому же и больше их улусных людей. А на той де реке на Улье соболя и иного всякого зверя у них много, а бой у них лучшей, у стрел копейца и рогатины все костяные, а железных мало; и лес и дрова секут и юрты рубят каменными и костяными топорами» [РГАДА. Ф. 1177. Ст. 66. Л. 1]. Как свидетельствуют эти источники, при всей архаичности материальной культуры имело место развитие кузнечного дела.

К 1650 г. относится сообщение о «куяке ламутского дела (изготовления)», который указан в числе имущества гарнизона Индигирского острога [Белов, 1952, с. 196]. В отписке казака С. Епишева якутскому воеводе в 1652 г. отмечено, что охотские тунгусы

(ламуты) «збруйны и оружейны, с луки и с копыи, в куюках и шишаках в железных и костяных» [ДАИ, т. 3, с. 92], а кроме того, во время осады Охотского острога в 1678 г. они явились и с «нарышнями» и «щитами» [ДАИ, т. 7, с. 279]. Подобное вооружение свидетельствовало также о развитии ремесла, в частности кузнечества, например, у эвенов-ламуты.

За отсутствием достаточного количества источников очень сложно реконструировать общественный строй народов Севера. Прежнее определение его как патриархально-родового и «первобытного коммунизма» не удовлетворяет современным достижениям науки. Так, существует обоснованное мнение, что «род юкагиров в XVII в. в большей степени являлся общественной, чем экономической единицей. Он объединял экономически самостоятельные и обособленные группы родственников» [Антропова, 1957].

Ввиду того что под родом (*омок, кудэйэ, миибэ*) подразумевается территориальное объединение, начиная с работ В. Йохельсона используется термин «семья-род», «большая семья», «составная семья». В состав рода входило немало чужаков, представителей других «семей-родов», их иногда называли «улусными людьми» по примеру якутов.

Большую социальную роль в таком объединении играли *лигэйэ шоромох* — старейшина, распорядитель промыслов и мест для жительства, *алма* — шаман, защитник от злых духов и прорицатель (оба единокровные члены семейной общины), *тенбэйэ шоромох* — сильный человек, воин, не всегда кровный родственник, мог быть зятем, *хангичэ* — первый охотник, также мог быть неединокровным членом рода. Несмотря на то, что в случае войны или во время охоты последние двое были главными участниками, всем распоряжались и все организовывали старейшина и шаман. Первому также принадлежало право созыва совета рода.

Русские документы XVII в. не всегда последовательны. Они могли обозначить термином «род» небольшую семейную группу в несколько десятков человек или большое объединение, соответствовавшее одному из 12 древних «племенных» объединений юкагиров. Например, могли назвать «родом» всех чуванцев. А такие группы насчитывали сотни человек. Так, на Индигирке служилые люди застали род князя Шенкодья шамана в 400 чел., род князя Пелева «з двести человек», Морлев род в 250 чел., род князя Бегелга в 250 чел., род князя Улда «с сорок человек» [РГАДА. Ф. 214. Ст. 43. Л. 28–29].

Таким образом, можно предположить, что действительно в этот период существовали «речные» объединения юкагиров. Учитывая отмеченную в первой главе особенность расселения предков юкагиров

вдоль речных долин оседлыми поселками, можно с уверенностью говорить о территориальном характере обеих форм социальной организации юкагиров, считая это отличительной ее особенностью.

Невозможно на основании исторических свидетельств утверждать, что существовала собственность на земельные угодья, но охотничьи угодья ревниво оберегались омоками от посторонних. Они вели совместное хозяйство, осуществляли сезонную перекочевку, защищали свои промысловые угодья. Вторая половина XVII в. внесла необратимые коррективы в общественный строй юкагиров. Вследствие депопуляции (из-за завезенных русскими земледельцами болезней, прежде всего оспы), интенсивных миграций и контактов с пришлыми тунгусами, якутами и русскими произошло нарушение прежних связей и распад древних объединений. Бывшие некогда едиными, речные объединения, омоки, еще более мелкие семейные группы оказались разбросаны на огромной территории Северо-Востока. В местах переселения они вступали в контакты с другими юкагирскими и иноязычными группами, входили в состав иных социальных и этнических объединений.

К концу XVII в. ареал расселения юкагиров стал заметно сокращаться. Исчезли нижнеленская, янская группы юкагиров, уменьшались индигирская и анабарская.

На территории Якутии кочевали «оленные» тунгусы (*дункан*), отличающиеся от «конных» и «скотных» тунгусов Забайкалья, у которых общественный строй имел схожие черты с бурятами. По сравнению с тундренными оленеводами тунгусы держали сравнительно небольшие стада оленей. Оленей держали как «кормных» (на мясо), так и в качестве транспортного средства, запрягая их в нарты. И. Идес изобразил в своих материалах нарты небольшого размера, а также низкую нарту. Судя по всему, тунгусы в свое время заимствовали такую форму нарт от народов, занимавшихся собаководством. Основным занятием тунгусов была

охота на лося, дикого оленя, медведя. «Зимовейные ясачные люди, кормятца зверем и рыбою и живут, переходя с места на место», — подобные записи можно часто встретить в ясачных книгах. Пушной промысел был необходим для обмена с якутами, а также для сдачи ясака. Охота начиналась поздней осенью или в начале зимы, приостанавливаясь в сильные морозы, и продолжалась до весны.

Тунгусы в этот период, судя по русским документам, жили большими патриархальными семьями (также в этнографической литературе их называют общинами-стойбищами): «детей три сына женатых да... брат ево» (как часто говорится в русских документах XVII в.), вскормленники, боканы и рабы. Более крупные объединения принято считать «генеалогическими» родами, связанными только представлениями об общем предке [Степанов, 1939, с. 54]. Если в первых было от нескольких до 30–40 взрослых мужчин и женщин, то вторые могли насчитывать сотни человек. До сих пор не утратили своего значения монографии, изданные в основном в советское время, где были реконструированы социальные отношения эвенков, преимущественно на примере тунгусов Западной и Южной Сибири, а также юга Дальнего Востока [Анисимов, 1936; Василевич, 1969; Карлов, 1982; Туголуков, 1985; Дьяченко, Ермолова, 1994]. Материалы этих исследований с известной долей поправки на локальные особенности применяются по отношению к истории тунгусов Якутии. В частности, речь идет о категории «род», о которой мы пишем в данном разделе.

Имущественная дифференциация у тунгусов наблюдалась и до прихода русских, но с учетом усиления контактов не только между родами одной этнической группы, но и между различными народами она могла усилиться.

На протяжении XVII в. продолжает развиваться рабство, причем имела место продажа в рабство не только самим тунгусам, но и другим народам, в частности якутам и русским.

ГЛАВА 4

ОСВОЕНИЕ ЯКУТИИ РУССКИМ ГОСУДАРСТВОМ И ПОСЛЕДСТВИЯ ЭТОГО ПРОЦЕССА

Проникнув на среднюю Лену в 1620-х годах, русские землепроходцы сразу же приступили к «проведыванию» еще более отдаленных земель на севере и востоке.

В 1632 г. было основано Жиганское зимовье, которое постепенно стало важным опорным пунктом для освоения «дальних заморских рек». В 1633 г. служилые и промышленные люди во главе с Ива-

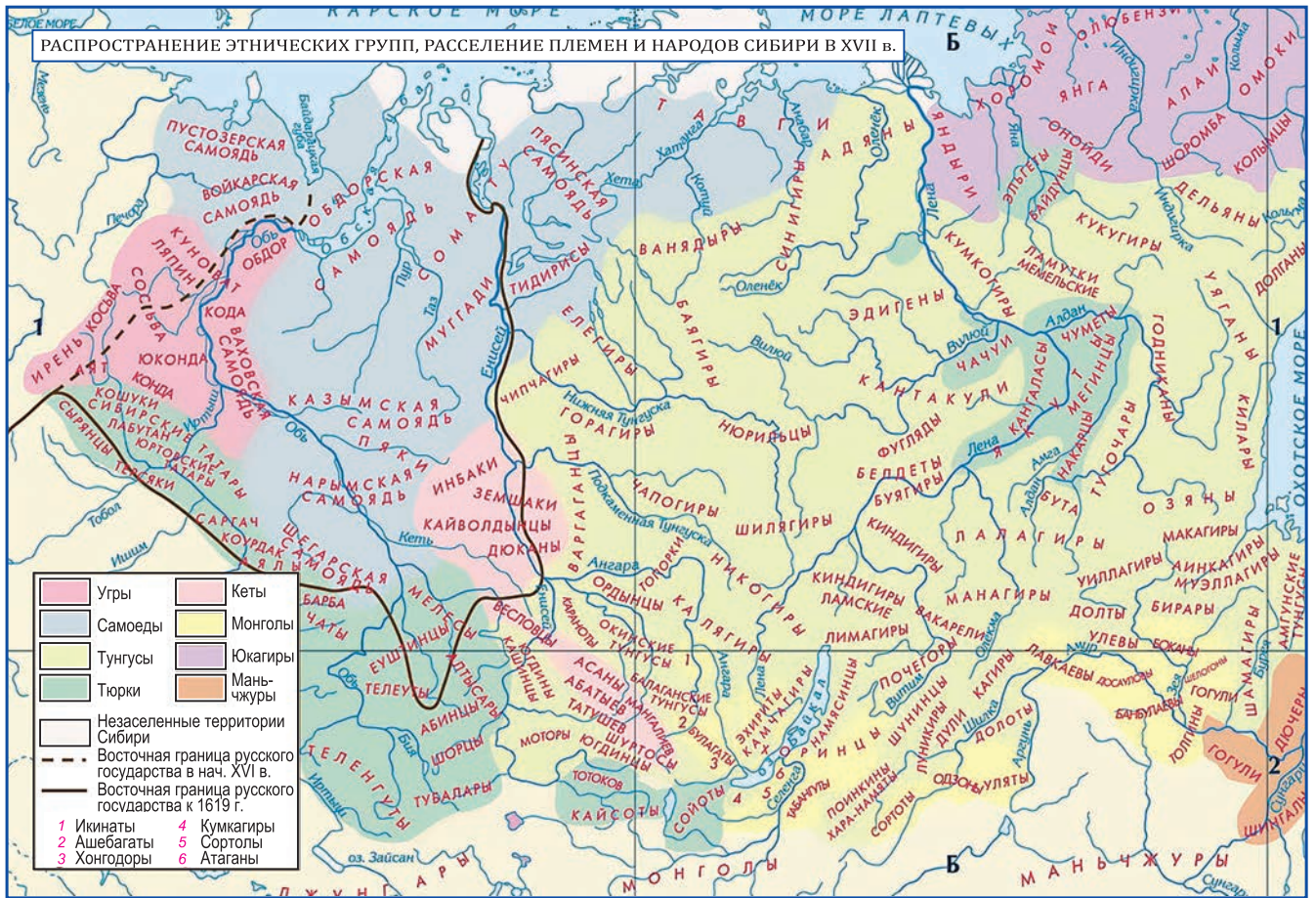
ном Ребровым и Ильей Перфильевым, спустившись по Лене к морю и направившись к востоку, достигли устья р. Яны, где поставили зимовье. Здесь они собрали ясак с юкагирских племен, и Перфильев с этим ясаком отправился в Енисейск, а Ребров, оставшись с частью служилых людей, в течение 7 лет «проведывал» новые земли: совершил морской поход на «Индигир реку» и поставил там



М.М. Носов. Долина Эркээни.



Территория Евразии в Российской империи (Историко-культурный атлас Бурятии. – М.: ДИК, 2001).



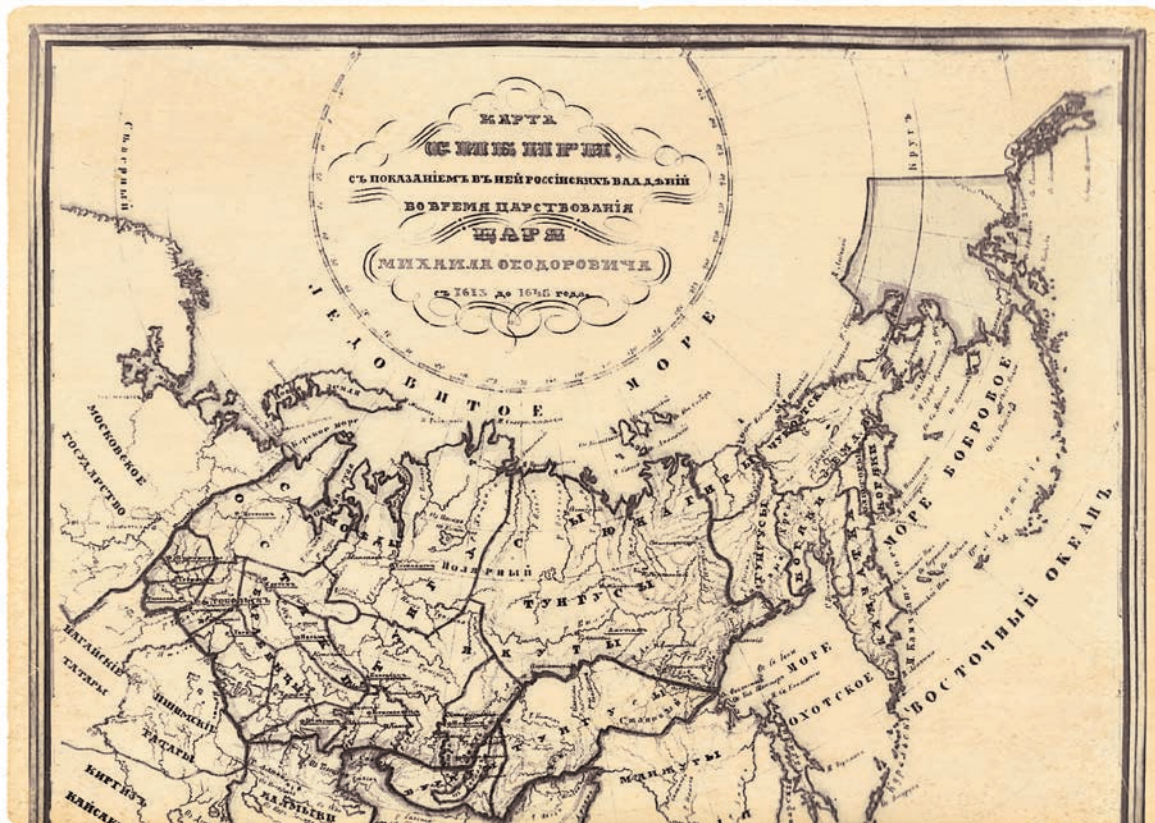
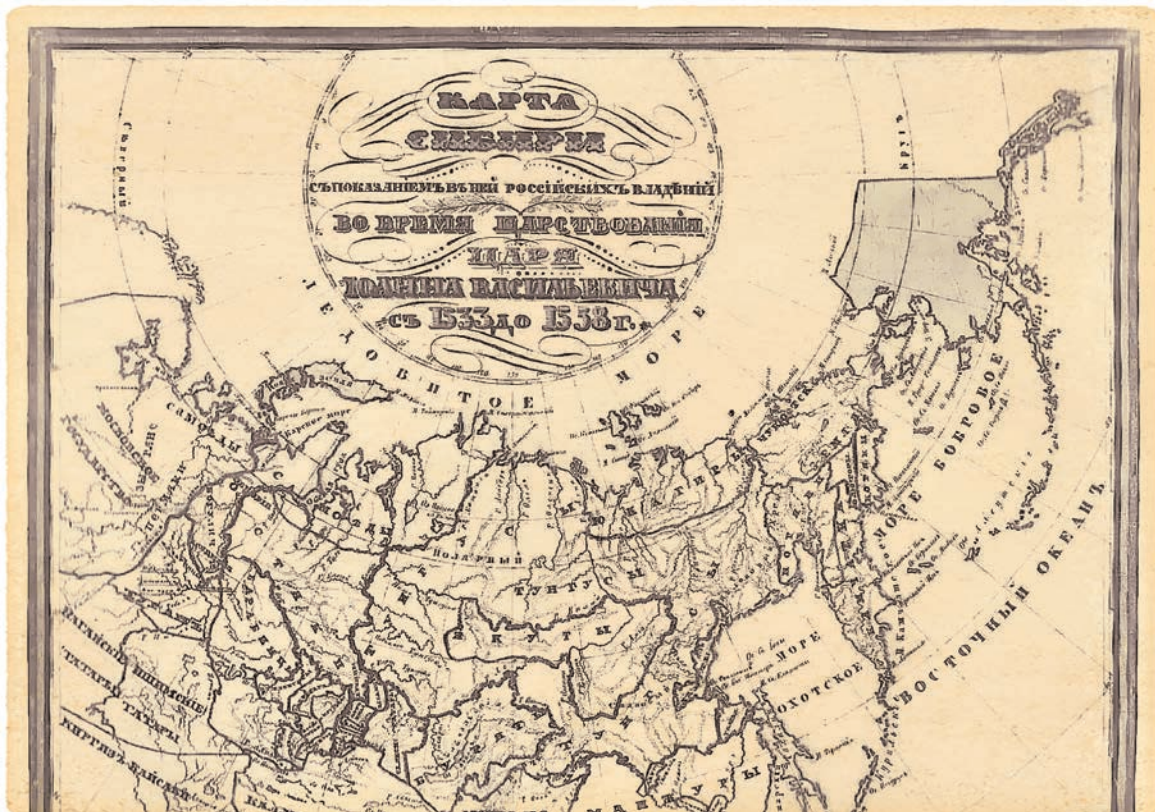
Распространение этнических групп. Расселение племен в Сибири в XVII в.
(Историко-культурный атлас Бурятии. – М.: ДИК, 2001).



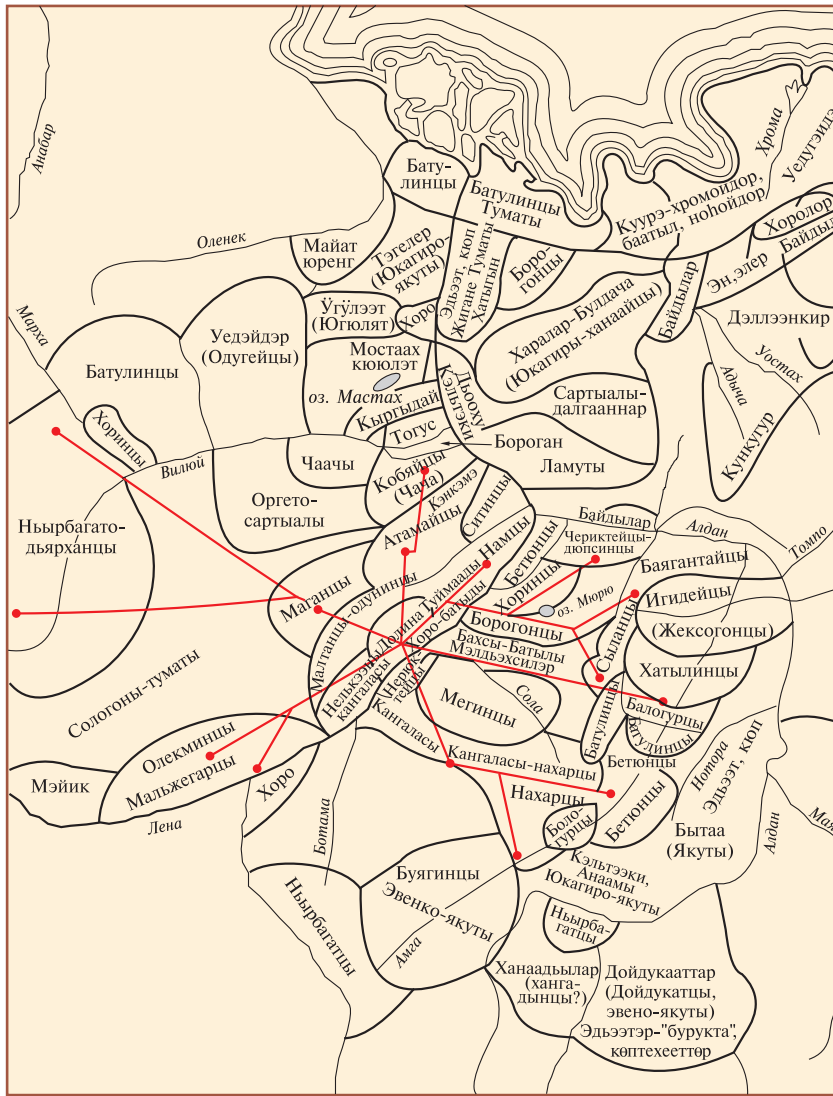
Ю. Голиков. Присяга Легея о мире и дружбе. 2003 г.



Освоение Сибири в XVI–XVIII вв.

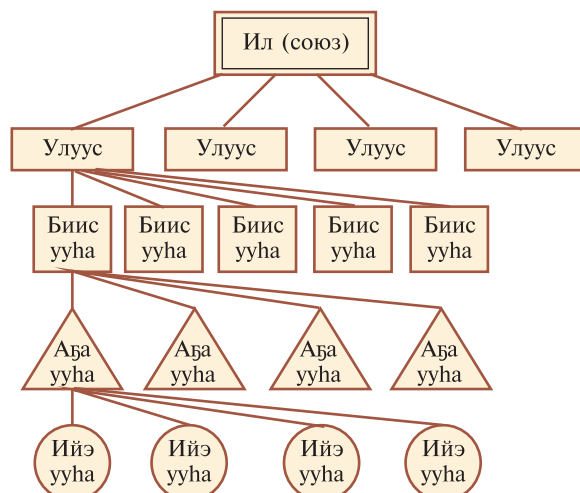


Из фондов Отдела рукописей РНБ.



Памятник Петру Бекетову в Якутске.

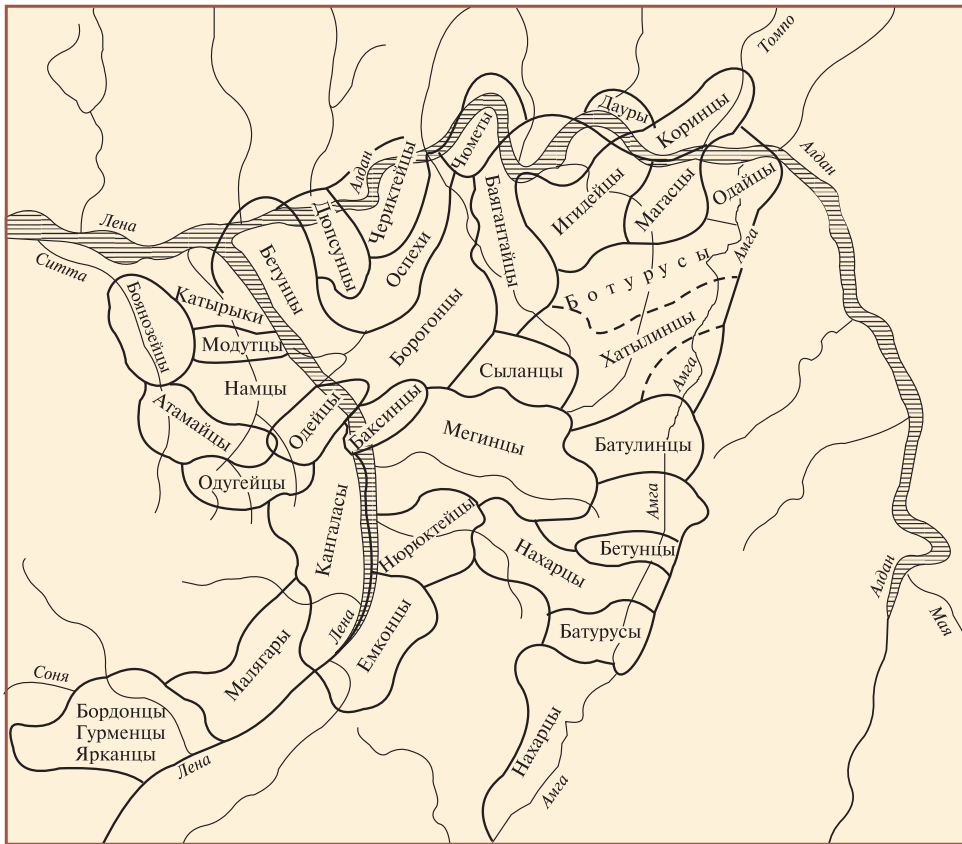
Карта расселения якутских племен в начале XVII в., составленная краеведом С.И. Боло и И.Д. Новгородовым (*Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири XVII в. – М.: Наука, 1960).



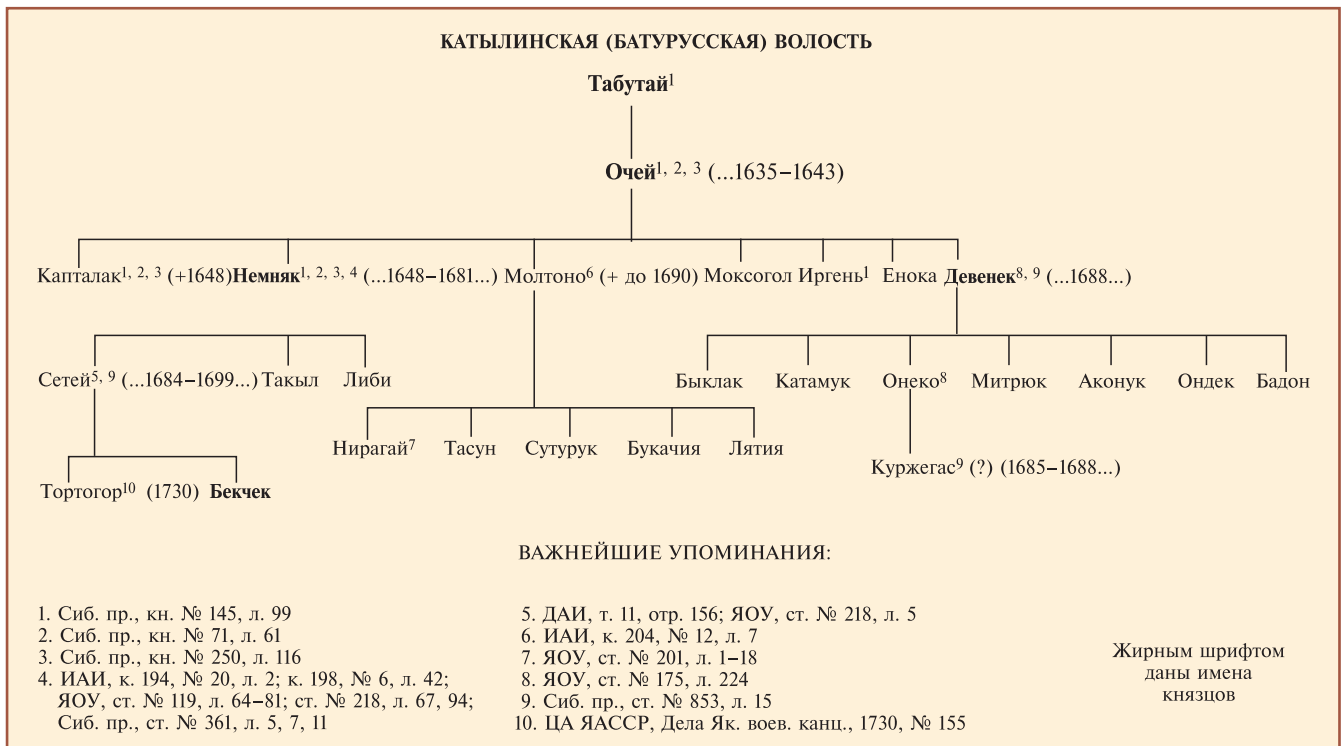
Улусная система (*Антонов Н.К.* Материалы по исторической лексике якутского языка. – Якутск: Кн. изд-во, 1971).



М.Н. Захарова. Тыгын (Тынин), хангаласский князь.

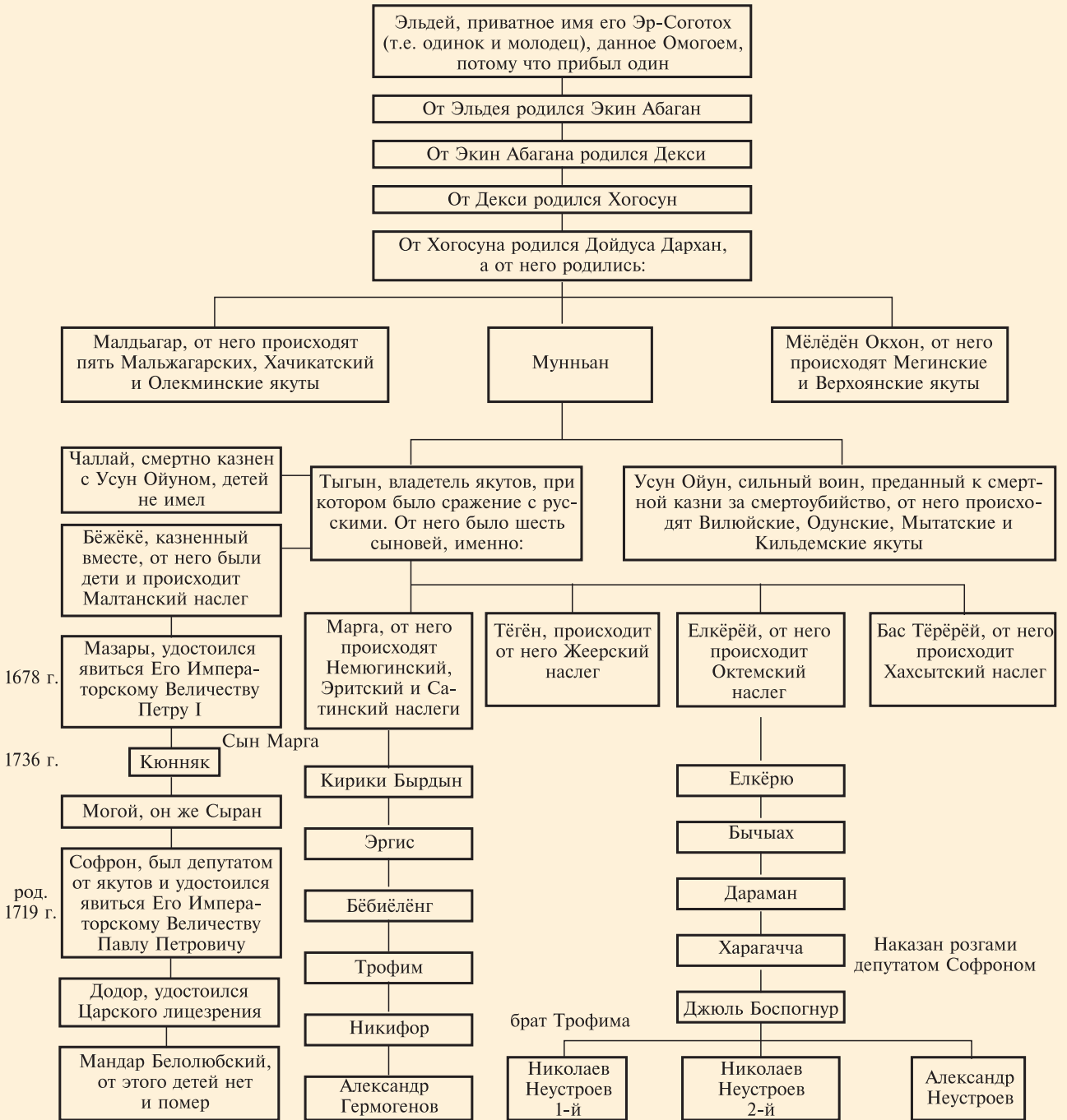


Расселение лено-амгинских якутов (*Материалы по истории Якутии XVII в. – М., 1970. – Т. 3.*)



Катылинские князцы (*Токарев С.А. Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. – Якутск, 1945.*)

Родословие Якутского Кангаласского улуса, составленное из словесных преданий старейшин якутов. Ноября 12 дня 1865 г.



Из: *Исторические предания и рассказы якутов*: В 2 ч. / Подгот. Г.У. Эргис; Под ред. А.А. Попова. – Л.: Изд-во АН СССР, 1960.



Вид города Якутска (из книги Н. Витзена «Северная и Восточная Татария»).



И.В. Попов. Якутск в XVII в.



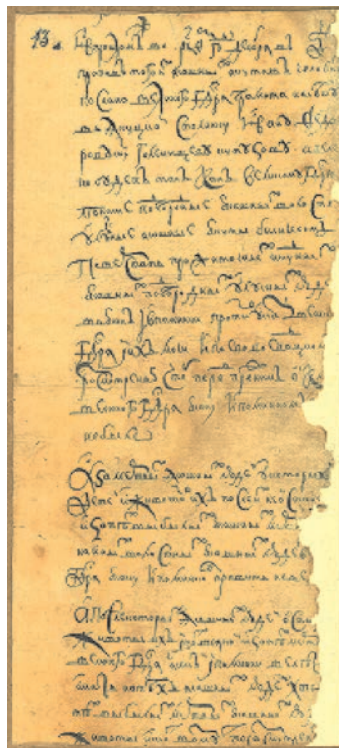
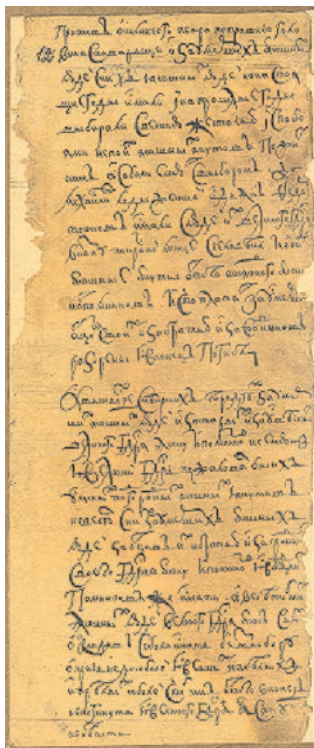
Сбор ясака. Миниатюра из Ремезовской летописи.



Печать Якутского острога.
1682 г.



Юкагиры (из открытых источников сети Интернет).



Челобитные якутов разных волостей.



И.Ю. Пестряков. Кангаласский князец Мазары Бозеков на приеме у царя Федора Алексеевича. 1677 г.



М.Н. Захарова. Мазары Бозеков, внук Тынины.

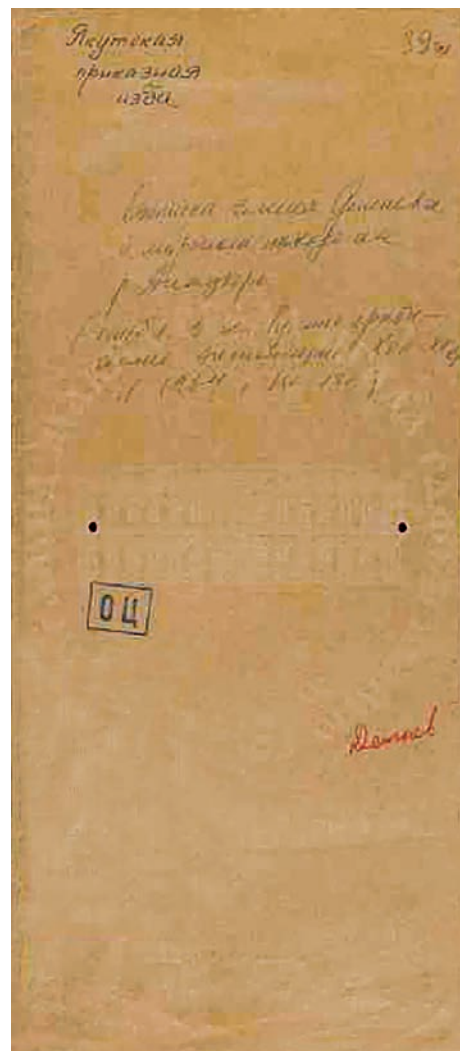


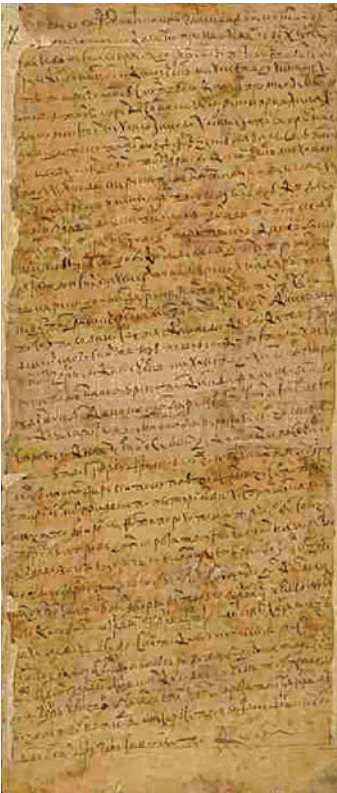
Башня Якутского острога.



Материалы о деятельности С. Дежнева в РГАДА.

З. Баженова. Семен Дежнев.

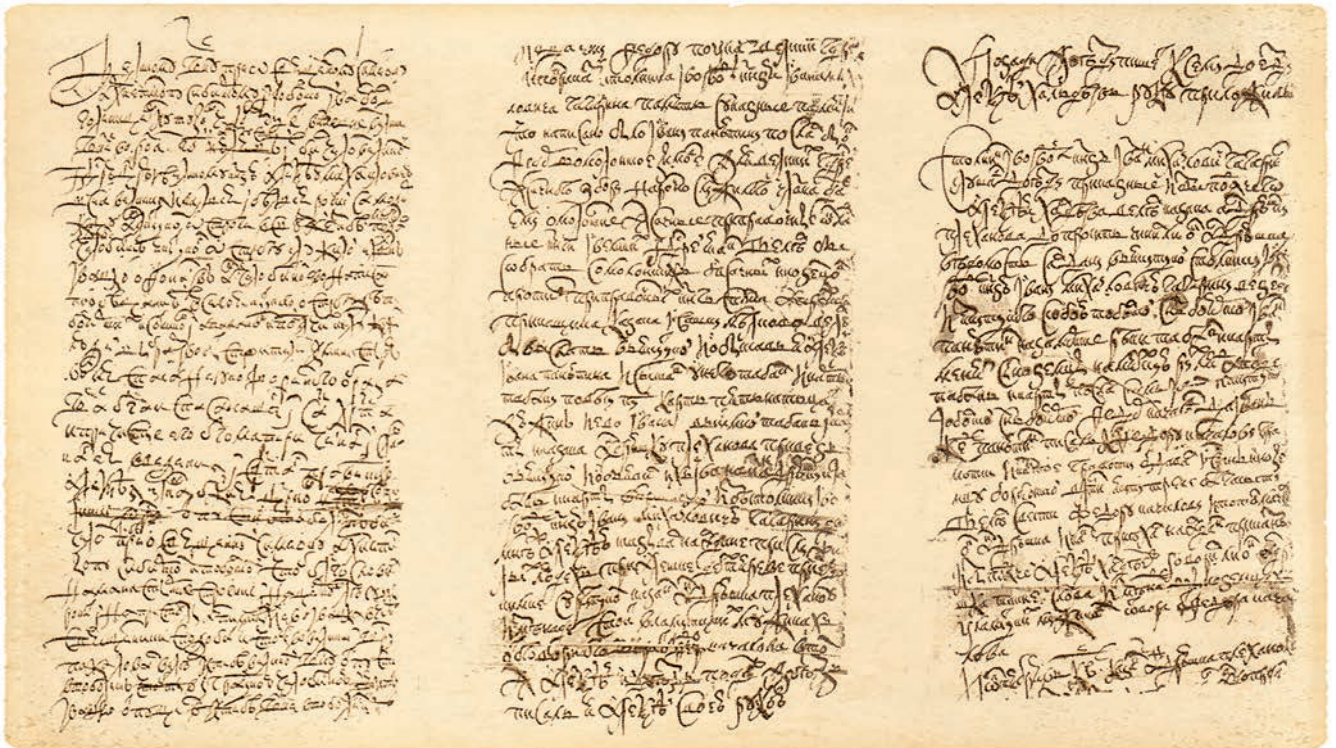




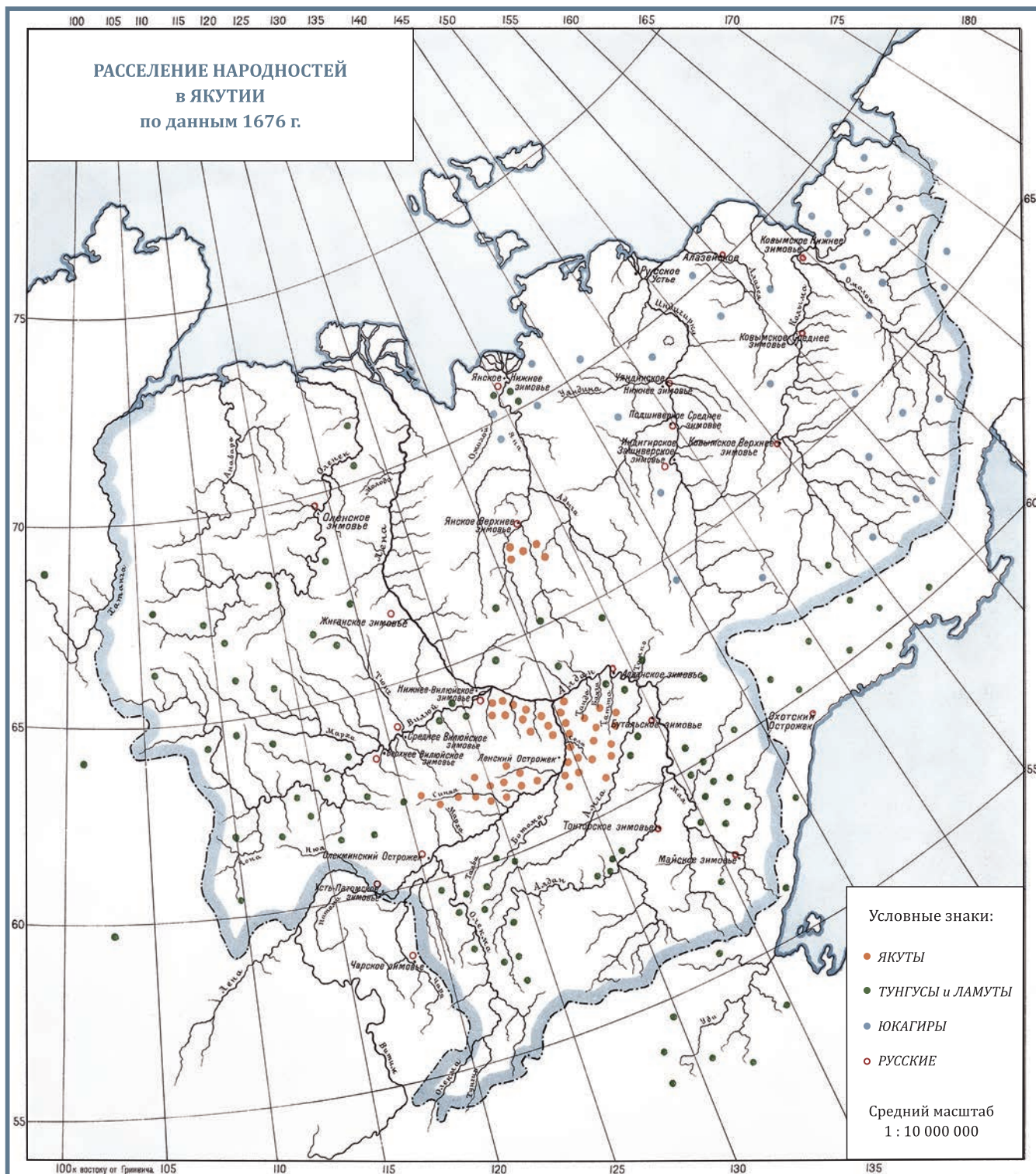
Материалы о деятельности С. Дежнева в РГАДА.



Чертеж Сибирской земли. Карта, составленная воеводой П.И. Годуновым. 1667 г.



Челобитная о строительстве Якутского Спаского монастыря. 1663 г. НА РС(Я).



Расселение народностей в Якутии по данным 1676 г. (Якутия: Сб. ст. / Под ред. П.В. Виттенбурга. – Л.: Изд-во АН СССР, 1927).

два острожка. Состоялось открытие «Юкагирской земли».

В 1641 г. Ребров с богатым ясаком вернулся в Якутск. В следующем году он был вновь отправлен к побережью Ледовитого океана; на этот раз направился к западу от Лены и достиг р. Оленёк, «срубил» там зимовье и прослужил до 1647 г. В 1636–1637 гг. со стороны суши в краю «Собачьем» побывал с небольшим отрядом енисейский казак Посник Иванов. В 1636 г. на р. Оленёк прибыл отряд енисейского десятника Елисея Бузы, отправленного «для прииску новых земель» на море и впадающих в него реках. С устья Оленька он поднялся вверх, затем сухим путем перешел на р. Молоды, по ней попал на Лену и на двух кочах спустился в море, повернул к востоку от устья Лены, добрался до устья р. Омолой и здесь потерпел крушение. На нартах Буза перебрался «через Камень до Янской вершины», где после ряда вооруженных столкновений собрал ясак с местных якутов «князя Айбы» (1637 г.). В дальнейшем он действовал в низовьях Яны, где построил острожек и собирал ясак с юкагиров. Для истории важен зафиксированный Бузой факт, что якуты заселили бассейн верхнего и отчасти среднего течения р. Яны еще до прихода русских.

Примерно в то же время до «заморских рек» стали добираться сухопутными дорогами через Верхоянский хребет. В 1635–1636 гг. «зимним путем на конях» достиг верховьев Яны и поставил там зимовье служилый Селиван Харитонов. Конный переход «через хребет» совершил с отрядом в 30 чел. в 1638 г. Посник Иванов, поставивший на р. Яне зимовье и объясачивший «многих якуцких людей князю Кутургу да Тунгуса». В 1639 г. он попал на Индигирку, срубил зимовье (впоследствии названное Зашиверским), вступил в «крепкий бой» с юкагирами и заставил их внести ясак. Вскоре его сменил Дмитрий Ерило, который в нижнем течении Индигирки основал Олюбенское зимовье (1641 г.) и оттуда в 1642 г. с отрядом в 15 чел. вышел в море, «дошел до Алазейской реки», одолев довольно сильное противодействие объединенных сил юкагиров и чукчей, «положил их в ясак», построил «зимовье с острожком». В 1642–1643 гг. в районе р. Алазей действовал отряд Д. Зыряна из 15 чел.

С 40-х годов XVII в. началось «хождение» в Колымскую землю: в 1640 г. Селиван Харитонов, выйдя из р. Яны, «перешел море», проник на Колыму, а в 1641 г. казачий десятник Михаил Стадухин, склотив отряд из служилых и промышленных людей, пошел с Оймьякона вниз до устья р. Индигирки, а далее морем доплыл до Колымы. Здесь он обустроил зимовье, в котором оставил 13 служилых людей во главе с Семеном Дежневым, обессмертившим свое имя открытием в 1648 г. Берингова пролива.

В местах, пригодных для жилья и прежде всего имевших важное стратегическое значение, возводились остроги и зимовья. Самый первый опорный пункт русских, Ленский острог, сменив несколько раз свое местоположение, наконец, в 1643 г., при воеводе Петре Головине, был выстроен на месте «угожем и стройном» — там, где сейчас находится Якутск. Это район так называемого Еюкова луга (по имени кангаласского князя Еюка Никина).

Новая крепость, выстроенная казаками под начальством сына боярского Алексея Бедарева, имела окружность в 333 печатные сажени (свыше 600 м), четыре воротные и четыре наугольные башни. Были выстроены воеводская изба, амбары для собольиной казны, хлеба и соли, пороховой погреб, аманатская изба, храмы во имя преподобного отца Михаила Малеина и Живоначальной Троицы.

За стены был вынесен Гостиный двор, амбар и двор «для приезду иноземцев». К 1663 г. относится строительство Якутского Спасского монастыря.

Если в предыдущем остроге проживало не более 300 чел., то к 1656 г. здесь уже числилось около 400 жителей. Из более чем сотни дворов около половины принадлежало казачеству, а во второй половине столетия начался приток посадского населения.

В 1678 г. воевода Ф.И. Бибиков разделил город на четыре посада: первый посад, в южной части, в Кремле и за Логом, был занят детьми боярскими и служилыми людьми, второй, в юго-западной части, был заселен «гостями» и торговыми людьми; третий, юго-восточный посад, заселялся раскольниками, четвертый — к северу — польскими и другими ссыльными пленными, а также иными уличенными в различных незначительных преступлениях. Над каждым посадом был назначен посадский из детей боярских [Москвин, 1864, с. 174].

Поскольку от берега р. Лены город находился всего лишь в 100 метрах, участвовавшие сильные весенние разливы реки стали подмывать крепость. По этой причине при воеводах И.В. Приклонском и М.О. Кровкове в 1681–1687 гг. город был перенесен на более высокое место, примерно в 800 метрах от берега Лены (район современной Площади Дружбы). Теперь он имел два ряда мощных укреплений: внутренний и внешний город, каждый из которых включал по восемь башен. Территория города увеличилась в 2 раза. Появились новые храмы, казенные дома. Численность городского населения достигла 1000 чел.

Кроме Якутска были возведены Олёкминск (в 1633 г. — Олёкминское зимовье), Виллюйск (1634 г.), Верхоянск (1638 г.), Среднеколымск (1643 г.), которые впоследствии выросли в современные города Якутии.

Первым населением острогов и зимовий были служилые люди. До середины столетия официально их числилось около 500 чел. Хотя чуть ли не с самого начала якутские воеводы Пушкин, Супонев, Д.А. Францбеков, М.С. Лодыженский и др. стремились увеличивать штат служилых людей до 600 или даже до 1000 чел., по причине постоянного их недостатка правительство неохотно шло навстречу. Так, в 1660–1670 гг. по Якутскому уезду полагалось по штату иметь 644 чел., но налицо в 1651 г. было 453 чел., в 1676 г. — 531 чел., и даже в 1691 г. числилось 151 «убылое место», т.е. вакантные по штату места [Сафронов, 1967, с. 44].

Начиная с 1649 г. за некоторые преступления предусматривалась ссылка «на житье на Лену» [Судебное уложение..., 1987, с. 100]. Хотя уже в 1642 г. сюда были высланы так называемые «украинцы» (чугуевцы, куряне, воронежцы) — 93 мужчины с семьями, всего 188 чел. Из них до места добрались только 10 семей [Сафронов, 1967, с. 75]. Поэтому освоение Ленского края в XVII в. осуществлялось также и за счет ссыльных, которые направлялись на службу, пашню и в посад.

По данным Ф.Г. Сафронова, в 1640–1700 гг. в Якутию было сослано 1880 чел.: крепостные и черносошные крестьяне, холопы, казаки, стрельцы, «гулящие» люди, а также посадские люди, религиозные сектанты, иностранные пленные. Из них с 1651 по 1700 г. в Якутский уезд распределено 570 чел., но 240 из них не доехали до места назначения: часть остались в городах Сибири, верховьях Лены, часть сбежали или умерли [Сафронов, 1967, с. 28, 35].

До 1680-х годов в Якутию ссыльные направлялись главным образом на службу. Так, в 1648 г. в службу вновь было принято 17 чел., из них 8 были ссыльными (47 %). В 1640–1653 гг. всего на «убылые места» было принято 296 чел., из них — 111 ссыльных (37,5 %). Всего в 1640–1701 гг. было набрано на службу по Якутскому уезду 550 чел., из них 147 ссыльных [Там же, с. 46–47].

Центральные и местные власти имели разные взгляды относительно принципов комплектования служилых людей. Так, 20 октября 1649 г. якутскому воеводе Д.А. Францбекову из Сибирского приказа поступила грамота о «верстании» на свободные служилые места ссыльных, а не «гулящих» людей. Якутов же не устраивала работа ссыльных в качестве служилых людей. Поэтому в 1679 г. на их просьбу увеличить количество служилых людей из числа свободного населения был издан указ Сибирского приказа о наборе в Енисейске 40, а в Илимске 20 казаков, которые бы по собственному желанию поехали служить в Якутский уезд. Воеводы просили набрать «людей добрых, чтоб не воры, и не зернщики, и не бранники, и не ссыльные, и не тяглые, и не дворовые» были [Якутия..., 1953, с. 313].

Значительный процент русского населения Якутии составляли промышленные люди. Особенно это стало заметно в 1640-е годы, в период «пушной лихорадки». По данным якутской таможи, в год через нее проходило не менее тысячи человек. Главными объектами добычи кроме «ясачного» соболя были красные и черно-бурые лисицы. Высоко ценились также горностаи и бобры. Промысел шкур других животных — белки, медведя, полярного песца, рыси и др. — не имел особого размаха.

Методы и приемы охоты, особенно на соболей, русские промышленники заимствовали у коренных жителей — тунгусов и якутов. В местах, где встречались соболиные следы, устанавливались пасти — ловушки. Сложнее было обнаружить соболиные норы. Зверьков выкуривали из нор дымом и ловили при помощи сетей.

Промыслом пушнины занимались как небольшие промысловые артели — покруты, так и крупные торговые дома. Члены таких артелей, покрученники, попадали в зависимость от своих хозяев — организаторов артелей. Степень зависимости определялась размером вклада в предприятие; те, кто мог сам обеспечивать свое участие в артели, обладали большей свободой. Малоимущие промышленники, подписавшие «покругную запись», полностью зависели от хозяев-нанимателей.

Промышленники вели также меновую торговлю с местными жителями, у которых большим спросом пользовались металлические предметы (топоры, котлы, слитки металла), *одекуй* (бисер), позднее мука, ткани и прочий товар. Взамен промышленники получали пушнину.

Нередко в организацию экспедиций промышленников государство вкладывало основную часть необходимых средств. Если знаменитый поход Семена Дежнева и Федота Алексеева был целиком частным предприятием, то экспедиции Василия Пояркова и Ерофея Хабарова финансировались государством. Воеводы, приказчики, казаки предводители были активными участниками экспедиций. Очень часто служилые люди и промышленники действовали сообща, побуждаемые не только служебными обязанностями, но и личной заинтересованностью в получении прибыли.

Выдающимся явлением в освоении края стала крестьянская колонизация. Потребность обеспечения служилого населения Якутского уезда хлебом заставила правительство принять меры по созданию здесь самостоятельной продовольственной базы. Еще первые якутские воеводы Петр Головин и Матвей Глебов вначале провели обследование пригодных для земледелия мест в крае и «посадили» на пашню под Якутском пять «охочих» промышленных и служилых человек. Этот первый опыт оказался неудачным, так как «на весну долго

дозжей не живет, рожь выдымает ветром, ячмень мороз побил» [Сафронов, 1961, с. 117].

Успешным было сельскохозяйственное освоение верховьев Лены, рек Олёкмы и Амги. Во второй половине 1660-х годов возникла Пеледуйская, в начале 1680-х — Витимская деревни. В обеих деревнях насчитывалось до 17 семей крестьян, которые обрабатывали более 11 дес. государевой и 78 «собинной» (собственной) пашни.

В середине XVII в. в 8 верстах выше Олёкминского острожка была основана Олёкминская деревня (около 10 дворов). В 1696 г. они обрабатывали 7 дес. государевой пашни.

Наконец, в среднем течении Амги в 178 верстах к востоку от г. Якутска в этот же период возникла Амгинская деревня. К 1685 г. она разрослась до слободы, где жило 17 семей. Они засевали 15 дес. казенной и 135 дес. собственной пашни [Там же, с. 112–116].

Интересно, что, несмотря на разведанную перспективность заселения Амги земледельцами, воеводы воздерживались от помещения там крестьян, опасаясь нанести урон ясачному сбору, «потому что стало то место в самом людном месте в якутах» [Там же; РГАДА. Ф. 214. Д. 274. Л. 191, 620–623]. Опасения воевод были небеспочвенны, так как под влиянием событий присоединения края происходили миграции якутского населения. Причем если у тунгусов, например, миграции были связаны с кочевым укладом жизни оленеводческого хозяйства, нежеланием платить ясак, то у якутов одной из основных причин стали также эпидемии. Так, из-за эпидемии 1650–1653 гг. тунгусы — эдиганы и эдяны, кочевавшие в бассейне нижней Лены, переселились на Таймыр, та же эпидемия нанесла урон даже якутам, проживавшим на нижней Яне. Всего в связи с колонизацией края во второй половине XVII в. на территории Якутии было три крупных эпидемии оспы.

Во второй половине XVII в. в связи с изменениями в социально-экономической жизни народа усилилось движение населения и произошло значительное расширение территории расселения якутов. Население перемещалось из одних улусов в другие, из центральных районов в окраинные и наоборот. В результате увеличилось якутское население на р. Вилюй, в районе Олёкмы, в бассейнах рек Яна, Индигирка, нижняя Лена, Оленёк, Анабар и др. Поселения якутов появились на Колыме, Алазее, на охотском побережье, на озере Есей и т.д. Якуты в основном освоили почти всю территорию современного обитания [Парникова, 1971, с. 80–81].

С передвижением населения связано распространение скотоводческого хозяйства на север. Во второй половине XVII в. оно продвинулось на среднее течение Вилюя. В представленной в 1730 г.

Г.Ф. Миллеру ведомости говорилось о том, что проживающие в Олёкминском, Удском, Зашиверском острогах, Чаринском, Верхневилуйском, Средневилуйском, Усть-Вилуйском, Майском, Тонтрском, Бутальском, Жиганском, Усть-Янском и Верхоянском зимовьях якуты «довольствовались скотом, ловлею рыб и зверей». Самым северным пунктом, куда проникли якуты со скотом, было Усть-Янское зимовье. Скотоводство появилось и на территории колымских зимовий. Рогатого скота по-прежнему было больше, чем лошадей: в 70-х годах XVII в. рогатый скот составлял около 60 % общего количества животных в хозяйствах.

Скотоводство продолжало оставаться основным источником существования для большей части якутского населения. Рыболовство в традиционных районах проживания якутов, а также у олёкминских якутов уже не имело такого значения, как в более ранний период, зато у вилюйских и колымских якутов оно играло большую роль, чем у других групп. Охота же стала играть почти решающую роль в хозяйстве якутов, проживающих на Колыме, Яне, Оленьке и в других северных местностях. Принципиальных изменений в технике рыболовства и охоты не произошло, за исключением некоторых усовершенствований (появление крючковых снастей, переметов, модернизированных самоловов и т.д.). Новым в хозяйстве северных якутов явился переход к оленеводству.

Освоение огромной территории Ленского края поставило перед правительством вопрос о снабжении служилых людей продовольствием, прежде всего хлебом. Поэтому с первых же лет появления здесь русского населения возникает пашенное земледелие, сначала в верховьях р. Лены, а затем и на территории собственно Якутского уезда [Сафронов, 1956]: в пяти пунктах по берегам Лены, в устьях ее притоков — Витима, Пеледуя и Олёкмы; в Кангалассах около г. Якутска и по р. Амге — притоку Алдана. К 1696 г. было 42 крестьянина, пахавших 33 дес. «государевой пашни»; за ними числилось 284¹/₂ дес. пахотной земли.

Со второй половины 70-х годов XVII в. началось приобщение якутов к русскому земледелию [Токарев, 1948, с. 15–16; Сафронов, 1950, с. 51–73; Иванов В.Н., 1962, с. 195–197; 1989, с. 63–67; Иванов В.Ф., 1987, с. 84–86]. Одним из первых на пашню «садился» амгинский якут, получивший при крещении имя Ивана Иванова. Всего же с 1678 по 1697 г. в Амгинской, Олёкминской и Кангаласской крестьянских волостях к хлебопашеству приобщилось около 40 чел. из якутского населения, причем подавляющее их большинство занималось земледелием продолжительное время.

В целом приобщение якутов-скотоводов к хлебопашеству было незначительным, однако это свиде-

тельствовало о начале взаимодействия якутского населения с русскими по хозяйственной линии. Якуты-землепашцы становились продолжателями дела русских крестьян, перенимали у них технику земледелия, сельскохозяйственный инвентарь, опыт ведения земледельческого хозяйства. По существу, это было приобщение к более прогрессивному типу хозяйства, к более цивилизованным общественным отношениям. То же самое происходило в связи с возникновением скотоводческо-сенокосного хозяйства у служилых людей [Иванов В.Н., 1966, с. 357–365].

Нахождение в составе России привело к проникновению в край товарно-денежных отношений, втягиванию Якутии во всероссийский рынок. Промысловое и торговое освоение всего северо-востока Азии не только дало заметный толчок развитию межплеменного обмена у аборигенных народов, но и внесло огромные изменения в социально-экономические отношения. В Якутию поступали в большом количестве различные русские товары, а из края вывозились огромные партии пушнины, мамонтовая кость и моржовый клык. Местное население вступило в торговые связи с русскими купцами, служилыми и промышленными людьми, с крестьянами и чиновниками. Хотя временами, особенно в XVII в., действовали определенные ограничения. Только в 1642 г. через якутскую таможенную пошлину прошли 1100 чел., занимавшихся соболиным промыслом, рыбной ловлей и торговлей. В крае распространились русские деньги. В хозяйство якутов проникли новые товары: ткани, металлические изделия, украшения, хлеб и другие продукты. Новые орудия труда (железный топор, коса-горбуша), рыболовные снасти, охотничье снаряжение повышали производительность скотоводческо-охотничьего хозяйства [Сафронов, 1980, с. 102]. Под влиянием товарно-денежных отношений получила дальнейшее

развитие купля-продажа земли. В социальном плане торговля усилила имущественную и социальную дифференциацию, ибо она была неэквивалентной, носила колониальный характер. В XVII в. окрепли торгово-экономические связи с центром России; постоянный обмен различными товарами и пушниной способствовал преодолению вековой изолированности края.

Большие изменения произошли в общественном строе якутов. Ясачный режим усилил имущественное неравенство, разорил якутскую бедноту. С другой стороны, интересы казны препятствовали применению рабского труда внутри якутского общества. Ускорилось развитие частной собственности на землю, другие средства производства. С конца XVII в. укрепляется наследование сенокосных угодий. Например, якутский воевода своим указом закрепил «сенные покосы... всего 10 остожий» сыну и брату батурусского якута Девенка Теганина. В актах 1714 и 1715 гг. при указании на земли и угодья, принадлежавшие якутам, делалась обычно ссылка на «отцовское владение». В первой половине XVIII в. дважды рассматривалось дело о передаче по наследству земельных угодий потомкам одного из крупных земельных собственников конца XVII в. Леонтия Львова.

Участились случаи купли и продажи земли. В 1698 г. кангаласский воевода Байка Эрсюев говорил о «купленных своих покосах»; в 1700 г. мегинский тойон Чидат Лыгыев писал о том же воеводе. В 1701 г. меитскому якуту Сергую Теткуеву был выдан документ на владение «сенными покосами»; в 1714 г. была оформлена купчая крепость на «сенные покосы», на которых ставились 47 стогов. Частная собственность на землю укрепляла частную собственность на скот. Усилилась имущественная дифференциация общества.

ГЛАВА 5

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРАВОСЛАВИЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ РОССИИ

В истории Российского государства христианская религия играла значимую роль и оказала влияние на развитие и государства, и общества. На протяжении столетий православие выступало в качестве идеологической основы российского общества, способствовало формированию и укреплению многонационального государства. Церковь участвовала в формировании внешней и внутренней государственной политики, определяла культуру, быт и мировоззрение общества.

Присоединение территорий Северо-Восточной Сибири происходило на протяжении XVII столе-

тия, и одной из основных задач Русской православной церкви на восточных рубежах стала инкорпорация обширной территории в состав Русского государства. Из-за отсутствия коммуникативных средств, удаленности от центра, малой заселенности обширных территорий интеграция Якутии в общегосударственные стандарты подданства и управления растянулась на два столетия.

Становление структур Русской церкви происходило параллельно с оформлением административно-территориального устройства новых земель. В 1620 г. была создана Тобольская (Сибирская)

епархия (митрополия). До этого все земли за Уралом относились непосредственно к Московской епархии, и духовное попечение «Сибирской области» было поручено архиепископу Вологодскому и Великопермскому, что объясняет тот факт, что первые священнослужители Якутии были в основном из Вологды и Устюга.

По мере продвижения русского казачества на восток и утверждения российского господства территория епархии увеличивалась. В связи с этим во второй половине XVII в. Тобольская митрополия была разделена на три разряда, состоящих из десятин, каждая из которых по своей протяженности могла сравниться с епархиями центральной части Русского государства. К началу XVIII в. действовало шесть десятин: Енисейская, Даурская, Иркутская, Киренская, Селенгйская и — самая обширная — Якутская. В каждую из них были назначены десятильники (другое название — десятинники) и заказчики. Первоначально, в связи с малочисленностью сибирского духовенства, они выбирались из детей боярских или архиерейских слуг. Обязанности их состояли в сборе окладных и неокладных сумм митрополии (десятой части церковных и монастырских доходов в пользу митрополита), оглашении указов и распоряжений церковных властей, общем наблюдении за поведением духовных лиц и ведением судебного делопроизводства (поступавшего на рассмотрение митрополита). В помощь десятильникам, для их охраны и сопровождения денежных сумм, выделялась небольшая воинская команда.

Сведений о якутских десятильниках немного. Известно, что в 1684 г. таковым являлся боярский сын Дмитрий Осин, в 1695 г. — боярский сын Василий Аврамьев, затем в 1698 г. — Иван Маслов.

Исторические свидетельства позволяют сделать вывод о том, что сборы проводились нерегулярно и десятильники часто менялись. Впоследствии эта должность была совмещена с должностью заказчика, ставшего ответственным за сбор церковных средств десятины. Поэтому по всем вопросам церковного управления в Якутском крае духовная власть Сибири обращалась к настоятелям Спасского монастыря, что свидетельствует о незначительной роли якутских десятильников.

В 1639 г., во время проезда через Тобольск первых якутских воевод П.П. Головина и М.Б. Глебова, в царском наказе которым содержалось повеление об обязательном строительстве церкви в остроге, архиепископ Сибирский Нектарий⁷ передал для бу-

дущего храма антиминс, образа и царские врата, а в 1640-х гг. была возведена первая церковь — Троицкая. Летом 1645 г. уже в новом остроге, основанном воеводой Головиным, под руководством архимандрита Самуила «на щедрые средства царя Михаила Федоровича» была воздвигнута деревянная шатровая церковь Святого М. Малеина. Будучи сначала острожно-монастырской, впоследствии она была перенесена на «отводное монастырское место», обнесена бревенчатой оградой, где «с полуденной» стороны была расположена часовня Креста Животворящего, а с западной — надвратная Знаменская церковь (часовня). В конце XVII в. в Якутске на средства казачьего головы А. Шестакова была построена градская Богородицкая церковь.

Старейшим учреждением духовного ведомства на территории Якутского края являлся Якутский Спасский мужской монастырь. Монастыри на Руси всегда были средоточием духовной жизни и оказывали значительное влияние на распространение православия. В XVII в. в Восточной Сибири действовало 14 монастырей, первыми из которых стали Христо-Рождественский женский (1623 г.) и Спасский мужской (1642 г.) в Енисейске. Для возведения монашеской обители необходимо было получить благословение правящего архиерея: ему направлялись челобитные мирского схода с указанием обоснования необходимости строительства и источников финансирования, а также характеристики на «выборного обществом человека» для руководства строительством.

Основателями якутского монастыря стали воевода Иван Большой Голенищев-Кутузов, жители острога и выбранный ими строитель (в духовной терминологии это должность организатора строительства) служилый человек И.А. Овчинников. Датой основания монастыря принято считать 1664 г., когда были поданы челобитные царю и сибирскому архиепископу — «...по обещанию и по вере своей изволили быть в Якутском остроге монастырю во имя Спаса».

Вместе с тем имеется предположение, что монастырь существовал и ранее, когда острог располагался сначала на Гимандайском урочище, затем на Чеповом (Чуковом) лугу — «острог и все его обязательные строения, т.е. собор, монастырь, воеводский дом с таможней и др[угие] были устроены уже в лучшем виде», и в 1660–1664 гг. монастырские постройки были перенесены севернее, с низменного лугового места на высокий полуостров. И уже тогда жители острога «били челом» царю и тобольскому владыке «о устроении нового монастыря», так как, вероятно, уже были проведены подготовительные работы и составлено общественное мнение о необходимости строительства. Имеются свидетельства о проживающих в остроге мо-

⁷ Архиепископ Нектарий (Н.П. Теляшин) (1586/1587–1667), в 1636–1640 гг. — архиепископ Сибирский и Тобольский. Причислен к лику святых Русской православной церкви.

нахах — Алексии, Мелевсиппе, Макарии и игумене Евфимии.

Монастырь стал самым крупным сооружением Якутска. Основа его композиции — концентричная схема, представляющая собой геометрически правильный четырехугольник, в пределах которого по принципу симметрии были размещены храмы, монашеские кельи и хозяйственные постройки. Изначально сложившаяся основа этой архитектурно-планировочной схемы сохранится и в дальнейшем, в процессе многочисленных перестроек, реконструкций и восстановлений после пожаров.

Монастырь с начала своей деятельности стал центром миссионерства на северо-востоке России. Монахи обители Мелевсипп и Алексий упоминаются в источниках как «миссионеры, просветившие этот край светом Евангелия». В 1668 г. «черный поп Макарий [был] послан из Якутска для святительских дел за море на Индигиргу и на Алазейку и на Ковыму реки».

В XV–XVI вв. монастырское духовенство Центральной России начинает приобретать земельные владения и, как следствие, сосредотачивать значительные экономические средства. В 1678 г. по указу царя Федора Алексеевича в Якутский Спасский и Киренский Троицкий монастыри были направлены грамоты, «в коих велено было описать сколько казенных земель и покосов и скотских выпасов и рыбных ловель и крестьян и иных людей дадено... сколько запасов бывает в год приход и сколько в каждом монастыре братии, что надобно от Великого Государя на жалование».

Известно, что к концу XVII в. Спасский монастырь владел соляными варницами, сенными покосами, пашенной землей, обрабатываемой как пришлыми русскими, так и местным населением. Обитель содержалась за счет пожертвований горожан, «мирских людей», поступавших деньгами, земельными участками, «мягкой рухлядью» (пушной), хлебом и скотом. В 1681 г. монастырю во владение был передан соляной ключ на р. Ичере, ежегодно приносивший до 500 пудов соли. К началу XVIII в. монастырь владел четырьмя заимками на верхней Лене, где выращивались зерновые и огородные культуры. Каждая заимка представляла собой деревню, население которой составляли управляющий монах, вкладчики, бобыли, подворники, гулящие и работные люди. Кроме того, монастырь приобретал земли по вкладам и имел значительное скотоводческое хозяйство (часть скота отдавали на прокорм). Монастырю принадлежали и две приписные обители: Покровская пустынь (с 1724 г.) и Успенская пустынь на Камчатском полуострове, вошедшем в 1697 г. в состав Русского государства. С 1680 г. монастырю стало выделяться государственное жалованье.

Право свободного поступления в монастырские вотчины имели новокрещенные (на общих правах со свободными людьми). Поступая на правах пашенных крестьян и вкладчиков, они имели право голоса в решении земельных дел монастыря и участвовали в управлении монастырскими вотчинами с поселеными монахами.

Таким образом, к середине XVIII в. Якутский Спасский мужской монастырь являлся крупнейшим духовным учреждением края, центром управления Якутского заката, оплотом миссионерства в регионе и сложившимся хозяйствующим субъектом, обладавшим значительными финансовыми средствами.

К концу XVII в. на территории Ленско-Илимского края действовали две соборные церкви, в Якутском и Илимском острогах, и семь приходских церквей. Православные храмы строились «там, где жили русские», и оказывали значительное влияние на распространение религии. В с. Амга, в 180 верстах от Якутска, была возведена часовня, и в 1684 г. жители села — служилые люди, пашенные крестьяне и новокрещенные — подали челобитную с просьбой о назначении к часовне священника для исполнения христианских треб. Уже к середине XVII в. существовало три зимовья на берегах Вилюя, в том числе Верхневилуйское, основанное енисейскими казаками в 1634 г., где располагались местная администрация и православный храм, что способствовало формированию там постоянно проживающего русского населения. К этому периоду относятся и первые встречи русских отрядов, занимавшихся поиском новых земель, с чукчами.

Как свидетельствуют наказания, выдаваемые якутским воеводам из Сибирского приказа, существовал запрет на насильственное обращение в христианство. Это было продиктовано фискальными интересами русской администрации, нашедшими отражение в ясачном обложении населения. Поэтому добровольность вступления в православную веру населения Якутии не вызывает сомнения, хотя известны прецеденты насильственного крещения. Каждый такой факт тщательно рассматривался местными воеводами. Так, за попытку крестить якуток без их разрешения иеромонах Симеон был заключен под стражу в Якутской воеводской избе.

Неофиты проживали в основном в Якутском остроге и его окрестностях. В Амгинской волости православными были земледельцы, поверстанные на государеву пашню. Имеются сведения, что в середине XVII в. в острожке Олёкминска «числились крещенные в православие». Колыма и Зашиверское зимовье также имели новокрещенных жителей, и православное население Колымы просило якутские власти отправить к ним священника. К концу XVII в. православие получило распространение в Центральной и Южной Якутии.



ЧАСТЬ II

ЯКУТИЯ В XVIII ВЕКЕ

ГЛАВА 6

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО

На рубеже XVII–XVIII вв. правительство Петра I приступило к созданию регулярного государства, призванного централизовать и унифицировать управление страной и регламентировать все стороны жизни подданных. Стремление поставить все на службу и пользу государства вызвало увеличение численности бюрократии и дворянства. Военные мероприятия Петра I привели к тотальной мобилизации страны и всех ее ресурсов [Сыромятников, 1943; Павленко, 1975; Ерошкин, 2008, с. 78–105].

Согласно указу «Об учреждении губерний и описании к ним городов» от 18 декабря 1708 г., страна была разделена на восемь губерний. Среди них была образована Сибирская губерния, в состав которой вошли 30 городов, в том числе Якутск [Российское законодательство..., 1986, с. 166–169]. В 1710 г. во главе новой административной единицы был поставлен первый сибирский губернатор, боярин, князь М.П. Гагарин, а Сибирский приказ был упразднен.

В 1719–1724 гг. произошел переход к троичной территориально-административной системе управления: губерния — провинция — уезд. В составе 11 губерний были выделены 45 провинций. Указы от 19 мая 1719 г. и от 26 ноября 1724 г. разделили Сибирскую губернию на три провинции: Тобольскую, Енисейскую и Иркутскую. В указе, в частности, говорилось: «...в Сибири быть комнатному стольнику князю Алексею Михайловичу Черкасскому губернатором и ведать все Сибирские города, а для дальности в той губернии городов разделить те города на три провинции и быть в них вице-губернатором, под его губернаторским ведением» [ПСЗРИ, собр. 1, т. 5, с. 700–701; т. 7, с. 263–265].

Во главе уезда по-прежнему стояли воеводы, но их иногда называли обер-комендантами или комендантами. Срок службы их также равнялся пяти го-

дам, но вследствие частых злоупотреблений с их стороны он несколько раз изменялся [Сафронов, 1978, с. 29–30].

Произошли изменения в территориально-административном делении Якутского уезда. В 1708 г. от него к Илимскому уезду отошел район Чечуйского острога, а в 1731 г. — охотское побережье вместе с Камчаткой (где был учрежден Охотский порт) под прямое управление Иркутского провинциального правления.

В 1730 г. был восстановлен Сибирский приказ, который вновь стал ведать назначением чиновников на службу в Сибирь. Эта мера была вызвана скорее несовершенством проведенных преобразований.

Губернская реформа имела в целом негативные последствия для управления Якутией. Если до сих пор Якутский уезд непосредственно подчинялся высшим органам власти, то теперь он оказался в самом низу вновь возникшей трехступенчатой административной иерархии [Там же, с. 26–27]. Якутский уезд был подчинен губернатору, сидевшему в Тобольске. В 1719 г. с разделением губернии на три провинции Якутский уезд вошел в состав последней. Все это создавало громоздкую бюрократию и дополнительную почву для злоупотреблений.

В этот период внутри уезда постепенно вместо 36 ясачных волостей было создано пять улусов: Кангаласский, Намский, Борогонский, Батурусский, Мегинский, каждый из которых включил в свой состав несколько прежних волостей. Например, в состав первого наряду с собственно Кангаласской волостью вошли Мальжегарская, Нерюктейская, Емконская, Нахарская. Кроме того, вследствие особого положения Баягантайской волости она была сохранена как отдельная административная единица. В остальных районах Якутии сохранилось управление через ясачные остроги и зимовья, всего около 20 [Сафронов, 1978, с. 28; 1987].

К 1770-м годам в Российской империи наступил кризис в управлении. Тревожным сигналом было восстание под предводительством Емельяна Пугачева (1773–1775 гг.). Для более эффективного управления была проведена губернская реформа 1775 г. — «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи». А.Б. Каменский писал, что основное содержание реформы «было связано с реорганизацией системы местного управления» [Каменский, 1999, с. 328].

Появление и сохранение двух промежуточных уровней — губернского и провинциального — в организации местного управления на северо-востоке страны создало ряд трудностей и проблем в связи с разросшейся бюрократией. Якутский уезд находился на самой нижней ступеньке местного управления, что повлекло за собой еще большее количество злоупотреблений.

Реформы, проведенные правительством Екатерины II, были призваны урегулировать подобные проблемы за счет более эффективной организации управления. Это оказалось непросто. Как показывает историография, именно в изучаемый период появился тот регион, который сейчас мы называем Якутией. Ведь до этого территория Якутского уезда была слишком велика, а геополитическое положение Якутской области требовало особого отношения. Начиная с самого начального этапа освоения края опорные пункты, возникшие здесь, например Якутский острог, играли роль плацдарма для освоения Дальнего Востока и далее, вплоть до Тихоокеанского побережья Северной Америки. До середины XVIII в. якутские воеводы исполняли важные дипломатические и военные функции, поддерживая присутствие Российской империи в регионе. Исключительно большое значение имели пути сообщения — Иркутский и Охотский тракты. Поэтому правительство все время искало соответствующие формы управления. В последней четверти XVIII в. здесь начинает формироваться областная форма управления, имевшая свои особенности.

До образования Якутской области на северо-востоке Азиатской России существовал обширный Якутский уезд с воеводским управлением. Помимо общероссийской тенденции превращения института воевод в анахронизм, здесь давно назрела необходимость приспособить местное управление к специфике местных условий. На выходящую за нормальные рамки обширность территории уезда обращали внимание еще в минувшем столетии, не случайно часто именуя Якутский уезд «разрядом».

До той поры пока в Восточной Сибири не развился такой мощный региональный административный центр, как Иркутск, в Якутии практически сохранялась прежняя организация власти. Также в расчет принималась численность населения. С той поры, когда Якутская земля была подчинена вое-

водской администрации, население края выросло в несколько раз. Поэтому и по данному показателю Якутия давно вышла за рамки уездного уровня управления. Кроме того, в связи с усилением роли региона в дальневосточной политике сохранялось его значение с точки зрения геополитических интересов России. Тем не менее регион не мог еще приблизиться по статусу к губернии — крупной единице территориально-административной организации Российской империи. В таких условиях Якутию застала губернская реформа 1775 г.

Правительство Екатерины II взяло за основу петровскую систему, и в результате нового административного деления страна стала делиться на 25, затем на 41 губернию, еще позднее на 50 [Каменский, 1999, с. 239; Власть..., 2006, с. 50]. В условиях продолжавшегося территориального роста и интенсивной динамики населения такое увеличение количества губерний было неудивительным.

Губернии представляли собой территории с населением в 300–400 тыс. чел., а уезды — 20–30 тыс. чел. Считается, что «никакие национально-исторические или экономические особенности регионов при этом не учитывались» [Каменский, 1999].

Генерал-губернатор, или губернатор, возглавлял исполнительную власть, и при нем создавалось губернское правление, в уезде — городничий и капитан-исправник. При городничем была воеводская канцелярия, а также губернские магистраты для управления городами. В городах исполнительную власть осуществляли городовые магистраты во главе с бургомистрами [Каменский, 1999, с. 239; Власть..., 2006, с. 159]. В историографии отмечена региональная специфика института генерал-губернаторов в Сибири, которые имели особые полномочия в связи с местными условиями, например коллегиальность управления в форме советов Главных управлений Западной и Восточной Сибири [Каменский, 1999, с. 239; Дамешек, 2005, с. 236–243; Власть..., 2006, с. 159].

Еще в 1764 г. из состава Сибирской губернии была выделена Иркутская губерния (с 1724 по 1775 г. имела статус провинции). 31 января 1775 г. был издан законопроект «О новом разделении Иркутской губернии на провинции, воеводства и комиссарства» [ПСЗРИ, собр. 1, т. 20, с. 21; Приклонский, 1896, с. 77]. Ввиду обширности губернии она была разделена на две провинции — Удинскую и Якутскую, три уезда с воеводскими правлениями (Киренский, Балаганский, Алданский) и 12 комиссарств. Образовалось четырехступенчатое управление: губерния — провинция — уезд — комиссарств. [Сафронов, 1978, с. 33].

Во главе Якутской провинции был поставлен провинциальный воевода с провинциальной канцелярией в Якутске. Рассмотрим состав вновь образованной провинции.

В Алданское воеводство вошли Батурусский, Борогонский, Мегинский улусы и Баягантайская волость, Майское, Бутальское, Тонторское зимовья, Оймякон, Удский острог. Образовано пять комиссарств: Верхневилуйское (Верхневилуйское, Средневилуйское зимовья), Олёмминское (Олёмминский острог, Чаринское зимовье), Жиганское (Жиганское, Нижневилуйское, Сиктяхское, Оленёкское зимовья), Верхоянское (Верхоянское, Усть-Янское зимовья, Зашиверский острог, Среднеколымское (три Колымских, Алазейское зимовья) [Павлинов, 1929, с. 2–3; Сафронов, 1978, с. 33–34]. Как и прежде, Якутску подчинялась обширная территория, соответствующая современной Республике Саха (Якутия), северной части нынешней Иркутской области, части Хабаровского края, Магаданской области. Для данного периода характерен формальный подход в разграничении территории области. Реформаторы применили географический принцип. Так, р. Лена стала естественной границей обширного Алданского воеводства.

Во главе комиссарств стояли комиссары, в помощь им были приданы канцелярист, подканцелярист, копиист. Комиссары подчинялись провинциальному воеводе. Кангаласский и Намский улусы также непосредственно подчинялись воеводе. До 1783 г. Якутску подчинялись Киренская воеводская канцелярия и Илимское комиссарство [Сафронов, 1978, с. 34]. Как будет видно ниже, такой формальный, чисто кабинетный подход к реформе сразу же вошел в противоречие с реальностью. Власти стремились производить «оцентровку» окраин путем создания региональных центров [Сибирь..., 2007, с. 23], но не всегда удачно, как в рассматриваемом случае.

Реформаторы шли, что называется, на ощупь в поисках оптимальных, приспособленных к условиям северо-востока Азиатской России форм управления. Тем не менее нужно отдать им должное в том, что они были последовательны и, потерпев неудачу, стремились исправить ситуацию и предложить новое решение проблемы.

В 1783–1796 гг. Иркутская губерния по именному указу называлась наместничеством [ПСЗРИ, собр. 1, т. 21, с. 875].

По указу от марта 1783 г. «О составлении Иркутской губернии из четырех областей» были образованы Иркутская, Нерчинская, Якутская, Охотская

области, состоящие из 17 уездов. Внутри Якутской области было создано пять уездов: Якутский, Олёмминский, Оленский (Вилуйский), Жиганский, Зашиверский. Вместо воевод стали назначаться коменданты, воеводская канцелярия была преобразована в нижний земский суд. Судебные функции стал выполнять уездный суд, нижняя и верхняя расправы, а финансовыми делами ведало казначейство. В Якутске полицейский надзор осуществлял городничий, в уездах управляли земские исправники [Приклонский, 1896, с. 80; Сафронов, 1978, с. 35]. Итак, обозначилось уже пять административных единиц — уездов внутри области. Позднее они получат название округов, и пятичленное разделение области в дальнейшем закрепится.

В земских судах служили дворянские и сельские от якутов заседатели (по два в земском суде и верхней расправе и три в нижней расправе) [Левенталь, 1929, с. 256, 264–265]. По-видимому, это станет, как отметил Левенталь, важнейшей особенностью периода, когда представители коренного населения будут активно привлекаться непосредственно на службу в государственные структуры управления.

Территориально, вновь за исключением тихоокеанского побережья, «весь край... [был] подчинен одному комендантскому управлению» [Там же, с. 261]. Таково было устройство Якутской области до воцарения императора Павла I. Несмотря на короткий срок павловского правления, многочисленные и резкие преобразования этого периода успели отразиться и на управлении далекой окраиной — Якутской областью.

Так, с 1796 г. Иркутское наместничество вновь стало называться губернией [ПСЗРИ, собр. 1, т. 24, с. 234], но теперь уже надолго. В управление же одной из ее важных административных единиц вновь, правда, ненадолго, вернулась уездная система.

В этот же 1796 г. Якутск опять стал центром уезда, но с городничим во главе, вместо исправников назначались комиссары, а сельские заседатели и толмачи исчезли [Левенталь, 1929, с. 256]. В уездном суде также служили уездный судья, заседатели, казначей, секретари, регистраторы, подканцеляристы [Сафронов, 1978, с. 35]. Несмотря на очередной зигзаг в истории управления Якутией, объективно начатый процесс уже невозможно было остановить.

ГЛАВА 7

НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ

Для указанного периода у нас больше всего данных о якутах и русских. Сведения о малочисленных народах Севера весьма отрывочны. Ценную инфор-

мацию содержат, как и прежде, материалы ясачного сбора. К ним добавляются начиная с 20-х годов XVIII в. «ревизские скаски» — переписи населения,

проводившиеся через 15–20 лет. Этнодемографическим проблемам Якутии рассматриваемого периода посвящены специальные работы С.К. Патканова, Г.А. Попова, Б.О. Долгих, В.М. Кабузана и С.М. Троицкого, А.С. Парниковой, А.И. Гоголева [Патканов, 1911; Попов, 1928; Долгих, 1960; Кабузан, Троицкий, 1966; Парникова, 1971; Гоголев, 1978; Кабузан, 1990]. Отдельные статистические сведения по демографии Якутии XVIII в. содержатся в трудах путешественников, побывавших в Якутии, исследователей социально-экономического строя якутов и русского старожильского населения.

По мнению ученых, именно на XVIII в. приходится начало своеобразного демографического взрыва у якутов. Судя по имеющимся данным, к концу столетия якутское население утроилось. Объяснение данному феномену до сих пор не дано.

Основными жителями края были якуты (не менее 85%). Б.О. Долгих на основании подсчета ясакоплательщиков определил численность якутов в 28 260 чел. [Долгих, 1960, с. 359]. На протяжении столетия продолжались миграции якутов по территории современной Якутии и за ее пределы. В первой половине столетия перемещения осуществлялись в основном в Центральной Якутии.

За пределами Центральной Якутии переселялись на Олёкму, Вилюй, Оленёк, Анабар, в низовья Лены, бассейн Яны, Индигирки, Оймякон, на Колыму, отдаленные правые притоки Алдана и даже далеко за пределы современной территории Якутии, например на побережье Охотского моря. Вилюйских и олёкминских якутов в конце XVII в. уже было 1750 ясакоплательщиков, или 7000 чел. [Там же, с. 491], а на Яне, Индигирке и Колыме в начале XVIII в. оказалось 800 якутов, плативших ясак, или 3200 чел. [Там же, с. 393]. Масштабы якутской колонизации в XVIII в. представлены в работе А.С. Парниковой [1971, с. 59–81]. К причинам переселения чисто экономического характера добавляются ясачный и административный гнет.

Первая ясачная комиссия положила конец массовым переселениям. С этого времени любая отлучка от местожительства разрешалась только при наличии специального билета, выдаваемого местными властями.

В 1700 г. в 35 ясачных волостях и 23 зимовьях и острогах насчитывалось соответственно 5982 и 2929 плательщиков ясака. Всего 8911 чел. В 1705 г. — 6631 и 3680. Всего 10 311 ясакоплательщиков. В 1712 г. — 5070 и 3679. Всего 8749 чел. В 1715 г. — 8304 и 1955. Всего 10 259 ясачных. Причем в 1712 г. отмечено 32 волости, а в 1715 г. — 27 [Иванов В.Ф., 1992, с. 155–156]. По имеющейся информации невозможно точно определить, сколько было якутов-ясакоплательщиков. Можно установить лишь примерную цифру по косвенным данным. Дело в том,

что в 35 ясачных волостях в подавляющем большинстве проживали якуты. Кроме того, более 2 тыс. плативших ясак якутов к тому времени оказалось на Вилюе, Олёкме и северо-восточных реках. Таким образом, общую численность якутов к началу века следует оценивать не менее чем в 30 тыс. чел.

В ходе переписи 1732–1734 гг. было выявлено 15 660 ясакоплательщиков, из них 9050 в центральных якутских волостях [История..., 1957, с. 88]. По данным Г.П. Башарина, в последних зафиксировано 9060, а в острогах и зимовьях — 6610 чел., плативших ясак [Башарин, 1956, с. 44]. Таким образом, численность ясакоплательщиков удвоилась, но тенденция прироста характеризуется нестабильностью. Особенно сильны колебания в 1712–1715 гг. По-видимому, это результат интенсивных миграционных процессов, в основном якутского населения. В Майском, Усть-Янском, Колымском, Алазейском и Зашиверском зимовьях в 1712 г. якутов не было зарегистрировано, а к 1736 г. там появляются ясакоплательщики из числа якутского населения. В Усть-Вилюйском зимовье к 1736 г. тунгусское население исчезло, остались одни якуты [Романов, 1956, с. 55]. Судя по этим данным, численность якутов уже в это время намного превысила 40 тыс. чел.

В 1741–1745 гг., по данным Я.И. Линденау, было 17 075 ясакоплательщиков: 9791 в якутских улусах и волостях и 7284 числилось в острогах и зимовьях. В якутских улусах: Намском — 2201, Кангаласском — 2036, Борогонском — 1333, Мегинском — 1349, Батурусском — 2447 и в Баягантайской волости — 425 чел. Приписано к острогам: Олёкминскому — 783, Зашиверскому — 167, Анадырскому — 600; к зимовьям: Чаринскому — 36, Верхневилуйскому — 2564, Средневилуйскому — 797, Усть-Вилюйскому — 167, Майскому — 139, Томторскому — 195, Жиганскому — 505, Верхоленскому — 848, Усть-Янскому — 109, Алазейскому — 26, Колымскому — 348 [Линденау, 1983, с. 22–23]. В тот же период И.Э. Фишер оценивал численность якутов в 40 тыс. чел. (см. [Иванов В.Ф., 1992, с. 137]). Как мы увидим далее, это был заниженный показатель.

С началом петровских ревизий появилось больше возможностей в учете населения. В числе «ревизских душ» учитывалось все мужское население. В середине века, по данным И. Георги, якутов насчитывалось 34 979 «душ мужеска пола». В Хангаласском улусе — 5868, Батурусском — 6380, Намском — 3090, Борогонском — 2948, Мегинском — 3356 и в Баягантайской волости — 761. В Верхневилуйском зимовье числилось 5911, Средневилуйском — 1270, Усть-Вилюйском — 1417, Верхоянском — 1662, Зашиверском острожке — 493, Олёкминском — 1823 [Парникова, 1971, с. 69]. По другим источникам, в 1750 г. было 34 942 якутов-мужчин, что дает общую

численность якутов в 70 000 чел. [Гоголев, 1978, с. 72]. Сразу бросается в глаза стремительный рост якутского населения за каких-то 5–10 лет. И это притом что названный период был весьма неблагоприятным для якутов в экономическом отношении.

В окладной книге 1765 г., по данным Н.С. Романова, числилось 37 235 ясачных плательщиков, из которых 12 431 оклад приходился на умерших, 2665 — на стариков, 1075 — на малолетних. Итого ясак могли платить только 21 034 чел. [Романов, 1956, с. 69, 79]. В работе Г.П. Башарина приводится цифра в 37 782 ревизские души по всему Якутскому уезду. Из них ясакоплательщиков — 16 966, старых и увечных — 5775, малолетних до 18 лет — 14 980 [Башарин, 1956, с. 375]. Эти цифры также относятся к периоду Первой ясачной комиссии.

По третьей ревизии 1761–1767 гг. было 34 638 якутов-мужчин, по четвертой 1781–1782 гг. — 43 004, по пятой 1794–1795 гг. — 50 064 [Парникова, 1971, с. 80]. На основании этих цифр динамика изменения численности якутов выглядит следующим образом: в 1761–1767 гг. — 69,2 тыс., в 1781–1782 гг. — 86 тыс., в 1794–1795 гг. — 100 тыс. чел.

В течение 1750–1767 гг. численность якутов оставалась на одном уровне. В последующие 15 лет якутов стало на 16 тыс. больше. Еще через 13 лет прирост составил 14 тыс. чел. Таким образом, в среднем численность якутов возрастала в год более чем на 1 тыс. чел.

Есть и другие данные, согласно которым в 1769 г. насчитывалось якутов-мужчин 34 132, тунгусов — 2714, ламутов — 386, юкагиров — 581. Итого: 37 813 чел. Годных в ясак: от 18 до 50 лет — 16 747, старых и дряхлых — 6020, малолетних младше 18 лет — 15 046 [Окладников, 1948, с. 46]. Первая цифра, несмотря на незначительное расхождение с предыдущими, только подтверждает названную тенденцию.

Надо полагать, оценка Б.О. Долгих общей численности якутов в начале XVIII в. в 28 260 чел. несколько занижена. Следует согласиться с тем, что ясачным сборщикам было практически невозможно охватить всех способных платить ясак якутов. В частности, в ясачные книги могли не попасть многие из категории зависимого населения, в том числе воспитанники, рабы и т.д. Их хозяева были заинтересованы в том, чтобы скрывать реальное количество слуг, чтобы меньше платить ясак. Имелась возможность успешно утаивать и количество домоладцев. Это доказывают материалы ревизий, например ревизии, сопровождавшей Первую ясачную комиссию, которая сразу выявила большой процент неучтенного дееспособного мужского населения. В результате названной ревизии, только по известным документам, было выявлено около 600 мужчин ясачного возраста [Башарин, 1956, с. 64]. Авторы

второго тома «Истории ЯАССР» отметили, что с 1730-х годов до Первой ясачной комиссии в Сибирской (Тобольской) губернии мужское население из числа коренных жителей увеличилось только на 2559 чел., в то время как в Якутии произошло увеличение на 22 218 (!) душ. По всей Сибири в целом произошло увеличение этого показателя на 33 488 душ [История..., 1957, с. 138]. По-видимому, в ходе переписи 1730-х годов учли только ясакоплательщиков, тогда как Комиссия выявляла все наличное мужское население. Таким образом, последовательный прирост якутского населения на протяжении XVIII в. хотя и был значительным, но не столь быстрым, как это представлялось ранее. Для первой трети столетия оценки основывались на далеко не полных данных.

Юкагиров в конце XVII в. было 664 ясакоплательщика, или 2665 чел. [Долгих, 1960, с. 440]. Эпидемия оспы 1692/93 г. привела к катастрофическому сокращению их численности. По данным И.С. Гурвича, основанным на выписках из ясачных книг, в 1723 г. в Усть-Янском зимовье осталось 25–30 юкагиров, на Индигирке — 440–450, на Алазее — 120–130, на Анадыре — 540–700. Всего общую численность юкагиров он оценивает в 1400–1500 чел. Данные ясачной книги 1738 г. о численности колымских и алазейских юкагиров свидетельствуют о том, что население не увеличивалось [Гурвич, 1966, с. 68–69].

По данным Первой ясачной комиссии, юкагиров-ясакоплательщиков осталось 306, или чуть более 1200 чел. в Усть-Янском, Зашиверском, Алазейском, в Верхне- и Нижнеколымском зимовьях [История..., 1957, с. 214]. Налицо продолжающееся сокращение численности юкагирского населения. В рассматриваемый период главной причиной депопуляции являются юкагиро-чукотские войны, особенно обострившиеся в связи с попытками царского правительства покорить чукчей военным путем во второй трети XVIII в. В частности, юкагиры участвовали в походах майора Павлуцкого в 1731, 1746 гг., которые, как известно, закончились тяжелым поражением.

Происходит трансформация родового состава юкагиров. Например, вместо трех существовавших издревле Омолойского, Каменного и Хромовского родов был образован один Омолойский [Гурвич, 1966, с. 72].

Тунгусов (эвенков) Оленька в конце XVII в. зарегистрировано 49 ясакоплательщиков, или 195 чел., жиганских — 25 и 100, Вилюйского среднего зимовья — 100 и 400, верхневилуйских — 260 и 1040, Олёкмы, Чары и Патома — 205 и 815, Алдана и Май — 265 и 1060, охотских — 586 и 2344 [Долгих, 1960, с. 447, 455, 471–472, 484, 486, 506, 530]. В последних двух регионах в числе тунгусов учтены

также и эвены. Всего в то время тунгусов насчитывалось 1484 ясакоплательщика, или около 6 тыс. чел. На протяжении первой половины XVIII в. в северо-западных районах проживания тунгусов происходили интенсивные передвижения населения с запада на восток. Например, в 1730 г. на Оленьке оказалось около 120–130 илмпейских тунгусов [Гурвич, 1966, с. 86]. Сюда интенсивно переселялись якуты из центральных улусов, которые уже в первые годы XVIII в. составляли 85 % от общего числа ясакоплательщиков. Происходит процесс обьякучивания тунгусов. Быстро уменьшалось количество ясачных тунгусов Чаринского и Патомского (в 1675 г. здесь платило ясак 137 чел., а в 1708 г. только 91), Майского (в 1675 г. было 258, в 1708 г. осталось всего 131), Тонторского (соответственно 186 и 31) зимовий. В качестве причины указывается бегство «в Дауры» — на границу с Китаем [Романов, 1956, с. 29].

По данным Первой ясачной комиссии, тунгусов было 2200 муж. душ. Из них 524 причислены к Верхневиллюйскому зимовью, 214 — к Средневиллюйскому, 228 — к Тонторскому и Бутальскому зимовьям, 130 — к Жиганскому, 145 — к Верхоянскому, 50 — к Алазейскому, 433 — к Майскому зимовьям [История..., 1957, с. 206]. Тунгуское население продолжало откочевывать в другие районы. Например, в конце XVIII в. не менее 120 жиганских тунгусов обоого пола откочевало в Туруханский округ [Гурвич, 1966, с. 90].

К приходу русских основная масса эвенов проживала за пределами современной территории Якутии, была сосредоточена на побережье Охотского моря. К началу XVIII в. эвены стали интенсивно обживать северо-восточные регионы Якутии. По данным ясачной книги 1738 г., в Колымских и Алазейском зимовьях числилось 138 эвенов-ламутов мужчин, около 270 чел. обоого пола, а в бассейне Индигирки — около 100 ясакоплательщиков, или около 400 эвенов. О численности эвенов Алдана, Верхоянныя прямых сведений нет. Но самые ранние русские документы упоминают постоянно живущих там эвенов буюксирского, тугесирского, мемельского и дельянского родов. И.С. Гурвич оценивает эвенское население Якутии в 1730-х годах в 1000 чел. [Там же, с. 79–80].

В материалах Первой ясачной комиссии зарегистрировано 520 муж. душ эвенского населения: в Усть-Янском зимовье — 44, в Верхоянском — 44, в Верхнеколымском — 164, в Зашиверском остроге — 268 [История..., 1957, с. 206]. По другим сведениям, эвенов мужского пола в этот период было 628 чел. Это позволяет оценивать общую численность эвенов к 1766 г. в 1000–1200 чел. [Гурвич, 1966, с. 81]. Наблюдается стабильное увеличение численности эвенов на Индигирке. Так, в 1782 г. там насчитыва-

лось уже 388 душ мужского пола [Туголуков, 1982, с. 158–159]. Продолжаются интенсивные перемещения охотских эвенов в пределы Якутии. Отдельные их группы на некоторое время были причислены к Якутской администрации. Из всего вышеизложенного следует, что общая численность тунгусоязычного населения Якутии на протяжении века оставалась примерно на одном уровне — в пределах 5,5–6 тыс. чел. Из них эвенков — до 4,5 тыс. чел. Некоторое увеличение наблюдалось у эвенов, $\frac{2}{3}$ которых проживало на Дальнем Востоке. Важным фактором этнодемографических процессов выступала миграция эвенков за пределы Якутии, например на запад, на юг и юго-восток. По-видимому, вследствие диалектных различий среди тунгусов северо-запада стал широко употребляться якутский язык как язык взаимного общения. Ассимиляция тунгусов якутами происходила в пределах Центральной Якутии и в бассейне Вилюя. Этому способствовал ясачный гнет — в 1,5–2 раза больший объем ясака, взимаемого с тунгусов по сравнению с якутами. Двуязычные тунгусы, исходя из экономических интересов, нередко склонялись к перемене своей этнической самоидентификации. Об этом ярко свидетельствует этнический состав вилюйской группы улусов.

На протяжении рассматриваемого времени формируется одна из своеобразных этнографических групп якутов — северные якуты, в материальной культуре которых, особенно в производственной сфере, преобладали эвенкийские черты, а в духовной культуре представлены исключительно якутские элементы. Если к приходу русских в низовьях Лены числилось несколько десятков ясакоплательщиков, то уже к середине XVII в. к Жиганскому зимовью было причислено около 600 якутов, а с 70-х годов они стали постоянным населением Оленька [Гурвич, 1982, с. 184–185].

В 1761 г. в Жиганском округе проживало около 1200 якутов, а в 1795 г. их уже стало вместе с обьякученными тунгусами не менее 1800 чел. [Там же, с. 188].

С переселением в середине XVIII в. значительной группы тунгусов Долганского рода, ведущих свое происхождение от усть-виллюйских тунгусов, в низовья рек Хеты и Хатанги через Оленёк начался важнейший этап формирования долганского этноса [Там же, с. 192]. Во второй половине XVIII в. вслед за ними на Таймыре появились тунгусские роды Каранто и Эдян, ушедшие из Жиганского округа [Там же, с. 192–193]. С их приходом в данном регионе стало насчитываться 600 чел. якутоязычного населения — ядро будущей долганской народности.

Русское население Якутии в XVIII в. было относительно немногочисленным, значительная его

часть проживала в городах, где они составляли основную часть жителей. К концу XVII в. население г. Якутска оценивалось в 1500 чел. [Сафронов, 1978, с. 180]. Другие населенные пункты, где проживали русские, по сравнению с Якутском имели незначительное число жителей. Например, в Олёкминске в середине века насчитывалось всего 30 чел., а в Среднеколымске — 60 [Сафронов, 1978, с. 204, 210].

Самыми многочисленными группами были служилое население и крестьяне. С падением значения пушного промысла происходит сокращение промышленников, которые, впрочем, относились к категории непостоянного населения края. В 1701 г. в Якутском уезде было 936 служилых людей, из которых детей боярских — 62 и казаков — 799. В 1766 г. насчитывалось: дворян — 10, детей боярских — 44, казаков — 622 [Там же, с. 55–56].

В 1701 г. олёкминские крестьяне жили 14 дворами, а на Амге в 1702 г. жило 27 крестьянских семей [Там же, с. 114, 116]. С 1770 г. начинают появляться почтовые станции, к концу века их было 36. В 1779 г. на станциях между Олёкминском и Якутском жило более 300 крестьян. В 1765 г. 250 амгинцев перевелись на Олёкму, но в 1779 г. многие вернулись. К началу 70-х годов в Олёкминской и Амгинской деревнях жило около 400 крестьян [Там же, с. 122]. Значит, в 70-х годах всего крестьян было 700–800 чел.

Ф.Г. Сафронов оценивал общую численность русских в Якутии в конце XVIII в. в 8000 чел., в том числе крестьян — до 2400 [Сафронов, 1961, с. 63–64]. Отсюда можно сделать вывод, что на протяжении столетия численность русского населения Якутии по меньшей мере утроилась. Это произошло в основном за счет миграции.

Особо следует сказать о русском старожильческом населении Севера, которое сформировалось из потомков промышленников, «гуляющих» людей и отставных казаков и от смешанных браков с аборигенами. Так, на Индигирке в 1750 г. жило 493 русских старожил, а в 1782 г. — 329 [Чикачев, 1990, с. 25]. Это был самый крупный анклав русских ста-

рожилов Севера со своей самобытной культурой, который развивался практически изолированно от метрополии.

По III ревизии (1762 г.) якутов было 34 661 душа мужского пола, что составляло 36,84 % от аборигенного населения Иркутской губернии, а по IV ревизии (1782 г.) стало 42 929 душ мужского пола, или 37,14 % всего нерусского населения указанной губернии. Для сравнения, численность другого крупного народа Восточной Сибири — бурят по материалам тех же ревизий была в 1762 г. — 41 934 мужчины (44,57 %) и в 1782 г. — 55 200 мужчин (48,62 %) [Кабузан, Троицкий, 1966, с. 42]. Это говорит о том, что в XVIII в. якуты проявили себя последовательно развивающимся, потенциально жизнеспособным этносом Сибири.

Как подтверждение тому, в Якутском уезде был высокий прирост населения — 29,9 % по результатам II ревизии и 42,7 % по результатам III ревизии по сравнению с аналогичными данными по России — соответственно 16,2 % и 15,8 % [Кабузан, 1990, с. 77]. При этом что переселение в Якутский уезд в рассматриваемое столетие было минимальным [Кабузан, Троицкий, 1966, с. 43–45].

Таким образом, этнодемографические процессы в Якутии XVIII в. характеризовались быстрым ростом якутского населения, сравнительно высоким приростом эвенов, основная масса которых проживала за пределами Якутского уезда, формированием постоянного русского населения. На одном уровне оставалась численность эвенков. Происходила депопуляция юкагиров. Если динамика народонаселения эвенков объяснялась кочевым образом жизни, то катастрофическое положение юкагиров было обусловлено последствиями эпидемий, ассимиляции со стороны более многочисленных соседей — якутов, чукчей, эвенов, охватывавших их со всех сторон, наконец, войн.

В результате колонизации Якутии Россией, которая привела к передвижению коренного населения на окраины и интенсификации межэтнических контактов, начали формироваться новые этнические группы — северных якутов и долган.

ГЛАВА 8

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ХОЗЯЙСТВО

В изучаемый период на развитие социально-экономических отношений Якутии большое влияние оказывает ясачная система. Во второй половине XVII в. вследствие хищнического истребления соболя произошло резкое сокращение соболиных промыслов. Это привело к уменьшению ясачного сбо-

ра. Если в 1655–1656 гг. в среднем индивидуальный ясачный оклад равнялся 2,53 соболя, то в 1705 г. всего лишь — 0,66. Из года в год росли недоимки ясака, к началу века превысившие в 20 раз ежегодный ясачный сбор. Пришлось в 1708 г. сложить недоимки с 35 якутских волостей. С каждым годом

становилось все труднее выплачивать ясак. Поэтому царское правительство разрешило сбор ясака не только соболинами и лисьими мехами, но и горностаем, белками, а также деньгами. В 1712 г. ясачными сборщиками было собрано 3288 соболей, 2586 лисиц, 40 302 горностаея, 74 955 белок и 2672 руб., тогда как в 1700 г. ясак собирался преимущественно соболями и лисицами [Романов, 1956, с. 35]. Поборы росли, к этому добавлялись злоупотребления и насилие со стороны воевод и ясачных сборщиков. 14 декабря 1695 г. ясачные якуты Борогонской и Батурусской волостей подали челобитную грамоту в Сибирский приказ, где писали, что ясачные сборщики «для взятки своих бьют, и мучат, и пытают, и казнят смертью напрасно, а ясачные де сборщики, езда в ясачные острожки и в зимовья, ясачных людей бьют и мучат разными муками и жен и детей, девок отнимают и берут к себе на постели, и блудно воруют и лошадей и... скот себе неволею» [Романов, 1956, с. 19]. В 1718 г. казачий сотник Алексей Аргунов «взял грабежом у ясачных людей в Верховилукойском зимовье лошадей и коров 700 скотин, и отданы иным якутам тот грабежный скот в пастьбу, и тем он, Алексей, ясачных людей разорил, и впредь за бесконницею ясаку промышлять не на чем», — сообщалось в одном из донесений о злоупотреблениях служилых людей [Там же, с. 38]. Разорялись не только сравнительно бедные хозяйства, но также богатые. Ф.И. Стралленберг писал: «Когда им [якутам] бывает в ясаке и в долгах нужда, в то время детей своих продают русским людям и иноземцам, примером возраста 10 и 12 лет по 2–3 рубля без жалости» (см. [Там же, с. 41]). Спасаясь от ясачного гнета, многие якуты бежали в отдаленные края вплоть до Даурии на границу с Китаем. Например, в 1705 г. так поступили 40 батурусских якутов во главе с Огус Харахом [Софронеев, 1972, с. 136–137]. Таким образом, положение с ясакообложением стало настолько тяжелым, что это вновь напрямую негативно сказалось на экономическом благосостоянии местного населения.

В 1714 г. по указу сибирского губернатора князя М.П. Гагарина в Батурусском, Кангаласском, Мегинском и Намском улусах была проведена перепись якутов и новое ясачное переобложение «осмотря их иноземческих пожитков». При этом в ясачный оклад были включены и рабы-холопы [Иванов В.Ф., 1992, с. 88], что, несомненно, подняло их юридический статус. Так был сделан важный шаг в сторону уничтожения рабства.

В 1732–1734 гг. правительство Анны Иоановны вновь сложило ясачные недоимки, на две трети уменьшив ясачный оклад в соболях (с 9987 до 2819), но обязало всех якутов, достигших 18 лет, под страхом наказания «батогами и плетьюми» заниматься пушным промыслом.

8.1. СКОТОВОДСТВО, ПРОМЫСЛЫ И РЕМЕСЛА, ТОРГОВЛЯ

Изменения в сфере хозяйственной жизни якутов наиболее ярко прослеживаются в развитии скотоводства, их основного занятия. Ареал якутского скотоводства в XVIII в. расширился, охватив самые отдаленные окраины Якутии, например район Усть-Янского зимовья (в ведомости 1771 г. из 20 хозяйств новокрещенных якутов 3 имели скот), бассейн Колымы (упоминание Дмитрия Лаптева в 1744 г.). По мнению П.С. Софронеева, «такое широкое распространение скотоводства в суровых природных условиях Севера стало возможным благодаря определенным достижениям якутов как скотоводов в развитии производительных сил» [1972, с. 23].

Наметилась тенденция еще большего численного преобладания рогатого скота над конным (54,5 и 45,5 % соответственно в 1642 г., 62 и 38 % соответственно в последней четверти XVIII в.). Конный скот особенно сильно пострадал во второй трети XVIII в. в результате тяжелой извозной повинности, возложенной на якутское население. Ежегодно якуты должны были поставлять тысячи проводных, заводных и проводничьих лошадей для обслуживания Иркутского, Охотского и Анадырского трактов. С 1736 по 1746 г. якуты поставили 9998 лошадей, в 1757–1766 гг. — 50 733, в 1777–1785 гг. — 11 101 [Иванов В.Ф., 1992, с. 168]. Большая часть лошадей не возвращалась.

Скотоводство сильно зависело от капризов природы: засушливые или, наоборот, дождливые годы, вред, наносимый пастбищам и сенокосам кобылкой, и прочие напасти нередко приводили к массовому падежу скота. Так, в 1788 г. от бескормицы в некоторых волостях, приписанных к Верхневилукойскому зимовью, погибло более половины скота. Поэтому якут был всегда готов поменять место жительства, перейдя в более благоприятные места. Например, весной 1781 г. жехсогонец Мочук Босхов вынужденно «со всем своим семейством и со скотом з жилищей со своих за неурожаем на своих покосных местах травы прикочевал по родству» к своему тестю, отставному князю Хатылинской волости Кулюнче Тикянову «для выкоски сена на [князцовых] жилищах и прокормлению скота своего». После сенокоса он начал строить зимнюю юрту и собирался здесь зимовать [Акты..., 1916, с. 256–257].

Поскольку скот находился в частной собственности, в этой сфере были развиты различные формы работы по найму. Объектом сделок был труд скотников и пастухов. Срок найма приходился на три периода: в летнее время от Петрова дня (29 июня) до Покрова (1 октября), в зимнее — до Николы

(9 мая) и в весеннее — до начала летних работ. Нанятых людей в документах того времени называли работниками. Во время сенокоса устраивался *куулэй* — состязание лучших сенокосчиков за угощение.

Была по-прежнему распространена передача скота на содержание и в пользование (*уостааһын*) на год или только на зимнее время за отработку на сенокосе либо в другой форме или за плату (молоком, мясом, молодняком). По иску 1701 г. новокрещеный якут Василий Яковлев требовал у борогонца Оду Торонеева вернуть лошадь и корову, отданную на вышеназванных условиях. При этом ответчик кормил скот своим сеном [Софронеев, 1972, с. 127]. Под влиянием трактового извоза особенно развились передача лошадей «в тело» (*эт-тээһин*) или для «впрягания» (*колуйэргэ биэрии*) за плату. В челобитной 1700 г. говорится, что бетунец Сыкра Девунин взял у борогонца Булгуйка Тевелгина лошадь, «а за тело хотел дать лисицу красную, а ныне той лошади и лисицы не платит» [Там же, с. 128].

Другая известная форма сделки — *хаһаас* — отдача молочной коровы с 9 мая по 1 октября на условиях сдачи скопленной молочной продукции (масла, простокваши), по мнению ученых, возникла под влиянием русских и собственно между якутами развилась позднее, в XIX в. В XVIII в. *хаһаас* практиковался только в отношениях между русскими и якутами.

В связи с этим следует отметить, что в данный период в традиционный скотоводческий уклад жизни якутов начинают активно вторгаться некоторые новшества. Так, из-за частых пожаров, в которых гибли люди и скот, по настоянию русских властей в конце века якутские хотоны начинают строить с дверями на улицу, а оконные проемы расширяются [Иванов В.Ф., 1992, с. 27].

Рыболовство и охотничий промысел продолжали играть заметную роль в экономике якутов. Рыбу ловили круглый год кюрами, вершами (*туу*), сетями (*илим*), а в летнее время на узких речках и притоках устанавливали городьбу, позаимствованную у русских. Вплоть до начала XIX в. для рыболовства использовались берестяные лодки. По мнению Г.П. Башарина, начиная с конца XVIII в. рыболовство в Якутском и Олёкминском округах уже не имело такого большого значения, как в XVII в., но продолжало занимать ведущее место в экономике у северных якутов.

Якуты охотились на пушных зверей, зайцев, боровую и водоплавающую дичь, реже на лосей и диких оленей. Рыболовные места становились объектом частной собственности, места охотничьих промыслов находились в коллективном пользовании улусов.

Из ремесел следует начать с кузнечного дела. Якутские кузнецы изготавливали косы-горбуши, топоры, пальмы, копыя, стрелы, ножи. Вооружения стали производиться меньше. По сведениям Ф.И. Стралленберга, якуты очень искусно выделывали замки, котлы, оковки сундуков. Добыча руды осуществлялась открытым способом на берегах Лены, Алдана, Вилюя и их притоков. Несмотря на значительный уровень развития кузнечного ремесла, полного разделения труда и специализации мастеров не было. Другие ремесла — деревообработка, кожевенное дело — носили домашний характер. Определенного уровня развития достигло гончарное производство. Якутские гончары не только мастерили разнообразную посуду, но и обслуживали потребности кузнечного ремесла, изготавливая горны, железоплавильные печи, формы для литья. В этот период усиливается влияние русского ремесла и промышленности на якутское. Особенно это видно по изменившейся форме якутских керамических сосудов, которые стали приобретать горшковидную форму. Кроме того, по указу правительства, в Якутии начинается поиск месторождений руды, соли и других полезных ископаемых. Предпринимаются попытки наладить добычу и первичную обработку сырья. Например, во второй трети XVIII в. работал Тамгинский завод, расположенный в устье одноименной речки, впадающей в Лену в 30 км выше Якутска. На берегу Лены в местности Столбы и на речке Буотаме добывали необыкновенно чистую руду. Установленный на заводе большой молот работал на водяном приводе. В двух плавильных помещениях находилось от 12 до 15 печей. Завод обслуживали более 200 чел., в том числе от 15 до 24 кузнецов. Первоначально он производил изделия для нужд Второй Камчатской экспедиции. Завод был настолько рентабельным, что обеспечивал потребности не только местного населения, но и Иркутска. Через общение с персоналом завода якутские кузнецы освоили новые приемы обработки железа. В 1744 г., из-за того что экспедиция завершила свою деятельность, завод был закрыт. Осуществленная в 1770-х годах попытка восстановить производство не имела успеха [Софронеев, 1972, с. 50–54]. В целом промышленные возможности Якутии рассматриваемого периода оказались невостребованными. Здесь действовали закономерности как местного, так и общероссийского масштаба. В частности, в качестве одного из сдерживающих факторов можно назвать узость рынка, хотя торговля в Якутии успешно развивалась.

Наиболее развита была казенная торговля. В конце XVII в. в Якутск для закупки пушнины — соболя, лисиц, белок, горностая — было отправлено товаров на сумму 1200 руб., тогда как в другие города Сибири — от 200 до 600 руб. [Акты..., 1916, с. 263; Романов, 1956, с. 27]. После установле-

ния единого 10%-го сбора со всех товаров и отмены «перекупной» и некоторых других пошлин в первой половине XVIII в. расширяется и частная торговля. Кроме пушнины, якуты также торговали скотом, продуктами скотоводства, сеном, рыбой, ягодами и, по-видимому, изделиями кузнечного дела.

В первой половине века кроме хлеба, меда, воска завозилось много промышленных товаров — различные хлопчатобумажные, суконные, шелковые и другие ткани, металлические (оловянные, медные) изделия, табак, водка. Из иностранных товаров ввозились китайские, прежде всего различные дорогие ткани: шелк, атлас и пр., бисер, посуда, чай, западноевропейские: французские вина, голландское сукно, немецкий свинец и пр. Вывозились пушнина, мамонтовая кость, моржовый клык.

Для наглядности приведем некоторые цифры, показывающие уровень торгово-денежных отношений в Якутии XVIII в. По «Справочным ценам Якутской ратуши на продовольственные предметы и товары в августе месяце 1783 года в г. Якутске», пуд ржаной муки стоил 25 коп., пшеничной муки — 60 коп., «гречушной» крупы — 80 коп., овса — 30 коп., говядины — 80 коп., масла коровьего — 3 руб. 50 коп. «Сажень дров листовишных» стоил 70 коп., меха беличьи за штуку в зависимости от сорта — 8–11 коп., лисицы — 2 руб. 50 коп. (красная), до 100 руб. (черная), соболиные — до 10 руб., пуд мамонтовой кости — 8 руб. 50 коп. [Акты..., 1916, с. 263].

Во второй половине XVIII в. сложились благоприятные условия для развития товарно-денежных отношений. Укрепление экономических связей с Русской Америкой, особенно с основанием в 1789 г. Русско-Американской торговой компании, и развитие русско-китайской торговли сделали территорию края удобной для посреднической деятельности. В последней трети XVIII в. в Якутии открываются ежегодные ярмарки: Общая якутская городская, Ярмонская, Олёкминская городская, Зашиверская, Верхне- и Среднеколымская, Анюйская и др. Якутия «была вовлечена в сферу мирового товарного обращения» (Г.П. Башарин).

8.2. СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ У ЯКУТОВ

Рассмотрение социальной структуры начнем с известного свидетельства Я.И. Линденау о том, что якуты сами себя разделяли на классы: «*Bai* — богатый, *Mung Aht Bai* — не знающий счета своему богатству рогатым скотом и лошадьми. *Orto Bai* — владеющий 5–6 табунами. *Bosak iterdak* — имеющий 1–2 табуна. *Osin Tonotardak* — имеющий 2 или 3 коров, другое название такого человека — *Balliksit*.

Tong Balliksit называются люди, имеющие только собак и питающиеся рыбой» [Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 151. Л. 106]. Обращает на себя внимание множественность социальных градаций, существовавших в сознании якутов. Здесь слово *bai* (*баай*) не носит какой-либо сословный, тем более классовый характер. Несмотря на достаточно четко выраженную полярность в имущественном положении якутов — от очень богатых до нищих — существовало много промежуточных звеньев: относительно богатые, просто богатые, среднеобеспеченные, сводящие концы с концами.

Отмеченное выше массовое обнищание населения приводит к увеличению рабства. Известны случаи продажи бедняками в «холопы» (в рабство) своих детей. Но общая численность рабов едва превышала 10 %. Например, в 1716 г. в Батурусской волости число холопов составляло 10,9 % от общего мужского населения, а в Кангаласской — около 7,5 % [Иванов В.Ф., 1992, с. 87–88]. Холопы, как правило, платили ясак вместе со своими хозяевами, но в некоторых случаях — самостоятельно. Из 606 ясачных окладов 69 числилось за 142 холопами. Князец Сетей Немняков имел семь взрослых холопов и восемь детей холопов, и они все вместе платили четыре соболя и четыре лисицы. Всего братья Немняковы и их дети владели 28 холопами [Иванов В.Ф., 1991, с. 98–99; 1992, с. 85–86]. В 1720 г. хангаласский князец Борток Мазарин платил ясак в шесть соболей. «И во оной оклад в подмог платят мне всего одиннадцать человек, а имянно: племянники мои родные Оелгу, Нятия, Оеннит да холопы мои Турак, Сяпса, Мохотой, Мочон, Някула, Чаабыны, Мосого, Асыгалдай».

Как следует из документов, холопы рассматривались как «данные в поддачу» и должны были ходить вместо своего хозяина на соболиные промыслы. Кученек Мазарин с 1714 г. вынужден был платить семь соболей и «во оной оклад в подмог» ему были «даны» 13 чел. (3 племянника и 10 холопов). В другом месте говорится о том, что из этих 13 чел. было родных племянников К. Мазарина — 2, а холопов — 11 [Иванов В.Ф., 1991, с. 99–100; 1992, с. 87, 89].

Основным источником пополнения холопского сословия в XVIII в. служило экономическое принуждение. Ранее значительное количество людей становилось холопами в результате военных захватов. По-прежнему холопов отдавали в качестве компенсации в числе головщины (композиции). Батурусец Иктей Кеюкин за рану, нанесенную мегинцу Чогуну Текалину, должен был заплатить 10 голов скота и отдать человека в холопы [Софронеев, 1972, с. 124]. Холопское состояние, судя по всему, было пожизненным и наследственным. В 1700 г. был возвращен своему хозяину нерюптейцу Тонаку Кулут-

таеву холоп Бачина Тонгусаев с семьей, когда было доказано холопское состояние отца и деда последнего [Софронеев, 1972, с. 123–124]. В 1760-х годах в связи с обложением холопов самостоятельными ясачными окладами и наделением земельными участками их статус постепенно стал сравниваться с положением беднейших лично свободных слоев общества [Иванов В.Ф., 1992, с. 90–91]. Очень незначительный процент населения составляли так называемые вскормленники, как правило, осиротевшие дети, воспитанные у чужих людей. В материалах Первой ясачной комиссии можно узнать о судьбе некоторых представителей этой социальной категории. С детских лет они были отданы на воспитание в другие семьи и долгое время находились у разных людей «в работе». Борогонский якут Мурун Кяттин находился на воспитании у своего же земляка Битчека Иттыкина и до 30 лет не платил ясак. Хаяхсытский якут Илгин Лучеканов воспитывался у родственника Муруна Лучеканова и «всякую работу... робил, а за работу не брал», хотя воспитатель платил за него ясак, поскольку они оба состояли в одном соболином окладе. Нередко статус воспитанников совпадал с холопским состоянием. По свидетельству русских чиновников Ивана Эверста и Степана Горновского, относящемуся к 1798 г., якутские тойоны брали на воспитание детей, чтобы превратить их в своих рабов. В разряд вскормленников попадали и родственники. Тем не менее вскормленников имели практически все слои общества и даже холопы. На протяжении XVIII в. они составляли от 1 до 4 % всего населения. В конце века число вскормленников уменьшилось в несколько раз [Иванов В.Ф., 1991, с. 100–101; 1992, с. 97–98, 103–110].

В последней четверти XVIII в. резко увеличилось количество кумаланов — нищих, убогих и больных, скитавшихся между юртами. Они жили за счет призрения наслег, зажиточных хозяев. В разные годы число кумаланов колебалось от 2,5 до 16,7 %. Причины появления кумаланов видятся в невозможности уплаты ясака, а также в массовом падеже скота в конце XVIII в., когда разорилось очень много хозяйств. Появление же института кумаланства историки относят к середине века [Иванов В.Ф., 1992, с. 117–118]. Кумаланство — результат воздействия, с одной стороны, закономерностей внутреннего развития якутского общества, с другой — ясачной и колониальной политики Российской империи.

Заметный слой населения составляли балыксыты. Эти люди не имели скота и, хотя и вели самостоятельное хозяйство, занимались исключительно рыбной ловлей и охотой. Особенно много балыксытов было в северных улусах — до $\frac{2}{3}$ всего населения, в Вилюйском округе — около 25 %, в центральных улусах и на Олёкме — около 10 % [Там же, с. 128].

Балыксыты — это одновременно и социальная категория, и образ жизни. Перед нами еще одна особенность общественного строя якутов.

Основную часть общества составляли так называемые улусные люди, ведущие самостоятельное хозяйство, которое насчитывало 10–20 голов скота; некоторым удавалось довести численность стада до 30 голов и более. Их уже можно было отнести к зажиточным людям. Так, среди 282 хозяйств, числившихся в 1788 г., в четырех волостях (Жарханской, Бордонской, Накарской, Нерюктейской) Верхневилуйского зимовья В.Ф. Иванов выделил следующие социальные группы:

- 1) бедняки — 18 чел. (или около 11 % от общего количества населения), владевшие 1–5 головами скота (общее количество их скота составляло 3 % от всего учтенного скота в четырех волостях);
- 2) социально зависимые хозяйства — 36 хозяев (12 %), 6–10 голов скота (или 5,2 %);
- 3) полузависимые — 59 (21 %), 11–20 голов скота (13 %);
- 4) самостоятельные — 45 (15 %), 21–30 голов (9,2 %);
- 5) зажиточные — 60 (20 %), 31–50 голов (23,7 %);
- 6) крупные скотовладельцы — 64 (21 %), более 51 головы (46 %) [Там же, с. 50–51].

Эта структура очень хорошо соотносится с вышеприведенной социальной градацией Я.И. Линденау, который также выделяет шесть групп. Таким образом, удельный вес средних хозяйств (3-я и 4-я группы у верхневилуйских якутов, *Bosak iterdak* и *Orto Vai* по Я.И. Линденау) в социальной структуре якутов — 36 %. Значителен удельный вес зажиточных хозяйств (соответственно 5-я группа и *Mung Aht Bai*) — 20 % и крупных скотоводческих (соответственно 6-я группа и *Vai*) — 21 %.

«Вообще, социальные слои якутского общества были довольно подвижны в силу общественных условий производства и ввиду суровых природно-климатических условий» [Там же, с. 51]. Это было обусловлено сохранением кланового строя, который консервировал социальные и экономические отношения в силу связанных с ним вековых традиций. Почти у всех хозяйств были равные условия для развития производства.

На протяжении указанного времени социальная структура в целом сохранилась. Основой общественного строя по-прежнему были кланы — *ага ууһа*. Они возглавлялись тойонами, которых русские называли «князцы». Это были крупные собственники скота. Некоторые из них владели 200–300 и более (до 600) голов конного и рогатого скота. Например, бывший князец Жарханской волости Верхневилуйского зимовья Моксогол Осипов в 1788 г. имел около 600 голов скота [Там же, с. 144]. Именно они чаще всего занимали должности не

только родовых старшин, но и наследных старост и улусного головы. Это обстоятельство заметно подняло их социальный статус. Тем не менее они не представляли собой единого класса, не имея особых привилегий и специальных доходов, подобных феодалной ренте. Распространенные виды хозяйственных договорных отношений: передача «в тело», наем молочного скота — практиковались всеми скотоводческими хозяйствами. Прямой эксплуатации подвергались холопы, отчасти вскормленники и балыксыты. Таковым был труд пастухов, скотниц и др.

Вместе с многочисленными родственниками семья тойона представляла собой ядро якутского клана, который не являлся хозяйственным целым, так как члены его жили разбросанно. Вера в общее происхождение, потребность в защите, экзогамные запреты поддерживали клановое единство. Отношения внутри клана строились по образу и подобию семьи. Территориально близко проживавшие семейные хозяйства объединялись в «волости», известные еще с XVII в. Они соответствовали якутскому улусу — группе *ага ууһа*, объединенных вокруг представителей якутской элиты — тойонов. С 1720-х годов официально было оформлено пять административных улусов: Кангаласский, Намский, Батурусский, Борогонский, Мегинский. Они образовались вокруг наиболее крупных улусно-клановых объединений якутов. Бывшие 35 волостей были приписаны к этим пяти улусам.

Уже в начале XVIII в. десятки якутов были зачислены в служилое сословие в чине дворян и детей боярских (Леонтий и Иван Львовы, Иван Румянцев, Павел Иванов, Иван Михайлов, Василий Иванов, Быртык Арчилов, Федор Матвеев, семья Поротовых и др.). Так началось формирование якутского служилого сословия. В именной грамоте от 22 февраля 1709 г., в частности, говорится: «В нынешнем, в 709 году, февраля в день по нашему великого государя указу велено якутскому новокрещеному князю Федору княж Матвееву, сыну Отконову, за восприятие православной христианской веры быть по московскому списку во дворянх, а служить по Якутку и учинить ему наше, великого государя, жалованье: оклад денег дватцать рублей, хлеба и соли против денег». По мнению историков, речь идет об одном из потомков мегинского тойона Откона, упоминавшегося в русских документах 1630-х годов [Софронеев, 1972, с. 109–111]. На протяжении изучаемого времени якутское служилое сословие только зарождалось, и, по-видимому, оно так и не сформировалось окончательно.

Земельный вопрос издавна вызывал много споров. По мнению группы ученых, среди них Ф.Г. Сафронов и О.В. Ионова [1956, с. 117], В.Н. Иванов [1966, с. 254], в XVIII в. уже завершился процесс

становления частной собственности на сенокосы и установилась монополия собственности социальной верхушки на землю. Г.П. Башарин [1956, с. 358] полагал, что этот процесс затянулся до 1820-х годов. С.А. Токарев [1945, с. 334–335], П.С. Софронеев [1972, с. 102–103] и В.Ф. Иванов [1991, с. 69–70] допускали сохранение в значительной степени общинной собственности на земельные угодья и длительное сосуществование наряду с крупным мелкого землевладения. Г.У. Эргис [1958, с. 186–189] и И.С. Гурвич [1955, с. 3–17] склонны были говорить о господстве общинных порядков в земельных отношениях якутов и о привнесенном характере случаев отчуждения земли.

О том, насколько важны были частновладельческие права у якутов, свидетельствует следующий пример. Основанный в последней четверти XVII в. Покровский монастырь начал разными путями приобретать близлежащие земли, принадлежавшие местным якутам. По-видимому, опасаясь за свои земли, 15 февраля 1726 г. хангаласский якут Тебия Туксын представил в Покровский монастырь роспись сенокосных мест, принадлежавших его умершему отцу Нолиною Бырдакову: «На острове озеро Тулгук, а у него покосы Жигник, ставится два стога; Сынтак, ставится три стога; Бардах, ставится один стог; Коретас, ставится три стога. На горе озера Море, отца же его. На горе же речка Орана с рыбными промыслами, а санных покосов Мас-анна, ставится стог большой; Хари Тюнюрмес, ставится стог; Улун-куре, ставится два стога; Мас-Эге-Геусуга, ставится стог» [Акты..., 1916, с. 42]. Как видно из документа, владелец четко представлял размеры своей земельной собственности. Не забывает он упомянуть и рыбные промыслы на речке, по берегам которой располагались его покосы.

Частная собственность на сенокосы у якутов в XVIII в. продолжала развиваться. Наиболее известны купчие 1714 г. между сылланцами Баигой Шамай Былчиным, Куюнду Чюдаровым, Бага Эчюковым, Текес Чюдаровым, с одной стороны, и батурусцем Калтахой Кохтуиным — с другой — на земельные угодья в 75 стогов сена; 1721 г. между жарханцем Бурбукином Торбоковым и бордонцами Сетеем, Телькином, Ергуем и Ельгосом на «санные покосы» в 60 стогов сена; поступное земельное письмо 1717 г. между мегинцем Быгакой Дениным и новокрещеным Семеном Фадеевым и др. [Акты..., 1916, с. 29–31; Токарев, 1945, с. 322–323; Башарин, 1956, с. 33–36; Софронеев, 1972, с. 96–97; Иванов В.Ф., 1991, с. 56–58]. Акты купли-продажи заключались и с русскими. К 1722 г. относится документ о продаже успешными якутами Куреяхом Сарбакиным и его сыном Кутеняхом покосов на три стога сена казаку Василию Челбонову [Башарин, 1956, с. 36–37; Иванов В.Ф., 1991, с. 58]. 20 января 1715 г. составлена

купчая на продажу хангаласскими якутами Мартыном и Култаном Багалчановыми «своих природных покосов» в пять стогов строителю Покровского монастыря Никодиму [Акты..., 1916, с. 31–32]. По закладной 1744 г. батурусский якут Мекчирга Питеев (или Иктеев) передал своему земляку Нестеру Пугарчину (или Тугарчину) 7 покосов в 15 стогов сена [Там же, с. 156–157; Иванов В.Ф., 1991, с. 59; Софронеев, 1972, с. 97]. Всего историкам известно около трех десятков случаев. Остановимся на наиболее показательных из них.

Итак, читаем один из документов: «Лета от Рождества Христова 1714 году, марта в день, Сыланской волости Баига Шамай Былчин да брат ево сродной Куюнду Чударов да Бага Эчуков да Текес Чударов продали мы в Батурусской волости Катрыцкой волости якуту Калтахе Кортуину сенные свои старинные покосы по речке Кохаре и в стороне той речки ялани с санными ж покосы и с рыбными ловли. Звание тем яланям и санным покосам: по реке Кохаре Ада-Ат-Баса, ставится сена четыре стога; по той же речке вверху озеро Нартай, подле того озера покос, ставится сена три стога; да озеро же Тыбылыя с покосами, сена ставитца четыре; озеро же Мирлай, круг того озера покос, сена ставится один стог; а выше того, озеро ж Няему с санными покосы, сена ставится шесть стогов; по той же речке, вверху вышеописанных озер, выше покос с рыбными ловлями званием Кобяханна да Лыбытыр, ставитца сена два стога, да покос же званием Инах-Баса, сена ставится два стога; да по той же речке Кохаре постороння места на яланях покосы же с рыбными ловли...» Далее перечисляются другие покосные угодья и рыболовные места. Всего 37 названий.

Продавцы утверждали: «А сторонних людей с теми нашими покосы по речке и в стороне по вышеописанным яланям иных ничьих покосов в межах нет...» Другими словами, проданные земли представляли собой сплошной массив. Далее указывается цена сделки: «...а взяли мы за те свои вышеописанныя покосы у него Кантахи в ясашной платеж три соболя по цене в двенадцать рублей да две лошади по цене в восемь рублей да три кобылы по цене в девять рублей...» С точки зрения сегодняшнего дня кажется, что столь обширные земельные угодья оценены явно дешево. Тем не менее перед нами образец традиционного мышления якутов, которыми превыше всего ценился скот. Кроме того, это показывает, сколь тяжким бременем лежал на их плечах ясак («в ясашный платеж три соболя»). Сенокосы рассматривались как приложение к скотоводческой собственности. По-видимому, купить их не представляло большой трудности, и, надо полагать, продавцы надеялись в скором времени либо выкупить проданные земли обратно, либо

приобрести новые. О том, что объект сделки действительно находился в полной собственности продавцов, есть соответствующая запись: «...и владеть теми вышеописанными покосы и рыбными ловли и сенокосами ему Кантахе по сей купчей или он кому отдать похочет, а нам Байге и Эгуюку и Текесу и Баге и родникам нашим и никому до тех вышеописанных покосов и до рыбных ловел дела нет и не вступатся; а те наши покосы и рыбные ловли, опричь сей купчей, иному никому не проданы и не заложены и ни в какия крепости не укреплены...» В качестве свидетелей в документе названы «Мегинской волости якуты Тесемех Текалин да Удулча Асанаев, Борогонской волости Капчигир Сергулянов, Оросу Кокуев, да Сыланской волости Куса Гарда Бырдахов, Макса Еренеев, Чичин Терекоев, Кытынах Амыров» [Акты..., 1916, с. 29–31].

Другой пример: «1744 г., июля 6 дня Батурусской волости якут Мекчирга Питеев дал сию закладную крепость той же Батурусской волости якуту Нестеру Пугарчину в такой силе, что занял я Мекчирга у него Нестера лошадь ценою в пятнадцать рублей и за оную лошадь подписал природныя отца и деда своего санныя покосы до выкупу своего на срок сего вышеписанного году ноября до первого числа. Звание оным покосам: Кытоман — ставитца кошеного сена три стога, на речке Хохаре — званием Алат-Баса — ставитца кошеного сена три стога, на той же Хохоре — Бердасыт Толона — ставитца кошеного сена четыре стога, елань Холллубут Отех — ставитца кошеного сена один стог, на той же елане Холллубут-Отех-Уруете — ставитца кошеного сена один стог, Икки Туюдя — ставитца кошеного сена два стога, елань Тора Алас — ставитца кошеного сена один стог. А ежели я Мекчирга те вышеписанные покосы на помянутой срок у него Нестера не выкуплю, и теми вышеписанными покосами — владеть вечно, продать и заложить и в письменныя крепости укрепить, и мне Мекчирге в том не спорить; а ежели кто будет во оные мои покосы вступатца, по крепосным или без крепостей, от русских или от иноземцов, и то мне Мекчирге ево Нестера во всем очищать и никакого убытка не доставить; в том сие письмо дал... У сего письма нижеподписавшия свидетели: Батурусской волости Мотохо Чемчерин, Сукун Бекин, Терасинской волости Василей Текоев, Кангалаской волости Теча Текоев» [Там же, с. 156–157].

Таким образом, видно, что договор был заключен на период сенокоса и сеноуборочных работ. Опять-таки земли оценены весьма дешево — всего лишь в одну лошадь. Более того, в случае невыкупа в срок все земли становились собственностью получившего закладную крепость, а бывший владелец должен был в дальнейшем в любом споре подтверждать законность сделки. Действитель-

но, как показывают документальные источники, начиная с конца XVIII в. такие споры стали возникать очень часто (см. ниже). В приведенных примерах действуют сугубо частные интересы: «ни родники», никто другой не мог оспаривать совершенные сделки. Другое дело, пореформенный период, когда законодательно была оформлена община-наслед. Тогда в отношении между частниками властно вторгается вновь созданный институт — поземельная община. Например, на исходе столетия из-за сенокосов, часть из которых фигурируют в процитированной выше купчей 1714 г., в судебное разбирательство между князьями Лепинском Тортогоровым и Козьмой Захаровым были вовлечены десятки людей из Мельжахсинского наслега Мегинского улуса и Телейского наслега Батурусского улуса [НА РС (Я). Ф. 180-и. Оп. 2. Д. 12; Ф. 348-и. Оп. 1. Д. 6].

Достаточно гибкую формулировку давал В.Ф. Иванов, имея в виду указанный случай: «Господствовала индивидуально-семейная собственность на покосы. Влияние и сила общины в земельных вопросах использовалась лишь спорадически, когда появлялась, например, нужда в захвате чужих земель, представлявших также собственность отдельных семей, но как бы формально находившихся под защитой общины» [1991, с. 64], что справедливо по отношению ко второй половине XVIII в., когда зарождается якутская земельная община. До этого времени речь может идти о семейных и клановых интересах. 28 мая 1722 г. была составлена «крепость», согласно которой емконский якут Мойкок Балгуданов, уезжая на Вилюй, передал во владение строителю Покровского монастыря монаху Игнатию Козыревскому «с братиею» находящиеся за Леной напротив монастыря «старинные природные отца [своего] сенные покосы»: «подле озера Басыттоха, ставитца сена два стога, и Ем-Элбут-одего, ставитца стог, Дарны-куре, ставитца стог, Хара-инак, ставитца сена стог, да по верхню изголов озера Бысыттаха ставитца сена стог же; Буга-Отего, ставитца сена стожек. Тора-куре, ставитца сена стог; Хатын-куре, ставитца сена два стога, Сыттыган-куре, ставитца сена стог; Кейкуретя, ставитца сена два стога, да место рыбной ловли Игире-Елретья» на срок до его возвращения [Акты..., 1916, с. 34–35]. «А по приезде моем ему строителю с братиею до помянутых покосов и рыбной ловли дела нет; а те мои сенные покосы и рыбная ловля, кроме ево строителя с братиею, иному никому не приказаны и не заложены и ни у кого ни в каких письменных крепостях не укреплены. А ежели, будучи на Вилюе, волею божиею умру, и после смерти моей теми моими покосами и рыбною ловлею владеть ему строителю с братиею вечно. А после смерти моей до тех моих сенных покосов и рыбной ловли, кроме ево строи-

теля с братиею, иному никому, ни сродичам моим дела нет и не вступатца». В качестве свидетелей руку приложили родной брат Мойкока Мохот Бугуданов, емконский якут Лосев Дюбугин, дупчинский якут Банга Сакин и хангаласец Сынаха Хадюгуров [Там же, с. 35]. Таким образом, ни родной брат (что свидетельствует об экономической самостоятельности малой семьи), ни земляк (т.е. общинные интересы на покосы не распространялись) землевладельца не возражали против сделки.

Установить хотя бы общее удельное соотношение различных категорий земельной собственности на сегодняшний день невозможно. Тем не менее с уверенностью можно говорить о господстве клановой (затем наследной) собственности на пастбищные угодья. Обычное право якутов запрещало строить «поскотины» — изгороди на пастбищах [Памятники..., 1994, с. 168]. Но у каждой семьи имелись свои летовки (сайылыки), которые, правда, были не столь постоянны, как зимники (кыстыки). Ведь последние располагались непосредственно на сенокосных угодьях, являвшихся объектом частной собственности. При этом не надо забывать, что якуты более всего ценили не саму землю, а объем и качество скошенного сена. Владение землей (в том числе сенокосными угодьями) имело подчиненную роль по отношению к скотовладению. Поэтому в якутском правовом сознании захват земли был узаконен. Сенокосы мог захватить обладатель большего количества скота. На протяжении XVIII в. происходит трансформация земельных отношений якутов. Российское государство начинает активно вмешиваться во внутренний уклад жизни якутского общества.

8.3. ПЕРВАЯ ЯСАЧНАЯ КОМИССИЯ

Правительство Екатерины II было обеспокоено падением ясачных сборов, так как это напрямую связывалось с расстройством государственного бюджета и административной системы. Лихоимство и взяточничество воеводской администрации в Сибири достигли наивысшего предела. Для исправления создавшегося положения была учреждена Ясачная комиссия. Во главе ее был поставлен секунд-майор Алексей Щербачёв. Весной 1763 г. Комиссия начала работу с ревизии и переписи ясачного населения. В мае 1764 г. Щербачёв по причине недобросовестности был отозван в Петербург, и вместо него председателем Комиссии стал сибирский губернатор И.Д. Чичерин. В феврале 1766 г. была создана специальная Якутская комиссия во главе с бывшим воеводой Мироном Черкашенниковым.

Главной целью Комиссии было увеличение сбора ясака за счет упорядочения системы ясакообложения. При этом должны были учитываться: 1) количество и качество земли; 2) охотничий промысел;

3) «состояние скотоводства». В 1766–1767 гг. новая перепись выявила сотни мужчин, достигших ясачного возраста, но не охваченных прошлыми переписями.

Было решено перейти к коллективному обложению: на наслеги-волости, официально образованные к тому времени, накладывалась общая сумма ясака. Раскладка ясака внутри обществ должна была производиться самими ясачными по общему согласию под руководством князцов.

В октябре — ноябре 1767 г. в Якутск стали вызывать якутских старшин (клановых глав) и князцов. Они давали письменные показания о месте нахождения своих улусов, волостей и о состоянии хозяйства. При этом они обязывались увеличить размер вносимого ясака. С каждого князца бралась специальная подписка. Для примера приведем одну из сохранившихся до наших дней: «1767 году, ноября 16 дня в находящейся в городе Якуцке о расположении ясака комиссии в присутствии коллежского советника Черкашенинова Мегинского улусу, Жемконской волости князек Илгын Нокочин с ниже подписавшимися старшинами сею подпискою объявили в том, што он с родниками своими жительство имеет Якуцкого ведомства около озера Хомчахта, в разстоянии от города Якуцка в десяти верстах своими юртами, скотоводство конное и рогатое и для прокормления онаго санных покосов посредственно имеют и для же езды употребляют лошадей, а в работы по близости быков; питаются скотоводные молоком и разным зверем и рыбою, а неимещие скота сосною корою, сваря с таром, зделанным ис кислого молока, и кореньями, по якуцкому званию сарана. В их жилищах местами леса имеются лисвяк, сосняк, березняк, ельник, чернотал; в них зверей бывает годом набеглые лисицы красные, горностай, белки, зайцы, и то самое малое число, а соболей в их местах, как они и старожилы запомнят, нет, и они (как протчия тонгусы (здесь ошибка, надо якуты. — А. Б.)) для промыслу оных по непривычке не ходят; для же битья зверей употребляют луки со стрелами, а огненного ружья не имеют, и им оное и пороху не потребно. За неуловом же зверя и не имению в их местах соболей, покупают в городе Якуцке у купцов, а особливо лисицы красные ис привезенных с верху Лены реки ис таких, которые и прежде от них в ясак положены были. До сего с родниками своими платили они в казну ея императорскаго величества ясаку соболей 12, лисиц красных четырнатцать, денег пятьдесят шесть рублиев...»

Князец и якуты его наслег, как говорится далее, «чувствуя высочайшую ея императорскаго величества к ним милость и защищение, желают они с родниками своими добровольно, без всякого принуждения и себе с родниками без отягощения, к тому прежнему платежу прибавить соболей три,

лисиц красных пять да вместо денег положенной цене в казну деньгами внести или зверем». Поскольку «ныне ни от кого таковых, как прежде бывало, обид, грабежей и нападок, тому назад четыре года, и как опубликован об них ясашных высочайшей ея императорскаго величества имянной всемилостивейшей о защищении и удовольствии указ, не видят; а впредь естли от русских людей чиниться будут какия обиды и приметки, то по обнадежению высочайшей ея императорскаго величества милости, должны просить в командах, штоб удовлетствованы и обидимое возвращено было».

Получение подобных гарантий неприкосновенности, как и отмена разездов ясачных сборщиков по улусам (об этом будет сказано ниже), по-видимому, способствовали «добровольному» увеличению объема налагаемого ясака. Кроме того, было взято обязательство «впредь за собою и ни за кем из ясашных ни под каким видом, хотя б вскормленников или из незаконнорожденных, холопами не писать и не укреплять; а для улову соболей и протчих зверей или для чего за границу китайскую самим не ходить и родников своих не отпускать под неизбежным и жестоким на теле наказанием, в чем и подписались» [Акты..., 1916, с. 231–234].

В течение следующего, 1768 г. произошло переобложение населения новым ясачным окладом. Переобложение началось с Вилюя, затем производилось в центральных улусах, на Олёкме, позже всех на северо-востоке Якутии (подкомиссия Алексея Пушкарева). В каждом улусе, остроге и зимовье были составлены ясачные окладные книги. Например, раньше якуты Мегинского улуса платили 167 соболей, 197 лисиц и 714 руб., теперь их новый оклад равнялся 211 соболям и 697 лисицам. Таким образом, размер ясака, собираемого с улуса, вырос, если перевести на деньги, на 584 руб. Подобная картина наблюдалась по всей Якутии. Всего же, по подсчетам ученых, размер ясака увеличился по Якутии на 180 % — с 16 325 руб. 75 коп. до 45 482 руб. [Башарин, 1956, с. 67–68]. По другим данным, до 45 544 руб.

Заглянем в «Ведомость коликое число ведомства Якуцкого на ясашных плательщиков ясака положено» [Акты..., 1916, с. 236–237], где эта цифра распределена так: «Кангаласского улусу число душ 5658, на них ясаку положено на сумму 5798 р. Батурусского улусу — 6380 д. — 8535 р. Намского улусу — 3090 д. — 2832 р. Борогонского улусу — 2943 д. — 3088 р. Мегинского улусу — 3356 д. — 2871 р. Олёкминского острогу — 2065 д. — 2950 р. Верхневилуйского зимовья — 6465 д. — 7269 р. Средневилуйского зимовья — 1270 д. — 2461 р. Майского зимовья тонгусов — 367 д. — 755 р. Тонторского и Бутальского зимовий — 228 д. — 424 р. Жиганского и Устьвилуйского зимовья — 1417 д. — 2007 р. Верхоянского жи-

мовья — 1662 д. — 2480 р. Зашиверского острогу — 493 д. — 637 р. 50 к. Устьянского зимовья — 331 д. — 444 р. Баягантайской волости — 906 д. — 1133 р. Ковымских трех зимовий — 720 д. — 1033 р. Алазейского зимовья — 115 д. — 168 р. 50 к. Выключенных из Верхне- и Средневилюйских зимовий и Олёкминского острогу тунгусов, а ныне состоящих особо по книгам 316 д. 658 р.».

Ясачные Намского и Борогонского улусов, в отличие от других центральных улусов, были обложены исключительно денежным окладом ясака. Как видно из «Ведомости...», ясакообложение было неравномерным. В центральных улусах в среднем на одного ясакоплательщика приходилось от 0,8 до 1,3 руб., на Вилюе — от 1,1 до 1,9 руб., на северо-востоке — от 1,2 до 1,4 руб. Самые высокие в среднем оклады были в Тонторском и Бутальском зимовьях — 1,8 руб., Майском зимовье — 2,05 руб. и у тунгусов, ранее причисленных к Олёкминскому острогу, Верхне- и Средневилюйскому зимовьям, — 2,08 руб.

После этих мероприятий вышел целый ряд правительственных указов, касающихся порядка сдачи ясака, новых прав и обязанностей ясачных. 26 апреля 1769 г. по указу Сената якутские тойоны получили права ясачных сборщиков. В отдаленных улусах устанавливались места сбора, куда свозили ясака князцы и старшины. За службу они получали подарки цветным сукном, табаком. Общий объем подарков, ежегодно выплачиваемый воеводской канцелярией за вышеназванную общую сумму ясака по области, отныне должен был составить 910 руб. 88 коп. [Акты..., 1916, с. 237]. Обезьяны улусов служилыми людьми прекратились. 7 мая 1769 г. указ Комиссии предоставил право ясачным Якутии, не имеющим соболя, платить ясака другими мехами и деньгами. Устанавливался порядок «письменных видов», выдававшихся князцами и старшинами, без которых ясачные не могли покидать улусы и выезжать в Якутск. Указ иркутского губернатора от 26 апреля 1769 г. подтвердил права якутских князцов судить своих сородичей за различные проступки, кроме криминальных дел. Указ 29 июля 1773 г. запретил вызов ясачных-должников в город.

8.4. АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ ЯСАЧНОЙ КОМИССИИ

Если раньше размер ясака зависел от количества скота, то теперь — от наличия покосов, поскольку одновременно с работой Комиссии проводилась аграрная реформа. 20 сентября 1765 г. Черкашенинов запретил куплю-продажу земли в якутских улусах. Как считают историки, такая мера была обусловлена общим процессом монополизации земли абсолютистским феодальным государством в интересах

дворянства. Также, вне всякого сомнения, таким способом царское правительство стремилось к стабилизации имущественного положения податного населения в интересах регулярности ясачных платежей. Владельцы «излишних земель» с разрешения князцов сохранили право сдавать землю в наем на срок до 3 лет [Романов, 1956, с. 84].

Начало реформам фактически положили два важнейших указа Первой ясачной комиссии: «О бытии санным покосом во владении за теми, за кем они состоят, и о невступании никому в посторонний покосы и угодия, и о протчем» от 6 ноября 1766 г. и «О невыкупании у ясачных никому сенокосных мест и рыбных ловель, а также и о непринятии в заклады их церквей в приклады» от 8 февраля 1768 г.

По первому указу сенокосы и другие угодия в улусах закреплялись за теми, кто владел ими до этой даты. За каждым улусом и их подразделениями (наслегами) были закреплены определенные территории. Второй указ фактически положил конец развитию частной собственности в Якутии.

Указ 12 сентября 1767 г. запретил неясачным жить в якутских улусах. Тем самым якутское землепользование ограждалось от проникновения извне. Исключение составила крестьянская колонизация, которая частично затронула приленские районы, бассейн Вилюя, Амгу.

С 1770-х годов в якутских улусах составляются так называемые «зеленые» ведомости (до наших дней сохранились лишь некоторые ведомости по Борогонскому, Мегинскому, Батурусскому улусам, а также фрагменты копий по отдельным волостям Вилюйского и Олёкминского округов), куда вносились имена ясакоплательщиков по соболиным и лисьим окладам и размеры индивидуального покосного надела в острожьях.

Указ Якутской воеводской канцелярии № 314 от 1 марта 1772 г. о распределении земли внутри якутских улусов и волостей рекомендовал «все их (якутов) покосы исчисля и смотря по окладам их ясаков есть ли на ком состоит соболю, то давать по расчислению с тогож принадлежащее число, а на ком лисишный оклад — тому отделять против того вполю» [Башарин, 1956, с. 80]. На деле рекомендация властей осталась лишь пожеланием. Распределение земли внутри наслегов произошло в соответствии с конкретным балансом в земельных отношениях якутов в каждом отдельном случае.

3 ноября 1770 г. датируется «зеленая» ведомость Бологурской волости (Батурусский улус). Согласно ей, на соболином окладе состояло 106 чел. Всего было 42 соболиных оклада, на каждый из которых приходилось по 9 острожий земли (т.е. участок земли, с которого скашивалось 9 стога сена). В 20 окладах состояло по 2 чел., в остальных 22 — по 3 чел., но первые получили по 4,5 острожья, а вто-

рые — по 3. 102 чел. держали 77 лисьих окладов, имея право на 3 остожья каждый. Из них в 48 окладах состояло по 1 чел., а в остальных 28 — по 2. Первые получили по 3 остожья, вторые — по 1,5 [Башарин, 1956, с. 86].

В марте 1772 г. в присутствии сына боярского Льва Кривошапкина были разделены сенные покосы в Оспецкой волости. Только сам князец Матвей Турचेков получил земли на полный соболиный оклад — 12 стогов, остальные 20 держателей соболиных окладов получили по 4 стога ($\frac{1}{3}$ оклада). 89 из 92 «лисишников» получили по 3 стога. Братья Кибичю и Харсан Чохины, которые платили 2 лисицы, получили 6 стогов, столько же получили Багыныр Унюгесов с братом, также платившие 2 лисицы. Кысыога Сетегаев, который платил пол-лисицы, получил 2 стога. Общий объем наслезных сенокосных угодий оценивался в 373 стога [Романов, 1956, с. 87].

По ведомости от 10 мая 1773 г., в Мойрудском роде князца Ванчика Жорхина (Мегинский улус) было 20 соболиных и 60 лисичных окладов. В соболиных находились сам князец с сыновьями — 5 чел., Турах Сычетов с сыновьями — 4 чел., Этери Эрвиков с сыновьями — 3 чел., Нелькин Микесев с сыновьями — 5 чел. На всех них было наложено 4 соболя, по 1 соболю на семью. Остальные 16 соболей были наложены на 82 рядовых родовича. Всего был 101 держатель соболиных окладов. 241 чел. был положен в 60 лисичных окладов. Возраст ясакоплательщиков колебался от 7 до 66 лет [Там же, с. 80]. По «зеленой» ведомости от 19 января 1776 г., на Мойрудскую волость был наложен ясак в 19,5 соболя и 62 лисицы. Всего было 290 остожий, распределенных по лисьим окладам, и 366 — по соболиным. Из 80 плательщиков по соболиным окладам 44 получили по 5 остожий, остальные — по 4 остожья. Из 120 «лисишников» 43 получили по 3 остожья; 9 — по 2,5; 1 — 1,5; все остальные — по 2 [Башарин, 1956, с. 89].

По другим сведениям, по окладной книге 1765 г., в наслеге князца Митрея Ермолаева (будущий Мойрудский наслег) Мегинского улуса были оклады: 1 соболю, 1 лисица, «денег рубль» и «денег полтина», раздробленные на $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$ соболя, $\frac{1}{2}$ лисицы и т.д. Согласно окладной ведомости 1789 г., в том же наслеге 78 «состоящих в соболях» были объединены в группы по 4 чел., которые платили по $\frac{1}{4}$ соболя (по 1 руб. 75 коп.); 122 «состоящих в лисицах» («лисишники») сгруппированы в пары по $\frac{1}{2}$ лисицы (по 1 руб.) на каждого [Токарев, 1945, с. 331]. В 1792 г. по ясачному «регистру» платящих по $\frac{1}{2}$ соболя — 3 руб. 50 коп. было 3 чел., по 1 лисице — 2 руб. — 10, по $\frac{1}{4}$ соболя — 1 руб. 75 коп. — 36, по $\frac{1}{2}$ лисицы — 1 руб. — 52. Итого — 101 чел. [Там же, с. 331–332].

Несмотря на вышеприведенные рекомендации воеводской канцелярии, как видно из представленных примеров, на местах было установлено другое соотношение между окладами. На 1 соболиный оклад приходилось 12 остожий (один стог равнялся в среднем 30 возам), а на 1 лисий — до 3–4 остожий. Другими словами, соболиный оклад соотносился с лисьим как 3:1 и даже 4:1. Устанавливался принцип: земля — по ясаку.

В вилюйских волостях также составлялись земельные ведомости — билеты. Это осуществила комиссия во главе с сыном боярским Егором Кычкиным в 1776 г. К сожалению, сохранились только копии, сделанные с копий этих 24 ведомостей, соответствовавших количеству вилюйских волостей⁸. Например, в Кангаласской волости, где князцом был Бечень Мекорюков, в соболиные оклады было записано 99 чел. Из них сенокосными угодьями размером в 10 стогов владел сам князец, в 5 стогов — 3 чел., в 3 стога — 27 чел., в 2 стога — 68 чел. В лисьи оклады было записано 88 чел., на каждого из них приходилось сенокосных угодий на 2 стога [Башарин, 1960, с. 90–97]. В 1797 г. в этой же волости производился земельный передел, основывавшийся на вышеприведенной ведомости. Состоявшие в соболином окладе 106 чел. получили: князец Килчек Моеханов, плативший целого соболя, — 10 остожий (интересно, что в 1776 г. за ним числилось сенокосов на 3 стога), 7 чел., плативших 2 руб., — по 2, 27 чел. — по 3 руб. — по 3, 2 чел. — по 3 руб. — по 2 [Там же, с. 92]. Из 176 чел., состоявших в лисьих окладах, получили: 165, плативших по 1 руб., по 2 остожья, еще 11, вносящих ясак по 2 руб., также получили по 2 остожья, а один из них — 4 остожья, наконец, еще 1 чел., который имел оклад в 3 руб., получил 5 остожий. Кроме того, сенокосы получили и те, кто не платил ясак, в том числе «престарелые» и «сиротствующие с детьми». Между 131 чел. разделили 132 остожья [Башарин, 2003, с. 94]. Как мы видим, в вилюйских волостях соболиный и лисий оклады были примерно равны. Хотя в дальнейшем наблюдается тенденция, сближающая соотношение между данными окладами с системой, распространенной у лено-амгинских якутов [Там же, с. 93].

На Олёкме, в Верхоянье и в некоторых районах Индигирки и Колымы, где жители занимались скотоводством, в конце XVIII в. выдавались специальные «владельческие билеты» на земельные участки [Там же, с. 96–100].

Земельные участки распределялись только между членами общины (наслега). В случае споров по

⁸ Открыты в 1957 г. Г.П. Башариным и опубликованы им в специальной работе. См. [Башарин, 1960, с. 69–170].

требованию одной части наслег (чаще всего рода) устраивались периодические переделы земли. Таким образом, в 1770-х годах сложилась соболино-лисья система распределения сенокосных угодий. Как полагает Л.Г.Левенталь, далеко не вся земля была учтена во время аграрных реформ.

Поскольку функции внутренней раскладки ясака перешли к наследным органам самоуправления, появилась возможность богатым скотовладельцам — старшинам и старостам увеличивать свои земельные владения. Например, они записывали в ясачный оклад своих несовершеннолетних детей и воспитанников, чтобы получить дополнительный надел (*олбугэ*).

По мнению Г.П.Башарина, во-первых, территориальный рост бывших якутских волостей был ограничен общей суммой ясака, наложенной на основную фискальную единицу (наслег), во-вторых, принцип «земля — по ясаку», при котором право землепользования стало зависеть от индивидуального размера ясака (соболиного или лисьего), стал причиной обострения борьбы между собственниками земли в последней четверти XVIII в., в-третьих, «в результате проведения аграрных реформ 60–70-х гг. XVIII в. в каждой волости был введен общинный порядок, при котором начались периодические земельные переделы», в-четвертых, к якутской действительности начало применяться аграрное законодательство Русского государства, в-пятых, под влиянием последнего возникает писаное право якутов — «Выписки о ясачных», легшие в основу других памятников обычного права якутов XIX в. Таким образом, наряду со старинными правами якутов на землю, появляется целая система писаного права, оформленная русскими властями, чтобы привязать фискальную политику (сбор ясака и податей) к экономическим отношениям якутов: стали учитываться не только благосостояние и платежеспособность различных категорий населения, но и размер землепользования и землеустройства. Традиционное «захватное» право на землю оказалось под контролем государства.

Итогом аграрных реформ стало обезземеливание якутов. Ученые называют цифру от 10–15 до 60 % людей, лишенных земли в первой трети XIX в. Обостряется борьба за землю.

Русская колонизация оказала определенное влияние на экономику якутов, но внутренний уклад их жизни сохранился.

В целом историки склонны оценивать общественный строй якутов рассматриваемого времени как патриархально-феодальный [История..., 1957, с. 91, 151, 194, 196; Иванов В.Ф., 1991, с. 202; Башарин, 2003, с. 355; и др.]; они расходятся лишь в оценке уровня феодализации. Феодализм хотя и обладает универсальным характером, но в Якутии, по-види-

мому, не имел условий для своего развития. Одним из главных признаков феодализма является условное держание земли в форме вассально-ленных связей. Основное условие права на землю — феодальная рента и обязательное несение службы. Зависимость между людьми строилась на сугубо личной, не опосредованной вещами и товарами, основе.

В якутской историографии на роль нарождавшегося феодального класса выдвигали тойонов. Действительно, определенный хозяйственный достаток и высокое положение в обществе дают основание выделить эту социальную категорию из общей массы якутского населения. Прежде всего тойоны являлись крупными скотовладельцами, а в системе социальных связей представляли старшую семью в *ага ууһа*, ближайшую по родству (в сознании людей) к основателю (чаще всего легендарному) клана. Именно для обеспечения потребностей своего скотоводства тойоны владели и землей (главным образом покосами) на правах частной собственности. Покосное угодье могло быть отчуждаемо, но не передавалось и, самое главное, не закреплялось в условное держание.

Продажа, заклад, сдача в аренду сенокосов на определенный срок широко практиковались в якутском обществе. Условное держание земли не было основанием для установления какой-либо зависимости. Подчинение некоторых категорий якутского общества власти тойонов имело другую природу. Якутское скотоводство — хрупкое хозяйство. Один голодный год мог привести к полной ликвидации даже крупных хозяйственных единиц, насчитывающих не один десяток голов скота. Поэтому накопление земельного фонда и его удержание не являлось необходимым для развития экономики. Недостача скота, нехватка сена и другие чисто хозяйственные причины заставляли якутов вступать в неравные отношения с более удачливыми, лучше обеспеченными скотом соседями или тойонами. Взятие на удой скота или верховых лошадей «в тело» не было продолжительным. Кредитор не имел никаких прав ни на труд, ни на личность своего клиента. Другое дело кулуты-рабы (холопы). Преобладание независимых мелких собственников, отсутствие крупных латифундий феодального типа, развитые формы имущественных отношений в скотоводстве — важнейшие черты социально-экономического строя якутов.

8.5. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

О социально-экономических отношениях народов Якутии XVIII в. говорить крайне затруднительно из-за недостатка документальных источников.

Имеющийся значительный объем этнографического материала, собранный российскими учеными и путешественниками XVIII в. И.К. Кирилловым, В.Н. Татищевым, М.В. Ломоносовым, Г.Ф. Миллером, И.Г. Гмелиным, И.Э. Фишером, Я.И. Линденау, С.П. Крашенинниковым, Г.В. Стеллером, Х.П. Лаптевым, Д.Я. Лаптевым, И.И. Исленьевым, И.Г. Георги, И.И. Биллингсом, Г.А. Сарычевым, И.Г. Мерком, топографические описания И. Матушевица, Ф.И. Ланганса и другие повествовательные источники требуют особого научного подхода для интерпретации их с точки зрения социально-экономического строя вышеназванных народов. Как уже отмечалось, в историографии для изучения конкретных областей истории Якутии, в частности интересующей нас, эти материалы практически не использовались. Тем не менее можно предположить, что основу общественного строя народов Севера в XVIII в. продолжал составлять отцовский род.

И.Г. Георги писал о тунгусах: «Они разделяются по восточному обыкновению на колена, а сии на роды. Каждый род (Тагаун) производит начало свое, от какого ни есть храбростию, силою, изобилием в скоте и детях, а иногда и благоразумием прославившегося родоначальника, называются по его имени, и все в оном находящиеся считаются кровными между собою родственниками. Несколько же таких родов считаются между собою родством по своим родоначальникам, и соединяются потому в колена» [1777, с. 35]. Здесь речь идет об эвенках, но в некоторой степени такое рассуждение применимо и для эвенов.

По данным Я.И. Линденау, ламуты кочевали группами в несколько семей. Старшин называли *диангии*. В среднем у такой группы было 50–60 оленей, хотя каждая семья сама ухаживала за своими оленями.

У юкагиров сохранялись особенности, связанные с материнским исчислением родства, матрилокальный брак. Патриархальная семья преобладала над малой формой семьи. Роды были сравнительно небольшими. В частности, эвены Якутии делились на 13 родов: Дельянские (по два на Колыме и Индигирке), Тюгясирские (один в Верхоянье, другой — на Индигирке), Ламунхинский — в Усть-Янье и др. В каждом из них насчитывалось более 40 ясакоплательщиков [Гурвич, 1966, с. 81]. Хозяйство эвенов по сравнению с эвенками, достигшими совершенства в развитии оленеводства, носило более архаичный характер. В частности, долгое время им не была известна нартенная езда на оленях [Туголуков, 1982, с. 162].

Среди эвенов-олeneводоов было развито рыболовство, делались большие запасы рыбы и жира морского зверя [Там же, с. 162–163]. Правда, в отличие от своих собратьев с охотского побережья, владевших сотнями голов оленей на одно хозяйство, эвены

Якутии по этому показателю сравниваются с эвенками, у которых в среднем было по несколько десятков оленей на хозяйство.

К середине XVIII в. большая часть юкагиров являлись тундровыми охотниками. Зажиточные юкагирские семьи в Усть-Янье имели до двух десятков оленей. В среднем каждая юкагирская семья владела 5–10 оленями. Только в низовьях Колымы сохранялись так называемые речные юкагиры, которые занимались преимущественно рыболовством и добычей оленей на переправах. Имели также ездовых собак.

У юкагиров, как и у эвенов, сохранились 13 родов, в которых в среднем насчитывалось 20–30 мужчин [Гурвич, 1966, с. 71–72]. Самыми крупными были Омолойский Усть-Янского зимовья и нижнеколымские роды. Войны с чукчами и коряками в первой половине XVIII в. привели к разрушению благосостояния юкагиров: это и сокращение численности населения, и уменьшение оленьих стад. Серьезные изменения происходят в других отраслях хозяйства. Сближение с пришлым русским населением способствовало проникновению в хозяйство юкагиров кузнечного ремесла, техники изготовления лодок. Усовершенствовалось вооружение — появились железные кольчуги. Интенсивным контактам благоприятствовала близость Анадырского тракта.

Таким образом, на протяжении XVIII в. хозяйство тунгусоязычного населения Якутии в целом не претерпело существенных изменений, у юкагиров же наблюдается поголовное обнищание, связанное с последствиями эпидемий и войн.

8.6. СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ У РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ

По сравнению с основной этнической группой Якутии — якутами русские в XVIII в. составляли незначительный процент населения. Самыми многочисленными социальными слоями среди них были служилые люди и крестьяне. Численность последних особенно увеличилась на протяжении рассматриваемого столетия. Расселение, основные занятия и социальные отношения русского населения Якутии XVIII в. наиболее полно изучены в трудах Ф.Г. Сафронова [1961, 1978, 1980 и др.]. Дальнейшее изложение основано на этих трудах ученого.

Служилое население (казаки) в XVIII в. начали рекрутироваться преимущественно из потомков и родственников самих казаков, из числа крестьян, посадского населения. Комплектование казачьего войска на протяжении века испытывало постоянные трудности. Казаки получали из казны жалованье деньгами и хлебом. С 1737 г. в среднем жалованье составляло 7 руб. в год, по 3 четверти ржи и

2 четверти овса. Основными обязанностями служилых людей до 1760-х годов были сбор ясака, десятой пошлины с торговых и промышленных людей, суд и расправа над местным населением по «малым делам» (до 1730-х годов), караульная служба, наблюдение за порядком, обслуживание трактов (сопровождение ссыльных, различных грузов, особенно хлеба).

Из-за перебоев с хлебообеспечением и продовольствием в целом служилые люди, помимо земельных участков, отведенных казной, покупали землю у якутов. Казаки имели свой скот.

Посадское население было немногочисленным. В 1737 г. в Якутске, самом крупном населенном пункте из 249 дворов и 99 юрт, только 39 дворов и 10 юрт принадлежало посадским. В 1782 г. из 1521 чел. мужского населения города купцов было 134, мещан — 216, цеховых — 151, дворовых — 19, крестьян — 19, лиц духовного звания — 47, приказных чинов — 27, воинских чинов — 781, отставных — 101, разночинцев — 26. Горожане уже в то время владели десятками десятин земли. С 70-х годов распространяется «оброчное» землепользование (пользование землей за определенную плату) посредством специальных торгов. Отдельные посадские люди занимались «портным, гребенным, чеботным, серебряным мастерством», «мыльным, кожевенным промыслом».

В начале века русские крестьяне заселяли Витимско-Пеледуйский район, Олёкму, район Якутска, Амгинской слободы. Хлебопашество до 1765 г. развивалось в районе Верхневилуйского зимовья. С 1770 г. крестьянское население появилось на станциях Иркутского тракта. Незначительное их количество имело на Яне, Индигирке и Колыме. Всего крестьян в Якутии к концу XVIII в. насчитывалось до 2400 чел. Большинство было переселено в принудительном порядке, за исключением жителей арктических районов — потомков промышленников и «гулящих» людей. Например, осенью 1733 г. партия из 50 крестьянских семей Чечуйской, Криволукской и Киренской волостей была отправлена в Якутск на плотах. Государство обеспечивало крестьян деньгами. Переселенным в Амгинскую слободу и Олёкминский острог ссыльным крестьянам ссужали скот, семена и сельхозорудия.

В 1727 г. с отменой десятинной пашни (вместо нее крестьян обязывали платить по 4 гривны с ревизской души) начинает меняться порядок крестьянского землеустройства и землепользования. Отвод земли стал коллективным, наделение земель — уравнильным подушным. Распространяются переделы земли.

В связи с этим наблюдается упадок крестьянской запашки. Поэтому указом Иркутской канцелярии от 23 февраля 1761 г. под страхом телесного наказа-

ния и ссылки на Нерчинские рудники крестьян Амгинской слободы и Олёкминского острога принудили производить запашку отведенных ранее земель. В 1760—1790-х годах даже существовала должность смотрителя хлебопашества. Одновременно проводились землеустроительные мероприятия. Крестьянам были выделены наделы из расчета по 7,5 дес. на каждого работоспособного мужчину в возрасте от 15 лет, а по Манифесту о генеральном межевании для сибирских крестьян была установлена 15-десятинная норма на ревизскую душу. Из этих земель половина отводилась под сенокосы. Из-за различного состава семьи земельные наделы получались неравными. Поэтому уже в конце XVIII в. начинаются земельные переделы.

Государство давало в виде ссуды кормовой и семенной хлеб, а также скот. Кроме того, крестьяне ленских станков получали продовольственный паек, а с 1781 по 1813 г. их полностью содержали якуты.

Самый большой урожай получали в Олёкминской деревне — до сам-6 (на душу населения приходилось от 3 до 11 пудов хлеба в год). Ввиду того что на Амге и в Верхневилуйском зимовье урожаи были низкими, многих тамошних крестьян перевели на Олёкму. Сеяли преимущественно ярицу и ячмень. Во второй половине XVIII в. в связи с развитием трактового сообщения и возросшей потребностью корма для почтовых лошадей стали засеивать в большом количестве овес. В конце XVIII в. повсеместно появились посевы пшеницы, которая даже в неблагоприятные годы давала неплохой урожай — от сам-2,5 на Олёкминской деревне до сам-6 в Амгинской слободе.

В начале 1760-х годов появляются казенные запасные магазины, где хранился запас семян на случай неурожайного года.

Хлебообеспечение Якутии до 1770-х годов осуществлялось силами илимских и верхнененских крестьян, которых заставляли сплавлять по реке груженные казенным хлебом суда. С середины 1770-х годов такая практика прекратилась и начала развиваться частная хлебная торговля.

Крестьяне нередко совершали побег, поэтому власти брали подписку с крестьянских обществ о непринятии беглых и в случае обнаружения таковых о немедленной выдаче их. Крестьянская община защищала интересы своих членов от произвола царских чиновников, обращаясь с коллективными жалобами в воеводскую канцелярию.

Падение значения пушных промыслов на протяжении XVII в. привело к сокращению численности промышленников на территории Якутии. После открытий, сделанных экспедицией Беринга и Чирикова, начинается регулярный промысел морских бобров (калана), котиков, голубых песцов. С образованием Российско-Американской компании про-

мысел и торговля ценными мехами приобретают массовый характер. Участники промысловых мероприятий, начиная с Е. Басова, А. Серебренникова, Н. Трапезникова, а затем Г. Шелихова, бывали в Якутии только наездами, между тем на берегах Северного Ледовитого океана, в устьях Оленька, Лены, Яны, Индигирки, Колымы формировалось постоянное русское население оседлых промышленников, которые к концу XVIII в. насчитывали более 1 тыс. чел. Все они принадлежали к сословиям мещан либо крестьян, а по основным занятиям мало отличались от окружавших их представителей малочисленных народов Севера: охота и рыболовство давали необходимое пропитание, добыча ценных мехов позволяла вести обмен и торговлю.

Таким образом, социально-экономический строй народов Якутии XVIII в. представлял собой несколько хозяйственных укладов. Преобладающие численно якуты сохраняли клановый строй. Трансформировалось самоуправление — появились наследи, административно созданные на месте клановых объединений. Эти структуры стали главной фискальной единицей ясачной управленческой системы Якутии. Развитие скотоводства — основной отрасли хозяйства якутов — в результате ясачной и аграрной реформ 60–70-х годов XVIII в. стало напрямую зависеть от государственной политики Российского государства. Сенокосы перестали быть объектом частнособственнического присвоения, а превратились в

государственную (царскую) собственность, как, впрочем, и другие сельхозугодья. Оживилась торговля, якуты были вовлечены в общероссийский рынок.

Народы Севера в указанный период, испытывая ясачный гнет, начали подвергаться сильному вмешательству цивилизационного характера. Сохранив традиционный уклад жизни, одни сумели приспособиться к изменившимся условиям (эвенки, эвены), другие фактически были обречены на вымирание (юкагиры).

Русское население Якутии было представлено в этот период в основном служилым сословием и формирующимся крестьянством. На их хозяйственный уклад прямое воздействие оказывало государство (они существовали в целом за счет казенного обеспечения). Среди местного населения распространялись общинные, свойственные российскому крестьянству, порядки. На протяжении столетия крестьяне продолжали приспосабливать к суровым климатическим условиям Якутии культуру земледелия. На севере возникли небольшие группы русских оседлых промышленников с особым типом хозяйства.

Господство натурального хозяйства, отсутствие инфраструктуры, низкая плотность расселения способствовали обособленному развитию народов Якутии. Однако появление постоянных ярмарок и торгов, участвовавшие межнациональные браки заложили основу будущей экономической интеграции различных народов и племен.

ГЛАВА 9

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА САМОУПРАВЛЕНИЕ ИНОРОДЦЕВ В ЯКУТИИ

9.1. ДЕПУТАЦИЯ С. СЫРАНОВА

Для упорядочения ясачной системы со второй половины XVIII в. проводятся реформы, касающиеся в первую очередь самоуправления народов Сибири. Это созыв Комиссии по составлению нового Уложения (1766 г.), Первая ясачная комиссия (1766–1769 гг.), аграрные реформы 1760–1770-х годов, губернские реформы в Сибири 1770-х годов и др.

Реформы были инициированы правительством Екатерины II, созвавшей Комиссию по составлению нового Уложения, куда должны были войти депутаты от разных сословий и народов. В Якутии также прошли выборы своего депутата. В декабре 1767 г. все пять тогдашних якутских улусов выдвинули поверенных-кандидатов. Затем они, съехавшись в Якутск, 9 декабря 1767 г. избрали «главного князца» из Кангаласского улуса Софрона Сыранова (1719 г. — начало XIX в.) [РГАДА. Ф. 607. Оп. 2. Д. 49. Л. 101–101об.; Сафронов, Иванов, 1992, с. 22]. Его

кандидатуру поддержали олёкминские и вилкойские якуты. Последние, в частности, писали, что С. Сыранов «человек доброй, и к нам ясачным от него никаких обид и коварных поисков никогда не происходило» [РГАДА. Ф. 607. Оп. 2. Д. 49. Л. 217; Сафронов, Иванов, 1992, с. 22–23].

С. Сыранов власть в своем улусе унаследовал от старшего брата отца, Аягана — внука знаменитого тойона Тыгына, при котором началась русская колонизация Якутии. С. Сыранову пришлось жить в трудное время. Вновь, как и в прошедшем столетии, возникли проблемы со сбором ясака. Катастрофически выросли недоимки. Массовые злоупотребления сборщиков ясака и воевод усугубляли ситуацию. Взятничество, казнокрадство якутских воевод, таких как Ф. Жадовский, Б. Серединин, притеснявших ясакоплательщиков, получили печальную известность. Кроме того, середина XVIII столетия ознаменовалась великими географическими открытиями, совершенными россий-

скими путешественниками и мореплавателями В. Берингом и А. Чириковым, братьями Д. и Х. Лаптевыми, С. Крашенинниковым и др. Россия освоила Дальний Восток и вышла на просторы Тихого океана. Чтобы обеспечить все эти экспедиции, Якутия была превращена в своеобразный плацдарм. Через ее территорию осуществлялись поставки оборудования, продовольствия и других грузов для нужд экспедиций. Якутское население, располагавшее конным скотом, было обязано поставлять огромное количество тягловых лошадей с проводниками со своим фуражом и провиантом. Местное же население должно было содержать почтовые станции на Охотском и Иркутском трактах. Как показывает статистика второй трети XVIII в., якуты лишились в этот период значительной части поголовья скота (особенно конного). Исторически засвидетельствовано уменьшение численности якутского населения. Заметно увеличилась доля малоскотных и бесскотных бедняков. Таким образом, участие в работе Комиссии было удобным поводом обратить внимание царского правительства на эти наиболее проблемные якутского населения.

Только добившись аудиенции у Екатерины II и доказав, что «онные якуты не точно кочевые, но зиму пребывают в своих жилищах», т.е. живут вполне оседло и, следовательно, имеют право на своего депутата в Комиссии, С. Сыранов получил статус депутата. 17 октября 1768 г. последовал специальный указ о присвоении С. Сыранову звания депутата, представляющего иноверцов-якутов.

Уезжая в Москву, С. Сыранов получил «наказы» якутских улусов⁹, которые содержали различные требования якутов, направленные в основном на улучшение их экономического положения. Во-первых, было обращено внимание правительства на чрезвычайные затраты якутов во время промысла соболя, шкурами которого в основном взимался ясак. Промысловики были вынуждены идти за р. Алдан, «до удских покатаей», т.е. вплоть до р. Уды, впадающей в Охотское море, и даже до китайской стороны. Во-вторых, указывалось на тяжесть упомянутой выше извозной повинности, в-третьих, на не менее разорительную для якутов повинность по содержанию почтовых станций на Иркутском и Охотском трактах. Наконец, почти все наказания содержали жалобу на злоупотребления со стороны ясачных сборщиков и на несовершенство судебной системы. Кроме того, олёкминские якуты жаловались на захват у них покосных земель для отвода под пашню переведенным из Амгинской слободы крестьянам.

⁹ Тексты «наказов», как и ниже рассматриваемого «Пополнения», впервые были опубликованы в [Мартынов, 1955, с. 55–72].

С. Сыранов, обобщив все изложенное, составил так называемое «Пополнение» к наказам якутских улусов из восьми пунктов: 1. Незаконно наложенные Якутской воеводской канцелярией в 1763 г. дополнительные помимо ясака поборы за честь в текущий ясачный платеж; 2. Отныне ясак якуты платят «сами собою» без участия ясачных сборщиков; 3. По причине незнания якутами русского языка и некомпетентности русских переводчиков запретить Якутской воеводской канцелярии судопроизводство над якутским населением, кроме тяжких криминальных дел; 4. Возобновить прерванную двадцать лет назад выдачу жалованья князьям за службу; 5. Разрешить якутам ездить в столичные города за свой счет в случае неправомерного решения каких-нибудь дел на месте; 6. Поскольку «по прежним законам ясачных людей не велено было принуждать ни к каковому другим платежам кроме одного ясака», извозная повинность должна быть заменена свободным подрядом; 7. Освободить якутов от содержания сорок одной станции по Иркутскому и Охотскому трактам. В случае невозможности отмены этой тяжелой повинности хотя бы освободить от ясака тех людей, которые направлялись для обслуживания станций; 8. Исключить из числа ясакоплательщиков избранных князьев и старшин.

Судя по дальнейшим событиям, царское правительство удовлетворило первые шесть пунктов сырановского «Пополнения», в частности требование о предоставлении улусным князьям функций судей в делах о «воровстве», «драках» и «ссорах». В 1776 г. царским чиновникам, комиссарам было запрещено судить дела между ясачными якутами и русскими без участия «начальников ясачных». А по указу иркутского губернатора в 1781 г. была узаконена практика осуждения воров по обычному праву, а не по писаным законам, т.е. нормам российской законодательства. Далее по указу 1783 г. все гражданские дела между «иноверцами» были переданы на рассмотрение родоначальников.

Выполнение шестого пункта «Пополнения» С. Сыранова позволило якутам в 1770–1780-х годах устанавливать собственные расценки за предоставление лошадей для перевозки грузов по Охотскому тракту [Левенталь, 1929, с. 311–312; Токарев, 1940, с. 127]. Ввиду этого экспедиции Биллингса (1785–1793 гг.) пришлось перед правительством поставить вопрос ребром о перевозке грузов на новых условиях. Ведь расценки выросли неимоверно с нескольких рублей до 20 и даже выше.

9.2. «ПЛАН О ЯКУТАХ» А. АРЖАКОВА

В конце 80-х годов XVIII в. в Петербурге несколько лет находился глава Борогонского улуса Алексей Аржаков (середина XVIII в. — 1820-е гг.).

В 1789 г. он представил на рассмотрение Екатерине II составленный им «План о якутах». Этот любопытный документ состоит из девяти пунктов: первые два показывают прежнее и современное «состояние» якутов, а остальные представляют собой «положения», «изобретенные» автором «к улучшению существования якутов». Хотя для нас наиболее интересны положения, первые два пункта дают нам представление о глубинных чаяниях одного из первых якутских реформаторов — борцов за самоуправление якутов. Как справедливо отметил В.В. Никифоров, якуты в лице С. Сыранова и А. Аржакова поняли, что «невозможно ожидать какой-либо пользы для себя от лиц, “коих высокомыслие едва причисляет их к числу человек”, почему единственным для себя спасением признавали предоставление им самоуправления, объединяющего всех их *под одним управлением*» (курсив наш. — А. Б.) [1908, с. 3]. Под непосредственным воздействием этих соображений «Плана...» в Иркутске начались переговоры, которые закончились тем, что у якутов появилась возможность получать прогонные деньги непосредственно у иркутского наместника (губернатора) [Левенталь, 1929, с. 313].

Первое положение «Плана...» предусматривало введение в Якутской области выборной должности областного головы или областного якутского предводителя, поскольку отсутствовала «связь всех мыслей» между головами и князьями ввиду разрозненности якутских «родов» и междуусобных распрей. Как известно, право выбора предводителей в то время предоставлялось дворянам. В функции этого должностного лица входили бы «соображения» (согласование) действий с Казенной палатой по поводу обеспечения перевозок грузов по Охотскому тракту и другим путям; «попечение о вдовах и сиротах»; «утверждение миролюбия и пресечение вражды и раздоров». В его полномочия входило бы не только общее руководство якутскими улусами, но и судебные функции. При этом Аржаков настаивает на том, чтобы общеп якутский голова подчинялся только главному иркутскому наместнику, добиваясь, по сути, независимости своего народа в пределах Якутии, что было весьма смелым предприятием.

Второе положение включает в себя идею создания «совестного якутского суда», поскольку возникали многочисленные проволочки в нижнем земском суде из-за больших расстояний (суд располагался только в Якутске). Это было особенно важно в случаях судебных разбирательств не по государственным законам, а по обычаям. Суд состоял бы из областного предводителя, голов и князцов из «тех улусов, коих истец или ответчик есть». Фактически автор проекта предлагает официально оформить местное самоуправление для якутов.

Третье и четвертое положения соответствовали «наказам» якутов и п. 7 «Пополнения» С. Сыранова 1767 г.

В пятом положении автор «Плана о якутах» выражает озабоченность тем, что назначаемые исправники и судебные заседатели «не токмо не знают ни нравов, ни обычаев, ни языка якутов, но и не слыхивали, может быть, чтобы существовали такие люди на свете». Он просит назначать людей сведущих в якутских обычаях, знакомых с местностью и хоть сколько-нибудь «разумеющих» якутский язык. Во всех пяти положениях ощущается высокий патриотизм и гражданское мужество А. Аржакова, не боявшегося отстаивать права своего угнетенного народа.

В своих далеко идущих помыслах А. Аржаков уделяет большое внимание просвещению якутов. Шестое положение представляет собой прошение открыть «училище для якутского народа», где предполагалось обучить якутов российской грамоте и наукам, чтобы оно готовило «годных на службу общественную и государственную». Чувствовал борогонский голова, как нужны образованные люди набиравшему силу якутскому самоуправлению.

Седьмое положение направлено на создание частной собственности у якутов на землю. А. Аржаков предлагает давать в вечное владение расчищенные от леса для пастбища земли тем, кто их первым обработал.

А. Аржаков, безусловно, был выдающимся общественным деятелем. Но, к сожалению, о нем имеется очень немного информации. Из преданий известно, что вырос Алексей сиротой и воспитывался у русских в г. Якутске. По-видимому, именно там он выучил русский язык и даже овладел грамотой. Есть сведения о том, что в молодости он семь лет работал у русского купца Алексея Аржакова в Якутске. Затем вернулся в родной Борогонский улус и, поскольку был образованным человеком, выдвинулся в качестве улусного головы.

«План...» написан высоким, витиеватым слогом, принятым в делопроизводстве того времени. Текст как по форме, так и по содержанию выдает умного и интеллектуально одаренного человека. Не зря народ прозвал его Сэсэн (Мудрец) Аржаков. Об этом свидетельствует не только рассказ о его мудрых ответах Екатерине II (это общий в отношении всех якутских депутатов, побывавших на приеме у царей, мотив), но и представления о его пророческом даре [Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 21. Л. 26–27].

Если рассмотреть некоторые его предсказания, то они показывают рациональность мышления А. Аржакова. В частности, своеобразное деление истории якутов на современный ему золотой век, последующие за ним медный и железный века говорят об устремленности к ценностям повседневной

жизни. Все лучшее окружает нас в данный момент. Будущее страшит его. Абасы — злые духи непременно ассоциируются с железом. Следующие прочтения: люди будут есть из одной посуды, таская деньги мешками, все равно будут голодать, — по-видимому, навеяны влиянием рынка. То же относится к предсказаниям о стоимости головы коровы без языка в 25 руб. золотом в будущем и изготовлении денег из сафьяна и последующей их ненужности. Правда, здесь возможно допустить более позднее приписывание этих слов А. Аржакову. Как, например, предсказания, озвученные им в диалоге с одной только что вышедшей замуж девушкой, о том, что придет время, когда перестанут верить богу и когда крупные баи и купцы разорятся [Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Д. 524. Л. 4—6].

Но, вне всякого сомнения, его пессимизм проистекает от неудачи с реализацией «Плана о якутах». Он говорил, что «якуты уравниются с русскими тогда, когда воды таежного озера Джэбигэ (Джэбигэ тыымпы) перельются на Лену», т.е. это не случится никогда [Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 21. Л. 27]. Попытка якутов получить потомственное дворянство, как мы знаем, не удалась.

Появление многочисленных полицейских низовых структур по итогам губернской реформы 1775 г. было невыгодно для якутов, поэтому, по мысли А. Аржакова, областной предводитель якутов должен был подчиняться непосредственно наместнику.

Государственный совет 1 октября 1789 г. рассмотрел «План...» и отказал в выборе областного головы и учреждении совестного суда, но Екатерина II решила иначе. В указе от 19 января 1790 г. сибирскому наместнику Пилу было приказано допустить выбор предводителя согласно положению о дворянстве [ПСЗРИ, собр. 1, т. 23, № 16829, с. 108], завести училище [Архив ИВР РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 3. Л. 1—1об.], устроить словесный суд, как в «Городовом положении о исправниках».

Тем не менее в 1793 г. выборы областного головы состоялись, но через некоторое время избранный на эту должность С. Сыранов был смещен. Кроме того, правительством все же было рекомендовано «в исправники стараться колико можно определять таких людей, кои бы знанием языка и обычаев якутских, а особливо своим добрым поведением и безкорыстием в состоянии были приобретать их доверенность» [Никифоров, 1908, с. 3].

Депутатство стало важным элементом общественного движения якутов за самоуправление. Например, таким депутатом неоднократно был кангалаский князец Илья Шадрин. Этому энергичному и необычному человеку удалось как минимум дважды побывать в столице и встретиться вначале с Павлом I (1797 г.), а затем с Александром I (1812 г.). Кроме того, он многократно бывал в Иркутске в качестве избранного депутата, командированного группой якутских князев из разных улусов. Например, во время поездки И. Шадрин в 1796 г. в прошении князца говорилось о поставках на трактах в период деятельности экспедиции И. Биллингса (1785—1795 гг.). Вероятно, вследствие этого уже в 1797 г. А. Аржаков, П. Сивцев, И. Шадрин впервые договорились в Иркутске о подрядах на Охотском тракте [Левенталь, 1929, с. 314]. Известна поездка И. Шадрин с князем Богдашкой, сыном бывшего депутата С. Сыранова, в 1799 г. Основной целью поездки было представиться новому императору. Конечно же, депутаты не преминули, воспользовавшись случаем, вновь рассказать новому императору о нуждах своих земляков [РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 541].

Таким образом, во второй половине XVIII в. зародилось общественное движение якутов-инородцев за самоуправление. Якутские депутаты немало добились в плане расширения властных компетенций институтов самоуправления.

ГЛАВА 10

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ЯКУТИИ

Среди многочисленных перемен этого периода значимой была и реформа Русской православной церкви, в результате которой церковь утратила независимость. Главной причиной этого стал укрепляющийся абсолютизм, существенно отличавшийся от старомосковского самодержавия с традиционным обычным правом и самостоятельностью высшей церковной власти.

Логическим оформлением и завершением модернизации начала XVIII в. во взаимоотношениях государства и церкви стали указы императрицы Екатерины II о секуляризации церковного землевла-

дения, лишившие духовенство основного источника доходов. Устанавливалась классификация российских епархий: 3 епархии во главе с митрополитами были отнесены к первому классу, 8 во главе с архиепископами — ко второму и 15 во главе с епископами — к третьему.

После многочисленных просьб Сибирскому и Тобольскому митрополиту в 1708 г. было разрешено иметь помощника — викария с титулованием его епископом Иркутским и Нерчинским и кафедрой в г. Иркутске. Затем, в 1727 г., императрица утвердила указ Синода об образовании из викариатства

«местной» Иркутской епархии, но Якутск, Охотск, Илимск и Камчатка с округами по-прежнему оставались в составе Тобольской митрополии, и, следовательно, территория новой епархии была значительно меньше территории провинции.

Стремясь укрепить и расширить епархию, первый иркутский епископ Иннокентий (Кульчицкий)¹⁰ ходатайствовал перед Синодом о причислении к ней Якутского Спасского и Троицкого Селенгинского монастырей, и в 1731 г. Якутск, Киренск, Илимск с уездами, а также Балаганск и Охотск в статусе заказов переходят в церковно-административное подчинение Иркутской епархии, а иркутские архиереи получают титулование епископов Иркутских, Нерчинских и Якутских.

Территориально епархия была разделена на церковно-административные округа (благочиния), возглавляемые духовными правлениями во главе с за казчиками, в том числе якутское благочиние.

В 1735 г. в Якутск прибыл епископ Иннокентий (Нерунович)¹¹. Заслуживают внимания подробные наставления, выданные епископом при назначении священника А. Слепцова и управляющего Спасским монастырем. Так, главной темой инструкции Слепцову была христианизация местного населения, в том числе «защита новокрещеных от нахальных сборщиков ясака», а основным содержанием наставлений якутскому архимандриту стала идея о необходимости открытия при монастыре школы.

Второй визит Неруновича в Якутию состоялся в 1741 г., когда он, оставив кафедру, находился на берегах Лены и Вилюя в течение двух лет и, миссионерствуя там, благословил строительство храмов в Верхневилуйском остроге, Жиганском (часовни) и Колымском зимовьях, Амгинской слободе и освящение Иоанно-Предтеченской церкви в Якутске.

В записке капитана флота Дмитрия Лаптева¹², направленной в 1740 г. в Адмиралтейств-коллегию,

¹⁰ Иннокентий (Иоанн Кульчицкий), первый епископ Иркутский и Нерчинский (1680/1682–1731), выпускник Киево-Могилянской академии, префект Московской славяно-греко-латинской академии, соборный иеромонах Александро-Невской лавры Санкт-Петербурга. В 1721 г. посвящен в сан епископа с назначением в Пекинскую миссию. Указом императрицы Екатерины I в 1727 г. был назначен епископом Иркутским и Нерчинским, управлял епархией до 1731 г. В 1804 г. указом Синода причислен к лику святых.

¹¹ Иннокентий II (Иоанн Нерунович), епископ Иркутский и Нерчинский (?–1747), выпускник Киевской духовной академии, с 1728 г. — преподаватель Московской славяно-греко-латинской духовной академии, с 1730 г. — префект Академии, иеромонах Московского Спасского монастыря. 5 июля 1732 г. решением Синода назначен епископом Иркутским и Нерчинским.

¹² Дмитрий Яковлевич Лаптев (1701–1771), русский полярный исследователь.

отмечалась необходимость строительства православных храмов в Якутском крае в связи с возросшей численностью крещеных из местного населения. Уже в 1741 г. последовал указ Синода на имя якутского архиерея о предоставлении предложений по возведению новых церквей, и в составленной в 1755 г. по распоряжению епископа Софрония (Кристалевского) ведомости о количестве церквей и состоянии церковных причтов отмечено, что в Якутском уезде действует 10 храмов и имеется 49 штатных единиц священно- и церковнослужителей. Фактически службу в уезде несли 29 представителей духовенства, и 20 мест (40,8 %) были вакантными.

Во второй половине XVIII — первой половине XIX в. якутское духовенство имело свой орган территориального управления — Якутское духовное правление. Правление находилось в подчинении иркутской духовной консистории, его руководство осуществлял глава духовной власти Якутии — архимандрит, настоятель Спасского монастыря.

Деятельность правления заключалась прежде всего в осуществлении делопроизводственных функций: прием и пересылка документации, сбор и отправка запрашиваемых сведений, контроль за церковными службами и основными документами (метрическими книгами, исповедными росписями). Зависимость от решений из Иркутска приводила к объемной переписке, а отдаленность края — к долгому решению дел. Якутия, находящаяся на периферии епархии, одной из последних узнавала об изменениях и нововведениях в духовном ведомстве, и ее взаимоотношения с епархиальными властями состояли в основном в получении копий решений Синода, архиереев, духовной консистории и отправки отчетной документации.

В этот период в церковных документах встречается упоминание о благочинных. Должность благочинного была учреждена в 1744 г., он назначался епархиальным архиереем из приходских настоятелей в сане протоиерея (иногда священника). В ведении благочинного находился благочиннический округ, состоявший из 10–13 приходов (если приходов было больше, назначался помощник благочинного). Обязанности благочинного заключались в надзоре за храмами и духовенством округа, контроле за исполнением распоряжений духовных властей. К началу XIX в. в Якутском уезде действовало три благочиния (Градо-Якутских церквей и два уездных).

Помимо мужского монастыря в начале XVIII в. действовала женская монашеская обитель в с. Покровское. Инициатором ее создания стал «дворянин и бывший по Высочайшей воле Императора Петра Первого якутским толмачом» Дмитрий Кычкин, который, заручившись поддержкой местной духовной власти, на свои средства построил храм и выделил

финансирование для содержания монашеской общины. После проведения секуляризации и введения штатного содержания для монастырей Покровская обитель была закрыта и превращена в сельский приход. Спустя столетие, в начале XIX в., якутский голова князец П. Сивцев в письме на имя императора изложил идею возрождения женского монашества в Якутии, но его попытка оказалась безуспешной. Так что мнение о том, что в XVIII в. единственным женским монастырем Иркутской епархии являлся Знаменский монастырь, ошибочно.

Продолжалось церковное строительство. В 1700 г. жителями г. Зашиверска была построена деревянная Спасская церковь, но после того как в результате эпидемии черной оспы город перестал существовать, храм пришел в запустение.

В 1708 г. в Якутске на месте сгоревшего двухэтажного семиглавого деревянного собора было начато строительство нового — каменного. Есть предположение, что идея возведения каменного храма могла принадлежать воеводам Шишкиным. Строителями были «каменных дел мастера» Алексей Иванов Турна и Иван Денисов Сметка, присланные из Тобольска. Кирпич для кладки стен изготавливался поштучно, строительство продолжалось почти двадцать лет, и после его завершения собор стал украшением города. Он представлял собой распространенный в северных областях России кубообразный храм, увенчанный одной главой. Зимой здание не отапливалось, и поэтому его разделили продольной стеной, где одна часть была летней, а вторая предназначалась для зимних богослужений. Затем с восточной стороны, перед алтарем, была построена отдельно стоящая каменная колокольня. Летняя половина собора была богато украшена иконами иркутского живописца Мурзина, стены и купол расписаны якутским казаком Дониным.

В 1718 г. в Якутске на средства казачьего головы А. Шестакова была возведена Никольская церковь, ставшая одним из самых посещаемых храмов острова, так как в храм приходили и некрещеные якуты, с почтением относившиеся к Николаю Чудотворцу.

В 1764 г. «иждивением» священника В. Попова была построена деревянная Сунтарская церковь. По преданию, храм был сооружен на деньги из клада, найденного девочкой-якуткой и состоящего из трех пудов серебряных монет. В 1784 г. на средства, выданные из казны, была сооружена церковь в Жиганском зимовье.

Своеобразие деревянных церквей Якутии состояло в их идентичности каменным храмам по формам и архитектурным элементам — «воплощенный в дереве камень» с характерными высокими ярусными завершениями в стиле барокко. Кроме одноэтажных церквей возводились и двухэтажные: в

Олёкминске (1787 г.), Якутске (1794 г.), Покровской пустыни (1794 г.) и др.

В XVIII в. изменились принципы организации миссионерства на восточных рубежах империи. Правительственные указы предусматривали переход к массовой христианизации, так как в христианском просвещении инородцев власть видела путь закрепления верноподданничества и не принявшие крещение инородцы считались ненадежными. В царских указах 1720, 1731 гг. предусматривалось предоставление новокрещеным льгот на 3–5 лет — освобождение от ясака и система подарков: «приходящих новоокрещенных в награждение за восприятие святого крещения против прежних дать... каждому по кресту медному, что на персях носить... весом по 5 золотников, рубаху и порты, по сермяжному кафтану и руковицы, обувь чирики, а кто познатце, тому при крещении давать кресты серебряные по 4 золотника, кафтаны суконны крашены... а вместе чирики и сапоги... котовойка женскому полу, волосники, нательные рубахи по одной холщовой да денег... Которые сверх того святое крещение с женой и детьми принимает семьей давать в их дома по иконе». Понятно, что получаемые при вступлении в православие подарки являлись существенной мотивацией в глазах местного населения, привлекали его и пополняли ряды новообращенных. Кроме того, обращенным в христианство прощались преступления, совершенные ими до крещения.

После включения территории Якутии в состав Иркутской епархии христианизация стала одной из задач епархиальных архиереев, так как основная часть населения епархии оставалась языческой. Епископ Иннокентий (Нерунович) в Якутске и на р. Вилюй окрестил более 300 чел. Прибывший вместе с епископом и назначенный управляющим Спасским монастырем архимандрит Нафанаил только в первый год своего проживания в Якутске подготовил к крещению «многих якутов и окрестил из них 77 душ».

В 1740–1770-х годах в Верхневилуйском храме крестилось более 2000 чел., в 1777 г. к Амгинскому приходу относилось 172 прихожанина, в том числе крещеные якуты и тунгусы. В 1740-х годах миссионерскую деятельность на Колыме проводил иеромонах Феофил, оставшийся из экспедиции Д. Лаптева. В Зашиверске и Колымском крае с 1735 г. миссионерской деятельностью занимался священник А. Слепцов.

Началом следующего этапа миссионерской деятельности в Якутии стал указ Сената (1763 г.) об учреждении в сибирских епархиях должностей двух веропроповедников, один из веропроповедников Иркутской епархии должен был обслуживать территорию Якутии. В сентябре 1765 г. веропроповедником



Якутск в XVIII в.



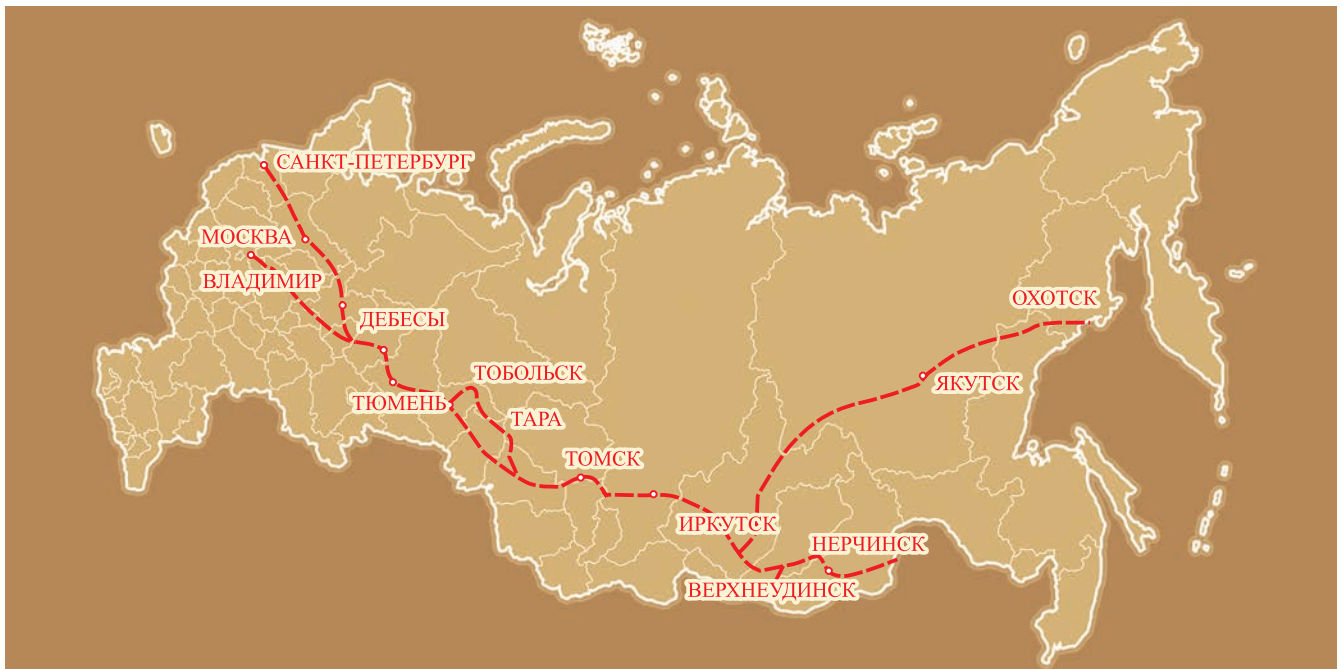
Ф. Рокотов. Портрет Екатерины II.



Генеральная карта Якутской губернии, содержащая Иркутскую, Якутскую и Удскую провинции. Сост. И. Трускот. 1776 г. РНБ.



Якутск в первой половине XIX в. (*Всемирная* иллюстрация. – 1878. – Т. 19, № 474. – С. 101).



Карта Сибирского тракта.



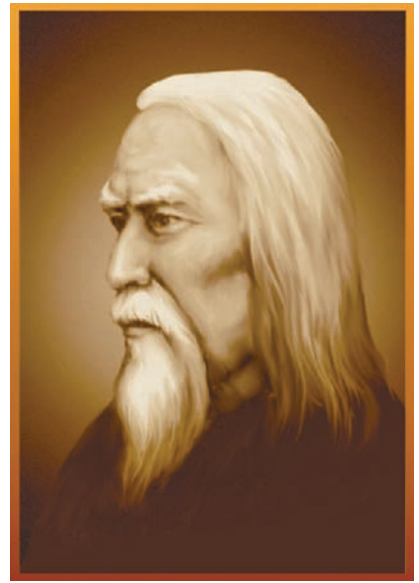
Вид Якутска с юго-восточной стороны. 1737 г. Гравюра с рис. И.В.Люрсениуса.



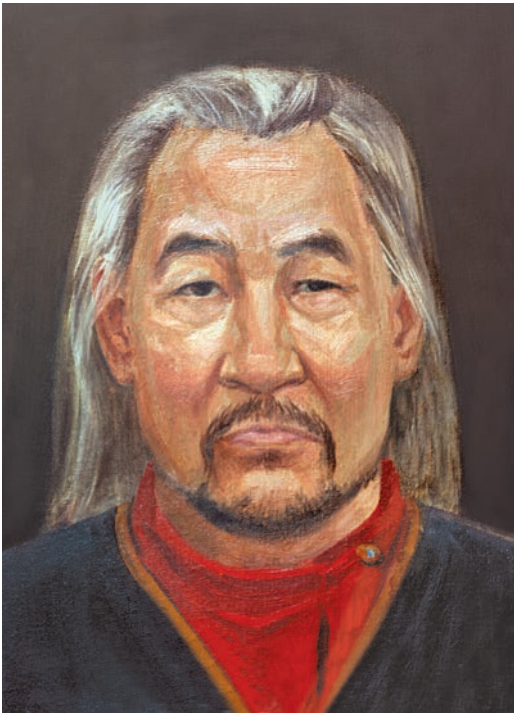
Продолжение того же вида (северо-восточный конец города).



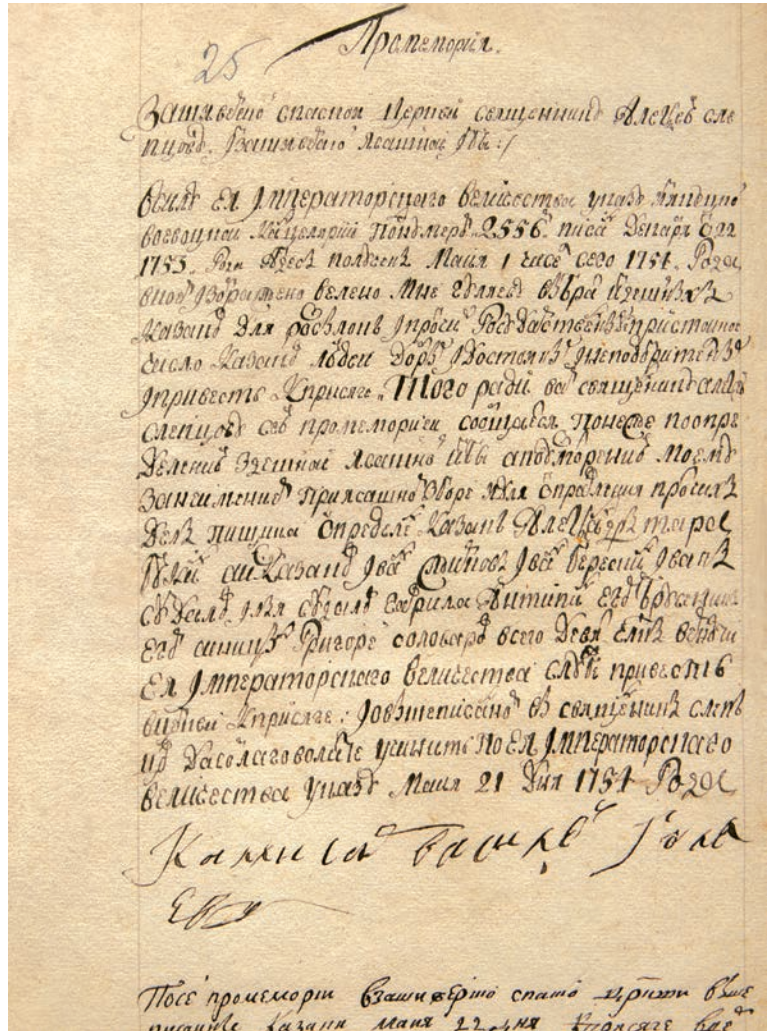
П. Романов. Осадный амбар. XIX в. Из фондов РЭМ.



Борогонский тойон Сэсэн Аржаков (1739–1834).



М.Н. Захарова. Голова Хангаласского улуса Софрон Сыранов (Василий Вениаминович Сыранов) (1719–1805).

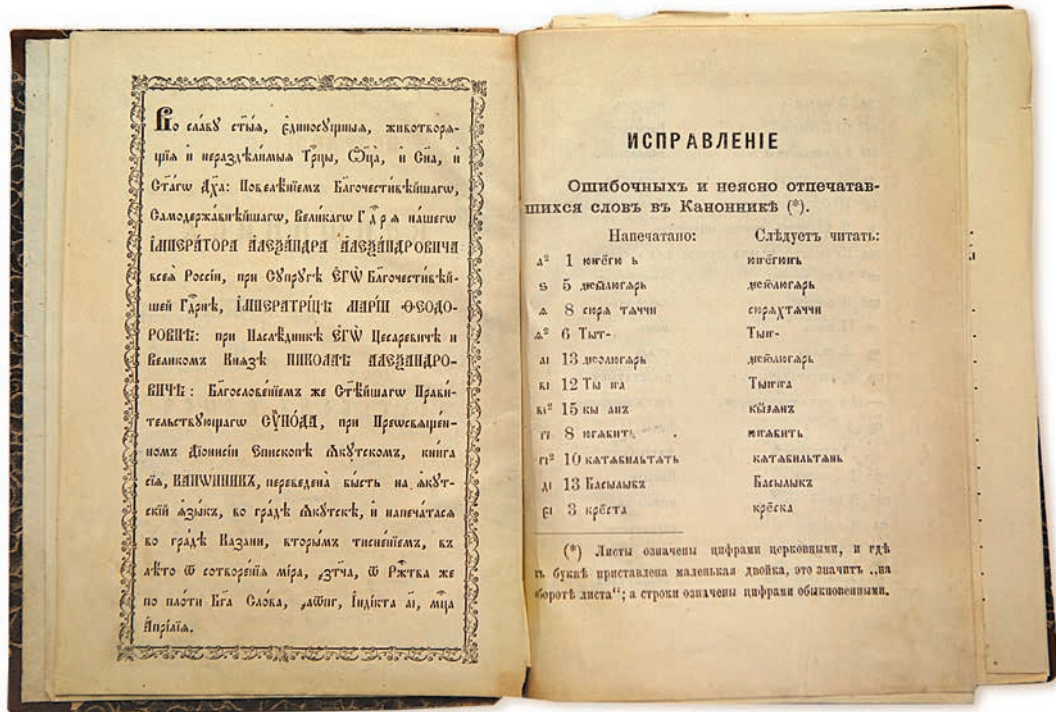


Промемория священника Зашиверской Спасской церкви Алексея Слепцова о «приведении к присяге». 21 мая 1754 г. НА РС(Я). Ф. 244-и. Оп. 1. Д. 3. Л. 25.

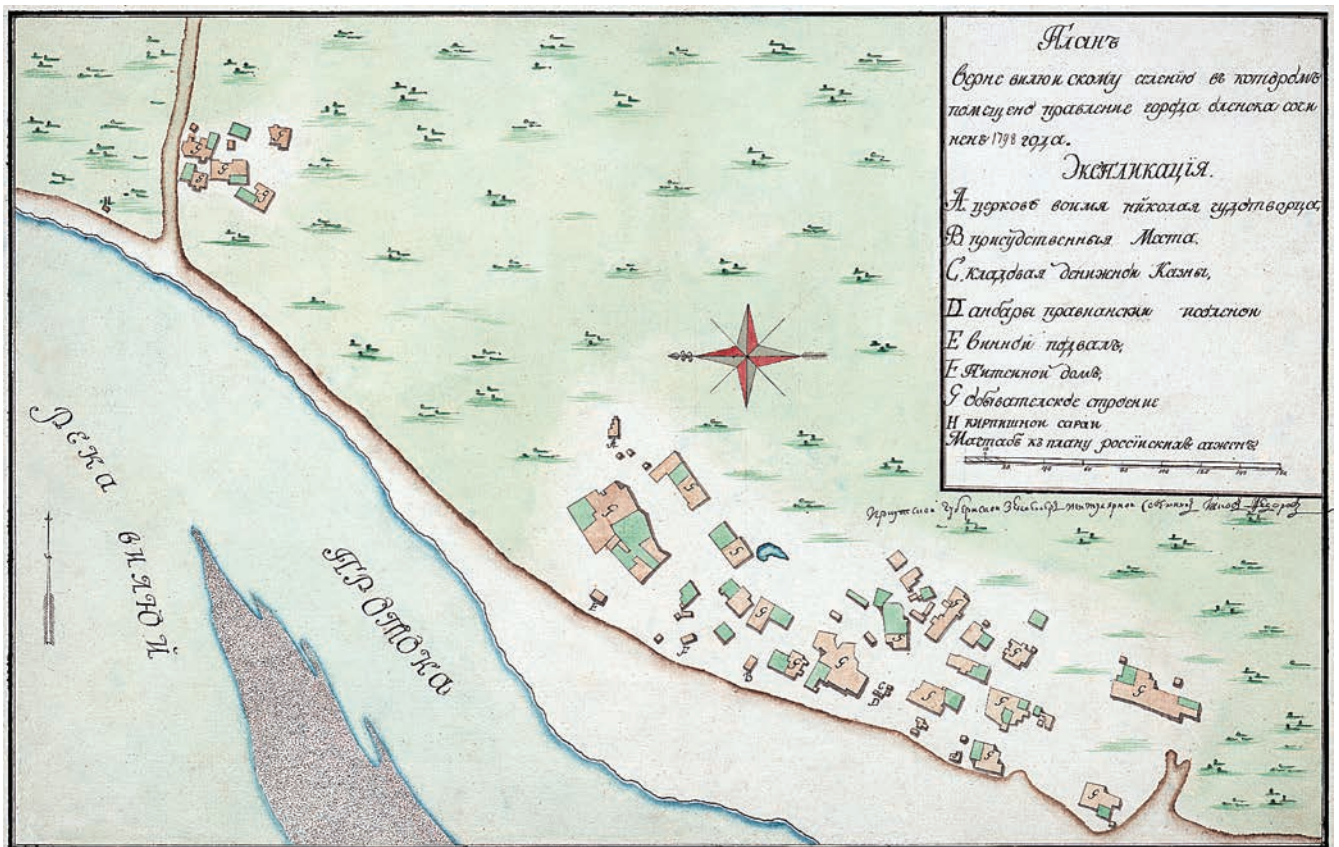
План Иркутской Губернии
Якутскаго уезда Сочиненъ
Сержантисъ Олданомъ 1797 Года



План Якутского уезда Иркутской губернии. 1797 г. (Атлас уездов Иркутской губернии. – 1790–1797).



Канонник на якутском языке (М.: Синодальная тип., 1858).

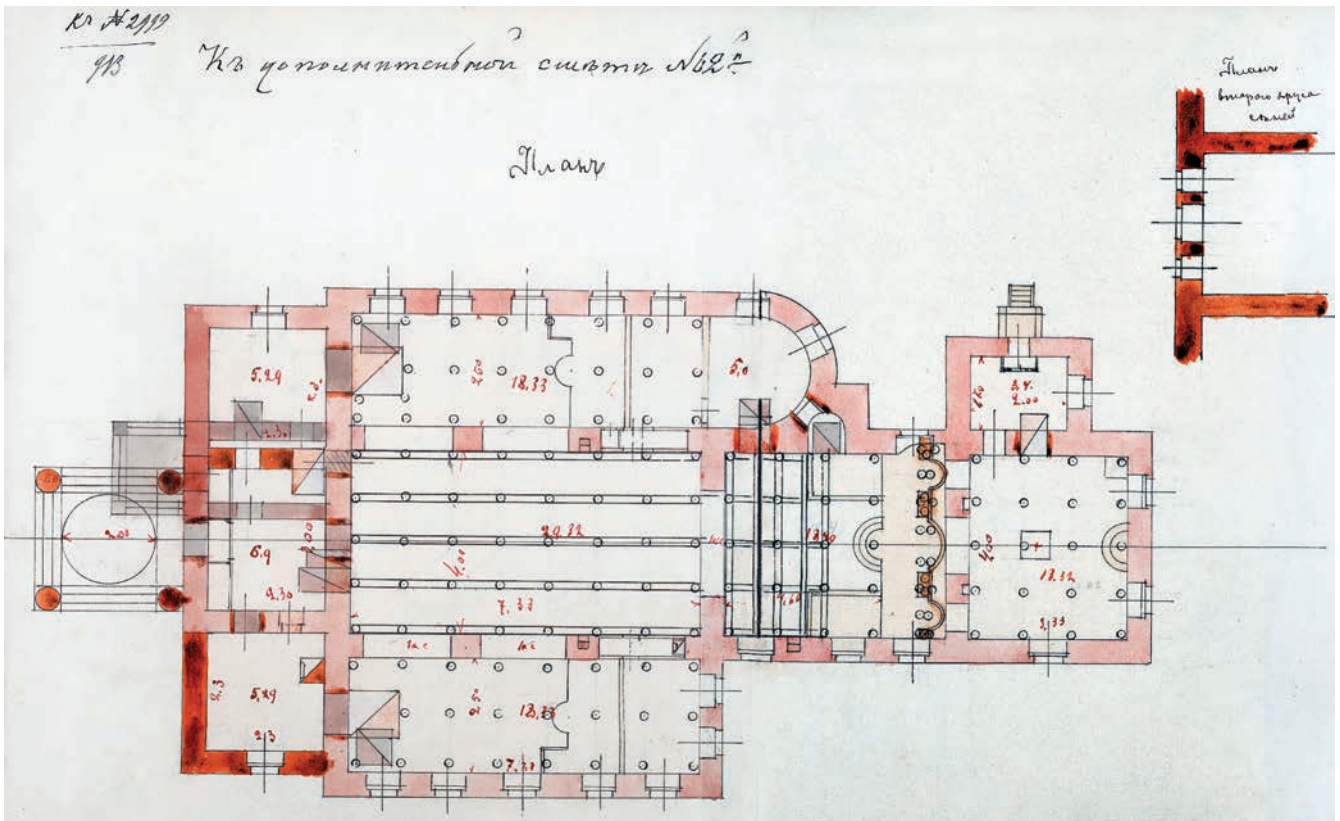


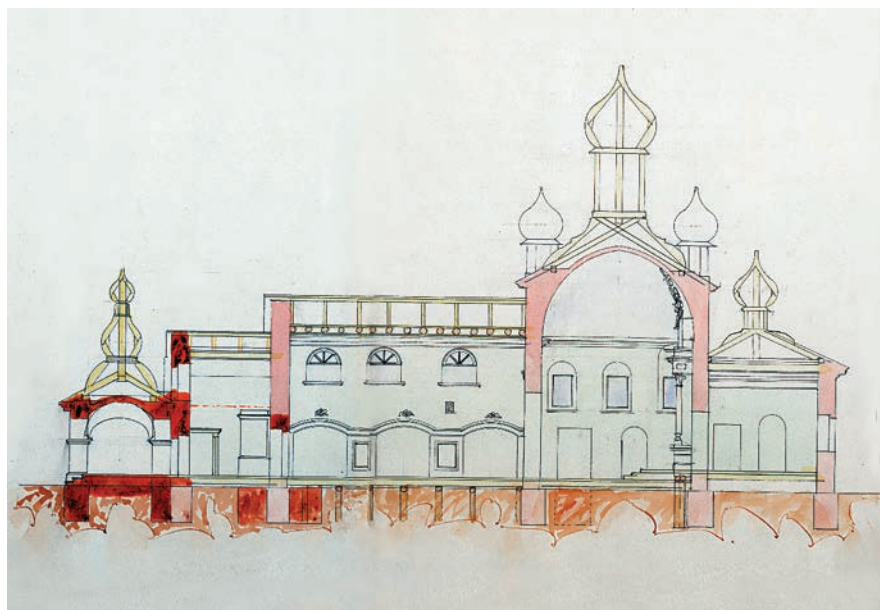
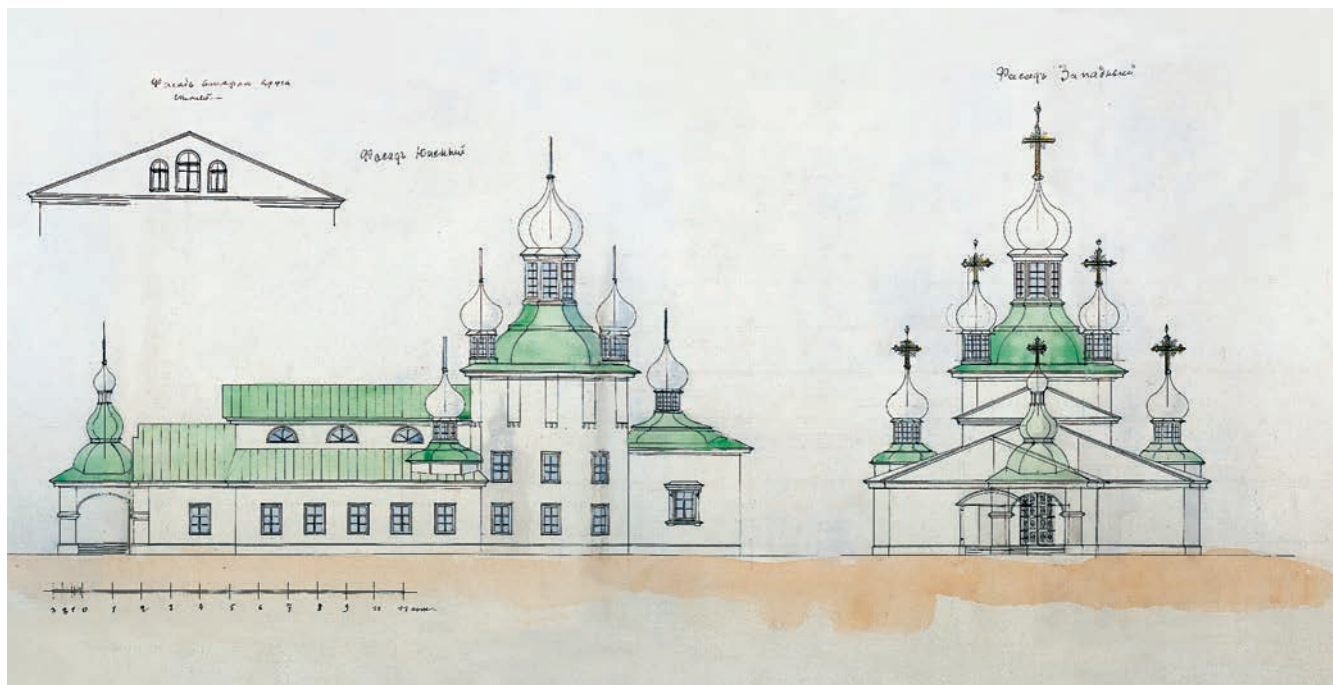
План Верхневилуйского селения, составленный якутским губернским землемером А. Турчаниновым. 1798 г.



Троицкий кафедральный собор.

Начало

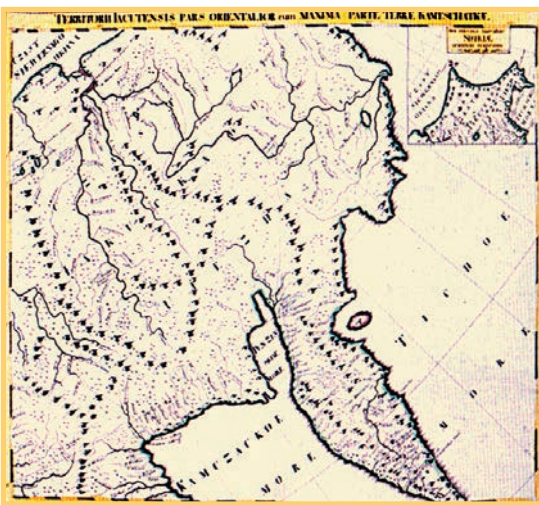




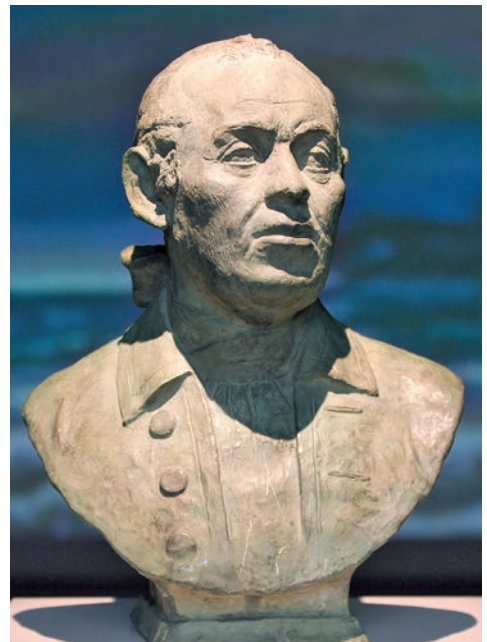
Чертеж Троицкого кафедрального собора постройки 1707 г. Архитектор К.А. Лешевич.



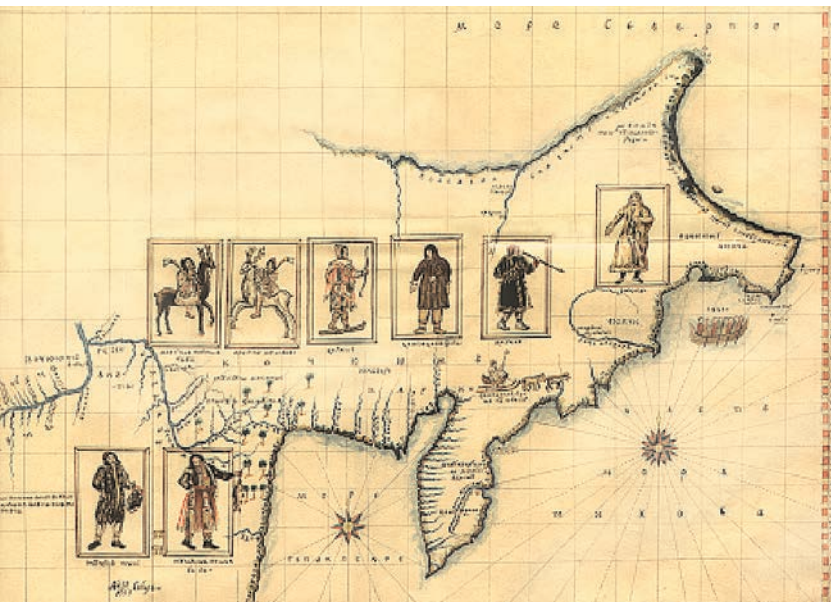
Зимняя поварня.



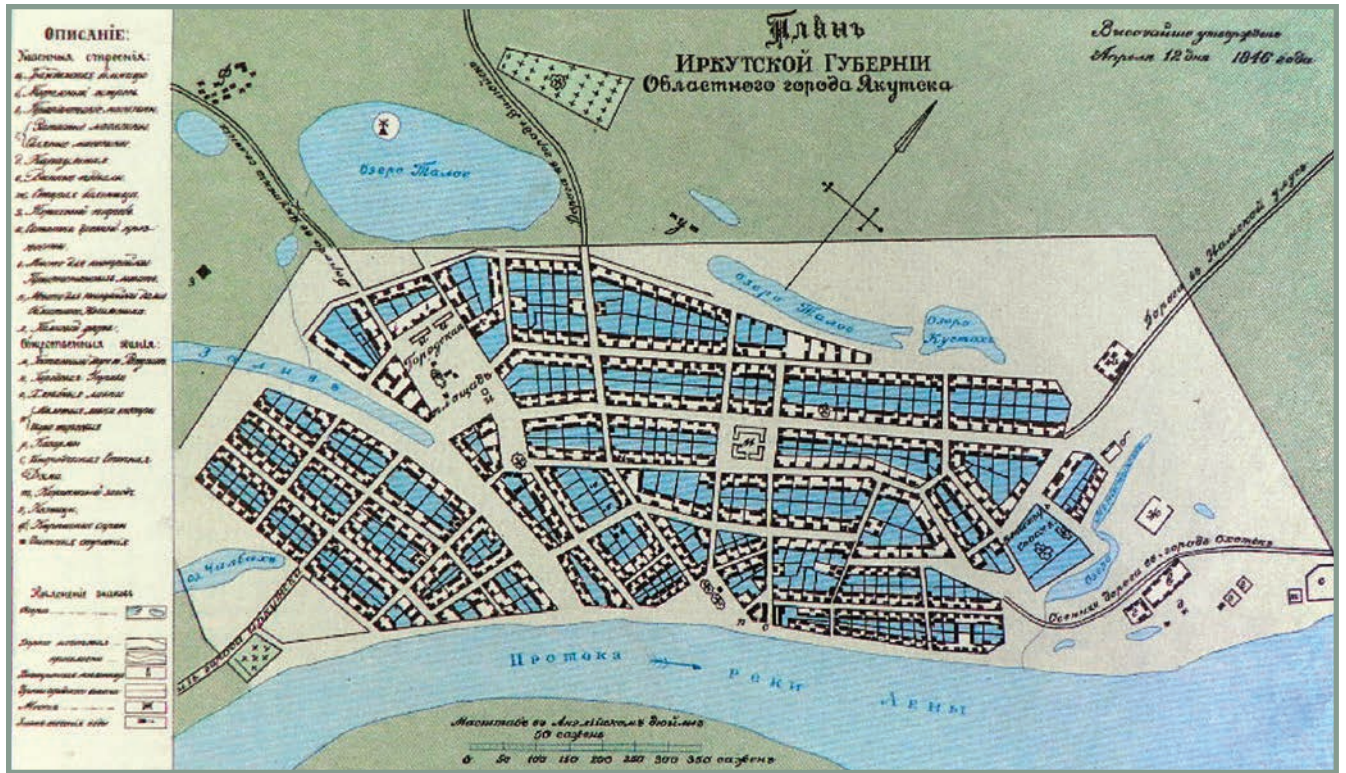
Карта Восточной Якутии и Камчатки. 1745 г.



Бюст Витуса Беринга.
Реконструкция Виктора Звягина.



Карта северо-востока Азии, составленная участниками Первой Камчатской (Северной) экспедиции. 1730 г.



Якутск в XIX в.



Генеральная карта Российской империи.
1745 г.



Герб Якутской области XIX в.



Зал Якутского окружного суда.



Иркутский губернатор Н.И. Трескин. Неизв. худ. нач. XIX в. Из фондов ИОХМ.



Якутский областной начальник Н.И. Мягков.



М.М. Сперанский. Неизв. худ.



Карта Иркутской губернии (Атлас Российской империи по новейшему разделению на губернии и области. – 1807).



Центр Якутска. XIX в.

Тунгус на охоте (Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. – СПб., 1799. – Т. 4).



Е. Галенковский. Вид Якутского острога. 1844 г.



Здание торговых рядов Кружала в г. Якутске.



Якутский купец 1-й гильдии
И.Я. Шилов. 1814 г.



Бюст Василия Манчаары.
Восстановлен Г.В. Лебединской.



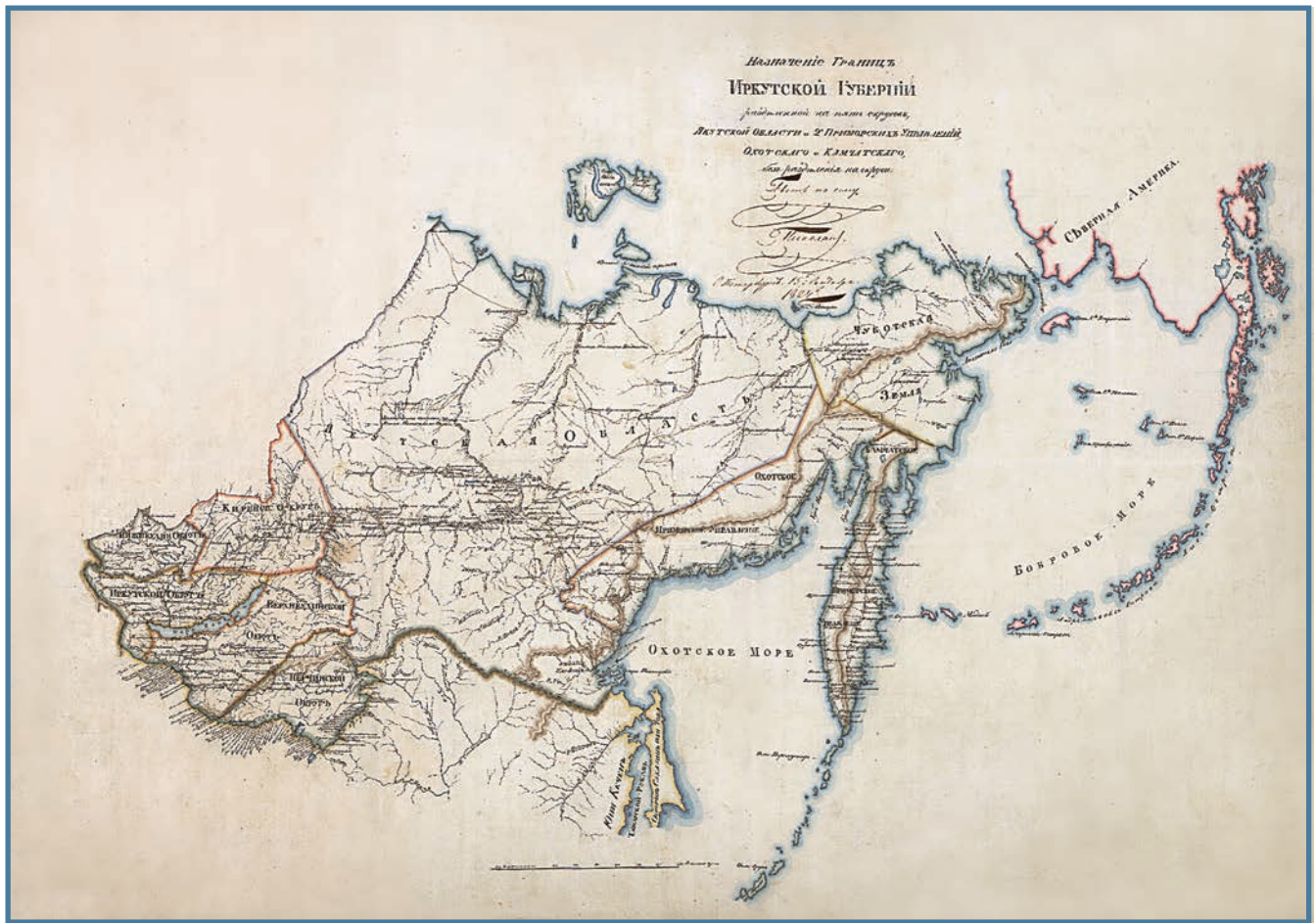
Иван
Емельянович
Мигалкин
(1767–1832),
основатель
Якутской степной
думы.



Николай
Осипович
Рыкунов
(1782–1834),
якутский
реформатор,
писарь Якутской
степной думы.



План Якутска. 1818 г. РГИА.



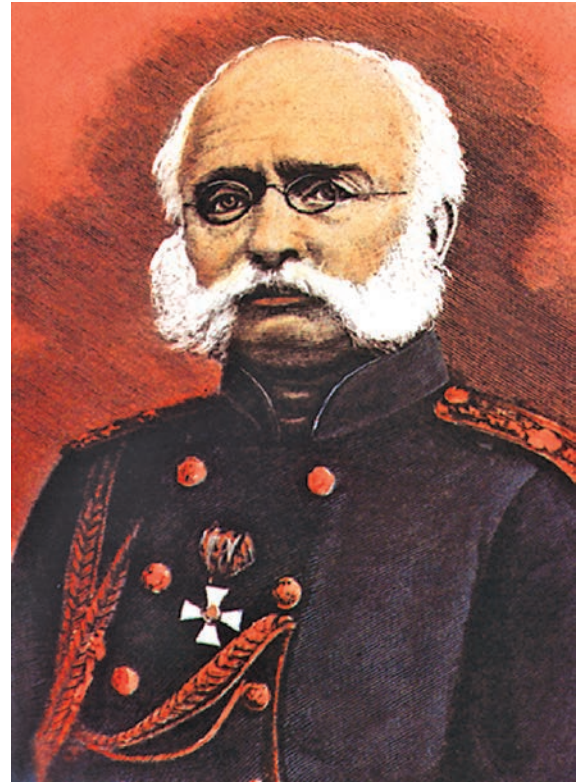
Карта Иркутской губернии. 1824 г.



Балаган и русский дом.



Шахта купца Ф.Е. Шергина.



Исследователь северо-востока
страны Ф.П. Врангель.



Якутская усадьба.

Якутского края был назначен священник Верхневилюйской церкви Гр. Наговицын, деятельность которого получила высокую оценку как в источниках, так и в трудах исследователей: «...трудолюбив, прилежен, немало якутских инородцев обратил в христианство и уже священствует свыше 20 лет. К тому же по-якутски говорит достаточно». «В 1766 г. с сентября месяца по январь 1767 г. окрещено... 17 муж. и 23 жен.; с 1 января 1767 г. по 11 июля того же года — 56 муж. и 33 жен.; с января 1768 г. по 6 июля — 84 муж. и 40 жен.; в том же 1768 г. с 26 июля по 11 декабря — 109 муж. и 80 жен.; в первой половине 1769 г. — 132 муж. и 111 жен.; во второй половине того же года — 64 муж. и 89 жен. Итого за два года 8 месяцев просвещено им якутов обоюбого пола 838 чел.». Источники свидетельствуют, что Наговицын совершал миссионерские поездки не только летом, но и во время суровой якутской зимы.

Некоторый импульс христианизации придала деятельность Первой ясачной комиссии (1766 г.) под руководством коллежского советника М. Черкашенинова. В задачи Комиссии не входило крещение, но в фольклоре присутствует сюжет о том, «как Мирон-комиссия людей крестил». Очевидно, что проводимые Комиссией изменения в ясачном окладе, в том числе получаемые при крещении налоговые льготы, вызвали интерес и активизировали в конечном итоге миссионерскую деятельность.

Первые сведения о походной церкви в Якутии связаны с именем уроженца г. Зашиверска протоиерея Гр. Слепцова, которому, согласно особому указу Синода, было разрешено иметь походную церковную утварь. Важно, что благословение на походную деятельность протоиерей получил не только от Синода, но и от тобольского владыки

Варлаама (Петрова)¹³, что свидетельствует о важности его миссии для всей сибирской церкви. Для осуществления его миссионерской деятельности причт каждой из церквей Якутского края должен был выделять вещи, шнуровые книги и продукты (церковное вино, ладан, мука, масло, мед). Протоиерей Слепцов был одним из первых православных священников, посетивших чукчей, дольше всех остававшихся язычниками на северо-востоке империи. Существует предположение, что именно по указаниям отца Григория, как знатока местности, впоследствии была проложена дорога от Якутска до устья р. Майя и от урочища Нелькана до устья р. Алдан.

Необходимо учитывать, что деятельность священников-миссионеров проходила в чрезвычайно тяжелых условиях как объективного, так и субъективного характера. Это и рассредоточенность населения, и суровый климат. Можно представить, как одинокая повозка священника продвигается на север, среди глубоких снегов и трескучего холода, в весеннюю распутицу среди бесконечной и неприветливой тундры. Путешествия в отдаленные стойбища растягивались на несколько месяцев, из которых только 3–6 дней священник выполнял свои непосредственные обязанности.

Миссионерскую деятельность Слепцова продолжили священники Олѣкминской церкви М. Попов и И. Ощепков, Колымской — И. Шадрин, Зашиверской — М. Слепцов и др. Амгинский священник А. Дьячковский обратил в христианство почти 3000 чел. Кроме того, он стал инициатором строительства храма, в которое вложил личные средства, и современники отмечали украшенный золотой и серебряной резьбой иконостас Амгинской церкви и заказанную в Москве церковную утварь.

ГЛАВА 11

КУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И НОВАЦИИ

11.1. ТРАНСФОРМАЦИИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

В XVIII в. ареал якутского скотоводства достиг своего максимума, во второй четверти столетия оно распространилось до бассейна Колымы [Софронеев, 1972, с. 22–23]. С того периода территориальные границы якутской культуры были очерчены, и можно говорить о ее локализации и развитии в рамках определенного пространства. Стали известны пределы занимаемой экологической ниши и распространения основных этнографических и субэтнических групп якутов, зоны межэтнических контактов. Во многом это было обусловлено поли-

тикой правительства, ограничившей дальнейшее продвижение ясачных якутов. Все попытки привязать таким образом кочевое тунгусоязычное население к определенной территории не имели успеха.¹³ Они продолжали кочевать, следуя вековым традициям, не считаясь особо с границами уездов и губерний. «Нет ни одного народа, который в своих охотничьих странствиях забирался бы так далеко, как тунгусы в Якутском уезде. Из верховьев

¹³ Варлаам (Василий Петрович Петров-Лавровский) (1728–1802), в 1768 г. — епископ Русской православной церкви, с 1792 г. — архиепископ Тобольский и Сибирский. В 1984 г. причислен к лику святых Русской православной церкви в составе Собора Сибирских святых.

реки Вилюй они доходят до истоков реки Зеи, впадающей в Амур, и некоторые тунгусские роды, которые платят ясак непосредственно в Якутске, совершают такие путешествия из года в год» [Миллер, 2009, с. 236].

Тем не менее все аборигенное население в основной своей массе было учтено и приписано к административно-территориальным единицам: острогам, зимовьям, ясачным волостям и родам. Данный период отмечен некоторой интенсификацией экономического освоения края. Это было связано с деятельностью ряда российских экспедиций, пути которых пролегли через территорию Якутии. Были учреждены Иркутский и Охотский тракты вместо выючных троп и древних торговых путей коренных народов. Происходит разведка и налаживается добыча некоторых полезных ископаемых — минералов и металлической руды. Учреждаются ярмарки, торговля приобретает организованный, системный характер. Связи с метрополией становятся стабильными и устойчивыми. В результате реформ — Первой ясачной комиссии и аграрных 1760-х годов — и втягивания народов Якутии в общероссийский рынок усиливается влияние извне на их культуры. Наконец, со второй половины столетия власти приступили к политике массовой христианизации края.

В целом в этот период коренных изменений не происходит. Особенно это касается малочисленных народов Севера. Предки эвенов и эвенков продолжают вести свое горно-таежное оленеводческое хозяйство, испытывая лишь опосредованное воздействие через обмен и ярмарки. Однако усиливается их якутизация, больше всего в западных и южных частях уезда. Для юкагирского народа катастрофические последствия имели эпидемии оспы, столкновения с чукчами, коряками, особенно в конце XVII — первой половине XVIII в., во время обострения русско-чукотских отношений, под влиянием интенсивных военных действий, когда их численность уменьшилась почти в 2 раза. Прямым следствием стало сокращение ареала расселения юкагиров (они оставили бассейн р. Анадырь) и ассимиляция со стороны окружающих народов. Билингвизм юкагиров, интенсивные межэтнические контакты на северо-востоке являли собой яркий пример культурного взаимодействия.

XVIII столетие было временем, когда в жизни местных жителей — якутов, тунгусов, юкагиров — стали ощутимы культурные новации, настолько, что они повлияли на уклад жизни в целом. Если в такой сфере общественного и культурного быта, как кочевой образ жизни, ничего подобного не отмечено, то некоторые новшества прослеживаются в обустройстве жилища. По-прежнему возводились легкие переносные чумы *тордохи* и стацио-

нарные чумы *холомо* у северных народов, строились якутские летние берестяные *урасы* и зимние *балаганы*.

По данным И. Кожевина (1797 г.): «Якутские юрты постройкой располагают по количеству семей на четырех столбах, на них на четырех же нетесаных из бревен слегах с одной матней двухбревенчатой, вышиной в полтора сажени. Стены укрепляют из ставовых плашин, из бревен, колотых, тесаных и нетесаных. Внутри по длине юрты у именитых бывают перегородки тесаные дощаные... С наружной стороны все юрты толщиной в пол-аршина обмазывают скотским пометом весьма гладко. Поверхность юрт плоска, ее кроют корьем, травой, потом насыпают землей и глиною» [Географическое описание..., 1988, с. 210, 213, 214]. В этом описании без труда узнаются якутские балаганы более раннего времени. «Зимнее жилище якутов Kusungu Dsche, называемое балаганом, возвышается над землей всего на одну сажень; оно состоит из 4 косо поставленных по квадрату столбов, промежутки между ними забиты расколотыми бревнами или досками и все это накрыто покатою крышей...» — писал полвеком ранее участник Второй Камчатской экспедиции Яков Линденау (цит. по [Софронеев, 1972, с. 31]). Отметим, что балаган, описанный Колевым, выше последнего (1,5 сажени против 1 сажени). Внутренняя обстановка, по-видимому, не претерпела заметных изменений. Стало больше крупных балаганов в связи с преобладанием крупного рогатого скота, требовавшего больших теплых хлевов — *хотонов*. Также, по-видимому, в этот период якутами от русских перенимаются методы и приемы строительства.

С развитием торговли происходит все большее проникновение привозных элементов быта: металлических изделий, фабричных украшений и тканей для одежды, фарфоровой посуды. Причем если привозные железные котлы, как правило, во многих частях Сибири преобладали в домашней утвари, то якуты продолжали использовать глиняные горшки *багарах* для варки молока и железные котлы собственного изготовления [Миллер, 2009, с. 192, 196].

Во второй половине столетия у якутов появляется огнестрельное оружие [Софронеев, 1972, с. 37; РНБ ОР. Д. 238. 6-Ф. Д. 16]. Примечательно, что влияние действовавшего с перерывами в 1730—1780-х годах Тамгинского железоделательного завода особенно ярко видно в освоении якутскими кузнецами изготовления не только строительных инструментов и материалов, деталей конской сбруи, украшений, но также и винтовок с нарезным дулом и замком [Софронеев, 1972, с. 53—54].

В одежде якутов все еще преобладали различные меха, от роскошных головных уборов *бергесэ* из

шкур соболей или росомахи, украшенных рысьими или волчьими ушами, до замшевых лосиных или оленьих кафтанов *сон* и волчьих и оленьих *санаяков*. «Лесные тунгусы» мужчины носили *одынна*, а женщины — *дырга* из оленьих шкур со вставными белыми и черными полосками и бахромой также из оленьих шкур и волоса. Юкагирская верхняя одежда *махил* была сходна с одеждой тунгусов: *кунгу* — зимняя теплая парка и женская зимняя одежда *дуды*, меховые шапки *авун* также шились и из лосиных шкур, с многочисленными украшениями из кораллов. Подкладка делалась из камки или китайки, которые завозились из Китая и раньше, но с приходом русских приток тканей, несомненно, усилился.

Якуты во времена Герхарда Миллера, как и татары и буряты, уже носили суконную одежду красного, зеленого и синего цвета, например русские зипуны [Миллер, 2009, с. 137]. Под влиянием русских в Якутии распространилось ношение рубашки, как почти у всех сибирских народов [Там же, с. 126].

Кумысная праздничная посуда якутов украшалась богаче, чем у других тюркских народов. Хотя элементы ритуальной культуры, как правило, достаточно консервативны, поскольку связаны с религиозными представлениями и традиционным мировоззрением в целом, но и здесь наметились некоторые изменения.

Древнейшим типом деревянной посуды является *кытыйя* с прямой шейкой, повторяющей контуры и орнамент архаических глиняных сосудов. Они характерны для XVIII в., но в последующем исчезают, замещаясь *кытыйя* с фигурной шейкой.

В этот период на *кытыйя* украшены только шейка и венчик (шнуровой орнамент). Позднее, в XIX в., орнамент (арочный, *илим харага*) распространится на тулово.

Чороны прошли длительный путь развития — от сосудов с прямой ручкой до кубкообразных форм. *Айах* на протяжении XVIII и далее в XIX в. превратился в обозначение больших чоронов. *Ымыя* постепенно превращался в будничным предмет. Его называли также *матаарчах*. Последние украшались декором в виде широких полос орнамента, часто арочного (*сарбыннах ойуу*).

Чороны на поддоне датируются XVII в. и более ранним временем, а на ножках — начиная с XVIII в. Они разнообразны по форме: 1) котлообразные (например, чорон Чаган Этюка из Жулейского наслега Таттинского улуса), 2) ромбовидные (чороны Суор Бугдука из Оспехского наслега Усть-Алданского улуса, из м. Сайылык Эбэ Ожунунского наслега Чурапчинского улуса и др.) и 3) переходный между ними (чорон из м. Эбэ-Ана Хангаласского улуса). В орнаменте используется принцип раппорта (в чо-

ронах второго типа), различные виды узора — *илим харага*, *ураһа ойуу*, *тоногос ойуу*, *тараах ойуу*.

Искусствовед И.А. Потапов сравнивал геометризм, массивность, тяжеловесность форм — признаки ранних сосудов с суровостью олонхо.

На рубеже XVIII–XIX вв. чорон удлиняется, центральный поясок оказывается ниже (на середине всей высоты чорона), появляется раструб у верхнего края, смягчается средняя часть тулова.

В период архаики наблюдался расцвет керамического искусства якутов. Это демонстрируют материалы кулун-атахской культуры. Следует отметить, что и в позднее время искусство якутских гончаров не было забыто. В XVII–XVIII вв. создавались великолепные образцы якутской керамики. При этом сохранялись традиции средневековой кулун-атахской культуры.

По-прежнему глиняная посуда изготавливалась техникой выколачивания, формовка сосудов производилась вручную, без круга. Для прочности в сырье добавляли шамот — толченые осколки старых горшков. Распространены были сосуды баночной, бочонковидной, мисковидной и особенно горшководной формы. Отогнутый венчик, нередко слегка утолщенный, придавал им некоторую изящность. Не случайно специалисты считают, что знаменитые якутские чороны своей формой обязаны их глиняным предшественникам, о чем свидетельствует *багарах* — низкий широкогорлый сосуд с тремя ножками.

Для якутской керамики не были характерны такие декоративные приемы, как роспись и полив. Зато якутские гончары широко использовали технику украшения налепными валиками, тиснением, выдавливанием. Выделено не менее шести типов орнаментов. Орнамент занимал верхнюю часть сосудов, внизу доходя до плечика. Самым популярным украшением является налепной опоясывающий валик, нередко рассеченный прямыми или косыми насечками, а также вдавлениями различной формы. Количество таких валиков нередко достигало трех–пяти. Особый художественный вкус мастера чувствуется в орнаменте, состоящем из прямых продольных и арочных валиков. В керамике XVIII в. уже редко встречается орнамент в виде вертикально свисающих налепных валиков. Особенно распространен в этот период врезной орнамент в виде резных прямых линий и арок, вдавлений различной геометрической формы.

Якутские мастера работали с медью, бронзой, но чаще всего с серебром. Великолепием отличаются шейные гривны *кылды*, серьги *ытарга*, кольца *буһилэх*, браслеты *бөгөх* и диадемы *бастына* на мягкой основе. Серебряные кольца могли быть заклепанные и незаклепанные. На серебряные браслеты наносили разнообразные узоры. Древнеякут-

ские медные и серебряные гривны были простыми и с петлеобразными изгибами. Интерес археологов и этнографов вызвали *кэлин кэбуһэр* в виде ажурной цепи с подвесками, представляющими собой антропоморфные изображения и кольца.

Не менее красивы бронзовые подвески к головному убору в виде кольца с двумя рогообразными ответвлениями, которые заканчивались изображениями конских голов.

Серьги еще в кулун-атахскую эпоху были трех видов: проволочные в виде знака вопроса с бусинами, с металлическими подвесками, в виде кольца с ажурной серебряной бляшкой. В последние десятилетия XVIII в. серьги с разноцветными бусинами (черного, голубого, белого цвета) были вытеснены русскими сережками. По-видимому, якуты, чьи культурные и эстетические вкусы столкнулись с влиянием извне, с одной стороны, продолжали развивать местные традиции, совершенствуя их, а с другой — начинали перенимать некоторые элементы.

Ысыах (от слова *ыс* 'кропить, разбрызгивать') — праздник Нового года, праздник коневодства и плодородия, устройства миропорядка. Большой ысыах — родовой, а малый — семейный праздник. Вместе с тем это был частный праздник. Приносились жертвы как добрым (молочными продуктами), так и злым (жертвенными животными) духам, а также усопшим шаманам.

В архаичное время (до XVII—XVIII вв.) устраивались разные виды ысыахов, например весенние ысыахи в честь божеств айыы (Юрюн Айыы Тойон), в том числе ысыахи, проводившиеся отдельно в честь духов-покровителей скотоводства (Дьөһөҕөй Айыы и Ынахсыт Хотун), *ытык ыһааба*, и осенние ысыахи, посвященные Улуу Тойону, главе верхних злых духов *абаһы*, и Арсан Дуолаа, хозяину Нижнего мира злых духов, ситуативно-бытовые ысыахи (в честь победы, свадьбы, постройки нового дома) [Романова, 1994, с. 112–147]. Из них в рассматриваемое время, вероятнее всего, уже вышли из практики ысыахи в честь победы, осенние ысыахи.

В XVIII в., по-видимому, как и в древности, ысыахи проводились с 10 мая по 25 июня. В дальнейшем сроки стали сдвигаться в сторону летних месяцев. Также под влиянием христианства ысыах начинал утрачивать свое религиозное содержание.

Участники Великой Северной экспедиции (1733–1743 гг.) Г. Миллер и И. Гмелин впервые записали сюжет предания о том, что предки якутов прибыли с юга, где они жили вместе с монголами и бурятами. Другой участник этой же экспедиции Я. Линденау зафиксировал предание о прародителях якутов Омоего и Эллее, живших около озера Байкал. Это самые распространенные предания, которые актив-

но бытовали вплоть до середины XX в. В основе сюжета лежит миф о гонимых героях. Омоегой, повздоривший со своими соседями, вынужден был бежать вниз по Лене вместе со своими людьми. От них произошли якуты Намского и некоторых правобережных улусов. Однажды к Омоегоу приплыл с юга беглец Эллэй и нанялся к нему в работники. Эллэй впервые организовал ысыах, внес много новшеств в хозяйство и быт (кумыс, ураса, дымокур) Омоего и его людей. Женился на одной из дочерей хозяина. От него произошли якуты — обитатели почти всех современных якутских улусов.

Якутские мифы, представленные в олонхо, легендах и сказках, со второй половины XVIII в. начали испытывать влияние христианства, например, якутские имена божеств стали заменяться на библейские.

Развитию косторезного искусства якутов способствовало обилие мамонтовой кости, с начала XVIII в. ставшей объектом промысла. По подсчетам исследователей, в XVIII–XIX вв. из Якутии вывозилось от 1000 до 2000 пудов этого ценного сырья в год. Ранее большим спросом пользовалась моржовая кость, известная по русским документам XVII в. как «рыбья кость».

По археологическим данным, якуты уже в XVII в. использовали мамонтовую кость для изготовления рукояток ножей, наконечников стрел, копий (П.П. Хороших).

Одним из ранних художественных произведений якутской резьбы по кости является двусторонний гребень 1743 г. с изображениями двух горящих сердец, пронзенных стрелой, и льва с единорогом, расположенных по обеим сторонам. Изготавливались также ларцы-теремки, подчасники, с XIX в. — шкатулки, портретные рамки, фишки, шахматы, посохи и т.д.

Как считают специалисты, якутская резьба по кости возникла под опосредованным влиянием искусства холмогорских мастеров. На это указывают ассортимент и внешняя форма изделий. Но уже в самых ранних образцах якутские мастера стали привносить свои особенности в технику изготовления. Синтетичность проявилась в сочетании стиля барокко, распространенного в русских изделиях XVIII в., с якутскими орнаментальными мотивами. Якутские мастера изображали сцены охоты, фрагменты ритуального камлания шаманок, бытовые картины и т.д. Особое место занимала тема коневодства. Асимметричность изображения уравновешивалась специальными техническими приемами. Художественный стиль якутских мастеров отличался строгостью и лаконичностью орнамента, реалистичностью изображения животных, птиц, жилищ, тщательностью передачи даже мелких деталей одежды. Оригинальна и неповторима сквозная сетчатая

резьба, освоенная якутскими мастерами. Изображаемые сюжеты находятся в центре всей композиции, доминируя над орнаментальными мотивами.

Как мы видим, XVIII в. стал тем временем, когда начинается поворот традиционной культуры в сторону интенсивного взаимодействия с европейской (русской) культурой.

11.2. ЗАЧАТКИ ОБРАЗОВАНИЯ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

В XVIII в. усилиями как светских, так и духовных властей среди местного населения стала распространяться грамотность. Это было частью политики по закреплению территории края в составе Русского государства. Создание национальной письменности облегчало приобщение местного коренного населения к православной вере, что способствовало интеграции его с основным населением страны. Преследовались и определенные практические цели — экономия казенных средств за счет обучения местного населения делопроизводству (подготовка писарей).

Одними из первых в Якутии в начале 1730-х годов открылись цифирные и гарнизонные (казачьи) школы. Например, в 1735 г. в такой цифирной школе обучалось 23 мальчика. Кроме того, в 1736—1744 гг. при Спасском монастыре действовала школа, где обучались 10 детей, в том числе якуты.

В это время детей священников, как и детей других привилегированных сословий, стали обучать грамоте на дому. По свидетельству иркутского епископа Иннокентия, во время его пребывания в Якутском уезде в 1735 г. в одной из таких домашних школ преподавал ссыльный архимандрит [Якутские епархиальные ведомости. 1899. № 12. С. 184].

В 1739—1744 гг. в Якутске действовала навигацкая школа на 25 чел., которые ранее обучались в русской цифирной школе. Из-за отсутствия финансирования, нехватки подготовленных учителей, учебных пособий она была закрыта. Вместо нее в 1747 г. открылась японская школа. В ней преподавали спасшиеся в 1745 г. с потерпевшего катастрофу судна «Тагамару» японцы Матвей Панов (Рихачи или Рихачиро), Иван Татаринов (Санносукэ или Саносукэ), Иван Афанасьев (Чоносукэ или Кюсукэ), Филипп Трапезников (Чосукэ или Кюсукэ). В 1754 г. школа была перемещена в Илимск, затем ее присоединили к японской школе в Иркутске. Переведенная далее в Санкт-Петербург, она просуществовала до 1816 г. [Кацуки Хидэо, 1997, с. 24—25].

В 1764 г. по инициативе якутского воеводы Ф.В. Чередова перед иркутским губернатором был поставлен вопрос о необходимости восстановления навигацонной школы в Якутске. Спустя два года,

в 1766 г., после одобрения Сенатом этой инициативы местной администрации школа была восстановлена. На этот раз она действовала до 1793 г. Через нее прошли десятки выпускников из местного населения, которые обеспечили кадрами дальневосточные порты.

Подготовкой чиновников занималась словесная школа, открытая в Якутске в 1769 г. Важно отметить, что в этот период начинается обучение представителей аборигенных народов. Так, якутские историки Ф.Г. Сафронов и В.Ф. Иванов писали о том, что в сентябре 1732 г. в Якутске получили указ Иркутской провинциальной канцелярии об открытии в городе школы для новокрещенных детей, где бы они обучались русской грамоте. Первая ясачная комиссия в декабре 1767 г. обязывала князю за свой счет обучить грамоте по три человека от каждого рода. Председатель комиссии Мирон Черкашенинов, якутский воевода Александр Дебрины, иркутский губернатор Адам Бриль в 1768—1769 гг. обращались к князям, убеждая их в том, что появление грамотных среди самих якутов освободило бы их от необходимости платить наемным русским писарям. Отмечено, что якуты в XVIII в. учились не только в Якутске, но и в Иркутске. Также в улусы посылались образованные разночинцы, отставные казаки для обучения якутских детей за плату [Сафронов, Иванов, 1992, с. 17—18, 20].

К середине столетия в каждом улусе Центральной Якутии было по несколько грамотных якутов из числа новокрещенных, а во второй половине века их число перевалило за полсотни [Там же, с. 21—23, 28]. Среди якутов постепенно сформировался слой грамотных людей, что, на наш взгляд, предопределило успех якутских петиционных инициатив С. Сыранова (1767 г.), А. Аржакова (1789 г.), И. Шадрина (1797 г.), С. Васильева (1803 г.), Н. Рыкунова, И. Мигалкина, С. Кириллина (1824 г.), Е. Готовцева (1848 г.) и др.

Тем временем вот уже более столетия различные путешественники и ученые (И. Идес, Н. Витзен, Ф. Стралленберг, Г. Миллер, Я. Линденау, П. Паллас, И. Георги, И. Биллингс и др.) фиксировали отдельные якутские слова, фразы и даже короткие тексты, например, образцов фольклора или перевода молитвы «Отче наш».

По косвенным данным, некоторые якуты в то время получили образование не только в гимназии и семинарии Иркутска, но и в учебных заведениях Санкт-Петербурга. Например, это будущий деятель Якутской степной думы Николай Рыкунов (1785—1831).

Наконец, в 1799 г. состоялось важное историческое событие: сын боярский Николай Шестаков перевел текст присяги императору Павлу I на якутский язык [Там же, с. 53—54, 78]. Обратим внимание на замысел акторов данного события. Созда-

вался текст не из узко научного, кабинетного интереса, а для массового использования.

Еще в 1764 г. медик Г.И. Клевещкий прибыл в Якутск для прививания населения от оспы. Его по праву можно считать первым гражданским врачом в Якутии. Благодаря неустанному труду Клевещкого в Якутске было основано небольшое медицинское учреждение — «оспенный дом». Оно не было больницей в настоящем смысле слова, а предназначалось только для узкой цели — ограждения городского русского населения от непрекращающихся эпидемий оспы. На протяжении нескольких лет в Якутске и его окрестностях им было привито более 2000 чел. Оспенный дом размещался в специально купленном доме, где располагалась и больница. На содержание больных отпускалось тогда 200 руб.

Любопытно, что в эти годы в Якутске был учрежден госпиталь, что означало попытку государственного обеспечения города и других поселений, заселенных служилыми людьми, медицинскими учреждениями. По материалам музея здравоохранения, в 1785 г. в Якутск был назначен доктор Х. Миллер, а в Олёкминск — доктор Г. Шпренгер, но, к сожалению, оба умерли вскоре после приезда в Якутск. В 1793 г. доктором повторно был назначен штабс-лекарь Г.И. Клевещкий, возглавивший медицинскую службу Якутской провинции. На ниве здравоохранения он проработал 41 год. С 1797 г. он безуспешно добивался постройки в Якутске новой больницы, так как первое здание сгорело.

В 1795 г. уездными врачами были назначены Горбунов в Оленске (современный Вилуйск), Климовский в Зашиверске и Решетников в Якутске, получившие до этого звание подлекаря.

11.3. НАЧАЛО НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ

Поступление первых, иногда очень точных, но разрозненных данных о Якутии и ее коренном населении относится ко времени продвижения промышленных и служилых людей на восток, сопровождавшегося вовлечением региона в орбиту Российской империи. «Отписки», «статейные списки», «распросные речи», «скаска», «доезды», «челобитные», «росписи», «книги ясачного сбора», «чертежи» XVII в. явились документальным материалом, в котором содержались географические данные о «новых землях», отдельные сведения о народах, их численности, социальной организации, имущественном положении, родственных и экономических взаимоотношениях, источниках существования [Скалон, 1951; Андреев, 1960, с. 21–23; Токарев, 1966, с. 44–56].

Разрозненные сообщения о Якутии и ее народах содержали и работы иностранных авторов XVII сто-

летия — А. Каменского-Длужика, Ю. Крижанича, Ф. Авриля, Э.И. Идеса, Н.К. Витсена, опубликованные в Польше, России, Франции, Голландии [Алексеев, 1941, с. 458, 527–530, 555; Полевой, 1965; Иванов В.Ф., 1974, с. 33–48].

Однако широкий размах сбора фактического материала, появление первых обобщающих наблюдений и исследовательских работ в различных областях научного знания, начало формирования фундаментальной базы всестороннего научного изучения Якутии связаны с деятельностью отечественной Академии наук и Русского географического общества.

Среди первых путешествий следует назвать экспедицию Д.Г. Мессершмидта 1719–1727 гг. 15 ноября 1718 г. Петр I издал указ: «Доктора Мессершмидта послать в Сибирь для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей, трав, цветов, корней и семян, и прочих принадлежащих статей в лекарственные составы» [ПФА РАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 32; Д. 33. Л. 4].

Среди многочисленных разносторонних работ, выполненных ученым, были описания сибирских рек, в том числе Лены, запись рассказов о Камчатке и Северном Ледовитом океане; сведения о населении Якутского дистрикта; образцы языка эвенков, эвенов, якутов [Горцевская, 1959, с. 6; Новлянская, 1970, с. 60–61]. Его помощник, Ф.И. Табберт фон Страленберг, в 1730 г. опубликовал в Стокгольме книгу «Das Nord und Östliche Teil von Europa und Asia» («Северная и Восточная части Европы и Азии») и карту «Nova Descriptio Geografica Tatariae Magnae» («Новое географическое описание Великой Татарии»), в которых было дано изображение северо-восточной Сибири (в том числе Якутии, Камчатки и побережья Охотского моря); сообщались сведения о расселении эвенов, юкагиров, чукчей, гиляков, олжоторцев, коряков, якутов; приводились данные о городах; предпринималась попытка классификации азиатских языков [Андреев, 1960, с. 42–44; Новлянская, 1966, с. 49, 51–52, 59, 75–83; Зиннер, 1968, с. 127–128].

Петровский указ от 23 декабря 1724 г. «о посылке Сибирской» положил начало Первой Камчатской экспедиции. 6 января 1725 г., за несколько недель до смерти, Петр I написал ее руководителю В.И. Берингу (уроженец Дании, на русскую службу принят в 1704 г.) инструкцию, которая свидетельствует о значительном внимании правительства России к поиску пролива между Америкой и Азией [РГА ВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 29. Л. 110–111].

Вопрос о соединении материков не был разрешен. Однако экспедиция 1725–1730 гг. собрала ценные сведения о расположении северо-восточных берегов Азии, послужившие важным материалом для освещения вопроса о существовании пролива

между Азией и Америкой [Андреев, 1956, с. 8]. Одной из форм работы экспедиции было продолжение сбора материалов о народах Севера. «Донесение», «Предложения» Беринга, «Журнал бытности в Камчатской экспедиции» П.А. Чаплина и путевой журнал А.И. Чирикова, этнографические карты экспедиции содержали известия о Якутии тех лет, о материальной культуре, хозяйстве, религии якутов, эвенков, эвенов, коряков, камчадалов, ительменов, русского населения Камчатки; зарисовки их отдельных представителей. Результаты деятельности экспедиции обсуждались на заседаниях Конференции Академии наук в 1727, 1730, 1735 гг. Г.Ф. Миллер и П.С. Паллас составили первые описания путешествия [Материалы для истории..., 1940, с. 36–37; Косвен, 1961, с. 168–169].

В работах экспедиции принимал участие особый академический отряд, в состав которого входили специалисты по различным отраслям знания — натуральной истории, химии, медицины, живописи, геодезии. Среди сотрудников Второй Камчатской были: Г.Ф. Миллер, призванный из Академии Лейпцига; И.Г. Гмелин, окончивший Тюбингенский университет; Л. Делиль де ла Кройер, приглашенный из Парижской академии, уроженец Германии Г.В. Стеллер, приехавший в Россию в качестве врача; магистр филологии из Германии И.Э. Фишер; Я.И. Линденау, переводчик воеводской канцелярии Сената; «рисовальные мастера» И.Х. Беркан, И.В. Люрсениус, И.К. Деккер. В составе академического отряда работала и группа студентов Московской Славяно-греко-латинской академии (С.П. Крашенинников и др.), которые предварительно прошли курс обучения в Петербургской академии наук. В работах отряда принимали участие геодезисты (А.Д. Красильников и др.), «инструментальный ученик», солдаты, рабочие, ремесленники.

Задачи, поставленные перед экспедицией, были грандиозны: изучение Северного Ледовитого океана и его побережий; в районе Тихого океана предписывалось произвести наблюдения «от Камчатки до Японии и Америки», исследовать берега Охотского моря, Курильских и Шантарских островов; продолжить поиски пролива между Азией и Америкой; описать северные берега Сибири [Греков, 1960, с. 62–63; Косвен, 1961, с. 171].

Одним из направлений академических исследований было изучение народов. Отличительными чертами деятельности научного центра в 30-е годы XVIII столетия являлись постановка четкой задачи исследования разнообразных этносов и разработка специальной программы историко-этнографических наблюдений. Эта программа интересна и тем, что отражает некоторые сложившиеся к тому времени представления о народах Сибири, и тем, что позво-

ляет оттенить значение последующей работы в этом направлении.

Начальным документом этого типа была инструкция «О истории народов», написанная накануне Второй Камчатской экспедиции. Внимание путешественников привлекалось к вопросам генезиса народов Сибири, их расселения и переселений, обычаям, нравам, обрядам, занятиям, религии, культуре. Специальными пунктами предписывалось отмечать переводы господней молитвы, числа, существительные, наиболее употребительные имена, представления о боге и обряды при богослужении; осуществлять археологические и этнографические сборы; составлять описания увиденного [Инструкция..., 1937, с. 460–461].

Положения названного документа получили развитие в «Инструкции Г.Ф. Миллера для адъюнкта Академии И.Э. Фишера» 1740 г. Эта инструкция, которая, по словам М.О. Косвена, должна была «явиться общим пособием и руководством при полевой географической, исторической, археологической и этнографической работе» [Косвен, 1961, с. 180], отражала грандиозный замысел Академии наук по изучению народов Сибири и, по существу, являлась программой научных работ на протяжении почти двух столетий.

Вопросы, впервые сформулированные в документе «О истории народов», были развернуты, дополнены, детализированы¹⁴. Изучая население Сибири, исследователи должны были наблюдать за внешностью, пищей, одеждой, жилищем, бытом, знаниями, искусствами, общественным устройством и социальной организацией, правом, судом и т.д.

Некоторые из пунктов программы касались непосредственно якутов. Ученых интересовали их одежда, в том числе церемониальная, обычаи (при разлуке с близкими, похоронах, приготовлении к смерти), медицина (лечение бесплодия, виды безумия), приемы, которые использовались в хозяйственной деятельности (получение большого количества молока при доении коров, поделки из коры березы), пища (употребление мяса диких и домашних животных), жертвоприношения (виды, церемония), шаманы, камень «сата», «с помощью которого якуты вызывают ветер и дождь» [Instruktion..., 1900, с. 42, 45, 49, 52, 56, 62, 63, 68, 70, 71, 75, 76]. Согласно отдельным пунктам инструкции, следовало выяснить «основательность» разделения эвенков на оленных, конных и собачьих, а коряков — на оленных и сидячих [Там же, с. 52]. Ученых интересовали изделия эвенков из бересты, рыболовство у коряков и чукчей; изготовление, преимущества обласков и веток юкагиров, а также средства пере-

¹⁴ Обстоятельная общая характеристика документа дана в кн. [Косвен, 1961, с. 180–182].

движения, изготовленные коряками и камчадалами из шкур морских животных и костей рыб [Instruktion..., 1900, с. 52, 55, 56, 60]. Путешественникам необходимо было уточнить, участвовала ли женская половина юкагигов, коряков, чукчей в охоте; как и почему наносилась эвенками татуировка на лицо; каковы были способы защиты от гнуса (при этом упоминались «горшки с дымом», которые носили на спине «лесные тунгусы») [Там же, с. 41, 44, 47, 59]. Определенное внимание уделялось вопросу конфликтов среди эвенков. Исследователям следовало установить, когда они начались, их причины и распространенность подобного явления среди других народов Якутии [Там же, с. 49, 50].

Были разработаны также положения об «обсервациях астрономических, географических и физических», о «гидромерных, маятниковых, барометрических наблюдениях», об исследованиях в области «истории натуральной», ряд документов для изучения Камчатки. Предусматривались наблюдения и на севере Якутии, в устьях рек Лены, Колымы и морской акватории между ними [Экспедиция Беринга, 1941, с. 90; Дивин, 1971, с. 101–105; Русская Тихоокеанская эпопея, 1979, с. 164–165, 173–174, 196–197].

Огромная работа была проведена Второй Камчатской экспедицией по выявлению архивных материалов. Сбор документов (в форме копирования, выписок, составления заметок) по истории и географии Якутии был осуществлен в Томском, Енисейском, Мангазейском, Иркутском, Илимском и Якутском архивах. Материалы якутского архива стали одним из источников «Географического описания Земли Камчатки» и «Известия о северном ходе из устья Лены реки для проводывания восточных земель» Миллера. По его же инициативе, используя данные Якутского архива и материалы распросов, Якутская воеводская канцелярия составила историко-географическое описание Якутского уезда 30-х годов XVIII в.

В результате поездок по Якутии была выполнена «Карта, представляющая реку Лену с впадающими в оную реками», а также составлены описания путешествий на Оленёк, в Олёкминск, на Кемпендьяй, Витим, содержащие сведения о географии, флоре, фауне, природных богатствах, промыслах [Андреев, 1956, с. 13, 14].

В московском Российском государственном архиве древних актов хранятся рукописи Миллера, представляющие собой черновые фрагменты его незавершенной работы по этнографии народов Сибири. Есть среди них и «Известия о якутах и их шаманах, о юкагирах, остяках, тунгузах, самоедах, камасинцах, тайгинцах, кайгинцах, татарах и об обычаях разных сих народов». Там же хранятся первые журналы или записные книги ученого, содержащие разнообразный исторический, географи-

ческий, этнографический, археологический, лингвистический материал [Косвен, 1961, с. 183–185].

В 1755 г. была издана работа Миллера «Известие о торгах сибирских» — «первое в литературе описание втягивания населения Якутского уезда, правления Охотского порта и земли Камчатки в торговые отношения с центральной Россией» [Иванов В.Н., 1978, с. 73].

Обширный материал о флоре, фауне, полезных ископаемых Якутии собрал Гмелин. В его книгу «Путешествие по Сибири», изданную в 1751–1752 гг. в Геттингене, помещены этнографические экскурсы, касающиеся эвенков и якутов, их внешности, одежды, жилищ, пищи, промыслов, религии. Гмелиным также подготовлена рукопись об эвенках Нижней Тунгуски [Андреев, 1956, с. 15; Косвен, 1961, с. 195–196].

По дороге на Камчатку Крашенинников описал путь от Якутска до Охотска; собрал сведения о «пеших тунгусах или ламутках, живущих около Охотского острога, 5-ти родов, а также оленных ламуток, 7-ми родов». Составленное им описание Витимского соболиного промысла было издано в 1949 г. в «Описании земли Камчатки» [Андреев, 1956, с. 13–14; Косвен, 1961, с. 198–199].

Стеллер изучал природу и население Якутии во время путешествия по Лене (Киренск — Якутск) и по дороге в Охотск, о чем сообщил в письме к президенту Академии наук от 1 марта 1741 г. Описание представлено на страницах дневника исследователя; различные стороны быта и культуры якутов он осветил в специальном сочинении. По завершении экспедиции Стеллер представил в Академию наук «Дополнение к флоре реки Лены доктора Гмелина», работы о травах и птицах Якутии [Андреев, 1956, с. 16].

Фишер написал статьи: «Несколько замечаний о путешествии из Якутска до Алдана», «Описание путешествия от Юдомского Креста до устья Майи и до Якутска», «О реке Ковыме и якутах», «О большом острове в Ледовитом океане между Святым и Чукотским носом против устья рек Яны, Индигирки и Колымы», «Болезнь, смерть и похороны у якутов», «Якуты, их пища и питье», «Заметки об якутах, даурах и удских тунгусах» и др. [Там же, с. 17].

Работал в Якутии и Делиль де ла Кройер, который вел записи астрономических наблюдений, путевые журналы, составил описания своих поездок по краю. Сохранился и журнал астрономических наблюдений в Якутске Красильникова [Там же, с. 15].

Линденау за время пребывания в Якутии составил ряд географических описаний: реки Лены с притоками, рек от Ашалги до Кухтуи, пути от Охотска до Ямского острога, от Охотска до Якутска, от Якутска до Удского острога, от Якутска до

Иркутска [Андреев, 1956, с. 17]. Особую научную ценность представляют его историко-этнографические работы и собрания исторических сведений о юкагирах. Среди этих исследований Линденау следует назвать «Описание якутов», «Описание пеших тунгусов, или так называемых ламутов, в Охотске», «Описание тунгусов, которые живут у Удского острога», «Описание коряков, их нравов и обычаев по личным наблюдениям автора и по сведениям, полученным от других», «Устные известия о реках Анадыре, Колыме, Алазее, Индигирке и о прочих реках, которые в них впадают, об острогах и о народах, на этих реках живущих»¹⁵. О монографии Линденау, посвященной якутам, С.А. Токарев в 1966 г. писал: «Это поразительное по полноте и всесторонности этнографическое описание оказывается в то же время и весьма точным» [1966, с. 87]. З.Д. Титова видит ценность этой работы и в том, что в ней представлены «первые записи из дошедших до нас образцов якутского фольклора», записанных «с редкой тщательностью и полноты от самих якутов» [Этнографические материалы..., 1978, с. 13].

В поисках ответа на вопросы — соединяется ли Камчатка с Американским материком, существуют ли проходы из Архангельска до Камчатки и из Ледовитого океана в Тихий — путешественники (отряды под руководством П. Ласиниуса, В. Прончищева, Д. Лаптева, Х. Лаптева) спускались из Якутска по Лене до Ледовитого океана, затем следовали на восток (до р. Анадырь) и на запад (до р. Таймыр). Северные отряды Второй Камчатской экспедиции осуществляли промеры, картирование. Была проведена опись побережья Ледовитого океана и впадающих в него рек. Осуществленное исследователями картирование побережья от Оби до Лены оставалось единственным до начала XIX в.

Одной из научных проблем XVIII в. было определение расстояния между Землей и Солнцем. В связи с этим прохождение Венеры через диск Солнца вызывало особый интерес ученых всего мира, так как способствовало формированию представлений о взаимоположении планет, о строении Солнечной системы. Практическое значение этих наблюдений определялось их использованием в географии и мореплавании.

Якутия обладала особым преимуществом для астрономических наблюдений такого рода. Известный астроном того времени Христиан Мейер замечал: «В северных странах, лежащих под 67 градусом 33 мин. широты, в которых в то время солнце совсем не заходит, все прохождение видеть можно, в числе которых и многие места Российского государства: Якутск, Олѣкминск и Камчатка» [Мейер, б/г, с. 96].

¹⁵ Работы переведены и опубликованы З.Д. Титовой в кн. [Линденау, 1983].

Наблюдения за прохождением Венеры проводились и в 1761 г. Однако тогда из-за бездорожья исследования в Якутске не состоялись. Следующее прохождение Венеры по диску Солнца ожидалось 23 мая 1769 г. Ученые Академии наук разработали задачи предстоящих работ.

Одним из документов этого времени является «Наказ овсерваторам, кои на Север и на Восток отправлены были для наблюдения Венеры в Солнце». Согласно ему, по прибытии в конечный пункт члены экспедиции должны были построить обсерваторию и установить необходимые приборы. Проводимые наблюдения предлагалось описывать в специальной «дневной записке». Астрономам предписывалось вести наблюдения за контурами Венеры; за наличием (либо отсутствием) атмосферы вокруг нее; фиксировать цвет планеты. «Наказом...» предусматривались барометрические и температурные измерения, наблюдения «воздушных перемен» [Румовский, 1771, с. 41–46].

Одну из астрономических экспедиций во главе с И.И. Исленьевым было решено послать в Якутск.

В ходе путешествия Исленьев составил астрономические описания спутников Юпитера, прохождения Венеры. Собрал данные по истории, этнографии и географии посещенных им мест. Для ряда пунктов описал церкви, национальный состав населения, праздники, платье, суеверия. Его записки содержат сведения о взаимовлиянии коренного и русского населения. Часть материалов экспедиции опубликована в академическом издании «Новые ежемесячные сочинения» (СПб., 1788. — Ч. XXII–XXIII); в Санкт-Петербургском филиале архива Российской академии наук хранятся рапорты и журналы Исленьева; результаты астрономических наблюдений изданы на латинском, русском, немецком и французском языках, в том числе в обработке Румовского¹⁶.

В 70-е годы XVIII в. в Академии наук были сформулированы задачи широкого освоения естественных богатств севера и востока страны. К этому же времени, по-видимому, следует отнести и первое официальное признание экспедиций как наиболее эффективной формы деятельности Академии по изучению обширных территорий. Именно тогда П.С. Паллас, И.А. Гильденштедт, И.И. Лепехин и И.Г. Георги разработали проекты дальнейших экспедиционных исследований.

Паллас в проекте «исследований в Азиатской части России» (1776 г.) предлагал изучать течение рек Лены и Вилюя. При этом замечал: «Располо-

¹⁶ Подробно об астрономических, географических, этнографических данных экспедиции, ее картографических материалах см. [Шибанов, 1973, с. 133–139; Иванов В.Ф., 1974, с. 156–159; Иванов В.Н., 1978, с. 44].

женная за Леной самая восточная часть Сибири почти совершенно неизвестна в физическом отношении и очень мало изучена в отношении географическом». В 1779 г. им же Конференции Академии был предложен «Проект “физического” путешествия в Восточную Сибирь», в котором он вновь привлекал внимание к территории, расположенной к востоку от Лены. Ученый отвергал утверждение о том, что северный климат не способствует образованию драгоценных камней; высказал предположение о наличии на Востоке богатых руд. Заключал он так: «Вообще вся Восточная Сибирь обещает дать бесконечно много интересных сведений в отношении ботаники и натуральной истории» (цит. по [Гнучева, 1940, с. 135, 140]).

Причинами решительных мер правительства по организации экспедиции И.И. Биллингса — Г.А. Сарычева 1785—1794 гг. явились усиление деятельности иностранных держав в водах крайнего Северо-Востока, необходимость урегулировать отношения с чукчами, противоречивость сведений о крайних северо-восточных пределах азиатской части страны и их близость к Американскому континенту.

8 августа 1785 г. был издан указ Екатерины II о необходимости определить долготы и широты р. Колымы, уточнить положение Чукотского Носа, островов «Восточного океана», изучить моря между «матерою землю Иркутской губернии и противоположными берегами Америки». Адмиралтейств-коллегия разработала «Наставления», согласно которым участники экспедиции должны были составить точные карты Алеутских островов, собирать сведения о чукчах, изучать народы и природные богатства Северо-Востока. Путешественникам предписывалось проводить естественные сборы; изготавливать чучела; составлять гербарии и коллекции, описания свойств и способов употребления «любопытнейших произведений природы»; делать зарисовки. И в «Указе», и в «Наставлениях» особая роль в изучении «естественной истории» отводилась натуралисту экспедиции [Сарычев, 1952, с. 31—35, 280—299].

Натуралист и «путеописатель при господине капитане Биллингсе» К.Г. Мерк должен был фиксировать направления встретившихся горных цепей, их крутизну (либо пологость), описывать примечательность отдельных гор, залегание горных пород (состав, направление жил). Мерку предписывалось замечать наличие источников, лесов, кустарников, свойства почв, вулканические горные породы, останки ископаемых животных («слонов, носорогов и других южных зверей»). При этом указывалось на необходимость фиксировать их залегание в земле, определять, покрыты ли они продуктами морского либо сухопутного происхождения.

Один из пунктов документа содержал перечень задач натуралиста в области «топографического

описания земель». К их числу отнесены наблюдения за характером поверхности земли, включая острова и морские побережья. Исследователь должен был отмечать понижения земли, повышения, холмистость, заболоченность и т.д. При обследовании различных типов водоемов необходимо было определять качество воды, ее способность к омылению, возможность рыболовства.

Экспедиция выполнила большой комплекс работ на море и суше. Отметим лишь некоторые из них. Морской отряд обследовал и описал часть побережья Ледовитого океана от устья Колымы до острова Айон. В ходе сухопутных путешествий исследовались Верхоянский хребет и хребет, впоследствии названный именем Черского, Янское плоскогорье, хребет Тас-Хаятах, Оймяконское плоскогорье.

Участники путешествия собрали обширный историко-этнографический материал о якутах, эвенках, юкагирах, чукчах. Значительная часть их сосредоточена в работах руководителей экспедиции: «Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану», «Путешествие капитана Биллингса чрез Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижнеколымского острога», «Журнал, или поденник, флотского капитана Иосифа Биллингса. Путешествие из С.-Петербурга в Охотск, из Охотска на реку Колыму и в Ледовитый океан», «Журнал, или поденник, флота капитана И. Биллингса. Поход землемерный по чукотской стране до Анюйской крепости в годах 1791 и 1792»¹⁷. В 1804 г. в Петербурге был издан «Атлас к путешествию флота капитана Сарычева», содержащий любопытный историко-этнографический и картографический материал. «Описание обычаев и образа жизни чукчей» Мерка было квалифицировано советскими исследователями Ю. Бронштейном и Н. Шнакенбургом как первый наиболее полный для своего времени труд по этнографии этого народа. Они же привлекли внимание к статье «О происхождении, вере и обрядах якутов», в основу которой были положены записки Мерка [Бронштейн, Шнакенбург, 1941, с. 80]. И.С. Вдовин, специалист по палеоазиатским языкам, использовал лексический материал, собранный путешественниками.

Сарычев обратил внимание на значительное количество ископаемых животных на побережье Ледовитого океана и Ляховских островах («лежащих в Ледовитом море против устья реки Яны»), которые вывозились в Россию «под названием мамонтовой кости». Путешественник отмечал наличие к тому времени разных мнений о происхождении мамонтов: одни считали, что животные были «завезены»

¹⁷ Подробно об этих работах см. [Алексеев, 1966; Титова, 1978].

во время походов из теплых стран; другие говорили о занесении останков водой. Интересную мысль высказал сам исследователь. По мнению Сарычева, родиной гигантских животных была Северо-Восточная Азия в период более теплого климата в регионе. Их гибель он объяснял «великой переменной земного шара». «Впрочем, — писал исследователь, — я оставляю решить сие сомнение испытателям натуры» [Сарычев, 1952, с. 88].

Мерк собрал коллекции «образцов всех царств природы». В рапорте Палласу он писал о сборах

растений и «образцов камней» в районе Вилюя (см. [Титова, 1978, с. 172]). Минералогические коллекции Мерк передал в Эрмитажный минералогический кабинет. Коллекции птиц, рыб, животных поступили в музей Академии наук, где Паллас сделал их описание и поместил в своем большом издании «Зоология Российской империи» (см. [Сарычев, 1811, с. 233]).

Таким образом, Академия наук предпринимала конкретные шаги по реализации проектов ученых, касавшихся дальнейшего исследования региона.



ЧАСТЬ III

ЯКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

ГЛАВА 12

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

12.1. АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ: ОБРАЗОВАНИЕ ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ И ОБЛАСТНОГО ПРАВЛЕНИЯ

В новое столетие Россия вступила с новыми задачами обустройства государства не только в центре, но и на его окраинах. «В определении принципов региональной политики самодержавие оказалось перед неизбежным выбором: ввести общегосударственную систему управления или предоставить Сибири некоторую административную автономию» [Дамешек и др., 2017, с. 74], рассматривать ли Сибирь как свою колонию (подобно западноевропейским державам) или как естественное продолжение своих северных и восточных границ. Перед новым генерал-губернатором И.О. Селифонтовым были поставлены задачи не только пресечения ставших уже традиционными злоупотреблений местной бюрократии, но и нового административного преобразования обширного региона. Так, в 1804–1805 гг. он «произвел некоторую перестройку в сибирском управлении, направленную прежде всего на усиление бюрократического надзора и приближение администрации к сибирскому населению. Из состава Тобольской губернии в 1804 г. была выделена Томская губерния, в целом по Сибири уменьшено число уездов, многолюдные уезды разделены на комиссарства, где бы чиновный смотритель мог «надзирать и ответственность в подчиненных ему волостях за благоустройство и давать расправу в спорах малозначащих» [РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 229. Л. 10; Дамешек и др., 2017, с. 108–109]. Все эти преобразования должны были упорядочить управление регионами, отличавшимися особым своеобразием от других регионов страны.

«В первой половине XIX в. система управления окраинами России характеризовалась “особенным”

административно-территориальным делением (наместничества, генерал-губернаторства, встречались и более мелкие территориальные единицы: области, округа, магалы и т.д.) и наличием “особенных”, специфических нередко только для данной окраины, учреждений и должностных лиц» [Ерошкин, 2008, с. 206]. К таковым относилась Якутская область (с 1805 г.). В 1822 г. с разделением Сибири на Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское генерал-губернаторства Якутская область попала вместе с Иркутской и Енисейской губерниями в состав последнего.

В начале XIX в. сибирская губернская администрация издала ряд частных актов по управлению народами Восточной Сибири. Наибольшее значение из них имеет «Положение о выборе иноверческих начальников и правах их» (1812 г.) иркутского гражданского губернатора Трескина, ярого поборника консервативно-охранительной системы.

По существующему законоположению аборигены должны были занимать «старшинские» должности по выбору. При этом допускалось и наследование должностей. В обоих случаях право окончательного утверждения в должности оставалось за губернской и областной администрацией. В новом положении Трескин стремился доказать, что наследственный родоначальник «бывает уважаем иноверцами, и слово его имеет лучший вес, нежели простолюдина», который, по его мнению, «не имеет способностей и навыка в делах управления». Трескин предписывал «постановить непрелюбимым правилом», чтобы назначение «иноверческих» родоначальников было наследственным: «малолетство сына или ближайшего родственника не есть препятствие к его назначению». В этом случае полагалось избрать опекуна, который обязывался «иметь попечение в образовании малолетнего так», чтобы по достижении совершеннолетия он

мог приступить к управлению родом. Избрание в родоначальники рядовых улусников допускалось только в случае отсутствия возможных наследников. Положение предусматривало отстранение от должности «за нерадение в исполнении своей обязанности, худое правление своим родом».

В целом положение отражало интересы потомственной родовой знати, которая являлась опорой самодержавия в проводимой им политике. Свое положение родоначальники нередко использовали для внеэкономической эксплуатации налогоплательщиков. Наиболее типичной формой злоупотреблений являлись различные незаконные сборы и рукоприкладство.

Практика злоупотреблений в «иноверческой» среде не была из ряда вон выходящим явлением. Она была отражением служебной этики чиновничества империи в целом. Не случайно в начале XIX в., во времена управления Пестеля и Трескина, самовластие и злоупотребления царских чиновников в Сибири достигли чудовищных размеров. По словам биографа Пестеля П. Майкова, его управление Сибирью напоминало «управление проконсулов в римских провинциях и надолго оставило печать вредного влияния на страну». Любые поиски законности предавались анафеме и объявлялись «ябедой». «Трескин и закон были синонимы, более: был только Трескин, а законы были далеко, далеко!» — вспоминает современник. От «главных начальников края» в лихоимстве и грабеже подведомственного населения не отставали и другие представители бюрократической системы рангом ниже. Вот почему взоры реформаторов были направлены на переустройство всех звеньев местного управления от губернского до уездного и ниже.

В эти годы в Сибири были проведены реформы в управлении, которые связаны с возникновением областного управления и в Якутии. По указу от 22 апреля 1805 г. «О разделении Иркутской губернии на семь уездов, с присоединением города Охотска, а остающиеся уезды на комиссарства; о соединении Губернского Правления с Казенною палатою; об учреждении в городе Якутске гражданского правления, под именем Якутского областного правления...» бывший Якутский уезд получил особое административное управление в составе Иркутской губернии [ПСЗРИ, собр. 1, т. 28, с. 1001–1003]. Получение Якутией областного статуса шло в духе намеченных преобразований, приближая власть к местному населению через областных начальников и исправников, приходивших на смену бывшим комиссарам.

Указом от 23 мая 1803 г. власть вновь сосредоточилась в руках сибирского генерал-губернатора. Последующим указом от 11 августа 1803 г. число уездов в Тобольской и Иркутской губерниях было

уменьшено, а уезды — разделены на комиссарства. Путем слияния пяти учрежденных в 1783 г. уездов был образован Якутский уезд в составе семи комиссарств: Удского, Амгинского, Олёмминского, Оленского (Вилуйского), Жиганского, Зашиверского, Среднеколымского [Щеглов, 1883, с. 356; Приклонский, 1896, с. 88–89; Сафронов, 1978, с. 36]. Все эти годы происходил поиск приемлемой территориальной конфигурации. Здесь играли роль и обширность территории, и расселение этнических групп.

Следует особо отметить, что общероссийская тенденция разделения исполнительной и судебной власти реализовалась в условиях далекой Якутской области. Так, по указу от 22 апреля 1805 г. Якутское областное управление по части полиции и финансов подчинялось Иркутскому губернскому правлению, а судопроизводства — Сенату. Управление состояло из областного начальника — председателя, советника, двух ассессоров (утверждались Сенатом по представлению генерал-губернатора Сибири), заседателя от купечества и прокурора. Также была канцелярия в составе секретаря, протоколита, переводчика, регистратора, архивариуса. В составе казначейства имелись казначей, четыре присяжных из унтер-офицеров и канцелярских служителей. Также были землемер, писарь с двумя учениками, повивальная бабка. Судебные органы власти — стряпчий, земский суд, словесный суд — сохранили свое значение. В нижнем суде служили исправник, два заседателя от поселян и секретарь с канцеляристами [Сибирь..., 2007, с. 36]. Таким образом, устанавливался упрощенный вариант губернской формы управления. Это видно и на примере учреждения других административных институтов, которые были предусмотрены в управленческих структурах губерний и которые распространялись тем не менее и в Якутской области.

Так, по указу от 31 июля 1805 г. «Об определении медицинских чинов в Якутский уезд и о производстве им жалования» в Зашиверском, Олёмминском, Оленском (Вилуйском), Среднеколымском комиссарствах полагалось по одному лекарю и одному младшему лекарскому ученику, а в Амгинском, Жиганском, Удском — по одному старшему лекарю [ПСЗРИ, собр. 1, т. 28, с. 1146]. Первым главным медиком области был назначен Ф.Ф. Реслейн, инспектор Иркутской врачебной управы.

В 1803 г. с образованием Министерства народного просвещения империя была разделена на учебные округа. Якутская область, как и вся Сибирь, вошла в состав Казанского учебного округа [Щеглов, 1883, с. 374; Афанасьев, 1966, с. 114]. С этого момента начинает складываться сеть образовательных учреждений области под единым управлением.

Вскоре власти вернулись к разделению Якутской области на пять административных единиц, кото-

рое более соответствовало местной географии власти и продержалось более ста лет.

Три прежних комиссарства — Вилюйское, Олёминское, Среднеколымское — сохранились, вместо Зашиверского и Жиганского возникло Верхоянское. Ими управляли частные комиссары. Старинный город Зашиверск стал управляться Верхоянским острогом, Амгинское и Удское комиссарства вошли в состав Якутского округа. Периодически подчинявшиеся Якутску Витимская и Пеледуйская слободы были оставлены в составе Киренского уезда.

В комиссарствах управляли земские комиссары. В Якутске была создана особая администрация во главе с городничим, городской магистрат из двух бургомистров и четырех ратманов [Прутченко, 1899, с. 36–37; Казарян, 1998, с. 45]. Такой состав городского управления был обусловлен малолюдностью города, хотя и считавшегося фактически губерньским.

Первому областному начальнику, надворному советнику И.Г. Кардашевскому, вступившему в должность 19 ноября 1805 г., подчинялась Якутская казачья команда из 400 казаков [Архив ИВР РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 77. Л. 8]. И.Г. Кардашевский прослужил в этой должности с 1805 по 1816 г., до этого он исполнял обязанности городничего в Вилюйске, а затем в Якутске. Это был опытный администратор и один из организаторов областного управления в Якутии.

Сменивший И.Г. Кардашевского капитан 2-го ранга и кавалер М.И. Минацкий (1816–1821 гг.) ранее служил начальником Охотского порта [Сафонов, 1993, с. 18, 37–38]. Прежде чем возглавить область, он хорошо зарекомендовал себя на поприще организации военно-морских коммуникаций на охотском побережье. Своей безупречной службой он оставил о себе добрую память и в Якутии. Минацкий был в курсе всех дел вверенной ему в управление области. Помимо обеспечения поставок на морское побережье через Иркутский и Охотский тракты и обустройство последних он занимался и внутренними делами края, в том числе вопросами торговли и земледелия. Также по его инициативе для казаков Якутского полка была введена единая форма.

12.2. СИБИРСКАЯ РЕФОРМА ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА М.М. СПЕРАНСКОГО В ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Ревизия М.М. Сперанского 1819 г. и последовавшие за ней реформы 1822 г. являются одними из наиболее значимых фактов сибирской истории XIX в. Это признавали еще современники тех со-

бытий, отмечая, что в сибирской истории есть только два периода — от Ермака до Сперанского и от Сперанского до XX в. Вплоть до реформ 1822 г. в России отсутствовали «законы и учреждения», в которых бы учитывались особенности геополитического положения Сибири. Однако к началу XIX в. правительство постепенно пришло к выводу о том, что поскольку различия между губерниями Европейской и Азиатской России весьма существенны, то «никакое учреждение, для сих губерний изданное, не могло быть свойственно Сибири без значительных изъятий» [Прутченко, 1899, с. 23].

Отдаленность региона от центра империи, а следовательно, и от имперского «надзора» (типичной черты российской бюрократии того периода) являлась одной из важных причин, из-за которой постоянно возникали трудности в управлении восточными окраинами. В этом всегда состояла «особенность управления» краем. С одной стороны, необходимо было наделять представителей местной власти «особыми полномочиями», с другой — требовался особый контроль над местными правителями. Однако последние «не знали ответственности перед высшим правительством, отдаленным на многие тысячи верст», поэтому самоуправство, лихоимство и безнаказанность здесь стали «злом домашним».

Последствием этого явилось увеличивающееся с каждым днем количество жалоб и доносов из Сибири, которые становились «все важнее по содержанию, все разительнее по общему согласию в показаниях». Значительно сократились налоговые поступления в казну, что особенно беспокоило правительство. Поэтому в ноябре 1818 г. Комитет министров решил назначить нового сибирского генерал-губернатора и поручить ему «обозрев все части, произвести по жалобам законное изыскание и об открывшемся донести Государю». Кроме того, в Комитет была подана записка министра внутренних дел О.П. Козодавлева о необходимости изменить «начала управления Сибирью, дать ей новое учреждение» [Чтения..., 1859, кн. 3, с. 59–64; РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 152. Л. 168, 180–187].

Выполнение этой задачи указом от 22 марта 1819 г. поручалось М.М. Сперанскому, являвшемуся в то время пензенским губернатором. Новому правителю Сибирского края были посланы в Пензу два собственноручных письма Александра I и указ о его назначении, датированные одним числом. В письмах император сообщал, что до него доходят «самые неприятные известия насчет управления Сибирским краем» и различные жалобы на губернское начальство, после рассмотрения которых в Комитете министров было решено провести ревизию сибирских губерний.

Из рескрипта о новом назначении Сперанского следовало: главная его задача заключается в том, чтобы «сообразить на месте полезнейшее устройство и управление сего отдаленного края, и, сделав оному начертание на бумаге, по окончании занятий САМИМ привести в Петербург». Сперанский не был рад новому назначению и дочери Елизавете писал о нем как «о новом ударе буйного ветра, который вновь нас разлучает по крайней мере на год». Однако Сперанский понимал, что именно это назначение ускорит достижение конечной цели — возвращение в Петербург, хотя для этого ему придется идти «путем длинным и вместо 1500 верст... сделать 12 000». Поэтому он выехал в Сибирь и 24 мая 1819 г. прибыл в Тобольск, где спустя три дня, 27 мая, официально объявил о своем вступлении в должность генерал-губернатора.

Первое, что должен был сделать Сперанский по приезде в Сибирь, — провести ревизию этого края. Однако по сравнению с другими задачами, возложенными на реформатора, ревизия не являлась особенно важной, и сам Сперанский с государственной точки зрения не придавал ей исключительного значения. Тем не менее ревизия довольно ярко характеризовала то положение дел, которое Сперанский застал в Сибири¹⁸.

Прежде чем приступить к обозрению края, генерал-губернатор заверил жителей, что жалобы на местное начальство не составляют преступления и что есть наконец «возможность их приносить». По словам Сперанского, в Тобольске были «жалобы и злоупотребления почти обыкновенные и всем губерниям общие». В этом городе к числу лиц, сопровождавших генерал-губернатора, присоединился Г.С. Батеньков, 26-летний уроженец Тобольска, участник военной кампании 1812–1815 гг., по завершении которой он пришел в корпус инженеров путей сообщения с назначением на службу в Сибирь. Сперанскому для реализации его «проектов по устройству сообщений» данного края был необходим знающий инженер. К тому же несомненный талант и творческие идеи Батенькова так привлекли генерал-губернатора, что он не только взял его в Томск и Иркутск, но по завершении своей миссии в Сибири — и в Петербург.

В Тобольске ревизия выявила не слишком серьезные нарушения, в Томске же наблюдалась иная картина: «...злоупотребления были вопиющие, и по глупости губернатора Илличевского, и по жадности жены его, по строптивому корыстолюбию брата его, губернского почтмейстера, весьма худо прикрытые». Если в Тобольске виновных следовало отдать под

суд, то здесь «оставалось бы уже всех повесить» [Русский архив, 1869, с. 1979].

Однако настоящим гнездом злоупотреблений являлась Иркутская губерния, границ которой Сперанский достиг 14 августа, а 29 августа, накануне Александра дня, прибыл в Иркутск. К приезду нового генерал-губернатора город готовился как никогда. Иркутянам надолго запомнилась встреча. Основные сооружения города, Кафедральный собор, Триумфальные ворота, и главные улицы, Большая и Заморская, были буквально залиты огнями. На переправе через Ангару гремел оркестр, а среди огромного стечения народа выделялись губернатор Трескин с чиновниками в парадных мундирах и орденах. В дневнике Сперанский так описал впечатления об Иркутске: «Вид освещенного города из-за реки был великолепен».

4 сентября 1819 г. Сперанский собрал общее присутствие губернского правления и палат и сообщил им о намерении приступить к ревизии Иркутской губернии на основании сенаторской инструкции. Ревизионная деятельность чрезвычайно тяготила Сперанского, который «не мог ей сочувствовать ни по личному своему характеру, ни по прежнему роду занятий». Действительно, реформатору приходилось заниматься тем, чем раньше он не занимался, а именно: «разыскивать, преследовать, обличать, ловить преступления». Поэтому очевидно, что Сперанский «устал жить в непрестанных ябедах, следствиях и обвинениях».

Проводимая ревизия была более совестливой, нежели формальной, так как Сперанский не мог подходить к этому делу с позиций черствого формализма. Он видел, что злоупотребления, кажущиеся большими с точки зрения закона, в сущности не являлись таковыми. В одном из писем к Столыпину Сперанский отмечал, что закон, одинаково карающий и начальника, и подчиненного — одного за тысячные взятки, другого за рублевые, — «здесь не может быть приложен без явной несправедливости». Поэтому, за исключением «самых вопиющих и решительных случаев», Сперанский не отдавал обвиняемых под суд (всех обвиняемых предать суду было бы «просто невозможно»), а ограничивался отстранением их от должности.

Эти слова отражают характер ревизии, основной целью которой было не только раскрытие злоупотреблений, но и проведение преобразований в крае. Кроме того, Сперанский отчетливо понимал, что здесь «дело не во второстепенных и третьестепенных исполнителях... а в главном виновнике, это прежде всего, а потом — и здесь суть дела — во всем строе сибирского управления» [Прутченко, 1899, с. 24]. Общим следствием было «лихоимство в разных его видах». Число заведенных следственных дел достигло 74, сумма взысканий по ним

¹⁸ О назначении М.М. Сперанского сибирским генерал-губернатором и проведенной им ревизии подробнее см. [М.М. Сперанский..., 2003, с. 128–161 и др.].

составила 2 млн 874 тыс. руб. «Все то, что о здешних делах говорили в Петербурге, не только есть истина, но — и это редко бывает — истина не увеличенная», — писал Сперанский Голицыну. Злоупотребления были столь велики, что, по мнению генерал-губернатора, «всякий другой край, менее обильный, был бы подавлен ими совершенно». Взятничество чинов было «почти всеобщим». По завершении ревизии 2 губернатора и 48 чиновников были отданы под суд, а всего «обвиняемых по всем следствиям» насчитывалось 680 чел. Сперанский вернулся в Петербург, где указом царя для рассмотрения результатов ревизии и проектов реформ 28 июля 1821 г. был образован Сибирский комитет. В Комитете следовало сосредоточить все сведения о Сибири, имеющиеся в распоряжении правительства.

«Обязанности Комитета должны быть следующие:

1. Подробное рассмотрение общего и частных предложений по предмету устройств Сибирского края.
2. Постепенное введение оных в действие по мере соображения и утверждения начертанных и приличных к тому правил.
3. Рассмотрение новых мер, от имени Управления предоставляемых.
4. Разрешение затруднений, которые может встретить местное Управление при введении новых положений и руководство оною в высшем отношении на Основании принятых начал». В состав Комитета вошли высшие сановники империи: председатель — министр внутренних дел граф В.П. Кочубей, министр финансов граф Д.А. Гурьев, граф А.А. Аракчеев (с 1810 г. — председатель департамента военных дел в Госсовете), генерал-фельдмаршал князь А.И. Голицын и, конечно же, сам Сперанский. Г.С. Батеньков был назначен управляющим делами в Комитете. В него входил также государственный контролер барон Кампенгаузен.

Важнейшими законодательными актами, разработанными М.М. Сперанским и принятыми Первым Сибирским комитетом, стали «Учреждение для управления сибирских губерний» и «Устав об управлении инородцев». По реформе Сперанского Сибирь была разделена на два генерал-губернаторства. Западно-Сибирское генерал-губернаторство с центром в Тобольске составляли Тобольская, Томская губернии и Омская область, а Восточно-Сибирское, центром которого стал Иркутск, — Иркутская и Енисейская губернии, Якутская область, Охотское и Камчатское приморские управления и Троицко-Савское пограничное управление. В соответствии с «Сибирским учреждением» губернии и области разделялись на округа, а те, в свою очередь, на волости и инородные управы. С 1822 г. и вплоть до конца XIX в. организация степного управления у якутов строилась на основе «Устава об управлении инородцев». Это один из важней-

ших памятников законодательной деятельности империи в Сибири, разработанный на основе учета геополитических, этнических и иных особенностей Азиатской России. «Устав...» свидетельствует об известной гибкости правительственного курса, понимании им особой роли государства и его институтов в организации жизни подвластного населения, дает возможность понять правительственный взгляд на коренное население Сибири, определить ту роль, которую отводила империя народам края в социально-экономическом развитии восточных окраин государства. «Устав...» 1822 г. явился самым широким законодательным актом правительства по отношению к народам Сибири. Он действовал вплоть до начала XX в., регламентируя все стороны жизни коренного населения: экономическую, административную, судебно-правовую и культурно-бытовую.

В соответствии с «Уставом...» коренное население Сибири делилось на три разряда: оседлых, кочевых и бродячих. В основу деления был положен принцип хозяйственного развития. Поразрядная система обуславливала и гражданское состояние аборигенов, причем оседлые инородцы приравнялись к сословию государственных крестьян во всех правах и обязанностях, кроме рекрутской.

Кочевые приравнялись к крестьянам в налоговом отношении, но сохраняли самостоятельность в управлении и суде. На «бродячих жителей» распространялись правила, «для кочующих постановленные». Допускались лишь незначительные исключения из этих правил.

Конечной целью поразрядной системы был переход бродячих и кочевых жителей в категорию оседлых. Это отражало финансовые интересы империи, так как подобный перевод сопровождался возведением аборигенов в более высокий податной оклад государственных крестьян. Наряду с этим поразрядная система преследовала цели русификации. Однако нельзя не отметить, что «приравнение» народов Сибири к русскому населению имело и прогрессивное значение. Постепенный переход бродячих и кочевых племен в оседлые был основан на успехах в хлебопашестве, а распространение земледелия в хозяйстве коренного населения уже само по себе было положительным явлением.

Законодательство 1822 г. предусматривало обязательное наделение землей инородцев всех разрядов как подданных государства. Организацию управления народами Сибири авторы «Устава...» стремились построить на основе учета некоторых национальных особенностей нерусского населения края. Органы самоуправления кочевых народов делились на три ступени: низшая — родовое управление, средняя — инородная управа, высшая — степная дума. Должностные лица в состав инород-

ческого управления избирались на общем собрании, к участию в котором допускались все члены общины.

Хозяйственная деятельность управления касалась прежде всего сбора налогов и податей. Судебные функции состояли в разборе незначительных гражданских дел. Суд и расправа производились на основе законов обычного права, кодификация которого предусматривалась «Уставом...». Политические и криминальные дела подлежали разбирательству русскими чинами.

«Устав...» сохранял почетные звания кочевников: «Звания наследственные остаются наследственными, звание избирательное остается избирательным». Принцип наследственности допускался и при замещении должностных лиц на выборах. В случае отсутствия прямого наследника разрешалось избрание ближайшего родственника.

Сохраняя таким образом патриархально-феодальные отношения, «Устав...» в ряде случаев отходил от принципа наследственности, давал определенную свободу выборному началу.

Правительство в своей политике по отношению к народам Сибири по-прежнему опиралось на феодальную верхушку инородческого общества. Предоставляя «почетным инородцам» различные льготы и привилегии, царское правительство стремилось заручиться их поддержкой. Указом Сибирского комитета от 1 ноября 1832 г. инородцы, пользующиеся правами личного дворянства, и их дети освобождались от уплаты ясака. В целом «Устав...» ослаблял патриархально-феодальные отношения, но не уничтожал их.

«Устав...» предусматривал ряд протекционистских мер по отношению к торговле. Вводился принцип свободной частной торговли с сибирскими инородцами. Свободная торговля разрешалась не только на сугланах и ярмарках, но и в русских городах и селениях. В целях пресечения различного рода злоупотреблений запрещалась торговля чиновников с коренным населением.

Правительство понимало, что без успешного развития торговли в условиях упадка значения пушного промысла бездоимочное взимание податей и повинностей с населения края становится невозможным. Поэтому в «Уставе...» делалась попытка, не изменяя патриархально-феодальной основы инородческого общества, учесть те буржуазные тенденции, которые уже обозначились в первой четверти XIX в.

Стремясь поднять платежеспособность инородцев, Сперанский попытался на основе поощрения буржуазных начал построить налоговое обложение аборигенов. Тем самым делалась попытка оградить их от злоупотреблений со стороны чиновников, столь обычных при приеме в ясак «мягкой рухля-

ди». В «Уставе...» отмечалось, что «казенные комиссионеры... на ярмарках инородцев выдерживают цены наравне с прочими покупателями». Наряду с денежными взносами разрешалось сдавать ясак пушшиной, которая при оценке делилась на два сорта: «обыкновенную» и «дорогую».

«Устав...» регламентировал государственные, земские, уездные и частные сборы. Подчеркивая самобытность народов Сибири, автор «Устава...» оговорился, что «никакой новый общий по государству налог не распространяется на сибирских кочующих и бродячих инородцев, если о том именно не будет предписано».

Приравнивая кочевых «инородцев» в гражданских правах к крестьянскому сословию, «Устав...» сближал их и в налоговом обложении. «Кочующие инородцы участвуют в общих по губернии повинностях», — гласил документ. Кроме того, они должны были содержать за свой счет и родовое управление.

Подробное исчисление всех сборов составлялось гражданским губернатором или областным начальником и утверждалось генерал-губернатором. Сборы на содержание родового управления производились на основании общественных приговоров, а на земские повинности — на основании особого положения, выработанного «местным главным управлением». Для точного учета всех сборов вводились специальные «шнуровые книги», хранившиеся в земском суде.

Специальная глава «Устава...» была посвящена взысканию недоимок, но и тут реформатор стремился ограничить вмешательство администрации. Недоимки надлежало взыскивать «не иначе как на ярмарках и сутанах». Традиционное выколачивание недоимок заменялось такими мерами, как «настоятельное убеждение», задержание старосты или его сына, ближайшего родственника, задержание части пушнины, предназначенной для продажи.

Ряд статей был посвящен вопросам культурно-бытовой жизни народов Сибири. В вопросах религии «Устав...» стоял на позициях веротерпимости. Реформатор отрицал насильственное крещение как способ распространения христианства. «Земское начальство обязано не допускать стеснения инородцев под предлогом обращения в христианскую веру», — говорилось в «Уставе...». Некрещеные «инородцы» получали «свободу отправлять богослужение по их закону и обрядам». Вместе с тем «Устав...» подчинил «иноверческое духовенство... местной полиции наравне с прочими инородцами». Принятие христианства расценивалось как положительное явление, но при этом «Устав...» не наделял никакими привилегиями крестившихся инородцев. Уже позднее, в 1832 г., последовало предписание Сибирского комитета «О сложении ясака на три года с инородцев, вступающих в христианскую веру».

Устав предоставлял ясачным право отдавать детей в правительственные учебные заведения и открывать свои училища. Школа, полностью подконтрольная государству, рассматривалась как важный составной элемент политики русификации нерусского населения. Однако в подобных действиях правительства нельзя не видеть и известный социокультурный аспект, связанный с приобщением народов Сибири к грамотности и русской культуре в целом. Таковы основные положения «Устава об управлении инородцев» 1822 г. в области хозяйственной, административной, судебной и культурно-бытовой [Прутченко, 1899].

В итоге отметим, что разработанный М.М. Сперанским «Устав об управлении инородцев» стал первым в России сводом комплексного регионального законодательства, разработанного для одного из самых обширных регионов империи. Он появился в то время, когда в России, за исключением ее западных окраин, действовали общие для империи юридические нормы, регламентирующие права и обязанности населения и рассеянные в бесчисленном множестве указов.

Устав имел ряд недостатков, на что в ходе его реализации не раз указывали сибирские чиновники различного ранга. Тем не менее этот закон вплоть до конца XIX в. закрепил основные принципы административной, финансовой, национальной государственной политики применительно к сибирским аборигенам. Он стал первым в империи опытом разработки и принятия свода законов, основанного на национальных традициях и особенностях народов Азиатской России.

Историко-типологические модели интеграции окраинных территорий в состав Российской империи формировались и развивались на протяжении всего периода существования государства и отличались существенным разнообразием. В основе дифференцированного подхода правительства к окраинам и народам Европейской и Азиатской России лежали особенности геополитического положения конкретного региона, природно-климатические условия, этнический и религиозный факторы, сословный состав населения и др. На востоке империи процесс властного освоения новых территорий, имевший место в XVII в., претерпел существенные изменения. На смену военно-мобилизационным пришли политико-административные и экономические методы. Вновь присоединенные территории правительство теперь стало рассматривать не только как плацдарм для дальнейшего расширения границ государства на восток, но и как важный источник поступления в казну ценной сибирской пушнины. Именно финансовые соображения предопределили позиции центральной власти в вопросах землепользования бурят. Уже первые прави-

ТЕЛЬСТВЕННЫЕ указы требовали не допускать столкновения колонистов и «иноверцев» из-за земли. В XVII в. для московских Романовых Сибирь была неисчерпаемым источником ценной «мягкой рухляди». Правительственные указы требовали взимать ясак исключительно мехами. Однако к началу XVIII в. правильность такой политики оказалась под сомнением. С одной стороны, соболь был почти повсеместно выбит и у многих «иноверцев» охота стала превращаться в подсобное занятие. С другой — интенсивный приток русского населения, потребности в развитии надежной продовольственной базы на востоке заставили правительство взглянуть на бурят не только как на плательщиков ясака, но и как на потенциальных хлебопашцев. Правда, до конца XVIII в. поощрительные меры к занятию земледелием чередовались с попытками побудить бурят к занятию пушным промыслом. В XIX в. попытки обеспечить приоритет звероловства над хлебопашеством были уже нежизненными, тем более что развитие в Сибири горной промышленности, начало массовой золотодобычи, рост численности городов и русского населения в целом порождали всевозрастающий спрос на продукты земледелия. Экономические потребности, влияние русской деревни, мероприятия администрации послужили толчком к развитию пашенного земледелия у народов Сибири и, как результат, возрастанию оседлости. В хозяйственном отношении возникновение земледелия и возрастание оседлости у аборигенов стали важнейшими результатами прихода русских в Сибирь.

Согласно «Учреждению для управления сибирских губерний» от 22 июля 1822 г. [ПСЗРИ, собр. 2, т. 38, с. 342–394], Якутская область получила статус «особенного образования» между губернией и округом [Сафронов, 1978, с. 41]. Действительно, «областные учреждения являлись, по сути, приспособлением губернского управления к местным условиям» [Сибирь..., 2007, с. 92]. И пример Якутской области ярко это демонстрирует.

В этот период областное управление установилось, например, в Омской и Якутской областях, но между ними были существенные различия. В Омской области в составе областного управления были: областной начальник, областной совет (из председателей частных областных управлений), областное правление (исполнительная и казенная экспедиции), областной суд, областной прокурор. В совете также заседали казачий атаман, командир инженерных войск и обер-аудитор.

В Якутской же области в состав областного управления входили: областной начальник, областное правление (три советника, канцелярия и архив), медицинская и землемерная части и стряпчий [Там же].

Действительно, управленческий аппарат в Якутской области был несколько увеличен. Областные начальники возглавляли областное правление в составе терх советников, в том числе старшего. Имелась канцелярия в составе секретаря, четырех столоначальников с четырьмя помощниками, журналиста и двух переводчиков. Были также архив с архивариусом и писцом, областной стряпчий, областной землемер с младшим землемером, областной медицинский инспектор, лекарь с двумя учениками [Сафронов, 1978, с. 41–42]. Очевидно, что как по численности населения, так и по геополитическому положению в тот период Омская область была более близка к статусу губернии.

Внутреннее территориальное деление Якутской области практически подтверждает вышеизложенный тезис.

Нижний уровень управления в губерниях и областях был представлен округами, причем они делились на многолюдные, средние и малолюдные.

В Якутской области округа были отнесены в основном к третьей категории, где управление ограничивалось исправником, секретарем, окружным лекарем с учеником. Лишь Якутский округ был более людной, и в составе его управления были окружное частное управление, земский суд (исправник, три заседателя, в канцелярии — секретарь, два столоначальника, журналист, переводчик, архивариус), окружное казначейство (казначей, бухгалтер, шесть присяжных), землемерная часть (окружной землемер, два чертежника), окружной суд (судья, два заместителя, канцелярия с секретарем, двумя столоначальниками, журналистом и архивариусом, окружной лекарь, два ученика,

повивальная бабка) [Там же]. При большей людности и пограничном положении Омской области в Якутии организация местного управления была проще.

Авторы проекта М.М. Сперанский и Г.С. Батеньков полагали, что для успешности проведения преобразований на местах туда должны быть направлены либерально настроенные администраторы, которые бы способствовали проведению в жизнь законоположений реформы. Для Якутской области таким человеком стал областной начальник, статский советник Н.И. Мягков (1826–1831 гг.). При его назначении были приняты во внимание опыт службы в Морском департаменте, когда он осуществлял организацию подрядов и поставок в порты Белого моря и на Балтике. В этот период вновь повысилось значение северных поставок в порты Дальнего Востока. Также ему было поручено реализовать Сибирскую реформу в Якутской области.

Прежде всего это касалось территориально-административной структуры. В течение 1826–1829 гг. под его руководством составлялись особые «Правила», регулировавшие административную структуру области. Эти мероприятия проводились им при помощи группы чиновников и его единомышленников — братьев Булатовых и А.Я. Уваровского, которых Мягков привез с собой из Иркутска. Также ему пришлось сместить некоторых консервативно настроенных чиновников Якутского земского суда. Интерес представляет тот факт, что при реорганизации инородческого самоуправления Мягков опирался на представителей якутской элиты. Это был один из первых исторических опытов подобного сотрудничества.

ГЛАВА 13

ОСОБЕННОСТИ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ¹⁹

К началу столетия численность населения Якутии преодолела 200-тысячный рубеж, так как по пятой ревизии (1795 г.) в уезде насчитывалось 119 343 ревизские души [Игнатьева, 1994, с. 16].¹⁹ В этот период по-прежнему два фактора, а именно климат и эпидемии, еще значительно сказывались на демографическом развитии края. Так, начало столетия ознаменовалось стихийными бедствиями, которые вызвали голод, особенно среди малочисленных народов Севера. В 1806–1807 гг. сильный паводок на р. Лене привел к таким катастрофическим последствиям, что Сенат специально рассматривал вопрос об оказании помощи пострадавшему населению

Якутии. В 1808 г. отмечена очередная вспышка оспы, вызвавшая заметную смертность, например, у якутов.

Есть документы, отражающие одну из первых тяжелых ситуаций из-за нехватки пищи среди юкагиров в 1810 г. Сохранилось обращение князев верхнеколымских юкагиров Николая Трифонова (Нартенный род) и Михаила Никифорова (Ушканский род), в котором они просят о «вспоможении» по случаю голода, начавшегося после «чрезвычайного наводнения на Колыме и впадающих в нее реках». Положение усугубилось резким сокращением миграций диких зверей и исчезновением лосей. Данная ситуация повторилась в верховьях Колымы и в последующие два года. Еще более тяжелое положение было в низовьях Колымы: с 1812 по 1820 г.

¹⁹ При написании главы использованы данные, опубликованные в статье [Борисов, 2016, с. 23–28].

ежегодно случался голод из-за отсутствия зверя. В довершение всего в 1821–1822 гг. исчезла рыба, ситуация повторилась в 1850–1854 гг. [Борисов, Шадрин, 2012, с. 9–10].

В 1813 г. заразная болезнь и погода стали причиной гибели по области 1015 лошадей, 896 голов крупного рогатого скота. В 1814 и 1821 гг. был зафиксирован голод у ламутов и якутов Эльгетского улуса из-за недостаточного количества рыбы и неудачного охотничьего промысла.

В целом первая половина столетия была засушливой. В 1820–1840-х годах якуты Якутского округа, испытывая последствия неурожайных лет, вынуждены были часто откочевывать к поймам рек, и правительство оказывало им помощь через возникшую сеть запасных магазинов.

В этот период заметно выросли подушные подати, размер которых стал сопоставим с ясачными выплатами. Также увеличились общественные расходы на ремонт дорог, сопровождение и поимку беглых ссыльных и иные цели [Левенталь, 1929, с. 301; История..., 1957, с. 154–155]. Несмотря на подобные неблагоприятные факторы, в Якутии отмечается неуклонный рост населения, особенно якутов.

По данным VI ревизии (1811 г.), численность податного якутского населения составила 56 774 чел., седьмой (1815 г.) — 76 918. Здесь следует учесть, что в число ясачных плательщиков записывали, за исключением детей, увечных и пожилых людей, только представителей мужского пола. Но и по имеющимся данным заметный рост якутов налицо.

Второй ясачной комиссией в 1828–1830 гг. в Якутском округе было учтено 47 210 чел. мужского пола, в Вилюйском — 19 289, в Олёкминском — 4194, в Верхоянском — 4407, в Колымском — 1199 чел. мужского пола, всего по области количество якутов мужчин всех возрастов составило 76 299 чел. [Башарин, 1956, с. 247].

Параллельно с ревизскими сказками производился церковный учет населения, в основном отражавший количество крещеных и некрещеных среди коренного населения. В 1828 г. в Якутии некрещеных осталось всего 606 мужчин и 602 женщины. А крещеные составляли: в Якутском округе — якутов 46 752 мужчины и 47 637 женщин, тунгусов 1596 мужчин и 1063 женщины; в Олёкминском округе — якутов 4009 и 4000, тунгусов 780 и 650; в Вилюйском округе — якутов 15 759 и 15 730, тунгусов 1593 и 1370; в Верхоянском округе — якутов 4616 и 4439, тунгусов 460 и 443; в Колымском округе — якутов 1051 и 1062; тунгусов 1148 и 1167 соответственно. Всего крещеных якутов было 145 055 чел. обоего пола, тунгусов — 10 870 чел. обоего пола [Шишигин, 1991, с. 72]. Однако в четырех последних округах количество некрещеных

якутов и тунгусов, видимо, из-за отсутствия статистических данных не указано.

Как мы видим, материалы ревизских сказок в первой трети XIX в., церковного учета прихожан и переписи якутского населения, проведенной во время деятельности Второй ясачной комиссии, имеют некоторые расхождения, но в целом подтверждают отмеченную выше тенденцию. Общую численность якутского населения этого периода можно определить примерно в 150–160 тыс. чел. обоего пола.

13.1. ЯКУТЫ: ПЕРЕХОД К ДЕМОГРАФИЧЕСКОМУ КРИЗИСУ

Вначале обратимся к доминировавшему в регионе этносу — якутам. По данным С.К. Патканова, в 1812–1839 гг. ежегодный прирост якутов составлял 12,3 %, в 1839–1859 гг. — 11,7 %, а в 1859–1897 гг. — 3 % [Патканов, 1911, с. 50–51, 53]. Разницу в коэффициентах прироста Патканов объясняет неполнотой данных и эмиграцией якутов за пределы Якутии, особенно в Иркутскую губернию. Например, он приводит цифру для 1897 г. в 3110 чел., включая Амурскую и Приморскую области и остров Сахалин [Там же, с. 51–52]. Как мы видим, в период с 1812 по 1859 г. сравнительно высокие темпы прироста численности якутов сохранялись, но затем наметился спад.

По различным данным, в период 1828–1859 гг. якутское население по округам области распределялось следующим образом (табл. 1).

В Якутском округе видно замедление темпов прироста якутского населения: за 31 год с 1828 г. оно увеличилось с 95 383 до 121 171 чел., а потом за 20 лет увеличилось всего до 121 993 чел. В Олёкминском округе вначале наблюдается увеличение с 7889 до 8595 чел., а потом уменьшение до 8307 чел. В трех других округах отмечается положительная динамика.

Следует сказать, что в изучаемый период несколько ужесточился порядок в отношении отлучек сибирских инородцев. В 1856–1859 гг. в Совете

Таблица 1. Динамика численности якутов*

Округ	1828 г.	1859 г.
Якутский	95 383	121 171
Олёкминский	7889	8595
Вилюйский	38 353	50 560
Верхоянский	8821	10 122
Колымский	2445	3147
Итого по области	152 891	193 595

* Составлено по [Статистические сведения..., 1879, табл. 23 «Ведомость о числе русского и инородческого населения в округах Якутской области, с подразделением первого на городское и сельское, а второго — на улусы, наслеги и проч.»; Памятная книжка..., 1864, с. 61–72; Башарин, 2003, т. 2, с. 483–491].

Главного управления Восточной Сибири был признан неудобным и стеснительным прежний порядок, когда старшины давали словесное разрешение на отлучку инородцев из своих кочевий на длительное время и на большие расстояния, так как часто случались злоупотребления. Было решено установить новый порядок отлучек на основе билетов (паспортов) на специальных бланках, которые выдавались бы степными думами и инородными управами [РГИА. Ф. 383. Оп. 19. Д. 25491. Л. 1–64].

Поэтому снижение темпов прироста якутов объясняется иными причинами, а именно тем, что происходит определенный демографический кризис²⁰. По-видимому, наиболее сильно он проявился в Якутском и Олёкминском округах, в других же округах якутское население продолжало увеличиваться и активно ассимилировало окружавших их представителей малочисленных народов Севера и живших среди них русских.

13.2. РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ: КОЛЕБАНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ

После стремительного наплыва русских землепроходцев в XVII в., например, в 40-х годах только торговых и промышленных людей насчитывалось до 2,5–3,5 тыс. чел. [Воробьев, 1975, с. 21], постепенно происходит некоторое уменьшение и стабилизация их численности.

К началу XVIII в. численность русских зафиксировалась на отметке 4,2 тыс. чел., тогда как коренных жителей было 39,9 тыс. чел. Из них 0,2 тыс. крестьян, 1,3–1,5 тыс. казаков, 0,1 тыс. посадских, что составляло 10–15 % удельного веса народонаселения края [Воробьев, 1975, с. 37²¹]. В 1795 г. из 56,5 тыс. ревизских душ русских было 1,4 тыс. (2,5 % удельного веса) [Там же, с. 90, 102²²].

В 1860 г. из 225,3 тыс. чел. общей численности населения русских было 29,9 тыс., в том числе 5,2 тыс. крестьян, или 2,3 % общей численности населения и 17,4 % общей численности русских [Кожухов, 1967, с. 66; Воробьев, 1975, с. 91]. Если эта цифра верна, то в данный период удельный вес русского населения был равен 13,3 %. Судя по всему, это завышенные данные. Более достоверны данные В.В. Воробьева: 10,4 тыс. русских из 222,5 тыс. чел. всего населения области, что дает всего лишь 4,6 % [Воробьев, 1975, с. 103]. Здесь цитируемый автор ссылается на обработку данных из других источников [Статистические таблицы...,

1863, вып. 2; Башарин, 1956]. В «Памятной книжке Якутской области за 1863 г.» показано 10 434 чел. разных сословий и еще в числе не принадлежащих к какому-либо сословию указано 2058 чел. [Памятная книжка..., 1864, с. 34–35], по-видимому, это были ссыльные. Если их суммировать, то получится 12 492 чел., или 5,6 % общей численности населения области. В чем причина подобных разночтений, пока сказать трудно.

Если рассмотреть по местам расселения, то помимо городов (Якутска, Вилюйска, Олёкминска, Верхоянска, Среднеколымска) русские проживали во всех пяти округах области (Амгинская слобода, деревни у г. Олёкминска, объединенные в особую волость, деревни на р. Вилюй, поселения старожилов Верхоянского и Колымского округов и др.) и на притрактовых станциях (Иркутский, Охотский, Аянский тракты). Всего русских поселений в Якутии в середине века было 53, в каждом из которых проживало около 70 чел. [Гагемейстер, 1854, с. 119; Воробьев, 1975, с. 93].

13.3. ГОРОД ЯКУТСК: ИЗМЕНЕНИЯ В СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ

Рассмотрим население уездного центра. К 1719 г. здесь жило до 2 тыс. чел., из которых иноверцы насчитывали 74 чел., а в 1780-х годах — 2,5 тыс. чел. [Сафронов, 1978, с. 182, 184]. В последующие десятилетия, по данным Сафронова, город рос слабо и в начале 1820-х годов якутян стало 2626 чел., а в 1854 г. — 2805 чел. [Там же, с. 184–185]. По его же данным, приведенным в более ранней работе [Сафронов, 1957], в г. Якутске в 1823 г. было 4200 жителей. Причем, как отметили специалисты, если раньше среди городского населения преобладали служилые люди, то теперь стало больше посадских — разночинцев (2172 чел.) и мещан (783 чел.). На третьем месте по численности стояли дворяне и чиновники в отставке — 670 чел. Военных (казаков) было всего 241 чел., чиновников — 123 чел., духовенства — 95 чел., дворовых — 59 чел., купцов — 43 чел. и якутов — только 14 чел. [Там же, с. 55] (рис. 1).

По данным X ревизии состав населения г. Якутска выглядел уже следующим образом (рис. 2).

Общее число жителей достигло 5653 чел. Это был довольно заметный рост, и достигнут он был за счет якутского населения. Оно за 35 лет увеличилось с 14 до 2081 чел. Число некоторых других категорий населения также увеличилось: мещан до 1032 чел., казаков до 667, духовенства до 156, купцов до 96 чел. Но следует отметить, что русское население города уменьшилось на 618 чел. Посмотрим, за счет кого. Число дворян, очевидно, уменьшилось ненамного, так как их отмечено 429 чел. Зато преобладавшие ранее разночинцы не упомя-

²⁰ Наши соображения на этот счет изложены в работе [Борисов, 2011, с. 8–15].

²¹ На с. 101 говорится о 9,5 %.

²² Со ссылкой на [Статистическое обозрение..., 1810, с. 289–354].

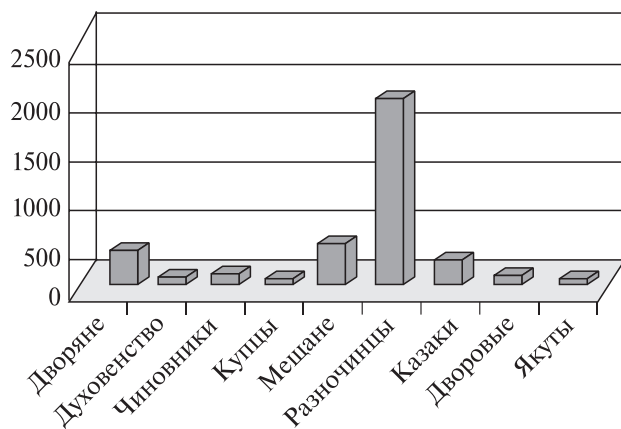


Рис. 1. Население г. Якутска в 1823 г.

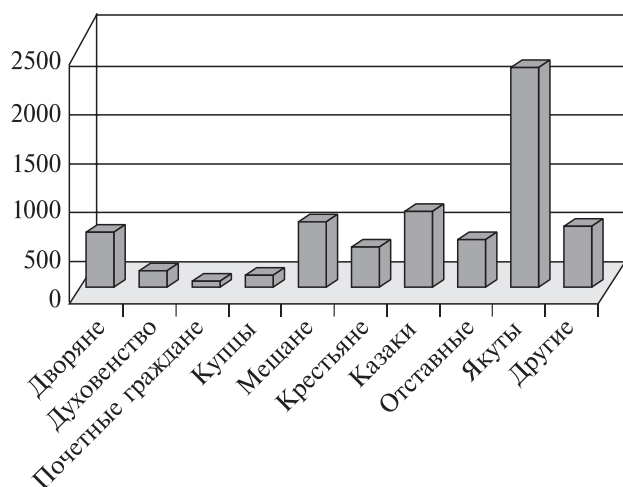


Рис. 2. Население г. Якутска в 1858 г.

нуты вообще. По-видимому, их надо искать в числе 296 крестьян или 523 чел., попавших в категорию «другие». Кроме того, в 1858 г. говорится о 358 «отставных» и 15 «почетных граждан», которых затруднительно соотнести с какими-либо категориями из предыдущего состава населения города. Сложно решить, в какую категорию были отнесены 123 чиновника, отмеченные в 1823 г., и куда попали отставные чиновники, названные вместе с дворянами в общем количестве 670 чел., а также показанные ранее 59 «дворовых». Таким образом, город заметно изменился по своему составу. Если раньше в нем жило только русское население, то теперь якуты становятся горожанами, а среди русских появилось больше мещан. Другими словами, возникла еще одна локальная группа якутов — городских жителей, которых уже не учитывали в переписях по округам.

Обращают на себя внимание не только названные сложности, но и противоречия в приводимых

общих фактах. Так, Сафронов подверг сомнению данные «Памятной книжки...» (5649 чел.) как преувеличенные из-за погрешностей официального учета [Сафронов, 1978, с. 185]. Отметим также, что А.А. Калашников, правда, без ссылки на источники, пишет о 2698 жителях Якутска в 1806 г. и далее приводит те же цифры, что и Сафронов для 1823 г., а в 1825 г. говорится уже о 2458 чел. [Якутия. Хроника..., 2000, с. 126, 140, 144]. По-видимому, необходимо вновь вернуться к проблеме, попытаться выяснить причину разночтений и определить, какова же была реальная численность населения г. Якутска в рассматриваемый период.

13.4. РУССКИЕ АНКЛАВЫ

Рассмотрим другие русские анклав. Мы составили сводную таблицу по итогам X ревизии, хотя они недостаточно полны (табл. 2).

На Вилюке в середине столетия, по данным Е.Н. Федоровой, в Нюрбинском крестьянском обществе было 250 крестьян, живших в 57 дворах [1998, с. 25; НА РС (Я). Ф. 8-и. Оп. 1. Д. 42. Л. 47]. Р.К. Маак писал о том, что в 57 дворах русской деревни в местности Коча зарегистрировано 150 мужчин и 132 женщины, итого 282 чел. [1886, с. 27, 36]. Надо полагать, Маак использовал более поздние сведения. Кроме того, здесь сложности с определением точного количества русского населения, по-видимому, связаны с дисперсным расселением крестьян, которые упорно, несмотря на старания местных властей, продолжали жить среди якутов в улусах, вероятно, смешиваясь с ними. Так обстоит дело, например, с определением численности Сунтарского селения. По данным областного начальника Н.И. Мягкова, в 1827 г. в Вилюйском

Таблица 2. Русское население Якутской области по данным X ревизии*

Населенные пункты	Чел.
15 станций по Иркутскому тракту (Якутский округ)	1086
Амгинская слобода	774
Аянский тракт	598
Нюрбинское крестьянское селение	290
Олёкминская волость	1811
Мещанские селения Верхоянского округа (Ожогинское, Эрге, Русское Устье, Станчик, Осениново)	398
Усть-Оленское	62
Усть-Янское	66
Якутск	3568
Олёкминск	255
Вилюйск	275
Верхоянск	101
Среднеколымск	414
Итого...	9698

* Составлено по [Памятная книжка..., 1864, с. 61–72].

округе рассеянно жило 112 душ русских крестьян, и он предлагал их собрать в одну деревню у Сунтарской церкви [РГАДА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5213. Л. 5об.]. В местности Сунтар еще с XVII в. жила немногочисленная русская община, а в 1764 г. на средства местных жителей там была построена своя церковь [Маак, 1886, с. 28–29]. В 1794 г. при ней проживали «протопоп и трое священников, диакон с причетниками, поповы и два семейства мещан и отставной казак Попов; русского строения деревянных домов семь, юрт четыре» [Петров, 2007, с. 13²³]. В «Памятной книжке...» 1863 г. Сунтарское селение не упомянуто. Р.К. Маак в «Списке населенных мест Вилюйского округа» село Сунтар перечислил в составе Первого Жарханского наслега. Там в 56 юртах проживало 57 мужчин и 62 женщины [Маак, 1886, с. 21], но, вероятно, это якуты, а сунтарские русские, как пишут специалисты, поскольку были причислены к Нюрбинскому селению, по видимому, указаны в составе нюрбинских русских крестьян [Федорова, Пахомов, 2011, с. 45].

Рост русского населения на притрактовых станциях продолжился. Так, к 1850 г. на 64 почтовых станках Иркутского тракта проживало 3,2 тыс. чел. [Сафронов, 1961, с. 67–69], а на 22 станциях вновь открытого Аянского тракта жило не менее 600 русских, но после 1867 г. они почти все переселились на р. Амур [Сафронов, 1961, с. 88–89; 1958, с. 105–106; Воробьев, 1975, с. 132].

В докладе генерал-губернатора Н.Н. Муравьева в 1850 г. говорилось о том, что несколько сот переселенных крестьян, хотя и продолжают хлебопашествовать, но забыли русский язык и объюгутились, многие пашни ныне заброшены, а амгинские крестьяне предпочитают становиться купеческими «прикащиками» и «подторговцами» «для коммерческого преследования несчастных тунгусов». Они за бесценок выменивают у них пушнину, перепродают ее и затем пропивают в кабаке, процветающем в Амгинской слободе [РГИА. Ф. 381. Оп. 2. Д. 1000. Л. 22об.–23].

Тем не менее если в 1806 г. в Амгинской слободе проживало 443 чел. [Калашников, 2000, с. 127], то за полвека численность амгинцев существенно увеличилась. Рост продолжился и дальше: в 1879 г. их стало 833 чел. [Статистические сведения..., 1879, табл. 23].

На Северо-Востоке, по имеющимся данным, к середине столетия численность русских старожилов на Яне, Индигирке и Колыме оценивается в 2 тыс. чел. [Воробьев, 1975, с. 135], а точнее, их было 1782 чел. [Памятная книжка..., 1864, с. 34–35]. Из них в 1858 г. в Русском Устье зафиксировано 390 жителей, а в 1864 г. — 415 [Чикачев, 2002, с. 15; НА РС (Я). Ф. 414. Оп. 1. Д. 90, 57]. В Нижнеколым-

ске и Походске в 1850 г. было крестьян — 144, мещан — 238, казаков — 286 [НА РС (Я). Ф. 53-и. Оп. 1. Д. 21; Ф. 141-и. Оп. 1. Д. 15].

Ссылных, которых условно можно отнести к категории русских, хотя среди них встречались и представители других народов страны, к середине столетия было, вероятно, около 2000 чел.²⁴ Именно с середины столетия наметилось резкое увеличение их численности. В частности, по данным И.Г. Макарова, в 1877 г. их уже было 4497 чел. [2005, с. 31] и в 1879 г. — 4818 чел. [Статистические сведения..., 1879, табл. 23]. За короткий срок данная группа населения удвоилась.

13.5. ИЗМЕНЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

Сложные ассимиляционные процессы происходили на севере Якутской области. Древних насельников края — юкагиров, по данным специалистов, в 1859 г. насчитывалось 1686 чел., в 1862 г. — 1518 чел., 1879 г. — 1081 чел., 1884 г. — 786 чел. [Патканов, 1911, с. 120]. Относительно 1884 г. называется и другая цифра, а именно — 664 юкагира [Патканов, 1912, с. 710–711; Воробьев, 1975, с. 241]. Еще в середине столетия в числе юкагирского населения учитывались два так называемых объюкагирившихся ламутских рода — I Кунгурский и Тюясирский, и отмечалось, что без них общая численность юкагиров равнялась 1281 чел. [Патканов, 1911, с. 120–121] (табл. 3).

Таким образом, середина XIX в. стала определенной вехой в ассимиляционных процессах между юкагирами и эвенями.

И.С. Гурвич писал: «Ревизией (1858 г. — А. Б.) были выявлены юкагиры и в Верхоянском округе, но в их число вошли не только юкагиры, давно ассимилированные эвенями, но и эвены Кункугурского, Буяксирского и Тюясирского родов» [Юкагиры, 1975, с. 18]. Кроме того, в число юкагиров следует все же включать и чуванцев, которых в официальных документах часто учитывали отдельно. Отсюда также бывает противоречие в цифрах, определяющих общую численность данного этноса.

Исходя из вышеизложенного, отметим, что, хотя в Верхоянском округе часть эвенов ассимилировались юкагирами, общая численность последних продолжала неуклонно снижаться.

В современной историографии принято считать, что численность тунгусов в целом была стабильной [Воробьев, 1975, с. 136]. Хотя трудности подобного рода есть, но проследить этнодемографическое раз-

²³ Со ссылкой на [НА РС (Я). Ф. 1-и. Оп. 1. Д. 119. Л. 68–81].

²⁴ Если они значатся в категории лиц, не принадлежащих к какому-либо из перечисленных в официальных статданных. См. [Памятная книжка..., 1864, с. 34–35].

Таблица 3. Динамика численности юкагиров*

Год	Округ					Итого
	Якутский	Вилуйский	Олёкминский	Верхоянский	Колымский	
1828	—	—	—	224	806	1030
1858	—	—	—	1047	892	1939

* Составлено по [Памятная книжка..., 1864, с. 61–72; Башарин, 2003, т. 2, с. 483–491].

вите собственно эвенков и эвенов возможно (табл. 4, 5).

Из табл. 4 видно, что за 30 лет заметно увеличилась численность эвенков в Якутском округе, а в остальных — уменьшилась.

В отличие от эвенков, которые проживали во всех пяти округах области, эвены были расселены в основном в Верхоянском и Колымском округах и частично в Якутском округе (мэмэльская, годниканская и тюгясирская, или ламунхинская, группы эвенов).

С.К. Патканов, обобщая свои наблюдения за динамикой численности тунгусов, в целом заключил, что в Вилуйском, Верхоянском и Колымском округах она уменьшилась, в Олёкминском — не изменилась, а в Якутском все же возросла, хотя наличное население уменьшилось [Патканов, 1911, с. 105]. При этом он оперировал сведениями о приписном населении (1859 г.), с одной стороны, и о наличном (1897 г.) — с другой.

Нельзя сказать, что происходило вымирание тунгусов, но некоторые данные свидетельствуют о том, что именно в рассматриваемый период многие представители этих народов активно ассимилировались якутами. Так, 787 тунгусов, живших в Якут-

ском округе с 1820-х годов, были перемещены из разряда «бродячих» в разряд «кочевых», что стало, несомненно, шагом на пути к их смешению с якутами [РГИА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 366. Л. 111об.].

С другой стороны, тунгусы, например, жившие в северо-восточной части области, удерживали свое этническое самосознание. Так, в 1855 г. тунгусы Третьего Годниканского рода Охотского ведомства (всего 91 чел., из них 48 мужчин и 43 женщины) по платежу ясака пожелали причислиться к Баягантайскому улусу. Причина состояла в том, что их кочевья находились по соседству с якутами данного улуса, а от г. Охотска насчитывалось 700 верст, что было неудобно для уплаты ясака и несения других повинностей. 26 мая 1855 г. Якутское областное правление поручило якутскому земскому суду выяснить, нет ли препятствий к этому [НА РС (Я). Ф. 180-и. Оп. 1. Д. 3063. Л. 1–2].

9 апреля 1856 г. из Баягантайской инородной управы донесли: так как Оймяконо-Борогонский наслег не согласился по причине нежелания самих тунгусов Третьего Годниканского рода «быть в числе якутов» и поскольку у них самих есть родовое управление и свои родоначальники, вопрос остается открытым [Там же. Л. 3–4об.]. Тем не менее, по данным 1858 г., переход состоялся: так как в этот год годниканцы в количестве 47 мужчин и 42 женщин (итого 89 чел.) уже числились вместе с сородичами из Мемьяльского рода в Якутском округе, все они считались «баягантайскими тунгусами» [Памятная книжка..., 1864, с. 66]. По данным С.К. Патканова, впоследствии, к 1897 г., они поселились на побережье Охотского моря [1911, с. 100].

Всего, по его данным (они относятся ко второй половине XIX в.), за пределы Якутии выселилось до 1000 тунгусов [Там же, с. 106].

Подытоживая наше изучение исторической демографии эвенков и эвенов, полагаем, что следует согласиться с мнением С.К. Патканова о стабильности численности обоих этносов в пределах Якутской области на протяжении XIX в. в целом. Однако до середины столетия и те, и другие хоть и незначительно, но увеличивали свою численность, во второй же половине наметилась обратная тенденция — к сокращению. Здесь сыграли свою роль три фактора: 1) ассимиляция с якутами, 2) ассимиляция с юкагирами (у эвенов), 3) миграции за пределы области. Влияние других факторов, например последствия неоднократных эпидемических заболеваний (оспы, кори), пока трудно оценить, и это дело будущих исследований.

По имеющимся данным проследим динамику соотношения полов. В 1828 г. в Дюпсюнском улусе было 2693 мужчины и 2810 женщин. Причем если посмотреть соотношение полов по наслегам, то видна большая неравномерность (табл. 6).

Таблица 4. Динамика численности эвенков*

Год	Округ					Итого
	Якутский	Вилуйский	Олёкминский	Верхоянский	Колымский	
1828	3550	3920	952	394	277	9093
1858	4521	3706	875	368	264	9734

* Табл. 4, 5 составлены по [Памятная книжка..., 1864, с. 61–72; Башарин, 2003, с. 483–491].

Таблица 5. Динамика численности эвенов

Год	Округ					Итого
	Якутский	Вилуйский	Олёкминский	Верхоянский	Колымский	
1828	564	—	—	823	1161	2548
1858	1157	—	—	786*	1005	2948

* Из восьми эвенских родов, упомянутых в 1828 г., остались только четыре. Но часть из них (Буякигирский-Буякирский, один Тюгясирский из трех) в 1858 г. стали числиться как юкагирские. См. [Памятная книжка..., 1864, с. 70].

Таблица 6. Численность кочевых якутов-крестьян в Дюпсюнском улусе, 1828 г.*

Наслед	Мужчины	Женщины
Наяхинский	209	224
1-й Оспекский	471	473
2-й Оспекский	512	570
3-й Оспекский	220	225
Чериктейский	460	469
Онерский	289	308
Батагайский	319	288
Тюбятский	213	253
Итого...	2693	2810

* Составлено по данным «Табели о народонаселении Дюпсюнского управления» [НА РС (Я). Ф. 36-и. Оп. 1. Д. 70. Л. 10об.—11].

Только в одном Батагайском наследе мужчины преобладали, в остальных женщин было больше, особенно во 2-м Оспекском и Тюбятском. Таким образом, в улусе на 100 женщин приходилось 96 мужчин.

В Борогонском улусе в 1810 г. проживали 4401 мужчина и 4539 женщин, всего 8940 чел. [НА РС (Я). Ф. 31-и. Оп. 2. Д. 5. Л. 1—2]. Здесь на 100 женщин приходилось 97 мужчин.

Численность населения в области и соотношение по полу представлены в табл. 7, 8.

Имеется возможность по некоторым данным изучить рождаемость, смертность и в определенной степени продолжительность жизни якутов в XIX в. Наблюдатели первой четверти XIX в. отметили: «...[якуты] достигшие совершенного возраста, почти никаким болезням подвержены не бывают, кроме разве от каких-либо несчастных приключений; а потому многие живут за сто лет» [Якуты, 1824, с. 150]. Так ли это? В Легойском наследе Борогонского улуса с ноября 1860 г. по октябрь 1861 г. родилось 23 ребенка: 10 мальчиков и 13 девочек. В течение 1861 г. умерло 14 чел.: 12 мужчин и 2 женщины. Указаны причины смерти: двое умер-

ли от старости (72 и 76 лет), двое — в младенчестве (3 мес и 2 года), трое — от чахотки, двое — от горячки, один — «натуральной» смертью, трое — «произвольной» смертью (83, 67 и 85 лет), один — от лихорадки [НА РС (Я). Ф. 31-и. Оп. 2. Д. 1663. Л. 2—6]. Почти половина (6 чел.) скончались от болезней. Не совсем понятно, в чем заключается разница между смертью от старости, «натуральной» и «произвольной» смертями. Но судя по возрасту умерших, вышеназванное наблюдение по меньшей мере наполовину справедливо.

По показателю рождаемости и смертности у якутов в изучаемый период есть разрозненные данные, они разбросаны по различным архивным фондам в сведениях по отдельным наследам. Например, в 1867 г. в 1-м Баягантайском наследе Баягантайского улуса в 1867 г. при населении в 1028 чел. (507 муж. и 521 жен.) родилось всего 7 чел., а умерло 11 [Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 16. Д. 26. Л. 4, 7—9]. Во 2-м Баягантайском наследе того же улуса в 1868 г. родилось 10 чел., а умерло 4 [Там же. Л. 2об.—3].

Мы располагаем сводными данными по Борогонскому улусу за 1810 г. В тот год здесь родилось 265 чел.: 134 мужчины и 131 женщина, а умерло 159 чел.: 85 мужчин, 74 женщины. В некоторых графах, показывающих причину смерти, выставлены неточные цифры. Так, натуральной смертью умер 131 чел., утонули не 6 чел., а 4 (один 9 лет, один 19 лет, один 20 лет, один 59 лет — все мужского пола), младенческой смертью умерло не 15, а 12 чел. (в возрасте от 1 до 3 лет), от чахотки скончались не 4, а 3, от родов — 2 [НА РС (Я). Ф. 31-и. Оп. 2. Д. 5. Л. 1—20]. Не «натуральной смертью» умерло только 13,2 % от общего числа умерших.

Данные позволяют установить возраст умерших. Разделим всех на шесть возрастных групп (табл. 9).

Вновь справедливо вышеприведенное этнографическое наблюдение — среди лиц старше 35 лет практически нет умерших не «натуральной смертью». Больше всего умерших во второй возрастной группе и в пятой.

Наши данные коррелируют со сведениями, опубликованными у Р.К. Маака, о вилюйских якутах, которые датируются 1850—1854 гг. [1994, с. 234]. Ин-

Таблица 7. Численность населения Якутской области*

Пол	1839 г.	1859 г.	1897 г.
Мужчины	81 119	101 373	109 820
Женщины	82 334	97 488	110 158

* Составлено по [Патканов, 1911, с. 51].

Таблица 8. Соотношение численности мужчин и женщин в Якутской области*

Пол	1839 г.	1859 г.	1897 г.
Мужчины	98	100	99
Женщины	100	96	100

* Составлено по данным [НА РС (Я). Ф. 31-и. Оп. 2. Д. 5. Л. 2—2об.].

Таблица 9. Смертность по Борогонскому улусу, 1810 г.

№ группы	Возраст, лет	Всего	Мужчины	Женщины	В том числе не «натуральной смертью»
1	До 1	12	6	6	6
2	2—16	40	21	19	8
3	17—35	22	12	10	5
4	36—50	16	6	10	—
5	51—75	35	24	11	2
6	Старше 75	26	15	11	—

интересно, что в сравнении с другими странами (автор их не называет) цифры, приведенные им, «весьма утешительные», например, по количеству смертности детей до 5 лет у якутов показатель в 2 раза меньше, чем там (18,7% против 45%).

Интересно отметить, что среди долгожителей есть люди, которые дожили до глубокой старости: по одной женщине до 110 лет, до 100 лет, до 90 и 96 лет; по одному мужчине — до 95, до 93, до 92 и 90 лет.

Средний возраст умерших в Борогонском улусе в 1810 г. у мужчин составил 41 год, а у женщин — 38,8 лет [НА РС (Я). Ф. 31-и. Оп. 2. Д. 5. Л. 2–2об.].

В изучаемый период наблюдаются высокие темпы прироста якутского населения, а затем, к середине столетия, — их замедление за счет якутов в Якутском округе. Численность якутов других локальных групп продолжает увеличиваться. Появилась группа постоянного населения городских якутов. При этом

якуты ассимилировали русских в округах и влияли на этнокультурную среду в городах.

Численность русских, стабилизировавшаяся на протяжении XVIII в., к середине XIX в. вновь стала увеличиваться, в основном за счет ссыльных. До сих пор в историографии большее внимание уделялось крестьянству, отчасти казачеству, тогда как другие категории русского населения, например мещан, чиновничества, все еще ждут своего исследователя.

Среди малочисленных народов Севера шли сложные этнические процессы. Численность эвенков и эвенов, по-видимому, была стабильной. Кажущееся уменьшение их численности связано с откочевками за пределы Якутской области. Причина их пока не ясна, но не исключено, что это было вызвано эпидемиями. Интересно, что между юкагирами и эвенками происходила взаимная ассимиляция, причем она не компенсировала неуклонное снижение численности юкагиров.

ГЛАВА 14

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЯКУТИИ

Якутия вступила в XIX в. с уже отжившей системой распределения земли по соболиным и лисьим окладам ясака, вследствие чего, естественно, продолжился процесс обнищания определенной части якутских крестьян, возникновения крупных скотовладельческих хозяйств, сосредоточивших значительные земельные угодья в своих руках. Кризис в землепользовании, достигший в первые два десятилетия XIX в. большой силы, особенно в Центральной Якутии, проявился резким ростом налогов, ухудшением положения рядовых хозяйств, обезземеливанием части крестьян и увеличением недоимок.

14.1. ПОДАТИ И ПОВИННОСТИ

В начале XIX в. одним из основных видов государственной ренты, регулярно взимаемой в пользу царского кабинета за пользование землей и охотничье-рыболовными угодьями, являлся ясак, налагаемый на коренные народы Якутии. После переобложения Первой ясачной комиссией оклада ясака сумма ясачного сбора по улусам «кочевых инородцев» составляла 39 561,68 руб., а по «родам бродячих инородцев» — 6490,04 руб. По данным Г.П. Башарина, сумма ясака по всей Якутии с конца 1760-х до конца 1820-х годов оставалась неизменной [1956, с. 228, 247].

В то же время на коренное население Якутии было наложено несколько видов податей и повинностей, объемы и размеры которых постоянно уве-

личивались. В отличие от ясака, они накладывались не на волости в целом, а поровну на каждую ревизскую душу, т.е. на каждого человека мужского пола старше 18 лет. В рассматриваемый период на территории Якутии распространение получили пять денежных податей, взыскиваемых с каждой ревизской души. Указами от 18 декабря 1797 г. были введены сбор «на продовольствие подъемных при войсках лошадей» в размере 26 коп., от 27 ноября 1806 г. — подать «на содержание присутственных мест» — 18 коп., сбор по манифесту 2 февраля 1810 г. — 1 руб. 56 коп., от 11 февраля 1812 г. и 26 декабря 1816 г. — подать «для составления капитала на починку и содержание больших государственных дорог» — 25 коп. и, наконец, от 22 марта 1818 г. — сбор «для образования капитала на устройство водяных сообщений» — 5 коп. Причем сбор на содержание присутственных мест в 1810 г. возрос до 2 руб. с каждой ревизской души, но через два года сократился до 44 коп.

Русское население, так же как и ясачные, отбывало натуральные повинности по почтовой гоньбе, постройке, починке и содержанию дорог, отоплению и освещению казенных зданий, сопровождению и поимке беглых ссыльных и т.д. Эти натуральные повинности в дальнейшем были объединены и заменены постоянным денежным сбором, названным «общие губернские земские повинности», который для населения оказался крайне обременительным. В 1813 г. он достиг размера 1 руб. 70 коп. и имел тенденцию к росту. Земские повин-

ности раскладывались на ревизские души по трехлетиям, т.е. отбывавший эти повинности платил сбор только в первом году каждого трехлетия. В 1819–1822 гг. на земские повинности с ревизской души собирали уже по 2 руб. 3 коп., в 1825–1828 гг. — по 3 руб. 52 коп. [Павлинов и др., 1929, с. 300–302]. Якуты, объединенные в родовые, наследные и улусные общества, вынуждены были платить внутренние подати (*ис туһээн*), направляемые на содержание улусных управ, степной думы, на жалованье писарей, разъезды улусных голов, наследных князцов и т.д. Г.П. Башарин установил, что внутренние подати Алтайского наслега Мегинского улуса в 1814 г. составили 2376 руб. 33 коп., что в 14 раз превышало размер ясачного оклада, установленного для этого наслега Первой ясачной комиссией [1956, с. 229].

Жители улусов отбывали также и личные повинности по обслуживанию разъездов чиновников областного правления, священников и архиереев (заготовка дров, льда и сена, поставка гужевого транспорта), предоставляли им ночлег и питание, отправляли междудворную почтовую гоньбу, строили жилища для ссыльных, содержали перевозки через реки, строили и чинили мосты и дороги, ставили многоверстные изгороди и др.

К концу 20-х годов XIX в. в Якутии подати и повинности, не считая подводную, увеличились почти в 9 раз. В сумме, за исключением ясака, они составили 346 816 руб., т.е. 88,18 %, и были подушными. Ясак же, представлявший собой когда-то единственный налог, собирался со всей Якутии в сумме 46 454 руб. и составлял 11,88 %. По данным Г.П. Башарина, размер подати и повинности, падавшей на ревизскую душу в Якутском и Верхоянском округах, достигал 12 руб. и более. Население этих округов, расселенное по большим трактам, ведущим к Колымскому округу и охотскому побережью и далее, постоянно привлекалось к отбыванию вышеупомянутых повинностей. В то же время жители Вилюйского, Колымского и Олёмминского округов отбывали податей и повинностей соответственно на 9, 8 и 10 руб. на душу [Башарин, 1956, с. 229–230].

Первая ясачная комиссия для каждого тунгусского рода установила твердый оклад ясака, который налагался на каждого действительного члена рода. При внесении ясака разрешалось заменять пушнину деньгами. Соболь оценивался в 7 руб., лисица красная — в 2 руб. Поступаемая в казну пушнина оценивалась по сортам. В Зашиверском, Усть-Янском и Колымских зимовьях лисицы красные второго сорта оценивались по 1 руб., песцы белые — по 40 коп. Эвенам и эвенкам, как охотникам и потому основным поставщикам ценной пушнины, ставки ясака были установлены более высокие, чем якутам. Средний оклад ясачных якутов (1 руб.

17 коп.) был меньше среднего оклада тунгусов и ламутов (2 руб. 50 коп.) на 1 руб. 33 коп.

Оклад ясака, взимаемый с бродячих инородцев, был неравномерным. Если тунгусы Якутского округа вынуждены были платить с каждого ясачного плательщика по 7 руб. 83 коп., то тунгусы Колымского округа — по 1 руб. 55 коп. Шелогонский род Верхневилуйского зимовья (235 чел. муж. пола) ежегодно в счет казны должен был вносить ясак в количестве 37 соболей и 41 лисицы красной или 341 руб. деньгами, Кюпский род (58 чел. муж. пола), приписанный к Жиганскому зимовью, — 3 соболя и 21 лисицу или 63 руб., Бетильский род Алазейского зимовья (50 чел. муж. пола) — 37 лисиц или 58 руб., Усть-Янский ламунхинский род (44 чел. муж. пола) — 15 лисиц, 90 песцов или 66 руб. [РГИА. Ф. 468. Оп. 1335. Д. 9. Л. 1].

В начале XIX в. тунгусы и ламуты платили подушный сбор — по 44 коп. с души, на содержание государственных дорог — по 25 коп., на водные сообщения — по 5 коп., на подъемных лошадей — по 25 коп., в земскую «повинность» (на содержание областных учреждений) — от 1 руб. 75 коп. до 3 руб. 50 коп., в «общественную мирскую повинность» (содержание волостного писаря, соляного сидельца, церковного старосты, на гоньбу почты, на канцелярские материалы) — от 2 руб. 50 коп. до 3 руб. Все эти сборы налогоплательщики вносили как за себя, так и за умерших, которых исключали из списка плательщиков только по мере проведения очередной ревизии.

Общая сумма различных сборов в несколько раз превышала сумму ясака, выплачивавшегося каждым родом. Например, с Кюпского рода Жиганского улуса (150 душ) в 1817 г. было взящено в земскую повинность 262 руб. 50 коп., подушных — 66 руб., в дорожную — 37 руб. 50 коп., в общественные повинности — 272 руб. 47 коп., всего 638 руб. 47 коп., тогда как ясака Кюпский род вносил всего 63 руб. В 1824 г. с Брагатского рода Олёмминского округа (263 ревизские души) собиралось в ясак 218 руб., а на прочие сборы: подушные — 118 руб., содержание дорог — 67 руб., на водные пути — 13 руб., в земскую повинность — 796 руб., всего 995 руб. [Майнов, 1898, с. 12]. Рост платежей, взимаемых за различные подати и исполнение повинностей, отрицательно сказался на благосостоянии охотничьих хозяйств. За некоторыми тунгусскими родами стали накапливаться недоимки. Из окладной книги Вилюйского уездного казначейства за 1802 г. видно, что за Угуляцким родом числилось 96 руб. недоимок, а с Шелогонского рода причитался 341 рубль. В 1806 г. за Шелогонским родом числилось уже 720 руб. недоимок. За тунгусами Бетильского рода в 1830 г. числилась недоимка в 1137 руб. [РГИА. Ф. 468. Оп. 1339. Д. 9. Л. 1].

Увеличение налогов привело к тому, что за первые два десятилетия некоторые тунгусские и ламутские роды попали в кабалу к купцам — скупщикам пушнины. В своих донесениях старшины родов сообщали, что подати и ясак «выплачиваются через задолжание». Отвечая на запрос зашиверского частного комиссара «об образе жизни, пропитании обывателей и способах промышленности», жиганский улусный голова в 1818 г. отмечал, что все девять родов на уплату земской «общественной повинности заимствуют от коммерческих людей деньгами» и настолько обнищали, что «по крайней необходимости делают себе одежду из промышленных рыб, налимов и тайменей, снимая с оных кожи».

Первая ясачная комиссия установила для каждого юкагирского рода твердые ставки ясака. Так, на кочевавший в тундре Омолонский юкагирский род (82 ясачных плательщика) Комиссия наложила ясак в размере 13 лисиц красных и 250 песцов. Лисицы оценивались в 2 руб., песцы — в 40 коп. за штуку; всего в пересчете на деньги юкагиры Омолонского рода должны были вносить в год 126 руб. (1 руб. 50 коп. на одного плательщика). Для Алазейского юкагирского рода (31 плательщик) ясак был установлен в размере 66 руб., следовательно, на одного человека приходилось 2 руб. 10 коп. Ставки ясака для юкагиров, считавшихся звероловами, так же как для тунгусов и ламутов, были установлены более высокие, чем для якутов. В начале XIX в. юкагиры кроме ясака платили подушную подать — по 65 коп. с человека, сборы на содержание полковых лошадей, больших государственных дорог, водных путей, гербовый сбор и т.д. В 1818 г. юкагиры, распродав для уплаты налогов пушнину, вынуждены были продать для покрытия недостающей суммы предназначенные для себя олени шкуры, а затем и «имевшееся на себе платье, как то парки и камлеи». На одного плательщика приходилось от 2 руб. 90 коп. до 5 руб. разных сборов [НА РС (Я). Ф. 11-и. Оп. 1. Д. 71. Л. 18].

Кроме того, с юкагиров брались так называемые внутренние сборы (содержание писца, разъезды старшин и т.д.), которые в общих налоговых ведомостях обычно не отражались. В начале XIX в. основными их занятиями оставались охота на диких оленей, лосей, горных баранов, медведей, добыча пушного зверя и рыболовство.

На развитие социально-экономических отношений в Якутии в первой половине XIX в. необратимое воздействие оказали несколько важных реформ государственного значения, предпринятых генерал-губернатором Сибири М.М. Сперанским. Для рассмотрения отчета и проектов Сперанского в 1821 г. в Петербурге был создан особый Сибирский комитет, через который и прошли все его реформы.

Важнейшее значение для жизни народов Якутии, так же как и других народов Сибири, имел «Устав об управлении инородцев», утвержденный 22 июля 1822 г. Все коренные народы Сибири, согласно параграфу 1 «Устава...», были разделены на три разряда: оседлых, живших в городах и селениях, занимавшихся в основном земледелием, приравненных в правах и обязанностях к русским государственным крестьянам и потому управлявшихся на общих основаниях; кочевых, занимавшихся преимущественно скотоводством, менявших место жительства по временам года, составлявших одинаковое с русскими крестьянами сословие, но отличавшихся от них «в образе управления»; наконец, бродячих, или ловцов, занимавшихся охотой и рыболовством, переходивших «с одного места на другое по рекам и урочищам» [ПСЗРИ, собр. 2, т. 38, с. 394].

К разряду кочевых инородцев Якутии отнесены якуты, а к бродячим — тунгусы, коряки, юкагиры, ламуты, чукчи и др. Кочевые инородцы управлялись по «степным законам и обычаям, каждому племени свойственным». Только по значительным уголовным преступлениям они должны были судиться в общем порядке. За ними сохранялись свобода в вероисповедании и богослужении, освобождение от рекрутской повинности. Подати они платили «по особому положению» с числа душ, которое определялось общей переписью, а также исполняли общие по губернии повинности.

«Устав...» определял и экономическое положение кочевых инородцев. «Кочующие инородцы для каждого поколения имеют назначенные во владение земли». Распределение этих земель по участкам «зависит от самих кочующих по жеребью или другим их обычновениям».

Русским запрещалось самовольно селиться на землях, отведенных кочевым инородцам, но разрешалось брать эти земли «в оброчное содержание». Наем на работу к частным лицам разрешался только с ведома родового начальства. Разрешалась свободная торговля во всякое время «всеми припасами и изделиями», кроме алкогольных. Чиновникам торговля с кочевыми инородцами категорически запрещалась. Для удобства ведения торговли инородцам назначались особые места и время для ярмарок в соответствии «с временем взноса податей и сообразно с нуждами инородцев». Правовое положение бродячих инородцев по «Уставу...» мало чем отличалось от положения кочевых: «...права бродячих инородцев или ловцов, живущих в отдалении и рассеянными, вообще состоят в применении правил, для кочующих постановленных». Отличие заключалось лишь в том, что «назначение земель по племенам» и распределение их по участкам не распространялось на бродячих инородцев. Им назначались «по удобствам целые полосы зем-

ли», в пределах которых разрешалось свободно переходить для промыслов из уезда в уезд и из губернии в губернию. Кроме того, бродячие инородцы не участвовали в земских губернских повинностях.

В «Уставе...» подробно определен порядок сбора податей и повинностей с инородцев. Подати и повинности определялись тройкого рода: 1) казенные подати, 2) земские повинности и 3) повинности внутренние, на содержание степного управления. О порядке назначения казенных податей, в том числе ясака, утверждаемых в центре, «Устав...» ничего не говорит. Объем земских повинностей для инородцев устанавливало местное Главное управление. Сборы на внутренние повинности определялись степной думой, а там, где ее не было, «общественным приговором инородцев». Губернатор или областной начальник составлял подробный расчет сборов на каждый год, в том числе сколько с каждого рода и со всех инородцев в губернии или области «причитается порознь каждого наименования», а также сколько всех сборов с души для каждого рода. Степные думы, получив такое «расписание», делали «раскладки» на родовые управления, последние, в свою очередь, распределяли, «сколько именно каждое семейство взнести обязательно звериными шкурами или деньгами, смотря по успеху промыслов и состоянию каждого». Сбор податей входил в обязанности родовых управлений и производился на ярмарках или сугланах (мирское собрание инородцев), но бродячие инородцы, «по уважению дальних их отлучек для промыслов», могли сдавать подати в других местах и даже в других уездах и губерниях.

Особый раздел в «Уставе...» посвящен «казенным продажам». Казенная торговля преследовала двоякую цель: «1) доставление необходимого пособия по продовольствию и промыслам кочующих; 2) умерение вольных цен на необходимые потребности». В крайних случаях (угроза голода) «Устав...» проектировал продажу казенных товаров по пониженной цене и в долг («если необходимость в том надлежащим образом будет доказана») и под ответственность представителей местного управления [ПСЗРИ, собр. 2, т. 38, № 29126].

В конце 1823 г. в Якутске было получено предписание иркутского губернатора об учреждении здесь особого комитета для разделения инородцев на разряды, устройства управления, определения границ земель каждого рода, составления проекта законов. А для получения необходимых материалов и разъяснений губернатор вызывал в Иркутск земских чиновников и инородческих депутатов. 10 января 1824 г. в Иркутск в качестве депутатов выехали голова Борогонского улуса Иван Мигалкин, бывший голова Кангаласского улуса Савва Кирилин и князец того же улуса Николай Рыкунов. Прибыв в

Иркутск 28 мая 1824 г., они представили в комитет для составления законов рукописный сборник «О степных законах и обычаях якутов», основные положения которого были учтены в инструкциях по применению «Устава об управлении инородцев Сибири» и закона «Учреждение для управления сибирских губерний» [Памятники..., 1994, с. 154]. Административная реформа М.М. Сперанского, хотя была направлена в основном на урегулирование правового положения коренных народов Якутии в целом, не нарушая их хозяйственного уклада, укрепила и навела порядок в раскладе податей и повинностей путем дальнейшего совершенствования механизма взимания с инородцев ясака.

14.2. ВТОРАЯ ЯСАЧНАЯ КОМИССИЯ

Сибирский комитет, созданный для рассмотрения отчета и законопроектов М.М. Сперанского, постепенно стал считать своей компетенцией те вопросы, при решении которых на местах возникали непреодолимые затруднения среди высшего руководства сибирских губерний. В связи с введением в действие «Устава об управлении инородцев Сибири» в Якутии появилась необходимость нового реобложения инородцев ясаком. Решением данного вопроса должен был заняться Сибирский комитет, в адрес которого стали поступать различные запросы сибирских администраторов с просьбой разъяснить те или иные случаи с назначением новых размеров оклада, связанные с переходом ясачных в другие разряды, а именно из бродячих в кочевые, из кочевых в оседлые, и на этом основании освобождаемых от ясака. В то же время правительство было озабочено и тем, что сумма взимаемого с инородцев Якутии ясака и остальных сборов стала неумолимо сокращаться.

На своем заседании, состоявшемся 9 мая 1826 г., члены Сибирского комитета приняли решение о реобложении инородцев новым окладом ясака. Совместно с министрами финансов и императорского двора, в доход которого поступал весь ясак, взимаемый с сибирских инородцев, члены Комитета занялись учреждением ясачных комиссий, обладающих широкими полномочиями, и разработкой общей для них инструкции, приняв в соображение инструкцию 1763 г., данную Первой ясачной комиссии, новые административные законоположения и мнения высших членов царского двора.

11 мая 1827 г. Сибирский комитет учредил две главные комиссии: одну — для Западной, другую — для Восточной Сибири. Одновременно он разработал «Общее наставление комиссиям Западной и Восточной Сибири о составлении для кочевых и бродячих инородцев окладных ясачных книг», утвержденное 13 декабря 1827 г. Николаем I

[Павлинов и др., 1929, с. 438–448]. В «Наставлении...» указывалось, что ясак по окладу 1763 г. стал неуравнительным, так как «в одних родах или улусах от разных причин значительно уменьшилось наличное число работников, но и вообще число людей, в других, напротив, число людей возросло, иные же роды совсем или большею частью оставили прежние их промыслы и приняли другие» [ПФА РАН. Ф. 161. Оп. 1. Д. 13. Л. 60б.]. В связи с этим главным комиссиям предлагалось произвести учет «кочевых и бродячих инородцев», получить экономические сведения о каждой волости, разобраться в причинах недоимок, собрать жалобы на местные власти, проверить правильность разделения населения на разряды кочевых и бродячих и с согласия родоначальников переобложить население новым окладом ясака. При определении его размера следовало учесть количество земли, пригодной для ведения земледелия, скотоводства, звероловства и других промыслов. Для достижения этой цели в каждую область были направлены местные комиссии, обладавшие, в отличие от комиссии 1760-х годов, ограниченными полномочиями. Они не имели права издавать указы, самостоятельно решать какие-либо вопросы относительно управления и судопроизводства среди инородцев, поскольку к тому времени уставы и положения, принятые в начале 20-х годов XIX в., разрешили вопросы административного и судебного устройства населения Якутии. Вторая ясачная комиссия в составе трех чиновников под председательством горного инженера Злобина в июле 1828 г. выехала в Якутскую область, где работала вплоть до июля 1830 г.

Подворной переписи ясачного населения Комиссия не проводила. Первичной административной и хозяйственной ячейкой считался наслег кочевых инородцев и род бродячих инородцев. В первую очередь членам Ясачной комиссии вменялось в обязанность выяснение годового дохода жителей в каждом наслеге и роде. Под годовым доходом Комиссия понимала денежную сумму, выручаемую от продажи на рынке излишних продуктов сельского хозяйства, охоты и рыболовства.

Выявленные годовые доходы жителей округов Комиссия представила в виде следующих данных: в Якутском округе кочевое население получало в год 177 967 руб. дохода, в Вилюйском — 86 488 руб., в Олёкминском — 26 135 руб., в Верхоянском — 25 529 руб., в Колымском — 7755 руб., а бродячее население Якутии имело доход в размере 69 674 руб. [Башарин, 1956, с. 242].

После выяснения общей суммы дохода члены Комиссии должны были определить на основе переобложения новый оклад ясака, взимаемого с каждого наслега или рода. Для этого из общей суммы годового дохода вычитали общую сумму

всех повинностей и податей, кроме ясака. Оставшуюся часть годового дохода Комиссия называла «чистой прибылью» и делила на число хозяев и работников мужского пола. Полученный результат служил основанием для определения размера нового оклада.

При составлении нового оклада ясака в Якутском округе в 109 наслгах кочевых и 20 родах бродячих инородцев Комиссия выявила 49 480 ревизских душ. Население округа увеличилось по сравнению с переписью 1763 г. на 25 080 душ. «Приняв в соображение по каждому роду особо: число работников, угоды, промышленность, удобность сбыта произведений, количество оплачиваемых повинностей и изъявленное добровольное согласие инородцев, определено нового ясака на все 109 родов кочевых инородцев сего округа 62 817 рублей 45¹/₄ копеек, из чего причитается вообще на работника по 2 рубля 95 копеек с половиною. А 20 родам бродячих, которых протчия повинности весьма малозначительны, положено вносить ежегодно 189 соболей, 4666 штук черной белки по сложным ценам прошедшего десятилетия на сумму 7652 рубля 81 копейка; из сего на работника причитается по 7 рублей 15 копеек» [РГИА. Ф. 468. Оп. 1339. Д. 8. Л. 39–41].

Комиссия определила общую сумму ясака для населения Якутского округа в 70 470 руб., увеличив тем самым ясачный сбор на 43 675 руб.

В Вилюйском округе в 35 наслгах кочевых и 8 родах бродячих инородцев было выявлено 21 398 ревизских душ — на 13 071 душу больше, чем было обнаружено переписью, проведенной при Первой ясачной комиссии в 1763 г. В соответствии с численностью и доходами Вторая ясачная комиссия наложила на население Вилюйского округа ясак в сумме 34 372 руб., увеличив сбор на 23 383 руб. [История..., 1957, с. 181]. В пяти наслгах кочевых и четырех родах бродячих инородцев Олёкминского округа было учтено 4715 ревизских душ, что на 2049 душ больше, чем в 1763 г. Комиссия обложила их ясаком в сумме 9266 руб., увеличив общую сумму ясака с инородцев этого округа на 6355 руб.

Кочевые и бродячие инородцы Верхоянского округа, насчитывавшие 5168 чел. мужского пола ясачного возраста, были обложены ясаком на сумму 9793 руб. Хотя ясачное население округа увеличилось по сравнению с 1763 г. на 2638 ревизских душ, сумма нового оклада ясака превышала прежнюю более чем на 5801 руб. 11 наслгов кочевых и 18 родов бродячих инородцев Колымского округа в количестве 2403 чел. мужского пола (увеличение на 1293 чел.) обязались ежегодно платить ясак на сумму 4535 руб., что превышало старый их оклад на 2913 руб. [РГИА. Ф. 468. Оп. 1339. Д. 9. Л. 168, 312, 470].

Таким образом, сумма ясака по Якутской области увеличилась с 46 051 до 128 436 руб., т.е. почти втрое. Общая сумма ясака с населения Якутии составляла тогда 24,5 % суммы ясака со всей Сибири. На одного работника из разряда кочевых по области приходилось по новому обложению ясака в среднем 3 руб. 39 коп. По округам эта сумма колебалась в зависимости от определенных комиссией «доходов»: в Якутском округе на одного работника — 2 руб. 96 коп., в Вилюйском — 3 руб. 45 коп., в Верхоянском — 3 руб. 71 коп., в Олёкминском — 4 руб. 72 коп., в Колымском — 3 руб. 96 коп.

На одного работника из разряда бродячих по области приходилось в среднем 5 руб. 40 коп., в Якутском округе — 7 руб. 42 коп. Более высокие ставки обложения бродячих были установлены в связи с тем, что они, в отличие от якутов-скотоводов, отнесенных к кочевым, согласно «Уставу...», освобождались от всех податей и повинностей, кроме ясака.

Комиссия разрешила большей части кочевых и части бродячих родов платить ясак деньгами. Как и в предыдущем переобложении, ясак был наложен на целые общества, и раскладку по числу душ должны были производить они сами. Комиссия подтвердила правильность произведенного якутской областной администрацией разделения коренного населения на разряды кочевых и бродячих.

Основные итоги работы Комиссии были изложены в докладе министров императорского двора и финансов, представленном в начале 1835 г. Николаю I, который 3 марта того же года утвердил составленные Комиссией новые окладные книги, разрешив тем самым начать сбор ясака с 1 января 1835 г. [ПСЗРИ, собр. 2, т. 10, № 7917]. Общая сумма ясака не должна была изменяться до переобложения следующей ясачной комиссией. Поэтому до следующей ясачной комиссии трудоспособные плательщики обязаны были вносить ясак за мертвых и нетрудоспособных живых плательщиков.

14.3. ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Вторая ясачная комиссия в отчете о переобложении ясаком населения Якутского округа пришла к мнению, что «удобной земли для скотоводства было бы недостаточно инородцам сего округа, если бы они имели уравнительное разделение в оной» [РГИА. Ф. 468. Оп. 1339. Д. 8. Л. 38]. Поскольку ясак раскладывался в целом на общество, то, по мнению членов Комиссии, и земля должна быть распределена в равном количестве. Но, по данным Г.П. Башарина, вплоть до 1830-х годов соболино-лисий система распределения земли, узаконенная в 60-х годах XVIII в., «продолжала существовать в ее чистом виде» [1956, с. 337].

Иркутских, якутских администраторов и правительство беспокоило то обстоятельство, что в якутском обществе активно шел процесс обезземеливания части скотоводческого населения. Для поддержания платежеспособности податного населения в первой трети XIX в. предпринимались различные правительственные меры по урегулированию земельного вопроса в якутских улусах.

В то же время зажиточная верхушка якутского крестьянства, стремясь сохранить оставшееся от соболино-лисий системы распределение обширных сенокосных участков и летников, пыталась путем заселения еще необжитых территорий освободиться от так называемых «нетерпимых» и «беспокойных» безземельных крестьян, требующих, в свою очередь, сенокосных наделов внутри наслега. Главный родоначальник Якутской степной думы И. Мигалкин 22 июня 1827 г. представил в областную администрацию «Проект об отыскании пустолежащих мест и о заселении на оных степных жилищ якутов» [НА РС (Я). Ф. 13-и. Оп. 1. Д. 40. Л. 126]. Проект был поддержан областным начальником, и для отыскания свободных и пригодных для ведения скотоводства земель «вблизи урочища Оймьякон и лежащих при вершинах рек Колымы, Индигирки, Охоты, Яны» и др. Мигалкин командировал «родовича» Л. Бурнашева и старшину В. Колесова.

Но бродячие инородцы, кочевавшие в пределах вышеуказанных территорий, «решительно отозвались, что они на расселение якутов на местах, им принадлежащих, согласиться не могут. Поелику от введения на оных конного и рогатого скота опасаются поголовного падежа, произойти могущего на оленей» [Башарин, 1956, с. 335]. Командированные Колесов и Бурнашев были задержаны охотской администрацией и высланы якобы «за незаконную торговлю», производимую ими среди тунгусов. Но заселение якутскими скотоводами «урочища Оймьякон», по-видимому, продолжалось и в последующие годы, о чем свидетельствует образование отдельного Оймьяконо-Борогонского наслега, входящего в состав центральноякутских улусов.

Другим направлением, удобным для переселения и обживания, считался район р. Ноторы. Чтобы получить официальное разрешение на заселение этих мест, староста Бетюнского наслега Батурусского улуса Артемьев в августе 1833 г. в Якутскую степную думу представил «согласие родовичей» о необходимости переселения 32 крестьян со своими семьями и скотом из Бетюнского наслега в район р. Ноторы [Башарин, 1956, с. 335]. Этот район обживался продолжительное время, особенно миграция населения наблюдалась в засушливые годы, когда в поисках пастбищ и удобных сенокосных участков по р. Ноторы кочевало со своим скотом значительное количество якутских крестьян.

Миграции некоторой части якутского населения на восток способствовали меры правительства по устройству станций на тракте, ведущем в Охотск. Так, в четырех новых селениях, находившихся на территории Якутской области — Мас-Апча, Хочуда, Улуннах и Ааллах-Юнь, — было жителей: в 1814 г. — 208, в 1816 г. — 215 и в 1820 г. — 147 чел. обоого пола, набранные из Батурусского, Борогонского, Баягантайского, Дюпсюнского, Мегинского, Кангаласского и Намского улусов Якутского округа. Но в силу недостаточности сенокосных угодий и невозможности содержать крупный рогатый скот большинство поселенцев притрактовых станций, основанных в этих местах и далее, постепенно возвратилось в родные улусы [Сафронов, 1958, с. 16–18]. Такой же безуспешной попыткой оказалось и заселение Аянского тракта в 40–60-е годы XIX в.

Агенты Российско-Американской компании, возникшей в июле 1799 г., набирали в Якутске на различные работы на Аляске оставшихся, видимо, без земли и хозяйства якутов, которые из нужды, может быть, соглашались на переезд в Новоархангельск, на остров Кадьяк и в другие места Аляски. Например, Семен Никифоров прибыл туда в 1836 г. и умер в 1851 г., умерли и другие: Григорий Посельский, Алексей Иванов, Алексей Березкин. В последующие годы отмечено пребывание там целой группы якутов, в том числе Алексея Федорова с женой и двухлетним сыном Иваном [Парникова, 1971, с. 98–99]. Одним из значительных мероприятий, направленных на упорядочение пользования и владения землей, можно считать проведение работ по территориальному разграничению земель между улусами и наслегами на основе 28-го параграфа «Устава об управлении инородцев Сибири», в котором говорилось, что «окружность» земель, «каждым племенем владеемая, была по распоряжению местного начальства подробно определена» [ПСЗРИ, собр. 2, т. 38, № 29126]. В 1827–1828 гг. улусные головы и наследные старшины после проведения соответствующей работы по определению границ между территориальными образованиями представили в Якутскую степную думу 109 отдельных ведомостей «о разграничении наслегов» всех улусов Якутского округа.

Однако весьма неравномерное распределение земли, отмеченное Второй ясачной комиссией и областной администрацией, рост числа малоземельных и безземельных кочевых «инородцев» отрицательно сказывались на поступлении податей и ясака, приводили к увеличению недоимок. «В большей части родов ныне лежит ясак на почетных и достаточных инородцах первых двух классов, остальные же, третий, а особливо четвертый и пятый, не имеют оно-го на себе, не участвуют и в полном праве на владение землями... Кроме обложенных ясаком,

прочие пользуются ныне небольшими только наделами земель, а некоторые и совсем оных не имеют и работою у своих сородцев должны приобретать прокормление для небольшого числа скота своего», — говорится в отчете Второй ясачной комиссии [РГИА. Ф. 468. Оп. 1339. Д. 8. Л. 57–58].

Генерал-губернатор Восточной Сибири, приехав в Якутск в 1835 г. и ознакомившись с положением дел на месте, выразил беспокойство сосредоточением пригодных для ведения скотоводства земель в одних хозяйствах и обнищанием других. Как на последствие этого явления он указал на то, что «в округе онаго распространилось в высшей степени воровство». Причинами, вызвавшими «воровство» и «разбойничество» в улусах, он считал отсутствие «уравнительного разделения покосных мест», полную зависимость бедных слоев улусников в качестве «вечных рабов богатых» [НА РС (Я). Ф. 29-и. Оп. 1. Л. 72].

Наиболее характерным примером «воровства» и «разбойничества» является выступление стихийного бунтаря Василия Федорова — Манчары против засилия зарвавшихся тойонов. Он родился в семье Федора Бытаны в роде Лэкэ Нерюктейского наслега Кангаласского улуса примерно в 1805 г. В 9 лет Манчары лишился отца, который имел немного скота. Возможно, положенный на него ясак стал платить его дальний родственник Василий Слободчиков (Чоочо), прибравший и их земельный надел.

Служивший в 1830-х годах якутским областным стряпчим, современник и очевидец производства дела Манчары русский поэт М.А.Александров в своей поэме «Якут Манчара», вскрывая аграрные корни «разбойничества», пишет:

Луга, долины и озера,
Равнина вся, что видишь ты,
То все во власти живодера,
И в кабале все якуты.

Манчары похищал скот, грабил, но не убивал хозяев. Так, в 1832 г. он совершил 18 смелых ограблений юрт и амбаров зажиточных якутов. Значительную часть ограбленного не удалось найти, вероятно, он раздавал добычу соучастникам и другим беднякам. Всего Василия Манчары арестовывали пять раз, ссылали на каторгу в отдаленные Охотские, Иркутские и Нерчинские заводы. Каждый раз он совершал смелые побег и возвращался на родину. В последний раз Василий Манчары был пойман в 1843 г., и только 9 августа 1847 г. после многочисленных допросов было вынесено решение приковать его к стене на цепь сроком на 10 лет в якутской тюрьме. Но выпустили его из тюрьмы лишь в 1859 г. и отправили в ссылку на поселение в 1-й Бордонский наслег Мархинского улуса Вилюйского округа, где он проживал в местности

Мальжегар. Умер Василий Манчары в ноябре 1870 г. [Башарин, 1956, с. 308; Ионова, 1946, с. 50; Сафонов, 1991, с. 36; Манчары..., 1972, с. 348, 376, 378].

Чтобы снять сложившуюся социальную напряженность в якутских улусах, Иркутская губернская и Якутская областная администрации предприняли ряд мер, направленных на проведение уравнительного распределения земли «по классам». В Якутскую степную думу для соответствующего обсуждения и рассылки в инородные управы поступили предписание областного начальника от 24 сентября 1835 г. и указ областного правления от 15 октября того же года, в которых подчеркивалась безотлагательная необходимость проведения «уравнительного распределения покосных мест» по классам. Присутствие Якутской степной думы, обсудив документы вышестоящего начальства, вынесло решение, согласно которому одни из улусных голов выразили согласие распределить землю по трем классам податных душ, а другие — по двум классам. Члены присутствия, преследуя цель «успешного взыскания казенных и общественных податей и повинностей на всех вообще родниках», дали свободу выбора, «смотря по возможности, состояниям и ремеслам, разделяя из них на два или на три класса, а равным образом соразмерно их платежи и разделить земли по воле каждого общества» [Башарин, 1956, с. 337; НА РС (Я). Ф. 36-и. Оп. 1. Д. 174. Л. 7]. Таким образом, Якутская степная дума приняла важный документ, разрешающий распределение земли не только между плательщиками ясака, но и между всеми, кто платил подати и отбывал повинности, т.е. и тем, кто относился к среднему слою и малоземельным крестьянам.

В то же время областной начальник Рудаков представил иркутскому генерал-губернатору свой вариант разделения инородцев Якутии на пять классов и наделения их «сообразно этому землею». Он предлагал относить в первый класс тех, кто имел в прошлом «соболиные оклады со обязанностью платить ясак, подати и повинности; во второй класс положить имеющих лисьи оклады, также со обязанностью платить ясак, подати и повинности; в третий... занимающихся разными мастерствами с платежом податей и повинностей, в четвертый — находящихся в работниках с возложением на них платежа одних податей и в пятый класс — всех бедных, дряхлых и вообще не имеющих уже средств к снисканию себе пропитания, которых должно общество снабдить по одной скотине, дабы чрез это дать им способ получать себе пропитание» [Башарин, 1956, с. 338; НА РС (Я). Ф. 43-и. Оп. 1. Д. 383. Л. 9–10]. Хотя этот проект разделения кочевых инородцев на пять классов вызвал некоторые возражения Иркутской казенной палаты в части приемов и форм распределения земель в обществах, иркутская

и якутская администрации добились распространения классной системы распределения земли на все наслеги Якутской области.

Например, население Жехсогонского наслега Батурусского улуса в 1835 г. было разделено на пять классов: I (111 чел.) и II класс (199 чел.) были наделены землей, в отношении же III класса (92 чел.) в ведомости прямо указывалось: «не состоящие в окладе и не имеющие земель». Не наделены землей и IV класс (17 чел.), плативший только подушную подать. В V класс записывали умерших, не исключенных из окладных книг.

Таким же образом земля была разделена в Бологурском наслеге Батурусского улуса. Сенокосными угодьями были наделены I класс (184 чел.) — по два остожья и II класс (136 чел.) — по одному остожью. III класс (153 чел.) не был наделен землей, поскольку в него попали не только взрослые, но и малолетние и престарелые члены семей.

Разделительные ведомости были составлены и в Кангаласском улусе. В 1835 г. в Багарадском наслеге землей наделались первые два класса. 39 родовичей I класса наделались участками, дававшими два 12-саженных стога; 168 родовичей II класса — участками, дававшими один стог такого же размера. Родовичи III класса (44 чел.), платившие все сборы, кроме ясака, а также IV (15 чел.) и V (42 чел.) классов землей не наделались. Лица, включенные в последние два класса как несостоятельные, не платили никаких податей [История..., 1957, с. 188–190].

Тем не менее якутская областная администрация, основываясь на решении Иркутского губернского совета, состоявшегося 20 декабря 1837 г., о «соблюдении законов и ограждении бедных от стеснения со стороны богатых» при перераспределении земель в якутских улусах, требовала от инородных управ единообразной уравнительности в распределении покосов, предупредив родоначальников, что они будут привлечены к ответственности, если во вверенных им управлениях будет много нищих и бродяг [НА РС (Я). Ф. 44-и. Оп. 1. Д. 3. Л. II].

К середине XIX в. в большинстве наслегов земля стала распределяться между всеми несущими повинности, т.е. между тремя первыми классами плательщиков; лица, отнесенные к IV и V классам (престарелые, калеки и не вычеркнутые из списков умершие), землей не наделались.

14.4. ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ У РУССКИХ КРЕСТЬЯН

В начале XIX в. уже существовал тот принцип наделения землей, который продержался до установления советской власти в Якутии. Надельной единицей считалась ревизская душа, т.е. каждый

мужчина податной семьи. Двор получал землю в зависимости от количества в нем ревизских душ. Крестьян Якутской волости, приравненных к сибирским государственным крестьянам, вплоть до начала XX в. должны были наделять 15-десятинным участком земли на ревизскую душу, включая все угодья [Сафронов, 1961, с. 159].

В связи с увеличением числа крестьян, а также при отсутствии свободных и пустолежащих земель наделение каждой ревизской души 15-десятинным наделом для якутской областной администрации становилось все более затруднительным. В начале XIX в. Киренский земский суд возбудил ходатайство об учреждении в Витимской волости новой почтовой станции между Конкинской и Мухуйской станциями с выселением якутов Терешкиных. Иркутское губернское правление удовлетворило это ходатайство и предписало Терешкиным «непрерывно съехать» с занимаемых мест. Однако Терешкины послали жалобу, указывая на то обстоятельство, что они «оставлены навсегда жительством в сих местах по уважению здешних ими обзаведении и по невозможности переселять их». И дело снова вернулось в Иркутское правление, которое вынуждено было предписать Киренскому земскому суду «в подробности» изучить вопрос об учреждении станции, с тем чтобы место для станции было найдено помимо владений якутов. Однако, как видно из последующего указа губернского правления олёкминскому комиссару от 5 мая 1816 г., земли у Терешкиных были все же отобраны [НА РС (Я). Ф. 19-и. Оп. 1. Д. 17. Л. 18].

В 1816 г. крестьяне Жербинской почтовой станции Балаев и Косарев просили наделить их сенокосами за счет земель олёкминского якута Черосова, проживавшего по р. Жербе. И по «склонению» олёкминского комиссара Миллера в 1817 г. Черосов уступил крестьянам просимое место «на всегдашнее владение». Но спустя девять лет жербинские крестьяне потребовали дополнительного наделения их покосами. «По сильному убеждению» канцеляриста Олёкминского окружного управления Куличкина жербинские якуты «склонились» уступить крестьянам «в потомственное владение» шесть десятин покосов. Однако крестьяне просили больше: «Учинить им от тех же якутов уделение сенокосной земли от места их жительства по той же речке Жербе до 12 верст».

Киренский земский суд поддержал эту просьбу и ходатайствовал перед Иркутской казенной палатой о переводе якутов в другое место. Но палата, опасаясь, что эта мера вызовет разорение якутов, в сентябре 1829 г. предписала олёкминскому исправнику сенокосы по р. Жербе разделить поровну между крестьянами и якутами. Когда же в декабре 1829 г. к жербинским якутам прибыли голова Олёк-

минской инородной управы и староста крестьян, якуты «к разделу санных покосов не согласились, вышли из совершенного повиновения и благопристойности своему родовому начальству». Они заявили, что предки их по Жербе жили «наперед сего тому около двухсот лет, где в продолжение сего времени по малому количеству сенокосной земли к тому еще расчищали кустарники собственными силами». Предписание о разделе земель удалось выполнить только летом 1830 г., когда на «ослушных якутов» оказали давление сверху [НА РС (Я). Ф. 19-и. Оп. 1. Д. 17. Л. 33–34, 219–220].

В сентябре 1846 г. Якутское областное правление поставило Иркутскую казенную палату в известность о том, что крестьянам основанной в 1830 г. Еланской почтовой станции землю не отвели и поныне, что «вся земля, в окружности станции лежащая, принадлежит якутам, которые пользоваться ею не позволяют, крестьяне покупают у них покосы». Иркутский губернский совет предложил областному правлению распорядиться об отводе станции нужного количества земли. Летом 1847 г. на Еланскую станцию командировали областного землемера Степанова с поручением сделать «нарезку для наделения оною крестьян». Крестьяне, получив землю «по воле высшего начальства», дали якутам удостоверение в том, что «в предбудущие времена, ежели случатся времена неурожайные», они обязуются разрешить якутам рубить тальники на трех полученных от них островах [НА РС (Я). Ф. 136-и. Оп. 1. Д. 942. Л. 1–18].

Обеспеченность крестьян землей все же была недостаточной. В 1829 г. крестьяне Витимской волости имели по 13,4 дес. земли на ревизскую душу. В 1847 г. из-за увеличения числа крестьян доля надела упала до 10,9 дес. Еще хуже обстояло дело у крестьян Олёкминского округа. Только к началу 60-х годов XIX в. их наделы достигли в среднем 12,7 дес. на ревизскую душу. В таком же положении находились и крестьяне станков Якутского округа. В 1848 г. они имели в среднем по 11,1 дес. всех угодий на душу. Между тем численность населения росла, и только благодаря энергичным мерам областного начальства к 1862 г. ревизские души стали иметь по 12 дес. Что касается вилюйских крестьян, то они в 1851 г. имели по 13,7 дес. угодий на душу. В дальнейшем в результате прибытия новых ссыльнопоселенцев этот душевой надел снизился до 11,5 дес. Полного надела не получили и крестьяне других мест, что объяснялось нехваткой угодных земель [Сафронов, 1978, с. 150].

Получая сплошь целинные земли, крестьяне должны были тратить много сил, чтобы обзавестись пашнями и огородами. Корчевка леса и кустарника такими орудиями, как топор, лопата и тяпка, требовали большого напряжения сил и мно-

го времени. Поэтому расчищенная площадь увеличивалась медленно. Крестьяне 17 станков Витимской волости стали сеять хлеб в первом десятилетии XIX в., что было связано с поздним отводом земельных участков. К тому времени посевы более регулярно проводились в Пеледуйской, Олёкминской и Амгинской деревнях, в Амгинской слободе и в районе Якутска.

В районе Олёкминска за 10 лет лишь дважды получили плохой урожай, в восьми же случаях — вполне удовлетворительный. Средние урожаи «в самах» по всем культурам составили 7,3. В Витимской волости урожаи были не хуже. В районе Амгинской слободы в 1815 г. средний урожай по всем культурам был сам-6, и, видимо, это не являлось исключением. Автор записки «Безделка о хлебопашестве в Якутском крае» 1829 г. писал: «После продолжительного странствования в местах диких, способных единственно для убежища зверя, взор на уклоны берегов Амги произвел в душе моей прекраснейшее впечатление. Я нашел здесь ярицу, пшеницу, ячмень, овес, снятые в прошедшее лето, полные зерном и так спелые, как только могут созревать на землях, лежащих около Байкала. Пахари снимают зерно сам-десять, но годами получают и сам-тридцать-урожай, о котором едва ли слышат внутри России» [Шукин, 1844, с. 142].

В первое время земледелие в приленских станциях было рассчитано на собственное потребление. В районе Витима в 1812 г. посеяли на душу по 2,8 пуда, в 1820 г. — по 3,2 пуда, а в 1853 и 1859 гг. — по 6–8 пудов. При урожае сам-6–10, а такие урожаи бывали нередко, крестьяне могли получать на душу по 40–70 пудов зерна и доводить годовое производство по волости до 70–130 тыс. пудов. Состав культур был устойчивый. На первом месте стояли ячмень, ярица, пшеница и овес. Озимую рожь сеяли ежегодно, но понемногу. Выращивали коноплю и лен, последний в незначительном количестве. Известны опыты посева кукурузы и табака, однако они были неудачны. Картофеля крестьяне собирали ежегодно тысячи пудов. Возделывали все виды овощей.

В Олёкминском округе размеры посевов по сравнению с 1810 г. увеличились в 1,5 раза. В 1852 г. посев на душу составил 3,3 пуда, в 1856 г. — 3,7 и в 1859 г. — 4,6 пуда. При урожае сам-6–10 крестьяне округа производили хлеба от 42 до 70 тыс. пудов. Состав культур был прежним: ячмень, ярица и пшеница. Овса сеяли немного.

На станках Якутского округа показатели более низкие, так как земледелие на них утвердилось лишь с начала 40-х годов XIX в. Лишь в 1859 г. посев на душу поднялся до 3,5 пуда, а урожай — до 8,8 пуда. В целом производство хлеба доходило до 16–26 тыс. пудов и более. Основными культурами

были ячмень, ярица и пшеница. Озимую рожь и овес сеяли мало, коноплю — лишь местами. Картофель и овощи выращивали ежегодно, и не меньше, чем в Олёкминском округе. Часть капусты и других овощей продавали на рынке.

В районе Амгинской слободы в 1852 и 1856 гг. выдались хорошие урожаи — в среднем сам-8, 9. Годовое производство хлеба достигло 16–23 тыс. пудов, т.е. амгинцы собирали почти столько же, сколько было собрано на всех 15 станциях Якутского округа. Главной культурой являлся ячмень. В значительном количестве сеяли ярицу и пшеницу. В отличие от других мест амгинские крестьяне овощей и картофеля выращивали мало [Башарин, 1989, с. 25–63]. В 30–50-х годах XIX в. значительные посевы возникли под Якутском. Здесь пашни имели купцы и чиновники. Они ежегодно получали тысячи пудов озимой ржи, пшеницы, ярицы, ячменя и овса. Из среды хлебопашцев выделялись купцы П. Леонтьев, В. Шилов, Колесовы, чиновник Валь. Леонтьев ежегодно засеивал 50–80 дес., получая урожай от 1,5 тыс. до 3 тыс. пудов (в том числе в 1844 г. 600 пудов пшеницы). Шилов обрабатывал по 25–40 дес., снимая урожай до 1,5 тыс. пудов [Петров, 1990, с. 50].

14.5. ТОРГОВЛЯ

В первую половину XIX в. из Якутии вывозились в основном пушнина, мамонтовая кость и моржовый клык, а ввозились промышленные товары и хлеб, причем определенную часть привозимого груза занимали товары из Китая — тканевые изделия и чай. В самом Якутске основными товарами, поступающими из улусов, были продукты сельского хозяйства (скот, мясо, масло и прочие молочные продукты, кожи и т.п.), охоты (мясо, шкуры оленя, медведя, лося, зайца и дичь), рыба и пушнина, которые продавались или обменивались на промышленные товары — мануфактура, чай, табак, металлические изделия и т.п.

По данным Второй ясачной комиссии, в 1820-х годах жители Якутского округа продавали на рынке ежегодно до 8 тыс. голов лошадей и рогатого скота на сумму до 140 тыс. руб.; Вилюйского округа — до 2,5 тыс. голов рогатого скота и лошадей, некоторое количество оленей и рыбы — на 75 тыс. руб.; Олёкминского — скот, пушнину, хлеб на сумму до 40 тыс. руб.; Колымского — скот, рыбу, продукты охоты на 30–32 тыс. руб. [РГИА. Ф. 468. Оп. 194. Д. 9. Л. 5, 167, 311, 416; Башарин, 1956, с. 185].

Уже упоминавшийся «Устав об управлении инородцев» также устанавливал свободу производственной и торговой деятельности народов Якутии. «Кочующим» разрешалось по своему желанию, «без

всякого ограничения и стеснения» переходить в крестьянское сословие, а также в городские жители и записываться в гильдии. Вместе с тем «Устав...» утверждал право ясачных на свободный и беспопылинный сбыт своей продукции на рынке. Чиновникам запрещалось торговать и посредничать в торговых сделках. Многие чиновники, теряя на этом доходы, противились новым экономическим установлениям, придавая большое значение получению «подарков» во время командировок в улусы. Не отставали от них священники и архипастыри.

14.6. ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ

По реформе М.М. Сперанского город Якутск становится центром области, а Олёкминск, Вилюйск, Верхоянск и Среднеколымск — центрами обширных округов. Основу населения этих городов составляли чиновники, почетные граждане, духовенство, казаки, мещане и их семьи.

Государственную службу в различных административных и хозяйственных учреждениях несли чиновники, составлявшие бюрократический аппарат управления. На более высокие должности назначались в основном командированные из губернского правления дворяне, а на должность областного начальника — лица, дослужившиеся до чина статского советника. Например, чиновник средней руки надворный советник Мягков при назначении в Петербурге на должность начальника Якутской области получил чин статского советника. На остальные должности в аппарате областного и окружных управлений набирались из представителей личных дворян и бывших детей боярских.

Мещанское сословие складывалось из посадского населения и несло все городские подати и повинности. Сословная принадлежность передавалась по наследству. Статус мещанского сословия регламентировался специальными узаконениями [СЗРИ, т. 9, ст. 562–580]. Значительная часть мещан занималась мелкими ремеслами и мелочной торговлей. Олёкминские мещане вели смешанное земледельческо-скотоводческое хозяйство. Мещане северных округов, причисленные к Верхоянску, определенную часть своих потребностей покрывали продукцией собственного производства, т.е. за счет ведения натурального хозяйства. Основными отраслями хозяйства в городах Верхоянске и Среднеколымске были рыбный и охотничий промыслы, разведение в небольшом количестве рогатого скота, лошадей, оленей и собак. Некоторые представители мещанского сословия, получив образование в городских учебных заведениях, поступали на службу в различные учреждения [Петров, 1990, с. 21–23].

Купечество в городах традиционно имело незначительный удельный вес, но по концентрации ка-

питала занимало первенствующее положение. Оно состояло из трех гильдий. Купцы первой гильдии (а их были единицы) торговали оптом и в розницу в городах, содержали магазины и в них приказчиков. Они же привозили русские, китайские и другие иностранные товары. За ними шли купцы второй гильдии, более многочисленные и торговавшие отечественными и иностранными товарами на сумму свыше 6 тыс. руб. серебром. А те, кто торговал «мелочными» товарами до 6 тыс. руб., обязаны были приобретать билет на этот вид торга и записываться в третью гильдию.

В Якутске и других городах, а также в Охотском и даже Камчатском крае имели магазины и лавки потомственные купцы Колесовы, Чекалевы, Шиловы, Протодьяконовы, Леонтьевы, Соловьевы, Бережновы, Гороховы, Москвины, Самыловские и др. До второй половины XIX в. в число гильдейского купечества не могли попасть представители коренного населения, хотя торговцы якуты Ф. Лепчиков, В. Никифоров, И. Соловьев активно проникали в кочевья тунгусов и осваивали городской рынок [НА РС (Я). Ф. 165-и. Оп. 1. Д. 1262. Л. 22; Ф. 166-и. Оп. 1. Д. 1008. Л. 1–11]. В заключение следует указать, что в первой половине XIX в. в социально-экономическом развитии Якутии произошли серьезные изменения из-за введения административных реформ М.М. Сперанского, а также в связи с мерами, принятыми после деятельности Второй ясачной комиссии, по упорядочению взимания ясака и других сборов и повинностей, урегулированию земельного вопроса в якутских улусах, в которых с 30-х годов XIX в. окончательно утвердилась классная система распределения земли, просуществовавшая без изменения вплоть до 1917 г.

Якутская степная дума, организованная либерально настроенными чиновниками областной администрации под руководством областного начальника Н.И. Мягкова и выразителями интересов якутского общества, представителями якутской потомственной знати, за очень короткий срок своей деятельности провела огромную работу среди сельского населения по наиболее безболезненному разрешению земельного кризиса на местах. Члены Думы, отстаивая интересы зажиточных и средних слоев ясачного населения, выставляли сравнительно умеренные, вполне разрешимые для царского правительства требования уравнивать в правах с российским дворянством якутскую знать и освободить от излишней полицейско-бюрократической опеки. Но губернская и областная администрации под благовидным предлогом борьбы против «злоупотреблений» тойонов ликвидировали общественный орган окружного самоуправления, имевшего общеякутское значение, и заменили полицейским всевластием.

Этот период времени характеризуется и социальной напряженностью в улусах, вызванной кризисом соболино-лисийей системой распределения земли. В результате обнищания и обезземеливания определенной части якутского населения в наслегах появились «нетерпимые» и беглые. Рост недоимок и распространение фактов воровства и разбойничества в наслегах вызывали беспокойство царских властей. Наиболее известны налеты на усадьбы тойонов и побеги из мест заключений Василия Федорова — Манчары, выступившего выразителем ин-

тересов якутских низов в борьбе за лучшую долю, правду и справедливость.

Мероприятия по введению классной системы распределения земли, введение в порядок ясачного и других сборов, либерализация торговых сделок, поддержка ярмарочной торговли несколько снизили остроту социальных отношений в улусах. Натуральное хозяйство ясачных постепенно стало подтачиваться элементами товарно-денежных отношений, проникавших из сибирских и центральных губерний России.

ГЛАВА 15 ИНОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Начиная с первой половины XIX в. представителей коренных народов Якутии стали называть «инородцами». Действительно, «за этой классификацией кроется серьезная политическая сущность, целый комплекс политических отношений огромной важности» [Соколовский, 1999; Штернберг, 1910, с. 531–532]. Сам термин «инородцы» в отношении сибирских народов использовался только в период существования императорской России и сошел со страниц истории с ее гибелью. Определение якутов вместе с другими народами Сибири в качестве особого сословия наделило их целым комплексом свойств и прав. Кроме того, дополнение термина прилагательным «кочевые», наряду с бурятами и хакасами, поставило якутов в еще более специфичные условия [ПСЗРИ, собр. 2, т. 38, с. 396–397]. Рассмотрим важнейшие особенности данного сословного статуса.

1. Чтобы быть инородцем, нужно было обязательно быть приписанным к какой-либо «инородческой» общине (роду, улусу, «поколению») и уплачивать ясак.

2. За кочевыми инородцами были закреплены определенные земли, входившие в сферу контроля улусов, в отличие от бродячих инородцев: «Кочующие инородцы для каждого поколения имеют назначенные во владение земли». Они сами распределяли земельные участки внутри общин. Хотя запрещался захват земель, отведенных кочевым инородцам, эти земли можно было брать «в оброчное содержание».

3. В определениях «кочевые» и «бродячие» был закреплен подвижный образ жизни инородцев, в данном случае отличавший их от «оседлых» инородцев и от остального населения России.

4. Отличалось и управление: управы и степные думы у кочевых и родовые князцы у бродячих.

5. В плане правоспособности за уголовные преступления они подлежали общероссийскому суду.

В вероисповедании формально они были свободны, хотя инородцы к середине столетия были все крещены. Также они были освобождены от рекрутской повинности²⁵, но платили подати и несли общие по губернии повинности наравне с другими податными сословиями.

6. Якутам разрешалась свободная торговля «всеми припасами и изделиями» за исключением алкоголя²⁶. С целью оградить инородцев от торговли эксплуатации чиновникам запрещалось торговать с ними. Для того чтобы обеспечить якутов необходимым «пособием по продовольствию и промыслам», устанавливалась особая ставка «умеренно вольных цен на необходимые потребности».

Таким образом, статус кочевых инородцев поставил якутов в некое промежуточное положение между русским населением и бродячими инородцами, в число которых попали охотничье-промысловые и оленеводческие народы Севера. С одной стороны, они имели много тех же прав и обязанностей, что и русские, с другой — немало социальных и экономических льгот.

Инородческое самоуправление в Якутии уходит корнями в седую древность. До XVII в., например, якуты управлялись тойонами — главами крупных клановых объединений. В последней четверти XVII — XVIII в. тойонам удалось не только отстоять свои властные полномочия, но и расширить их в рамках русской системы управления Сибири. В частности, они получили право сбора ясака, су-

²⁵ В 1833 г. с подачи начальника Охотского порта капитана 2-го ранга Балка возник проект о наборе рекрутов среди якутов в команду порта в количестве до 300 чел., но он не был реализован со ссылками на «Устав...» 1822 г. [РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 378].

²⁶ Показателен случай, когда русские купцы в 1840-х годах жаловались на торгующих инородцев-якутов и просили оградить их от конкуренции. Власти отказались поддержать эту жалобу.

дебные полномочия и т.п. Общественная активность таких выдающихся деятелей, как С. Сыранов, А. Аржаков и др., способствовала становлению улусного административного управления в Якутии. Впрочем, царское правительство, заинтересованное в установлении прочной системы управления сибирскими «инородцами», шло до известной степени навстречу властолюбивым тойонам. Но среди мероприятий, направленных на усиление тойонской власти, были дела, призванные улучшить положение якутского населения: освобождение от тяжелой подводной повинности (казенного извоза товаров), предоставление якутам права решать судебные дела на местах, официальное признание юридических обычаев, открытие школ и пр. Эти меры отвечали народным интересам.

В начале XIX в. была продолжена традиция отправки инородческих депутатов из Якутской области. В 1802 г. по доверенности предводителей четырех якутских улусов депутатом в столицу поехал борогонский голова Семен Васильев [РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 231. Л. 4]. В коллективном прошении содержалась просьба ввести в действие оставшиеся не реализованными положения «Плана о якутах». В том же году другой депутат, намский голова Павел Сивцев, также напомнил об основных пунктах «Плана...» и особо просил облегчить условия казенного извоза [Иванов В.Н., 2015, с. 93, 95]. Интересно, что 19 июля 1803 г. сам Александр I поручил сибирскому генерал-губернатору И.О. Селифонтову разобрать дело. В 1808 г. вновь намский голова Р. Жирков и знакомый нам наследный князец И. Шадрин, находясь в командировке в Иркутске, обсуждали эти условия. В результате в 1810 г. было решено осуществлять перевозки на принципах подряда [Там же, с. 94]. Таким образом, на протяжении десятилетий регулировались порядок и условия сообщения: поставки, почтовая гоньба, содержание почтовых станций по Иркутскому и Охотскому трактам. Особый интерес правительства к этому делу, несомненно, объяснялся стратегическим значением трактов на путях страны на Дальний Восток.

С течением времени наступил момент, когда необходимость регулирования инородческого законодательства на уровне общепринятых законов должна была реализовываться на практике. Возможно, не случайно описываемые ниже события совпали с этим моментом. Так, якутские князцы И. Шадрин и П. Сивцев в 1811 г., будучи в Иркутске, подняли вопрос о наследственности в выборе князцов. Дело в том, что к этому времени обострилась борьба между старой инородческой знатью — потомками прежних князцов и неродовитой знатью, выдвинувшейся благодаря торговле и подрядам на трактовых перевозках. Аналогичная ситуация складывалась в то время и у иркутских бурят. Вследствие этого иркут-

ский гражданский губернатор Н.И. Трескин инициировал специальное «Положение о сельском и инородческом управлении» (указ от 9 августа 1812 г.), закрепившее наследственность при назначении на должности князцов [Левенталь, 1929, с. 257–258; Иркутский край..., 2012, с. 304]. Необходимый законотворческий процесс был запущен.

Следующая депутатская поездка князца И. Шадрина в 1812 г., в ходе которой он удостоился встречи с императором Александром I [РГИА. Ф. 759. Оп. 6. Д. 1019], имела следствием издание указа об освобождении якутов от почтовой гоньбы. Отныне она целиком перешла в руки русских крестьян, расселенных вдоль трактов. Таким образом, в результате депутатских поездок И. Шадрина и его коллег началась разработка целого ряда узаконений, касающихся прав инородческой знати, а также условий обслуживания притрактового сообщения.

На повестке стоял вопрос о систематизации и утверждении комплекса законов в отношении инородцев Сибири в целом и якутов в частности. Изданный в 1822 г. «Устав об управлении инородцев» содержал общие положения по управлению и де-юре допускал применение норм обычного права. Тем временем сбор необходимых сведений продолжался, так как власти нуждались в знании обычаев, по которым управлялись инородцы, а кроме того, сами инородцы, и прежде всего избранные от них депутаты, понимали значение официально утвержденных инородческих законов. Неопределенность в законодательной сфере порождала злоупотребления недобросовестных царских чиновников на местах, волокиту, тратились большие средства при возникающих спорах, когда одна сторона апеллировала к русским законам, а вторая стояла на нормах обычного права. Не все ясно было в распределении компетенций и полномочий между органами государственной власти и инородческими властными структурами.

24 августа 1823 г. улусными головами Якутского округа были составлены «Объяснения якутов Якутской области о законах и обычаях их», представленные иркутским властям [Пекарский, 1925, с. 660–706]. По-видимому, поступивший на рассмотрение иркутской администрации документ не удовлетворял необходимым требованиям. Поэтому не случайно депутация в составе якутских выборных князцов Ивана Мигалкина, Николая Рыкунова, Саввы Кириллина в 1824 г. привезла в Иркутск новый «проект», озаглавленный «О законах и обычаях, издревле существующих у якутов Якутской области и округа» [РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 380. Л. 1–54]. Источниками для этого сборника законов и правил, как написано в преамбуле, послужили «древние изустные предания», «Инструкция, выданная пограничным дозорщикам Фирсову

и Михалеву» графа С.Л. Владиславича-Рагузинского от 22 июля 1728 г., «предписания» и «правила» ясачной комиссии 1767 г., решения присутственных мест, основанные на российских законах.

Оба документа легли в основу «Устава...» 1822 г. и особого «Свода законов кочевых инородцев Восточной Сибири». Два документа разделяет почти год, но если сравнить их, то видна большая работа, проведенная тремя выборными депутатами. Во-первых, если в первом было 57 статей, то во втором только 31. Очевидно, что произошел отбор наиболее важных. Кроме того, статьи сгруппированы по значимости. Так, если в первом сразу после первой статьи о жертвоприношении следуют статьи о шаманстве, многоженстве и калыме, то во втором они отошли во второй десяток статей, зато в первых рядах появились статьи о составе управления, об определении к должности, о содержании степного управления, судопроизводстве и т.д. Также была проведена значительная редакционная работа. Если в первом варианте некоторые законы и правила разбросаны и разобщены, то во втором они упорядочены и объединены в более крупные по содержанию статьи. Это касается прежде всего статей об управлении и судопроизводстве. Более выверены и обстоятельны повторяющиеся в обоих документах статьи. Например, если сравнить статьи об обиде и оскорблении (9-я в «Объяснениях...» и 15-я в «О законах...»), видно более подробное и полное изложение законов и обычаев во втором случае. Так, в первом варианте статья состоит всего из 8 пунктов, а во втором — из 12.

«Объяснения...» 1823 г. к тому же содержали элемент прошения, где авторы просили внести изменения в старые правила или дать новые узаконения. Например, укажем на статью 11 о «наследственном преемничестве княжеского и старшинского достоинства». В ней на основе преданий о происхождении якутских тойонов и со ссылками на указы Петра I и Екатерины II довольно пространно обосновывались старинные права князцов.

Основной смысл обоих документов состоял в том, чтобы максимально приспособить нормы обычного права к российским законам и в таком виде получить официальное признание, что позволило бы создать прочную базу в повседневной практике. Как будет видно далее, процесс затянулся на долгие годы. Последующие попытки прибегнуть вновь к депутатству как уже испытанному методу будут иметь в качестве одной из важнейших целей именно утверждение так называемых степных законов.

В начале XIX в. реформы, происходившие в стране, коснулись и инородческого самоуправления в Сибири. Еще в 1797 г. Сенат учредил принципы управления сельскими инородческими волостями. В якутских улусах сформировалась местная адми-

нистрация (инородческое управление): голова и два выборных. Она получила официальное название — управа. В 1806–1807 гг. началось строительство домов для этих управ [История..., 1957, с. 154].

«Уставом об управлении инородцев» 1822 г. было учреждено три разряда для «племен обывателей не российского происхождения, а в Сибири обитающих, под именем инородных: оседлые, кочевые и бродячие». В соответствии с этим организовывалась система управления.

У оседлых инородцев создавалась система мирского управления крестьянского общества. Якуты попали в разряд кочевых, поэтому «Устав...» закрепил за ними следующую структуру самоуправления. Существовавшее улусное деление сохранялось. Внутри улуса каждая группа якутов, в которой насчитывалось не менее 15 семейств (наслег или стойбище), управлялась родовым управлением в составе старосты и нескольких старшин. Все родовые управления улуса подчинялись «инородной управе», где также председательствовал улусный голова, заседали двое выборных, а делопроизводство вел писарь. Было решено подтвердить статью «Положения...» иркутского губернатора Н.И. Трескина о наследственном избрании всех должностей, но допускаться выбор, если кандидат оказывался недееспособным. Также все должности подлежали утверждению областным начальником. Таким образом, видна последовательность и систематичность политики в отношении инородцев, в частности якутов.

Если в обязанности родового управления входил «надзор за порядком», сбор податей, исполнение распоряжений вышестоящего начальства, разбор исковых дел на правах «словесного суда», то инородная управа помимо того защищала инородцев «от всякого постороннего стеснения» и выполняла функции второй степени «словесной расправы» в разборе исков, не превышающих 30 руб.

По-видимому, из-за подвижного образа жизни малочисленных северных народов их родовые управления также были подчинены якутским управам. Так, в 1828 г. в Якутском округе было: 25 родовых управлений в Батурусском улусе, 7 — в Баягантайском, 12 — в Борогонском, 8 — в Дюпсунском, 28 — в Кангаласском, 14 — в Мегинском, 15 — в Намском. На территории Вилового округа: в Верхневиллоиском улусе было 5 родовых управлений и Хатылинский тунгусский род, в Средневиллоиском улусе — 13 родовых управлений и Жакутский, Кельтякский, Бетюнский и Бетильский тунгусские роды, в новом Мархинском улусе — 6 родовых управлений и Угулятский, Шологонский и Бырагатский тунгусские роды, в Сунтарском улусе — 9 родовых управлений. В Олёмминском округе: в одноименном улусе — 5 родовых управлений и Брагатский, Жеюганский, Киндигирский, Лагот-

ский и Хахагирский тунгусские роды. В Верхоянском округе — 15 родовых управлений и Тюгяси́рский и Кунгурский ламутские роды, в Усть-Янском улусе — 4 родовых управления и Бухагирский, Кунгуский, два Тюгяси́рских ламутских рода и Омокский юагирский род, в Эльгетском улусе — 8 родовых управлений и Жальжанский ламутский род, в Жиганском улусе — 8 родовых управлений, Кюпский и Эжанский тунгусские роды. В Колымском округе: в одноименном улусе — 11 родовых управлений и 13 юагирских, 8 ламутских и 1 тунгусский род [Сафронов, 1987, с. 17–36, 89]. Таким способом якутские инородческие органы самоуправления выполняли посредническую функцию между царскими властями и предводителями северных народов.

В «Уставе об управлении инородцев» 1822 г., который регулировал правовые отношения коренного населения Сибири, значительное место отводилось вопросам местного самоуправления. Формы управления были различными для определенных разрядов, на которые были разделены народы Сибири. «В первый разряд включаются оседлые, то есть живущие в городах и селениях; во второй кочевые, занимающие определенные места по временам года перемещающиеся; в третий бродячие или ловцы, переходящие с одного места на другие по рекам и урочищам» [Памятники..., 1994, с. 38]. Так, для второго разряда, куда были определены и якуты, кроме родового управления предусматривалось создание инородных управ для управления несколькими стойбищами и улусами [Там же, с. 68]. Были определены права и обязанности родовых старост и голов, стоявших во главе управ. Хотя к якутам некоторые положения «Устава...» не могли быть применимы. Например, размер стойбищ и улусов, определенных в «Уставе...», не соответствовал реально существовавшим подразделениям якутов. Чтобы исправить эти неточности, потребовались усилия якутских тойонов, часто ездивших в Иркутск, тогдашний административный центр Восточной Сибири (в 1824 г. там побывали борогоонец И. Мигалкин, кангаласцы С. Кириллин, Н. Рыкунов), с многочисленными ходатайствами и проектами общественного устройства якутов. Более того, якуты добились учреждения у них степной думы. Согласно параграфу 114 «Устава...», «многие роды, соединенные в одну общую зависимость, а именно: Забайкальские Буряты, имеют свою Степную Думу». И вот якутские тойоны, специально командированные в Иркутск, доказали правомочность создания думы и в Якутской области. Параграф 119 определял обязанности степной думы: «1) в народоисчислении; 2) в раскладке сборов; 3) в правильном учете всех сумм и общественного имущества; 4) в распространении земледелия и народной промышленно-

сти; 5) в ходатайстве у высшего начальства о пользах родовичей». В параграфе 202 написано: «Степные Думы представляют общественное собрание и имеют одни хозяйственные обязанности, подобно как Градские Думы» [Там же, с. 69–70, 79]. Но как показала практика, деятельность Якутской степной думы намного вышла за рамки, установленные «Уставом...». Это собрание превратилось в действенный орган национального самоуправления, проводивший значительные мероприятия и оставивший глубокий след в истории якутского народа.

27 января 1827 г. было объявлено об учреждении Якутской степной думы. С самого начала был заложен принцип выборности заседателей — членов думы. Так, если главный родоначальник (председатель думы) избирался на три года, то «временные заседатели» от каждого из семи улусов Якутского округа переизбирались ежегодно. В составе думы было семь «непременных заседателей». Ими автоматически становились улусные головы. В число «временных заседателей» попадали наиболее уважаемые и авторитетные люди — бывшие улусные головы, наследные старосты и родовые старшины. Был письмоводитель, который не имел права голоса. Итого, в думе было 15 чел. При этом оплачивалась только должность письмоводителя. Приводим имена заседателей первого состава думы, выявленных на сегодняшний момент: И. Мигалкин, борогонский голова, первый главный родоначальник; Г. Старостин, батурусский голова; А. Сыромятников, баягантайский голова; А. Сыроватский, дюпсунский голова; И. Козлов, кангаласский голова; К. Попов, мегинский голова; И. Винокуров, намский голова; И. Артемьев, батурусский староста; А. Калининский, баягантайский староста; П. Васильев, дюпсунский староста; В. Павлов, кангаласский старшина; Я. Березин, мегинский староста; К. Прокопьев, намский староста. Известен также письмоводитель — Х. Новгородов.

Деятельность Якутской степной думы охватывала три направления: административное (народоисчисление, раскладка ясака и повинностей, законодательство, судопроизводство), экономическое (земельная политика, земледелие, запасные магазины, торговля, извоз), социально-культурное (образование, здравоохранение, благотворительность). По первому направлению дума исправно выполняла учет населения, участвуя в проведении ревизий и представляя ежегодные отчеты властям. Фонды степной думы в Бурятии до сих пор являются ценнейшим источником по исторической демографии. С первых же дней работы думы раскладка ясака и повинностей была одной из ее главных забот. Вместе с тем следует отметить, что, хотя Вторая ясачная комиссия (1828–1835 гг.), с которой дума активно сотрудничала, добилась успеха — размеры

собранного ясака увеличились, дума проявила большую самостоятельность в земельном вопросе. В частности, именно сопротивление требованиям Комиссии стало одной из причин ликвидации думы. Якутские тойоны не хотели менять сложившуюся соболино-лисью систему распределения земли. Кроме того, дума организовала поиск новых пригодных для скотоводства и земледелия земель на окраинах Якутской области, что тоже вызвало негативную реакцию царских властей.

Деятельность Якутской степной думы, по мнению специалистов, инициировала популярную практику спуска озер для «умножения чрез то сенокосений», ведь освободившиеся при этом угодья отдавались в 40-летнее пользование тем, кто провел данное мероприятие [Петухова, 2007, с. 90].

Перевод грузоперевозок с принципа извозной повинности на подрядную основу, который осуществился в полной мере именно в годы существования думы, сыграл важную роль во втягивании края во всероссийский рынок и укреплении позиций России на тихоокеанском побережье.

В конце 1820 — 1830-х годов дума руководила перераспределением земли и повинностей в улусах. Царское правительство было заинтересовано в этом перераспределении, так как оно могло увеличить общую сумму налогообложения. К тому времени ясак платили только те, кто имел землю. Те же, кто являлись держателями земельного надела, выполняли повинности. Якуты делились на пять классов: а) владеющие землей по окладу полного соболя, его половины и трети; б) владеющие землей по лисичному и полулисичному окладам; в) занимающиеся мастерством, зверопромышленностью и другими постоянными занятиями, равно и скотники; г) состоящие в работе у своих сородовичей и у русских; д) старики, сироты, калеки, совершенно не имущие, прокармливаемые подаянием» [Левенталь, 1929, с. 393–394]. В результате переделов третий и четвертый классы, т.е. группы в) и г), были наделены землей. Таким образом, увеличилось количество владельцев земли. По-видимому, в этот период окончательно определяются границы между улусами и наслегами в Якутском округе.

Поскольку в центральных улусах стала ощущаться нехватка земли, дума организовала поиск новых неосвоенных земель на северо-востоке области.

Важнейшим мероприятием, проведенным думой, является созыв «семиулусного собрания» в Якутске 3 июля 1830 г. Несколько месяцев проходили выборы участников собрания в улусах. Всего в этом собрании приняло участие 482 чел.: думцы, наслежные старосты, родовые старшины и особые поверенные, избранные от каждого наслега. Любопытно отметить, что наибольшее число делегатов было от

Батурусского улуса (современные Амгинский, Таттинский и Чурапчинский улусы) — 122 чел., или $\frac{1}{4}$ часть собрания [Башарин, 1956]. Главным вопросом, который обсуждался на собрании, была отправка в Санкт-Петербург якутской депутации для встречи с императором Николаем I. Идея вынашивалась уже несколько лет. Члены думы добились у правительства разрешения на эту поездку, целью которой было «представление ходатайства о своих нуждах и выражение верноподданнических чувств».

Дума вела оживленную переписку с улусными управами, призывая их к скорейшему избранию делегатов собрания и отправке их в Якутск. Одновременно в улусах была распространена специальная «Записка», содержащая перечень вопросов, подлежащих обсуждению на «семиулусном собрании». В ней было 27 пунктов. Целый ряд пунктов предусматривал расширение прав родовых управлений. Например, пункт 14: «...никакое дело, не бывшее сперва в разборе в Родовом управлении, не принимается в высшей инстанции» [НА РС (Я). Ф. 36-и. Оп. 1. Д. 95. Л. 6–7].

Важен также пункт, где говорится об обязательности присутствия представителей Якутской степной думы «при опросах людей (из улусов. — А. Б.) во всех присутственных местах» [Там же. Л. 6об.], т.е. в правительственных учреждениях и судах. Пункт 16, где говорится: «...уничтоже продажа в уезде питей, прежде разорявшей якутов», был направлен, безусловно, на поддержание нравственности [Там же. Л. 6].

Документы, связанные с работой «семиулусного» собрания 1830 г., демонстрируют высокий уровень культуры и образованности членов думы и осознания ими насущных проблем якутского населения. Как показывает сопоставительный анализ программных документов думы «о нуждах якутов» и аналогичных требований упомянутых выше якутских реформаторов второй половины XVIII в., почти во всех деталях они совпадают. И видно дальнейшее развитие общественно-политического сознания глав якутских улусов. Другими словами, создание Якутской думы было подготовлено предыдущими поколениями якутских деятелей. Вспомним «Наказы» якутских улусов 1767–1768 гг. в екатерининскую Комиссию по составлению нового Уложения и «План о якутах» А. Аржакова.

Собравшиеся в июле 1830 г. в Якутске представители якутских улусов и наслегов должны были выработать единые требования, отражавшие интересы «всех якутских племен» (по образному выражению одного из деятелей думы). Вот эти требования: «1. Испросить соизволения на заведение в уезде (в Якутии. — А. Б.) училища уездного с помощью из казны; 2. в отдаленности живущим яку-

там позволение отлучаться далее 500 верст по видам родовых управлений или инородных управ, а не из земского суда брать таковые; 3. третью степень словесного суда с приобщением управлений инородных думе представить ей [думе]; 4. утверждение степных вновь составленных в Иркутске законов, по коему [утверждению] в 1824 году были командированы депутаты; 5. утвердить поставку казенных тягостей навсегда за якутами; 6. станки предоставить гонять самих по обстоятельству поселенцев; 7. ... (этот пункт пропущен. — А. Б.); 8. о невыезде за ревизию дел членами земского суда чрез два месяца и ревизовать инородные управы областному начальнику или от него командированным чиновникам в год однажды; 9. о излишне имеющих у города якутских местах по измежеванию обратиться якутам что их есть собственные...». Это, по-видимому, не полный перечень, так как в 10-м пункте этого документа рекомендовалось «поверенным от обществ» — представителям улусов и наслегов привезти в Якутск «записки к общей трактации» [НА РС (Я). Ф. 36-и. Оп. 1. Д. 95. Л. 7–7об.], т.е. свои предложения.

Депутация была избрана в составе головы Батурусского улуса Г. Старостина, старосты 1-го Мальжегарского наслега Кангаласского улуса Н. Рыкунова и старосты Кильдемского наслега того же улуса Е. Татарина. Последний был определен по решению собрания переводчиком и в случае болезни одного из депутатов должен был заменить его.

«Семиулусное» собрание было первым столь представительным собранием в истории Якутии. Оно произвело неизгладимое впечатление на сознание современников и запечатлелось в народной устной традиции. По всей видимости, именно это грандиозное событие через 50 лет описали якуты польскому этнографу В.Л. Серошевскому, что дало последнему основание так подробно и обстоятельно охарактеризовать Союзный совет, существовавший, по его мнению, в древней родовой организации якутов [Серошевский, 1993, с. 453–454].

22 ноября 1838 г. по распоряжению иркутского генерал-губернатора Якутская степная дума была закрыта. Любопытны причины закрытия. Кроме того, что выборы главного родоначальника посеяли вражду между родоначальниками и содержание думы было обременительно, утверждалось, что якуты никогда не были подчинены подобно бурятам одному главному родоначальнику. Хотя якутские тойоны доказывали обратное, ссылаясь на существование в далеком прошлом самодержавного правления якутов в лице полубогородного Тыгына. Также основанием для этого решения стало то обстоятельство, что «учреждение Степной Думы в многолюдном городе (Якутске) само по себе незаконно» [Там же, с. 483].

В структуре управления империи, по мнению исследователей, степным думам все же отводилось особое место [Федоров, 1978, 1991; Дамешек, 1986; Ерошкин, 2008, с. 187–188]. Н.П. Ерошкин писал: «...якутская феодальная верхушка (тойоны) пыталась использовать степную думу для противодействия мероприятиям правительства, связанным с переделом земель в Якутии. Эти попытки якутской степной думы и феодальной знати играть более самостоятельную роль и противопоставлять себя царской администрации вызвали упразднение якутской степной думы в 1838 г.» [Ерошкин, 2008, с. 66]. Среди якутских исследователей установилось мнение, что в какой-то момент степная дума в Якутске стала подменять собой не только окружное, но и некоторые структуры областного правления, что вызвало неприятие и конфронтацию среди местного чиновничества [Левенталь, 1929; Петухова, 2007].

Якутская дума не была «организацией, созданной якутским тойонатом для защиты своих классовых интересов» [Токарев, 1940], поскольку тойоны не являлись классом. С одной стороны, они представляли собой служилое сословие, возникшее на службе царю, а с другой — были главами якутской общины. Среди них были образованные люди и талантливые организаторы, составлявшие передовую часть якутского народа.

Выполняя на первых порах посредническую роль между якутским населением и областной, губернской администрацией, Якутская дума постепенно превратилась в оппозиционный орган власти, претендовавший на известную степень полномочий в управлении краем. Членами думы были крупные собственники, имевшие авторитет в улусах и опыт в управлении (ранее они занимали должности старшин и старост). За отправление своих обязанностей они не получали жалованья. Этот орган власти возник не стихийно и не был навязан сверху. Перед нами уникальный случай в российской истории. Вопрос о создании думы возник органично как практическое средство решения конкретных проблем, остро стоявших в то время.

Деятельность Якутской степной думы закрепила определенные традиции якутского самоуправления. В частности, стремление найти компромиссные пути сосуществования местной власти с центром. И история этого знаменательного явления требует самого пристального внимания.

Знаменитый «Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири», за который ратовали несколько поколений якутских депутатов, включал 540 статей и состоял из шести разделов: I. О правах и обязанностях семейственных; II. О праве инородцев на имущество; III. О обязательствах; IV. О благочинии в инородческих стойбищах; V. О взыска-

ниях и наказаниях; VI. О судопроизводстве [РГИА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 366. Л. 27–83].

Источниками для составления «Свода...» послужили «показания» верхоленских бурят, нерчинских тунгусов, якутов, «Степные уложения» селенгинских и хоринских бурят, местные проекты — иркутский и енисейский, «Устав о монголо-бурятском духовенстве», составленный в МИДе Российской империи, указы Священного Синода, «Общее наставление» ясачным комиссиям от 13 декабря 1827 г., Общий свод гражданских законов Российской империи и др. Таким образом, «Свод...» представлял собой симбиоз русского законодательства, обычного права группы кочевых народов Сибири, а также духовные установления РПЦ и ламаистской церкви. Он стал плодом усилий русских властей и представителей кочевых инородцев Сибири. Важную роль сыграли депутации разного уровня. Это был пример открытого сотрудничества всех эшелонов власти имперских и инородческих. Официальное утверждение «Свода...» по разным причинам затягивалось.

Он так и не был утвержден в силу разных причин, в том числе потому, что действовал «Устав...» 1822 г. По общепринятому мнению, «Свод...» перестал соответствовать социально-экономическому и

культурному развитию кочевых инородцев Сибири, потому и отпала необходимость в его утверждении [Дамешек, 1986, с. 45–53].

В изучаемый период можно говорить о становлении инородческого законодательства. В течение длительного времени накапливался обширный правовой материал. Правительство было в курсе проблем инородческого населения. Приезд депутатий инородцев-якутов в столичные города был нормой управленческой практики и стимулировал выработку решений правительства. Издание законов также проходило в результате тщательного отбора и анализа поступивших предложений.

Правовой плюрализм сопровождался появлением весьма интересных и уникальных в своем роде юридических документов, например «Свода законов кочевых инородцев Восточной Сибири». В отличие от «Устава об управлении инородцев» 1822 г., который являл собой приспособление инородческих норм обычного права к русскому законодательству и имел целью приблизить образ жизни коренных народов Сибири к образу жизни остальных жителей России, «Свод...», по сути, был сочетанием двух форм права. На протяжении десятилетий его готовили, редактировали, обсуждали, и в конце концов победили противники правового плюрализма.

ГЛАВА 16 В СОСТАВЕ ИРКУТСКОЙ ЕПАРХИИ

Включение Якутского заказа в состав Иркутской епархии (1731–1856 гг.) стало свидетельством нового этапа истории православия в Якутии, обусловленного его расширением и укреплением на восточных окраинах империи. Начинается постепенная инкорпорация территории края в российскую государственность, когда Русская православная церковь — это уже государственный институт — «ведомство православного вероисповедания».

В XIX в. Иркутская епархия расширила свои границы за счет включения территории Енисейской губернии (Красноярское, Енисейское и Канское духовные правления), и ее площадь составила 10,5 млн км², охватив почти половину империи. В 1826 г. епархия была отнесена ко 2-му классу и иркутский епископ возведен в сан архиепископа. Повышение статуса епархии стало возможным не только из-за увеличения ее территории, но и вследствие упорочения православия на восточных рубежах государства.

В 1828 г. была учреждена Алтайская духовная миссия, в 1834 г. создана Томская епархия. Важным событием стало образование самостоятельной епархии на крайнем востоке Сибири и в американских

колониях во главе с епископом Камчатским, Курильским и Алеутским, и к середине XIX в. территория Иркутской епархии сократилась до ее первоначальных размеров.

В «Уставе об управлении инородцев», законодательно определившем систему управления коренными народами Сибири, отдельная глава была посвящена вопросам религии. Указывалось, что инородцы, не исповедующие православие, имеют «право свободного отправления своих религиозных потребностей», духовенство было обязано «поступать по правилам кротким, одними убеждениями без малейших принуждений», а светские власти контролировать и не допускать «стеснения» инородцев под предлогом их обращения в православие. Запрещалось препятствовать вступлению в христианскую веру, а также требовалось, что существенно для проживающих в Якутии, «не подвергать инородцев никаким взысканиям, если они, исповедуя Христианскую веру, окажутся по невежеству в упущении церковных обрядов». Специфика проживания на отдаленных окраинах империи диктовала свои условия соблюдения церковных обрядов, и гражданская власть учитывала данные обстоятель-

ства. Уставом признавался факт наличия в Сибири нехристианского населения, и действия официальной церкви ограничивались «краткими правилами» без принуждения.

В конце XVIII — начале XIX в. у власть имущих формируется иное, по сравнению с XVIII столетием, отношение к православной церкви как к одной из духовных опор государства. Начинается открытие новых и восстановление ранее закрытых монастырей, которые получают возможности материального обеспечения и достойного существования.

В 1798 г. Якутский Спасский монастырь по ходатайству иркутского епископа Вениамина (Багрянского)²⁷ был отнесен к 3-му классу с учреждением архимандритского наместничества и стал получать государственное содержание, в 1836 г. — ко 2-му классу. Было установлено количество монастырских штатов — 17 чел. (архимандрит, казначей, 6 иеромонахов, 4 иеродиакона и 5 послушников). Помимо этого, для облуживания хозяйственных нужд монастырь имел право на наем 17 служителей.

Состав монашествующих был немногочисленным, и имелись вакантные штатные места, но источники сохранили обращения местного населения с просьбой о поступлении в монастырь, что объясняется не материальным интересом, так как в этот период монастырь скорее бедствовал, чем процветал.

В 1844 г. Спасскому монастырю принадлежали: каменная Спасская церковь с колокольней, деревянная двухпредельная церковь, деревянная часовня с иорданью для освящения воды, деревянный корпус келий (монастырской братии) с кухней, деревянный корпус настоятельских келий с кухней, три хлебных амбара, помещение для конной упряжи, деревянная баня, два корпуса за монастырской оградой для служителей с баней, сенник с конюшней, кузница и каменная ограда с четырьмя воротами. К середине XIX в. численность прихожан монастыря составляла более 4000 чел., имея тенденцию к уменьшению в связи с освящением новых храмов и причислению паствы в их приходы.

Кроме того, монастырь по-прежнему оставался центром духовного правления края и миссионерства.

В мае 1826 г. был подписан императорский указ «О правилах на будущее время для строения церквей», регулирующий строительство храмов на территории империи и устанавливающий, что разрешение

на строительство выдается епархиальными архиереями после согласования «планов и фасадов» с губернаторами и губернскими архитекторами. Согласно указу, храмы могли возводиться только при согласии прихожан, и их мнение было определяющим.

В 1846 г. иркутскому архиепископу Нилу (Исаковичу) был представлен рапорт благочинного Походной Благовещенской церкви священника М. Ощепкова о строительстве часовни якутским купцом П. Леонтьевым, имеющим «фабрику и пашни» в местности Маган. Благочинный сообщал, что часовня уже построена «по внешности и внутреннему облику... совершенно похожа на церковь» и «летом 1848 г. уже были проведены литургии, в том числе и на якутском языке». И это первое упоминание о проведении службы на якутском языке.

Поддерживали часовенное строительство и жители Верхоянья, но здесь сопротивление строительству оказала гражданская власть в лице исправника. В донесении, поступившем в духовное правление из Верхоянского окружного управления, сообщалось о построении часовен инородцами. В 1846 г. в рапорте на имя архиепископа Нила от благочинного Н. Запольского указано, что при каждой из часовен будет построена «якутская юрта с амбаром для проживания священно- и церковнослужителей и инородцев, которые будут посещать часовни, а строительство будет, по желанию прихожан, посредством добровольных пожертвований скотом, припасами, вещами и деньгами, с собственным лесом и материалами, через наем за плату». Была начата заготовка строительного леса, но верхоянский исправник П. Атласов, основываясь на пункте «Устава об управлении инородцев», запрещающем строительство молитвенных домов в инородческих селениях без разрешения гражданского губернатора, остановил строительство и обратился с жалобой в областное правление. Потребовалось вмешательство иркутского архиепископа, и к 1851 г. все часовни были построены «по виду малых церквей» с алтарями, освящены, и благочинный ходатайствовал о награде для бывшего главы Верхоянского улуса П. Старостина.

Вопрос о количестве храмов Якутского заказа Иркутской епархии заслуживает особого внимания, так как статистика церковного строительства противоречива и не всегда содержит точные сведения. В 1806 г. в Якутском заказе действовало 19 церквей, в том числе градских, и приход Якутского Спасского монастыря.

По сведениям V ревизии (1795 г.), население Якутии составляло 119 343 души, общая численность прихожан — 88 152 души, т.е. 73,8 % от данных ревизии, и можно сделать вывод, что к началу XIX в. большая часть населения была крещена и причислялась к православным.

²⁷ Вениамин (Василий Иванович Багрянский) (сер. XVIII в. — 1814), обучался в Славяно-греко-латинской академии, затем продолжил образование в Лейденском университете. В 1782–1783 гг. — ректор Александровской семинарии и архимандрит Зеленецкого Троицкого монастыря Санкт-Петербургской епархии. В 1789–1814 гг. — епископ Иркутский.

За 1828 г. имеются сведения о 21 храме: в Якутском округе — Спасский монастырь, Градо-Якутские Троицкая, Богородицкая, Николаевская, Преображенская, Предтеченская, расположенная в г. Якутске, а также Батуруская, Амгинская, Дюпсюнская (строящаяся), Борогонская, Синская, Покровская, Мегинская, Намская и Удская церкви; в Верхневиллюйском округе — Верхневиллюйская и Сунтарская; в Олёкминском — Олёкминская и в Верхоянском — Верхоянская, Зашиверская и Жиганская. В связи с отсутствием данных о численности прихожан, ведущих кочевой образ жизни, не упоминаются Средне- и Нижне-Колымская церкви Колымского округа, а также Охотский и Гижигинский храмы, и, следовательно, к 1828 г. количество якутских храмов составляло 25.

По указу иркутской духовной консистории 1837 г., в г. Якутске был создан временный комитет «для избрания мест для строительства церквей в Якутской области». В задачи комитета входило установление мест сосредоточения населения во время кочевий и ясачного сбора и составление проекта предполагаемого строительства храмов на основании пожеланий прихожан с обязательным их участием в финансировании строительства.

По данным четырех округов (кроме Колымского), существовала необходимость строительства 30 церквей. В избранных для строительства местностях храмы будут возведены позже, во второй половине XIX и в начале XX в., после создания самостоятельной Якутской епархии, но факт деятельности комитета свидетельствует о внимании к вопросу обеспечения населения православными храмами.

К середине XIX в. в высшей инстанции церковного управления Российской империи возникли

предположения о возможном переводе Якутского края из Иркутской епархии в ведомство камчатских архиереев.

Первым архиереем созданной в 1840 г. Камчатской, Курильской и Алеутской епархии стал епископ Иннокентий (Вениаминов), церковный и государственный деятель, богослов, лингвист и этнограф, миссионер-просветитель, сын пономаря из маленького села в иркутской глубинке, прошедший путь до митрополита Московского и Коломенского, прославленный Русской православной церковью и Православной церковью в Америке в лике святителя — апостола Сибири и Америки (1977 г.).

Родившись на берегах сибирской реки Анги, он более 40 лет занимался миссионерством, обойдя пешком и объехав морем, верхом и на собачьих упряжках Алеутские, Командорские и Курильские острова, Чукотку, Камчатку, Дальний Восток и Якутию. Кроме того, он изучал северо-восточные окраины империи. Созданные им алфавит, грамматики и словари составили основу письменности современных североамериканских народов. Он сыграл большую роль в процессе мирного присоединения к империи дальневосточных территорий. Камчатский период истории православия в Якутии неразрывно связан с его деятельностью, и в настоящее время личность святителя Иннокентия стала предметом исследования различных направлений церковной и светской науки.

Первоначально в состав Камчатской епархии вошли территории прибрежной полосы Северо-Восточной Азии от устья р. Уды до Чукотского Носа, включающие Удский край, охотское побережье, Камчатку, Гижигинский округ с Чукоткой, а также российские владения на северо-западном берегу Американского континента, всего 111,74 км².

ГЛАВА 17

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

17.1. ТРАНСФОРМАЦИИ В КУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Большую часть немногочисленного русского населения в XIX в. составляли крестьяне, чья культура продолжала сохранять в целом традиции прошлого, особенно в отдаленных районах Севера и на Вилюе. Но так как немалое их количество проживало в притрактовой зоне и около таких значительных поселений, как Якутск, Олёкминск, деревни в верховьях Лены, в их среду довольно быстро попадали новации из других регионов страны. Заселение русскими обширной территории Якутии продолжалось,

и они несли с собой те веяния эпохи, которые развивались в местах их первоначального расселения.

Заметную роль в культуре области играло казачество. В начале XIX столетия ряды местных казаков пополнились бывшими сибирскими дворянами и детьми боярскими после ликвидации дворянского штата в Якутском уезде. Образованный в те годы Якутский казачий полк по приказу областного начальника М.И. Минацкого обзавелся своей собственной формой, которая сочетала элементы принятой в русской армии формы: суконные мундиры, рейтузы, кивера, фуражки темно-красного цвета — с ровдужными, из оленьей шкуры, и китайчатыми парками [Явловский, 2004, с. 22]. Местная казачья

команда вынуждена была заниматься сельским хозяйством и ремеслами. Тем не менее казаки транслировали присущие сословию культурные традиции. Грамотность поддерживалась казачьими школами, открытыми в разных местах. В штате полка действовал хор и оркестр [НА РС (Я). Ф. 401-и. Оп. 1. Д. 146. Л. 4].

В числе немногочисленного чиновничества оказывались высокообразованные люди, благотворно влиявшие на культуру местного населения. Это, например, известный сибирский поэт Д.П. Давыдов, бывший в 1834–1847 гг. смотрителем училищ Якутской области, оставивший заметный след в истории образования и в изучении Якутии, автор цикла стихотворений на якутскую тематику.

Также это М.А. Александров, уроженец Санкт-Петербурга, близкий к декабристам, который в 1833–1841 гг. служил областным стряпчим в Якутске. Ему принадлежит ряд сочинений о Якутии и поэма «Якут Манчара» о народном герое якутов Василии Манчары.

По-видимому, с образованием области повысился культурный уровень местного чиновничества. Развитие рыночных отношений насытило местный рынок товарами широкого потребления, а также предметами роскоши. Местные образованные якутяне стали выписывать книги, газеты, журналы, создавать библиотеки. В 1847 г. по инициативе преподавателя Якутского уездного училища Г.Ф. Ворожейкина была создана «Компания в выписке книг в г. Якутске» [Захарова, 2004, с. 70–77]. Она объединяла учителей духовного и уездного училищ, чиновников областного управления, купцов, мещан и в лучшие годы охватывала более 200 чел. Общая сумма ежегодных взносов составляла 150 руб. «Компания» сыграла большую роль в общественной жизни области. Благодаря ей в Якутию по подписке поступали популярные журналы и газеты: «Библиотека для чтения», «Сын Отечества», «Северная пчела», «Современник», произведения классиков отечественной и зарубежной литературы.

Главным событием в истории культуры и общественной жизни стало приобщение коренного населения к православию. С приходом христианства произошли важные изменения как в материальной, так и в духовной культуре. Внешним их проявлением стало благоустройство традиционного жилищного комплекса. Неудобства в миссионерской деятельности и отправлении культа связывались с традиционным рассеянным и полукочевым образом жизни, поэтому в начале века стали проводиться мероприятия по созданию компактных поселений. На первых порах они не имели особого успеха, но процесс постепенного стягивания разрозненных хуторских поселений якутов к административным центрам улусов (иностранным управам), притрактовым

станциям, а также интенсивно строившимся церквям начинается именно в этот период.

Активизация инородческого самоуправления в связи с распространением сибирских реформ приводит к зарождению элементов общественной жизни современного типа. Параллельно возрастало воздействие рыночных отношений через трактовое сообщение, торговлю и ярмарки.

Приметами эпохи стали введение в оборот денег и увеличение количества промышленных товаров, в том числе предметов роскоши. Все это отразилось на культурном облике населения края.

Контакты между народами, участвовавшие под влиянием экономических и политических факторов (изменений в ясачном режиме в связи с деятельностью ясачных комиссий, христианизацией), стихийных бедствий (голод среди тунгусов и юкагиров), приводят к трансформациям в хозяйственно-культурном типе некоторых этнических групп. Так, среди вилюйских тунгусов (Кэлтятский и Угулятский роды) выделились кочевые группы, перешедшие под влиянием якутов к занятию скотоводством. Напротив, на севере мигранты из числа якутов и русских освоили к тому времени охотничий промысел по примеру местных тунгусов [РГИА. Ф. 468. Оп. 351/1335. Д. 9. Табл. 17, 27, 33; История..., 1957, с. 213].

Огнестрельное оружие, появившееся у якутов и малочисленных народов Севера после официального разрешения в инструкции, данной председателю Первой ясачной комиссии А. Щербачеву от 4 июня 1763 г., к началу XIX в. «становится главным орудием в пушном промысле» [Дьяконов, 1990, с. 96]. Данное нововведение не только привнесло изменения в способы и приемы охоты, повысив ее эффективность, но и повлияло на культуру местного населения в целом. Например, среди якутских кузнецов появились оружейники, искусно изготовлявшие ружья.

В городах у местного русского населения, по наблюдению проезжавшего в 1820-е годы через Якутск Ф.П. Врангеля, заметно стал улучшаться быт: окна в домах стали больше, потолки — выше, вместо слюды использовалось оконное стекло, появились створчатые двери.

Верхнеколымские юкагиры переняли от русских старожилов многие элементы культуры, обычаев и язык. «Дома здешних юкагиров построены довольно прочно, из бревен, и состоят по большей части из одной просторной комнаты... Одежда юкагиров совершенно сходна с одеждой живущих здесь русских» [Врангель, 2011, с. 218], — отмечали русские путешественники, посетившие эти края.

В этот период увеличивается число домов русского типа в местах расселения якутов. Хотя ураса еще присутствует в обиходе зажиточных слоев населе-

ния, а на севере все еще сохраняется холомо [Миддендорф, 1860, с. 780; История..., 1957, с. 235; Серошевский, 1993, с. 346–363; Маак, 1994, с. 44]. К преимуществам конструкции русской избы с дощатым полом и плоской крышей добавилась привозная мебель [История..., 1957, с. 236; Маак, 1994, с. 44–46]. По данным Р.С. Гаврильевой, изучавшей одежду якутов, вторая половина XVIII в. «ознаменована особым подъемом этнокультуры» [2000, с. 22]. В этот период сложился тот фасон якутской мужской и женской одежды, который ныне считается классическим традиционным костюмом. На смену древнему *сангыях* приходит *сон* — видоизмененная форма старинного якутского кафтана. Все это стало возможным благодаря завозу разнообразного сравнительно недорогого материала (дабы, ситца, сукна и т.д.). Эстетические вкусы местных мастериц были реализованы на новых материалах в сочетании с традиционными меховыми. Принятие христианства способствовало более интенсивному межэтническому и межкультурному взаимодействию. Повседневная нательная одежда из тканей, предметы быта, украшения, инструменты активно заимствовались и усваивались прежде всего зажиточными слоями общества, мастера (плотники, кузнецы, косторезы) овладевали новыми умениями и начинали работать с новыми материалами.

Благодаря насыщению местного рынка привозными серебряными изделиями увеличился спрос на серебряные предметы среди широких слоев населения, а не только среди богатых [История..., 1957, с. 239; Серошевский, 1993, с. 329–345, 364–414].

Расцвет искусства резьбы по кости падает на первую половину XIX в. [Иванов В.Х., 1979]. С 1820-х годов увеличивается количество мастеров. Вырос объем изготавливаемой продукции. Самыми главными признаками наметившегося подъема стали новые тенденции якутского косторезного искусства. Устремленность якутских мастеров к декоративности сделала их произведения более нарядными. На этот период приходится хоть и запоздалое, но заметное влияние русского классического стиля, неожиданно пришедшего по вкусу якутским муосчутам (косторезам). Декоративность достигалась за счет большого разнообразия орнаментальных мотивов в основном геометрической формы: арки, кресты, овалы, ромбы и т.д. Обогащается сюжетика композиций. На гребнях, шкатулках и ларцах изображаются фрагменты национального праздника ысыах, кумысопитие, танец *оуокай*. Используется принцип развернутого рассказа. Чтобы передать пространственность, используется чередование рельефного изображения и гравировки.

В 1810–1820-х годах оформляется классический стиль якутских чоронов: округлость, плавность си-

луэта, доминирование тулова, разнообразие форм (до шести основных форм), цельность (например, в архаичных сосудах ножки были вставные). Художественный вкус якутских мастеров особенно виден в чоронах на трех ножках, в которых выдержаны все пропорции и композиция органично сочетает в себе основные компоненты — венчик, тулово, подставку. Как правило, чороны с ножками более приземисты, а тулово имеет формы горизонтального эллипсоида, либо шара, либо полушара. Конструкция классических чоронов — это органическое целое [Потапов, 1972, с. 74]. По сравнению с ними архаические чороны отличаются глубокой резьбой, геометризмом, массивностью, тяжеловесностью форм, мощью и суровостью, присущей олонхо [Там же, с. 66–67].

В художественном оформлении другой кумысной утвари (*симиур, кенкелей, хамнатар, уһаайах* и др.), которая в XVIII в. изготавливалась с орнаментами в монументальном стиле и выполняла исключительно ритуальные функции, в рассматриваемый период произошли заметные изменения. В частности, на рукоятях *уһаайах, хамыйях* исчезают стилизованные антропоморфные изображения шаманов, но продолжают изображаться конские головы. Тем не менее утварь богато украшалась лировидным орнаментом.

В это время в быту как якутов, так и тунгусов и юкагиров появляются коробки цилиндрической формы для чая и других сыпучих продуктов, солонки, а также деревянная посуда, которая имитировала русскую фарфоровую посуду.

Под влиянием новых веяний — крещения, распространения русской книжности, деловой активности — складывается дуализм в мировоззрении. Якуты восприняли новую веру, приспособив ее к своей системе духовных ценностей. По наблюдениям второй половины XVIII в., «многие охотно принимают святое крещение, да и некрещеные, буде из них которому прилучитца идти мимо святой церкви, кланяютца пред оною и, опуская руки к земле, говорят на своем языке тагара, что значит великий бог, не упоминая других различных имян, которые в числе богов поставляют, а имянно юрунар, хомпорун, хотой хан, чесегей, сюге тоен, иахсыт, разумеется ангел наставник» [Окладников, 1948, с. 39]. Как мы видим, в то время якуты противопоставляли христианского бога своим богам. В XIX в. верховное божество якутов Юрюнг Айыы Тойон («юрунар», согласно процитированному источнику) постепенно приобрело черты христианского боготца [Токарев, 1940, с. 132; Николаев, Васильев, 2000, с. 243].

Восприятие христианства было во многом формальным. Большинство людей привлекали льготы. К этому времени относится появление современ-

ных имен и фамилий, хотя в большинстве случаев население сохраняло прежние якутские имена.

Именно потребность оформить свои культурные запросы, возможно, подтолкнула якутов к быстрому крещению. Специалисты, изучавшие историю христианизации Якутии, пришли к выводу, «что и после завершения крещения у якутов, эвенков и других народностей Якутии наряду с христианством продолжала существовать и языческая религия. Несмотря на некоторые внешние успехи миссионерства, православие не оказало серьезного влияния на общее мировоззрение местного населения». Не успело оно утвердиться в Якутии даже к началу XX в. [Шишигин, 1991, с. 78, 96].

Усердие якутов было отмечено небывалым строительством церквей: «Часовен или молитвенных домов в Камчатской епархии находится до 130, и большей частью в Якутской области, где якуты начали строить их в последнее время в значительном количестве и все собственным своим иждивением» [Барсуков, 1883, с. 466]. Так середина XIX в. ознаменовалась началом процесса осознанного обращения якутов к православной вере.

Практически все русское население в этот период в обиходной речи перешло на якутский язык.

В изучаемый период якутский язык приобретает все более унифицированную форму, близкую к литературной. Как известно, одним из признаков консолидированности народа выступает единый литературный язык. По мнению ведущих якутских фольклористов и языковедов, «язык фольклора являлся устным литературным языком якутского народа» и оказал решающее влияние на характер норм якутского литературного языка [Слепцов, 1986, с. 11]. Пределы современной родины якуты заселили в основном именно к этому времени. Внешние и внутренние передвижения населения способствовали нивелированию диалектных различий. Зарождение в XIX в. якутской письменности заложило основы якутского письменного литературного языка, и одновременно развился общенародный устный литературный язык [Слепцов, 1986, с. 231–232].

К изучаемому времени относятся первые памятники ранней письменности якутов. Они довольно разнообразные, хотя пока и малочисленные. Кроме упомянутой присяги Павлу I имеются два образца клятвы: один из языческой практики [НА РС (Я). Ф. 180-и. Оп. 1. Д. 1505. Л. 16об.–17], другой, по-видимому, представляет собой перевод православной клятвы [НА РС (Я). Ф. 39-и. Оп. 2. Д. 33. Л. 35–35об.]. В первом случае 21 мая 1847 г. власти Якутского округа приказали якутам и тунгусам доставить сведения «о том, какая клятва употребляется в важных случаях между инородцами до принятия христианства». В результате был представлен текст из шести строк на языке оригинала.

Во втором случае в ноябре 1835 г. якуты 5-го Мальжегарского наслега Кангаласского улуса использовали текст клятвы также на якутском языке, судя по форме и содержанию представляющего собой перевод из православной практики.

К изучаемому времени относятся по меньшей мере два перевода православной духовной литературы. Первый — это «Сокращенный Катихизис для обучения юношества православному закону христианскому, переведенный на якутский язык с приложением на переди таблиц для складов и чтения гражданской печати», изданный в Иркутске дважды — в 1819 и 1821 гг. Для облегчения чтения и обучения текст во втором издании расположен на листах, разделенных на две части: слева — русский текст, справа — якутский перевод. О литературных достоинствах перевода есть диаметрально противоположные мнения, тем не менее это издание служило на протяжении столетия учебным пособием не только для познания православного вероучения, но и для развития якутского письма.

О втором тексте — «Кратком катихизисе на русском и якутском языках», изданном в Санкт-Петербурге в 1844 г., известно гораздо меньше. Важно, что это был самостоятельный перевод, заметно отличающийся от предыдущего. Поскольку он представляет собой перевод текста, состоящего из вопросов и ответов, по-видимому, он был еще более адаптирован для якутоязычного читателя.

Упомянется еще об одном издании 1812 г., а именно о переводе книги «Молитвы. Символ В. и заповеди Б. (начатки вероучения на якутском языке)», но, к сожалению, ни одного экземпляра ее не сохранилось [Слепцов, 1986, с. 16; Сафронов, Иванов, 1992, с. 54–56].

В архиве имеется один любопытный двуязычный текст из обычного права якутов [Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 16. Д. 4. Л. 49–49об.], который представляет собой «расписку» князца Дмитрия Готовцева, датированную 10 марта 1813 г., по поводу заключения калымного договора между ним и сватом Андреем Сыромятниковым. Текст в целом написан по-русски, но включает в себя якутские термины и даже отдельные фразы. Таким образом, он дополняет русскоязычные образцы нормативной практики якутов, которые содержат в себе якутскую лексику.

Имеются также два перевода официальных документов: «Записка» — прошение кандидата улусного головы Егора Готовцева на имя генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева от 10 июня 1848 г. [ПФА РАН. Ф. 161. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–6об.] и переведенные на якутский язык выдержки из «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири», датированного 1838 г. [РГИА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 36б. Л. 27–117].



Полицейское управление в г. Вилуйске.



Якутский губернатор Владимир Николаевич Скрипицын.



Якутский губернатор Виктор Павлович де Витте.



Якутский губернатор Юрий Иванович Штубендорф.



И.В. Попов. Якутский губернатор Константин Николаевич Светлицкий.



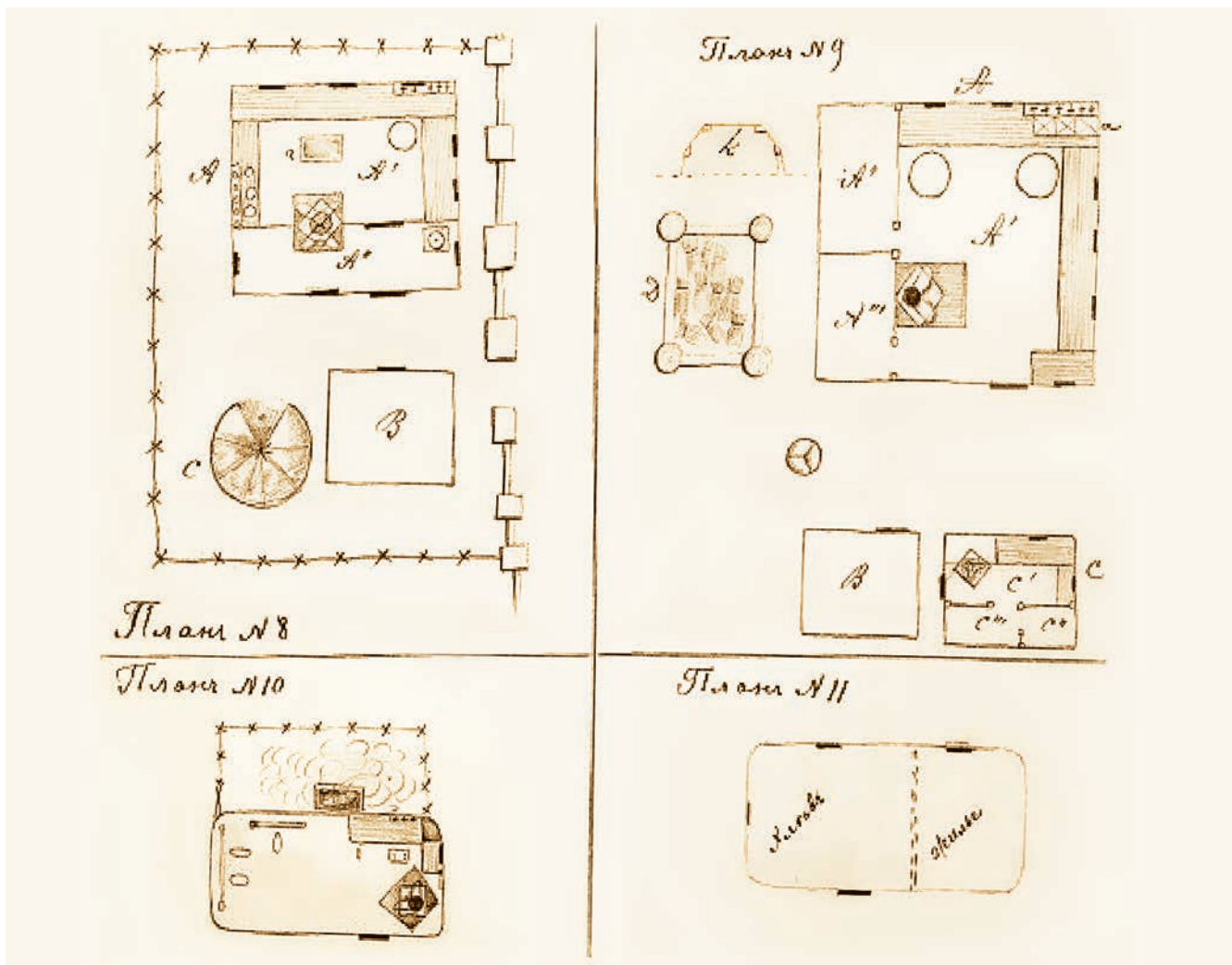
Выезд якутского губернатора в якутские улусы.



Карта Сибири. 1850 г.



Якутский окружной исправник А.И. Попов с членами управы и старостами наслегов Восточно-Кангаласского улуса. 1896 г.



Планировка якутской юрты. Из фондов Архива востоковедов ИВР РАН.



А.И. Попов.



Улусный голова Е.Д. Николаев.



Батурусская инородная управа.



Летняя усадьба якутов.



Стоянка эвенгов.



Пахота.



Уборка зерновых.



Гужево́й транспорт на площади перед зданием Кружала. Начало XX в.



Пароход на р. Лене. Вторая половина XIX в.



Пауски на р. Лене. Конец XIX в.



Выделка кирпича кустарным способом в пригороде Якутска.
Начало XX в.



Водовоз. Якутск. Конец XIX – начало XX в.



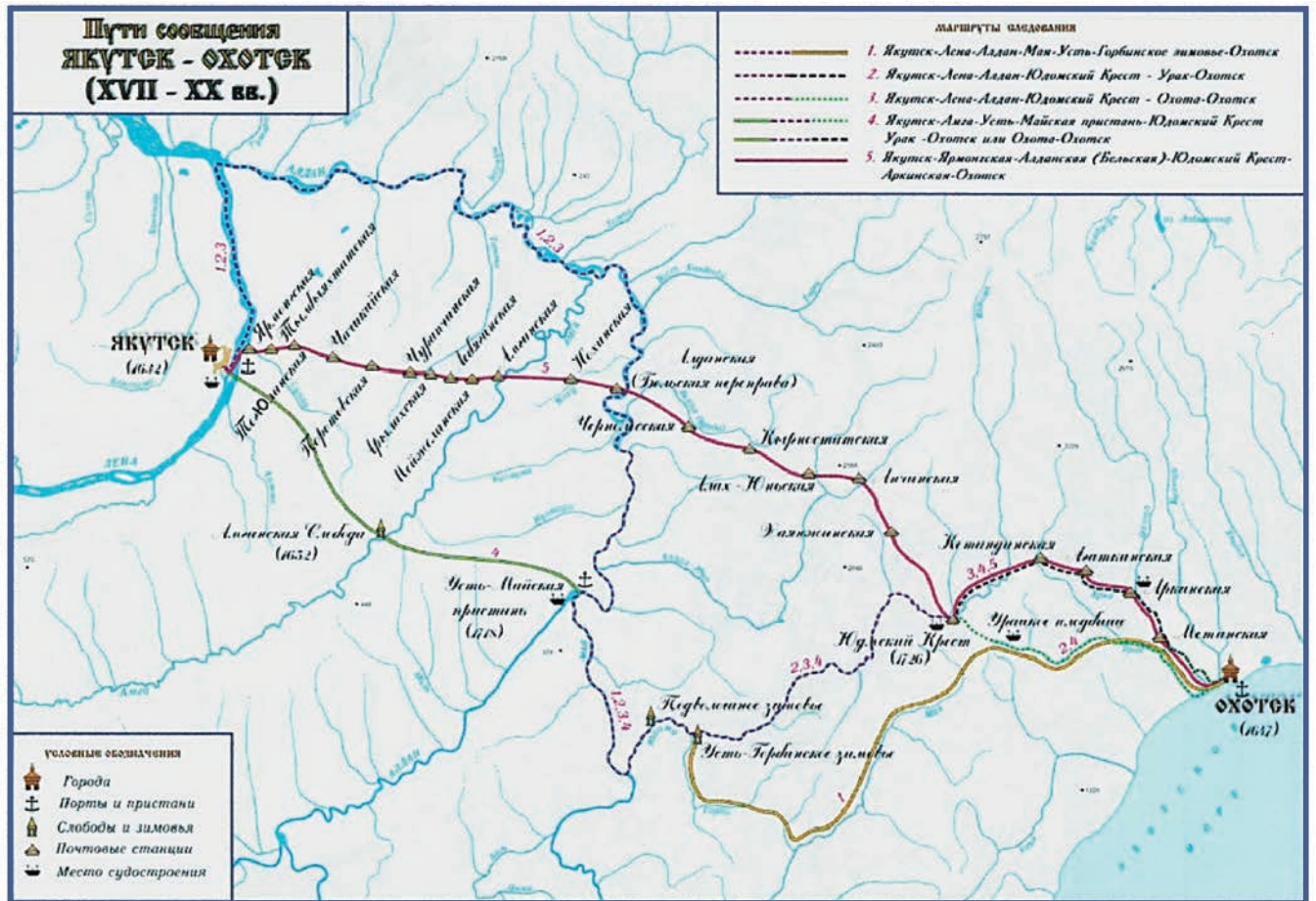
Вилуйск в конце XIX в.



Зимний лов рыбы.



Самое крупное каменное сооружение Якутска – Гостиный двор, который включал 44 магазина.



Охотский тракт.



Якутская ярмарка.



Пароход Н.Е. Глотова.



Перевоз через реку.



Семья головы Восточно-Кангаласского улуса
Прокопия Филипповича Лепчикова. 1881 г.



Купец П. Захаров.



Торговые паузки во время Якутской летней ярмарки. Начало XX в.



Крестный ход у Мачинской Николаевской церкви.
Начало XX в.



Верхнеколымская Петропавловская церковь.



Архиерейский дом, построенный на территории Якутского
Спасского монастыря в 1859 г. Фото В.С. Келермана.



И. Пестряков. Вид на Соборную церковь.



Церковь и лепрозорий в Среднеколымске.



Градо-Якутское духовенство и церковные старосты с епископом Мелетием (Якимовым) (в центре); второй слева в первом ряду книгоноша И.К. Голубев. Якутск. Август 1892 г.

Духовная династия протоиерея М. Винокурова: сыновья-священники Иннокентий, Алексей, Евгений с супругами и детьми. Конец XIX – начало XX в.



Празднество у Троицкого собора.



Преподаватели и выпускницы Якутского епархиального женского училища. В центре епископ Якутский и Вилюйский Мелетий (Заборовский). 1912 г.

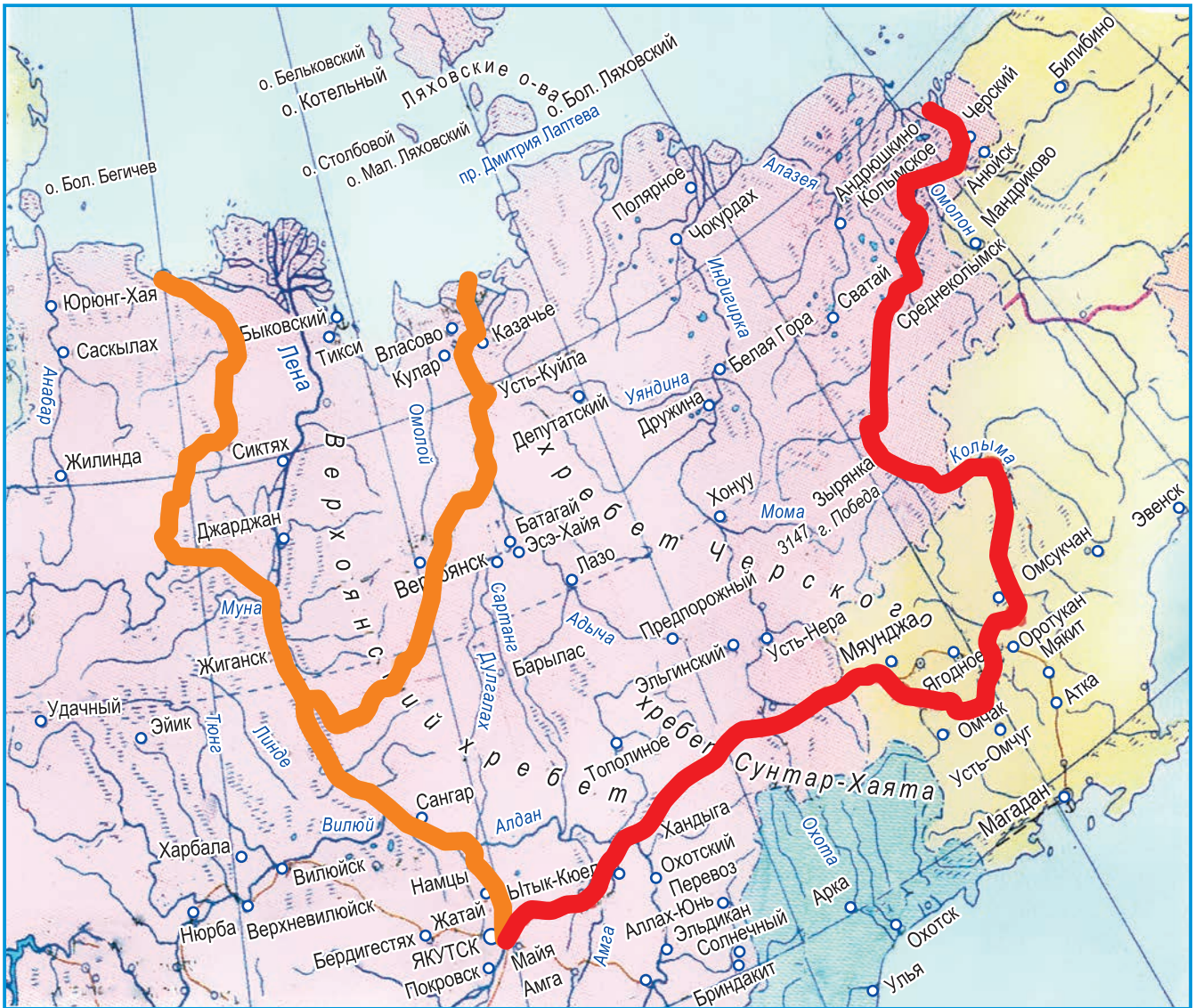




Собачья упряжка у храма.



Город Олёкминск на р. Лене.



Миссионерские маршруты священников Николаевской и Благовещенской походных церквей. Современная реконструкция.



Богородицкая церковь.



Остатки Якутского острога.
Северная угловая башня.



Оттон Николаевич Бётлинг
(1815–1904), академик АН России,
автор первой научной грамматики
якутского языка.



Артисты первого любительского театра в Якутске. 1890-е годы.



Реальное училище.



Заседание членов Сибиряковской
экспедиции.



Якутская начальная школа при Намской инородной управе. 1902 г.



Здание Якутской мужской прогимназии. Конец XIX в.



Якутская летняя кузница. Конец XIX в.



Упаковка мехов во дворе торгового дома Громовых в Якутске. Конец XIX в.



Якутская областная больница. Конец XIX в.



Скопцы на жатве хлебов. Конец XIX в.



Вид якутского кыстыка (зимника). Рис. М.М. Носова.
Конец XIX – начало XX в.



Голова Восточно-Кангаласского улуса И.Г. Соловьев с членами управы во время словесного суда. Конец XIX в.

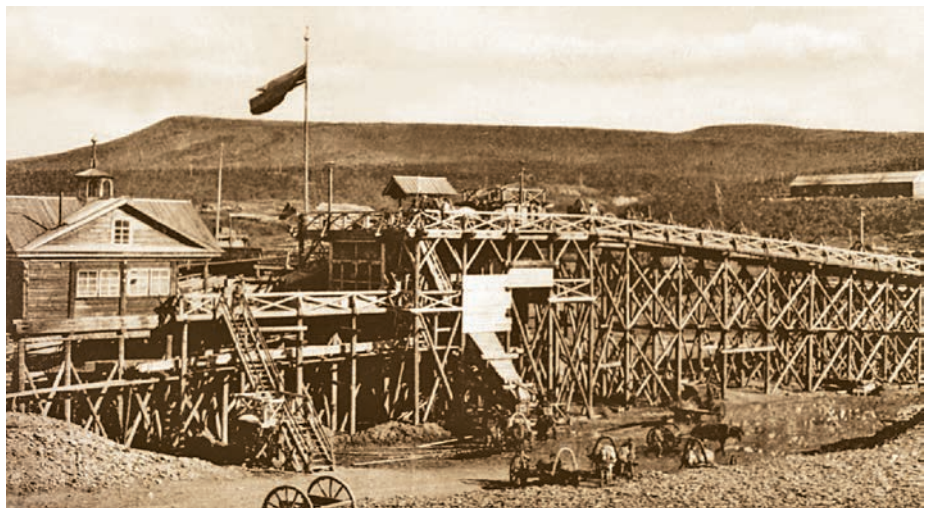


Рабочие во время пути на золотые прииски. Конец XIX в.



Врач П.Н. Сокольников.
Конец XIX в.

Золотопромывочное сооружение Вознесенского прииска. Конец XIX в.



В «Записке» со знанием дела описано положение Якутской области и выражена обеспокоенность тем, что обещанное со времен «Устава об управлении инородцев» 1822 г. издание «степных законов» не состоялось. Рекомендации автора по улучшению ситуации сводятся к следующим пунктам: 1) предложено отделить область от Иркутской и Енисейской губерний по части отнесения земских повинностей, ввиду того что в последних промышленность и торговля более развиты, соответственно, платежеспособность населения выше; 2) обращено внимание на скорейшее устройство продовольственных магазинов; 3) выражено пожелание восстановить степную думу, упраздненную в 1838 г., и при этом указано на недостатки и пути их исправления, а также разграничены некоторые полномочия между думой и областным правлением; 4) изложена просьба о присвоении якутским родоначальникам за заслуги перед правительством звания потомственных почетных граждан.

Любопытен «Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири», состоявший из 540 статей и собравший нормы обычного права бурят, хакасов, якутов. Сохранился один из вариантов, часть которого была переведена на якутский язык. Судя по уровню перевода, автор был хорошо подготовлен. Он старался сохранить суть текста и одновременно стремился быть понятным для якутского читателя, подбирая близкие по смыслу слова из словарного фонда якутского языка того времени. Переводу предпослан небольшой словарик, куда вошли 205 терминов, отражающих юридическую лексику [РГИА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 366. Л. 28–33].

Заслуживает внимания тот факт, что неизвестный переводчик, пожалуй, впервые начал осваивать общественно-политическую и юридическую лексику средствами якутского языка. Также судя по данному тексту, поскольку речь идет не только о русском законодательстве и нормах якутского обычного права, но и о нормотворчестве других народов — бурят, хакасов, эвенков, можно говорить о расширении общественной активности.

Кроме того, отложился определенный массив текстов эпистолярного жанра [Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 16. Д. 47; Слепцов, 1986, с. 24]. По данным исследователей, сохранились десятки писем на якутском языке 1830–1840-х годов. Этот ценный источник еще ждет своего исследователя. Даже при первом знакомстве с письмами видно, что корреспонденты вполне буднично обмениваются новостями, просят о помощи, договариваются о своих делах и т.д.

Высшим проявлением письменной практики изучаемого времени является сочинение А.Я. Уваровского «Воспоминания», его переводы нескольких русских текстов на якутский язык 1846 г. [Уваров-

ский, 1947]. Литературные достоинства этого первого памятника художественной литературы якутов рассмотрены во многих работах [Тобуроков и др., 1993, с. 41–56; Габышев, 1995; 2011, с. 5–27; Матханова, 2010, с. 134–135; и др.]. Здесь отметим лишь следующий факт. Ввиду того что данное произведение вошло в академическое издание «О языке якутов» Бётлингга, долгие годы оно оставалось недоступным якутоязычному читателю. Кроме того, поскольку автор был русским чиновником, сохранялась определенная межэтническая дистанция. Он находился в целом несколько в стороне от образованной якутской среды. Однако есть интересное предположение о том, что А.Я. Уваровский писал по-якутски еще до знакомства с О.Н. Бётлингком [Тобуроков и др., 1993, с. 50; Габышев, 1995, с. 36; 2011, с. 18].

По словам П.А. Словцова, посетившего Якутск в 1826 г., «якуты по последнее десятилетие независимо от климата обнаружили удивительную способность к искусствам... Столярная и каменная работа, резьба по дереву и из мамонтовой кости, дело мебели по московским образцам, портное мастерство и другие искусства, в каких только может нуждаться город областной, ныне без изъятия принадлежат руке якутов... Ученики уездного училища из рода якутов отличаются красотой чистописания и успехами в рисовании» [1826, с. 15].

Таким образом, в первой половине XIX в., несмотря на отдаленность и оторванность Якутии, суровость природно-климатических условий и тот факт, что инородцы составляли подавляющее большинство, а русское население было представлено небольшими анклавами, в культурном отношении произошло много трансформаций. Имело место объядучивание не только малочисленных народов Севера, но и русских старожилов. В то же время русские старожилы и якуты осваивали на Севере традиционный промысел, а на инородцев в этот период заметное влияние оказали культурные новшества из России. Этому содействовало государство, комплектуя кадры местного чиновничества из числа образованных и интеллигентных людей, открывая школы и распространяя земледельческую культуру. Во многом благодаря христианизации развивается грамотность.

17.2. ЗАРОЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ, ЗДРАВООХРАНЕНИЯ, ТЕАТРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ В ОБЛАСТИ

По весьма точному определению ведущего отечественного ученого, «за время первой половины XIX в., как известно, взгляды власть имущих на

характер образования кардинально менялись: от приоритета общего образования, идеи бессословности и светскости, преемственности обучения к принципам сословности, ставшими главными при Николае I» [Дворниченко, 2010, с. 699]. Перемены, происходившие в рассматриваемый период, коснулись и Якутии.

В 1803–1804 гг., согласно новой либеральной школьной реформе, страна была поделена на шесть учебных округов, каждый из которых возглавлялся одним из университетов. Якутия как часть Сибири стала подчиняться Казанскому учебному округу.

Главным результатом реформы явилось возникновение сети начального образования, в том числе в Сибири. Хотя в целом по Сибири 65 % учащихся относились к городским сословиям, приходские и уездные училища, которые довольно активно появлялись по всей стране, были открыты и для выходцев из низших и средних слоев населения, которые получали деньги от государства, городских и сельских (в том числе инородческих) обществ, благотворителей и меценатов.

Среди представителей всех сословий области казаки были самыми грамотными. Этому способствовали казачьи школы, которые давали начальное образование. Еще в 1810 г. для обучения детей сибирского казачества было приказано учредить училища во всех казачьих частях.

В 1826 г. была открыта казачья школа в Якутске, в 1829 г. — в Среднеколымске и Вилюйске, в 1843 г. — в Охотске [Афанасьев, 1966, с. 116]. Они сыграли важную роль в распространении образования в крае. Например, в Вилюйской казачьей школе преподавали чтение и письмо, арифметику, естественную и отечественную историю. Некоторые первые учителя Якутии были выпускниками казачьих школ.

3 февраля 1808 г. в Якутске открылось первое уездное училище. В среднем в этот период в нем обучалось одновременно около 40 учащихся. Сословный состав их был весьма демократичным. Например, в 1836 г. в училище обучались 63 чел., из них детей дворян и обер-офицеров — 19, канцелярских служащих — 2, работников почтового ведомства — 9, врачей — 1, мещан — 16, купцов — 4, якутов — 7, других сословий — 5 [Там же, с. 110]. Хотя училище финансировалось из государственной казны, значительные суммы поступали и от частных жертвователей, вначале в основном из числа мещан, а затем купцов. Городской голова Я.В. Попов и его супруга пожертвовали всего 400 руб. и приобрели за 1107 руб. помещение для училища. В 1831 г. якутский купец третьей гильдии Катакация внес 7831 руб. 10 коп. на постройку нового здания с флигелем для училища, а в следую-

щем году другой якутский купец второй гильдии И. Шилов построил флигель для учителей стоимостью в 6688 руб. 13 коп., удостоившись за свое благодеяние золотых медалей [РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 53. Л. 1–28; Д. 82. Л. 1–34].

Известны имена первого смотрителя училища Федора Амвросова, учителей кандидатов Иркутской гимназии братьев Василия и Степана Копыловых. В училище преподавались правописание, чтение, грамматика, арифметика, геометрия, география, гражданская история, технология, рисование, черчение, закон Божий, катехизис, священная история [Афанасьев, 1966, с. 111].

В последующем правительство издало ряд законов, которые стимулировали развитие образования в Сибири: постановление Министерства народного просвещения 1816 г. о награждении благотворителей училищ; закон 1825 г., уравнивший чиновников, которые служили в Сибири по учебной части, по размерам выходных денег, получаемых по производству в очередной чин, с чиновниками гражданской службы; устав 1828 г. о подчинении учебных заведений в сибирских губерниях гражданским губернаторам.

Со временем училище превратилось в ведущий учебный центр области [Там же, с. 113–114]. Под эгидой училища в 1812 г. открылось Олёмкинское уездное училище (с 1838 г. — Олёмкинское гражданское приходское училище), в 1823 г. — духовное уездное училище, в 1826 г. — Якутское гражданское приходское училище и в 1820–1830-е годы — упомянутые выше Якутская, Вилюйская, Среднеколымская казачьи школы.

Среди преподавателей были известные деятели науки и культуры: сибирский писатель и краевед, смотритель училища и учитель русского языка Д.П. Давыдов, «кандидат восточных языков» Е.К. Огородников, автор «Замечаний о Якутской области», законоучитель М.С. Ощепков, в 1843 г. осуществивший перевод «Краткого катехизиса» и «Евангелия от Матвея» на якутский язык, преподаватель арифметики и геометрии А.П. Павловский, участник Вилюйской экспедиции 1854–1855 гг., и др.

Правительственный курс в области образования предусматривал обучение в школах инородцев. Первые якутские депутаты С. Сыранов (1767 г.), А. Аржаков (1789 г.) в числе прочих предложений ставили вопрос об открытии школ для якутов. В указе от 19 января 1790 г. признавалось, что «заведение училища для обучения детей якутских есть дело полезное».

Староста Мальжегарского наслега Кангаласского улуса Илья Шадрин в 1800 г. в своем прошении на имя императора Павла I снова поставил данный вопрос. На что в том же году последовал царский указ «Об утверждении в г. Якутске для обучения

христианскому закону якутского юношества». Планировалось набрать 25 детей.

1 января 1801 г. при Якутском Спасском монастыре такая школа была открыта [РГИА. Ф. 796. Оп. 82. Д. 694, 948]. Так как в ней обучались не только якутские дети, мещане города оказали содействие, предоставив для ее размещения дом. Сумму в 1250 руб. и 850 различных книг для школы выделил городской голова Я.В. Попов [Афанасьев, 1966, с. 109]. По учебной программе школа почти не отличалась от уездных училищ. Об уровне преподавания свидетельствует тот факт, что ее выпускники не только становились писарями в иногородных управах и родовых управлениях, но и получали должности канцеляристов в штате областного правления и имели соответствующие чины.

Известны имена четырех учителей: Г. Громова, А. Винокурова, Е. Протопопова, А. Соколова. В 1814 г. из 16 учеников было 7 детей священников и 9 якутов [Попов, 2006, с. 351]. На следующий год иркутские власти обследовали школу и решили ее закрыть, а учеников отправить для продолжения учебы в Иркутск. Как известно, через несколько лет в Якутске было открыто приходское духовное училище.

Несмотря на это, «Устав об управлении инородцев» 1822 г. определил: «...все инородцы могут беспрепятственно переходить в крестьяне и городские сословия, отдавать детей в правительственные или заводные свои собственные училища». В газете «Северная почта» в 1817 г. было отмечено, что якуты весьма охотно обучают своих детей в русских школах с целью «сделать их способными обучать других детей в улусах своих».

В этот период якутское население имело возможность обучаться в министерских, церковно-приходских и частных школах. Если, по оценкам Ф.Г. Сафронова и В.Ф. Иванова, к концу XVIII в. численность грамотных якутов доходила до 90 чел., то в первой половине следующего столетия речь может идти уже о сотнях людей, получавших начальное образование в различных учебных заведениях и на дому.

К 1827 г. в семи улусах Якутского округа нужды инородных управ и крупных родовых управлений обслуживали до 30 писарей [Башарин, 2003, т. 2, с. 28–31], притом что в этот период было решено уменьшить письмоводство в наслегах. Есть данные о наличии писарей в каждом крупном наслеге.

Интересно также отметить факт первого назначения учителем в Якутское гражданское приходское училище в 1826 г. выпускника уездного училища, сына якута 1-го Мальжегарского наслега Кангаласского улуса Назара Борисова [Афанасьев, 1966, с. 111]. Другой факт также свидетельствовал как о

природной тяге местных жителей к образованию, так и об уровне преподавания. В докладе сенатора И.Н. Толстого, проводившего ревизию в Якутской области в середине 1840-х годов, особо отмечены выдающиеся способности старшеклассника Якутского уездного училища якутского юноши из Тыллыминского наслега Кангаласского улуса Иванова. Ему сенатор рекомендовал продолжить обучение в гимназии в Иркутске, о чем было сделано специальное распоряжение [РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 311. Л. 3–5].

Федор Посельский из 2-го Ольтекского наслега Борогонского улуса, бывший письмоводитель управы данного улуса и Якутской степной думы, по видимому, также один из выпускников училища, является автором перевода на якутский язык «Записки» кандидата улусного головы Егора Готовцева на имя генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева о состоянии Якутской области в 1848 г. [ПФА РАН. Ф. 161. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–6об.]. В эти годы среди образованной части якутского населения выдвинулся отец будущего деятеля якутского национального движения В.В. Никифорова — В.И. Никифоров, письмоводитель Дюпсунской инородной управы.

Фактически с этого времени начинает формироваться якутская прединтеллигенция.

19 января 1797 г. император Павел I утвердил «Положение о врачебных управах в губерниях и инструкции для их чинов». «Смысл реформы состоял в создании унифицированной структуры управления врачебным делом в губерниях и уездах для обеспечения населения бесплатной медицинской помощью, организации санитарного надзора и борьбы с эпидемиями» [История здравоохранения..., 2014; Петров, 1826, с. 138–141]. В связи с образованием Якутской области в 1805 г. сюда впервые были назначены на службу врачи.

31 июля в 1805 г. вышел указ Александра I «Об определении медицинских чинов в Якутский уезд и производстве им жалования». В этом документе написано: «Июля 31. Именной, данный Тобольскому, Томскому и Иркутскому Генерал-Губернатору. — Об определении Медицинских Чинов в Якутский уезд и о производстве им жалования».

Уважив представленные вами причины о надобности иметь Медицинских чиновников в упраздненных городах Иркутской Губернии, ныне Якутский уезд составляющих, Я соизволяю на определение, соответственно представлению вашему, в Коммиссарство Алекминское, Аленское, Зашиверское и Среднековымское по одному Лекарю и одному младшему лекарскому ученику, а в Удское, Жиганское и Амгинское по одному старшему лекарскому ученику, с жалованием соответственно

штатам Иркутской Губернии, Лекарям каждому по 700, ученикам старшему по 175, а младшему по 140 рублей в год, предписал Министерству Финансов, сии прибавочныя на содержание Медицинских чинов деньги, всего 3885 рублей вместе с другими суммами по штату Иркутской Губернии отпустить» (цит. по [Николаев, 2005, с. 66–67]). Таким образом, более 210 лет назад началась официальная история здравоохранения Якутии. С середины XIX в. в областном правлении состоял на службе инспектор медицинской части. Кроме того, в Якутске, как в центре области, было положено начало стационарному лечению больных.

Выдающуюся роль в организации медицинской помощи населению Якутска сыграл Ф.Ф. Реслейн — инспектор Иркутской врачебной управы, назначенный главным медиком области — областным врачебным инспектором. Реслейн прослужил в Сибири, на Камчатке и в Якутии всего 40 лет. Имеется скудная информация о жизни и деятельности этого замечательного человека, считавшегося «одним из благотворительнейших мужей своего времени», обладавшего исключительным бескорытием. В конце 1805 г. он добился постройки больничных зданий в Якутске и Олёкминске. Вместе с помощниками И. Кремковым, Розмановым, Я. Долгановым основал первую больницу, где широко проводилось оспопрививание, велась борьба с заразными и венерическими болезнями. В 1815 г. в Якутске осталось два врача — Ф.Ф. Реслейн и И. Кремков. Известный русский врач и ботаник академик И.И. Редовский в своем труде «Путешествие, предпринятое в 1805–1807 гг. от Кяхты до Урги и от Иркутска до Гижигинска» писал о своем знакомстве в Якутске с доктором Реслейном. Тот сообщил академику о местных болезнях, о проводимой вакцинации им и штабс-хирургом Малиновским. Как свидетельствует история, Ф.Ф. Реслейн умер в 1810 г. в Среднеколымске, куда ездил лечить больных проказой и сифилисом, от гангрены после отморожения ноги. Ему тогда было 70 лет от роду [Геденштром, 1830, с. 85].

Первое документальное упоминание о больных, поступивших в больницу г. Якутска, относится к 1813 г. 9 ноября 1813 г. городская больница по штату имела 25 коек. Вопросами здравоохранения ведал больничный совет. В нем состояли: вице-губернатор, врач-инспектор доктор медицины А.Т. Левитский, начальник воинской команды, попечитель больницы И.Г. Васильев и врач больницы В.А. Плесский. В декабре 1814 г. на лечении в стационаре г. Якутска находилось 11 больных. За счет Казенной экспедиции, т.е. за счет государства, прошли лечение 5, за собственный счет — 6 чел. Интересен контингент больных. За свой счет лечились «казачья жена из г. Якутска, Верхневиллюйского ведом-

ства князца родница, Борогонского улуса князца родница, Кангаласского улуса князца родница, Олёкминского ведомства крестьянская жена, Намского улуса князца родница, Табагинской станции больной, жена ссыльного, отставной солдат...». Часть больных были пролечены за счет Иркутского приказа общественного призрения, примерно по двое больных в месяц [Памятная книжка..., 1871; Чемезов, 1956, с. 48, 55]. Из документов следует, что медицинская помощь оказывалась не только городским, но и улусным больным.

Первые сведения об открытии аптеки относятся к концу XVIII в. В 1832 г. в Якутске насчитывалось три аптеки — приказная, для инвалидной команды и частная. В Якутской гражданской больнице, в лазарете местной воинской команды, в окружных лечебницах существовали свои аптеки.

Немало окружных лекарей России внесли свою лепту в историю медицины Якутского края. Еще в 1817 г. областная администрация назначила в Колымский округ врача Тимашевского, который построил небольшой лепрозорий в урочище Буталах в 60 верстах от Среднеколымска. Он также организовал больничные юрты и дома в Верхоянском округе. В 1820–1823 гг. колымских прокаженных лечил доктор Кибер, участник географической экспедиции Врангеля. В Виллюйском округе проказа была выявлена в 1827 г. доктором Крузе. А колония — приют для прокаженных — будет создана гораздо позже, в 1893 г., при содействии набожной и сострадательной сестры милосердия — англичанки мисс Кэт Марсден [Сыромятников, 2009, с. 223].

В 1818 г. в Якутске существовала больница на 25, а в Олёкминске на 5 коек. В декабре 1821 г. для дальнейшего руководства в работе в Якутскую больницу из Иркутского приказа общественного призрения поступило «Наставление по управлению Иркутской Гражданской больницей», где было указано, что больные могут быть всякого состояния и пола: бедные, неимущие, престарелые, увечные, не могущие исправлять никакую работу, казаки, служащие чиновники, вольные граждане, воинские чины. В больнице Якутска принимали роды у тех женщин, у кого беременность протекала тяжело. Лечились преимущественно больные с проказой, сифилисом и «кровавым поносом». Делались прививки от оспы новорожденным. Иностранцы (коренные жители) поступали от Якутской степной думы. При ведомстве Иркутского приказа общественного призрения первая гражданская больница на 40 коек в Якутске была открыта в 1843 г. Персонал, состоявший всего из 8 чел., за первый же год работы сумел пролечить 846 чел.

В отдаленных местах, в Верхоянске, Абые, Булу-не, Усть-Янске, Русском Устье, Ожогинске, уже в

1819 г. начали строиться больничные дома и юрты [Якутия..., 1953, с. 134]. Это неудивительно, ведь и по всей Сибири начало столетия было ознаменовано увеличением количества больниц [История Сибири, 1968, с. 485]. В 1843 г. в Якутске была построена первая городская больница. В дальнейшем таковые начнут строиться в других округах. В них сразу же стали лечить не только горожан, но и жителей улусов. Например, во второй половине 1840-х годов через Якутскую больницу прошли сотни якутов из близлежащих улусов [НА РС (Я). Ф. 180-и. Оп. 1. Д. 1675. Л. 49–49об.].

Начиная с 1815 г. стали приниматься законы, стимулировавшие медицинских служащих, которые привлекались в Сибирь перспективой быстрого продвижения по службе, большими подъемными выплатами и высоким жалованьем. Так, в 1841 г. произошло значительное повышение окладов инспекторам медицинской части в Якутской области.

В этот период развивается оспопрививание. Так, согласно «Ведомости о числе детей бывших и не бывших в предохранительной оспе по Якутской округе за 2 половину 1843 года» в Кангаласском улусе из 455 детей 365 сделана прививка, из которых 336 удачно, 29 неудачно, осталось не привитыми 119, в Батурусском улусе — соответственно 425, 341, 190, 151 и 235, в Мегинском улусе — 375, 234, 201, 33, 174, в Намском улусе — 293, 266, 255, 11, 38, в Борогонском улусе — 125, 115, 87, 28, 38, в Баягантайском улусе — 103, 100, 70, 30, 33, в Дюпсунском улусе — 215, 120, 102, 18, 113 [НА РС (Я). Ф. 180-и. Оп. 2. Д. 142. Л. 24–28]. Важно отметить факт заинтересованности самих якутов в оспопрививании. Еще в 1810-х годах якутские князцы обращались к русским властям с просьбой о проведении профилактических прививок от оспы.

У якутского народа сложилась своеобразная система народной медицины, когда больного шаманы лечили в основном гипнозом, а также были лекари, занимающиеся кровопусканием, прижиганием (*туоннээччилэр*). Среди народных лекарей были костоправы (*унуох тутааччылар*), массажисты (*илбийээччилэр*). Использовались и лечебные растения (*омоһуттар*). Кроме того, якуты издавна знали о целебных свойствах озер Кемпендйя, Абалах и др. и пользовались ими.

Первые медико-санитарные обзоры Якутской области были сделаны русскими путешественниками и учеными. Из их данных известно, что в составе экспедиций также были врачи. Они обратили внимание на болезни, наиболее часто встречавшиеся у местного населения. В XVIII–XIX вв. таковыми указывались натуральная оспа, проказа, сифилис, глазные болезни, туберкулез. Кроме того, получили

описания болезни органов пищеварения, гнойная инфекция, нервные и «душевные» заболевания, детские инфекции и др. В связи с увеличением населения за счет пришлого люда — казаков, торговых людей, ссыльных и каторжников — появились и новые виды болезней — оспа, холера и чума. Случались большие эпидемии оспы, свирепствовала чахотка. Всему этому силами единичных лекарей противостоять было невозможно.

О культурном уровне якутян рассматриваемого времени можно судить по тому, как они проводили свой досуг.

Ф.П. Врангель в 1824 г. писал: «В продолжение почти четырехлетнего отсутствия моего Якутск значительно переменялся и улучшился. Между другими улучшениями было и то, что бесполезный старый деревянный острог разломали и из уцелевших в нем годных бревен построили дом для клуба, куда в положенные дни собираются почтеннейшие жители города. Здесь нашел я хорошо освещенную залу, буфет с разными кушаньями и напитками, бильярд, комнату для карточной игры и пр. По праздникам здесь обедают, танцуют, а иногда зал превращается в театр, и разыгрываются разные пьесы. В наше время давали тут оперу “Мельник”. Актёрами были молодые казаки и играли весьма порядочно. Предки их строили острог, который, превратившись ныне в храм Талии, вместо ужаса разливает общее удовольствие. Всеми такими улучшениями обязан Якутск своему тогдашнему городничему Мордвинову» [2011, с. 448]. По-видимому, речь идет о комической опере Е.И. Фомина и М. Соколовского по пьесе А.О. Аблесимова «Мельник — колдун, обманщик и сват», которую ставили в конце XVIII в. в театрах Омска и Иркутска [Копылов, 1974, с. 229–233]. Есть и другие свидетельства.

Так, Н.С. Щукин, дважды в 1820-х годах побывавший в Якутске, писал: «В городе есть клуб, а в нем театр, на коем служащая и торгующая молодежь ломает комедии» [1844, с. 234].

По некоторым сведениям, здесь активно выступали гастролирующие артисты из Иркутска. Например, Щукин упоминает в составе труппы иркутского театра начала XIX в. актрису Марью Назарьевну, уроженку Якутска [Щукин, 1844, с. 576; Копылов, 1974, с. 231].

На основании приведенных свидетельств можно заключить, что театральное искусство развивалось в Якутске уже в первой четверти XIX в. В 1822 г. даже было выстроено здание общественного клуба, где кроме проведения досуга (общения, званых обедов, бильярда, карт) устраивались спектакли.

К первой половине XIX в., по-видимому, относятся первые сведения об общественной жизни края.

По данным П.П. Явловского, в 1822 г. в Якутске «две стороны городской крепости, когда-то грозной для якутов, южная и восточная, разобраны по распоряжению начальства и употреблены на постройку общественного клуба» [2000, с. 28]. По-видимому, клуб стал центром зарождавшейся общественной жизни края.

Ю.А. Гагемейстер, книга которого была издана в 1854 г., писал: «Среди города (Якутска. — А. Б.) устроен квадратный каменный гостиный двор, весьма обширный, с лавками не только снаружи, но и внутри. Там же помещается городская ратуша, с кладовыми и биржевою залою. Близ гостиного двора находится дом Благородного Собрания с клубом» [1854, с. 192].

Обратим внимание на обыденность упоминания клуба при Благородном собрании.

Большую роль играли не только образованные представители чиновничества, купечества, но и ссыльные. Так, сосланный в 1828 г. в г. Вилюйск декабрист М.И. Муравьев-Апостол (1793–1886), с трудом выживая в суровых условиях ссылки, помимо того что открыл в своей юрте школу грамоты для детей местных жителей, организовал среди вилюйчан сбор средств по подписке на благоустройство городского кладбища [Сафронов, 1975]. Декабристы Н.А. Чижов и А.Н. Андреев организовали в Олёкминске литературный кружок, который посещали исправник Федоров, врач Орлеанский, купцы Подъяков, Дудников, городской мещанин Бекренев [Афанасьев, 1966, с. 45].

Во время Отечественной войны 1812 г. население Якутии не осталось в стороне. Хотя жители области были освобождены от рекрутской повинности, был организован сбор средств в фонд обороны. Всего было собрано 67 413 руб. 11 коп. — немалая сумма. Об этом писала столичная газета «Северная почта»: «Якуты, известясь о насильственном вторжении французов в пределы России, оказались столь же усердными и истинными сыновьями отечества, как и прочие сограждане их на всем пространстве Российской империи».

17.3. НАУЧНОЕ ИЗУЧЕНИЕ

В 1805 г. в Китай отправилось русское посольство во главе с Ю.А. Головкиным. По инициативе министра иностранных дел Российской империи Адама Ежи Чарторыйского было решено сформировать отряд из ученых Академии (Ф.И. Шуберт, М.И. Адаме, И.И. Редовский, Г.-Ю. Клапрот). Посольство не состоялось, и исследователи получили возможность организации самостоятельных экспедиций.

Одной из них было путешествие уроженца Москвы члена-корреспондента Академии М.И. Адамса в устье Лены в 1806–1807 гг. В Якутске, куда исследо-

ватель приехал по распоряжению Головкина, Адамс получил известие о находке трупа мамонта на берегу Быковской протоки. Ученый обратился с письмом к президенту Академии наук Н.Н. Новосильцеву, «препроводив к его превосходительству рисунок²⁸ и описание мамонта, доставленные ему главою якутского купечества Поповым» [РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 525. Л. 8–8об.]. Письмо было зачитано в заседании 3 сентября 1806 г.²⁹ [Отрывок..., 1820, с. 308]. Конференция одобрила решение Адамса поехать в район, где были найдены останки ископаемого животного, и приобрести их для Академии [РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 525. Л. 8об.]. Кроме того, перед естествоиспытателем стояли задачи изучения берегов Лены, побережья Ледовитого океана, сбора коллекций по минералогии, геологии, ботанике, зоологии [ПФА РАН. Ф. 24. Оп. 1. Д. 111. Л. 4об.–5].

В результате работы экспедиции мамонт («кости сего животного древнейших времен, три четверти его кожи и около 1½ пуда шерсти») [РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 525. Л. 6–6об.] был доставлен в Петербург, где стал предметом обсуждения ряда академических заседаний. Приобретение музеем Академии наук полного скелета животного, по словам Г.В. Наумова, позволило сравнить мамонта с другими видами слонов и «подойти к решению проблемы о появлении и существовании на севере этих огромных животных» [РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 525. Л. 4, 6–6об.; Наумов, 1965, с. 25].

В 1807 г. в качестве приложения к «Journal du Nord» («Северный журнал») на французском языке была опубликована работа Адамса «Описание путешествия к Ледовитому морю и отыскание останков мамонта». Изданный текст был переведен на русский язык и опубликован в 1820 г. в «Сибирском вестнике». Известна также рукопись путешественника «О мамонте. Из журнала путешествия по побережью Ледовитого океана» на немецком языке, хранящаяся в Российском государственном историческом архиве Петербурга [Туголуков, 1981, с. 35].

Материалы содержат подробное описание отдельных моментов жизни эвенков, а также реки Лены и ее берегов; целые разделы посвящены проблеме мамонтов. Все вышеназванные работы раскрывают историю находки мамонта в 90-х годах XVIII в. Осипом Шумаховым, воспроизводят маршрут экспедиции, знакомят с наблюдениями о занятиях эвенков. По пути к устью Лены Адамс собирал географические сведения. Выписка из «Журнала

²⁸ «Сей рисунок, весьма худо сделанный, доселе хранится в Академическом Архиве» [Тилезиус фон Тиленау, 1821, с. 123].

²⁹ См. также «Письмо президенту Академии наук Н.Н. Новосильцеву из Якутска» [ПФА РАН. Р. 1. Оп. 133. Д. 9].

Ученого академического собрания» от 11 марта 1807 г. свидетельствует о получении Академией колллекций от путешественника. Посылки, отправленные им, содержали «вещи царства ископаемых», «чучела птиц и рыб»³⁰ [ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 2-1805. Д. 526. Л. 121–121об.].

Не состоялась поездка в Китай и действительно члена Академии наук И.И. Редовского, уроженца г. Мемеля (Клайпеда), выпускника Лейпцигского университета. В июне 1806 г. в Собрании Академии было зачитано письмо Редовского из Иркутска. Путешественник предлагал совершить экспедицию по маршруту: Камчатка — Курильские, Шантарские острова — остров Сахалин [ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 2-1805. Д. 526. Л. 82]. 17 мая 1806 г. И.Е. Кожевину, землемеру, губернскому регистратору из Иркутска, был вручен «Ордер», которым Головкин назначал его в экспедицию Редовского [Там же. Ф. 37. Оп. 1. Д. 1. Л. 1об.].

В Академии наук были разработаны план путешествия 1806–1807 гг. и научная программа предстоящих работ («инструкции», «наставления», «примечания», «рописи» для экспедиции были разработаны академиками Т.А. Смеловским, А.Ф. Севастьяновым, Ф.И. Шубертом).

Особого внимания заслуживают «Записки», составленные самим Редовским. Начиная с конца мая 1806 г. и на всем протяжении путешествия исследователь составлял своеобразные анкеты, которые он отправил в Верхоянск, Киренск, Олёкму, Якутск, Амгу. В них он просил сообщить данные об административном устройстве, о городах (история возникновения, застройка, население и его занятия, пища), сельских поселениях и их жителях, коренном населении (роды, «число душ», в том числе «ясашных», занятия). Автора «Записок» интересовали сведения о природных богатствах края (минералы, источники, звери, птицы, рыбы), о «рудных и слюдяных приисках», возможностях судходства, состоянии хлебопашества и др.³¹ Материалы «Записок» свидетельствуют о том, что перед экспедицией Редовского была поставлена и задача собрать сведения по истории и этнографии Якутии, о ее экономическом и социальном развитии, административном делении.

Путешественники проводили ботанические наблюдения, осуществляли сборы растений, семян,

³⁰ О сборах, коллекциях и описаниях Адамса см. [Бодин, 1907, с. 2; Федченко, 1907, с. 128].

³¹ Тексты «Записок» в Верхоянск, Киренск, Олёкму, Якутск, Амгу см. [ПФА РАН. Ф. 37. Оп. 1. Д. 13. Л. 2об., 6, 17об., 52об.]. Публикацию текста «Записки, что именно надобно знать географической части примечания достойных предметов о Якутской области» см. [Ширина, 1981, с. 50].

минералов, ихтиофауны, насекомых, образцов вулканических пород [Черников, Пидотти, 1974, с. 451], которые отсылались в Петербург в Академию наук. Кожевин вел «Путевой математический журнал», в котором, кроме наблюдений за погодными условиями, даны описания различных населенных пунктов (Верхоянск, Качуг на Лене и др.), приведены сведения об их застройке, занятиях населения. Документальное собрание экспедиции содержит также: «Выписку, учиненную по Верхоянскому комиссарству о находящихся в оном разного звания зверей и птиц»; уведомление «Его высочородию Академии профессору господину надворному советнику Редовскому олёкминского частного комиссара титулярного советника Зверева»; «Ведомость, учиненную Киренским городничим 6-го класса Распоповым, коликое число состоит в городе Киренске казенных строений и партикулярных домов и в них живущих людей»; «Ответы на 6 пунктов Редовского от города Якутска»; «Ведомость о числе состоящих в городе Якутске жителей»; «Рапорт его высокоблагородию профессору императорской Академии наук надворному советнику Ивану Ивановичу Редовскому Якутской области и округи амгинского частного комиссара Неустроева»; «Реестр о числе крещеных и некрещеных тунгусов и коряков» и др.

Названная часть рукописного фонда экспедиции, таким образом, представлена ведомостями, выпиской, уведомлением и рапортом, посланными на имя Редовского и составленными частными комиссарами и городничим. Места их составления, как правило, непосредственно связаны с маршрутом путешествия. Документы датированы временем работы экспедиции на территории Якутии. Структура текстов в большинстве случаев предопределена «Записками» Редовского.

Материал, содержащийся в указанных документах, охватывает разнообразный круг вопросов. Часть сведений относится к характеристике различных форм поселений на территории якутского края (городов, деревень, почтовых станций). В начале документа, как правило, сообщается о застройке того или иного населенного пункта (указано число деревянных и каменных строений, казенных и партикулярных). Затем следуют данные о населении города либо деревни и прилежащей округи, его численности и занятиях (фиксируется состояние хлебопашества, ремесла; приводится материал о торговле, промыслах, оленеводстве, рыбной ловле и т.д.), величине собираемых налогов, о природных богатствах края.

Отмечая преобразования в управлении Якутией и Охотским краем, административную самостоятельность Охотской области, автор одного из «Ответов» сообщал о сохранении некоторой зависимо-

сти Охотского порта от Якутской области «по одной части» («дела судные на ревизию и решение доставляются в здешнее (Якутское. — Д. III.) областное управление») [ПФА РАН. Ф. 37. Оп. 1. Д. 10. Л. 76об.].

Согласно «Ведомости» от 18 июня 1806 г., население Якутска состояло из чиновников (38 чел.), лиц духовного звания (37 чел.), купцов (36 чел.), мещан (352 чел.), приказных (22 чел.), солдат и казаков (392 чел.), «сибирских дворян» (27 чел.), отставных разного звания (71 чел.), крестьян и ясачных (260 чел.), иногородних (временно находящихся в Якутске — 210 чел.), ссыльных (103 чел.). Всех жителей (включая женщин и детей) насчитывалось 2698 чел.

Составитель этой же «Ведомости» дал краткое описание самого города начала XIX столетия: «В оном городе Якутске состоит церквей каменных — 4-ре, деревянных — 5-ть. Крепость с трех сторон обнесена деревянною стеною с имеющимися при ней пятью башнями и двумя воротами. В ней уездное казначейство каменное, построенное в 1707-м году, уездный и земский суды, пороховой подвал, тюремный острог и соляные казенные магазины деревянные. Возле той крепости гостиный двор, в нем 77 лавок деревянных. И таковых же на малом рынке имеется 62 лавки. Господ чиновников, духовного звания, купецких, мещанских, приказнослужителей и нижних воинских чинов 300 домов да якутских 62 юрты» [ПФА РАН. Ф. 37. Оп. 1. Д. 10. Л. 79—79об.].

К числу редких сведений относится хранящееся в этом же комплексе документов описание одного из сельских поселений — Амгинской слободы: «В слободе каменного строения не имеется, а деревянного — церковь ветхая Преображения Господня и при оной колокольня новая. Казенного строения: соляная стойка и ветхий питейный дом, общественный запасного хлеба магазин. Обывательских домов: русских изб — осмнатцать, юрт по образцу якутских иноверческих обзаведений — сорок шесть. Разного звания людей, именно: священноцерковнослужителей мужеска — семь, женска — осмнатцать; приказных мужеска — одна, женска — три; казаков мужеска — пять, женска — шесть; государственных крестьян (со вновь приписными и с конфирмованными за разные преступления) мужеска — двести двадцать три, женска — сто восемьдесят; а всех вообще: мужеска — двести тридцать шесть, женска — двести семь» [Там же. Л. 62об.].

Любопытны данные о коренном населении Якутии и Охотского края. Среди них можно отметить сведения о происхождении названий родов, наслегов, о численности населения по комиссарствам, сообщения о расселении эвенков, их родах, числе душ по родам. Определенный интерес представляет

сообщение о существовании уже с 1806 г. якутских селений в Охотской области, что было связано, по-видимому, с реализацией решения 1783 г. о заселении территории к востоку от Алдана ссыльными крестьянами и якутами³².

Значительная часть документов экспедиции содержит перечни названий различных селений, сведения о величине податей, собираемых с населения в начале XIX в., о формах отправления различных натуральных повинностей («построение и починка мостов и дорог», «препровождение партий пересылаемых колодников за конвоем и удержание их от побегов», «препровождение почт и для стафетов, для безопасности в пути») и общественных расходов («содержание волостного правления с производством жалованья волостному голове и писарю») [ПФА РАН. Ф. 37. Оп. 1. Д. 10. Л. 6, 8, 10об.].

Редовский оставил дневник путешествия на немецком языке³³, письма, черновые заметки [Там же. Ф. 37]. А.М. Черников и А.Д. Сыроватский осуществили публикацию извлечений из «Дневника», свидетельствующих о наличии в нем сведений о якутах, эвенах, эвенках, а также различных видах поселений [Черников, 1962, с. 7—39; Черников, Сыроватский, 1966, с. 172—190]. А.Н. Кононов называет ряд словариков «из бумаг Редовского» (немецко-якутско-тунгусский, русско-якутский и два немецко-якутских), а также «Словарь человеческих языков северо-восточных народов. Якутов, Удских, Учурских и Майских зимовьев тунгусов и охотских ламутов. 1807 г.» и «Северо-восточный словарь, или Лексикон» Кожевина [Вдовин, 1954, с. 158; Кононов, 1982, с. 89—90, 95—97].

Особую ценность для изучения прошлого Якутии представляет часть рукописного наследия экспедиции, содержащая ответы должностных лиц на «Записки» Редовского, а также документы, которые были к ним приложены. Это документальное собрание содержит материалы по социально-экономической, политико-административной истории края начала XIX столетия.

В конце второго десятилетия по инициативе В.М. Головина и Г.А. Сарычева в Адмиралтейском департаменте было решено послать экспедицию для поисков Северной Земли, исследований побережья Северного Ледовитого океана и противоположащих островов. Одновременно в январе 1820 г. состоялись: записка Е.И. Паррота на имя ректора Дерптского университета, отношение попечителя Дерптского учебного округа графа К. Ливена в министерство духовных дел и народного просвеще-

³² О причинах, ходе переселения, условиях жизни переселенцев см. [Сафронов, 1958, с. 16—17].

³³ На русский язык текст дневника Редовского переведен Н.Г. Поспеловой. Об этом см. [Черников, 1962, с. 8].

ния, депеша из департамента народного просвещения морскому министру [РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 273. Л. 12–12об., 13–14; РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 663. Л. 33–33об.]. Суть их сводилась к предложению Дерптского университета использовать предстоящую экспедицию для выполнения исследований в области физики Земли.

Адмиралтейский департамент поручил ординарному академику по математике и астрономии Ф.И. Шуберту «войти в дальнейшие сношения с Дерптским университетом относительно предполагаемых опытов и наблюдений, кои желательно было бы поручить экспедиции» Ф.П. Врангеля и П.Ф. Анжу 1820–1824 гг. [РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 663. Л. 41, 151; РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 273. Л. 15–15об., 16–16об., 17].

В результате в документах, составленных в Адмиралтейском департаменте на имя Врангеля и Анжу (руководители Колымского и Янского отрядов экспедиции), помимо задач по описанию побережья Ледовитого океана от Яны до Шелагского мыса и прибрежных островов, поисков новых земель, предусматривались также астрономические, барометрические, температурные наблюдения; определение широт и долгот разнообразных пунктов, сбор сведений о Ледовитом океане (время замерзания, вскрытия, установление возможности и способов передвижения) и реках, впадающих в него. Особо подчеркивалась необходимость фиксировать изменения погоды во время северного сияния.

Интересными представляются и разделы сопроводительных писем из Адмиралтейств-коллегии, документально свидетельствующие еще об одном аспекте проводимых исследований в регионе — затратах коренных жителей на проведение экспедиций. Так, например, отмечалось, что «отяготительные» сборы с населения иногда прикрывались «именем пожертвований», которые, однако, из-за бедности народа не могли быть добровольными. В связи с этим автор одного из документов писал: «...не только требовать, но и принимать не должно никаких услуг в виде пожертвования от обывателей», что «за все должна быть произведена плата со всею точностью» [РГА ВМФ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 114. Л. 96].

В результате работ экспедиции была нанесена на карту значительная территория вдоль Северного Ледовитого океана — от р. Оленёк до Колочинской губы. Врангель сформулировал положение о том, что полярный бассейн близ берегов Сибири является мощным ледниковым погребом, который оказывает огромное влияние на климат и многие естественные процессы на Земле [Островский, 1948, с. 14, 17]. В своих работах («Общие замечания о Ледовитом море» и «Замечания о северных сияниях») [Врангель, 2011, с. 325–338] он писал о времени замерзания океана, о движении льдов ветрами и тече-

ниями, видах торосов, различных формах северных сияний. Непосредственным следствием деятельности путешественников явились организация первой метеорологической станции на территории Северной Якутии, начало сбора материалов по земному магнетизму, наблюдения ледовой обстановки в море Лаптевых и западной части Восточно-Сибирского моря. В 1888 г. сотрудник Академии наук Р.Р. Бергман опубликовал работу о метеорологических наблюдениях экспедиции. А.Э. Кибер и А.Е. Фигурин, участники путешествия, составили «Замечания» по естественной истории, в которых представлены наблюдения условий залегания трупов мамонта, особенностей многолетнемерзлых грунтов, описание тундры, животного мира и др. [Наумов, 1965, с. 33; Лебедев, Есаков, 1971, с. 363–364].

В работах Врангеля и участников экспедиции Матюшкина, Кибера содержатся любопытные сведения и наблюдения о занятиях (промыслы, торговля, собирательство), пище, болезнях, праздниках, одежде, средствах передвижения, положении женщин у чукчей, эвенов, эвенков, юкагиров, якутов, русских [Врангель, 2011, с. 142–146, 149–150, 174–178, 181–182, 217–222, 307–314].

В поденных записках Матюшкина и Врангеля неоднократно упоминается о голоде среди населения Севера. Матюшкину принадлежат строки: «Трудно себе представить, до какой степени достигает голод среди здешних народов, существование которых зависит единственно от случая». И далее: «По всей дороге видели мы, что туземцы страдали от голода». Им же сделано замечание об эвенках и эвенах, которые «равномерно предоставлены голоду и бедности» [Там же, с. 140–141, 227, 230].

Врангель поставил вопрос о последствиях присоединения Сибири к России. С этим процессом он связывал огромные изменения в жизни народов края: исчезновение некоторых из них; слияние различных племен между собой и с русскими; сокращение кочевья, обусловленное обложением населения ясаком и податями [Там же, с. 217, 228–230].

Еще в XVIII в., во время первой академической экспедиции в Сибирь, в Академию наук поступили первые сведения о вечной мерзлоте. Э. Реклю писал о реакции зарубежных ученых на сообщение И.Г. Гмелина: «Это явление казалось противоречащим теории правильного возрастания земной температуры в глубинах, и ученые недоумевали, каким образом мерзлая почва Якутска может покрываться растительностью и как могут вызревать на ней посевы хлеба. Геолог Леопольд фон Бух отвергал наблюдения Гмелина как не имеющие никакой цены; астроном Ганстен тоже объявил их ошибочными» [Реклю, 1883, с. 462]. Таким образом, зарубежные исследователи не смогли тогда принять сообщение о вечной мерзлоте, так как это противоречило пред-

ставлениям о возрастании температуры Земли в направлении к ее ядру и сообщениям о развитости форм органической жизни в Якутии. В XVIII столетии это явление не стало предметом исследований и в отечественной науке. Как и западноевропейские ученые, исследователи Петербургской академии считали невероятным «обильное возрастание» на оледенелой почве.

Новый подход в понимании распределения температур наметился в XIX в.; была замечена их зависимость не только от географической широты, но и от степени удаленности различных областей от моря. Встал вопрос и о сборе точных данных «о толщине ледяных слоев». К этому времени в Академии наук знали о коммиссионере Российско-Американской компании Ф. Шергине, который в Якутске «единственно для удовлетворения своего любопытства велел вырыть за свой счет колодезь». Общее Собрание Академии в начале 1838 г. вынесло решение о посылке в Якутск термометров.

К осени 1841 г. в Академии наук был разработан проект специальной экспедиции в Сибирь. К этому времени вопрос о вечной мерзлоте уже привлек внимание ученых мира. Сообщения о шахте в Якутске вызвали «большое удивление в Европе». Некоторые из зарубежных геологов «решительно сомневались в справедливости того, что... в Якутске вырыли колодезь в 13 сажень глубины, не найдя земли раставшею». Однако английские ученые высказались за необходимость дополнительных температурных наблюдений в шахте, учитывая влияние наружного воздуха. Для соответствующих измерений они послали термометры в Северную Америку.

Необходимость изучения вечной мерзлоты особо подчеркивалась императорской Академией наук в проекте, направленном министру народного просвещения. Для этого научный центр предлагал послать в Якутск доктора Миддендорфа, «состоящего адъюнктом-профессором при университете Св. Владимира в Киеве». Из текста проекта следует, что Академия наук связывала с деятельностью предполагаемой экспедиции окончательное разрешение «геологического вопроса, впервые возникшего в России». Не менее важным она считала и работы на северном побережье: «...северная полоса Сибири вообще столь много еще скрывает в себе предметов, требующих во всех направлениях основательного исследования ученых и столь труднодоступна по климатическим своим свойствам» [РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 262. Л. 1–4].

Для подготовки и проведения этого путешествия в Академии наук была сформирована специальная комиссия в составе академиков К.М. Бэра, Ф.Ф. Брандта, Э.Х. Ленца, К.А. Мейера. Они же явились авторами ряда документов, непосредственно связанных с разработкой научных задач и маршрута

предполагаемой экспедиции 1842–1845 гг. во главе с Миддендорфом, — «Общей инструкции», «Особой инструкции для ботанических наблюдений», «Особой инструкции для зоологических наблюдений» и «Предложения путешествия» от 23 февраля 1844 г.

Одной из главных задач названной экспедиции было исследование вечной мерзлоты. Предполагалось проведение двух серий разысканий: изучение шахты Шергина в Якутске и сбор соответствующих сведений в других районах Сибири. В шахте Шергина следовало точно измерить ее глубину и разместить в 1, 3, 5, 10, 20, 50, 100, 150, 200, 250, 300, 350, 380 футах от поверхности земли 26 термометров. Сибирская экспедиция должна была провести серию непосредственных наблюдений, чтобы определить области, где встречаются «вечномерзлые почвы», их толщину, температуру земли на разных глубинах. Текстом «Общей инструкции» предусматривалась и необходимость сбора сообщений относительно возможных границ распространения вечной мерзлоты [Beiträge..., 1855, S. 417–427]. В районе Якутска необходимо было выяснить, как глубоко оттаивает летом земля («песчаная, болотистая, покрытая лесом и оголенная»); промерзает ли почва сверху вниз либо одновременно и снизу вверх [Обручев, 1946, с. 469–470].

«Особой инструкцией для ботанических наблюдений» перед участниками экспедиции ставились задачи сбора различных видов растений (в том числе трав, криптогамов, кустарников, деревьев); изучение флоры с учетом видоизменений на различных широтах, с установлением границ распространения ее отдельных представителей. При сборах растений автор инструкции Мейер предлагал уделять особое внимание корням растений, чтобы проследить, «во всех ли полярных регионах все ли кустарники имеют сходную корневую систему». В 40-х годах XIX в. Академию наук занимал вопрос: «...либо угнетенный лес приобретает обусловленную форму из высокоствольного рода благодаря северному климату, либо образует особый род». В документе высказывалось предположение: «...хотелось бы на Крайнем Севере, в регионах, где теперь нет больше хорошего развития роста деревьев, найти отмершие высокие стволы деревьев, которые помогли бы доказать, что эти регионы может быть были благоприятны для роста деревьев» [Beiträge..., 1855, S. 427, 430–431]. Привлекая внимание путешественников к сплавному лесу, автор документа рассматривал его как источник для исследования географического распространения растений.

Текстом «Особой инструкции для зоологических наблюдений» Миддендорфу предлагалось изучать новые виды животных, их разновидности и приобретать экспонаты животных Сибири (в том числе морских), птиц (при этом указывалось на эффек-

тивность сбора яиц и гнезд), рыб, насекомых [Beiträge..., 1855, S. 437–443].

Формы работы экспедиции были разнообразны: проводились метеорологические, геотермические, магнитные, геологические наблюдения; составлялись этнографические коллекции, коллекции ископаемых деревьев, моллюсков, рыб; были собраны произведения искусства, лингвистический материал, материал по истории, этнографии, антропологии народов Сибири.

На территории Якутии Миддендорф провел ряд исследований, заложивших основу изучения вечной мерзлоты. Им были выполнены геотермические наблюдения в Якутске и его окрестностях, у Амгинской слободы, при впадении р. Май в Алдан, у г. Олёкминска; сделаны выводы о простирании вечномёрзлых грунтов («даже до китайской границы, по крайней мере до одинаковой широты с Берлином»), об их мощности (от 160 до 285 м), о значительности растительного покрова в зоне вечной мерзлоты, о том, что «в некоторых местах очень хорошо созревает поверх льда рожь и даже пшеница», что леса и травы произрастают много севернее, нежели предполагалось³⁴ [РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 262. Л. 85–87]. Э. Реклю писал: «Наблюдения, произведенные Миддендорфом, согласно определенным указаниям Петербургской Академии наук, устранили все сомнения относительно вечной мерзлоты» [1892, с. 462].

Материалы, доставленные экспедицией, послужили основой для написания трудов в различных областях научного знания. А. Миддендорф обработал геотермические наблюдения и написал работу по зоологии, его двоюродный брат В. Миддендорф обработал метеорологические наблюдения путешественников, академик Э. Х. Ленц — магнитные, академик Г. П. Гельмерсен — часть материалов по геологии. Бреславский профессор И. Г. Р. Гепперт использовал коллекцию ископаемых деревьев, А. А. Кейзерлинг обработал коллекцию ископаемых моллюсков, И. Е. Мюллер — рыб; флору Сибири описал профессор Киевского университета Р. Э. Траутфеттер [Свенске, 1855, с. 171–174; Миддендорф, 1860, с. 1].

Большое значение для развития отечественного востоковедения имел лингвистический материал, собранный экспедицией. Разыскания Миддендорфа по языку якутов³⁵ явились одним из источников работы О. Н. Бётлингга «Über die Sprache der Jakutien» («О языке якутов») — первой научной грамматики, явившейся «важной вехой в истории грамматиче-

ской разработки тюркских языков» [Кононов, 1964, с. 224–225]. Высоко оценены специалистами фольклорные записи путешественника (молитвенные обращения, моления, песни), представляющие «собой подлинные старинные образцы народной поэзии» [Попов, 1951, с. 155].

С работой экспедиции связано и появление первых литературных текстов, написанных по-якутски, в том числе «Воспоминаний» А. Я. Уваровского — памятника якутской письменности времени ее зарождения. Этому первому литературно-художественному произведению, написанному на якутском языке, суждено было выполнить еще одну миссию — познакомить широкий круг зарубежных читателей с географическими и историко-этнографическими данными о Якутии середины прошлого столетия. Уваровский описал население и поселения края, занятия его жителей, их верования, жилище, одежду, пищу, брачные отношения, суровый климат, празднества. С глубоким уважением он вспоминал о якутских и эвенских проводниках, их умении, выдержке, знании географии. Особым теплым чувством проникнуты строки Уваровского о мирном образе жизни якутов, их понятливости и доброте, почитании стариков, умении торговать и исцелять домашних животных, мастерстве в работе по серебру, меди, золоту и кости [Бётлингк, 1990, с. 78–80, 82, 89–90, 92, 95, 96, 98–111].

Историко-этнографическое содержание «Воспоминаний» привлекло внимание издателей французского журнала «Le Tour du Monde» («Вокруг света») возможностью познакомить читающую публику с далекой неведомой Якутией и ее народами. Так в 1861 г. появилось парижское издание «Воспоминаний» Уваровского на французском языке под названием «Voyage au pays des yakoutes» («Путешествие в страну якутов»)³⁶.

Слова и образцы речи эвенков, записанные Миддендорфом, по мнению В. А. Горцевской, могли «дать представление о языке и о некоторых его диалектных различиях» [Горцевская, 1959, с. 13].

Экспедиция собрала сведения о якутах, эвенках, долганах. Современные исследователи давно признали значительность этого предприятия [Иванов В. Н., 1978, с. 167–172; 1981, с. 55–63]. Ученые привлекли внимание научного сообщества к материалам путешествия, раскрывающим различные формы развития хозяйства эвенков и якутов, отдельные явления из истории общественных отношений этих народов [Токарев, 1966, с. 223; Ива-

³⁴ О результатах работы экспедиции см. [Обручев, 1946, с. 469–474; Григорьев, 1961, с. 25].

³⁵ О работе Миддендорфа в архиве Якутска по отысканию материалов якутского фольклора и языка см. [Леонов, 1967, с. 24].

³⁶ Voyage au pays des yakoutes (russic Asiatique) par Ouvarovski (1830–1839) // Le Tour du Monde. Nouveau journal des voyages. — Paris, 1861. — P. 161–182. Подробнее об этой публикации см. [Ширина, 1977, с. 113; 2000, с. 38–40].

нов В.Н., 1978, с. 167–172]. Этнографический музей Академии наук пополнился новыми собраниями одежды, оружия, произведений искусства и предметов культа; тогда же была пополнена и «Якутская коллекция» [Станюкович, 1964, с. 65].

В связи с завершением путешествия Академия наук отмечала, что «ни одна из всех арктических экспедиций, снаряженных Англиею и Россиею... не принесла столько пользы науке, как Миддендорфова» [РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 262. Л. 85].



ЧАСТЬ IV

ЯКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

ГЛАВА 18

РАСШИРЕНИЕ СТАТУСА ОБЛАСТИ ДО ГУБЕРНСКОГО УРОВНЯ

Одной из важных геополитических особенностей России на всех этапах исторического развития была ее огромная территория. Общая площадь империи, составляющая к началу XX в. около 22 млн км², Уральскими горами делилась на две части — Европейскую и Азиатскую Россию, — существенно отличавшихся друг от друга географическими и природно-климатическими условиями, этническим составом и конфессиональной принадлежностью населения, инфраструктурой, удаленностью от границ и центра страны и т.д. Между тем присоединение Сибири к России является, бесспорно, одним из выдающихся событий отечественной истории XVII в. Имея в виду именно это обстоятельство, известный методолог М.Я. Гефтер отмечал, что Россия только тогда стала Россией, «когда вобрала в себя Сибирь». Именно с Сибирью Россия стала тем огромным пространством, которое называется Евразией [Гефтер, 1991, с. 383]. Дальнейшие взаимоотношения центра и вновь присоединенных восточных территорий в немалой степени определялись характером присоединения этих земель к России. Отечественные и зарубежные исследователи истории России едины во мнении, что именно отмеченное обстоятельство выступало весьма весомым аргументом при выстраивании политики центра на окраинах государства [Кристенсен, 1989, с. 134; Миронов, 2014, с. 30].

Разделяя точку зрения датского историка О.Г. Кристенсена о том, что в России «в восточном направлении приращение земель носило характер колонизации» [1989, с. 134], следует в то же время отметить, что применительно к Сибири более обоснованным представляется вести речь о сочетании методов колонизации как освоения пустопорожних земель и прямой экспансии, под которой автор понимает захват чужой территории. Продвигаясь на восток, Русское государство решало двудединую за-

дачу. С одной стороны, расширение территории, несомненно, способствовало упрочению границ на восточном порубежье. С другой — Сибирь манила к себе и своими немалыми естественными ресурсами — пушниной, солью, рыбой, драгоценными металлами. Но если для московских, а затем и петербургских Романовых европейская часть — а это всего лишь 20 % территории страны — была как бы прародиной, «отчиной», то Сибирь и в начале XIX в. оставалась малоизвестной окраиной, которую еще только предстояло инкорпорировать в экономическое, административное и социокультурное пространство империи.

Такой подход был основан на признании экономической зависимости окраин от европейского центра, в котором, по меткому замечанию известного мемуариста XIX в. Ф.Ф. Вигеля, всегда смотрели на Сибирь, как богатая барыня смотрит «на дальнее поместье, случайно ей доставшееся». Задача «поместья» заключалась прежде всего в том, чтобы исправно платить «оброк золотом, серебром, железом, мехами», а состояние самого поместья мало беспокоило госпожу. По мнению Вигеля, из Сибири и так все придет само собой, а потому не следовало о ней слишком заботиться [2000, с. 191]. Это косвенное признание неоднородности империи является выдвигает перед историописателями требование дифференцированного подхода к изучению и оценке многофакторной и многоплановой окраинной политики империи, которая в последнее время все чаще характеризуется исследователями как политика «имперского регионализма» [М.М. Сперанский..., 2003; Дамешек и др., 2017]. Это понятие охватывает важные сферы региональной политики — от имперской идеологии и практики в региональном измерении до установления внутренних и внешних границ региона, динамики административного устройства и управленческой деятель-

ности внутри конкретного территориального пространства.

Особенностью государственного строительства России являлось преобладание административно-политических целей над экономическими. Россия как империя постоянно расширялась, включая в свое государственное пространство все новые территории и народы, различные по многим социально-экономическим и социокультурным параметрам. За решением первоначальных военно-политических задач имперской политики неизбежно следовали задачи административного обустройства и последовательной интеграции региона в имперское пространство. Именно территория привязывала человека к государству, а не идея гражданства, как в эпоху национальных государств.

Кроме административных и судебных институтов, во властном освоении и присвоении пространства огромную роль играла единая денежная система (не случайно фальшивомонетничество считалось — и считается — государственным преступлением), коммуникации, налоги, государственный язык, Русская православная церковь, а также верноподданнические чувства по отношению к русскому царю, который был верховным «хозяином» земли. Особенно это было актуально в Сибири и на Дальнем Востоке, где господствовала система государственной земельной собственности. Включая в свой состав новые территории на востоке, империя начинала их интеграцию именно с военно-административных и фискальных методов. Этот процесс длился долгое время, и лишь после наступала эпоха экономической интеграции.

Еще одним немаловажным обстоятельством, влияющим на конкретное содержание окраинной политики, являлось сложное переплетение ведомственных и территориальных интересов, а также реальное соотношение сил так называемых централистов и регионалистов в центральном и местном аппарате управления. В определении основ окраинной политики самодержавие постоянно находилось перед выбором: ввести общегосударственную систему управления или предоставить территориям некоторую административную автономию. При этом в случае признания особого статуса любой из территорий империи правительство вынуждено было фиксировать его в законодательном порядке. Именно поэтому изучение как частных, так и концептуальных вопросов истории России имперского периода требует регионального измерения, а исследование внутривластных сюжетов должно вестись с учетом внешнеполитических факторов, национального и религиозного компонента российской истории.

Региональные особенности управления отдельными, подчас весьма разнообразными территориями

огромного государства вырабатывались правительством по мере их вхождения в состав России и упрочения власти и авторитета центрального правительства. Известный отпечаток на этот процесс накладывали и субъективные взгляды государственных деятелей каждой эпохи, характер вхождения той или иной территории в состав России. Разумеется, эта система неоднократно трансформировалась в соответствии с изменениями административно-территориального устройства империи в целом. Однако общим для всех окраин оставалась концентрация основных властных полномочий в руках центра и лишь определенная трансляция этих полномочий местным органам власти. Полномочия центра и периферии были просто несопоставимы. Характерно, что большинство инкорпорированных на протяжении XVIII — начала XIX в. нерусских народов проживало на окраинах государства. Российская модель управления окраинами формировалась и развивалась параллельно с процессом складывания территории государства. Постепенно империя стала своеобразным союзом этносов, огромной естественно сложившейся общностью людей, в которой различные народы и культуры научились жить вместе [Национальное государство..., 1992, с. 31].

Важной и многотрудной задачей государственной политики по отношению к окраинам была их интеграция в общеимперские экономические и политические процессы. Несмотря на существующие различия между окраинными землями, общим признаком территорий, управляемых на «особом положении», было наличие в них генерал-губернаторской власти. Применительно к Сибири эти «особые положения» были закреплены в «Сибирском учреждении» М.М. Сперанского и действовали без существенных изменений вплоть до конца XIX в. Глубиной интеграции, сменой внешнеполитических ориентиров, возросшими внутривластными осложнениями следует объяснять изменения в географии генерал-губернаторской власти во второй половине XIX в. На северо-востоке империи одной из существенных предпосылок формирования особенностей управления были природно-географический и этнический факторы. Сохранение больших региональных административно-территориальных образований в виде генерал-губернаторств, с точки зрения правящей элиты, было оправданно, но противоречило отраслевому принципу формирования расходной части бюджета, наличию вертикальной иерархии ведомственных учреждений. В законодательстве не содержалось четкого распределения министерских и генерал-губернаторских полномочий. Юридическая неопределенность положения генерал-губернаторов в бюрократической иерархии приводила к серьезным управленческим коллизиям.

В ходе исторического развития России на ее огромном и многообразном географическом пространстве сложились большие территориальные общности (регионы) со своей индивидуальностью и существенными различиями в социально-экономическом, социокультурном и этноконфессиональном облике, что закреплялось определенной региональной идентификацией. Под регионом в данном случае понимается не политико-административный территориальный субъект управления и хозяйствования, а историко-географическое пространство, создаваемое не столько физическим ландшафтом, сколько временем и историей. Регион есть историко-географическое пространство, естественное образование, в рамках которого осуществляется хозяйственная и социокультурная деятельность территориально идентифицируемого населения. В то же время регион — это не только историко-географическая или политико-административная реальность, но и ментальная конструкция с трудно определяемыми и динамичными границами [Ремнев, 2004, с. 31].

Расширение административной самостоятельности северо-востока Сибири происходит с приходом к власти Н.Н. Муравьева-Амурского (в 1847–1861 гг. генерал-губернатор Восточной Сибири). В 1852 г. здесь была учреждена должность губернатора, с этого момента область вышла из ведения иркутского гражданского губернатора и губернского правления и стала напрямую подчиняться генерал-губернатору и Главному управлению Восточной Сибири. В крае была введена упрощенная система управления, по которой административный аппарат области состоял из гражданского губернатора и областного правления. Положение об управлении Якутской областью включало 26 статей. В Сибири в XIX в., как и во всей империи в целом, губернатор являлся ключевой фигурой в административном аппарате. Сибирские губернаторы, гражданские и военные, были ограничены в реализации своих властных полномочий. Губернатор Якутской области, согласно Сибирскому учреждению, определялся на должность и увольнялся именными Высочайшими указами Правительствующему сенату, как и другие чиновники, по общим правилам.

Предпосылки возрастания статуса области до губернского уровня сложились давно. Это и обширность территории, ее геополитическая значимость, возросший экономический и культурный уровень развития. О повышении административного статуса области задумывались и деятели инородческого самоуправления. Так, в первом пункте «Записки» кандидата улусного головы Егора Готовцева генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьеву от 10 июня 1848 г. было предложено отделить Якутскую область от Иркутской и Енисейской губерний по части несения земских повинностей, так как в

последних имелась более развитая промышленность и торговля, соответственно, платежеспособность населения была выше [ПФА РАН. Ф. 161. Оп. 1. Д. 5. Л. 2–3].

Проводивший ревизию области будущий генерал-губернатор, несомненно, взвешивал подобные соображения, соизмеряя их с большими планами дальнейшего расширения и углубления российского присутствия на Дальнем Востоке.

Соответствующее «Положение об управлении Якутской областью» было утверждено 11 июля 1851 г. [ПСЗРИ, собр. 2, т. 26, № 25395, с. 480–483]. Важное изменение содержит статья 13: «Якутский гражданский губернатор и областное правление, подобно прочим местным установлениям второй степени непосредственно подчиняются Главному управлению Восточной Сибири... также непосредственно принимают предписания, и как Сенату, так и Министерством непосредственно представляют требуемые от них дела и сведения».

Таким образом, в административном отношении Якутская область во многом становилась более самостоятельной. Если до этого ее областной начальник подчинялся иркутскому гражданскому губернатору, то теперь она обзавелась своим губернатором, который имел право напрямую выходить на генерал-губернатора и Главное управление Восточной Сибири. Кроме того, на правах губернатора он мог сноситься с центральными имперскими органами управления.

С 1852 по 1865 г. еще сохранялись полномочия Второго Сибирского комитета, когда якутский губернатор в числе других губернаторов действовал через его структуры. Затем, после упразднения Сибирского комитета, установилось его непосредственное подчинение Комитету министров [Там же, т. 39, с. 569]. Под управлением якутского губернатора была значительная территория, которая требовала особого административного устройства.

После ликвидации указом от 2 декабря 1849 г. Охотского приморского управления, ранее подчинявшегося Иркутскому губернскому правлению, Охотский округ был включен в состав Якутской области. Вероятно, под влиянием последствий Крымской войны и смещения геополитических ориентиров империи на дальневосточных рубежах 31 октября 1856 г. Камчатская область была вновь упразднена, и в составе генерал-губернаторства Восточной Сибири была образована Приморская область, к которой отошел Охотский округ [Там же, т. 31, с. 959; Новое разделение..., 1851, с. 152].

Первым якутским губернатором стал действительный статский советник К.Н. Григорьев. Он председательствовал в областном правлении, которое состояло из старшего советника, двух советников и ассессора. По новому штатному расписанию в област-

ном правлении было три отделения. Первое, состоявшее из трех столов, возглавлял старший советник. Второе и третье отделения состояли из двух столов и управлялись советниками. В свою очередь, каждый стол управлялся столоначальниками с помощниками и журналистами. Кроме того, по штату в третьем отделении должны были служить бухгалтер с помощником и контролер с помощником.

Штат областного правления несколько вырос, но все еще не соответствовал губернскому уровню. Тем не менее в его структуре также находились областной и младший землемер, два чертежника. При губернаторе и областном правлении была канцелярия, которую возглавлял ассессор и куда входили общий регистратор, экзекутор, выполнявший также функции казначея, архивариус, двое чиновников по особым поручениям [ПСЗРИ, собр. 2, т. 26, № 25395, с. 159–160].

Среди первых якутских губернаторов были люди, оставившие яркий след в истории края. Так, в 1857–1862 гг. эту должность занимал действительный статский советник Ю.И. Штубендорф. Под его руководством было сделано немало для хозяйственного освоения области. Дважды он выезжал на строящийся Аянский тракт с целью личного участия в его обустройстве. В бытность его губернатором также была открыта опытная сельскохозяйственная ферма под Якутском, организован первый кружок любителей литературы и музыки в городе по инициативе политссыльных. Много усилий Штубендорф прилагал для развития статистики и научного изучения региона. Открытие в 1860 г. Якутского областного попечительства детских приютов также произошло благодаря стараниям губернатора и его супруги А.К. Штубендорф.

В этот период была введена должность областного прокурора, что тоже должно было свидетельствовать о повышении административного статуса области. До 1887 г. сохранялась должность окружного стряпчего, при котором состоял письмоводитель. В 1853 г. возникает Якутский областной статистический комитет под председательством якутского губернатора, в состав комитета входили чиновники областного правления.

В том же ряду стоит учреждение 6 июня 1859 г. при Якутском областном правлении «по примеру прочих губернских правлений» [Там же, т. 34, № 34577, с. 544] типографии, где печатались губернаторские отчеты, а также сведения о хозяйстве и научные статьи.

В дальнейшем областное управление стало надеяться и другими атрибутами губернского управления. Так, 1 июля 1883 г. здесь учреждается должность вице-губернатора [Там же, собр. 3, т. 3, с. 51]. Первым на нее был определен статский советник областного правления, надворный советник В.Л. Приклонский (1852–1899), деятельный высокообразованный чиновник. Свообразными результатами его деятельности стали изданные им впоследствии труды «Три года в Якутской области» и «Летопись Якутского края» [Приклонский, 1890, 1896].

Изменения коснулись и управления городами. 8 декабря 1855 г. якутская ратуша была преобразована в городскую думу в составе городского головы, кандидата по голове, трех гласных и одного кандидата по гласному, секретаря [ПСЗРИ, собр. 2, т. 30, с. 722]. Таким образом, административное устройство области шаг за шагом приближалось к губернскому уровню управления.

В дальнейшем в порядке введения в действие правил об устройстве полиции от 25 декабря 1862 г. в стране вместо земских судов создавались уездные (окружные) полицейские управления. Указом от 12 июня 1867 г. «Об учреждении общих окружных управлений в Сибири» в Якутской области вместо пяти окружных управлений были созданы пять окружных полицейских управлений с новыми штатами в составе: окружного исправника, трех земских заседателей, секретаря, двух столоначальников и одного переводчика [Там же, т. 43, с. 74]. Был реализован замысел усилить помимо финансовых, административных, хозяйственных функций полицейский надзор и производство уголовных и гражданских дел.

Таким образом, управление Якутской области вышло на новый уровень, фактически сравнявшись по своим функциям и положению в управленческой иерархии с губернией.

ГЛАВА 19

ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Во второй половине XIX в. население Якутской области непрерывно росло за счет естественного воспроизводства и переселений, в основном русскоязычных мигрантов. По данным различных источников, в 1856 г. в Якутии проживало 216 301 чел. обоого пола, в 1862 г. — 227 907 чел., в 1864 г. —

226 750 чел., в 1889 г. — 256 488 чел., в 1897 г. — 269 880 чел. В 1862 г. большинство населения области составляли якуты — 88,1 %, русские — 4,6 %, тунгусы — 5,1 %, на остальные народы приходилось 2,2 %. К концу XIX в. произошло незначительное снижение доли коренных народов и увеличение

доли пришлого населения. По данным переписи 1897 г., якуты занимали 82 %, представители славянских народов — 11,4 %, тунгусы — 4,3 %, татары — 0,58 %, чукчи — 0,58 %, юкагиры — 0,35 % [Памятная книжка..., 1864, табл. 1; Первая всеобщая перепись..., 1904, с. X].

С «родов бродячих инородцев», т.е. эвенков и эвенов, в 1830-х годах ясак стали платить в Якутском округе 2251 чел., в Вилюйском — 2087 чел., в Олёкминском — 521 чел., в Верхоянском — 743 чел., Колымском округе — 1204 чел. мужского пола, а всего 6806 чел. По всей вероятности, в двух северных округах области вместе с тунгусским населением были учтены юкагиры, чуванцы и чукчи, которых выделить из общего количества «бродячих инородцев» не представляется возможным. Кроме того, переписать всех тех, кто вел кочевой или «бродячий», т.е. подвижный, образ жизни в условиях обширности территорий для регистраторов того времени было делом проблематичным. Поэтому некоторые группы людей, объединенных в более мелких родах, выпадали из поля зрения администраторов, преследовавших только фискальные цели.

В этой ситуации для нас важно установление приблизительной численности аборигенного населения. Применяя тот же метод, что и для якутов, мы получим ту же самую приблизительную картину численности тунгусского населения — в пределах 11–13 тыс. чел. обоего пола.

К сожалению, мы не располагаем материалами IX (1850 г.) ревизии. А вот материалы X (1856 г.) ревизии опубликованы и давно стали достоянием читателей, хотя исследователи не используют эти данные в своих трудах.

В ведомостях X ревизии численность якутского населения Якутии показана по отдельным наследам, объединенным в улусы, а тунгусского — по родам, записанным по округам. Таким образом, появилась возможность показать численность якутского населения по улусам: в Восточно- и Западно-Кангаласском улусах проживало 17 357 мужчин, 16 416 женщин; в Намском улусе — 8101 и 8182 соответственно; в Батурусском — 15 118 и 15 178; в Мегинском — 8931 и 9134; в Борогонском — 4881 и 4700; в Дюпсунском — 3836 и 3700; в Багантайском — 4334 и 4303; в Сунтарском — 9400 и 8466; в Мархинском — 7403 и 6299; в Верхневилуйском — 5451 и 5168; в Средневилуйском — 4154 и 4219; в Олёкминском — 4441 и 4154; в Верхоянском — 2663 и 2457; в Усть-Янском — 640 и 591; в Эльгетском — 956 и 887; в Жиганском — 971 и 957; в Колымском улусе — 1532 мужчины и 1615 женщин.

К Якутскому округу были прикреплены кангаласские бродячие тунгусы в количестве 723 муж-

чин и 578 женщин, майские бродячие тунгусы — 1088 и 844, а также части кочевого Бытальского рода, эжанские и кюпские тунгусы, вероятно, занимавшиеся скотоводством, в количестве 655 мужчин и 633 женщин, бродячие тунгусы Ламунхинского рода — 218 и 231, мямьяльские и годниканские бродячие тунгусы — 367 мужчин и 341 женщина. К Вилюйскому округу причислены тунгусские роды в количестве 2081 мужчины и 1625 женщин, в Олёкминском округе кочевали тунгусские роды с общим числом 497 мужчин и 378 женщин, в Верхоянском округе — 191 мужчина и 177 женщин. Кроме того, в этом округе учтены ламутские роды с 416 мужчинами и 370 женщинами, юкагирские роды с 584 мужчинами и 463 женщинами, в Колымском округе тунгусов было 131 мужчина и 133 женщины, чуванцев — 134 и 119, ламутов — 539 и 466, юкагиров — 316 и 323 соответственно. По данным X переписи, в Якутской области всего оказалось якутов 196 595 чел. обоего пола, тунгусов (эвенков) 10 891 чел., ламутов (эвенов) 1791 чел., юкагиров 1686 чел., чуванцев 253 чел. обоего пола.

Данные статистического учета «инородческого» населения за 1862 г. показывают, что якуты составляли 102 307 мужчин и 98 725 женщин, всего 201 032 чел.; тунгусы — 5776 и 4867, всего 10 643 чел.; ламутов — 1036 и 927, всего 1963 чел.; юкагиров — 800 и 718, всего 1518 чел.; чуванцев — 136 и 123, всего 259 чел. [Памятная книжка..., 1864, с. 34–35, 61–72].

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. выявила рост общей численности якутов, но их доля в населении всей Якутской области составила всего 81,9 %. Они преобладали в составе населения Якутского, Вилюйского и Верхоянского округов, составляя меньшинство в Олёкминском округе, где была сосредоточена основная масса пришлого населения, в большинстве своем занятого на золотых приисках. В Колымском округе якутское население составляло 46,15 %, уступая в процентном отношении русским, ламутам, юкагирам и чукчам вместе взятым.

По данным этой переписи, якутов насчитывалось 225 800 чел., тунгусов (вместе с ламутами) — 11 647 чел., чукчей — 1558 чел., юкагиров — 948 чел. Коренные народы — якуты, тунгусы, чукчи и юкагиры — образовывали 87,4 % населения Якутии. В отличие от статистических материалов, собранных административно-полицейским методом учета, итоговые данные переписи 1897 г. более или менее приближены к действительным показателям численности населения Якутии. Однако, по признанию С. Патканова, «тунгусы и ламуты составляют в сущности одно и то же тунгусское племя». Поэтому в окончательных итогах переписи 1897 г. они были объединены и показаны под общим названи-

ем «тунгусы» [Патканов, 1912, с. 814–833; Соколов, 1925, с. XVII–XXVI].

В полосе своей сплошной оседлости якутское население распределялось весьма неравномерно. Наиболее густонаселенным был Якутский округ, состоявший из основных и исторически сложившихся улусов. В правобережной части р. Лены располагались Восточно-Кангаласский улус с 12 наслегам с населением 13 565 чел., Батурусский (до разделения) — 32 наслег с населением 32 302 чел., Мегинский — 17 наслегов с населением 18 585 чел., Борогонский — 13 наслегов с населением 9066 чел., Дюпсунский — 8 наслегов с населением 6124 чел., Баягантайский — 9 наслегов с населением 9269 чел., всего в этих улусах, включавших 91 наслег и 393 рода, насчитывалось 89 911 чел. обоего пола. В левобережной части Якутского округа находились крупные по численности населения Намский и Западно-Кангаласский улусы. Первый улус включал 19 наслегов с населением 17 353 чел., второй — 20 наслегов с населением 18 928 чел.

Вторым по численности коренного населения был Вилюйский округ, включавший 4 улуса: Средневилюйский улус имел 8 наслегов с населением 9348 чел., Верхневилюйский — 15 наслегов с населением 14 050 чел., Мархинский — 17 наслегов с населением 17 440 чел. Самым многочисленным, а вместе с тем и наиболее удаленным от г. Вилюйска был Сунтарский улус, из которого 9 самых отдаленных наслегов образовали Хочинский улус. В Сунтарском улусе после этого осталось 10 наслегов. До разделения население всего Сунтарского улуса переписью 1897 г. определялось в 22 359 чел. обоего пола.

В 1897 г. якутское население Олёкминской инородной управы подразделялось на 6 наслегов и составляло 9321 чел., а с учетом приисковых якутов — 13 218 чел. В непосредственно граничащей с Иркутской губернией Мухтуйской части Олёкминского округа находилась прочно осевшая и освоившая эту местность с середины XVIII в. группа из 4 якутских наслегов, составивших Сунтаро-Олёкминское ведомство. Это были потомки бывших якутских ямщиков, рекрутированных из сунтарских «осьми наслегов». В этих наслеггах и витимских волостях насчитывалось 2737 чел. обоего пола.

В двух северных округах — Верхоянском и Колымском, состоявших соответственно из 14 и 10 наслегов, — проживало 5982 и 3330 якутов обоего пола.

За пределами Якутской области якуты постепенно осваивали новые территории. Небольшие очаги якутского населения наблюдались у озера Ессей и по р. Хатанге Туруханского края Енисейской губернии, в Охотском и Удском краях Приморской области, в среднем течении р. Амур, за Байкалом, на

отошедших к Иркутской губернии бодайбинских золотых промыслах. В общем в пограничных с Якутской областью губерниях в 1897 г. якутов проживало 4681 чел.

Тунгусское население по округам распределялось следующим образом. В южном Олёкминском округе тунгусы в основной массе были объединены в Жеюганский род, хотя они семьями кочевали по просторам таежных гор и долин, занимаясь охотничьим промыслом и оленеводством. Всего в Олёкминском округе насчитывалось 858 чел., из них 448 мужчин и 410 женщин.

В Якутском округе семь тунгусских родов Кангаласского ведомства обитали в горных местностях по верхнему течению рек Алдана и Амги. Некоторая часть из них осела на землях, пригодных для ведения скотоводческого хозяйства. Всего кангаласских тунгусов оказалось 1115 чел., из них 643 мужчины и 472 женщины. В горной части Западно-Кангаласского улуса к Мытатскому и Мальжегарскому наслегам были приписаны 120 тунгусов.

По среднему течению Алдана и по р. Мае жили тунгусы Майского ведомства. Значительная часть тунгусов, вероятно ламуты, вели оседлый образ жизни и занимались скотоводством, не отличавшимся от якутского хозяйства. Кочевавшие вблизи русских поселений Усть-Майское и Петропавловское тунгусы перешли к земледелию. Часть тунгусского населения кочевала по тайге, проникая в Приморскую и Амурскую области. По переписи 1897 г., их насчитывалось 1285 мужчин и 1217 женщин, всего 2502 чел.

В северной части Якутского округа, ограниченной Верхоянским хребтом, обитало отдельное Ламунхинское родовое общество, состоявшее из 115 мужчин и 110 женщин. Если считать единичных тунгусов, оказавшихся в якутских наслеггах, то в Якутском округе их было всего 4512 чел., из них 2390 мужчин и 2122 женщины.

В Вилюйском округе тунгусы были рассеяны среди якутских улусов, за исключением кочевавших между реками Оленёк и Анабар. В Верхневилюйском улусе, занимая его таежную часть, кочевали 1038 чел.; в Средневилюйском улусе — 563; в Мархинском — 255; в Сунтарском — 471 чел. обоего пола. В Западной Якутии по верхнему течению рек Чона и Оленёк кочевали тунгусы численностью в 1713 чел., часть которых была приписана к Туруханскому краю. Всего в этом округе тунгусского населения пребывало 4062 чел., из них 1984 мужчины и 2078 женщин.

Обеспокоенность среди исследователей конца XIX в. вызывал процесс вымирания одного из древних народов Якутии — юкагиров, населявших в основном северные районы Верхоянского и Колымского округов. Некогда многочисленный народ в

результате распространения смертоносных эпидемий и расстройства охотничьего и рыболовного хозяйства уменьшился до критического состояния. По данным переписи 1897 г., юкагиров всего насчитывалось 660 чел., а юкагиро-ламуты — смешанные семьи, но ведущие пеший охотничий промысел, — 890 чел., всего 1550 чел.

В отличие от «сидячих» чукчей, занимавших северо-восточное побережье азиатского материка и ведущих морской зверобойный промысел, «оленные» чукчи со второй половины XIX в. активно стали продвигаться в сторону р. Колымы, местами доходя до р. Алазеи. В голодные годы колымчане — юкагиры, ламуты и даже русские — обращались к «оленным» чукчам, которые оказывали бескорыстную помощь, предоставляя им на пропитание сотни оленей. В 80-х годах XIX в. значительная часть чукчей погибла от оспы, и в 1897 г. в Колымском округе кочевали 1556 чел., из них 750 мужчин и 806 женщин [Майнов, 1927, с. 323–411; Сафронов, 1978, с. 57].

Миграция русского населения, состоявшего из разных сословий, в другие губернии и обратно в Якутскую область в первой половине XIX в. стабилизировалась. Создание одного городского казачьего полка с твердым штатом ограничило численность казачьего сословия до 571 чел. мужского пола. Но полностью штат Якутского казачьего полка не заполнялся, и в 1823 г. полк состоял из 453 чел., в 1835 г. — 480, в 1854 г. — 385 чел. [Сафронов, 1978, с. 57].

В первой половине XIX в. русское крестьянство закрепило за собой уже освоенные в XVIII в. земельные территории в бассейнах рек Лены, Вилюя и Май. На севере русские крестьяне и мещане, основав в XVII–XVIII вв. компактные поселения по рекам Оленёк, Колыма и Индигирка, со временем создали самобытную культуру арктических охотников и рыболовов.

В результате административных преобразований начала XIX в. в Якутии статус городов окончательно приняли пять населенных пунктов: Якутск, Олёкминск, Вилюйск, Верхоянск и Среднеколымск, в которых проживало значительное количество русских. В связи с административными реформами М. Сперанского в 1822 г. города стали центрами одноименных округов, а Якутск — области. Хотя окружные города области относились к «малолюдным» городским поселениям, со временем и они превратились в значительные для Якутии населенные пункты.

В Якутске и окружных городах Олёкминске, Вилюйске, Верхоянске и Среднеколымске на рубеже XVIII–XIX вв. окончательно сформировались сословия дворян и чиновников, духовенства, купечества и мещан. Случалось так, что часть верхоянских мещан проживала не в самом городе, а в селениях, разбро-

санных в низовьях рек Индигирки и Яны. Они, являясь русскими, по сословной принадлежности должны были быть приписаны мещанами к городскому поселению, в данном случае к Верхоянску. По этому поводу невольный житель Верхоянска В.П. Ногин вспоминал: «Официально Верхоянск можно считать городом без жителей, так как верхоянские мещане живут на расстоянии 2000 верст от Верхоянска на Русском Устье реки Индигирки и никто из них в Верхоянске не бывал» [1923, с. 44].

Вилюйские мещане за отсутствием удобных сенокосных и хлебопахотных земель в городе расселились в якутские наслеги, «обязавшись с инородцами с обоюдной стороны брачным родством». Начальство же после неудачных попыток вернуть их в город в 1806 г. вынуждено было удовлетворить ходатайство мещан о перечислении их в крестьяне. Оставшиеся в городе мещане, не имея возможности из-за малочисленности образовать отдельное мещанское общество, были приписаны к посаду Якутска [Сафронов, 1961, с. 95].

В 1823 г. в городах проживало 3,1 тыс. чел., в 1897 г. — 9,2 тыс. чел. Горожане в 1823 г. составляли 1,8 %, в 1862 г. — 3,7, в 1897 г. — 3,5 % населения Среднеколымска составляли 6,8 %, Якутска — 4,5, Верхоянска — 4,0, Олёкминска — 3,1, Вилюйска — 0,9 % их округов. Национальный состав городского населения Якутии, по данным переписи 1897 г., следующий: русских — 46 %, якутов — 41,3, татар — 6,7, евреев — 3,8 %.

К концу XIX в. приток русских крестьян в города увеличивается. Если в 1862 г. они составляли 5 % городского населения, то в 1897 г. — 17 %. Довольно значительную группу составляли казаки — 12,8 %, мещане, почетные граждане и купцы — 14,7 %. Последняя категория населения городов — ссыльные и члены их семей, добровольно прибывшие с ними. Доля ссыльных в общей массе городского населения колебалась от 5 до 10 %. Всего по области в 1897 г. насчитывалось «великороссов с малороссами и белорусами» 30 807 чел. В области проживало 38 подданных иностранных государств [Первая Всеобщая перепись..., 1897, т. LXXX, с. X; Петров, 1990, с. 14].

Сравнительно низкий уровень развития производительных сил, огромная территориальная разбросанность населения, оторванность от других регионов страны обусловили специфические особенности демографических процессов в Якутии. В сибирских губерниях миграция была существенным фактором роста численности населения. О низком уровне внешней миграции населения в крае в конце XIX в. свидетельствуют и данные переписи 1897 г. Из 270 тыс. жителей Якутии 248 тыс., или 91,8 %, были местными уроженцами. В составе

населения области только 21,4 тыс. чел. были выходцами из других губерний и областей страны. При этом более $\frac{4}{5}$ новоселов было зарегистрировано в южной части Олёкминского округа, где с середины XIX в. были открыты золотые прииски.

На Бодайбинских приисках, где насчитывалось по тем временам большое количество рабочих, применялся преимущественно труд переселенцев из различных губерний Сибири и Европейской России, а также ссыльнопоселенцев. В составе рабочих представители коренного населения Якутии имели незначительный удельный вес. Так, в 1897 г. якуты и эвенки составляли 1,9 % рабочих на приисках Олёкминско-Витимской системы. Не были учтены находившиеся в таежной части сезонные рабочие из улусов, занятые рубкой леса, подвозкой дров, расчисткой дорог и другими вспомогательными работами. Отходничество представителей коренных национальностей на золотодобывающие прииски фиксировалось только в местах их выхода и носило скрытый характер. Поэтому за отсутствием статистических материалов выяснить общее количество рабочих не представляется возможным. Тем не менее только из одного Восточно-Кангаласского улуса к концу XIX в. на заработки «в тайгу», т.е. на золотые промыслы, получили билет, разрешающий выезд за пределы улуса, до 400 чел. трудоспособного возраста, в основном мужчины. В 1898 г. регион Олёкминско-Витимских приисков был выделен из состава Якутской области и передан в административное подчинение Иркутской губернии.

Значительный удельный вес среди прибывающих в Якутскую область составляли подневольные переселенцы — уголовные, административные и политические ссыльные, члены религиозных сект. По данным «Памятной книжки Якутской области на 1896 г.», из 17 247 русских, проживавших в тот год в Якутии, 7968 чел., или 47 %, были ссыльные и последовавшие за ними родственники [Памятная книжка..., 1896, с. 109].

Естественное движение населения Якутской области вплоть до 70-х годов XIX в. не учитывалось. В ранних источниках нет никаких сведений об этой форме учета. Лишь с организацией статисти-

ческого комитета Якутского областного управления стали публиковаться некоторые сведения о количестве родившихся и умерших. По неполным данным 1862 г., в Якутской области количество родившихся составило 3286 чел. обоюбого пола, а умерших — 2734 чел. Прирост таким образом составил всего 552 чел., т.е. 0,24 % в год [Памятная книжка..., 1864, с. 39, 43].

Не располагая обобщенными данными о естественном движении населения за более продолжительный период, историк И.А. Аргунов вынужден был провести анализ метрических данных, представленных в статистический комитет причтами православной епархии по всей области за одно пятилетие, с 1886 по 1890 г. [Аргунов, 1988, с. 20] (табл. 10).

Резкий рост смертности в 1889 г. (см. табл. 10) объясняется эпидемией оспы, отмеченной в том году. Вспышки кори, оспы, гриппа и других инфекционных заболеваний происходили в крае часто и, видимо, уносили много жизней. Таким образом, средние показатели за это пятилетие, очевидно, достаточно типичны для демографической ситуации того времени. В 1886—1890 гг. в Якутской области родилось 46 029 чел., а умерло 37 226. Естественный прирост населения за пятилетие составил 8803 чел., или 0,67 % общего числа жителей, а среднегодовой темп прироста, следовательно, равнялся 0,13 %. В это же пятилетие темп естественного прироста населения России составил 1,08 %, среднегодовой — 0,21, что почти в 2 раза выше.

Как видно из табл. 10, за пятилетие (1886—1890 гг.) на 1000 чел. населения ежегодно в среднем приходилось 8,4 брака. У православного населения Европейской России этот показатель за 1881—1890 гг. составил 9,1. Число рождений на каждый заключенный брак в области за это пятилетие было в среднем 4,3, а в Европейской России в тот период рождаемость на единицу заключенного брака достигла 5,5 %.

Численность населения Якутской области, по данным переписи 1897 г., в территориальных границах 1917 г. составила в Якутском округе 143,5 тыс. чел., в Олёкминском — 15,4, в Вилуйском — 68,0, в Верхоянском — 14,3, Колымском —

Таблица 10

Год	Общее кол-во жителей	Заключено браков	Кол-во родившихся	Кол-во умерших	Прирост (+), убыль (-)	% прироста или убыли	Число рождений на каждый заключенный брак
1886	253 885	2083	8714	6138	+2576	+1,01	4,2
1887	255 671	2034	8433	7262	+1171	+0,43	4,1
1888	256 488	1931	8889	6799	+2090	+0,81	4,6
1889	254 494	2319	9512	10 525	-1013	-0,43	4,1
1890	257 814	2416	10 481	6502	+3979	+1,54	4,3
Итого...	—	10 783	46 029	37 226	+8803	+0,68	4,3

7,2 тыс. чел., а всего по области — 248,4 тыс. чел. Почти за полвека население Якутии увеличилось всего на 32,1 тыс. чел. [Статистические данные..., 1912, с. 710–711].

Летом 1917 г. в Якутии проводилась сельскохозяйственная перепись населения, охватившая три южных округа. Из-за отдаленности Верхоянский и

Колымский округа переписью не были охвачены. В Якутском, Олёкминском и Вилюйском округах проживало около 0,25 млн чел., из которых 82,3 % составляли якуты, 10,5 — русские, 5 — эвенки (тунгусы), эвены (ламуты), юкагиры (одулы), чукчи, 2,2 % — представители других народов [Соколов, 1925, с. XXIV–XXV].

ГЛАВА 20

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ПО ПРЕОБРАЗОВАНИЮ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КОНЦА XIX ВЕКА

Реформы М.М. Сперанского 1822 г., прежде всего «Учреждение для управления сибирских губерний», окончательно установили административно-территориальное управление Якутской области. Сибирские города были разделены на «многолюдные», «средние» и «малолюдные». Центр области Якутск был отнесен к «средним» городам, а центры округов — к «малолюдным». Якутск остался центром области, Олёкминск, Вилюйск, Верхоянск и Среднеколымск — центрами одноименных округов с территориально прикрепленными якутскими улусами, тунгусскими, юкагирскими и чукотскими родами.

Сибирская реформа — это результат поисков оптимального административно-территориального устройства Якутии со стороны государства. При этом законодатель, декларативно заявляя о повышении блага горожан, стремился снабдить города управлением, свободным от принуждений и притеснений. В действительности самодержавие было поставлено перед необходимостью способствовать развитию торговли, промыслов, ремесел в городах, но в условиях Якутии, за исключением Якутска, управление «малолюдными» городами было передано полицейским окружным управлениям.

«Положением об управлении Якутской области» от 11 июля 1851 г. областное управление было реорганизовано по типу губернского административного устройства. Администрацию области возглавлял гражданский губернатор, который председательствовал также в Общем присутствии, состоящем из высших чиновников областного управления. Губернатор, как «блюститель неприкосновенности верховных прав самодержавия», производил общий надзор за деятельностью областных и окружных учреждений гражданского ведомства и должностных чинов, производил ревизию дел и устанавливал контроль «за скорым исполнением всех законных постановлений и требований» [ПСЗРИ, собр. 3, т. 3, с. 51; собр. 2, т. 49, № 54030]. На него возлагались наблюдение «за бездоимочным» поступлением всех сборов и податей и осуществление

надзора за исправлением повинностей. Губернатор принимал меры по направлению ссыльных к местам водворения и установления надзора за ними. Как представителю высшей правительственной власти в области ему вменялось в обязанность принятие срочных мер «к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». Кроме того, губернатор являлся председателем различных комитетов и присутствий, в том числе попечительного комитета о тюрьмах, комитета общественного здравия, оспенного комитета, попечительства детских приютов, статистического комитета, областных присутствий по городским делам и по воинской повинности. В эти совещательные органы входил чиновник областного управления, иногда привлекались представители городского органа управления [СЗРИ, т. 2, ст. 324–325; НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 2. Д. 2330. Л. 428]. В областном городе Якутске хозяйственными и судебными делами горожан ведало присутствие ратуши, состоявшее из бургомистра, двух ратманов и секретаря. Полицейская частная управа города состояла из городничего, трех квартальных надзирателей и секретаря.

17 мая 1856 г. Главное управление Восточной Сибири (ГУВС) предписало Якутскому областному правлению упразднить городскую ратушу и взамен учредить городскую думу. Во исполнение решения ГУВС областное правление 4 июля приняло заключение о переименовании ратуши в городскую думу. Городской бургомистр (судья) заменялся городским головой. Вместо заседателей избирались кандидат в городские головы и один гласный. Уголовные и гражданские исковые дела изымались из компетенции думы и передавались в ведение окружного суда. Предписанием якутского губернатора в том же году полицейская частная управа была переименована в общую городскую управу, на которую было возложено также решение некоторых торговых дел. На первых порах предмет деятельности думы и управы совпадал.

После падения в 1861 г. крепостного права в России последовало принятие ряда буржуазных ре-

форм. 16–28 июня 1870 г. было утверждено новое «Городовое положение», сыгравшее определенную роль в переходе городских сословий в сообщество капиталистического времени. С введением в жизнь новой городской реформы общегородские сословные органы заменялись новыми — городскими думами и управами, на которые возлагалось исполнение административно-хозяйственных дел. Новое «Городовое положение» значительно расширяло участие городского населения в управлении хозяйством, здравоохранении и создании просветительских учреждений. В городах Сибири «Городовое положение» осуществлялось только по разрешению министра внутренних дел. В первую очередь реформа вводилась в крупных губернских городах. 30 ноября 1872 г. общее собрание «разных сословий» Якутска, заслушав объявление городской думы о введении нового «Городового положения», признало, что учреждение общественного управления «вполне соответствует давнишнему и единодушному желанию всех домовладельцев», и постановило представить начальству ходатайство о его применении в Якутске. Министр внутренних дел, отметив, что «малочисленность населения сибирских городов едва ли может служить достаточным препятствием к введению в них “Городового положения”» [РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1522. Л. 5, 6], положительно отозвался об учреждении новых органов городского управления в Якутске. На выборах в Якутскую городскую думу, проведенных 14 декабря 1873 г., были избраны 8 чиновников, казачий сотник, 4 священника, 11 купцов и 6 состоятельных мещан. Они же избирали городского голову и двух членов управы.

«Попечительству» городской думы и управы подлежало в основном решение хозяйственных вопросов, а также заведование городскими училищами, больницами и благотворительным делом, учреждение библиотеки и музея. На городскую управу возлагалось непосредственное заведование городским хозяйством. Среди ее компетенций главными были исполнение определений думы, составление проектов городской сметы, взимание и расходование городских сборов и представление в думу отчетов о своей деятельности [Петров, 1990, с. 79–82]. Новое «Городовое положение», утвержденное 11 июня 1892 г., изменило систему выборов в городские органы управления и, по сути дела, явилось городской контрреформой. Прежний налоговый ценз избирателей заменялся имущественным. В губернских и областных городах избирательное право получали жители, имевшие недвижимое имущество, оцениваемое в 1000–1500 руб. Мелкие и средние предприниматели, простые горожане лишались избирательных прав. В небольших городах вводилось так называемое упрощенное управление: сход домовладельцев города избирал уполномоченных в количе-

стве 12–15 чел., которые в свою очередь избирали городского старосту с одним или двумя помощниками. Новая реформа предусматривала усиление надзора за деятельностью городских дум и управ со стороны администрации.

Якутский губернатор после получения распоряжения иркутского генерал-губернатора в начале 1894 г. приступил к формированию областного по городским делам присутствия, в которое вошли кроме губернатора вице-губернатор, областной прокурор, старший советник областного правления, городской голова и член думы. По заданию присутствия Якутская городская управа на основе нового закона составила список избирателей с имущественным цензом свыше 1000 руб. Право голоса получили только 106 домовладельцев, которые из своей среды избрали 20 гласных. В состав гласных, избранных на четырехлетний срок (1894–1898 гг.), вошли четыре чиновника, два казачьих чина, восемь купцов, два мещанина, один крестьянин, три состоятельных якута, занимавшихся торговлей и подрядами. Гласные избрали должностных лиц управы: городского голову, двух членов управы, члена в областное по городским делам присутствие и секретаря думы. В распоряжении управы имелась канцелярия [НА РС (Я). Ф. 165-и. Оп. 1. Д. 1602. Л. 4]. В компетенцию окружных полицейских управлений входило исполнение полицейских, хозяйственных и судебных дел. К полицейским делам относились обнародование в округе указов правительства, составление ведомостей о происшествиях, ведение следствия, распределение ссыльных по наслегам и установление надзора за ними, обеспечение порядка и спокойствия, пожарной безопасности и пр. В круг хозяйственных обязанностей окружного полицейского исправника входили составление ведомостей о посевах и урожаях хлебов и трав, содержание хлебных и соляных магазинов, охрана казенного имущества, взыскание сборов, податей и недоимок, принятие мер по прививкам от оспы и др. Он также представлял судебную власть, правда, только по части маловажных дел, поимки беглых, производства следствия, исполнения судебных определений по гражданским и уголовным делам. В северных округах исправники исполняли обязанности мирового судьи.

Российские реформы 60–70-х годов XIX в. вынудили правительство и администрацию Восточной Сибири ставить и решать вопросы преобразования общественного управления сибирских крестьян и коренного населения. В 1873 г. была создана специальная комиссия Министерства государственных имуществ. После рассмотрения соответствующих документов комиссия пришла к выводу, что «хозяйственный быт и экономическое положение ссыльно-поселенцев, оседлых, кочевых инородцев ничем су-

шественным не отличается от положения местных крестьян» [Майнов, 1912, с. 105] и потому рекомендовала распространить на них «Положение о крестьянах Закавказского края», разработанное Государственным советом. Около 20 лет разнородные государственные инстанции готовили законодательный документ. Областное и окружные правления собирали аналитические материалы. В Иркутской губернской канцелярии материалы «о введении нового крестьянского управления в Якутской области» были поручены чиновнику МВД, надворному советнику И.И. Крафту, позднее назначенному губернатором Якутской области [Федоров, 2013, с. 43].

В последней четверти XIX в. образованные якуты старались привлечь внимание правительственной администрации к вопросам совершенствования местного управления. Особенно популярной становится идея о земском самоуправлении. В 1880-х годах староста Батурусского улуса Якутского округа Е.Д. Николаев подготовил «Докладную записку», которая была подана министру внутренних дел Д.А. Толстому во время поездки его в Петербург на празднование 300-летия завоевания Сибири и официальной коронации императора Александра III в 1883 г. Докладная записка, написанная от имени всего якутского народа, содержала следующие пункты: о необходимости отмены уголовной ссылки, о введении в области земского самоуправления, о представительстве якутов в земских органах власти, о мерах по поддержке развития земледелия, скотоводства среди местного населения.

В конце 1899 г. состоялось заседание общего присутствия Якутского областного правления для обсуждения вопросов переустройства управления якутами в соответствии с Положением о крестьянах 1861 г. В протоколах этого собрания сохранился письменный документ — дословная речь В.В. Никифорова с предложением «ввести земские учреждения». Но в правительственной концепции административное переустройство местного самоуправления «иностранцев» в Якутской области, структурные сдвиги социального и экономического характера не принимались во внимание. Поэтому властные структуры ставили вопрос только о переводе управления якутского общества на институт «крестьянских начальников» [Яковлев, 2016, с. 140].

В первую половину XIX в. происходило поземельное устройство русских крестьян в Якутском, Олёкминском и Вилюйском округах. Их первые успехи в хлебопашестве поставили перед правительством задачу развития земледелия в крае. Но отводы земель под хлебопашество вылились в многолетнюю переписку. Якутское областное правление ставило перед окружными исправниками задачу «убедить якутов на добровольную уступку... означенных мест». Якутская община, и так страдавшая от не-

хватки удобных земель, всеми силами пыталась защитить облагороженные многими поколениями свои участки. И только после огромных усилий, преодолевая сопротивление наследных и улусных управлений, коронная администрация, доходя вплоть до Сената, добивалась отводов земельных участков крестьянам из владений якутских наследов. Так происходило оформление крестьянских волостей и наделение землей жителей Никольской слободы в Намском улусе, Олёкминской и Амгинской деревень в Олёкминском округе, а также крестьян, расселенных на станциях Якутско-Иркутского тракта.

В XIX в. количество волостей русских крестьян увеличивается — их становится девять. Каждая волость охватывала огромную территорию, несравнимо большую, чем в других губерниях страны, что определило своеобразие системы местного крестьянского самоуправления. Возникло внутриволостное административное деление на участки и сельские общества. Последние были образованы на каждой станции. Например, на территории Витимской волости в 1860-х годах находилось 20 станций, а через 10 лет их стало 26, разумеется, с тем же количеством сельских обществ. Протяженность волости составляла около 460 верст, ввиду своей обширности она делилась на три-четыре участка. Олёкминская волость к этому времени объединяла более 30 деревень и станций и делилась на четыре участка. По Лене ее протяженность превышала 500 верст. Более мелкие ямщицкие станки, расположенные на территории Якутского округа, вошли в сельские общества прилегающих 20 станций. Покровская волость протянулась по Лене на 400 верст и делилась на два участка: Покровский и Амгинский. Амгинское крестьянское общество в 1871 г. включало Ново-Покровское и Усть-Майское селения, которые вместе с крестьянами Амгинской слободы составили второй участок этой волости.

Вилюйское русское крестьянское общество возникло в начале XIX в. Крестьяне жили разрозненно среди якутов, и только в 1840-х годах их объединили в одном месте. В новообразованную волость вошли Нюрбинское и Сунтарское сельские общества, расстояние между ними составляло 160 верст. Северные крестьянские общества объединились в Усть-Янское, Усть-Оленёкское, Нижнеколымское крестьянские общества. Якутское областное правление, учитывая малонаселенность и разбросанность селений на огромной территории, 16 декабря 1897 г. рассмотрело вопрос об образовании новых административных единиц, пересмотре волостных границ и переименовании волостей. В результате волостной реформы численность волостей увеличилась, были упразднены участки. Крестьянское самоуправление упростилось, стало двухступенчатым: волость — де-

ревня. В Якутском округе возникли Амгинская, Павловская, Покровская, Иситская волости; в Олёкминском — дополнительно к существующим появились Чекурская и Нохтуйская волости; в Вилюйском — оформилась Нюрбинская волость.

Русское крестьянство представляло собой замкнутую сословную часть податного населения. Для крестьянского общественного управления предусматривалось избрание крестьянами из своего состава целого ряда должностных лиц: волостной голова или староста, участковые старшины, сельские выборные, сборщики податей, смотрители хлебных магазинов, лесные и полевые сторожа, сотские и десятские; по Якутско-Иркутскому тракту выбирались смотрители станций и почтовые смотрители. В Амгинской и Олёкминской волостях, где успешно занимались хлебопашеством, был введен институт смотрителей хлебопашества с большими властными полномочиями. Смотрители продолжали заниматься крестьянским трудом, но при этом как представители местной администрации были наделены целым рядом прав и привилегий. Должностные лица крестьянского сословного управления освобождались от всяких натуральных поборов, рекрутской повинности, телесных наказаний и т.д., но эти привилегии не давали им возможности изменить свой статус и перейти в другое сословие.

Волостной сход выбирал волостных должностных лиц, решал хозяйственные проблемы волости, утверждал приговоры сельских сходов и т.п. Избираемый волостным сходом на три года волостной голова утверждался губернатором, выполнял фактически полицейские функции: следил за сохранением общественного порядка, спокойствия и благочиния в волости, а также производил ежегодную раскладку податей и повинностей по сельским обществам, затем принимал от сборщиков налогов денежные средства и сдавал их в областное казначейство. В сельских обществах выбирали старост, на станках — старшин. Волостное правление состояло из волостного головы, старост, сборщиков податей, заседателя и писаря, который вел обширное делопроизводство.

Волостной суд представлял сословный крестьянский суд, рассматривал споры между крестьянами, если сумма иска не превышала 300 руб., а также мелкие уголовные дела. Приговоры рассматривали общественные работы до 6 дней, денежные штрафы до 3 руб., арест до недели и розги до 20 ударов [Игнатьева, 1993, с. 4–5].

Для правительства органы местного самоуправления являлись дополнительным бесплатным административно-полицейским звеном, облегчавшим сборы налогов, осуществление государственных и земских повинностей, комплектование армии, разрешение поземельных споров между крестьянами.

В сельских общинах было установлено общинное пользование землею, при котором крестьянский «мир» осуществлял переделы земельных участков между крестьянами и все повинности отбывал круговой порукой. В члены «мирской избы» входили старшина, выборные, которые при отсутствии местного крестьянского суда выполняли судебные функции. Посредниками от государственных структур в управлении крестьянским сообществом являлись земские заседатели, мировые судьи. Староста или сборщик податей из поступающих с крестьян платежей удерживал сумму, подлежащую в мирские сборы.

Возложив на сельских начальников особое попечение о хозяйственном благоустройстве крестьян по предметам, составляющим содержание повинностей, закон тем самым предоставил широкий простор для вмешательства в сферу крестьянского самоуправления по раскладке повинностей, которые в зависимости от их свойств и по усмотрению крестьянских обществ отправлялись или натурою, или посредством денежных сборов. Некоторые повинности (например, тушение лесных пожаров) могли быть уплачены лишь натурою. В 1886 г. Сенат разъяснил, что личное отправление натуральных повинностей не обязательно: каждый крестьянин может нести упдающие на его долю по раскладке натуральные повинности, выставя за себя другое лицо; отсутствие крестьянина в месте его жительства не освобождает его от отбывания натуральных повинностей. В то же время, согласно сенатскому решению 1884 г., сельский сход не вправе облагать отсутствующих крестьян особым сбором под тем предлогом, что по случаю отсутствия они не могут внести упдающие на них натуральные повинности.

Крестьяне и инородцы при сходах выбирали должностных лиц, выдвигали предложения о землепользовании, раскладке повинностей, о мирских судах и словесных расправах. Но права и функции обществ ограничивались и определялись устаревшими уставом и положением 1822 г., сохранявшими замкнутость сословного деления населения. Для их структуры власти типичны подчиненность, отчетность нижестоящих перед вышестоящими, а также назначаемость сверху. Немалую роль при движении по служебной лестнице играли исполнительность и верноподданнический дух чиновника. Добросовестные поощрялись наградами, очередными званиями за работу в Сибири, надбавками, пособиями детям.

Во второй половине XIX в. круг вопросов, решаемых органами местного самоуправления в улусах, заметно расширился. Главным оставался сбор податей и повинностей. Инородные управы были обязаны следить за порядком в наслегах и улусах,

проявлять внимание к нуждам людей, содержать инородные управы и родовые управления, строить церкви и школы и содержать их, организовывать междудворную обывательскую гоньбу, обеспечивать ссыльнопоселенцев и кумаланов, проводить выборы в наслегах и улусах, точно и своевременно исполнять распоряжения вышестоящих органов т.д. На ежегодных улусных собраниях принимались общественные решения о том, какие сборы проводить на следующий год и как разложить их по наслегам. Сборы были тройкого вида: казенные подати (ясак, подушная подать, сборы на хозяйственный, межевой, пожарный капиталы, ружный сбор), земские повинности, или губернские земские сборы, внутренние сборы на содержание наследного и улусного управления. По первым двум видам размеры сборов указывались чиновниками областной администрации, и они должны были распределяться по наслегам исходя из числа ревизских душ.

Внутренние сборы отличались разнообразием: на содержание инородных и родовых управлений (жалованье письмоводителей, канцелярские расходы, ремонт и отопление помещений, приобретение мебели, содержание сторожей, рассыльных, караульных, сборщиков податей и повинностей), церковных старост, арестантских помещений, на исправление дорог, мостов и перевозов, на постройку, ремонт и содержание школ (жалованье учителей и сторожей, приобретение учебных пособий и канцелярских принадлежностей), на содержание воспитанников пансионатов, поселенцев и т.д.

На наследных сходах принимались общественные приговоры по получении окладных листов от инородных управ: делались раскладки по хозяйствам (по числу ревизских душ), назначались сроки окончания сборов и взноса в инородные управы, осуществлялись земельные переделы.

Инородческий суд производил судебное разбирательство по «Уставу об управлении инородцев». По ним суды словесной расправы I (старосты, старшины или 2–3 выборных) и II (голова, члены управы) степеней разбирали мелкие дела, иски в пределах 30 руб. С появлением контрактных обязательств расширился круг рассматриваемых дел о найме, кредите и имущественных спорах. Споры общественников разных наслегов или при «неудовольствии» тяжущихся сторон определением суда I степени рассматривала расправа II степени.

Обжалование приговоров, а также иск более 30 руб. рассматривались судом III степени — земскими заседателями, полицией и окружным судом — в соответствии с законами Российской империи, их решения ранее считались окончательными. Закон разрешал якутам судиться по их обычаям в инородной управе окончательно по делам о мошенничестве, воровстве, краже, не превышаю-

щим сумму 30 руб., по делам же свыше 30 руб. или при третьем совершении обвиняемые подвергались суду на общих основаниях по законам империи.

Подряды и кредиты, размер которых превышал установленную законом сумму в рублях, засвидетельствованные родовым управлением и поручительством 3–4 общественников за благонадежность своего родовича, обретали юридическую силу. После этого физическое лицо (родович) могло рассчитывать на получение подряда или кредита.

В качестве мер наказания инородческие суды применяли телесное и материальное возмещение ущерба. Материальное возмещение предусматривало описание имущества в пользу потерпевшего, принуждение виновного к скорейшему возмещению ущерба; к телесным относились публичное наказание розгами, задержание подсудимого на определенное количество дней в местном арестном помещении (*сибишкэ*) и ссылка. При этом суд призывал к примирению тяжущихся сторон на основании обычного права [СЗРИ, т. 2, ст. 70–98]. При выборе наказания принимали во внимание судьбу иждивенцев, платежеспособность осужденного. При невыполнении контрактных обязательств по определению суда описывали и продавали имущество ответчика и его поручителей — так возмещался урон, или виновник по несостоятельности отрабатывал сумму иска. С целью защиты аборигенов от разорения в исковых делах правительство выработало «Правила об имуществе, не подлежащем продаже на удовлетворение взыскания с инородцев Восточной Сибири», ст. 2145 «Устава гражданского судопроизводства» в 70-е годы запретила изъятие по иску с якута, имеющего менее 28 голов крупного рогатого скота. Численность скота, не подлежащего продаже для внесения платежа по иску, рассматривалась областной администрацией через каждые три года [СЗРИ, т. 16, ч. 1, ст. 12–76].

В судах появились доверенные обществ или групп людей, представляющие их интересы. Таковых торговые фирмы также ставили во главе своих предприятий в Якутске. Обыкновенно их функции, права и обязанности определялись специальным договором. Из рассмотренных за 70–80-е годы XIX в. 37 исковых дел к мелким и средним предпринимателям по кредитам и поставкам мяса оплатили иск в 9 случаях; взыскали с поручителей в 8, в уменьшенном виде — в 1; отдали на заработки троих; выставили на продажу имущество ответчиков в 9 случаях; объявили несостоятельными троих; подали встречный иск двое; в одном случае прощены долги 15 охотникам.

Иски по возврату кредита распространились и в родственных отношениях крупных предпринимателей. В 1886 г. возникла тяжба между П.Ф. Лепчиковым и его зятем П. Гаврильевым за кредит

1000 руб., выданный Ф.И. Лепчиковым, который был погашен 700 возами сена. В 1889 г. по иску купца К.И. Захарова было отобрано имущество у его племянника П.Д. Захарова из Догдогинского наслега Восточно-Кангаласского улуса за кредит на 3,5 тыс. руб. [НА РС(Я). Ф. 192-и. Оп. 1. Д. 1001. Л. 1–4, 8, 10, 11, 22, 25, 122–124]. Впоследствии П.Д. Захаров судился со своими родовичами за выданный им кредит, но в силу действия закона об имуществе, не подлежащего к взысканию долга, не сумел его вернуть, разорился и преждевременно умер. Два этих случая говорят о глубоком проникновении складывающихся рыночных отношений в быт скотоводов и о разложении у якутов феодальных отношений.

В результате наступления ответственности по обязательствам в 80–90-е годы были объявлены несостоятельными верхоянский купец Я.М. Костромьгин, якутский — Ф.И. Захаров, колымский — М.Н. Барамыгин, иркутский — Я.Г. Швецов, предприниматель Д.Д. Сеницын. Из них полностью взыскали долг у троих купцов, в уменьшенном виде — у четверых. Причиной этих исков стала низкая платежеспособность населения вследствие малой доходности их хозяйств и сложившейся большой вилки цен (высокие цены на привозные товары, низкие — на местные продукты). При этом абсолютное большинство сделок по кредитам, поставкам и подрядам выполнялись в срок и не стали предметом судебного разбирательства.

По судебной реформе 1864 г. суд в России стал бессловесным, состязательным, гласным, но новая система судопроизводства не распространилась на Сибирь. Постепенно происходило внедрение новых элементов судопроизводства. В 1894 г. все округа Якутской области были разделены на земские участки, где большую часть дел, поступивших от крестьянских и инородных обществ, рассматривал земский заседатель, выступавший одновременно и судебным приставом, и судебным следователем. Применение новых судебных уставов в Сибири, включая и Якутскую область, произошло лишь в 1896 г. На основании судебного акта «Учреждение судебных установлений» в области был создан Якутский окружной суд, подчинявшийся Иркутской судебной палате, который был вправе обжаловать решение нижестоящего суда. В компетенцию окружного суда входило рассмотрение дел гражданского и уголовного производства [СЗРИ, т. 16, ч. 1, ст. 77–80]. Приговоры нижестоящих с участием присяжных заседателей считались окончательными, но могли быть обжалованы Правительствующим сенатом в случаях неверного толкования закона. Таким образом, вероятность пересмотра дел высшими судебными инстанциями понуждала суды действовать осмотрительно и соблюдать законы. Введение ин-

ститута присяжных заседателей в крае несколько затянулось, и произошло оно в начале XX в.

Мировой суд — особый вид суда, учрежденный в центральных губерниях по судебной реформе 1864 г. В Якутской области возник на основании закона от 13 мая 1896 г. «Временные правила о применении Судебных уставов к губерниям и областям Сибири». В следующем году было образовано шесть судебно-мировых участков: в Якутске, Якутском, Олёкминском, Вилюйском округах, Олёкминской и Витимской золотопромышленных системах. В северных округах иногда функции мировых судей возлагались на местных полицейских исправников. Мировые судьи рассматривали мелкие гражданские и уголовные дела ценностью 500 руб. по упрощенной судебной процедуре [СЗРИ, т. 16, ч. 1, ст. 12–76]. В своих мировых участках они единолично, без особого аппарата, в присутствии истца и ответчика решали дело, руководствуясь совестью и естественным понятием о справедливости.

Важное значение в социально-экономических, семейных отношениях, особенно в условиях рынка, имело наследственное право, определявшее порядок и процедуру перехода имущества (наследства) после смерти его владельца другим лицам в соответствии с законом о наследовании или завещанием. В России наследное право регулировалось актами от 5 июня 1882 г. и 5 апреля 1896 г. [СЗРИ, т. 16, ч. 1, ст. 116]. Наследство передавалось по духовному завещанию, зарегистрированному в нотариальной конторе, решениями окружных судов в годичный срок. Так, в 1897 г. наследство купца А.М. Кушнарёва на 1 067 162 руб. перешло детям и вдове [Петров, 1990]. Кроме имущества наследовалось также сословное положение потомственными дворянами, потомственными почетными гражданами, мещанами и крестьянами. Должность головы улуса или звание князца у кочевых народов Сибири, к которым относились якуты, также могли передаваться по родству в качестве наследства [СЗРИ, т. 2, ст. 122, 123; т. 9, ст. 54].

Большинство якутов не оформляли письменного завещания, достаточно было высказать при жизни свою волю о разделе имущества, но обыкновенно они не успевали это сделать. В таких случаях спор о разделе наследства рассматривался инородческими судами. Позднее состоятельные якуты стали составлять духовные завещания через нотариальную контору.

Словесным обычаем в судопроизводстве инородцев придавали большое значение, наряду с российским законом. Осужденные судами словесной расправы не направлялись в тюрьмы и таким образом не вступали в контакты с уголовными преступниками. Им предоставлялось право искупить вину в своей среде и содержать при этом близких.

ГЛАВА 21

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Разведение крупного рогатого скота, коневодство и оленеводство представляли три основные отрасли животноводства в Якутии, имевшие большое экономическое значение. Во второй половине XIX в. животноводство, как и раньше, носило неустойчивый характер, во многом связанный с погодными условиями.

21.1. КРУПНЫЙ РОГАТЫЙ СКОТ

Во второй половине XIX в. якутское крестьянство мерилom благосостояния по-прежнему считало наличие крупного рогатого скота и старалось увеличить его количество. В засушливые годы в зимний стойловый период, длившийся почти 8 месяцев, на содержание домашних животных обычно не хватало годового запаса сена. И тогда население вынужденно шло на убой скота, пытаясь при этом сохранить его молодую репродуктивную часть с тем, чтобы в благоприятных условиях восстановить поголовье.

Во второй половине XIX в. увеличение в благоприятные периоды поголовья разных видов домашних животных сменялось его резким сокращением в годы бескормицы. Наибольшее количество голов рогатого скота — 303 371 — было в 1860 г., что почти в полтора раза больше показателя, зафиксированного в 1857 г. [Башарин, 2012, с. 18–19]. За четыре года поголовье крупного рогатого скота увеличилось более чем на 131 тыс., или на 43 %, что заставляет усомниться в правильности сведений за 1860 или 1857 гг., хотя число крупного рогатого скота за 1857 г. оставалось наименьшим даже вплоть до 1917 г., когда был достигнут наивысший показатель — 487 490 голов скота за все годы наблюдения, включая советский период.

Можно допустить, что данные о количестве крупного рогатого скота в 1860 г. преувеличены. По некоторым сведениям, в эти годы в Центральной Якутии наблюдался неурожай трав и хлебов. Подтверждением может служить то обстоятельство, что в 1862 г. головы пяти заречных улусов просили архиепископа Камчатского, Курильского и Алеутского Иннокентия отслужить молебен у озера Тюнгиюло о ниспослании долгожданных дождей.

В 1861 г. число рогатого скота в области сократилось почти на 37 тыс. голов. Объяснить такое крупное сокращение поголовья неожиданной засухой, охватившей только один год, нельзя. Здесь очевидны огрехи, допущенные теми, кто собирал такого рода статистические данные в 1860 г.

Как видно из табл. 11, поголовье рогатого скота до 80-х годов стабильно держалось на уровне примерно 250 тыс. В последние годы XIX в. его количество колебалось от 214 тыс. до 240 тыс.

На сокращение численности поголовья рогатого скота, кроме вышеуказанной причины, вполне могли повлиять эпизоотии, которые при отсутствии срочной ветеринарной помощи иногда носили массовый характер, хотя не выходили за пределы одного наслега или по крайней мере улуса. Тем не менее падеж скота и лошадей от разных болезней наносил большой ущерб скотоводческому хозяйству. От бескормицы в 1861 г. в Верхневиллюйском, Средневиллюйском, Мархинском и Сунтарском улусах Вилюйского округа пало разного скота в количестве 34 721 головы. Стабильно низкий уровень поголовья скота в области объяснялся также острой нехваткой земли, сенокосов и пастбищ внутри наслегов, ограниченности угодий, пригодных для разведения крупного рогатого скота и лошадей. Также как на одну из основных причин сокращения поголовья скота к концу XIX в. следует указать на сильное проникновение товарно-денежных, рыночных отношений в хозяйство крестьян, во многом связанное с развитием Ленских золотых промыслов. В сельской местности шире стали практиковать забой скота и вывоз говядины на золотые прииски. В 1898 г. было вывезено 16,3 тыс. пудов масла, 68,6 тыс. пудов мяса [Воленс, 1927, с. 687–688]. Вывозили рогатый скот и живым весом, особенно летом — на баржах, пароходами или перегоняли гуртами своим ходом, несмотря на видимые и невидимые трудности, преодолевая многоверстные

Таблица 11. Динамика численности крупного рогатого скота (вторая половина XIX в.)*

Год	Округ					Всего
	Якутский	Олёкминский	Вилюйский	Верхоянский	Колымский	
1857	128 865	10 843	23 607	7979	372	171 666
1860	196 345	11 468	88 801	6292	465	303 371
1861	174 540	11 839	72 567	5761	1849	266 556
1865	141 339	12 156	86 480	5390	1892	247 257
1870	153 814	12 586	88 107	4379	2205	261 091
1875	161 350	12 905	87 889	5989	299	268 432
1879	174 509	11 891	71 970	5867	172	264 499
1886	161 918	12 285	57 639	4199	849	236 890
1891	140 543	13 569	55 698	2923	666	213 399
1894	150 248	13 778	46 887	3201	635	214 749
1901	199 391	13 315	65 527	6678	2467	287 378

* Составлено по [Башарин, 2012, с. 18–19].

таежные расстояния, широкие реки и каменистые горы.

Впервые такой способ доставки из Якутского округа до Витима гуртов крупного рогатого скота в 70-е годы XIX в. по кредиту с золотопромышленников применил якутский купец второй гильдии И.П. Колесов. Но в конце 1870-х годов он потерпел крах и вынужден был свернуть свое предприятие. На рубеже XIX–XX вв. многочисленные гурты скота перегоняли вилюйские якуты, особенно отличались сунтарские и нюрбинские богачи.

21.2. КОНЕВОДСТВО

В рассматриваемый период коневодство в якутских и русских крестьянских хозяйствах в основном развивалось, базируясь на многовековом опыте использования лошадей как тяглого средства и для употребления на мясо преимущественно в зимнее время (табл. 12).

Наибольшая численность лошадей (183 107) была в 1860 г., хотя правильность этого показателя вызывает обоснованные сомнения. За три года прирост поголовья лошадей составил 76,6 тыс., что, конечно, учитывая сезонный забой и падеж лошадей, нереально в условиях Якутии. Средний показатель за рассматриваемый период составил примерно 120 тыс. лошадей. Наименьший уровень численности лошадей зафиксирован в 1894 г. — 97 тыс.

Во второй половине XIX в. количество рогатого скота все больше преобладало над количеством лошадей. Если к 1857 г. рогатый скот составлял 61,72 % от общего поголовья животных, то в 1894 г. он уже составил 68,84 %. Процесс этот, начавшийся еще в XVIII в., в конце XIX в. приобрел глубокий экономический смысл — во многом он был связан с влиянием Ленских золотых промыслов, вызвавших большой спрос на мясо-молочную продукцию.

Таблица 12. Динамика численности лошадей (вторая половина XIX в.)*

Год	Округ					Всего
	Якутский	Олёкминский	Вилюйский	Верхоянский	Колымский	
1857	67 792	7549	18 973	9993	2140	106 447
1860	109 224	8086	56 525	6194	3078	183 107
1861	81 663	8447	42 698	5931	3299	142 638
1865	59 590	8633	46 713	5896	4306	125 138
1870	78 219	8988	46 687	4939	4799	143 632
1875	73 436	9799	46 530	5516	630	135 911
1879	84 600	9296	45 552	5668	438	145 554
1886	58 269	8265	43 039	5264	1331	116 168
1890	68 761	7520	40 808	5158	826	123 073
1891	63 455	7301	40 578	4727	1170	117 231
1894	47 853	8573	34 426	5137	1340	97 323
1901	56 049	9739	31 026	4545	2357	103 716

* Составлено по [Башарин, 2012, с. 20–21].

Ограничение крупного землепользования среди якутов сказалось на их скотовладении. По материалам Г.П. Башарина, тойон Д.А. Гоголев (1813–1874) Мегежекского наслега Мархинского улуса якобы владел 700 головами рогатого скота, А. Неустров в Жехсогонском наслеге Батурусского улуса в лучшие годы имел до 1000 голов, а у его внука Иннокентия (1823–1896) было только 200 голов рогатого скота и 120 лошадей, у Н. Слепцова (1832–1921) — 700 и 300 соответственно [Башарин, 2012, с. 33–34]. Но статистические данные, зафиксированные в архивных материалах, не подтверждают бытующие среди скотоводов предания о собственниках, владевших в прошлом тысячами стадами крупного рогатого скота. В 1855 г. в Сунтарском улусе у А. Кокорина было 200 голов рогатого скота, 250 лошадей, 150 оленей, 16 овец, в Верхневилуйском улусе у С.И. Винокурова — 170 голов рогатого скота и 140 лошадей. В 1887 г. А.П. Петров из I Игидейского наслега Батурусского улуса оставил наследникам, у которых было немалое собственное поголовье, 255 голов скота [Башарин, 2012, с. 33–34].

По официальным данным, в 1892 г. в Якутском округе на душу приходилось 0,9 % рогатого скота и 0,37 % лошадей, в Олёкминском округе — 0,72 и 0,57, в Верхоянском — 0,25 и 0,44, в Колымском — 0,19 и 0,31. Подворная перепись того года в 9 наслегах, 6 улусах Якутского округа выявила иную картину — 2,1 головы рогатого скота и 0,4 лошади на душу. В 1897 г. в Удюгейском наслеге Верхневилуйского улуса 32 хозяйства имели по 2–9 голов скота, 39 — по 10–13, 44 — по 15–20, 8 — по 30 и более, итого 110 хозяйств имели 2553 головы рогатого скота и 732 лошади, в засуху 1898 г. было забито 576 и 156 [НА РС (Я). Ф. 343-и. Оп. 1. Д. 79. Л. 9, 10; Ф. 22-и. Оп. 1. Д. 2033. Л. 25, 26]. Численность скота и лошадей различалась по наслегам и улусам, тем более по округам, в зависимости от размера используемых заливных лугов, сенокосов, пастбищ. В улусах Якутского округа встречались бесскотные хозяйства.

Разведением крупного рогатого скота и лошадей, кроме якутов, в той или иной мере занимались русские, в основном крестьяне, компактно расселившиеся в трех центральных округах. В ямщицких станках и Амгинской слободе, по данным 1855 г., насчитывалось 1822 головы рогатого скота. У крестьян Вилюйского округа, обосновавшихся в местности Нюрба, было 386 голов рогатого скота и 173 лошади [НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 1005. Л. 28; Д. 1038. Л. 182]. У олёкминских крестьян в это же время имелось 1560 голов скота. Кроме крупного рогатого скота они держали по одной или несколько рабочих лошадей. В 1891 г. у крестьян Якутского округа поголовье скота выросло до 3202 голов, а лошадей — до 1253. Скотоводческое хозяйство вели

и жители городов. В 1862 г. в городах области насчитывалось 2570 голов крупного рогатого скота. По данным 1870 г., в четырех городах (кроме Вилюйска) поголовье лошадей составило 2054. Горожане не ограничивались разведением только рогатого скота и лошадей для собственных потребностей. Вместе с русскими крестьянами они первыми в Якутии стали разводить новые для края виды домашних животных. Во второй половине XIX в. в Якутске и Олѣкминске появились овцы, свиньи и козы. По переписи 1872 г., купцы и зажиточные мещане Якутска содержали более сотни овец простой русско-крестьянской породы [Петров, 1990, с. 55–56]. Жители Вилюйска и Верхоянска больше, чем в других городах, разводили рогатый скот, а колымчане — лошадей.

В скотоводстве, как и прежде, применяли особый вид сельскохозяйственных производственных отношений — *хасаас* — отдачу дойной коровы на содержание беднякам за снятое молоко, т.е. они должны были сдавать скотовладельцу отдельно оговоренное между ними количество весового масла, а за пользование удоем молока с 1 мая по 1 октября — деньгами. Зажиточные хозяева широко использовали коллективный труд, приглашая соседей — дюккаков, хамначитов — с условием, что те будут косить сено и ухаживать за скотом, в качестве платы выделяли либо скот, либо мануфактуру, а иногда приплачивали деньгами. Нанимали работников поденно, на месяц, сезон или на год, на харчах хозяина, с конем или пешего. В 1890 г. годовой заработок мужчин в Вилюйском округе колебался от 130 до 150 руб., женщин — от 65 до 100, в летнюю страду труд оценивался выше — 75–100 и 45–80 руб. соответственно, месячный — 15–30 и 8–25 руб., поденный — 1,50 и 1–1,25 руб. [НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 8. Д. 6. Л. 22; Ф. 23-и. Оп. 1. Д. 5333. Л. 100]. За сенокосение 1 дес. платили 3–4 руб. За прокорм скота хозяина с 1 сентября по 9 мая оплачивали 7–9 руб.

В летний период работники в хозяйстве начинали сенокос с конца июня и завершали в начале сентября. Все члены семьи, и стар и млад, трудились от зари до зари, стараясь за короткое лето заготовить столько сена, чтобы хватило на стойловый период, продолжавшийся до 8 месяцев. Так, в 1882 г., по неполным данным, в области было заготовлено 17 196 331 пуд сена, в 1890 г. — 14 008 891 [Башарин, 1962, с. 84–87].

Оросительные работы производились повсеместно наравне с осушкой озер. В 70-е годы XIX в. пять наслегов Мархинского улуса рыли канал протяженностью 40 верст, охватив 20 озер. В 1898 г. в Бестяхском наслеге того же улуса соединили пять озер.

Настоящим бедствием становился падеж скота от разных заболеваний и бессенницы в периоды про-

должительных засух. Зажиточные старались спасти скот: помогали населению сеном, выделяли покосы в других улусах, собирали пожертвования, создавались общественные запасы сена. В засуху 1897, 1898 гг. в Вилюйском округе областная администрация отправила голодающему населению 13 747 пудов муки, 1316 руб., Якутский комитет благотворительного общества — 1000 руб., золотые прииски — 2750 руб. Создавались окружной, улусный и наследный комитеты, возглавившие работу по спасению людей и скота от продолжительного голода.

Продукция животноводства и фураж вывозились на продажу золотым приискам, в 1871, 1872, 1877 гг. было вывезено продукции на 1360,3 тыс. руб., в 1888 г. — 57 916 пудов живого скота, 44 083 пуда мяса в тушах, в 1893–1898 гг. в среднем в год — сала и масла 5 тыс. пудов, 150,4 тыс. пудов мяса, 130 тыс. пудов сена [НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 8. Д. 2. Л. 159; РГИА. Ф. 1284. Оп. 67. Д. 284. Л. 9; Оп. 69. Д. 333. Л. 11, 12].

21.3. ОЛЕНЕВОДСТВО

Оленеводство являлось одним из ведущих традиционных занятий коренного населения. Во второй половине XIX в. разведение оленей среди тунгусских родов наблюдалось во всех пяти округах Якутской области, хотя в центральных и вилюйских улусах общая численность оленей к концу XIX в. неуклонно сокращалась. К концу 1857 г. у тунгусов, вероятнее всего, эвенков, Якутского округа насчитывалось 1409 оленей, Вилюйского — 6170 и Олѣкминского — 1450, а всего 9029 оленей. В 1894 г. без учета Олѣкминского округа численность снизилась до 3016 оленей. Большое количество оленей разводили в Верхоянском округе: в 1870 г. отмечен наибольший показатель — 24 221 [Башарин, 2012, с. 41–43]. Затем последовал глубокий спад, продолжавшийся три десятилетия. Колебания численности оленей зафиксированы и в других округах.

Следует отметить, что сбор сведений о поголовье оленей в бескрайнем пространстве тайги и тундры представлял сложную проблему для составителей статистических материалов. Даже в наиболее развитом Олѣкминском округе, где в Токкинском урочище кочевали тунгусы-эвенки, в ряде лет отсутствовали данные о количестве оленей. В Верхоянском округе, где кочевали эвенки, эвены, юкагиры, чукчи и который по площади намного превосходил российские губернии, сведения о количестве оленей записывали со слов бывалых людей, которые имели привычку на глаз определять количество оленей в стаде (табл. 13).

Таким образом, оленеводством в северных округах в той или иной мере занимались чукчи, эвен-

Таблица 13. Динамика численности оленей в Якутской области (вторая половина XIX в.)

Год	Округ					Всего
	Якутский	Олёкминский	Вилуйский	Верхоянский	Колымский	
1857	1409	1450	6170	5625	35	14 689
1860	3379	1221	4794	12 665	1382	23 441
1865	1975	2527	5100	15 973	1842	27 417
1870	2128	2660	6251	24 221	2156	37 416
1875	2389	50	4139	19 915	4434	30 927
1886	1357	—	4278	12 122	4679	22 436
1891	1375	—	951	9054	8580	19960
1894	2002	—	1014	9169	12 020	24 205
1901	2651	—	2442	19 125	188	24 406

ки, эвены, якуты, юкагиры (в меньшей степени) и даже русские, ведшие с народами Севера оживленную обменную торговлю. Чукчи, проживавшие в Колымском округе, вели исключительно оленеводческое хозяйство. У них олени исчислялись тысячами. Но сами чукчи, по свидетельству В.Г. Богораза [1899], исследовавшего их хозяйство и быт, никогда не считали своих оленей. По заниженным данным, численность оленей по области в 1870 г. достигла наивысшего уровня — 37 416, а наименьший был отмечен в 1857 г. — 14 689. На оленях перевозили грузы хозяйственного назначения, продовольствие, почту. Ездили на охоту, кочевали всей семьей на дальние расстояния. Мясо оленя потребляли в пищу, из их выделанных шкур шили теплую одежду и пр. На численности оленей по временам года сказывались различные болезни, которые при отсутствии ветеринарной помощи буквально косили стада. Домашних оленей давили волки, уводили с собой дикие олени. Пастухи, обнаружив больных оленей, отделили их от основного стада и тут же забивали, полагая, что такая мера может спасти хотя бы часть оленей.

21.4. ПУШНОЙ ПРОМЫСЕЛ И ДОБЫЧА БИВНЕЙ

Административное деление установило границы охотничьих угодий улусов, обществ, а территория наслегас распадалась на участки его отдельных членов вокруг каждого жилья. Дальние охотничьи угодья в пределах улуса, округа закреплялись за охотничье-промысловым населением по праву первого захвата. По разрешению улусных инородных управ состоятельные якуты снаряжали в дальние края охотников, которые кочевали по билетам в Амурской области. По ведомости, составленной Якутским областным управлением в 1895 г., 12 тунгусских бродячих родов и 27 якутских кочевых родов от разных наслегов переселились в сторону Амурской и Приморской областей.

Места обитания юкагиров, эвенков, эвенов состояли из строго разграниченных маршрутов кочевий. Например, нельканские эвенки Майского ведомства кочевали после весенней охоты в Алданский район для ловли рыбы на зиму, а осенью обратно на Нелькан для охоты по речкам Челисин, Батома, Маймокан, Уй и их притокам, глубоко заходили в Приморскую и Приамурскую области. Охотничье пространство они делили на полосы между родами, те — на участки каждого родовича. В отдельном акте охотничьих угодий конца XIX в. говорится, что эвенкам Бытальского, 1-го Эжанского бродячих родов предоставлялось право белковать вверх по р. Сыпанда и т.д. Но маршруты их кочевий в основном зависели от миграции зверя.

Областное правление выделяло земли для хлебопашества и сенокосные угодья русским крестьянам, казакам, ссыльным, но места охоты формально им не отводились. Исстари крестьяне, поселенные в Нижнеколымске и на Усть-Оленьке, беспрепятственно пользовались охотничьими и рыболовными угодьями, которые со временем в сознании и памяти людей стали представляться их собственностью.

Как и прежде, основными орудиями промысла оставались петли, черканы, пасти, самострелы. С начала XIX в. появилось огнестрельное оружие, облегчившее труд охотника. В окружных городах стали открываться пороховые погреба, улучшавшие снабжение охотничье-промыслового населения свинцом и порохом. В местах охоты каждый охотник промышлял на своем участке: ставил орудия самолова, периодически их осматривал. В благоприятные годы, например, в Амге осенью охотник мог добыть до 2000 белок, в Олёкминске в течение месяца — до 200 белок и, разумеется, другого зверя, в Верхоянском округе — более 250 песцов. А в неблагоприятные годы добыча резко уменьшалась до нескольких десятков белок или 5–6 песцов, что отрицательно сказывалось на доходах охотника.

В 1886 г. насчитывалось 10 827 охотников, в 1897 г. — 14 196. За 1851–1900 гг. ими было добыто, по неполным данным, 175,86 тыс. соболей, 225 тыс. красных лисиц, 22,5 тыс. сиводушек, 1,63 тыс. чернобурок, 16 810 тыс. белок, 1410,6 тыс. горностаев, 78,3 тыс. колонков, 586,4 тыс. белых песцов, всего на 11 821,5 тыс. руб. [Захаров, 1995, с. 16–19, 37–39, 41, 42, 47].

Важную статью доходов местных жителей северных округов составляла добыча мамонтовых бивней. На размытых берегах морей и рек находили скелеты древнего гиганта или собирали выброшенные волнами на берег бивни. Нередко приходилось раскапывать их в мерзлом грунте. С 20–30-х годов XIX в. промысловики стали осваивать острова Ляхова, Столбовой, Фаддеевский. Пушнину и мамонтовые бивни скупали на Севере

верхоянские купцы второй гильдии Соловьевы. В 1865 г. якутский купец М. Иванов кредитовал И.Я. Санникова на 9,2 тыс. руб., в основном товарами, тот купил у промысловиков 604 пуда мамонтовых бивней по 12 руб. за пуд на 7,2 тыс. руб., и ему оставалось вернуть 2 тыс. Такая форма организации скупки пушнины и бивней была характерной для Севера. В 60–80-е годы Соловьевых сменили верхоянские купцы второй гильдии Н.Б. Васильев, Я.Ф. Санников, торгующие П. Кушнарев, Т. Байшев и др. Они снаряжали артель из 2–8 чел. на дальние острова на 6–7 месяцев. Во главе ее ставили бывалого, опытного промысловика. В конце апреля — начале мая артельщики отправлялись на острова по льду. На месте они ежедневно осматривали свой участок побережья или выкапывали останки мамонта из вечной мерзлоты. С ближайших островов промысловики возвращались по насту в ноябре, с дальних — в декабре, в сезон пурги случалось, что промысловики, теряя ориентиры, нередко гибли. В среднем в год собирали 1250–1759 пудов бивней, всего за 1851–1900 гг. — 66 500 пудов на 1626 тыс. руб. [НА РС (Я). Ф. 24-и. Оп. 1. Д. 1505. Л. 9].

Как мы видим, в пушном промысле и добыче бивней практиковали индивидуально-артельную форму организации. При этом некоторые промысловики снаряжались сами, другие — брали кредит у торговца, по договору — за половину добычи. По разным причинам случалось так, что промысловики своевременно не расплачивались своей добычей за кредит и попадали в долговую кабалу, которая нередко переходила их детям.

На Чукотскую Анюйскую ярмарку в 1871 г. купец Барамыгин доставил сухарей, сахару, табаку и якутских ножей на 688 руб. серебром, которые выменял на 40 шкурок лисиц красных, 85 речных бобров и 1 выдру. В 1842–1847 гг. он пожертвовал голодающим колымчанам продовольствия на 688 руб. серебром, помогал в проезде детей в Якутск, в 1857 г. — пострадавшему от наводнения населению на р. Колыме. За упомянутые заслуги Барамыгин был награжден тремя золотыми и одной серебряной медалями, орденом святого Станислава 3-й степени, удостоен звания потомственного почетного гражданина [ПФА РАН. Ф. 291. Оп. 1. Д. 8. Л. 345, 553; НА РС (Я). Ф. 51-и. Оп. 1. Д. 59. Л. 73].

21.5. РЫБОЛОВСТВО

По «Уставу об управлении инородцев» 1822 г. кочевые инородцы, т.е. якуты, имели право на владение землей и им дозволялось заниматься местными промыслами на землях и водах каждого рода. В соответствии со статьей этого закона, члены общин рыбачили в водоемах, находящихся на территории наслегов. А русские крестьяне, казаки поль-

зовались озерами и участками по рекам в пределах отведенных им земель. Случались споры между обществами за владение и пользование рыболовными местами, как было в 1885 г. между Тулагинским наслегом Мегинского и Кильдямским наслегом Западно-Кангаласского улусов. Эту тяжбу разрешили, просто определив, к какому наслегу какие рыболовные места находятся ближе.

Дельта р. Лены шириной на несколько сот верст имела множество рукавов, которые разветвлялись на протоки малой ширины, образуя острова. Тут находились рыболовные пески, или отмели, которые принадлежали инородцам Жиганского улуса, а 16 рыболовных песков по р. Лене от устья Вилюя до Жиганска — Жажутскому эвенкийскому бродячему роду Вилюйского округа. Однако до 1862 г. приезжие рыболовы платили по 5–10 руб. или по пуду рыбы за один невод казачьему пятидесятнику, что шло вразрез с интересами местных жителей. Областная администрация поддержала прошение жиганцев, предписав приезжим и мелким предпринимателям арендовать рыболовные пески с согласия родоначальников и вносить плату за аренду в рыбозапасный магазин. Со временем возросло количество рыболовных участков, и арендная плата дошла до 25–30 руб. В 90-е годы XIX в. родоначальники отвели по 1–2 песка выборным должностным лицам за их общественную службу, причту Жиганской Николаевской церкви и ссыльным. Инородная управа пески сдавала в аренду через устройство торгов ранним летом, когда в Булун прибывали подрядчики. За 10 лет (в интервале с 1868 по 1900 г.) поступило 5611 руб. арендной платы, которые пошли на нужды улуса [НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 2. Д. 6211. Л. 12; Оп. 1. Д. 1951. Л. 7, 8, 13, 15].

Подрядчики из Мегинского, Намского, Кангаласского, Борогонского улусов и г. Якутска еще осенью при свидетелях заключали устные договоры о сроках, заработках и проездных с наемными работниками. Тут же по их просьбе наниматель выдавал небольшой кредит товарами. С освобождением Лены ото льда подрядчики и наемные работники с товарами, снаряжением и снастями на каюках, устугасах плыли вниз по реке 12–15 суток. В 1871 г. в Якутск прибыло 9 каюков, 2 карбаса, а в 1895 г. — 20 каюков вместительностью каждый до 3 тыс. пудов. В 1890 г. в низовья Лены прибыло 300 работников, кроме того, здесь рыбачили местные жители, два эвенкийских рода и ссыльные. Подрядчики снабжали работников своими снастями, лодками, продуктами. Рыболовных сетей и неводов не хватало, их плели из конских волос и конопли. В 1895 г. пуд очищенной нельмы и стерляди закупали у рыбаков по 2 руб.; муксуна, чира и омуля — по 1 руб. товарами по повышенным ценам. К примеру, 1 кирпич чая или 2 фунта махор-

ки стоили 1 руб. за фунт; 2 фунта стеариновых свечей — по 1 руб. за фунт [НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 17453. Л. 11, 12].

Со временем из числа мелких подрядчиков выдвинулись более крупные, например К.Д. Спиридонов, якут Батамайского наслега Дюпсюрского улуса, прославившийся как «главный рыбопромышленник». Дело свое он строил на ежегодном кредите в 50 тыс. руб., а в неблагоприятные годы — 20–30 тыс. руб., который брал у купца Н.Е. Верховинского. В 1885 г. общая добыча рыбы в низовьях р. Лены, по официальным данным, составила 28 882 пуда, в 1890 г. — 17 923, в 1897 г. — 78 467 [НА РС (Я). Ф. 192-и. Оп. 3. Д. 935. Л. 1–3; Ф. 12-и. Оп. 2. Д. 1036. Л. 1, 2].

В центральных округах рыбу повсеместно ловили мордами, сачками, сетями, неводами. Особенно была распространена осенняя подледная неводьба, куда приходили и стар и млад. Долей улова надеялись всех прибывших, дополнительно — хозяина снастей. По неофициальным данным, в 1887 г. было выловлено 104,3 тыс. пудов рыбы, добыт 561 пуд черной икры, изготовлено 12 пудов клея, в 1897 г. — 135 тыс. пудов рыбы. Общая численность рыбаков, по статистическим данным 1897 г., составила 11 тыс. чел., но их было значительно больше, поскольку население большинства наслегов и родов повсеместно принимало участие в осенней неводьбе, делая запасы на зиму.

21.6. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Вторая половина XIX в. характеризуется распространением хлебопашества и превращением его в товарное производство. Большая заслуга в этом процессе принадлежит верховенским крестьянам и религиозным сектантам. Заселение мархинских земель в пригороде Якутска русскими крестьянами начинается в конце 50-х годов XIX в. с переселения скопцов, ранее сосланных в Туруханский край Енисейской губернии. В 1859 г. генерал-губернатор Восточной Сибири граф Муравьев-Амурский обратился в Министерство внутренних дел с предложением переселить туруханских скопцов в Якутскую область с обязательством заняться земледельческим трудом. Постановление Министерства от 24 марта 1860 г. о переселении скопцов из Туруханского края и центральных губерний, подкрепленное императорским указом, приобрело силу закона. С этого времени началась массовая ссылка скопцов и других сектантов в Якутскую область.

Областное начальство во главе с якутским губернатором Ю.И. Штубендорфом определило их местожительство: около Якутска, вблизи Олёкминска, по р. Мае, в Намском улусе. Под нажимом областного управления одейские якуты Намского улуса вынуж-

дены были приговором общего собрания принять решение об уступке «местности по речке Мархинка под заселение ссыльных поселенцев и повыселение оттуда трех семейств якутов, переселение их в горную часть наслега». Земли, через которые протекала речка Мархинка, издавна принадлежали одейским якутам.

В результате заселения якутских земель пришлым скопческим населением, по согласованию с вышестоящими органами управления, постепенно возникли селения Мархинское, Кильдемское и Ново-Николаевское в Якутском округе, Спасское в Олёкминском округе, Хатын-Аринское в Намском улусе, Петропавловское и Троицкое в Усть-Майском ведомстве. Из перечисленных скопческих селений наиболее старинным является Мархинское.

Основание с. Мархинское подтверждается документом под названием «Докладная записка от поселенцев из скопцов Я. Чернышева, А. Савельева, Я. Кондратьева с товарищи», составленным в марте 1862 г. Поселенцы напомнили якутскому губернатору, что они были «присланы... в Якутскую область в прошлом 1860 г. 16 апреля, и распоряжением здешнего гражданского начальства дозволено нам поселиться по реке Мархе, где мы обзавелись хозяйством, как то домами и удобными пашню под овощи и огородами, распахали пустопорожные земли более 12 десятин, на которые сеяли разный хлеб 2 года». Крестьяне были встревожены слухами об их переводе с обжитого места на пашню в Амгу. Поэтому они просили губернатора Ю.И. Штубендорфа «оставить их на прописанном жительстве, то есть на Мархе, как имевшим свои собственные дома и хозяйственные обзаведения». На «записке», вероятно, рукой губернатора наложена резолюция такого содержания: «По сей просьбе при распределении на поселение скопцов: Чернышева, Савельева, Кондратьева, Морозова и других назначить на урочище Марху, а Никифорова по реке Амге в Батурусском улусе, о чем предписано Якутскому земскому суду». Из 570 вновь прибывших в начале 60-х годов XIX в. скопцов назначено для поселения на урочище Марха 268 чел., на Алдане у «старой часовни» — 26, около Муранской станции — 58 и в Олёкминском округе — 218 чел. [НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 183 «а», 301, 853, 1720, 2444, 9222, 13195].

Крестьяне центральных районов России прибывали на новые места, имея за плечами накопленный веками земледельческий опыт. В иных ландшафтных и почвенно-климатических условиях культурные навыки трансформировались. В Якутии сложились разнообразные хозяйственные зоны, специфические формы земледелия. Широко применялось переложное земледелие в сочетании с паром. Отмечалось наличие трехпольного земледелия —

озимого, ярового и пара. Паровое земледелие Олёкмы, кроме трехпольного севооборота, знало двухполье и четырехполье. При двухполье пашню приходилось использовать под зерновые одного вида: либо озимые, либо яровые, а второй клин занимали паром. Так, в отдельных деревнях амгинской и олёкминской пашни применяли чередование посевов пшеницы с паром. Случаи четырехпольных севооборотов встречались в близлежащей к Якутску деревне Марха. Поле в таких случаях делили на четыре части: в первой сеяли озимые (рожь), во второй — яровые (ячмень, пшеницу, ярицу), в третьей — овес, четвертую занимали паром. На следующий год после ржи сеяли яровые, после яровых — овес, после овса — пар, на пару — рожь, и так чередовали в течение четырех лет (пар — озимь — ярь — овес).

Наряду с этим в улусах существовала и подсека. В начальную пору занятий земледелием под пашню использовали заросшие молодым лесом поляны-елани. С ростом населения начали прибегать к расчисткам в тайге. Но подсеки стали самостоятельной системой земледелия лишь на просторных лесных местах. В основном же они были дополнением к залежно-паровому земледелию. С древней подсечно-огневой системой было связано в Якутии опаливание полей и покосов («сибирский пал»). Было принято выжигать старую стернь и сорняки. Опаливание на жниве после озимых перед севом яровых применяли на амгинской пашне. Таким образом, у русских крестьян существовали сложные хозяйства, в которых пар и перелог сочетались с росчистями и палами [Сафронов, 1961, с. 201, 224].

В середине XIX в. сохранялись заимочные хозяйства. Способ хозяйствования в них, как и прежде, отличался разнообразием: заимки-росчисты, трехпольные пашни, поднятые из-под залежи пустоши. Но господствовало на заимках залежно-паровое земледелие.

В Якутии выделяются несколько хозяйственных зон: вилюйская таежная, центральная якутская, включавшая амгинскую и мархинскую пашни, и олёкминская. В первой зоне сохранялись старые способы полеводства — элементы подсечного земледелия в неосвоенных таежных местах и опаливание полей в зоне залежного земледелия. Специфическая якутская залежно-паровая система развилась с особым для каждой зоны сочетанием пара и залежи.

Приемы ведения земледелия, скотоводства и промыслов, использования и охраны природных ресурсов края, обобщение опыта и передача трудовых традиций крестьян последующим поколениям — составная часть проблемы взаимодействия человека и природы в процессе хозяйственного освоения Якутии. Заселение центральной части области русскими крестьянами, в основном ссыльными, продолжалось и во второй половине XIX в. Приспосабливая

накопленный веками опыт земледелия к новым не-легким природным условиям, они формировали нормы агротехники и земледельческой культуры с учетом географических условий того или иного района.

В зависимости от конкретных условий территории, рельефа местности, характера почв, состава сельскохозяйственных культур, климатических и погодных условий, с учетом сложившихся традиций и других факторов крестьяне использовали различные способы расчистки земли и раскорчевки леса, разнообразные приемы вспашки и боронования, выбирали участки под пашню и посев, устанавливали сроки полевых работ, нормы высева, чередование и соотношение злаков, дифференцированно выбирали орудия, умело чередовали пашню, пар и залежь.

Что касается основных факторов смены системы земледелия, то, по-видимому, в разных экономических и природно-климатических условиях доминирующее влияние оказывали то одни из них, то другие. В районе Якутска при развитии торгового земледелия переложная система, особенно в крупных зерновых хозяйствах с достаточным количеством рабочего и гулевого скота, нередко была экономически целесообразна. Невысокая урожайность, но на большой площади, с лихвой окупалась незначительностью расходов экстенсивного хозяйства, а на незанятых площадях постепенно восстанавливалось плодородие почвы.

В Якутии сложились основные очаги земледелия и шло совершенствование полевой практики крестьян. В давно освоенных местах с большой плотностью населения отмечался переход к классическому трехполью, сокращалось число хозяйств, применявших залежную систему. В якутских крестьянских хозяйствах, освоивших таежно-аласные районы, все еще господствовала залежно-паровая система, отличавшаяся местами соотношением пара и залежи, сроками обработки пашни и продолжительностью залежи.

Из зерновых культур сеяли озимую рожь, пшеницу, ярицу, ячмень. В крестьянских хозяйствах выращивали огородные овощные культуры: капусту, редьку, репу, свеклу и др. Овощи возделывали даже в Колымском крае. Получая сплошь целинные земли, русские крестьяне должны были тратить много сил, чтобы обзавестись пашнями и огородами. Корчевка леса и кустарника такими орудиями, как топор, лопата и тяпка, требовали большого напряжения сил и много времени. Поэтому расчищенная площадь увеличивалась медленно.

Огородничество в Якутии имело большей частью подсобное значение в дополнение к основным занятиям крестьян, но получило повсеместное распространение и ставило своей главной задачей

снабжение овощами собственного населения. Им занимались даже жители г. Якутска и Якутской области. На Иркутской выставке 1869 г. крестьянин Якутской области Иосиф Спиридонов получил похвальный лист за экспонируемый кочан капусты весом 10 фунтов, а купчиха Мария Капустина, как ни странно, — за выращенный арбуз весом 15 фунтов [Башарин, 1989, с. 76]. Вблизи Якутска, например, была создана сельскохозяйственная ферма для выведения местных сортов и акклиматизации привозных семян, которая с 1890 г. начала отправлять семена ярицы, ячменя в Колымский и Верхоянский округа. С целью перенятия опыта земледелия у русских крестьян в 1857 г. родоначальники Намского улуса согласились добровольно поселить 25 русских семей в местности Туранах, 18 семей — в Батурусском улусе, 25 — в Кангаласском, 7 семей — в Мегинском [НА РС (Я). Ф. 25-и. Оп. 1. Д. 3121. Л. 5, 39; Ф. 22-и. Оп. 1. Д. 2309. Л. 9].

Во второй половине XIX в. огородничество распространилось в Колымском и Верхоянском округах. Произошло приобщение к земледелию части эвенков Алдано-Майского ведомства, в последней трети столетия — кангаласских и олёкминских эвенков. Орудия труда земледельцев составляли плуг, соха, бороны, мотыги, серпы. В конце века появляются первые сельхозмашины; в 1891–1900 гг. приобрели паровые мельницы скопцы с. Спасское Н.П. Линков, Е.П. Ересько, Л.А. Новоселов и И.Е. Богданов, жившие около Якутска, якут Н.К. Черемных из 2-го Меитского наслега Олёкминской инородческой волости. В 1897 г. скопцы с. Марха подняли уровень воды в р. Мархе более аршина, сделав около 10 плотин, которыми пользовались для паровых мельниц.

В 60-е годы XIX в. 17 сектантских селений (в том числе 11 скопческих) расширили пахоту расчисткой леса, осушкой озер и арендой. К примеру, в 90-е годы в с. Кильдямцы скопец Е. Гогарнов арендовал 100 дес., Ф. Воронцов — 70, М.И. Долгов — 50, скопцы с. Марха — 750 дес. Арендовали преимущественно у казаков и нанимали до 1000 работников. Мархинцы в год продавали жителям г. Якутска, на прииски и казне 41 тыс. пудов хлеба, 8 тыс. пудов картофеля и более 30 тыс. шт. огурцов, всего на 88 тыс. руб.; скопцы с. Спасского — 5 тыс. пудов хлеба, 8 тыс. картофеля и огурцов на 30 тыс. руб. [Сафронов, 1978, с. 111; НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 2. Д. 11973. Л. 91].

Русские, получая доход от хлебопашества, учили земледелию местных жителей. С целью заимствования опыта еще в 20–30-е годы XIX в. якуты добровольно уступили русским семьям свои земли под пахоту в четырех улусах. Острая нужда в продовольствии ускорила распространение среди них хлебопашества. Со временем у якутов появляются хозяйства со значительными посевами. По данным

вилюйского окружного исправника от 1857 г., голова Сунтарского улуса собрал и посеял 24 четверти ячменя, 1,5 пуда пшеницы, 7,5 пуда «гималайской» пшеницы, 7,5 четверти овощей; выборный У.И. Артемьев — 125 четвертей ячменя, 8,9 пуда пшеницы и 1,5 четверти овощей.

Почти каждое якутское хозяйство Вилюйских и Якутских округов имело расчистку под хлебопашоту, которую по крестьянскому обыкновению скрывали или давали заниженные данные об урожае. Поэтому в официальных документах данные по сбору хлеба занижены, на самом деле выращивалось больше. По области посевная площадь в 1888 г. официально составила 6434 дес., в 1898 г. достигла 18 283 дес. За 1881–1900 гг. в общей сложности там было посеяно 2988,9 тыс. пудов зерновых, собрано 10 843,1 тыс. пудов (табл. 14). Олёкминцы в 1872 г. продали золотым приискам по контракту 11 600 пудов хлеба по цене 1–1,10 руб. за пуд [НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 2444. Л. 12]. Но за урожайными годами следовали неблагоприятные. К примеру, в 1886 г. по области посеяли 114,8 тыс. пудов, собрали лишь 32,7, в 1890 г. — 115,4 и 72,3 соответственно. В Якутии всегда ощущался недостаток хлеба. В 50–60-е годы с верховьев р. Лены сплавляли до 120 тыс. пудов, в неурожайные годы — 200, в 1889 г. — 250 пудов по цене 1,05–1,60 руб. за пуд. В засушливые годы для снабжения населения были открыты на местах хлебозапасные магазины. По области в 254 общественно-экономических хлебозапасных магазинах в 1881 г. хранилось 195,7 тыс. пудов хлеба, в 12 казенных магазинах — 43,2 тыс. пудов, в 1898 г. — соответственно 345 и 204,7, и в недоимке у населения находилось 168,2 тыс. пудов. После неурожайных годов у земледельцев даже не оставалось семенного зерна. В одном 1886 г. в пригородном округе населению под посев раздали

Таблица 14. Посевная площадь земледельческого населения Якутии и урожай зерновых*

Год	Посеяно, дес.	Урожай, пудов	Урожай, сам
1889	7108,0	605 907	5,7
1890	7112,5	669 907	6,3
1891	8359,0	706 056	5,7
1892	9080,5	319 601	2,1
1893	8586,0	511 117	4,1
1894	8843,0	618 449	4,8
1895	9827,5	881 599	6,1
1896	9864,5	342 757	5,1
1897	10 696,5	607 075	3,8
1898	10 681,0	892 622	5,7
1899	11 290,0	995 176	5,9
1900	12 059,0	960 704	5,4

* Составлено по [Гоголев, 1970, с. 73].

5,8 тыс. пудов семян, в Олёкминском — 6,3 тыс. пудов семян и 3,3 тыс. пудов продовольствия, в 1887 г. — 2 тыс. и 6,4 тыс. соответственно [Башарин, 1989, с. 62, 77, 195–196, 204, 215–216].

В последней трети XIX в. развивались картофелеводство и овощеводство в хозяйствах русских крестьян, скопцов и ссыльных. Первыми попытались посадить картофель русские крестьяне ленских станций в 1848–1849 гг., но безуспешно. Несмотря на неудачи, они продолжили опыты посадки в Якутии нового вида растения. В 1852 г. картофель дал урожай в 932 пуда 20 фунтов. В 1859 г. на майских станциях Якутско-Аянского

тракта выращено 1030 пудов «земляных яблок». Картофель постепенно прижился в хозяйствах горожан. В 1855 г. жители Якутска посадили 1 пуд картофеля и собрали 20 пудов, в 1883 г. от посева 111 пудов получили 555 пудов урожая. В 1873 г. в отдельных наслегах Якутского округа местные жители сажали картофель, но в очень мизерных количествах. Постепенно посадкой картофеля стали заниматься в Дюпсунском, Борогонском, Батурусском, в двух Кангаласских и Намском улусах. В 1890 г. жители улусов Якутского округа вырастили 1057 пудов, в 1894 г. — 4480, в 1898 г. — 8695 и в 1900 г. — 2797 пудов картофеля [Там же, с. 239, 251].

ГЛАВА 22

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

При всей разнохарактерности поземельного права в якутских улусах и наслегах преобладали общинные порядки: земля не была частной собственностью; члены сельской общины получали наделы в пользование; между членами общины происходили периодические переделы; члены общины не могли продавать полученные наделы.

Улусы и наслеги, между которыми были поделены «инородческие земли», сложились в то время, когда преобладала «вольно захватная» форма пользования, т.е. когда родовые группы, переселяясь на новые места, занимали свободные естественные сенокосные угодья и пастбища. Но впоследствии одни роды быстро росли, численность других, наоборот, уменьшалась, а занимаемая улусами и наслегами территория почти не менялась. Кроме того, земли разных улусов и наслегов различались по плодородию. Поэтому часть улусов, например Кангаласский, Мегинский и Намский, имели значительные земельные угодья на островах, богатые заливные луга, а другие страдали от малоземелья или засухи.

В 1767 г. во время деятельности Первой ясачной комиссии из 3-й Хатылинской волости Батурусского улуса выделилась небольшая Телейская волость, включавшая всего 75 ревизских душ. В 1864 г. их число возросло до 235 чел. В 1860–1869 гг. наступил продолжительный период засухи, в результате которой хозяйство якутов расстроилось, основная масса их обнищала, поголовье скота сократилось до минимума, что заставило телейских якутов поставить вопрос о дополнительной нарезке в их пользу земель с соседних наслегов. Для возбуждения этого вопроса перед областным начальством и сопровождения образовавшегося дела по различным инстанциям на общем собрании наслега доверенным лицом телейских якутов был избран староста

Ф. Пинигин. Сначала он поставил в известность членов Батурусской инородной управы о создавшейся тяжелой ситуации в наслеге. Затем, составив обстоятельную докладную записку, направил ее в адрес Якутского окружного полицейского управления, которое 24 декабря 1871 г. эту записку перенаправило выборному голове Батурусского улуса Г. Попову. При этом полицейское управление предлагало собрать сведения о числе «ревизских душ и работников, считающихся по последней ревизии Телейской, 2-го и 4-го Хатылинских наслегах равн[ыми] числу остожьев покосных мест в каждом наслеге и пространства» [НА РС (Я). Ф. 29-и. Оп. 2. Д. 962. Л. 2, 5]. Члены и голова Батурусской инородной управы понимали, что заниматься перераспределением земли между наслегами не входит в их компетенцию и что оно ничего не предвещало в будущем, кроме ответных жалоб со стороны обиженных. Руководство улуса 20 июня 1872 г. донесло, что телейцы в урожайные годы сами могут жить «безбедно» и, кроме того, они «подают плохой пример» другим наслегам, которые «будут требовать на доли земли друг от друга и возведут бесконечную переписку».

Видя бесполезность попыток полюбовно решить вопрос распределения земли в инородной управе и полицейском окружном управлении, доверенный Ф. Пинигин обратился в Якутское областное управление. 18 сентября 1873 г. третье отделение Якутского областного правления, занимавшееся спорными земельными вопросами, обсудило письмо старосты Телейского наслега и доверенного от общества Ф. Пинигина, в котором он поставил вопрос о командировании областного землемера. По его мнению, он на месте мог определить число ревизских душ Телейского, 2-го и 4-го Хатылинских наслегов, а также и размер удобных сенокосных земель в

этих наслегах. Однако третье отделение областного управления указало, что «уравнительное же разделение между всеми обществами покосов и других поземельных удобств может быть не иначе, как по малому числу землемерных чинов и по обширности земель, в скором времени достигнуть невозможно», и на этом основании Ф. Пинигину было отказано в командировке землемера в Телейский и другие наслеги Батурусского улуса. Деятельность одного областного землемера осложнялась еще и тем, что размеры округов были колоссальными, приходилось совершать многоверстные обходы, а квалифицированных специалистов катастрофически не хватало, что отрицательно сказывалось на своевременном межевании земель в наслегах и улусах. После долгой переписки лишь в 1882 г. в Батурусский улус в командировку был направлен землемер, надворный советник Г. Зенцов, который провел достаточно большую работу. Он выяснил, что на одну ревизскую душу в Телейском наслеге приходится 38 дес., а в соседнем 3-м Хатылинском наслеге — 60 дес. В 1882 г. на 531 чел. мужского пола, включая 19 ссыльных, в Телейском наслеге имелось 5836 дес. сенокосной земли. К тому времени отдельные годы выдались дождливыми, и участки земли, где раньше собирали 86 остожьев сена, оказались под водой. По результатам обмеров земельных наделов наслегов было принято решение выделить Телейскому наслегу удобной земли в размере 2180 дес., но находящихся в далекой Амге. Затем с земель 3-го Хатылинского наслега, находящихся по речкам Бетююття и Кохара, телейцам дополнительно отвели 451 дес. земли [НА РС (Я). Ф. 29-и. Оп. 2. Д. 962. Л. 45].

В улусах образовывалась группа безземельной бедноты. В 60–70-х годах XIX в. в трех наслегах Якутского округа можно было наблюдать следующую картину: во 2-м Игидейском наслеге Баягантайского улуса одно безземельное хозяйство приходилось на 4,7 земельных; в самом Баягантайском улусе — соответственно 1 и 4,1; в Борогонском улусе — 1 и 11,2. Естественно, беднота требовала уравнительного перераспределения земли. В этих условиях возникали споры между улусами и наслегами, ибо богачи, желая отвести от себя острые спорные вопросы и сохранить свои наделы, настаивали на недовольных на изменение границ соседних улусов или родов. В 1886 г. староста Мегюренского наслега Мегинского улуса подал генерал-губернатору Восточной Сибири Игнатьеву прошение о наделении его наслега землями за счет соседних наслегов, мотивируя свою просьбу тем, что Мегюренский наслег пострадал от наводнения. Однако собрание родоначальников Мегинского улуса в 1890 г. отказалось выполнить распоряжение губернатора о наделении наслега землей, указав, что

все наслеги находятся почти в таком же бедственном положении. Почти то же самое происходило в 1878 г. в Восточно-Кангаласском улусе, рассмотренные ситуации в котором закончились безрезультатно в 1890 г. (земля осталась неуравненной).

Можно привести примеры многочисленных тяжб между наслегами за раздел пограничных участков. Тяжба между Алтанским и Эмисским наслегами из-за покосных участков продолжалась почти 30 лет (1864–1893 гг.). Спор возник из-за покосов, которые образовались после спуска эмиссами воды озера Куду. Озеро находилось на границе между двумя наслегами, и алтанцы подали жалобу. В 1867 г. между родовичами наслегов было заключено соглашение, согласно которому алтанцы получили часть спорных покосов. Однако через некоторое время опять возникла проблема, ибо из-за высыхания озера образовались новые покосы. Алтанцы требовали новой прирезки, эмиссцы не соглашались. Спор был решен в пользу эмиссцев. В некоторых случаях споры приводили к изменению границ улусов. Так в одно время от Баягантайского улуса были отрезаны земли в пользу Борогонского улуса [НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 2599. Л. 2–4; Д. 15. Оп. 4. Д. 83. Л. 7; Ф. 15-и. Оп. 11. Д. 220. Л. 330, 332; Ф. 25-и. Оп. 1. Д. 816. Л. 1].

Эти тяжбы и споры между родами, наслегами, даже целыми улусами из-за удобной сенокосной земли демонстрируют, какое жизненно важное значение имел земельный вопрос. Присвоение лучших участков земли верхушкой общества вызывало недовольство якутской бедноты. Нередко жалобы бедняков завершались полюбовным соглашением, составлением общественных приговоров. Очевидно, в руках верхушки наслегов было достаточно эффективных рычагов, чтобы успокоить обездоленных людей. В одних случаях положительные результаты достигались частичным материальным удовлетворением претензий жалобщиков, в других — на эти жалобы не обращали внимания, считая их проявлением обычного сутяжничества.

К середине XIX в. земля распределялась преимущественно между тремя классами плательщиков, IV и V классы (нищие, калеки) участками земли не наделялись. В 30–40-е годы XIX в. Вторая ясачная комиссия ввела классное землепользование. Класс следует понимать как единицу отводимой нормы покосного места или заготовленного сена (в копнах, возах и остожьях), облагаемой податями и повинностями. В 1850-е годы в Жулейском наслеге Батурусского улуса в участке I класса ставилось 2 остожья, II класса — 1 остожье, III — 0,5 остожья. В Морукском наслеге Мегинского улуса в I классе было 68 лиц, во II — 221, в III — 55. В Мегюренском наслеге Мегинского улуса по раздельной ведомости 1874 г. на I класс приходился

51 воз сена, на II — 25, так продолжалось до 1882 г., когда I класс заготавливал гораздо больше сена. К примеру, Н. Пономарев с 6-летним сыном выкашивал 1,5 остоя по I классу в местностях Тобуктул, Нирийик и четырех расчищенных землях, всего 220 возов, Д. Свинобоев — 210. В 1899 г. в IV Мальжегарском наследе Западно-Кангаласского улуса по I классу числилось 82 чел., по II — 177, по III — 91. В 1895 г. в Вилуйском, Верхоянском улусах запись в классы определялась в зависимости от поголовья каждого хозяйства.

Раздел земли, учитывая особенности местных порядков, проходил не реже одного раза в 5 лет³⁷. Известны случаи перераспределения земель в Кангаласском улусе в 1850 г., Батурусском в 1859 г., Олёкминском в 1892 г., в девяти наслегах Сунтарского улуса через каждые 5, иногда 10 лет. Помимо того, бывали ежегодные переделы земли по урожаю сена — *эмтиэкэ*. Для этого общественники избирали из своей среды самых сведущих, умеющих отстаивать свое мнение 3–4 депутатов, иногда один выдвигался от каждого рода. В Кулятском наследе Верхневилуйского улуса общественники назначались депутатами по очереди [НА РС (Я). Ф. 22-и. Оп. 1. Д. 2043. Л. 3; Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 21113. Л. 1]. В некоторых местах состоятельных людей не выбирали в присяжные депутаты, но при этом каждая группа навязывала сходу своего кандидата. В конце июня путем оценки травостоя примерно определяли будущий урожай сена. После этого раздельная ведомость и оценка урожая трав, составленная депутатами, утверждались на общем наследном сходе. Основную часть общинников объединяло стремление сохранить свои покосы, на которые они положили немало труда, чтобы построить многоверстные изгороди, очистить от кустарника и кочкарника, проложить дороги. Все вместе они отстаивали сохранение старой раздельной ведомости. Их противниками выступали безземельные и многодетные, нуждающиеся в земельных наделах. Противоборствующие стороны часто не набирали большинства голосов в затяжных сходах и сохраняли прежнюю ведомость на десятилетие. Именно такая раскладка сил в якутском обществе не позволяла своевременно проводить земельные разделы, и отсюда возникали продолжительные тяжбы.

Сенокосные участки — *хара кюре* — выделяли лицам мужского пола на год и более. Такой порядок определялся тем, что мужчина являлся кормильцем, на его плечи ложились тяжелая работа по хозяйству,

плата податей, отбывание натуральной повинности. Повзрослевших незаконнорожденных тоже полагалось наделять земельными участками. Вдовам, сиротам, оставшимся без кормильца, выделяли участки *тыын кюре* (надел для прокорма). Одиноким женщины и даже состоятельные пользовались классом земельного надела усыновленных сирот или мальчиков из многодетных семей, главы которых считались умершими или ушедшими на заработки, что называлось *уктуу*. При отделении сирот приемные родители наделяли их участком из своей земли. Кроме того, зажиточные общинники содержали бедных, престарелых, немощных, кумаланов (нищих) и требовали за это выделения им дополнительного участка земли. Крупным скотовладельцам по согласию общества выделяли *сырай кюре* (личный надел), им полагались наследственные зимники — *кыстыки*. Наиболее предприимчивые захватывали неогороженные выгоны *эртюки* — суходолья, оставленные для выгула общего скота. Со временем облагороженные, эти земли становились хорошими покосами. Старостам, старшинам и другим должностным лицам, держателям станков междудворовой гоньбы отводили дополнительно *тосого* (закрепленный участок) или *укаас кюре* (указной участок). Таким образом, в их руках накапливалось значительное количество покосов. Так, в 1900 г. староста 2-го Кангаласского наслега Мархинского улуса И. Андреев пользовался 40,5 класса в ближайших угодьях. Из проведенного дознания видно, что Андрееву с сыном по разделу достались 3 класса, арендовал у семи лиц (шестеро находились на заработках), пользовался классами пятерых детей, т.е. на законных основаниях пользовался 31 классом. По предписанию полицейского управления Андреев оплатил обществу с 9,5 класса за 47,5 воза выкошенного сена одну лошадь и кобылу на 47,5 руб. Кроме того, за эти классы он платил подати и отбывал повинности.

О частной собственности имеется один интересный документ. В 1677 г. якут Кисикей Сахалтин был в Москве крещен именем Леонтия Львова и зачислен в дети боярские, что в 1705 г. царь утвердил за его сыном Иваном. За ними, по версии Львовых, были закреплены 46 дес. покосов на острове Бегюр удаган угуога в Тулагинском наследе Мегинского улуса. Владения в дальнейшем передавались от Ивана к Михаилу, затем Егору. На нем кончилось мужское колено Львовых, наследство перешло Анне и ее трем дочерям. Екатерина вышла замуж за Якова Уваровского, Парасковья — за чиновника Старостина, Матрена — за протоиерея Попова. Затем землю унаследовали их наследники — А. Уваровский, чиновница Е. Аммосова и А. Орлеанская. В 1779 и 1789 гг. князец Тулагинского наслега С. Хатасов с родовичами самовольно отобрал упомянутый остров. В связи с этим Якут-

³⁷ В 1825 г. Иркутское губернское правление утвердило свод правил для применения «Устава об управлении инородцев» 1822 г. в Якутской области, согласно которым передел земли в наслегах должен был проходить не реже одного раза в 5 лет.

ская городская верхняя ратуша в 1786 г. оштрафовала тулагинцев и передала остров в вечное потомственное владение Львовым. В 1857 г. тулагинцы вновь захватили упомянутый остров, при этом утверждали, что земля (остров Бегюр) исконно принадлежала Умсанскому роду и была передана Львову в качестве приданого, но в подтверждение этого не представили никаких документов. В 1859 г. Якутский окружной суд оставил в силе решение Якутской верхней ратуши [НА РС (Я). Ф. 192-и. Оп. 1. Д. 1001. Л. 1, 4, 8, 10, 11, 22, 25, 122]. Таким образом, притязания тулагинцев вновь были отклонены. Это чуть ли не единственный случай частной собственности, не характерной для земельных отношений в области.

О наследственной передаче осушек приведем один пример. Голова И. Пономарев из 2-го Мельжахсинского наслега Мегинского улуса по духовному свидетельству от 1825 г., представленному областному правлению, завещал на 40-летнее владение шесть земельных угодий жене Степаниде и сыну Александру. В 1852 г. не стало сына, и жена составила новое завещание, по которому часть сенокосов передавалась дочери Ефросинье, вышедшей замуж за тулагинца А. Нифонтова. Мельжахсинцы с целью сохранить общественные земли склонили слабоумного незаконнорожденного сына И. Пономарева Мефодия передать отцовские земли обществу. В своей жалобе они настаивали на признании судом древнего обычая саха, когда земля передавалась в наследство во всех семьях только сыновьям. Якутский окружной суд в 1858 г. отклонил притязания мельжахсинцев и признал наследственное право на землю дочерей И. Пономарева — Д. Кычкиной, П. Федоровой и Е. Никифоровой до истечения 40-летнего срока, что и утвердило областное правление.

В 1852 г. в Хадарском наслеге Батурусского улуса В. Васильев просил вернуть отцовский покос, где Е. Платонов образовал луга, спустив воду из озера. Такие земельные споры и захваты случались между родами, наслегами и улусами. Якуты с конца XVIII в. добивались передачи в вечное владение угодий, появившихся от расчистки леса и осушки озер. По неточным данным, за 16 лет (в интервале с 1855 по 1883 г.) в области было осушено 4882 дес. под покосы, 74 дес. под пахоту, расчищено 1870 дес. лесов под покосы, 3247 дес. под пахоту. Известно, что размер податей зависел от объема доходов, потому хозяйства скрывали реальные площади расчисток и осушек.

Крестьяне Якутского округа за эти годы расчистили 521 дес. леса под пахоты, олёкминские ямщики за 5 лет — 233 дес. и 174 дес. покосов, мархинские скопцы за 12 лет — 341 дес., нюрбинские за 3 года — 14 дес. В 1891–1896 гг. И.И. Сергеев в Морском наслеге Мегинского улуса выпустил воду

из озер Улу Кель (затратив 400 руб.), Кепют, Елюкан, Сосалах. В 60–80-е годы XIX в. в Нерюктяйском наслеге Олёкминского улуса Я.В. Малышев осушил четыре озера, в 50-е годы в Сунтарском улусе староста 2-го Бордонского наслега С. Егоров — 40 дес., а в 1884 г. четыре наслега осушили озеро Нюрбачан.

Нередко хозяйства, выкосив в урожайные годы достаточное количество сена для скота, сдавали в аренду свои сенокосы. Такие факты наблюдались во всех округах. К примеру, в 80–90-е годы остров Пономарев арыта в Мегюренском наслеге Мегинского улуса Д. Свинобоев сдал мешанину С. Лукину и дьячку П. Нифонтову. Некоторые из 92 безземельных Хамагатинского наслега Намского улуса «кортомновали» (брали в наем) сенокосы у своих общественников и т.д.

Предприниматели брали казенно-оброчные статьи. Обыкновенно об этом объявлялись торги, и желающие официально оформляли аренду, заключали контракты, утрясали кондиции об обязательстве арендатора, вели работы по облагораживанию участков, не допуская их зарастания, и т.д. В оброчных сенокосах предприниматели выкашивали сено лошадям, используемым для перевозок, выгуливали гуртовой скот. В 1850–1885 гг. местность Маган вблизи г. Якутска была отдана купцу Леонтьеву, в 1879–1904 гг. местность Ытык-Кель (169 дес.) — мешанину М. Самыловскому, местность Нелькан в 1887–1907 гг. арендовал И.Т. Валь — 310 дес. по 17 руб. В 80–90-е годы 16 статей в Вилюйском округе сданы на 10–20 лет, казакам А. и И. Кондаковым — на 71 год за 130 руб. и т.д.

В годы недорода сена с целью спасения скота жители повсеместно переезжали на дальние реки — *юрях баса*. К примеру, в 80–90-е годы XIX в. 72 семейства Тебиковского наслега Дюпсюнского улуса перебрались в другие улусы, девять наслегов Таттинского улуса — вверх по р. Амге, 1-й и 2-й Хаяхсытские наслеги — на Лену, на острова Намского улуса.

Юридическим и верховным собственником земли являлось государство, потому, как и прежде, пригодные к хлебопашеству земли выделялись новым переселенцам. Ими наделялись казаки Якутского полка (четыре сотни), отставные и их выросшие дети. В 1877 г. ненаделенным верхоянским казакам отвели дополнительно земли 1-го и 2-го Юсальских наслегов Верхоянского улуса без согласия их жителей. В 1900 г. земли вилюйских казаков прирезками довели до 1176 дес. У них периодически составлялись отдельные ведомости, но исстари верхушка казаков владела достаточно большими угодьями.

Церквям и причтам выделяли по 30 дес. земли, с 1861 г. — по 55 дес. В 1900 г. 78 церквям припи-

сали инородческие земли, 15 церквей не имели земли, 3 — пользовались рыболовными песками, 39 — имели до 50 дес., 20 — до 100, и лишь Якутский кафедральный собор владел 132 дес.

В 1856 г. на 34 станциях Иркутско-Якутского тракта проживало 1675 крестьян, а в 1894 г. на 42 станциях — 3581, на других станциях Аянского тракта Якутского округа в 1862 г. числилось 89 чел., в 1889 г. — 820. Кроме того, на средней Лене появилось 20 деревень и выселков. В 1895–1899 гг. новые населенные пункты возникли на берегу р. Барамыка, где проживало 28 чел., в I Модутском наслеге Намского улуса, д. Владимирское в Багарадцах — 83 чел., новые поселения в районе Красноярской церкви, деревни Амгинской слободы. Всего 589 чел. С ростом численности русского населения ему регулярно выделялись участки от инородческих земель. К примеру, в 1862 г. 12 крестьянам Бирюковского станка отвели 1,5 дес. с Нерюктяйского наслега Олёкминского улуса, в 1868 г. крестьянам Иситской волости — 915 дес.

По ходатайству крестьян Главное управление Восточной Сибири в 1887 г. предписало выделить дополнительные участки 20 станкам, что было частично удовлетворено. В поездках по Якутии генерал-губернаторы А.П. Игнатьев, А.Г. Горемыкин убедились в недостатке земли как у крестьян, так и у инородцев. И в 1892 г. появляется распоряжение о наделении русских ямщиков «землею, покрытой лесом, (что) не нанесет существенного ущерба инородцам». В 1893 г. крестьянам 20 станков и 2 деревень частично выделили лесные массивы. В следующем году доверенные якутских обществ Олёкминской области согласились на уступку 3934 дес. леса.

Как же происходило образование селений, в частности Нюрбинской крестьянской волости? В 1845 г. якуты восьми родов Мархинского улуса согласились уступить покосы вокруг озера Кочай крестьянам, которые переехали из наслегов Верхневилуйского и Сунтарского улусов. В 1850 г. нюрбинским крестьянам вначале отвели 500 дес., чуть позже 112 душам — 1144 дес. В 1874 г. 140 нюрбинских крестьян и 8 ссыльных просили еще дополнительного отвода. В 1875 г., затем в 1884 г. родоначальники улуса приговорили отвести по 21 дес. каждому крестьянину и по 15 дес. ссыльным с покосов Сюльского наслега. Смежные наслеги Мархинского, Сунтарского, Верхне- и Средневилуйских улусов обязались восполнить потери сюльцев. В том же году сюльцы передали крестьянам 2000 дес. земли.

При этом в области механизм восполнения отведенных русским крестьянам земель не был отработан. Наслегу, передавшему землю крестьянам, чтобы хотя бы частично восполнить утраченное,

должны были отвести земли приграничных наслегов. Повсеместно, несмотря на приговоры родоначальников, соседние наслеги уступали под большим нажимом администрации. Общества не спешили выполнять свои обязательства, норовили передать отдаленные или сухоходольные места. По этой причине отводы тянулись годами. Так, восполнение утраченных земель общинникам Сюльского наслега Мархинского улуса длилось более 10 лет.

В состав Нюрбинской крестьянской волости входили деревни Аммосовское, Александровское. В 1898 г. образовалось Сунтарское сельское общество из 9 крестьян, в 1900 г. всего там проживало 27 чел. Вскоре им отвели дополнительно 678 дес. Крестьяне расширили свои наделы, например, семь сунтарцев за год расчистили 7 дес. В Александровске, по данным Г.П. Башарина, Я.П. Габышев захватил 30 «классных наделов», М.П. Габышев — 40, в Аммосовке М. Кочнев, Н. Попов — по 20 наделов.

Здесь наиболее частыми были, как и у якутских крестьян, раздоры из-за сенокосных угодий. Спорили из-за земель и обращались с жалобами в администрацию крестьяне Амгинской и Олёкминской деревень. Местная администрация старалась вникнуть в эти жалобы, руководствуясь общими законодательными установками, но принимать в каждом случае однозначное решение ей было трудно. Поэтому многие «мужицкие дрызги» передавались в крестьянские волости. Из многих попыток решения подобных жалоб история сохранила одно чрезвычайно интересное и во многом типичное предписание, которое принадлежало олёкминскому исправнику Жуковскому.

Предписание датировано 1 августа 1861 г., и в первых же его словах содержится четкая фиксация характера общей обстановки:

«Постоянные споры и тяжбы существуют между крестьянами при разделении хлебопахотных и сенокосных мест; это происходит оттого, во 1-х, что для измерения и раздела душевных участков назначаются люди не обществом, а от произвола старшины, в чем я убедился из распоряжений бывшего выборного Яныгина в прошлом году; во 2-х, некоторые крестьяне, радея о своей пользе, трудятся — производят расчистки, а большая часть ленивцев выжидают только случая как бы поднять крик, шум в обществе и воспользоваться чужими трудами; наконец, в 3-х, позажиточнее крестьяне, имеющие более веса в обществе, под предлогом расчисток захватывают огромные пространства удобных мест и пользуются оными с обидою для общественников». Чтобы положить конец «такого рода беспорядкам», Жуковский сформулировал шесть строгих предписаний, среди которых обращает особое внимание на введение практики «взысканий» и «лишения прав»

за слушание (например, за отказ от расчисток сеенокосных мест). Что это значило, можно понять из сохранившегося предания о самом Жуковском: он ездил по округу всегда в сопровождении двух казаков и воза с готовыми розгами и за всякую хозяйственную неисправность порол виновного беспощадно, часто прямо на дороге или на пашне.

Своеобразную часть ссыльных поселенцев составляли скопцы. В 60–90-е годы XIX в. возникло 11 скопческих селений, в Якутском округе был поселен 891 скопец, по области 1432 чел. В 1894 г. 1339 чел. обоего пола, проживавших в разных округах области, владели 11 726 дес. земли. Прирезки инородческих земель вызывали жалобы местных обществ. В 1899 г. доверенный 3-го Болугурского наслега Батурусского улуса Э. Борисов оспаривал 1141 дес. вместо 613 от Ново-Болугурского селения. Несмотря на убедительные доводы о малоземелье в наслеге, областное правление всегда принимало сторону переселенцев. Почти во всех селениях скопцы дополнительно брали землю в аренду. В 1861 г. в с. Мархинское 5 скопцов арендовали 63 дес., в 1883 г. 21 скопец — 453, в том числе К. Вавилов — 196 дес. Кропотливым трудом некоторые создавали крупные хлебопахотные хозяйства.

Генерал-губернаторы, в 1861 г. М.С. Корсаков, в 1890 г. А.Д. Горемыкин, требовали «пересекать стеснения ссыльных поселенцев в инородческих и крестьянских обществах», чего местные власти строго придерживались. Так, в 1876 г. управляющий области предписал колымскому полицейскому управлению, чтобы «ссыльным немедленно отводили бы самые удобные земли, водяные участки, внушите всех, якуты и другие сословия обязательно имели бы терпимость к ссыльным и полную заботливость». В 1878 г. аналогичное предписание последовало вилюйскому исправнику. По указу областного управления от 17 сентября 1889 г., родовые управления обязаны были отвести ссыльным по 10 дес., позднее каждому — по 15 дес. В землепользовании им предоставлялись равные права со старожилами, в том числе на производство расчистки. В 1877 г. в Амгинскую слободу прибыли ссыльные башкиры и татары. В 1880 г. местные русские крестьяне числом 404 ревизские души имели 900 дес. земли, по 2,5 на каждого. Крестьяне отказались выделить переселенцам земли. Тогда пришлось дополнительно отвести с инородцев Амгинского улуса 7048 дес. в пользу ссыльных. В 1872–1887 гг. 382 административных ссыльных из башкир были поселены в Олёкминском округе, из них 198 чел. в якутских обществах, вынужденных из своих земель выделить требуемые для каждого наделы.

Генерал-губернатор в 1876 г. обязал Нюрбинское крестьянское общество выделить 27 причисленным ссыльным поселенцам земельные наделы. Русские

крестьяне отказались передать свои земли пришлым. В 1881 г. было решено передать от смежных якутских наслегов для 27 поселенцев по 21 дес. удобной земли каждому. Число ссыльных увеличилось с каждым годом. В 1890 г. в области находилось 3103 мужчины и 385 женщин ссыльных, в 1892 г. — 6191 чел.

Проблема наделения землей ссыльных поселенцев в сельских обществах, таким образом, была достаточно острой. Из-за нехватки земли последние неоднократно поднимали вопрос о приостановлении причисления к ним ссыльных. К примеру, в 60–90-е годы XIX в. об этом просили олёкминские якуты, нюрбинские и олёкминские крестьяне, ямщики 20 станков Иркутского тракта.

В 1883 г. при коронации Александра III депутат области от инородцев, голова Батурусского улуса Е.Д. Николаев представил министру внутренних дел и генерал-губернатору Восточной Сибири Анучину записку с просьбой о прекращении уголовной ссылки в Якутию, но ответа не последовало. В 1885 г. он вновь поднял данный вопрос перед генерал-губернатором, мотивируя тем, что вследствие засух в области по сравнению с 1879 г. сократилось поголовье рогатого скота на 33 594 головы и лошадей — на 22 594, а пребывание 7948 ссыльных ухудшило и без того тяжелое положение инородцев. По многочисленным ходатайствам инородцев были приняты ст. 326, 327 Устава о ссыльных, изданного в 1890 г., по которым все ссыльные должны были причисляться к крестьянским обществам с выделением им наделов из «пустолежащих» земель. И для их поселения в 1873 г. появились Никольская слобода в Намском улусе, с. Доброе вблизи г. Якутска, в 1895 г. места для заселения на берегу р. Марамыки в 1-м Модутском наслеге Намского улуса. Только с земель Атамайского и 1-го Одейского наслегов Намского улуса ссыльным было выделено 124 дес. пашни и 1801 дес. покосов. Но в реальной жизни в этих поселениях не могла разместиться вся масса ссыльных, и упомянутые статьи закона не срабатывали. Манифест от 14 мая 1896 г. разрешил выезд части ссыльных на родину.

Чтобы как-то оградить свои земли от постоянных урезок, в 1890 г. олёкминские якуты ходатайствовали перед генерал-губернатором об их переходе в оседлость, что было удовлетворено. Все это заставляло местную администрацию постоянно решать справедливые притязания малоземельных и безземельных крестьян.

Один из самых деятельных губернаторов В.Н. Скрыпицын, убедившись в неравномерном распределении земли, сделал попытку реформировать поземельное устройство якутского населения области. Действительный статский советник из московских дворян В.Н. Скрыпицын учился в I Кадетском корпусе. Затем окончил военное Александровское

училище. Военную службу начал на Кавказе и в 1868 г. вышел в отставку. Добросовестный молодой чиновник быстро продвигался по служебной лестнице, с простого делопроизводителя Пловдицкого губернского управления вырос до управляющего Иркутской контрольной палатой, а 23 апреля 1892 г. был назначен губернатором и проработал в Якутской области до 29 августа 1903 г. Скрыпицыну удалось сократить окладные недоимки населения через платежи состоятельных лиц. При нем были увеличены пароходные рейсы на р. Лене, развивалась торговля, открывались вспомогательные кассы, создавались новые рабочие места. С его помощью росло городское благоустройство, была открыта женская гимназия, полный курс реального училища и т.д. Заслуги губернатора отмечены семью орденами, двумя серебряными медалями, двумя бронзовыми, а также званием почетного гражданина г. Якутска.

Недостаточное поступление налогов, хронические недоимки ясачного сбора беспокоили губернатора. Так, если за 1900 г. сумма податей составляла 26 952 руб., то из-за недоимок она выросла до 54 191 руб. Постоянные недоимки с ясачных сборов заставили его разобраться в их причинах. Начиная с первого года службы он стал объезжать наиболее густонаселенные улусы Якутского округа, побывал в Олёкминском, Вилуйском и Колымском округах. Собранный материал и непосредственное наблюдение за состоянием хозяйств дали ему возможность понять, что корень зла якутской действительности заключался в системе земельных отношений, установленной в 1820–1830 гг. в результате деятельности Второй ясачной комиссии — в так называемой классной системе распределения земли. По его мнению, именно она создала глубокую неравномерность в землепользовании: с одной стороны, верхушка общества сосредоточила в своих руках огромные массивы угодий, с другой — произошло обезземеливание части населения, что приводило к обнищанию некогда скотных хозяйств и преобладанию малоимущего населения в наслегах. Отсюда и острота земельных отношений, которая усугубляла социальные противоречия в обществе. Губернатор понимал, что именно земля является основой якутского скотоводческого хозяйства, а ее распределение — главным мотивом во взаимоотношениях между представителями различных слоев общества. Он убедился в том, что классная система распределения земли породила резкое неравенство в землепользовании, создала социальную несправедливость.

Размышляя над создавшимся неблагоприятным положением области, В.Н. Скрыпицын искал пути выхода из этого состояния и решил провести земельную реформу, направленную на кардинальное изменение «классной системы» и демократизацию землепользования в якутских улусах. При этом к

разработке нового положения он привлек либерально настроенных политссылных Н.А. Виташевского, Л.Г. Левентая, И.И. Майнова, Э.К. Пекарского и др., которые, прожив многие годы в якутской глуши, хорошо изучили состояние земельных отношений в улусах и поддержали инициативу губернатора. В декабре 1898 г. состоялось совещание по вопросу об упорядочении землепользования якутов с участием «сведущих лиц». В результате всей этой работы 19 февраля 1899 г. была издана «Инструкция о порядке уравнительного распределения в наслеге земель между общественниками в соответствии с податными и повинностными платежами».

По своему содержанию инструкция в вопросе о распределении земли преследовала определенную цель — устранение классной системы землепользования. В ней не скрывалось, что нововведение направлено на ограничение произвола в землепользовании улусных тойонов. Инструкция провозгласила «строго уравнительный» порядок распределения земельных угодий по «наличным душам». Разделение земельных угодий на этих «началах равномерности» было предоставлено «самим обществам под наблюдением их непосредственных начальств». Рекомендовалось приступить к «коренному распределению всех подлежащих дележу земель» и на этой основе произвести передел таким способом: «1) определенное при коренном переделе количество покосов и число остожий, или копен и возов, которое может быть на них выставлено по средней урожайности, делится на число всех наличных душ в наслеге обоого пола, не различая возраста, чем и выразится величина пая в копнах или возах, и 2) число остожий делится на равные пай, которые распределяются между отдельными хозяйствами по следующему расчету: хозяйство, состоящее из одного лица, получает один пай, хозяйство из 2 лиц — два пая, а каждое из остальных лиц в хозяйстве — по половине пая, также без различия пола и возраста».

Ответом на требования якутской бедноты был один из пунктов, согласно которому «право на земельный пай» предоставлялось «каждой наличной душе в наслеге, без различия пола и возраста». В пункте говорилось о том, что «не исключаются из расчета при наделении паями как батраки, так и лица, находящиеся в известной отлучке», но при условии, что они имеют хозяйство в своем наслеге. А в отношении лиц, «постоянно отсутствующих и не имеющих в своем наслеге хозяйства», рекомендовалось по усмотрению самих обществ «лишить права на получение пая».

Инструкция получила поддержку генерал-губернатора А.П. Пантелеева и была предложена на предмет практической реализации якутским обществам. В улусах инструкцию восприняли неоднозначно. Первое ознакомление с ней состоялось в

1-м Бордонском наслеге Сунтарского улуса. Бордонцы в целом одобрили основные ее идеи, но проводивший сельский сход землемер Бодеев представил Скрыпицыну свои поправки с учетом обсуждения, и улучшенный вариант инструкции был представлен генерал-губернатору, который и на этот раз ее одобрил. В следующем году выяснилось, что большинство обществ Вилюйского округа отказалось от выполнения инструкции. Трудно проходило ее обсуждение и в других округах. Против инструкции выступали владельцы лучших участков сенокосной земли, мотивировавшие это «неудобством применения» ее. Верхушка якутской общины настаивала на том, что «инородцы» не обязаны составлять письменные ведомости своим землям и что распределение этих земель «Уставом...» 1822 г. предоставлено всецело их «обыкновениям». Тойоны твердо стояли за сохранение классной системы распределения земли.

Под давлением выступавших против применения инструкции губернатор в декабре 1900 г. и в феврале 1902 г. созвал съезды «сведущих лиц» с широким участием якутского тойоната. 19 февраля 1902 г. была подписана новая «Инструкция о порядке уравнительного распределения земель на наслеге (сельском обществе) в соответствии с податными и повинностными платежами». В нее были введены изменения, суть которых состояла в определенном усилении власти и непосредственного вмешательства тойонов в решение вопросов землепользования. Однако и против этой инструкции тойоны повели ожесточенную борьбу, и в результате ее обсуждение проводилось только в улусах Олѣкминского и Вилюйского округов, в Западно-Кангаласском улусе Якутского округа и приленских наслеге Восточно-Кангаласского улуса. В 1903 г. по жалобе тойонов Правительствующий сенат отменил инструкцию как не соответствующую ранее принятым законам, касающимся управления инородцев Сибири [Федоров, 2013, с. 96].

Лесные и водные угодья также находились в общем пользовании. Участки передавались крестьянам «из рода в род», и крестьяне «привыкли смотреть на лес как на свою собственность» [Майнов,

1912]. Трудоемкая хозяйственная деятельность населения Якутии была почти повсеместно связана с лесом. В крае, где восемь месяцев длится зима, лес шел на отопление жилищ. Из леса рубили дома, балаганы и надворные постройки, изгороди, делали сани, телеги, дуги, сельскохозяйственные орудия, лодки, инструменты, предметы домашнего обихода — мебель, посуду и т.д. Ореховый промысел был развит в южных районах Олѣкминского округа. Рыболовные угодья, подобно сенокосным, могли эксплуатироваться: если речные, то без всякого согласования с общиной, а если озерные, то учитывалось мнение общины. Если большие озера находились в общем пользовании нескольких наслегов, то жители их добивались взаимной договоренности.

Община обеспечивала также эксплуатацию выгонов. Как правило, каждый наслег имел собственный выгон внутри границы, но соседние роды внутри наслеге договаривались об общем месте выпаса скота. Обычно выгоны не огораживались. Однако надельные покосы огораживались со всех сторон жердевой изгородью. На общем выгоне скот хозяев пастся с весны до глубокой осени. Случалось, община сдавала свой выгон в аренду или соглашалась пустить на него — за определенную плату — скот из чужих селений. Вместе с тем «мир» иногда сам арендовал различные угодья.

Опыт убеждал жителей наслегов в том, что успешная хозяйственная деятельность возможна только при сохранении определенных экологических условий. Неудивительно, что община немало заботилась об охране окружающей среды. В целом можно заключить, что община у якутских крестьян играла важную роль в сфере сельскохозяйственного производства. В значительной степени благодаря ее усилиям семейно-индивидуальное хозяйство при примитивных орудиях труда в условиях феодальной эксплуатации не только обеспечивало себя продуктами, но и поставляло их в немалом количестве на рынок. Вместе с тем «мирская» опека сдерживала в какой-то степени личную инициативу, выработанные общиной порядки консервировали некоторые, уже отжившие в других местах, приемы труда, затрудняли проникновение новшеств.

ГЛАВА 23

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПОД ВЛИЯНИЕМ БУРЖУАЗНЫХ РЕФОРМ 1860–1870-х ГОДОВ

Отмена крепостного права ускорила развитие промышленного капитализма в России. Капиталистические отношения проникали в деревню и на окраине огромной Российской империи. Этот процесс был заметен в Сибири, где тормозившие раз-

витие капитализма остатки крепостничества сказывались меньше, чем в Центральной России. В водоворот капиталистического развития были втянуты даже отдаленные районы Восточной Сибири, где развивалась преимущественно горнодобы-

вающая промышленность. Ленские золотые прииски, возникшие еще в середине XIX в., занимали выдающееся место в экономике России и оказали, без сомнения, прогрессивное влияние на развитие некогда отсталого хозяйства Якутской области.

Реформы 60–70-х годов XIX в. оживили предпринимательство в России, где строго соблюдалась неприкосновенность собственности, широко применялся зарубежный капитал и опыт производства. В результате этих усилий кустарный рынок постепенно перерастал в индустриальный. Особенно благотворный период в развитии экономики начался с 1880-х годов, когда в стране наступило продолжительное мирное развитие, способствующее динамичному росту всех отраслей промышленности, сельского хозяйства, торговли и транспорта. С появлением золотых промыслов на Лене возникают лесозаготовка, извоз, речное пароходство, товарную направленность обретает животноводство. Формирование капиталистического областного рынка развивало его логистику: устройство путей сообщения, усовершенствование транспорта, проведение телеграфа, создание новой финансово-кредитной системы.

23.1. ПУТИ СООБЩЕНИЯ. ПАРОХОДСТВО

От центра области Якутска в разные концы расходились пять почтово-пассажирских трактов: Иркутский, Охотский, Амгинский, Верхояно-Колымский и Вилюйский. Наиболее развитой и оживленной считалась дорога, идущая в губернский город Иркутск. По Якутской области на протяжении тракта действовали 47 станций. Зимой он частью проходил по Лене, а летом петлял по ее крутому берегу. Путники обычно выбирали наиболее легкий и удобный путь по воде. Существовали еще вьючные тропы вдоль северного побережья: между устьем р. Лены и Чукотским полуостровом, от Булуна (р. Лена) на реки Яну, Индигирку, Колыму, и такие же дороги-тропы вдоль побережья Охотского моря — от Охотска к северу на Камчатку и к Чукотскому полуострову и на юг до г. Николаевска-на-Амуре. Имелась целая сеть дорог местного значения, связывающая между собой отдельные поселения. К ней можно отнести тропы с Нижней Тунгуски в систему верхнего Вилюя, дороги-тропы, проложенные между Вилюем и Олёмкой, используемые для прогона скота на Бодайбинские золотые промыслы. Наиболее трудной и тяжелой считалась вьючно-нартовая дорога из Якутска до Верхоянска, проложенная через Верхоянский хребет по речке Келя. Путь пролегал по глухой, совершенно не заселенной местности, подъем достигал высоты около 2400 м. Движение производи-

лось по перегонам участками от 25 до 100 км в зависимости от трудности перехода. На границах участков для ночевки имелись зимовья, называемые поварнями. От Верхоянска путники направлялись через станцию Адыча на станцию Абыйская западнее р. Индигирки. От ст. Абыйская тропа проходила по Алазейским горам, и с обычными для таежной северной тропы затруднениями в виде болот, марей и топей путники, преодолев 2200 км, достигали Среднеколымска. Перевозочными средствами являлись лошади, местами олени, а вблизи побережья поездка совершалась на собаках. На оживленных трактах расстояние между станциями составляло 50–60 верст, на остальных — 150–200 верст. Станции содержались «оброчным способом», т.е. сдавались в аренду частным лицам, а для определения последних проводились торги в областном управлении с участием заинтересованных лиц.

Таковы пути сообщения, обслуживающие торговое и почтовое движение в крае. В Иркутск почту отправляли два раза в неделю, по Амгинскому и Вилюйскому трактам — два раза в месяц, а по остальным — один раз в месяц. В Якутской области было всего три почтовые конторы: в Якутске, Олёмминске и Нохтуйске — и одна почтовая станция в селении Амга с приемом корреспонденции. Порядок пересылки почтовой корреспонденции, как простой, казенной и частной, так и денежной, между Якутском и тремя северными округами производился на обыкновенных подводах без оплаты почтового сбора. Окружные полицейские управления принимали и отсылали корреспонденцию в сопровождении одного казака, которому сдавались деньги под расписку. При отправке казенных сумм свыше 5 тыс. руб. в помощь этому казаку назначался еще один. По Охотскому тракту поддерживалась связь с Камчаткой. Вплоть до революции 1917 г. якутские казаки сухим путем доставляли почту из Якутска в Петропавловск-Камчатский.

В Якутии коневодство считалось одним из постоянных занятий населения, что объяснялось использованием лошадей в качестве основного транспортного средства. До 1867 г., т.е. до продажи Аляски США, в морские порты Охотска и Аяна весь грузопоток доставлялся гужевым и вьючным транспортом. Подрядчики казенных и купеческих грузов ежегодно под гужевой и вьючный транспорт использовали свыше 6000 лошадей. В связи с увеличением ввоза купеческих товаров из Китая доставку грузов с охотского побережья на оленях стали осуществлять эвены-ламуты. Казенные подряды по доставке грузов в северные округа выполнялись перевозчиками якутами, которые, в свою очередь, скупали или брали в аренду лошадей, способных выдержать долгий и трудный путь с вьюком весом 5 пудов.

Основной грузопоток осуществлялся по р. Лене. Перевозка сотен тысяч пудов груза с верховьев реки требовала строительства множества деревянных судов: барок, паузков, карбасов, каюков и лодок, имевших важное значение в слове как частных, так и казенных товаров. Наиболее распространенными и приспособленными к условиям Лены были сплавные суда — паузки и карбаса. Паузок грузоподъемностью до 100 т и его меньшей собрат карбас предназначались для перевозки казенных грузов, купеческих товаров, муки, продовольствия и клади пассажиров. Для перевозки пассажиров строились легкие суда типа шитик, больше похожие на крупные крытые лодки с внутренними помещениями.

Навигацию начинали сразу после ледохода по высокой воде с середины мая и завершали в конце сентября при ледоставе. Со временем увеличивалась потребность в доставке грузов на золотые прииски, и самосплавные суда не могли справиться со все возрастающим объемом перевозок. Первый пароход на Лене появился в 1856 г., а в 1862 г. первый рейс по р. Лене до Якутска совершил колесный пароход купца И.С. Хаминова, что ознаменовало открытие нового этапа в истории судоходства на Лене [Павлов, 2015, с. 5–6]. Постепенно возникли новые пароходные компании, установившие сообщение между Витимо-Олёкминскими золотыми приисками и Мачинской резиденцией золотопромышленников. В одну навигацию с верховьев Лены до Якутска совершалось от одного до трех рейсов, что было, конечно, недостаточно.

В 1866 г. по верхней Лене плавало 2 парохода, в 1890 г. — 12, в 1900 г. — 27, в 1916 г. — 38 грузовых пароходов с 113 деревянными баржами. На Лене были построены Качугская, Верхоленская, Жигаловская, Усть-Илгинская, Витимская, Нохтуйская, Якутская пристани и Воронцовская судоремонтная механическая мастерская, оборудованы Алексеевский, Казаркинский, Усть-Кутский затоны. В 1878 г. до Якутска добрались 6 пароходов, 5 барок, 50 паузков и 3 лодки. Ведущее место в организации пароходного сообщения занимали фирмы нижеудинского купца Н.Е. Глотова и иркутской купчихи А.И. Громовой. Пароходы последней — «Лена» (первый освоил морское плавание) и «Сынок» — три раза в навигацию ходили по Лене до Булуна и по Вилюю до Нюрбы, иногда по высокой воде доходя до пристани Сунтара.

Китобойное судно «Лена» было спущено на воду в 1875 г. в одном из шведских портов. Но вскоре пароход приобрели иркутские предприниматели Сибириковы. Он вошел в состав экспедиции известного полярника А.Е. Норденшельда, задумавшего поход по Северному морскому пути из Европы в Азию и дальше вокруг света на судне «Вега». Как

известно, плавание Норденшельда проходило благополучно. «Лену» вел испытанный полярный капитан Э.Х. Иоганнесен, одним из штурвальных был норвежец И. Торгерсен. 28 августа 1878 г. пароходы достигли моря Лаптевых. «Лена» направилась к северо-восточной части дельты великой сибирской реки, а «Вега» продолжила плавание по намеченному пути к Берингову проливу. Пароходу «Лена» предстояло преодолеть неизвестную и запутанную дельту одноименной реки. 1 сентября 1878 г. пароход был в бухте Тикси, 3 сентября вошел в Быковскую протоку и лишь 8 сентября достиг селения Булун, где на борт был принят лоцман. 21 сентября 1878 г. «Лена» прибыла в Якутск и бросила якорь на осенней пристани (ныне вблизи устья речки Шестаковка). Сотни якутян приветственными возгласами встречали первый пароход, совершивший морское плавание. Рейс «Лены» стал историческим событием, он доказал реальность сообщения Якутии с Европой по Северному морскому пути.

Новый пароход стал постоянно плавать по Лене и ее притокам, доставляя пассажиров и промышленные грузы до места назначения. Он был единственным судном, спускавшимся до низовьев Лены. Специальные экспедиции, работавшие на его борту, изучали дельту реки, делали географическую съемку северного побережья. Пароход водили старейшие капитаны Н. Горовацкий и А. Богатырев. Под их руководством «Лена», несмотря на свой почтенный возраст, будучи приспособлена к плаванью во льдах, зачастую оказывалась совершенно незаменимой для полярных походов. Восемьдесят навигаций легендарная «Лена» работала на великой сибирской реке, совершая плавания от Витима и Якутска до бухты Тикси. Ей довелось изведать суровые штормы, крепкие льды, мелководье рек. Неслучайно у нее получилась такая богатая биография, воплотившая в себе славные традиции ленских речников. К сожалению, пароход «Лена» не сохранился.

Огромное значение в установлении правильного пароходного сообщения между Усть-Кутом и Якутском имело учреждение срочного почтово-пассажирского пароходства в форме акционерного общества с капиталом в 3 млн руб. Оно начало свою деятельность в 1895 г., когда купец Н.Е. Глотов и иркутский генерал-губернатор А.Д. Горемыкин подписали контракт на устройство и содержание почтово-пассажирского пароходства на 12 лет, впоследствии продленный на этот же срок. Выполняя условия контракта, 22 мая 1895 г. капитан парохода «Пермяк» Н.В. Могилев вышел в первый еженедельный рейс в сторону Якутска.

Поток грузов по р. Лене ежегодно возрастал. В 1864 г., по неполным данным, было перевезено 55 тыс. пудов. Пароходством Н.Е. Глотова в 1898 г. вниз по течению было доставлено 151 937 пудов,

вверх — 5024 пуда груза. За 1896–1900 гг. рейсовые сезоны принесли пароходству 184 тыс. руб. прибыли. Несмотря на рост перевозок, осуществляемых пароходами, значение самосплавных судов сохранялось. В их эксплуатации было занято 325 лощманов и 4700 рабочих [РГИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 838. Л. 5, 6, 25, 26]. В 1886 г. с верховьев Лены в Якутск прибыло 54 паузка, 2 карбаса, 2 барки, 2 полубарки, в 1893 г. — 119 разных типов самосплавных судов.

Постепенно речники осваивали судоходный бассейн Лены, протяженность и охват которого составляли 8 тыс. верст, из коих на реку Лену с притоком, рекой Киренск, приходилось 4500 верст, Витим — 480, Олёкму — 500, Вилюй — 1000, Алдан — 1200 и его приток Маю — 240. Но эти расстояния с падением уровня воды на реках резко сокращались. В 1884 г. начинается плавание по реке в Вилюй (туда впервые прибыл пароход «Пионер»), в 1888 г. — по рекам Алдан и Мая, в 1898 г. пароход «Громов» впервые дошел до с. Нелькан, в 1894 г. — «Лена» до с. Булун. Перевозка грузов на пароходах снизила транспортные затраты, намного облегчила доставку и сократила ее сроки.

Из-за огромной протяженности транспортной системы, и среди них Иркутского тракта, к концу XIX в. назрела острая необходимость установления стационарной экстренной связи с Европейской Россией, тем более технологически вопрос к тому времени был решаем. Выходом из создавшегося положения могло стать устройство телеграфной линии, связывающей Якутск с Иркутском, а через него и со всей Россией. Линия связи по направлению к Якутску была протянута до Киренска еще в 1893 г. Благодаря настойчивости якутского губернатора В.Н. Скрыпицына, поставившего вопрос перед вышестоящими органами, строительство возобновилось, и линия связи наконец достигла Якутска. Первые телеграфные сообщения стали поступать в Якутск в 1900 г. О своевременности проведения этой линии можно судить по следующим цифрам: если в 1903 г., в третий год существования телеграфа, в город поступило 10 605 телеграфных сообщений, а из города отправлено 10 272, то в 1907 г. эти показатели составили соответственно 18 430 и 17 923 депеши. Доход с телеграфного сбора возрос с 5850 руб. в 1901 г. до 15 184 руб. в 1907 г., и это только на одной линии Якутск — Иркутск. Поступали телеграммы из-за границы, в том числе из США. В ноябре 1909 г. вошла в строй телеграфная линия Якутск — Охотск. Еще через три года, в 1912 г., к общей телеграфной линии было подключено с. Сунтар, а чуть позднее — г. Вилюйск [НА РС (Я). Ф. 165-и. Оп. 1. Д. 971. Л. 5; РГИА. Ф. 1284. Оп. 69. Д. 333. Л. 6]. Первостепенную роль в этом сыграл губернатор И.И. Крафт, благодаря которому и был получен кредит на ее постройку.

23.2. ФИНАНСОВО-КРЕДИТНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ. БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

Указом царя Александра II от 30 мая 1878 г. было учреждено Якутское областное казначейство, которое вошло в систему государственных органов по хозяйственной части, действовавших на территории Якутской области. На Якутское областное казначейство были возложены следующие функции: 1) взимание окладных сборов и податей с населения, в том числе ясака; 2) взимание неокладных сборов и пошлин; 3) взимание сборов на земские повинности (на устройство дорог, пожарной службы и других расходов по области, требующих значительной денежной суммы); 4) сбор с прибылей от финансовой и хозяйственной деятельности банков, заводов, пароходов и т.д. По административной части Якутское казначейство подчинялось Иркутской казенной палате, а ревизию его дел и отчетности по оборотам и движению казенных сумм (наличные деньги, ценные бумаги и т.д.) проводила Иркутская контрольная палата.

В связи с развитием золотопромышленности на территории Олёкминского округа в начале XX в. Якутское казначейство учредило свое отделение в г. Олёкминске, что дало возможность получить дополнительный приток доходов в государственную казну. Хотя в Якутске и области преимущественно развивалась торговля и торговый капитал занимал преобладающее положение в хозяйстве края, вплоть до 1909 г. в Якутии отсутствовали коммерческие банки, не говоря уже о государственных.

Первым, кто понял необходимость учреждения в городе банка, был купец первой гильдии И.П. Колесов. Но его старания по открытию городского общественного банка, натолкнувшись на непреодолимые бюрократические помехи в областном управлении, не нашли поддержки даже у городской думы. Пожертвованные им в пользу учреждения городского банка 20 тыс. руб. легли тяжелым бременем на уже разваливающееся его торговое дело с золотыми приисками. В начале 1887 г. в Якутскую городскую думу поступило предложение гласного думы А. Очередина об «облегчении торговли и развитии промышленности» в крае открытием отделения Государственного банка. Городу больше нужен был банк, предоставляющий кредиты и ссуды, нежели производивший операции по переводу простых векселей. Однако Главное управление Восточной Сибири, 31 мая 1887 г. рассмотрев протокол Якутской городской думы, признало невозможным удовлетворить ходатайство и отклонило «за недостаточностью мотивов, не подкрепленными цифровыми данными» [НА РС (Я). Ф. 165-и. Оп. 1. Д. 2662. Л. 7; Д. 3109. Л. 52].

Финансовыми вопросами на всей территории области занимались областное казначейство, ссудо-сберегательные кассы и благотворительные капиталы. Возрастающие темпы торгово-финансовых операций в Якутии требовали развития и совершенствования системы платежей.

К концу XIX в. на Якутское областное казначейство были возложены следующие функции: прием и хранение доходов и «ясачных сумм»; прием, хранение депозитов и специальных средств государственных органов и физических лиц; производство расходов и «высылка сумм из поступающих в казначейство доходов»; продажа гербовой бумаги, марок, бланков и «патентов по питейным, табачным и другим акцизным сборам»; работа по стандартизации мер длины и веса; выдача промысловых свидетельств на ведение торговли; «счетоводство» по всем поступающим в казначейство доходам и расходам по полученным поручениям; прием и хранение сборов земских повинностей; платежи по добровольному страхованию, различные взносы в пользу кабинета, общественных призрений и т.д. В кладовые казначейства поступали на временное хранение средства присутственных мест, общественных учреждений и должностных лиц. По всем казначействам требовалось вести таблицу о количестве податей и других сборов, вносимых как в государственную казну, так и в казну земских и иных повинностей со сроками платежей и указанием пени за просрочку. Таблицу вывешивали на видном месте в здании казначейства для клиентов. В 1895 г. к функциям Якутского областного казначейства добавились операции размена денег, прием и выдача переводов, получение платежей по векселям, покупка и продажа процентных бумаг, оплата купонов и т.д. В 1897 г. им было получено переводов, ценных пакетов на 2698 тыс. руб., отправлено на 4754 тыс. руб., в 1897 г. с Якутской ярмарки переведены в кредитные учреждения 1027 тыс. руб. [Захаров, 1995, с. 54].

До конца XIX в. в Якутской области получили распространение пять видов учреждений мелкого кредита. Три из них относились к категории сословно-общественных (вспомогательно-сберегательные кассы, ссудная касса якутов и ссудо-сберегательные кассы) и два — к категории кооперативных кредитных учреждений (кредитные товарищества и ссудо-сберегательные товарищества). Первыми учреждениями мелкого кредита стали вспомогательные кассы, учрежденные в 1862 г. исправником Жуковским в наиболее развитом в экономическом отношении Олёкминском округе. Капитал вспомогательных касс формировался из различных источников, главными из которых являлись взнос добровольного члена неформального товарищества или пожертвования зажиточной части населения. Так, в

1866 г. на открытие ссудной кассы Олёкминского округа состоятельными якутами было пожертвовано 2600 руб. В 80-х годах XIX в. на пожертвования купца Н.Ф. Соловьева в размере 2 тыс. руб. были созданы общественные кассы в Колымском округе. В 1899 г. областное правление открыло вспомогательные кассы в восьми улусах Якутского округа и в трех крестьянских селениях с общим капиталом 7505 руб., возложив на окружное полицейское управление функцию контроля их деятельности [Бурнашева, 2009, с. 28–29].

Потребность населения в кредитах все возрастала, хотя недостаток в общей массе населения наличных средств тормозил появление частных или кооперативных сберегательных касс. Поэтому в 1884 г. областному казначейству было предписано производить операции, которые обычно выполняются сберегательной кассой. В государственную сберегательную кассу принимались вклады физических лиц «для приращения из процентов в видах доставления способов к накоплению» наличных средств. Первыми вкладчиками оказались предприниматели, ведущие торговлю в городах и центральных улусах области. Среди них выделялся купец Ф.В. Астраханцев, внесший в 1898 г. в местное казначейство в качестве вклада 11 885 руб. кредитными билетами, 3810 руб. золотом, 2405 руб. серебром и 2100 руб. наличными деньгами [НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 4712. Л. 8; Д. 7569. Л. 3, 4].

В 1916 г. в Якутской области насчитывалось уже 19 сберегательных касс с общей суммой вкладов в 950 тыс. руб. Численность вкладчиков составляла 2000 чел., годовой оборот касс превысил 1 млн руб. Из них Якутская касса имела вкладов на 800 тыс., приписные почтово-телеграфные кассы — на 110 тыс. руб. и иные — на 40 тыс. руб. Среди вкладчиков сберкасс 20 % составляли крестьяне, 30 — служащие, 10 — представители духовенства, 19 — прочие и 1 % — юридические лица [Бурнашева, 2011, с. 109–110].

Жители городов и сельской местности области, особенно предприниматели, остро нуждались в банковских операциях, кратко- и долгосрочных кредитах. Со второй половины XIX в. в крае стали получать распространение ссудо-сберегательные кассы, представлявшие особый вид кооперативного учреждения мелкого кредита. Их целью было краткосрочное кредитование крестьян, ремесленников и мелких торговцев. С 1895 г. деятельность ссудо-сберегательных товариществ регулировалась «Положением об учреждении мелкого кредита». Через год был принят образцовый Устав ссудо-сберегательных товариществ. В 1904 г. было принято новое общероссийское «Положение об учреждениях мелкого кредита». В соответствии с данным Положением было образовано Управление по делам мелко-

го кредита, в ведение которого было передано осуществление надзора за ссудо-сберегательными товариществами и кассами.

Первые ссудо-сберегательные кассы появились при областном казначействе. На пожертвованные средства было учреждено «Ссудно-сберегательное товарищество» с уставом. Его оборот за 1877–1886 г. составил 18 тыс. руб., но в дальнейшем оно оказалось неплатежеспособным. Наиболее известна деятельность ссудной кассы якутов. В 1821 г. Российско-Американская компания пожертвовала 10 тыс. руб. якутам, осуществлявшим перевозку грузов по Охотскому тракту. В 1860 г. этот капитал достиг 36 400 руб. Генерал-губернатор Н.Н. Муравьев-Амурский распорядился оплатить частью этой суммы недоимки Якутской областной больницы в сумме 31 100 руб. Остаток «для приращения» до 1878 г. был помещен в Иркутский банк и достиг 12 400 руб. В 1881 г. по просьбе руководства восьми улусов Якутского округа открыли кассу с целью кредитования якутов, проживавших в центральных улусах. Затем по прошению голов инородных управ других округов в 1883 г. из упомянутой суммы выделили на открытие касс Олёкминской и Вилюйскому округам по 1000 руб., двум северным — Верхоянскому и Колымскому — по 500 руб. По истечении 1883 г., по данным отчета кассы Якутского округа, было выдано в ссуду 15 тыс. руб., в кассе оставалось наличных — 2,1, процентных бумаг — на сумму 9,9 и в долговых документах — 7,3 тыс. руб. В 1883 г. образовались улусные кассы якутов и сберегательная при Якутском уездном казначействе, из улусных касс было отпущено в 1895 г. 266 лицам кредита на 20,3 тыс. руб. [РГИА. Ф. 20. Оп. 5. Д. 741. Л. н/пр].

По постановлению Съезда представителей инородческих обществ Якутского округа о дополнительном открытии касс на местах стали изыскивать дополнительные средства: якуты Якутского округа собрали пожертвования в размере 1900 руб.; 2 % выделили из суммы фуражной платы приленских ямщиков станций и т.д.

Еще в 1865 г. была учреждена сберегательная касса на пожертвованные 2500 руб. в Олёкминской инородной управе, которая выдавала ссуду в размере 25 руб. под 6 % годовых. Общий капитал кассы был разделен между наследниками и в 1886 г. составил 7454 руб. Известно, что в 1862, 1883, 1890 г. функционировали кассы мелкого кредита в крестьянских волостях Олёкминского округа. В 1899 г. в Верхоянском улусе появились 10 вспомогательных касс. В 60–80-е годы купцы и состоятельные лица учредили 16 благотворительных капиталов для ссуды и помощи бедным и сиротам. В их числе: казначий экономический капитал, начатый еще в 1781 г. из отчислений их заработков, достигший к 1893 г. 6800 руб.; «башкирская сумма», появившаяся

в 1874 г. из пожертвований вилюйских якутов на «домозаведение» ссыльных башкир, на 5081 руб.; сумма Якутского Епархиального попечительства, составившая в 1888 г. 106 тыс. руб.; пожертвования купцов Г. Павлова, Н. Маркова по 5 тыс. руб. и др. [РГИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 838. Л. 5, 6, 25, 26].

Таким образом, происходило становление новой финансово-кредитной системы, связанной с передачей областному казначейству некоторых банковских функций, с учреждением ссудной и вспомогательных касс, а также благотворительных капиталов. Они сыграли огромную роль в развитии экономики края, способствовали приобщению населения к кредитным операциям, повышению их платежеспособности, переходу от натурального обмена к денежному, но по недостатку средств были не в силах разрешить острую проблему кредитования частных лиц в области.

Налоги — важный источник доходов казны, императорского Кабинета и регионов.

К 1885 г. сумма недоимок по окладным податям и сборам с населения Якутской области составляла 21 644 руб. 42 коп. В течение 1885 г. следовало к поступлению оклада и вновь причисленных недоимок 42 287 руб. 54 коп., всего подлежало к поступлению 63 931 руб. 96 коп., а было взыскано недоимок и оклада 30 303 руб., осталось к январю 1886 г. недоимок на 28 193 руб.

Земские сборы включали сборы от частных повинностей с податных лиц, с них же дополнительные земские сборы и доход с торговых свидетельств. В январе 1885 г. оставалось недоимок на сумму 103 707 руб., назначено 76 854 руб. Взыскано оклада и недоимок 63 287 руб., в недоимке осталось 107 949 руб.

В 1884 г. из ружного сбора с государственных крестьян, свободных поселян, оседлых инородцев в недоимке оставалось 26 417 руб., ясачного с кочующих и бродячих инородцев 23 024 руб., на 1885 г. назначено ружного 26 799 руб., ясачного 53 427 руб. Взыскано с населения ружного 23 664 руб., ясачного 50 128 руб. [Обзор..., 1888, с. 37–38]. К числу натуральных повинностей относилось исправление мостов, гатей, ремонт торговых и проселочных дорог. Повинность эта отбывалась обществами, на территории которых они пролегают.

В 90-е годы XIX в. причисленные к бродячей категории тунгусы платили ясак по 1–2,88 руб., но местами с них вносили губернскую земскую повинность, ружный сбор; с кочевых инородцев — государственную подушную подать — 12 коп., губернскую земскую повинность — по 1,78–1,87 руб., межевой сбор — по 2 руб., ружный сбор — по 26 коп., в совокупности размер душевого обложения колебался от 3,23 до 5,91 руб. При этом вносили губернскую повинность — 4–8 руб. — с тех, кто обладал землями I класса. Русские крестьяне вно-

силы подушную подать — 0,81 руб., оброчную — 2,74; земскую повинность — 1,87, всего с другими сборами выходило 5,86 руб. с ревизской души. В 1897 г. оклад подушной подати, межевого сбора по области составил 37,1 тыс. руб.; ружного сбора — 24,0; ясачного — 52,6; земской повинности — 95,4, итого 204,8 тыс. руб.; всего было взыскано 214,5 тыс. руб., акциза и патента на спирт, вино и табак — 290,2 тыс. руб. За 1881–1889, 1895, 1897, 1898 гг. разных податей поступило 2381,6 тыс. руб. [Обзор..., 1885, с. 29–32; 1887, с. 21–23; 1889, с. 22–23; 1898, с. 37–38, 41].

Вследствие больших поборов и неплатежеспособности населения, в особенности в засушливые годы, за ним числились значительные недоимки, к примеру, в 1884 г. — 220 тыс. руб., в 1897 г. — 215,9 тыс. руб. При взыскании окладных недоимок пытались соблюдать рекомендацию В.Н. Скрыпичина — «крайняя осторожность и осмотрительность», дабы не ослабить платежеспособность населения. Но, следуя букве закона, ретивые должностные лица продавали с торгов имущество недоимщика. Состоятельные якуты погашали оклады родовичей. В 1872 г. В.С. Никифоров, известный под именем Манньяттаах, внес в казначейство 5 тыс. руб., с тем чтобы на проценты от ценных бумаг погашались земские повинности 1-го Тылымского наслега Восточно-Кангаласского улуса, в 1886 г. И. Винокуров — 2500 руб. за подати Кусаган-Эльского наслега Намского улуса. Периодически объявлялись царские манифесты, списывающие недоимки, в частности 1 мая 1883 г. были снижены окладные недоимки разных податей с населения области на 58,3 тыс. руб., а 14 мая 1896 г. — в Вилюйском округе на 8034 руб. [НА РС (Я). Ф. 100. Оп. 1. Д. 3. Л. 46; Ф. 15-и. Оп. 1. Д. 30. Л. 1].

Администрация передавала на улусы подорожную, подводную и другие повинности, раскладывая их между улусами. В свою очередь, инородные управы распределяли тракты по участкам для исправления мостов и гатей между родовыми управлениями. В 1887 г. исправление пути Якутск — Табага протяженностью 25 верст и трех мостов возложили на крестьян Табагинского общества и якутов Хоринского, Багарадского и Орсютского наслегов Западно-Кангаласского улуса. На выполнение работ, поручаемых инородной управой, собирали деньги с родовичей, к примеру, в Кангаласском улусе за 1836–1872 гг. собрали средств на сумму 10 599 руб. За эти годы снарядили на исправление дорог 468 чел., на междудворную гоньбу — 450, содержание перевозов — 61, а также на другие нужды, всего 1578 чел. Часть повинности передавали неимущему населению, чтобы они отбывали ее натурой. В 1866 г. инородцы Якутского округа содержали 11 перевозов через реки, на их содержание и

обеспечение нормального проезда было направлено 650 чел. [НА РС (Я). Ф. 23-и. Оп. 1. Д. 1150. Л. 3; Д. 2192. Л. 104].

Междудворная, частично обывательская гоньба была возложена как повинность на население. К примеру, два наслега Вилюйского округа на эти цели тратили ежегодно 233 руб. Помимо того, наслезники обгоняли станции по очереди, а не имеющие лошадей нанимали за свой счет возчиков. Казна финансировала гоньбу лишь на протяжении 1475 верст по северным трактам, а местные жители — 2420. Эльгетский улус на Усть-Янском тракте содержал обгон Абый — Ожогинск (300 верст), Усть-Янский — Аллаиха — Казачье (750 верст) — Булун (380 верст) и т.д. Жители прилегающих тракту наслегов построили 40 станций, называемых поварнями, содержание которых обходилось по 9,63 руб., и 18 мостов. Эльгетцы для переменных оленей и проводников за 3 года внесли 697 руб., северные улусы за шесть перевозов — 3000 руб. Колымский улус на исправление 29 656 верст пути ежегодно снаряжал по 2–3 партии из 30 чел. на 15 дней [Устьянский и Булунский тракты, 1904; НА РС (Я). Ф. 25-и. Оп. 1. Д. 2149. Л. 127]. Чрезвычайно суровый климат, почти полное отсутствие нормальных дорог в летнее время требовали высочайшего напряжения человеческих усилий, чтобы поддерживать хотя бы сносные условия связи с соседними наслегами, улусами и городами, которое невозможно определить в денежном выражении.

23.3. ТОРГОВЛЯ

Торговля и торговые отношения были наиболее развиты в городах. По уровню торговых оборотов выделялся центр области — г. Якутск, выполнявший и распределительные функции внешнего грузопотока по всем округам.

Ежегодно в летнее время в Якутске проходила оживленная ярмарка областного значения. Начинаясь она в июне с прибытия речным путем торговых паузков, барок, карбасов, каюков и просто лодок с мануфактурой, бакалейными, галантерейными товарами, хлебом, солью, спиртом, чаем. Одновременно в город приезжали купцы и торговые люди из окружных городов с мехами, мамонтовой костью (клыками), кабарговой струей. Якуты близлежащих улусов привозили продукты скотоводства, дичь, рыбу, сено, ремесленные изделия. Оживленная ярмарочная торговля продолжалась до августа. За эти летние месяцы население города увеличивалось почти в 2 раза.

Торговый оборот ярмарки до конца 60-х годов XIX в. не превышал миллиона рублей. И только с 1871 по 1890 г. привоз товаров достиг в среднем полуторамиллионного рубежа, соответственно уве-

личилась и реализация — с 599 153 руб. в 1867 г. до 1 262 533 руб. в 1887 г. Максимальный привоз был отмечен во время летней ярмарки 1882 г. Весь привоз оценивался в 2 398 289 руб., продажа — в 1 191 530 руб. (табл. 15).

Больше всего привозилось хлопчатобумажных тканей, которые составляли 85 % стоимости всех тканей. В 1852 г. на ярмарку поступило ситца 37 тыс. аршин, в 1882 г. — 370 тыс. аршин, дабы — 120 тыс. концов, китайки — 16 тыс. концов (один конец дабы равнялся 15–16 аршинам, один конец китайки — 8–9 аршинам), плиса — 70 тыс. аршин. Привоз ситца за это время возрос в 10 раз, дабы — в 5, китайки — в 16, плиса — в 6 раз. Ассортимент тканей был широким. Наряду с вышеназванными большим спросом пользовались сукно, фланель, демикотон, «кусонет», «лостика» и сарпинка, менее популярны были гарусные материи, шерстяные шали, кашемир, парча и атлас (табл. 16).

Во время ярмарки на Малом базаре (Кружало), имевшем в общей сложности более 40 лавок и ларей, а также в Гостином дворе с его 44 магазинами велась оживленная распродажа товаров оптом, в розницу и в кредит. Кроме того, в городе насчитывалось 129 частных торговых лавок, магазинов, оптовых складов и винных погребов. Торговля привозными товарами велась также с паузков и других судов. В 1882 г. в Якутск приплыло 39 торговых паузков с общим грузом 60 085 пудов. Три карбаса и четыре барки доставили 19 600 пудов соли на сумму 29 400 руб., 31 бочку спирта на 30 000 руб. С золотых промыслов совершили по одному рейсу четыре парохода. Паровая шхуна «Лена», принадлежавшая иркутскому купцу И. Шмотину, совершила в навигацию три рейса с грузом казенного хлеба.

На ярмарке видное место занимала торговля пушниной, мамонтовой костью, моржовыми клыками и кабарговой струей (табл. 17).

С каждым годом увеличивалась поставка лошадей и крупного рогатого скота на золотые прииски. На ярмарку 1882 г. было пригнано 400 лошадей на 20 тыс. руб., 260 коров и 2000 быков. По отношению к общей стоимости всех ярмарочных товаров местные составляли примерно 30 %. Более половины товаров реализовывалось летом, оставшуюся часть торговцы распродавали во время декабрьской ярмарки, развозили по округам и городам области.

Одной из важных статей ярмарочной торговли являлся чай. Составитель «Обозрения о внутренней торговле в Якутской области» купец И.С. Москвин в середине 50-х годов писал: «Все население, не упоминая главных потребителей чая — русских, в настоящее время, начиная от зажиточного якута до самообеднейшего тунгуса, все пьют чай». На ярмарку 1882 г. якутскими и иркутскими купцами

Таблица 15. Торговый оборот ярмарки 1882 г., руб.

Товар	Поступило	Продано	Осталось
Привозной	1 896 822	913 759	983 063
Местный	501 467	277 771	223 696
Итого...	2 398 229	1 191 530	1 206 759

Таблица 16. Виды товаров, обращавшихся на ярмарке 1882 г., руб.

Товар	Привезено	Продано	Осталось
Ткани			
шерстяные	87 909	43 809	44 100
хлопчатобумажные	724 550	354 550	370 000
льняные	9105	4605	4500
шелковые	22 695	11 695	11 000
Изделия			
кожаные	69 205	34 705	34 500
вино-водочные	285 822	137 822	148 000
металлические	32 835	16 830	16 005
Посуда			
фарфоровая и фаянсовая	107 400	52 200	55 200
хрустальная и стеклянная	11 250	4800	6450
Мука и крупа	24 050	12 046	12 004
Чай байховый и кирпичный	522 000	240 000	282 000
Мягкая рухлядь (меха)	405 567	227 567	178 000
Рогатый скот и лошади	95 000	50 900	45 000
Итого...	2 397 388	1 191 529	1 206 759

Таблица 17. Продукция охотничьего промысла, привезенная на ярмарку в 1882 г.

Товар	Количество	Цена, руб.		Сумма
		минимальная	максимальная	
Соболь				
1-го сорта	30 сороков	1500	2000	52 000
2-го сорта	40 »	800	1200	40 000
3-го сорта	60 »	400	700	33 000
с головками	10 »	3000	4000	35 000
Лисица				
черно-бурая	25 штук	35	60	1187
сиводушка	550 »	8	11	5225
красная	6000 »	4	4,50	25 500
черная	3 »	100	200	450
Куница	300 »	4	5	1350
Бобер	200 »	10	15	2500
Горностай	10 000 »	0,10	0,80	680
Хорек	2500 »	0,70	0,80	1875
Песец				
голубой	80 »	7	10	680
белый	3000 »	2,40	2,60	7500
Белка				
черная	300 000 »	0,27	0,30	85 000
серая	300 000 »	0,18	0,20	57 000
светлая	30 000 »	0,10	0,12	3300
Бивни мамонтовые	1400 пудов	20	23	30 100
Струя кабарговая	3000 штук	4	—	12 000
Ровдуга	6000 »	1,50	2,50	10 500
Итого...				404 847

было привезено 7200 мест кирпичного и байхового чая на общую сумму 522 тыс. руб., что в 10–12 раз больше завоза 1852 г. [НА РС (Я). Ф. 165-и. Оп. 1. Д. 1262. Л. 22; Ф. 166-и. Оп. 1. Д. 1008. Л. 1–11].

Постепенно из наиболее зажиточных представителей торгующей массы мещан, казаков, крестьян, якутов и переселенцев выдвинулась крупная торговая буржуазия — предприниматели. Фамилии именитых купцов Протодяконовых, Леонтьевых, Чепаловых, Самыловских и др., игравших большую роль в торговых операциях в первой половине XIX в., постепенно исчезают из рыночной сферы. На смену им из мещанского сословия пришли такие крупные торговцы, как И.И. Силин, Н.Д. Эверстов, Н.Б. Васильев, из крестьян — А.М. Кушнарев, из казаков — А. Калинин, Н. Кондаков, из зажиточных якутов — П. Захаров, Ф. Лепчиков, Г. Никифоров и др.

В 1797–1867 гг. через Российско-Американскую компанию и Камчатку Якутская область была вовлечена в сферу внешней торговли. В охотские порты шел поток грузов, предназначенных для обеспечения жизнедеятельности русского населения Аляски и островов. После продажи Русской Америки, признавая труднодоступность перевозки массы товаров в Якутию, в 1869 г. был разрешен беспослинный ввоз товаров в Якутскую область через порты Охотского моря. Система порто-франко действовала вплоть до установления советской власти. С той поры в крае начинается заморская торговля чаем, имевшая большое значение. Якутские купцы охотно воспользовались предоставленной возможностью установить торговые связи с китайскими поставщиками чая и мануфактуры, что, в свою очередь, способствовало развитию предпринимательства и торговли, создавало рынок рабочей силы по перевозке грузов из охотских портов до Якутска. Завезенный товар скупался более мелкими торговцами и развозился по всей области, достигая населенных пунктов, затерявшихся среди высоких гор и бескрайней северной тундры.

В начале XX в. местную торговую знать возглавил Петр Акепсимович Кушнарев (1877–1941). Уроженец с. Павловск Якутского округа. Учился в школах Якутска и Иркутска. Якутский купец первой гильдии, меценат и благотворитель. В 1903 г. совместно с родными основал торговое товарищество «Наследники А.М. Кушнарева», совокупный капитал которого составил 900 тыс. руб. Торговый дом Кушнаревых постепенно проник на рынок Москвы. Дела фирмы в Москве представляла родная сестра П.А. Кушнарева, А.А. Бушуева. К 1917 г. Кушнаревы имели два парохода, паровую мельницу, электрическую станцию, мастерскую, склады и магазины в Якутске, а в пригороде — образцовую животноводческую ферму, в Иркутске — дворовое место с магазином и складами, в Москве — здание с мага-

зином в центре города. В 1916 г. торговый дом Кушнаревых имел оборот в 2,5 млн руб. и прибыль в 375 тыс. руб. в год. В 1917 г. по своим торговым оборотам Кушнаревы вошли в тройку самых богатых фирм Якутии [Петров, 1990, с. 68].

Другой, не менее известный, купец — Гаврил Васильевич Никифоров — Манньяттаах уола (1867 — не ранее 1945). Уроженец 1-го Тыллыминского наслега Восточно-Кангаласского улуса. Купец первой гильдии. Окончил церковно-приходскую школу. Г.В. Никифоров включился в борьбу за рынок в зрелом возрасте. Для концентрации финансовых средств он создал два крупных товарищества. Быстрый подъем цен на пушнину на зарубежных биржах и внутри страны окупил все расходы, вскоре купец начал получать прибыль. Постепенно к Г.В. Никифорову стала стекаться вся пушнина Якутии. В 1918 г. он произвел скупку шкур — 50 тыс. горностая, 20 тыс. песца, 10 тыс. лисицы, 1 млн белки. К этому времени он установил связи с иностранными фирмами, которые были заинтересованы в получении концессии на строительство шоссейной дороги с побережья Охотского моря до Якутска. Г.В. Никифоров известен своей благотворительной деятельностью. На свои средства он открыл школу в родном наслеге, содержал интернат для учащихся в Якутске, построил двухэтажное здание школы, уплачивал все налоги, налагаемые на жителей наслега [Захаров, 1995, с. 80–81, 85; РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 107. Л. 4]. В 1920 г. его движимое и недвижимое имущество подверглось грабительскому захвату. Он эмигрировал через Японию в Харбин. До 1945 г. занимался мелкой предпринимательской деятельностью. Помогал землякам, оказавшимся в трудном положении на чужбине. После разгрома Квантунской армии частями Красной армии переехал в Японию, где его следы затерялись. Родовое поместье Никифоровых, что на аласе Асыыкай Мегино-Кангаласского улуса, ныне является памятником архитектуры Республики Саха (Якутия).

Из улусной массы торговцев вышел Николай Осипович Кривошапкин (1832–1926), зажиточный саха, крупный меценат образования Оймьяконо-Борогонского наслега Баягантайского улуса. Он неумолимо ездил по всему оймьяконскому краю, кредитует население товарами и взыскывая годом позже пушнину, маслом и скотом. При этом старался помочь престарелым, больным и сиротам (годами содержал их, раздавал скот беднякам), платил подати за наслег, создавал фонд помощи при голоде и т.д.

По закону от июня 1898 г., купцы первой гильдии по свидетельству I разряда имели торговые предприятия с оборотом свыше 300 тыс. руб. и прибылью 20 тыс. с платой 500 руб. промыслового налога и промышленные предприятия I–III разрядов с прибылью 20 тыс. руб. и количеством рабочих

свыше 200; купцы второй гильдии по свидетельству II разряда — торговые предприятия с оборотом 30–50 тыс. руб. с прибылью 3–5 тыс. руб. или промышленные предприятия IV–VI разрядов. В 1850 г. купцов второй гильдии в г. Якутске числилось 3, третьей гильдии — 25, в 1897 г. первой гильдии — 1, второй гильдии — 23. Кроме того, в 50–60-е годы было по 3–5 купцов в двух северных округах. Свидетельство I рода крестьян соответствовало свидетельству купца первой гильдии, II рода — второй гильдии, III рода — третьей гильдии. Позднее свидетельства I–III родов, в том числе купцов третьей гильдии, были упразднены. В 1850 г. купцов по III роду крестьян в Якутске было 5. С 1835 г. якуты стали приобретать торговые документы. В 1853 г. по свидетельству III рода торговали якуты Западно-Кангаласского улуса Г.П. Павлов, Афанасьев, И.Т. Тимофеев и др. В 1866 г. по свидетельству II рода — Ф.И. Лепчиков, И. Павлов. Кроме того, «иногородних гостей» в 1850 г. было 4, в 1878 г. — 13, в 1886 г. — 16 [НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 1871. Л. 7, 8; Ф. 25-и. Оп. 1. Д. 4040. Л. 26; Д. 3149. Л. 24, 25]. Обыкновенно они причислялись в купеческое сословие в родных городах, а в Якутске ограничивались выборкой свидетельств второй, третьей гильдии. В 50–80-е годы XIX в. установлены 20 иркутских купцов первой гильдии и семь из разных губерний, правда, с небольшим капиталом, торговавших в Якутске. Не меньше было и купцов второй гильдии. Остались неохваченными купцы-золотопромышленники, скупающие в области скот и продукты. Вначале приезжие производили куплю-продажу на Якутской ярмарке, затем открывали лавки, позднее — отделения, в Якутске.

С освобождением р. Лены ото льда купеческие деревянные суда, нагруженные разными товарами, плыли вниз, причаливая у населенных пунктов для торговли, которая в целом именовалась Ленской ярмаркой и включала Олёкминскую, Кыллахскую и Якутскую ярмарки. Купцы приобретали ярмарочные билеты второй гильдии, позволяющие оптовую-розничную торговлю. В 80–90-е годы среди ярмарочных купцов было 6 — первой гильдии, 14 — второй гильдии и ряд средних торговцев.

Один из приезжих крестьян Архангельской губернии, иркутский купец первой гильдии И.Г. Громов в 70-е годы скупал пушнину, скот, продукты в Якутии, владея прииском в Олёкминской системе, Ачинском округе Забайкалья. В 1897 г. он оставил жене, детям более 1 млн руб. Его дело продолжила вдова А.И. Громова, открывшая торговые отделения в Якутске, Олёкминске, Усть-Янске. В 1895 г. организовала рыболовство в низовьях р. Лены. В Якутии ее торговые дела возглавил зять, купец второй гильдии М.В. Пихтин, затем подключился сын И.И. Громов.

Голова улуса, олёкминский второй гильдии купец С.И. Идельгин (1822–1892) 22 года избирался на разные должности. Куплю-продажу он сочетал с поставкой продуктов на прииски. Пользовался поддержкой генерал-губернаторов А.П. Игнатьева, А.Д. Горемыкина. Был самым влиятельным и богатым якутом улуса, постоянно материально поддерживал духовное ведомство и здравоохранение, в 1895 г. его состояние оценили в 205 тыс. руб.

Интерес представляют якутские купцы братья Федор, Петр, Константин и Иннокентий Захаровы, уроженцы Доглогинского наслега Восточно-Кангаласского улуса, начавшие свою деятельность приказчиками. Наибольший успех выпал на Петра Илларионовича (1847–1903), сколотившего стартовый капитал торговлей в Олёкминске и на золотых приисках. Он первым из якутов организовал оптовую закупку товаров в центральных губерниях, известен как один из меценатов духовного и тюремного ведомства, передал большой дом и усадьбу для открытия женской прогимназии, деньги для библиотеки. В 1896 г. он вручил императору приветственное послание жителей Якутска. Очень осмотрительно свое дело вел Константин Илларионович.

Верхоянский купец второй гильдии Я.Ф. Санников (1845–1908) обогатился за счет скупки пушнины на Севере. Там он устанавливал цены на товары и пушнину, в 1910 г. его имущество суд оценил в 1923 тыс. руб. Аналогичное дело вели купцы второй гильдии Н.Б. Васильев — Бучук (1845–1850), уроженец Юсальского наслега Верхоянского улуса, наследство которого в 1910 г. оценено в 229,8 тыс. руб., М.Г. Васильев — Мэхээс атыгысыт (1858–1902) из 1-го Нерюктяйского наслега Восточно-Кангаласского улуса (146,6 тыс. руб.). Самым богатым купцом Вилюя был Н.А. Расторгуев (1861–1922) [Памятная книжка..., 1869, с. 130, 214, 215; РГИА. Ф. 1265. Оп. 5. Д. 100. Л. 11].

Торговый капитал формировался купечеством, средними и мелкими торговцами. По свидетельству второго разряда торгующий записывался в купеческое сословие второй гильдии, на основании которого ему позволялось торговать на большую сумму и широким ассортиментом товаров. Таких свидетельств в 1888 г. было продано в городах 146, в 1897 г. — 221. Каждый купец мог выбрать по 2–4 свидетельства, а средний торговец — по 1–2. Кроме того, мелкие и средние торговцы в 1888 г. приобрели свидетельств мелочного торгового в городе 244 штуки и в селе 58, в 1897 г. — 197, свидетельств развозного торгового — соответственно 58 и 34. Мелких торговцев было гораздо больше, а в сельских местностях не всегда их приобретали. В 1850 г. числилось 39 приказчиков, в 1897 г. приказчиков I, II класса — 277.

Состоятельные якуты не спешили записываться в купеческое сословие. Таким был голова Восточно-Кангаласского улуса Ф.И. Лепчиков (1810–1894), который поставлял продукты на прииски, скупал пушнину, владел частью акций Гостиного двора. После смерти его состояние суд оценил в 246 тыс. руб. Торговлю продолжили сыновья, голова улуса Прокопий (1841–1906) и Афанасий (1846–?), специализировавшиеся на скупке черно-бурых лисиц и соболей. Но неграмотные братья были лишены возможности установить прямые связи с российскими оптовиками. Как и прежде, у них преобладал весьма непопулярный неэквивалентно-кредитный обмен. К тому же у братьев много времени отнимала работа на выборных должностях. Потому Лепчиковы не сумели воспользоваться преимуществами рыночных отношений и умножить фамильный капитал.

Цены. Крупные фирмы закупали товары оптом у московских и сибирских фабрикантов. Затем снабжали товарами средних торговцев, начисляя свои транспортные, торговые издержки и прибыль. Те накидывали свои затраты, прибыль и по новой цене отпускали новым скупщикам, которые в свою очередь, прибавив свои расходы и прибыль, отпускали их покупателям. Таким образом, жители отдаленных наслегов при покупке товаров доплачивали «трехэтажные» наценки. До простого охотника товары доходили через двух-трех посредников, каждый из которых делал на них свою наценку.

Предельные цены на местные продукты устанавливало управление золотых приисков, а на пушнину — российские и зарубежные ярмарки. Стоимость якутского рогатого скота равнялась стоимости туркестанского скота и была ниже стоимости сибирского. Возможно, якутский скот уступал им в весе, но превосходил по вкусовым качествам мяса. При этом затраты на разведение скота в условиях Севера были гораздо более значительными, нежели в Сибири. Но помимо них были цены неэквивалентного обмена. В 1889–1890 гг. в Среднеколымске за одну бобровую шкуру (в Якутске стоила 10–16 руб.) торговец отпускал одну бутылку водки, за четверть кирпича чая давали одного песца. Торгующие практиковали выдачу кредита производителям, но если по тем или иным причинам те не успевали расплачиваться к сроку, то к ничтожному кредиту торговец накручивал проценты. Так производители попадали в долговую кабалу.

Иностранный торговый капитал всегда проявлял интерес к несметным пушным богатствам края. Общеизвестно, что знаменитый якутский соболь, другие ценные меха вывозились в европейские страны и обменивались на необходимые государству товары. С XVIII в. ценная пушнина, добываемая в Якутии, находит новый рынок сбыта, а именно — восточно-

азиатский, взаимовыгодная торговля на котором не прекращалась вплоть до 20-х годов XX в.

Во второй половине XIX в. страны с развитым фабричным производством активно рвались на мировой рынок. Россия, по их мнению, представляла собой широкий рынок сбыта товарной продукции. Еще в 1860 г. для поощрения предпринимательства было разрешено предоставлять «иностранцам, приезжающим в Россию по торговле и промышленности, такие же права, какими пользовались русские подданные». Этим воспользовался зарубежный торговый и промышленный капитал. Особое усердие на Северо-Востоке проявили американские предприниматели, они развернули скупку пушнины на Камчатке, Чукотке и в Анадыре, а их агенты, чукчи и эвенки, проникли вглубь страны, вплоть до Чауны и Колымы. Из-за низких транспортных затрат их товары были дешевле, чем российские, но посредники накручивали проценты. Кроме того, вопреки закону империи о запрете на продажу водки, в обменных операциях они широко ее применяли. Их меновая торговля сократила обороты Анюйской ярмарки, где в основном торговали русские купцы. С 1898 г. американец Сторк закупал в северных округах шкурки соболей. В 80–90-е годы XIX в. в Якутске вели торговлю австрийский подданный Л.О. Мадачи и прусский И. Циммер, на севере — норвежский подданный И.И. Торгерсен.

С той поры в крае начинается важная торговля чаем. Якутские купцы охотно воспользовались предоставленной возможностью установить торговые связи с китайскими поставщиками чая и мануфактуры, что, в свою очередь, способствовало развитию предпринимательства и торговли, создавало рынок рабочей силы по перевозке грузов из охотских портов до Якутска.

Тем не менее нельзя сказать, что в истории торговли в Ленском крае все обстояло столь гладко. Торговые люди на правах обладателей товаров диктовали населению весьма выгодные для себя условия обмена. Купцы и торговцы накручивали на свой товар высокие наценки, насаждая кабальный и неэквивалентно-ростовщический обмен. Закон запрещал обширную торговлю крепкими напитками в улусах, наслеггах и кочевьях коренного населения. Существовала конкуренция между купечеством, мещанами и якутами. Помимо того, в отдаленных наслеггах утверждаются сверхвысокие наценки на привозимые товары и настолько же значительные уценки на местные продукты и пушнину. Мелкие и средней руки торговцы, приказчики городских купцов всеми мерами пытались сбывать привезенный им товар. Несмотря на описанные обстоятельства, купечество в основном разрешало жизненно важные вопросы края: ежегодного завоза промышленных товаров, скупки местных продук-

тов и пушнины, сбыта на российском и зарубежном рынке. Средства торгового капитала шли на развитие предпринимательства, производительных сил, дорожно-транспортной инфраструктуры края, увеличение товарного производства в традиционных занятиях и ремеслах.

23.4. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

Истоки предпринимательства уходят в глубину времен и связаны с межплеменным обменом. Предпринимательство в традиционных занятиях аборигенов возникло под влиянием спроса российского и зарубежного рынка на пушнину и бивни. В обособленных хозяйствах якутов и тунгусов, владеющих угодьями, скотом, оленями, возникает спрос на российские товары. Купцы, торговцы меняли на них ценную пушнину. Жажоточные якуты стали применять труд покрученников, т.е. наемных работников, вначале в пушном промысле, затем и в рыболовстве. Местные производители переняли наиболее совершенные способы производства, а в хлебопашестве — орудия труда крестьян. Купеческий капитал, снабжая население привозными товарами, организовал индивидуально-артельный труд. При развитии торговых отношений охотники, скотоводы, оленеводы выступали не только как производители, но и как первые продавцы продукции своего труда и в то же время как покупатели привозных товаров.

Первоначально отношения между предпринимателями и производителями строились на основе добровольной неэквивалентной мены, затем, по мере установления взаимного доверия, постепенно складывалась контрактно-кредитная форма обмена. При этом стороны принимали на себя обязательства, связанные с объектом работы, подряда с указанием цен, стоимости и срока. С заключением контракта они вступали в полосу риска: в случае его невыполнения предприниматели терпели убыток, а производители лишались заработка. Это заставляло их направлять все свои умения и силы на выполнение обязательств, что являлось важнейшим условием развития рыночных отношений.

Ленский золотопромышленный горный округ во многом определял развитие экономики Якутской области. В поисковых партиях, лесозаготовке, старательских работах были заняты тысячи якутов, русских крестьян и ссыльных поселенцев. С поставкой сельскохозяйственной продукции на прииски возникает товарное производство, которое проникает в самые глухие наследи и кочевые роды. В то же время оно способствовало расслоению якутского крестьянства. Появляется, с одной стороны, якутская буржуазия, связанная с торговлей и ростовщицеством, с другой — масса бедняков, батраков и середняков.

Теневые моменты предпринимательства связаны с эксплуатацией непосредственного производителя и покупателя, которая особенно заметна в неэквивалентно-долговом обмене в северных округах, в обирании охотников широким применением спирта и табака в их кочевьях, в местах отвода земельных участков под горные разработки, в лишении коренных жителей доли от прибылей промышленников, арендной платы приисков за изъятые земли, отстранение от операций по продаже акций золотых компаний и т.д.

23.5. ДОБЫЧА ЗОЛОТА

Ленские золотые прииски возникли на обширной гористой территории, прилегающей к системам рек Олёкмы и Витима, правых притоков Лены. Эти земли исстари являлись охотничьими угодьями и оленьими пастбищами охотничье-промыслового населения — эвенков и якутов. В верховьях р. Олёкмы первые прииски возникли в 1843–1844 гг., и уже в 50-е годы здесь на 15 приисках было добыто 665 пудов золота [Горбачев, 1903, с. 244]. Ленскую золотую промышленность поднимали иркутские купцы первой гильдии П.П. Баснин и П. Катышевцев, учредившие в 1855 г. «Ленское золотопромышленное товарищество», и другие предприниматели. В 1883 г. численность золотых приисков достигла 314, но разрабатывалось 37, разведывалось 11. Золото промывали на лотках — бутарах по 2 тыс. пудов песка в день, на усовершенствованных — до 12–20 тыс. пудов. Обработка золотоносных песков в большинстве производилась на железных бочках, различающихся между собой размерами и способом промывки песка — водяным или паровым двигателем.

Штольневые работы на Ленских приисках были начаты в 1860 г. Песок поднимали на поверхность в железной бадье со специальным устройством, на ней же спускались рабочие. Стены, потолки шахт складывали из срубовой крепи. Мерзлый грунт оттаивали железным камином, отапливаемым дровами или углем.

Из-за отсутствия дорог якуты доставляли грузы зимой. С появлением пароходства на реках Лене, Витим, колесной дороги с Бодайбинских резиденций до Ныгринских приисков и по рекам Утахан и Атыркан сообщение стало более удобным. Но всякое сношение с 1 октября по 1 декабря и с 1 апреля по 15 мая прекращалось в связи с ледоходом в бассейне рек Олёкмы и Витим.

Олёкминско-Витимская золотоносная система состояла из трех главных рек: Бодайбо с правыми притоками, Тохтыга, Энгижимо, которые именовались ближней, средней и дальней тайгой. В 1860–1863 гг. Витимская система была открыта промышленниками, наиболее крупными из них были первой гиль-

дии кяхтинский купец А.Я. Немчинов, иркутские М.А. Сибиряков, И.И. Базанов и К.Г. Трапезников, учредившие в 1865 г. «Компанию промышленности» и «Прибрежно-Витимскую компанию» [Шарапов, 1949, с. 46–47].

В 1867 г. учреждено «Мало-Патомское товарищество», в 1872 г. — Бодайбинская компания, в 1885 г. — «Российское золотопромышленное акционерное общество» с капиталом 5 млн руб., разделенным на 50 тыс. акций по 100 руб. Впоследствии акции были скуплены Петербургским международным и ссудными банками. В Ленском горном округе были образованы 30 таких различных компаний и товариществ, что свидетельствует о концентрации капитала. Помимо того, далеко по неполным данным, добычу тут вели 46 купцов и чиновников [Аврамов, 1884, с. 61, 65–67].

Деятельность приисков Витимской и Олёкминской систем находилась в орбите внимания якутского областного губернатора, правда, в круг его надзорной деятельности входил лишь сбор статистических материалов. Например, в 1884 г. в Олёкминской системе в работе находилось 38 приисков, в Витимской — 17. На 38 приисках Олёкминской системы в 1879 г. добыли 424 пуда 22 фунта 66 золотников 8 долей, на 14 приисках Витимской системы — 380 пудов 34 фунта 69 золотников 59 долей. На этих приисках в операцию 1884 г. добыто: в Олёкминской — 219 пудов 28 фунтов 35 золотников 18 долей, в Витимской — 386 пудов 15 фунтов 6 золотников 87 долей.

Но приисковое дело, по наблюдениям современников, приходило в упадок. Если в 1882 г. всеми промыслами было намыто 749 пудов, то в 1884 г. — 605 пудов золота, что объяснялось выработкой эксплуатируемых участков. Наем рабочих по преимуществу производился на самих промыслах. Часть приисковых владельцев набирала рабочих через своих доверенных в волостях Иркутской губернии и в Иркутске. В Олёкминской промышленной системе в 1884 г. намыв золотоносного песка производили 4363 рабочих, в Витимской — 7227. Ими заработано в том году 2 307 570 руб. Рабочие и служебный персонал получали жалованья: кузнец от 180 до 720 руб., плотник от 180 до 600, рабочий от 65 до 420 руб. — и, кроме того, состояли в довольствии от приисковых управлений. Не занятые в работах женщины получали довольствие от 9 до 12 руб. в месяц. Кроме того, рабочим выдавались так называемые «винные порции» в праздничные и табельные дни [Обзор..., 1885, с. 15–17; 1879, табл. 24].

Большие транспортные расходы, короткое лето и отсталая технология предопределили затратность добычи золота. Прибыль приносили только прииски с большим содержанием золота, а менее богатые прииски вовсе не разрабатывались. От длительной

эксплуатации истощились запасы драгоценного металла. Потому могущественные «Лензолото» и другие компании сочетали добычу с обширным поиском новых месторождений. Менее состоятельные при сокращении запасов золота на приисках прекращали добычу, а новые участки сдавали в аренду или продавали. В 70–90-е годы XIX в. не столь предприимчивые наследники П. Катывшевцева и П. Баснина, Н. Силина разорились, купцы И.А. Шмотин, М.И. Липаев, Швецов, томский мещанин Д.Я. Петров и др. объявлены несостоятельными. Вследствие этого на Ленских приисках происходила концентрация и слияние промышленного капитала с банковским. В 1872 г. сын П. Катывшевцева Василий 25 паев «Лензолота» продал чиновнику Е. Каншину, уступившему банкирам Гинцбургу, Э.М. Мейеру 5 паев. Так начали захват «Лензолота» семейства банкиров Гинцбурга и Мейера. Капитал «Лензолота» в 1897 г. был увеличен до 6 млн, в 1896 г. общество приобрело 16 приисков В.И. Базилевского, в 1897–1898 гг. — прииски иркутян Клейнмихеля, Тетерина, Гладышева и Е. Патушинской [Рабинович, 1975, с. 121, 146].

Монопольное положение «Лензолота» в добыче драгоценного металла определялось финансовой поддержкой правительства, в 1891 г. Государственный банк открыл кредит на сумму около 7 млн руб. с правом финансового контроля за его деятельностью. Часть акций приобрели министры и члены царской семьи, так что «Лензолото» в какой-то степени обрело силу власти, значительно укрепившее его положение. В 1855 г. на Ленских золотопромышленных системах разрабатывалось 14 приисков, на них трудились 3116 «среднегодовых» рабочих, нанятых на год независимо от числа поденщиков, в 1898 г. число приисков увеличилось до 86, на них трудились 7978 рабочих и 16 600 рабочих, нанятых по поденному договору. В 1885 г. 35,4 % рабочих составляли ссыльные. Всего на Лене число рабочих в 50-е годы XIX в. составило 6–8 тыс. чел. В 1898 г. 11 579 (56,5 %) рабочих Ленского горного округа были уроженцами Сибири, 7914 — из Европейской России, 970 — из Якутской области, всего 20 471 чел. Однако эти данные неполные, в 1888 г. на приисках находилось 1800 якутов, в 1898 г., по сведениям исправника Витимской системы Львова, на приисках работали 5 тыс. якутов, только из Восточно-Кангаласского улуса в 1889 г. — 563 чел., в 1899 г. — из Хочинского улуса — 473 [Шарапов, 1949, с. 48, 53–56]. В оплате практиковались повременная, урочная формы. При сдельной оплате рабочие стремились экономить материалы. А с 1892 г. они были переведены на свои харчи. В 50–60-е годы средний дневной заработок рабочего колебался от 61 до 89 коп., в 80-е годы составлял 1,06 руб., соответственно годовой равнялся 119–120 руб. и мог дохо-

дуть до 230. По собранным врачом Корневым путем опроса сведениям, в 1898 г. из 3110 рабочих 17 % возвратились домой со 100 руб., 28 — с 200, 26 — с 300, 15 — с 400, 6 — с 500, 2 — с 600, более 600 руб. заработали 2 %, что следует признать неплохим заработком. Ничего не получили — 4 %. В 1870 г. жители Якутской области заработали на приисках 100,5 тыс. руб. [НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 19823. Л. 1, 2; Ф. 15-и. Оп. 1. Д. 6555. Л. 16–22].

За 1850–1899 гг. в Витимской системе было добыто 11 517 пудов 33 фунта золота, в Олёкминской — 11 208 пудов, всего по Ленскому округу 22 763 пуда 12 фунтов, и за 1880–1894 гг. получили 58 % чистой прибыли, в 1897 г. — 377,01 тыс. руб. [Горбачев, 1903, с. 106–130, 131, 144, 244, 270, 271; Шарапов, 1949, с. 63, 119]. Рабочие промывали сотни пудов золота в год, в отдельные годы — до 2–3 т. Добыча производилась на приисках Верный и Варваринское в системе р. Ныгри, затем на Спасском, Александровском, Вознесенском приисках.

Доставка на прииски сельскохозяйственной продукции, строительного леса и других сырьевых материалов составляла важную статью доходов для населения Якутского, Олёкминского и Вилюйского округов. Продукцию животноводства (мясо, масло) поставляли многие наследи, возчики которых санным путем через тайгу и горы, преодолевая тысячи верст, добирались до центра золотых промыслов Бодайбо. В 1894 г. из одного Якутского округа на Витимо-Олёкминские прииски было вывезено товаров более чем на 1 млн руб., в том числе 150 тыс. пудов мяса. При доставке грузов своим гужевым транспортом рядовые возчики за один пуд груза получали в пределах 70–73 коп., что не оправдывало понесенные возчиком расходы. Прибыль оставалась в руках подрядчиков, которые, участвуя в торгах и имея средства, нанимали на своих условиях рядовых возчиков. В 1893 г. в Олёкминске числилось 26 подрядчиков, каждый из которых имел иногда до 50 возчиков. Из этих подрядчиков девять доставляли более 5 тыс. пудов каждый, а три — более 10 тыс. пудов каждый. Доход от поставок продукции села достигал 80 тыс. руб. в год [Майнов, 1912, с. 285].

Из числа золотопромышленников братья А.М. и И.М. Сибиряковы известны как меценаты науки и образования. Первый поддержал в 1876–1878 гг. экспедицию Норденшельда, пожертвовал 112 тыс. на исследование водного пути Сибири, Географическому обществу, на написание книг по истории Сибири, второй — на открытие библиотеки и на образование, пособие рабочим.

Витимо-Олёкминские золотые прииски указом от 18 декабря 1898 г. были переданы в состав Иркутской губернии, но прочные экономические связи с якутскими улусами не прерывались.

23.6. ДОБЫЧА ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ

Добыча железа. Якуты исстари добывали красный, бурый, серо-серебристый железняк между речками Лютянга и Буотома в Алтанцах по р. Сола в Якутском округе и по среднему течению р. Вилюй и его притоку Тюкян. Они выплавляли его примитивным способом в своеобразных плавильных печах. В 1854 г. в Буотоме 60 кангаласцев выплавляли 2 тыс. пудов чистого железа, 6 тыс. пудов криза, или 10 фунтов железа. Из 1 пуда 38 фунтов руды выходило 25 фунтов криза, или 10 фунтов железа. На продажу поступал криз весом от 18 фунтов до 1 пуда. К началу XX в. там выплавляли в год до 600 пудов железняка. Добытая руда шла на местные нужды, но постепенно привозные изделия сократили ее добычу. Особенно славились кузнецы Кэнтикского наслега Верхневилюйского улуса. Кузнечным делом профессионально занимались 25 чел. Они пользовались готовым железом, поставляемым двумя плавильщиками. В 1890-е годы были известны домники-производители А. Васильев и И. Васильев. В 1860 г. в Мархинском улусе Вилюйского округа железодельным производством занимались 217 чел., всего по Вилюю в этом году было выплавлено 3 тыс. пудов железа. В отличие от вилюйских промышленников ленские кустари занимались плавильным и кузнечным делом одновременно. Плавильщик-кузнец Архып Уус из Западно-Кангаласского улуса за один производственный цикл из выделанной крицы изготовлял до 25 кос-литовок. Другой кустарь Кююрйя Попов за двое суток делал 80 кос-литовок для продажи. Среди кузнецов были мастера, изготовлявшие винтовки. За одну винтовку заказчик давал дойную корову или рабочую лошадь [Уткин, 1991, с. 57–58]. В 1873 г. на Всемирной выставке в Вене большой интерес вызвало ружье-винтовка якутской работы, представленное головой Батурусского улуса Е. Оросиным.

Разрабатывались месторождения других полезных ископаемых. В 1876–1881 гг. добывали свинец и попутно серебро в Коковинских рудниках в гористой местности Ендабыл Верхоянского округа.

Добыча каменного угля. Месторождения каменного угля были открыты повсеместно. Команды пароходов добывали уголь по рекам Лене, Алдан, Вилюй, Колыме. В 1898 г. доверенный золотопромышленницы Ю.И. Базановой П.А. Юшманов организовал добычу каменного угля в местности Юнкюр-Юрях в 14–15 верстах от г. Якутска. Там артель в 12–18 рабочих, половина из которых сыльные, пробила шахту и добыла 25–27 кубических саженьей угля весом 29 500 пудов, из них 2200 пудов были вывезены на прииски [НА РС (Я). Ф. 52-и. Оп. 2. Д. 43. Л. 53].

23.7. СОЛЕВАРЕНИЕ

Соль население добывало для своего потребления по бережьям Вилюя, Анабара и Оленька. В 25 верстах ниже Олёкминска из р. Соляный Ключ обогащенную соль вывозили в с. Жиганск. Кемпендяйский (в 570 верстах от г. Вилюйска), Багинский источники состояли в ведении Министерства государственных имуществ, непосредственно подчинялись Иркутскому горному управлению и сдавались в аренду с торгов. В 1887 г. по предписанию генерал-губернатора там была учреждена казенная продажа соли. От Кемпендяйского источника до г. Олёкминска проложили зимник и открыли магазин со складом. В самом источнике еще в 1860 г. построили суглан, кладовую для сушки соли, караульный дом, магазин. В 50-е годы кемпендяйскую соль продавали по 8 коп. за пуд, позднее по 28 коп. серебром, в округах были открыты соляные стойки [Обзор..., 1882, с. 6; 1885, с. 4–9; 1899, с. 7–9; РГИА. Ф. 1284. Оп. 69. Д. 333. Л. 9].

В 1880 г. источник арендовал Г.В. Самсонов, в 1884 г. — якутский мещанин К.А. Седалищев на 10 лет за 1255 руб. Арендаторы подписывали с полицейским окружным управлением контракт, состоящий из 28 пунктов, с обязательством добыть 5 тыс. пудов соли в год, из коих 4 тыс. отпускал казне по 20 коп. за пуд. В 1892 г. Седалищев, подписав контракт на 100 тыс. пудов запаса соли, прекратил добычу, что было нарушением контракта и стало поводом для его расторжения. В 1899 г. жители Нерюктяйского наслега устроили дамбу на р. Кемпендяйка за добычу и реализацию 24 тыс. пудов соли, оградив соляной пласт от смыва. Соль добывали без особых усилий и затрат. В течение зимы вода стекала и наносила огромные пласты соляной накипи, достигавшие нескольких десятков сажен. Наемные рабочие снимали соль, сушили ее и ссыпали в амбары. В 1885 г. на Кемпендяйском источнике девять рабочих за 138 поденщин (по 1,20 руб. в день) заработали всего 165 руб. Они добыли 5526 пудов, затратив по 3 коп. на пуд. Местная соль на рынке стоила дешевле усть-кутской. За 1861–1894 гг. в источниках было добыто 241 тыс. пудов [Обзор..., 1882, с. 7, 12–14; 1887, с. 7–9; 1889, с. 7–9; НА РС (Я). Ф. 164-и. Оп. 5. Д. 347. Л. 29].

23.8. ПОСТАВКА ЛЕСА

Жители 10 наслегов Кангаласских улусов и приленские крестьяне зарабатывали на поставке леса и дров горожанам. В 1897, 1898, 1900 гг. в г. Якутск по р. Лене было сплавлено 9700 штук лиственничных и сосновых бревен на 31,4 тыс. руб. и 82 тыс. погонных саженей дров на 30,5 тыс. руб. В г. Вилюйск лес поставляли по рекам Вилюй и

Марха жители трех наслегов Верхневиллюйского и шести наслегов Мархинского улусов. Жители четырех наслегов Усть-Янского улуса сплавляли лес до с. Казачье, в г. Верхоянск, из местности Орто-Айка, Эбэлях, в с. Жиганск, Булун. Цены на бревна в зависимости от толщины, длины, местности колебались от 30 коп. до 1,75 руб., местами доходили до 2 руб., сажень дров — 1,60–3 руб. Кроме того, для отопления каждого парохода использовалось 12 тыс. саженей дров, а в целом Ленское речное пароходство потребляло 20 тыс. В 1884 г. пароходству К. Сибирякова и Базанова крестьяне Батамайской, Синской и Бестяхской станций продали 200 бревен и 150 саженей [НА РС (Я). Ф. 343-и. Оп. 1. Д. 7. Л. 2, 3; Ф. 12-и. Оп. 14. Д. 27. Л. 2].

Самый большой и стабильный доход население получало от поставок леса золотым приискам. Для добычи пуда золота в среднем использовалось «598 стволов огнивых, 146 подхватных, 36 крепежей, 33 покатника, 44 подхвата, 13 жердей для крепежных работ в шахтах и 77 погонных саженей дров», пригодных для отопления помещений и оттайки мерзлоты [НА РС (Я). Ф. 50-и. Оп. 1. Д. 2. Л. 257].

Подрядчики заключали контракт с конторами приисковых управлений на заготовку и подвоз леса, где оговаривались цены на бревна и сроки. Прииски обязывались снабжать подрядчиков продовольствием и необходимыми товарами и своевременно выдавать кредиты и производить окончательный расчет за заготовленный лес. В свою очередь, подрядчик нанимал рабочих и изыскивал необходимое количество лошадей; заключал чаще устный договор с рабочими, пастухами — мелкими подрядчиками — об условиях работы, платы, о снабжении продовольствием и обеспечении транспортом; распределял отведенный прииском участок леса между пастухами. Доля подрядчика не превышала 6–7 % от общей суммы заработка. Пастух организовывал в тайге питание артельщиков, рубку и перевозку леса к шахтам. Иногда он вступал в дело со своими рабочими, редко с лошадьми или оленями. Артельщики подчинялись ему и выполняли все его поручения. Он сдавал заготовленный лес приемщику в счет контракта подрядчика. Возчик с вычетом питания зарабатывал 25 руб. в месяц, лесоруб — 30, в год — 300 и 360 руб. На такие деньги на Якутской ярмарке можно было купить 10–12 голов рогатого скота. Так разбогатели подрядчики кангаласцы П.Д. Тихонов — Байбал, Е.П. Гаврильев — Бете, К.И. Первалов (сын Хаабья), С.П. Барашков, Д.Н. Семенов — Лэбэй, Н. Афанасьев — Ньялях, Ф. Афанасьев — Мэннээх. Многие из них выбились из самых низов, без капитала и посторонней помощи. Также в подрядчиках леса числился уроженец Восточно-Кангаласского улуса Ф.И. Артамонов — Мюлюк,

имеющий 60 рабочих. В 1882 г. подрядчик А. Попов из Сунтарского улуса подвозил лес на прииски на 10 тыс. оленях, из которых половина принадлежала ему, другая была нанята в Вилюйском округе [НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 2. Д. 941. Л. 47; Ф. 19-и. Оп. 1. Д. 575. Л. 41, 42].

23.9. ПРОМЫСЛЫ

Довольно развитый кустарный промысел сложился у якутов и других народов Севера. Проникновение товарно-денежных отношений весьма заметно повлияло на технику и способы местных кустарей. Появились пилы продольного пиления, рубанки, швейные машины и т.д. Кроме того, возникают новые промыслы бондарей, тележников, мыловарщиков, свечников и др. Вместе с тем привозная, фабричная продукция вытесняла кустарные изделия из наследного обменного торга.

Плотничество развивалось повсеместно, по договору рубили дома, различные пристройки, церкви, устугасы — паузки. При этом подрядчики оговаривали материал, сроки и плату и по условиям подбирали опытных плотников, или артель выбирала бывалого подрядчика. Жители близлежащих наслегов зарабатывали на стройках населенных пунктов и городов. Например, в 1896 г. мегинцы А.О. Тимофеев, Т. Пилотнов, намцы А.Д. Лукин, В.М. Игнатъев обязались каждый отдельно по контракту построить дома разным лицам из материала хозяев по цене 45–420 руб. В 1889 г. мегинец С.Ф. Харитонов обязался в Нелькане построить паузок купцу И.Г. Громову, в 1896 г. эвенки Майского ведомства С.М. Дьячковский и К.Г. Апросимов со своими 7–8 рабочими — паузки крестьянам с Павловское М. и В.Ф. Борисовым и купцу С.Н. Харитонову по 750 руб. каждый. Крестьяне с Владимирское Павловской волости кроме хлебопашества занимались колесным производством, пилкой и выжиганием леса.

В 50–60-е годы скопец Кокорев в Багарадском наслеге Западно-Кангаласского улуса открыл мыловаренно-маслобойное заведение и кузницу в г. Якутске. Работники на предприятии скопца И. Биркина производили в год мыла на 3 тыс. руб., 500 шт. свеч на 3,5 тыс. руб., выделывали 50 шкур кожи на 200 руб. Скопец А. Савельев содержал мыловаренный, кожевенный заводы с доходом 3,2 тыс. руб. [Захаров, 2000, с. 6–16].

В 1873–1876 гг. на ремонте Якутского Спасского монастыря и Якутского кафедрального собора, Градо-Якутской Преображенской церкви трудились по 8 часов в день под наблюдением полиции 11–12 скопцов — наемные каменщики, железо-кровельщики — во главе с Семеном Наумовым. Они отличались особой добросовестностью и исполни-

тельностью. В 1899 г. в г. Олёкминске работало кожевенное предприятие с выработкой на 250 руб. В с. Подружное якут Модутского наслега Намского улуса М. Эверстов открыл кожевенное предприятие с выделкой 400 шкур [Обзор..., 1899, с. 2–3; НА РС (Я). Ф. 15-и. Оп. 3. Д. 460. Л. 29; Ф. Р-1413. Оп. 2. Д. 175. Л. 6].

Исстари женщины прекрасно выделывали шкуры и шили из них легкую, удобную, теплую одежду. меховая одежда пользовалась большим спросом на золотых приисках, а заячьи одеяла — у возчиков, лесорубов и охотников.

Кроме того, были развиты кузнечно-литейный, санный, столярно-мебельный, шорный промыслы, изготовление деревянной посуды, поделок из бивня и рога. Хозяйства остро нуждались в изделиях местных кустарей: ножах, топорах, пешнях, лемехах, ружьях, санях, телегах, мебели, упряжках и украшениях. Спрос на них всегда был стабильным. Притом многие работы по своим потребительским качествам не уступали привозным. В 1867 г. в Якутском округе числилось мыловаренное, кожевенное, свечное и два кирпичных предприятия, итого 5. В 1881 г. — 16 кирпичных, 6 кожевенных, 6 сапожных, всего 28 предприятий с производством на 9,6 тыс. руб., но, скорее всего, это не полный список действовавших заведений. В 1898 г. всего было 101 предприятие, из них 82 мукомольные мельницы [Обзор..., 1886, с. 23; НА РС (Я). Ф. 1365. Оп. 1. Д. 30. Л. 52; Ф. 23. Оп. 1. Д. 2311. Л. 10].

В 1867 г. в Якутском округе в 7 заведениях трудились 56 рабочих, производивших продукцию на 11,6 тыс. руб., в 1898 г. 196 рабочих производили продукции на 25 тыс. руб. Но приведенные данные не полны. В 1899 г. лишь в Олёкминском округе работало 42 заведения с 55 рабочими и с производством на 11,7 тыс. руб. В 1861 г. в городах печников, столяров, медников, кузнецов и др. числилось 199 чел., в 90-е годы — 420 мастеров, 246 рабочих, 10 учеников. В Олёкминском округе насчитывалось от 281 до 447 мастеров, из них крестьян, скопцов 48–67 чел., в Сунтарском и Хочинском улусах Вилюйского округа — 251 мастер, 4 рабочих, 6 учеников, всего по области 800–1000 мастеровых, 400 рабочих [Памятная книжка..., 1869, с. 102–103; Обзор..., 1882, вед. 2; 1896, с. 27; 1899, с. 24]. Мастерами были чаще всего сами хозяева, которые трудились наравне с рабочими, а рабочими и учениками были члены их семей. Но встречались и наемные работники.

Глину месили ногами, слабо обжигали, потому кирпичи получались непрочные. Со временем в Якутске улучшили качество кирпичей. Численность кирпичных предприятий колебалась от 14 до 16, но это были маленькие заведения с 1–2 рабочими, которые работали только летом на заказ. Среди них

с 1885 г. крупным считался заводик К.К. Атласова ($\frac{1}{4}$ предприятия принадлежала ему) с 8–15 сезонными рабочими, с поденной платой по 75 коп. К концу 90-х годов в Якутске обжигали 10–15 тыс. кирпичей в год, в г. Вилюйске — 5–10 тыс. по особому заказу, в г. Олёкминске работали три предприятия с производительностью на 600 руб. [НА РС (Я). Ф. 343-и. Оп. 1. Д. 79. Л. 15–17; Д. 426. Л. 1, 2].

23.10. ИЗВОЗ

Прежде вся ответственность доставки груза возлагалась на инородческие должностные лица, инородные управы раскладывали понаслежно количество тяжестей, подвод и работников. Родовые управления назначали конкретных работников, собирали подводы и сбруи с населения. Тем самым достигалась круговая порука общественников, т.е. в лице голов и старост казна перекладывала материальную и юридическую ответственность за своевременную доставку и сохранность груза на наследные общества. Именно такой порядок поставил голов и старост во главе извоза. Подводная повинность стала причиной разорения населения. Стоимость услуг, связанных с перевозкой чая, повысилась, появились подрядчики, на которых ложилась вся организация транспортировки на основе заключаемых условий: наем возчиков, лошадей, снаряжение и оплата. Сумма подряда напрямую зависела от их умения вести торг, надежности выполнения обязательства.

По Аянскому и Охотскому трактам доставлялись из Якутска в Охотск, на Камчатку грузы Российско-Американской компании, купечества и казны. В 1869 г. с введением беспощинного ввоза товаров через порты Охотского моря тракты все более становятся чайными путями. С установлением своевременной оплаты эвенки взяли на себя перевозку чая на оленях на самых трудных участках, что резко сократило гибель лошадей. Подрядчики и возчики зарабатывали 60–150 тыс. руб. в год. Чай перевозили до р. Алдан, далее в Верхоянск и на Колыму. В 80–90-е годы в подрядчиках числились 5 эвенков Майского ведомства, 12 якутов и 1 крестьянин.

Немалый доход население имело от извоза на Ленские прииски. В 1870 г. 6 якутов обязались доставить 6732 пуда груза по 9590 руб. из Олёкминска на прииски Базилевича, еще 55,2 тыс. пудов — Трапезникову, 13 якутов — 47 тыс. пудов на Мачу Баснину. В 1870 г. до 1,5 тыс. якутов доставили на прииски до 300 тыс. пудов груза, заработав 230 тыс. руб. В 1877 г. из области было доставлено на прииски продуктов и фуража на 617,6 тыс. руб. В 80–90-е годы 33 подрядчика вывезли 21 тыс. пудов груза за 44 тыс. руб. В 1894 г. «Лензолото» установило уравнительную раскладку перевозок: 40 тыс.

пудов тяжестей передала сельским обществам, 34 тыс. — якутским подрядчикам, 6 тыс. — крестьянам [Захаров, 1999, с. 65]. Но впоследствии крестьяне из-за отсутствия лошадей не справились с принятыми на себя обязательствами, подобное случалось и с якутами. Также мешали неблагоприятные погодные условия, в том числе глубокие снега.

За перевозку 1 пуда из Якутска до Олёкминска платили 0,90–1 руб., с Мачи до приисков в 60-е годы — 2–2,5 руб., в 90-е годы — 0,90–1 руб. Для перевозки 300–400 тыс. пудов привлекали 6–8 тыс. лошадей. Со временем пароходы по р. Лене сократили объем самодельных перевозок. Данные о вывозе продуктов из Вилюйского округа гужем на прииски по трем трактам крайне скудные. В 1895 г. по Олёкминскому тракту было перевезено на 65 тыс. руб., по Нохтуйскому — на 34; по Якутскому в Вилюйск — на 105, итого на 204 тыс. руб. Доставка 1 пуда до Мачинской резиденции обходилась в 80 коп., оттуда до приисков — в 1,50–1,80 руб. Перевозкой тяжестей в северные округа занимались жители пяти улусов Якутского округа. В 1867–1879 гг. разным ведомствам было доставлено из Якутска в Колымск 51 998 пудов муки, пороха, свинца на 330–446 вьючных лошадях, и перевозка обошлась казне в 136 тыс. руб., в среднем в год по 16 тыс. руб. [НА РС (Я). Ф. 20-и. Оп. 1. Д. 348. Л. 1, 60, 104; РГИА. Ф. 1284. Оп. 17. Д. 284. Л. 3, 8; Оп. 69. Д. 333. Л. 11, 12]. В 90-е годы ежегодно на Колыму отправляли по 7–8 тыс. пудов казенных грузов. Пароходными рейсами северный груз доставляли по р. Лене до Булуна. В зимнее время по верхоянским и усть-янским дорогам местные жители санным путем передвигались на северо-восток.

Итак, во второй половине XIX в. в извозе исчезло принуждение и сложилась привлекательная для инородцев подрядная система с твердо установленной оплатой. Приблизительно 60–95 подрядчиков, 1500–2100 возчиков перевозили в год 370–600 тыс. пудов груза и зарабатывали 400–700 тыс. руб. Однако дороговизна снаряжения и гибель лошадей на тяжелейших переходах Джугджурского и Верхоянского хребтов, гололедах снижали их доходы.

23.11. СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ

Социальная помощь, оказываемая ближнему, имеет исторические корни. Ее традиционная форма возникла на основе доходов натурального хозяйства. В экстремальных условиях на родоначальников и имущих возлагалась забота о бедных. До XIX в. бедные якуты кормились, работая в крупном скотоводческом хозяйстве или «подле» него. Владельцы средних и богатых хозяйств содержали престарелых и немощных, воспитывали сирот, используя

их труд, при отделении воспитанников «родители» наделяли их землей, скотом и имуществом. Приученные с детства к труду, имея все необходимое для ведения собственного хозяйства, усыновленные могли жить вполне самостоятельно.

Родовая защита бедных во второй половине XIX в. вышла из рамок родственных уз и распространилась на наслеги, улусы, даже — межнациональную сферу. Перемены, произошедшие в экономической сфере, связанные с кустарным рынком и первоначальным накоплением капитала, определили направление на оказание благотворительной помощи страждущим. К примеру, в конце XIX в. в Кангаласском наслеге Жиганского улуса И.А. Андросов ежегодно содержал 15 вскормленников, в Оймьяконо-Борогонском наслеге Баягантайского улуса мещанат Н.О. Кривошапкин — 6–7 семей. Кроме того, содержание больных и нищих (кумаланов) возлагалось на наследные общества и улус. В 1899 г. в Колымском улусе на призрение 30–40 душ прокаженных было собрано 3500 руб., на 110 кумаланов — 3300 руб., а также на 10 больничных коек [Захаров, 1995, с. 57; НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 19658. Л. 41, 42].

В XVIII–XIX вв. состоятельные люди доходами от соболиных промыслов погашали подати рода и целого наслега, за что родовичи прежде платили отработкой, продуктами. Позднее стали погашать безвозмездно, используя в том числе доходы от ценных бумаг и вкладов. Так, в 1872 г. В.С. Никифоров — Манньыаттаах внес в казначейство 5 тыс. руб. за губернские земские повинности 1-го Тылыминского наслега Восточно-Кангаласского улуса, в 1886 г. И. Винокуров — 2500 руб. за подати бедняков Кусаган-Эльского наслега Намского улуса и т.д. В голодные годы предприниматели помогали бедствующему населению деньгами, хлебом, скотом. Так, в 50–60-е годы Ф.И. Лепчиков пожертвовал 2-му Тылыминскому наслегу Восточно-Кангаласского улуса 1000 руб., 400 пудов семенного хлеба крестьянам с. Павловское и Спасскому монастырю, в 70–80-е годы купец С.И. Идельгин — Спасскому монастырю хлеба на 4 тыс. руб., крестьянам станций Олёкминского округа — 300 пудов, чукчам Араро — 50 оленей, А. Киттове и Поганы по 100 оленей выделили голодающим мещанам Верхоянского общества и жителям Эльгетского улуса, Николай Омультан — 100 оленей трем наслегам Усть-Янского улуса, голова Верхоянского улуса Е.Я. Ефимов — 100 оленей Эгинскому наслегу. В неблагоприятные годы неудачной охоты на зверя и падежа оленей эвенков содержали якуты, в частности, в 1887 г. Мямельский род был распределен между якутами Баягантайского улуса, часто вилюйские эвенки зимой жили у вилюйских якутов. С 1894 по 1902 г. Н.О. Кривошапкин безвозмездно

отпускал хлеба, денег якутам Баягантайского улуса на 9621 руб. Кроме того, ежегодно в голодную пору, марте — апреле, раздавал бесплатно продукты и даже 20–30 коров для пользования удоями — всего на 6000 руб. в год [НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 8631. Л. 107, 145; Д. 3269. Л. 117, 126; Ф. 26-и. Оп. 1. Д. 616. Л. 2; Д. 661. Л. 9, 10].

В 1896 г. отмечался сильный голод в Аллаихе, священник В. Никифоров пожертвовал 524 руб., купец Я.Ф. Санников — 200, юкагир Н. Трифонов — 500 на закупку продовольствия. В засушливые 70-е годы староста Алтанского наслега Мегинского улуса П.Ф. Попов распределил 400 возов сена между своими сородичами. На развитие просвещения Ф.И. Лепчиков внес в 60–70-е годы 4300 руб. (в том числе на строительство школы в с. Доброе), А.М. Кушнарев — 10 тыс. на открытие школы в с. Павловское, в 80-е годы купец П.И. Захаров — на здание женской прогимназии и квартиру для учителя, С.И. Идельгин — 10 тыс. руб. для Якутской духовной семинарии [РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 53. Л. 4; НА РС (Я). Ф. 15-и. Оп. 10. Д. 2737. Л. 300, 301, 305, 308, 309].

На строительство лечебницы в 1872 г. С.И. Идельгин пожертвовал 1 тыс. руб., в 1883 г. староста 2-го Бордонского наслега Сунтарского улуса И.С. Попов завещал 10 тыс. руб. Предприниматели собственными средствами помогали распространению православия: С.И. Идельгин построил церковь на острове Кыллах на 15 тыс. руб., Г.П. Терешкин — в местности Шея Сунтарского улуса на 15,7 тыс. руб., Н.О. Кривошапкин — три церкви и одну часовню [НА РС (Я). Ф. 25-и. Оп. 1. Д. 2485. Л. 1; Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 8631. Л. 42, 43].

Помимо того, казна обязала якутские общества содержать ссыльных разных категорий, отводить им земельные и рыболовные угодья. Тем, кто желал обзавестись хозяйством, общества выделяли жилье, лошадь и корову. Но многие ссыльные не были приучены к сельскому труду, а часть уголовников вовсе отказывалась трудиться. Такие лица переходили на иждивение якутских наслегов: ссыльные жили по очереди у общественников или на их содержание собирали деньги с родовичей, в 1899 г. Колымский улус на эти цели предусмотрел 920–1500 руб., на каждого по 120 руб. Государство также не стояло в стороне от этой проблемы: строило казенные хлебозапасные магазины, пороховые погреба и соляные стойки в различных населенных пунктах. Туда ежегодно доставлялись хлеб, боеприпасы, соль, которые по сходным ценам отпускались населению в кредит. Трудно переоценить значение таких торговых пунктов в жизни коренных жителей.

В засушливые годы выдача хлеба в кредит становилась организованной. К примеру, в засуху 1897 и

1898 г. по предписанию якутского губернатора голодающим жителям Сунтарского и Мархинского улусов было выдано 3 тыс. пудов ячменя из продовольственного капитала и 10,7 тыс. пудов хлеба из Олёкминского и Якутского округов. По ходатайству генерал-губернатора Игнатьева в 1887 г. было выделено 20 тыс. руб. кредита с беспроцентным платежом на 10 лет эвенам Эльгетского и якутам Колымского улусов, пострадавшим от падежа оленей и рогатого скота [НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 5414. Л. 13; Ф. 165-и. Оп. 1. Д. 959. Л. 1, 3]. Государство частично финансировало образование и здравоохранение.

Во многих случаях благотворителями двигали гуманистические, патриотические и религиозные чувства. Но были и те, кто, оказывая своевременную помощь терпящим бедствие, действовали в пользу собственного дела. Развитой государственной системы социальной помощи и защиты населения в России еще не сложилось. В Якутии социальная помощь зиждилась на патриархальных началах, которые постепенно разрушались с развитием товарного производства, промышленности, проникновением капитала.

Одним из губернаторов, оставивших значительный след в развитии области, был Константин Николаевич Светлицкий. Он родился в 1842 г. в дворянской семье Гродненской губернии. Воспитывался во 2-м кадетском корпусе, окончил полный курс наук в Николаевской академии Генерального штаба по 2-му разряду. Военную службу начал прапорщиком, служил офицером в различных воинских частях. В 1884 г. в звании полковника зачислен в запас Генерального штаба. Через год был назначен исправляющим должность губернатора Якутской области. 30 августа 1887 г. за отличную службу Светлицкий произведен в генерал-майоры со старшинством и утвержден в должности якутского губернатора с зачислением по Генеральному штабу [НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 4178. Л. 26; Д. 8631].

Генерал-губернатор Восточной Сибири граф А.П. Игнатьев, посетивший в июле 1886 г. Якутскую область с ревизией, дал следующую характеристику служебной деятельности губернатора К.Н. Светлицкого: «...я имел возможность непосредственно убедиться в полезной деятельности и усиленных служебных трудах полковника Светлицкого, предпринявшего, между прочим, для пользы вверенной ему области личные изыскания пути от г. Якутска к порту Аян». Первые два года его губернаторства выдались неурожайными. По его ходатайству иркутский генерал-губернатор распорядился закупить в Иркутской губернии 10 тыс. пудов семенного хлеба для Олёкминского округа. Сплавленный по р. Лене к самому началу посева, он вырубил насе-

ление. Однако посев 1887 г. не дал желаемого урожая в связи с сильными ветрами в течение всего мая, засухой в июне и холодными ночами с инеем в июле. По причине неблагоприятного лета огородничество также не принесло удовлетворительного результата. Сена накоплено 11 797 210 пудов, что на 2 226 077 пудов меньше, чем в 1886 г.

Несмотря на невысокий урожай хлеба в земледельческих округах (Якутский, Вилюйский), за исключением Олёкминского, где урожай получился средний, в 1887 г. особых затруднений с продовольствием не было, так как весной по р. Лене из Иркутской области было доставлено до 70 000 пудов хлеба, что дало возможность более состоятельной части населения запастись им в достаточном количестве. Для обеспечения же беднейшего городского и сельского населения по ходатайству якутского губернатора в Иркутской области было закуплено 10 тыс. пудов муки. Зато 1888 г. был урожайным. Огородничество дало столь же прекрасные результаты, как и земледелие. Урожай трав также повсеместно был хороший. Заготовлено 13 197 295 пудов сена, что на 1 399 635 пудов больше, чем в предшествовавшем году [НА РС (Я). Ф. 22-и. Оп. 1. Д. 22043. Л. 1–3, 6, 13, 25; РГИА. Ф. 381. Оп. 22. Д. 15604. Л. 1, 2, 51]. Благодаря такому обильному урожаю трав скот был полностью обеспечен кормом.

В отчете губернатора К.Н. Светлицкого за 1887 г. отмечается крайне вредное влияние ссылки на коренное население области. Так, он пишет, что здесь по-прежнему слишком значительное скопление «преступников, сосланных сюда без расчета отношения их к коренному населению, что в особенности имело место в 1882 и 1883 годах, когда было выслано в область 2317 человек преступников». Многие из них, опять занявшись разбоем и кражами, повторно попадали в местный тюремный замок, где скученность арестантов обратила на себя внимание не только областного начальства, но и МВД России, которое выделило средства на строительство второго корпуса тюрьмы и больницы на 10 кроватей. Вместе с арестантами в тюрьме содержались их дети. Губернатор Светлицкий, видя развращающее влияние тюремной среды на малолетних, велел в заложной части Якутска построить специальный приют для арестантских детей. В 1886 и 1887 гг. были построены два дома, где содержались арестантские дети на полном пансионе. В приюте для них открыли школу и ремесленную мастерскую.

Якутская городская дума, возглавляемая городским головой М.Т. Самыловским, в присутствии 16 гласных 3 августа 1889 г. единогласно избрала бывшего якутского губернатора генерал-майора К.Н. Светлицкого почетным гражданином г. Якутска. В числе его особых заслуг перед городом было

открытие Якутской городской публичной библиотеки и пополнение ее фондов книгами по географии и статистике; учреждение музея при статистическом комитете; основание образцовой земледельческой фермы; внимание к развитию промышленно-

сти и торговли; постройка ночлежного дома для бесприютного и нищенского слоя города и др. [Калашников, 2012, с. 69–71]. Высочайшим указом от 12 мая 1889 г. К.Н. Светлицкий был назначен иркутским гражданским губернатором.

ГЛАВА 24

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

В середине XIX в. Якутия являлась наиболее отдаленной и неразвитой частью Российской империи. Падение крепостного права, начавшееся буржуазное развитие страны почти не затронули общественно-политическую жизнь национальных окраин. Основной политической фон Якутии во второй половине XIX в. составляла политссылка, которая из-за малочисленности не могла компенсировать пассивность якутского общества. В силу слабой политической развитости, малой дифференциации политических сил в Якутии не было признаков какого-либо общественно-политического движения, политических объединений или организаций. В Сибири же в это время оформилось и набирало силу областническое движение, направленное на защиту интересов этого огромного региона, против колониальной политики царского правительства. Сибирь областники рассматривали как особый регион России, способный на самостоятельное существование. Программа сибирского областничества получила широкую поддержку среди местной интеллигенции, началось организационное оформление этого движения, которое надолго определило содержание общественно-политических процессов в Сибири. Однако Якутию областническое движение в этот период не затронуло.

Приобщение представителей якутского народа к общественно-политической жизни началось в городах европейской части России. В 1880-е годы участником российского освободительного движения становится К.Г. Неустроев (1858–1883), первый интеллигент из якутов, получивший высшее образование. Он родился в смешанной семье: отец его был уроженцем Якутии, дед — выходцем из Нижнего Новгорода, поселившимся в Якутской области. Мать — якутка, происходила из знатного рода Гермогеновых из Западно-Кангаласского улуса. Отец К.Г. Неустроева служил в якутском земском и окружном судах. После кончины родителей Константин воспитывался в семье родного дяди А. Гермогенова и получил домашнее образование. Грамоте его учил ссыльный Цимакуридзе. Затем поступил в только что открытую Якутскую классическую прогимназию. В числе лучших учеников Константина направили в Иркутскую мужскую прогимназию,

которую он тоже с успехом окончил в 1877 г. В том же году поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. И здесь Неустроев отлично учился, одновременно уделяя большое внимание самостоятельным исследованиям. В 1881 г. он успешно окончил университет со степенью кандидата естественных наук и с рекомендацией заняться научной деятельностью. Еще в годы учебы Неустроев втянулся в общественно-политическую жизнь, участвовал в студенческих выступлениях, имевших народолюбивую направленность.

К.Г. Неустроев разделял и взгляды областников на развитие Сибири. Как патриот, он возвратился в Сибирь, чтобы принести пользу родине. Как народник, считал себя в неоплатном долгу перед народом и видел свою задачу в том, чтобы просвещать, развивать его. По приезде в Иркутск он работал преподавателем в средних учебных заведениях, создавал кружки самообразования, члены которых издавали свой рукописный журнал «Луч», знакомились с демократической литературой. В один из кружков вошли якутяне Г. Слепцов, И. Бурнашов и Ф. Губкин, активно помогавшие Неустроеву в распространении нелегальной литературы. Г.Н. Слепцов под влиянием Неустроева впоследствии продолжил свое образование и окончил Петербургскую военно-медицинскую академию.

К.Г. Неустроев продолжал поддерживать тесные отношения с редакцией областнической газеты «Сибирь», начал публиковаться сам. В статье «Статистические сведения Якутской области за 1879 год» Неустроев одним из первых якутских интеллигентов поставил вопрос о негативном влиянии уголовной ссылки на местное население и необходимости отмены ее и в этой связи резко критиковал колониальную политику царского правительства. Он, как никто другой, понимал, что для развития края необходимо распространение грамотности, просвещения среди якутов.

Круг общения Неустроева составляла передовая сибирская интеллигенция. Он был близко знаком с иркутскими областниками А.П. Нестеровым и Н.В. Садовниковым, с членами Красного Креста «Народной воли» врачами Л.С. Зисманом и Б.К. Пла-

скицким. В его организацию были вовлечены не только гимназисты, но и учителя, рабочие типографии, сотрудники газеты «Сибирь». Группа Неустроева взаимодействовала с филиалами организации «Народная воля» в Москве, Петербурге, Казани и с заграничным отделением в Цюрихе. В Якутии также существовал филиал Красного Креста (М. Яковлев, П. Ширяев), с которым были установлены самые тесные связи.

В 1882 г. К.Г. Неустроев был арестован по обвинению в социальной пропаганде среди учащихся и незаконных сношениях с государственными преступниками. В ожидании суда он провел год в тюрьме. Затянувшееся следствие, неопределенность исхода дела возбуждающе влияли на общее моральное состояние Неустроева, что вылилось в нанесение «оскорбления действием» генерал-губернатору Восточной Сибири Д. Анучину. По приговору военно-полевого суда К.Г. Неустроев был расстрелян в ноябре 1883 г. Казнь Неустроева вызвала огромный резонанс не только в Сибири, но и во всей России, в революционной среде за границей.

Известие о казни Неустроева дошло и до якутской общественности. Его брату Митрофану Гаврильевичу было переслано предсмертное письмо, содержание которого вскоре стало известно широкому кругу ссыльных и якутской молодежи. Письмо Неустроева несло огромный эмоциональный заряд и было своего рода завещанием молодого революционера, обращенным к товарищам на воле. Он писал: «Братья, простите мои слабости — не всякому дано. Я был простой работник, но не изменил святыне-знамени. И верю ему. Знаю — победоносно водрузится оно! Прости, Родина, цветы, красуйся. Прими эти пожелания от чистого сердца!» [Дьяконова, 2002, с. 30–35]. С этого времени имя Неустроева для якутской интеллигенции стало своего рода символом свободолюбия, долга, преданности идеалам освобождения своего народа.

«Неустроевское дело» и его итоги не имели непосредственного влияния на развитие общественного движения в Якутии, но свидетельствовали о росте политического самосознания и оппозиционных настроений среди некоторой образованной части якутского общества. В.В. Никифоров, П.Н. Сокольников, П.А. и М.А. Афанасьевы, В.Я. Слепцов и др., ставшие впоследствии видными представителями якутской интеллигенции, только начинали в это время свою общественную деятельность.

В 80–90-е годы XIX в. в Якутии происходят качественные и количественные изменения в интеллектуальной среде. Появляется довольно много людей, получивших неплохое домашнее образование, окончивших прогимназию или классическую гимназию, церковные учебные заведения, учительскую семинарию и, наконец, университет. Как правило,

это были представители верхних слоев якутского общества. Они имели возможность сами получить образование и дать образование своим детям, привлекая для этого политических ссыльных.

Начиная с 70-х годов XIX в. в Якутию попадают участники народнического движения — как правило, студенты столичных вузов или лица с высшим образованием, представители интеллигентных профессий — учителя, чиновники, техники и др. В основном это были выходцы из привилегированных слоев общества (дворянских и чиновничьих семей). Таким образом, культурный и образовательный статус политссыльных этого периода был достаточно высоким, и якуты имели возможность контактировать с представителями русской интеллигенции.

Политссыльные по мере возможности занимались просветительской деятельностью. Н.П. Странден, активный член кружка Ишутина, прибыл в Якутию 15 апреля 1872 г. и, попав в Дюпсонский улус, начал обучать местных детей русской грамоте. Любимым учеником у него был В. Никифоров, родителей которого он смог убедить, что их сыну стоит продолжить учебу в Якутске. С 1877 г. Василий Никифоров начал учебу в шестиклассной мужской прогимназии, где познакомился и подружился с Иваном Соловьевым, братьями Петром и Михаилом Афанасьевыми, Прокопием Сокольниковым, с братьями Ильей, Андреем, Федором Поповыми, с Егором Николаевым-младшим, впоследствии составившими костяк национальной интеллигенции. В годы учебы они познакомились с видными представителями якутской политссылки П.И. Войнаральским, М.А. Натансоном, М.Н. Загибаловым, В.Н. Шагановым, Н.С. Тютчевым, Э.К. Пекарским, П.П. Подбельским. Последний помог завершить учебу Василию Никифорову и другим якутским учащимся прогимназии [Николаева, 2016, с. 45].

С политссыльными имел связи и голова Батурусского улуса Егор Дмитриевич Николаев (1856–1888) — яркий представитель первой волны якутской интеллигенции, имя которого еще при жизни стало широко известно не только в Якутии, но и по всей Сибири. Он учился в якутской мужской прогимназии, был письмоводителем в своем улусе, затем был избран старостой Жехсогонского наслега и в этой должности зарекомендовал себя активным общественником. С молодых лет Николаев всерьез стал задумываться над вопросами самоуправления якутов, о возможности их представительства в органах власти. Он был хорошо знаком с историей Якутской степной думы и считал ее деятельность свидетельством позитивного опыта самоуправления. Николаев интересовался работами сибирских областников и безоговорочно поддерживал их идею относительно отмены уголовной ссы-

ки в Сибирь. Он много сам работал над решением насущных проблем якутского общества, часто обращался за советом к друзьям политически важным по вопросам правового характера.

В 1882 г. в связи с празднованием 300-летия завоевания Сибири и предстоящей официальной коронацией императора Александра III началась подготовка депутации от якутских инородцев для поездки на эти торжества. Депутатом от Якутской области был выдвинут Е.Д. Николаев, который не преминул воспользоваться возможностью представить просьбы от имени якутского народа на высоком официальном уровне. В Петербург Е.Д. Николаев поехал в 1883 г. со специально подготовленной официальной запиской, где были обоснованы и сформулированы предложения от имени якутов. Большое участие в подготовке этого документа приняли политически важные В.Н. Шаганов и М.Н. Загибалов. В «Краткой записке о современном положении Якутского края», поданной министру внутренних дел Д.А. Толстому, говорилось о необходимости отмены уголовной ссылки, о предоставлении якутам некоторых прав по управлению областью, о мерах по поддержке развития земледелия и скотоводства среди местного населения. В целом этот документ представлял собой тщательно продуманную аналитическую записку, которая отражала общее мнение национальной интеллигенции. Доминирующей ее идеей была идея самоуправления и либеральных реформ. Характерно, что Николаев резко критиковал существующее общественное управление в Якутском округе, которое было подчинено полицейскому управлению за бюрократизм. Он настаивал на необходимости привлечения самого общества к заботам о своих нуждах и более активного участия народа в вопросах управления. При этом ссылался на уже имевшийся опыт подобного самоуправления — деятельность степной думы [Николаев, 1997, с. 29–33; Дьяконова, 2002, с. 42–45].

Е.Д. Николаев выступал против уголовной ссылки: она самым негативным образом сказывалась на местном населении, которое было обязано содержать ссыльных, обеспечивать жильем, земельными угодьями. Якутский общественный деятель обращал внимание и на нравственную сторону. Он подчеркивал, что под влиянием уголовной ссылки среди якутов растут преступность и другие социальные пороки, и в связи с этим в первую очередь требовал отменить уголовную ссылку в край. Этот пункт входил в круг обязательных требований интеллигенции в тот период. Наконец, Николаев настаивал на необходимости обеспечения якутов землей и защиты от ее самовольных захватов.

В представленной записке, таким образом, были отражены основные требования национальной ин-

теллигенции. Естественно, эти и другие требования при существующем тогда режиме не могли быть удовлетворены. После поездки в Петербург, не получив официального ответа на свое обращение со стороны центральных властей, Николаев вскоре снова выдвинул вопрос о предоставлении самоуправления якутам и о ликвидации ссылки вообще. Новая попытка якутской общественности привлечь внимание властей на положение якутов была связана с визитом в область генерал-губернатора Восточной Сибири Н.П. Игнатьева в 1886 г. Известные общественные деятели, включая Е. Николаева, А. Афанасьева, В. Никифорова, выступили с прежними ходатайствами перед представителями власти. Е.Д. Николаев, отстаивая общую позицию интеллигенции, предлагал уравнивать якутов в правах с другими инородцами (киргизами, бурятами, тунгусами), причисление к которым ссыльных запрещалось законом. Таким образом, идея самоуправления по-прежнему занимала главное место в идейных проектах якутской интеллигенции.

В дальнейшем, будучи уже головой Батурусского улуса, Е.Д. Николаев многое сделал для поддержки политически важных, распространения просвещения, выступал с идеей объединения якутов в земское самоуправление. Несомненно, в этот период Николаев выдвинулся в число ярких лидеров молодой якутской интеллигенции. Имя его стало широко известно общественности Сибири. Деятельность Николаева привлекла, в частности, внимание видного идеолога сибирского областничества Н.М. Ядринцева. Областнический вариант решения «инородческого вопроса» включал идею становления самосознания инородцев, сознательного участия в совершенствовании условий своего существования, появления у них местной интеллигенции. Ставя Николаева в один ряд с такими выдающимися деятелями из числа инородцев, как Д. Банзаров и Ч. Валиханов, Н.М. Ядринцев писал: «...якут Николаев, даровитый представитель якутского племени, заявивший о себе множеством записок и ходатайств о положении якутов... соединял в себе теплую любовь к своему племени вместе с уважением к цивилизации... Именно такие личности больше всего могли бы принести услуги инородческому просвещению и позаботиться о судьбе своей народности» [Ядринцев, 1891, с. 241].

С середины XIX в. якутский язык становится объектом исследования. Прекрасной основой для глубокого изучения языка народа, населявшего обширное пространство на северо-востоке страны, стали материалы, собранные экспедицией А.Ф. Миддендорфа. Специалист по восточным языкам академик АН России О.Н. Бётлингк серьезно заинтересовался экспедиционными материалами Миддендорфа, но ему нужен был человек, говорящий на якутском

языке. И таким человеком оказался А.Я. Уваровский, проживавший в то время в Санкт-Петербурге, который бескорыстно и с удовольствием помог Бётлингку составить словарь якутского языка. Труды О.Н. Бётлингка по якутскому языку и фольклору были написаны на немецком языке и издавались в разное время начиная с 1848 г. Его грамматика полностью была опубликована в 1851 г.

Весьма полезную роль в развитии якутской письменности сыграл алфавит Бётлингка, в основу которого легли буквы русского алфавита, но с добавлением знаков для специфических звуков. В нем получили свое обозначение все фонемы якутского языка, что обеспечило правильную передачу якутских слов на письме. Бётлингк впервые начертал для типографского шрифта буквы якутского алфавита, который применялся вплоть до 20-х годов XX в. На нем было издано первое якутское художественное произведение «Ахтыгы (Воспоминания)» А.Я. Уваровского (1848 г.). Автор «Воспоминаний» придавал огромное значение работе Бётлингка по созданию грамматики якутского языка. В письме на якутском языке, сопровождавшем «Воспоминания», он писал: «От всего сердца желаю, чтобы ты

успешно закончил работу тобою начатую... Якутский язык, ввиду отсутствия письменности на нем, считался мертвым языком. Осталось немного, как ты воскресишь его, осталось немного, как ты получишь похвалу высоких, образованных людей и бесконечную благодарность якутского народа».

В условиях отсталой Якутии кузницей кадров формирующейся местной интеллигенции были средние учебные заведения, в том числе якутская духовная семинария, якутская мужская прогимназия. Они давали хорошую образовательную подготовку благодаря корпусу квалифицированных преподавателей. Окончили прогимназию П.Х. Староватов, Д.Д. Сивцев, В.Г. Монастырев, видные деятели просвещения, учителя, И.Л. Кондаков, профессор, ученый-химик, открывший синтетический каучук, общественный деятель В.В. Никифоров, писатель А.Е. Кулаковский и др.

К концу XIX в. национальная интеллигенция полностью оформляется как особый, достаточно устойчивый слой якутского общества. Этот процесс сопровождался и усилением ее роли во всех сферах общественно-политической и социокультурной жизни населения Якутии.

ГЛАВА 25

ЯКУТСКАЯ ЕПАРХИЯ

К середине XIX в. в высшей инстанции церковного управления Российской империи возникли предложения о возможном переводе Якутского края из состава Иркутской епархии в ведомство камчатских архиереев.

В 1852 г. в состав епархии была включена Якутская область. В епархии действовало 104 церкви, в том числе 43 — в Якутской области, единственный на территории епархии Якутский Спасский мужской монастырь и Чаунский миссионерский стан, служение в которых несли 82 причта. Значительность расстояний вносила дополнительные трудности, и архиепископ Иннокентий отмечал, что «в Камчатской епархии, не исключая и Якутского округа, нет церкви, которая была бы ближе 70 верст от ближайшей церкви».

Одним из средств интеграции населения Якутии в российское православие стала организованная архиепископом Иннокентием деятельность по переводу церковных книг на якутский язык, чтобы сделать основы православия доступными для местных жителей. В г. Якутске был создан комитет по переводу на якутский язык Священного Писания и богослужебных книг. Настаивая на организации деятельности по переводу богослужебных книг на языки коренных народов, архиепископ стремился к

добровольному и сознательному обращению в православие без соблазна какими-либо дарами. Миссионерствуя на острове Уналашка, он отменил существовавшую там практику раздачи подарков крестившимся, предупредил, что длинные службы на чужом языке непонятны, и считал, что основы православной веры нужно разъяснять доступно и кратко и что проповедники должны знать язык своих прихожан.

Комитетом был проделан значительный объем работы, результатом которой стало издание в 1858 г. 11 книг на якутском языке, в их числе: «Священное Евангелие», «Божественная литургия св. Иоанна Златоуста и Требник», «Часослов и Псалтырь» и «Каноник». Помимо этого, были изданы азбука и «Краткая грамматика якутского языка», составленные председателем переводческого Комитета протоиереем Д.В. Хитровым (впоследствии первым епископом Якутским и Вилюйским).

Особенностью Якутии стало наличие большого количества часовен, что объясняется величиной территории епархии и полукочевым и кочевым образом жизни части ее прихожан.

Открытие часовен способствовало успешности миссионерской и затем приходской деятельности. В городах и окружных центрах, имеющих постоян-

ное население, действовали православные приходы со складывающимися традициями приходской православной жизни, часовни же строились преимущественно в отдаленных местностях, и именно они становились для кочующего населения не только религиозными, но и культурно-информационными центрами.

Службы в часовнях проводились нерегулярно, во время приезда священника, и население, учитывая график этих поездок, организовывало свои кочевья в соответствии с визитами иереев. В целом к 1862 г. на территории Якутии действовало 88 часовен, и, кроме того, архиепископом было дано разрешение на строительство 20 церквей.

В 1853–1860 гг. архиепископ Иннокентий проживал в Якутском Спасском мужском монастыре, куда была перенесена архиепископская кафедра, и очевидно, что именно в эти годы происходит более детальное его знакомство с якутской паствой.

Будучи миссионером, архиепископ сосредоточил в Якутском Спасском монастыре управление миссионерской деятельностью обширных регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока, и монастырь в этот период являлся центром духовного управления не только Якутской области, но и всего северо-востока Российской империи. Начинается возрождение экономической составляющей обители, происходит активное строительство храмов.

Для обеспечения кадрового потенциала области в Якутск была переведена Новоархангельская духовная семинария, прибыли учащиеся, ректор, преподаватели. С сентября 1858 г. начались занятия, и в учебный план семинарии был введен якутский язык.

По мнению архиепископа Иннокентия, особое внимание в Якутской области следовало уделять просвещению детей. По его рекомендациям сначала в соборных церквях г. Якутска, а затем и в остальных храмах стали проводиться катехизические поучения для детей. Сложность обучения в условиях Якутии состояла в том, что большинство детей не знали или плохо знали русский язык и проживали в отдаленности от храмов. Для решения первой задачи была опубликована «Священная история для детей», переведенная архиепископом на якутский язык. По второму вопросу предусматривалась совместная деятельность с гражданской властью, состоявшая в выплате с 1861 г. духовенству Якутии ружного содержания за обучение детей, проживающих в их приходах. Приходским иереям рекомендовалось не только обучать детей, но и брать их в свои семьи. Архиепископ полагал, что подобная схема решит проблему транспортной инфраструктуры, так как, проживая в доме учителя, ученик не должен будет ездить за сотни верст в неблагоприятных погодных условиях.

В 1858 г. в Камчатской епархии было открыто два викариатства — Якутское и Новоархангельское. Викарии в качестве помощников епархиальных архиереев должны были взять на себя часть административных обязанностей на местах. Местопребыванием якутского викарного епископа был определен Спасский монастырь, наместником-управляющим которого он становился, получив титул епископа Якутского, викария Камчатской епархии. Административным органом викариатства оставалось духовное правление, располагавшееся на территории Якутского Спасского монастыря.

В истории якутского викариатства насчитывается три викарных епископа — Павел (1860–1866 гг.), Петр (Екатерининский) (1866–1868 гг.) и Дионисий (Хитров) (1868–1870 гг.).

Якутское викариатство состояло из благочиний, количество которых регулировалось в зависимости от потребностей. В 1865 г. действовало шесть благочиний: Градо-Якутских церквей, два для церквей Якутского и Олёкминского округов и по одному для церквей Вилюйского, Верхоянского и Колымского округов.

В условиях Якутии обязательные объезды благочинных и викарных епископов подконтрольной им территории представляли сложность, так же как и путешествия миссионеров. Большую часть времени духовные лица проводили в пути, посещения отдаленных приходов растягивались на несколько месяцев.

Одной из проблем окраинных епархий был дефицит духовных кадров. В 1855 г. благодаря настойчивым предложениям архиепископа Иннокентия был издан указ, разрешивший принимать в духовное звание «из... обитающих в Якутской области, а также из податного состояния причисленных к той же области, без испрашивания разрешения на то Правительствующего Сената; но только по предварительному сношению с местным начальством», положивший начало династической преемственности духовного сословия из якутов.

Указом Синода в 1856 г. разрешалось распределение выпускников и воспитанников духовных семинарий центральных российских губерний на вакантные места в Камчатскую епархию. Епархиальным архиереям (Ярославскому, Рязанскому, Тверскому, Владимирскому и Костромскому) предписывалось направлять семинаристов на служение в Камчатскую епархию, что стало частичным решением хронической проблемы нехватки кадров. Среди вновь прибывших в Якутию были миссионеры и просветители, внесшие вклад в ее историю (Д.В. Хитров, Н.Н. Запольский и др.), но желающих отправиться на длительное служение в суровые и отдаленные места было немного.

Таким образом, в камчатский период истории православия в Якутии был реализован комплекс

мероприятий по различным направлениям деятельности, ускоривший процесс инкорпорации Якутии в российскую государственность в контексте вовлечения ее народов в православие.

С 1870 г. церковно-административное деление Якутской области переходит на новый уровень в связи с созданием самостоятельной Якутской и Вилюйской епархии, образование которой также связано с именем архиепископа Иннокентия.

В 1865 г. им было подано первое представление в Синод об отделении Якутской области от Камчатской епархии. В качестве причин для образования самостоятельной епархии архиепископ указывал на обширность территории области, сложность транспортной схемы и «наличие населения со своим языком». В письме на имя обер-прокурора Синода он отмечал самобытность Якутии, которая «своими местными обычаями и своим бытом нисколько не похожа на соседние (местности. — *И. Ю.*)». Другой причиной, по мнению архиепископа, являлась необходимость введения на территории области духовного судопроизводства, так как «само собой разумеется, что разбирательство и решение таковых дел гораздо более удобнее и скорее может быть на месте в г. Якутске». Архиепископ указывал, что, по духовному законодательству, все основные вопросы управления викарий был обязан согласовывать с епархиальным архиереем, и в связи с отдаленностью от центра епархии ответы на запросы приходили через несколько лет. Кроме того, Вениаминов считал обязательным, чтобы глава духовенства Якутии знал якутский язык и проживал в области, но при этом «не совсем справедливо держать его на викариатстве столько лет (и в такой дали и при неизбежных неудобствах заочных сношений)».

Местопребыванием епископа должен был стать Спасский монастырь. Свято-Троицкий собор после образования епархии получал статус кафедрального с размещением архиерейской кафедры.

В этот период православное население области составляло 234 624 чел., здесь действовало 37 церквей (8 — в г. Якутске, 17 — в Якутском округе, 3 — в Вилюйском, 3 — в Олёкминском, 5 — в Верхоянском и 1 — в Колымском) и 120 часовен, треть из которых можно считать приписными в связи с постоянным проживанием в них причтов. Согласно установленному для Якутского викариатства «штату, в области было определено» 83 священника.

В декабре 1869 г. был подписан императорский указ об образовании с 1870 г. Якутской епархии, утверждены штатные расписания архиерейского дома, Свято-Троицкого кафедрального собора и духовной консистории. Якутская епархия стала 53-й самостоятельной епархией на территории Российской империи.

Первым епископом Якутским и Вилюйским был назначен епископ Якутский, викарий Камчатской епархии Дионисий (Хитров), ученик и соратник Иннокентия (Вениаминова). Более 40 лет священник Хитров занимался миссионерской деятельностью, посещая самые отдаленные местности Якутии. Знаток якутского языка, он возглавил комитет по переводу богослужебных книг, редактировал и контролировал их издание. Составленные им букварь и грамматика якутского языка стали основными учебниками в школах Якутии.

Во время 16-летнего управления Якутской епархией епископом Дионисием получили дальнейшее развитие все направления деятельности: попечительство духовно-учебных заведений о вдовах и сиротах, открытие новых приходов, строительство храмов и др. Предпринимая продолжительные путешествия, епископ посетил все приходы своей безграничной епархии.

Сначала территория Якутской епархии была неизмерима с областными границами. С середины 1860-х годов, после начала разработок золотых приисков Иркутской губернии, стали возводиться храмы для приисковых рабочих, причисленных к Якутской епархии. В 1897 г., после образования Владивостокской епархии, Камчатская епархия получила название Благовещенской (по имени епархиального города), и Охотский округ Приморской области в церковно-административном отношении стал частью Якутской епархии, следовательно, границы ее расширились.

С появлением отдельного административно-территориального округа церковного управления были созданы органы епархиального управления — архиерейский дом и духовная консистория. Архиерейский дом представлял собой резиденцию епископа и его помощников, и его задачи состояли в обеспечении деятельности владыки, подготовке его поездок и деловой переписке. В 1904 г. архиерейский дом был соединен с Якутским Спасским мужским монастырем.

Очевидно, что эффективность духовного управления во многом зависела от деятельности епархиального архиерея. Личность архиерея определяла отношение к духовному ведомству в целом, и каждый из якутских епископов внес свой вклад в утверждение православия на якутской земле.

Наиболее длительным было служение епископа Дионисия (1870—1883 гг.), первого епархиального архиерея Якутии, заложившего основы епархиального управления. По два года пребывали на якутской кафедре епископы Никодим (Преображенский), Евфимий (Лапин) и Софроний (Арефьев). Все якутские архиереи происходили из духовного сословия, трое из них были уроженцами Сибири — Тобольской и Томской губерний. Все (кроме

епископа Дионисия) имели академическое образование, двое — степень магистра богословия (епископы Иаков и Иннокентий), пятеро — кандидата богословия.

Органами епархиального управления, подчиненными духовной консистории, являлись благочиния. После образования самостоятельной епархии количество благочиннических округов было увеличено до семи. В 1899 г. количество благочиний в епархии возросло до 21 на 108 приходов, т.е. на одно благочиние приходилось в среднем по пять церквей.

В конце XIX — начале XX в. отмечаются интенсивное церковное строительство и освящение часовен в церковь. И если в 1870 г. действовало 37 церквей, то в 1884 г. — уже 78, а в 1919 г., в последний год деятельности епархии, она контролировала 134 церкви. Особого внимания заслуживает факт открытия в 1883 г. 36 новых приходов, так как единовременное учреждение значительного количества приходов в отдаленной епархии требовало длительной подготовки, в том числе финансового обеспечения причтов (как жалованьем, так и ругой), строительства домов для их проживания, выделения земельных участков, проведения выборов церковного старосты и т.д. В отчете епархиального архиерея отмечалось: «...некоторые якуты по личным видам прежде показали себя страшными противниками... но теперь, когда узнали о высочайшем разрешении... сами первые хлопочут о приведении к окончанию построек по церкви и устройству домов, опасаясь, как бы от медлительности вновь открытые штаты не были переведены в другой приход».

Специфика Якутии обусловила особую роль Русской православной церкви в процессе инкорпорации якутской окраины в имперское пространство, и условия проживания на Крайнем Севере нивелировали средства, используемые государством на сибирских просторах для вовлечения местного населения в империю.

Представители городского духовенства входили в ряды местной интеллигенции, принимали активное участие во всех мероприятиях, являясь наиболее образованной частью якутского общества. Сельское духовенство Якутии (миссионеры и приходские причты) в полном объеме выполняли интегративные функции, так как именно священно- и церковнослужители в улусах и наслегах были единственными представителями Российского государства. Миссионерские путешествия и объезды причтами своей паствы обеспечивали регулярные контакты духовных особ с населением, расширяли и дополняли круг его обязанностей. Священнослужители являлись культурными агентами, исполняя православные обряды, информируя прихожан о событиях в стране и мире, разбирая их споры и тяжбы, оказывая сильную медицинскую помощь и др. Немногочис-

ленное духовенство Якутии влияло на нравственный уровень населения, вовлекая его в христианскую и в целом российскую цивилизацию.

Продолжалась активизация миссионерской работы. В 1840 г. епископом Иннокентием (Вениаминовым) была составлена инструкция, получившая известность как «Наставление священнику, назначаемому для обращения иноверных и руководствования обращенных в христианскую веру», рекомендованная Синодом для всех миссий и миссионеров Русской православной церкви. В инструкции, ставшей основой миссионерской деятельности на восточных рубежах империи, отмечалась важность личных качеств священников-миссионеров, описывались характерные особенности восприятия христианства местным населением и давались практические советы в общении с язычниками. Кроме того, рассматривались вопросы разъяснения христианских заповедей, отношений между миссионерами и паствой, местным светским начальством и теми, кто сопротивлялся крещению, а также правила по устройству миссионерских дел. Основой миссионерской деятельности православного духовенства должны были быть доброжелательность и ненасильственное распространение знаний.

Указом Синода в 1844 г. были созданы две походные церкви: Николаевская и Благовещенская, резиденцией которых был избран г. Якутск. Причты церковью распределили отдаленные наслеги, и их обязанностью стало приобщение населения к православию. Священникам Николаевской походной церкви поручался ежегодный объезд северо-восточных районов области, иереям Благовещенской церкви — территорий вниз по р. Лене к Жиганску и далее по р. Оленёк к кочевьям ламутов (эвенков). Штат каждого храма состоял из двух священников, и уже в первые пять лет они совершили миссионерские поездки: Николаевская церковь — на 9130 верст, Благовещенская — на 7400 верст.

Заключительным этапом организации миссионерской деятельности в Якутии явилось создание миссий. В начале 1850-х годов была создана Чаунская миссия, целью которой являлась христианизация кочующих чукчей. В 1889 г. миссия, как структура уже самостоятельной Якутской епархии, была разделена на три миссионерских стана: Чаунский, Сен-Кельский и Эломбальский.

В 1865 г. в Санкт-Петербурге было создано Православное миссионерское общество, деятельность которого распространялась на все русские миссии (за исключением Кавказа, где действовало Общество восстановления православного христианства).

В Якутске отделение миссионерского общества было создано после учреждения самостоятельной епархии, в 1870 г., под председательством епар-

хиального архиерея. Во главе общества находился Комитет в составе председателя (епископ), товарища председателя (губернатор) и восьми членов правления (священнослужители, директор прогимназии, медицинский инспектор). Членами общества могли стать все согласные с его целями и обязанности вносить членские взносы. В состав Комитета входило 89 членов, из них 26 — пожизненных, 63 — действительных. Комитет ежегодно предоставлял отчет о деятельности в Православный миссионерский совет.

В начале XX в. приходское духовенство Якутии включало 281 священно- и церковнослужителя (без учета семей). Возрастной состав духовенства можно назвать перспективным, так как почти 60 % из них были в возрасте 30–50 лет, что свидетельствует о значительном потенциале духовного ведомства. Больше всего в среде белого духовенства было священников — 46,1 % и псаломщиков — 41,6 %. Средний срок службы священника на одном месте составлял 8–10 лет, псаломщика — 5 лет.

Доля духовенства в Якутии в общей численности православного населения области, зафиксированной по итогам первой Всеобщей переписи населения Российской империи (1897 г.), — 264 565 душ, составляла 0,1 %. Несмотря на столь малое количество и разбросанность по огромной территории епархии, оно тем не менее оказывало влияние на духовный уровень местного населения. Особенно это относится к г. Якутску и окружным центрам области, выступавшим в роли культурных центров. В отдаленных наслегх церковь сама являлась информационно-культурным центром, священник нередко был самым образованным человеком, выполнявшим обязанности не только духовного наставника своей паствы, но и писаря, учителя, врача, третейского судьи и т.д. Духовенство принимало участие во всех значительных мероприятиях, проводимых в Якутии, и его роль в жизни области становилась все более очевидной.

С деятельностью Православной церкви связана история оспопрививания. Так, иркутский архиерей Михаил (Миткевич)³⁸ еще во второй половине XVIII в. проповедовал пользу прививок от оспы и необходимость разведения картофеля в Восточной Сибири. Затем, после безуспешных попыток светской власти привить население, император Николай I обратился за помощью к Церкви, и указом 1830 г. было предписано обязательное (не менее трех раз в год) прочтение в храмах поучения о пользе

прививки, в 1839 г. священнослужители получили право контроля оспопрививания. В 1866–1868 гг. духовенство Якутской области добровольно, в качестве опыта, в связи с недостаточностью медицинских кадров приняло на себя обязанности по оспопрививанию прихожан. Священник Сунтарской церкви В. Попов во время оспенной эпидемии привил оспу более чем полутора тысячам прихожан. Впоследствии церковные причты Якутии отказались от этой практики, так как она отвлекала их от основных обязанностей, но во время поездок по приходам священнослужители проводили разъяснительную работу и ежегодно доставляли в оспенные комитеты сведения о численности привитых детей.

Еще одной формой социальной работы духовенства стала организация помощи больным проказой, связанная с именем якутского епископа Мелетия (Якимова). Во время объездов епархии епископ неоднократно встречался с больными, о них сообщали и походные священники. Якуты относились к проказе не только как к заразному заболеванию, но как к проклятью, и заболевших изгоняли из общества, обрекая на голодную смерть. В 1860 г. в Вилюйском округе была открыта колония для прокаженных, затем, в 1877–1878 гг., прокаженным оказывали помощь в Вилюйской больнице, но из-за отсутствия средств и колония, и больница прекратили свою деятельность. После публикации статьи епископа о проказе на его обращение откликнулась английская сестра милосердия Кэт Марсдэн. На пути в далекую Якутию ей удалось привлечь внимание общественности к прокаженным Якутии, был организован сбор средств и встречи с монаршими особами. Статьи епископа Мелетия и деятельность К. Марсдэн вызвали сочувствие в русском обществе, и обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев начал сбор пожертвований.

В 1891 г. в г. Якутске был создан Комитет помощи прокаженным. На собранные средства была построена колония, возведен храм с отдельным причтом, церковная утварь которого была приобретена на пожертвования, собранные жителями Москвы и Иркутска. На территории колонии находилась Лазаревская усыпальница, построенная купцом-меценатом И.Н. Харитоновым, при церкви действовали библиотека и школа грамоты. По настоятельным требованиям епископа Мелетия была открыта вторая колония в Колымске, попечительство о которой осуществляли прихожане Средне-Колымского собора. Таким образом, Якутская епархия организовала и курировала деятельность по оказанию помощи прокаженным.

Социальная деятельность Русской православной церкви находила отражение в благотворительности, имеющей различные формы: милостыня, просветительская деятельность, выдача ссуд, сена,

³⁸ Михаил (Матвей Миткевич) (1720–1789), выпускник Киево-Могилянской академии, с 1758 г. — ректор Тобольской духовной семинарии. В 1772–1778 гг. — епископ Иркутский и Нерчинский. Инициатор открытия в Иркутске духовной семинарии.

хлеба и т.д. Одним из основных направлений благотворительности местных меценатов стало строительство и обустройство храмов. Купцом второй гильдии И.Я. Шиловым II были переданы крупные суммы на строительство Градо-Якутской Николаевской церкви, в Спаский монастырь, Охотскую и Гижигинские церкви. Тунгусом С. Соломоновым была построена часовня, снабженная всей необходимой церковной утварью. После пожара в духовной семинарии в 1870 г. купец М.Н. Барамыгин оказал помощь учащимся. Купец Ф.И. Лепчиков пожертвовал свой дом для приходского училища. Купец П.И. Захаров передал свой дом в г. Якутске женской гимназии, став ее попечителем, выделял средства для приобретения мебели и учебников. Храмы и церковные школы Олёкминского округа поддерживались благотворительностью купца С.И. Идельгина.

В 1864 г. императором было утверждено «Положение о приходских попечительствах при православных церквях», ставшее основой создания приходских благотворительных учреждений. В Якутской епархии приходские попечительства начали создаваться с 1880-х годов в составе непременных (постоянных) и выборных членов, где первыми были члены причта и церковный староста, а выборные избирались из наиболее уважаемых прихожан. Приоритетным направлением деятельности приходских попечительств стало «обустройство» обучения детей, и содержание церковно-приходских школ и школ грамоты во многом зависело от средств, собранных попечительствами.

Таким образом, главной задачей Церкви на окраинных территориях было привнесение православных традиций. Формы и методы взаимодействия церковных институтов с институтами государственной власти в регионе определяли и направление развития самой церкви. Начинается постепенная инкорпорация территории края в российскую государственность, связанная с созданием органа духовного управления, упорядочением миссионерства, формированием приходской организации.

Главной целью походных церквей и православных миссий являлась просветительская деятельность, направленная на привлечение приверженцев иных верований в лоно православия, соединенная с разьяснением основ христианского вероучения и цивилизационных начал русской культуры.

Образование епархии и возникновение системы епархиальных органов и учреждений способствовали расширению церковной деятельности. Территориально Якутская епархия (1870–1919 гг.) была самой большой в Восточной Сибири. Органы и учреждения Церкви обеспечивали проведение государственной политики, содействовали разрешению социальных конфликтов, вносили существенный вклад в экономическое и культурное развитие. К началу XX в. в области действовала разветвленная структура духовного ведомства: консистория, благочиния, попечительство, ревизионный комитет, комитет миссионерского общества, церковно-миссионерское Братство Христа, училищный совет, училища, семинария, духовные школы, отдел Палестинского общества, духовные комиссии, редакция журнала «Якутские епархиальные ведомости», свечной и книжные склады. Духовенство взаимодействовало с органами управления Якутской области, участвовало в работе различных комиссий и комитетов, проведении медицинских мероприятий, предоставляло светским органам и учреждениям данные о численности населения и его состоянии.

Очевидно, что именно мероприятия Православной церкви на далекой якутской окраине стали одним из основных элементов государственной политики, способствовавшей включению арктической цивилизации народов Якутии в состав Российского государства. Поэтому представляется неоправданной интерпретация деятельности Церкви исключительно как участника государственной колонизации. Нельзя не отметить культурно-просветительское, социальное и другие направления ее работы, результатами которой стало появление культурообразующих учреждений (школ, газет, библиотек) и зарождение национальной интеллигенции.

ГЛАВА 26

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ

Вторая половина XIX столетия характеризовалась непрерывным процессом развития общегражданской культуры в империи, что сказывалось на духовной и материальной культуре местного населения Якутии. Реформы 60–70-х годов XIX в. затронули повседневный быт русских крестьян-старожилов, якутов, народов Севера, живших еще во многом в условиях традиционного общества. Эле-

менты гражданского общества (государственно-правового сознания, идей общественного самоуправления, демократизации семейного строя, грамотности), товары, произведенные промышленным способом (одежда и предметы повседневного обихода), стали проникать в глухие наследи, о чем говорилось в предыдущих разделах. Постепенно происходит дифференциация сфер культуры: письменность, лите-

ратура, народное здравоохранение и образование, досуг (музыка, театр, музеи). Первые две только формировались как элементы культуры местного сообщества: небольшое количество грамотных людей (чиновники, духовенство, военные) держали частные библиотеки, выписывали из центра периодические издания; имели место отдельные опыты публикации представителями якутской общественности статей в сибирской и российской печати; зарождалось письменное слово в форме первой типографии при областном правлении, первых печатных органов последнего, а также духовного ведомства. В других же сферах уже были достигнуты немалые успехи.

26.1. ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

В XVIII–XIX вв. у якутов были известны такие заболевания, как натуральная оспа, проказа, некоторые глазные болезни, болезни органов пищеварения, гнойная инфекция, нервные и «душевные» заболевания, детские инфекции и др. В связи с увеличением ссыльных и каторжников появились и новые виды болезней — сифилис, холера и чума. Случались большие эпидемии оспы, свирепствовала чохотка. Всему этому силами единичных лекарей противостоять было невозможно.

При ведомстве Иркутского приказа общественно-го призрения в 1843 г. в Якутске была открыта первая гражданская больница на 40 коек. Персонал, состоявший всего из 8 чел., за первый же год работы сумел пролечить 846 чел. В отчете губернатора за 1868 г. написано, что «пользовано больных за год 4097 человек». В больничной карте Якутской гражданской больницы 1890 г. отмечено: «...больница на 60 кроватей мужских и 20 кроватей женских, а всего 80 кроватей с амбулаторным приемом...» На службе в больнице в 1890 г. состояли: 1 старший врач, 1 смотритель, 4 фельдшера, 17 сестер милосердия [Петров, Ягья, 1972, с. 46].

Присвоение статуса городского поселения центрам округов Якутии предусматривало создание в них кроме административно-полицейских учреждений первых медицинских лечебниц, куда могли обратиться за своевременной медицинской помощью представители не только городского, но и сельского населения. Однако организация в окружных городах постоянно действующих лечебниц требовала определенных расходов, которые в бюджете Якутского областного управления не были предусмотрены, поскольку вопросы финансирования решались в Иркутском общественном призрении, в ведении которого находились все медицинские учреждения не только Иркутской губернии, но и Якутской области. Ограниченная система финансирования медицинской части Якутской области привела к тому,

что до середины XIX в. в окружных городах Якутии не были учреждены лечебницы. Сенатор И.Н. Толстой, по особому повелению царя проводивший в 1844 г. ревизию деятельности органов управления губерний и областей Восточной Сибири, сообщил в своем отчете Сенату об отсутствии в окружных городах Якутской области постоянно действующих больниц. В связи с выявленным недостатком деятельности иркутских чиновников в области здравоохранения департамент исполнительной полиции МВД сделал запрос в канцелярию иркутского гражданского губернатора. В ответ было сообщено, что исправляющий должность якутского архитектора подпоручик Пантелеев в 1843 г. занимался вопросами строительства гражданской больницы, в ходе которого допустил некоторые конструктивные ошибки, хотя больница в Якутске была построена и принята в эксплуатацию [РГИА. Ф. 1341. Оп. 59. Д. 1244. Л. 12].

Тем временем население области, в основном сельское, страдало от различных заболеваний, распространение некоторых иногда принимало угрожающие размеры. Губернатор Якутской области Ю.И. Штубендорф в своих отчетах иркутскому генерал-губернатору писал о бедственном положении якутского и тунгусского населения, среди которого заболеваемость венерическими болезнями поражала наиболее трудоспособную часть населения, платившую в Кабинет его императорского величества (е.и.в.) ясак в виде ценной пушнины. Совет Главного управления Восточной Сибири (ГУВС) 14 марта 1863 г. рассмотрел отношение по этому вопросу исполняющего должность губернатора статского советника Н.Ф. Скрыбина с приложенной «Ведомостью о числе инородцев, одержимых сифилитической болезнью и другими недугами». Скрыбин представил также ходатайство на ежегодное выделение не менее 3 тыс. руб. на лечение больных. Председательствующий в Совете ГУВС генерал-лейтенант Жуковский, согласившись с мнением Скрыбина, направил его отношение с ходатайством председателю Кабинета е.и.в., куда поступал ясак, собираемый с коренных народов Якутии со времен присоединения ее к России. Распространение венерических и иных болезней среди коренного населения в конечном счете отрицательно сказалось на уровне собираемого ясака, что вызвало беспокойство вышестоящих чиновников, и они разработали проект мер, направленных на создание сети медицинских учреждений в окружных городах Якутии. 20 октября 1863 г. министр двора е.и.в. «имел счастье» быть на приеме у царя. Он сделал доклад о состоянии здравоохранения в Якутской области и представил проект «облегчения участи больных якутов». Александр II, приняв во внимание, что значительное количество мужчин коренного насе-

ления области, платящих ясак Кабинету и 44-копечный подушный налог в государственный доход, были подвержены самым разным эпидемиям, распорядился отпустить по 3 тыс. руб. ежегодно. Эта сумма складывалась таким образом: 1500 руб. должны были выделить из ясачного сбора в пользу императора, а вторую половину — из той части государственного дохода, которая поступала из Якутской области. Вышеозначенная сумма передавалась в распоряжение якутского губернатора, которого обязывали следить «за правильным расходом этих денег, иметь строгое наблюдение и предоставлять ежегодный отчет Кабинету с.и.в.» с тем, чтобы эта сумма корректировалась в зависимости от количества больных и «уменьшалась до прекращения болезни и тем самым прекратить ассигнование» [НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 1610. Л. 27–28].

Губернатор Ю.И. Штубендорф, затем исполняющий должность губернатора Н.Ф. Скрябин для подготовки медицинских кадров направили несколько молодых якутов в Казань, чтобы они там получили необходимые познания в медицине. «Иностранческие дети» Гавриил Кирикович Иванов и Егор Прокопьевич Павлов прошли необходимый «курс наук» в Казанской фельдшерской школе на средства фонда частных земских повинностей области. 6 июня 1863 г., «выдержав публичный экзамен», со званием фельдшеров они вернулись в Якутск. По требованиям «Положения об окружных сельских врачах в Восточной Сибири» они пробыли в Якутской гражданской больнице один год, где у них были практические занятия. Затем в качестве лекарьских учеников Е. Павлов и Г. Иванов были назначены — первый — в Вилюйск, второй — в Верхоянск — «надзирателями» открытых там лечебниц с жалованием по 120 руб. в год. Еще раньше Казанскую фельдшерскую школу со званием лекарьского ученика окончил уроженец Мегинского улуса Прокопий Филиппович Порядин, посвятивший свою жизнь здравоохранению в Вилюйском округе. В свободное от работы время он успешно занимался составлением первого якутско-русского словаря [НА РС (Я). Ф. 23-и. Оп. 1. Д. 1156. Л. 1; Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 1616«а». Л. 20–22].

В окружных городах Якутии стали открывать так называемые сифилитические лечебницы. На содержание Вилюйской городской лечебницы в 1866 г. были отпущены 250 руб. Вилюйский земский исправник ежемесячно отчитывался перед якутским губернатором о состоянии лечебного дела во вверенном ему округе. При этом он жаловался на то, что ассигнования на содержание заведения и лечение больных «совершенно не соответствовали той цели, для чего была учреждена лечебница». Хлеб и чай стоили слишком дорого, не хватало денег на прочие продукты и нижнее белье. В довершение

всего в лечебнице не отапливалась кухня, отсутствовал обслуживающий персонал. Исправник сообщал, что в городе имеется лишь один лекарьский ученик, который в большинстве случаев занят решением хозяйственных вопросов лечебницы. Поэтому он просил определить в ближайшее время нового медицинского врача. Единственным лекарьским учеником в Вилюйске служил выпускник Казанской фельдшерской школы 1861 г. П.Ф. Порядин, как мы выше говорили, один из первых якутов, получивших медицинское образование средней ступени.

Еще до учреждения «сифилитической лечебницы» в Вилюйске в местности Лачама Средневилюйского улуса была устроена «лечебница для прокаженных». С 1861 г. лекарем там работал исполнявший должность Вилюйского окружного врача П. Краснов, связавший лечение больных с физическим трудом. Пациенты с удовольствием работали в огороде, осенью собрали с десяти грядок урожай капусты, с трех грядок — моркови, репы, свеклы и редьки. Огурцы не прижились «по причине сильных весенних утренников». Успешный опыт огородничества поднимал дух больных и давал им надежду на будущее. В сентябре 1861 г. окружной исправник для фельдшерских занятий прислал в Средневилюйскую лечебницу казачий детей Г. Кондакова и Г. Попова, которые в скором времени научились читать на латыни, разбирать латинские названия лекарств, составлять простейшие рецепты, делать перевязки, ставить горчичники, готовить настои, мази и порошки. Своим усердием они заслужили добрые отзывы больных и лекаря.

Лекарь П. Краснов установил деловые отношения с местными торговцами, часть которых добровольно вносила пожертвования в пользу больных. Например, купец Капустин закупил для лечебницы 62 наименования лекарств, ножницы, фарфоровые ступки, склянки, банки, бутылочки, мензурку, аптекарские весы, хрустальную воронку, тонкий холст, ветошь и др. С открытием в Вилюйске «сифилитической лечебницы» Средневилюйская лечебница была закрыта, и все принадлежавшее ей имущество с лекарствами было передано первой [НА РС (Я). Ф. 306-и. Оп. 1. Д. 422. Л. 1–16].

В 1860–1890-е годы в Якутске работали врачи И.М. Петухов, А.М. Бриллиантов, М.Ф. Архангельский и др., своим неутомимым трудом зарекомендовавшие себя как лучшие представители русского народа, пользовавшиеся большой известностью и уважением якутян. В середине XIX в. большую работу в Якутской области провели русские врачи Неопалимовский и Петухов, прослужившие много лет в должности областных медицинских инспекторов. Ими были созданы областной и окружные оспенные комитеты, возглавившие героическое единоборство горсточки врачей с эпидемией оспы.

При них в центрах округов — Олёкминске, Верхоянске, Вилюйске и Среднеколымске — были построены четыре небольшие больницы по семь мест каждая, получившие название окружных. По их же инициативе в отдаленных селениях были созданы больничные юрты [Николаев, 2005, с. 97]. Создание сети медицинских учреждений в окружных городах было завершено в 70-е годы XIX в. В 1884 г. на поправку и ремонт дома, пожертвованного иркутским купцом Громым под верхоянскую лечебницу, областное правление направило 397 руб., а на постройку здания колымской лечебницы по сметной стоимости отпустило 2093 руб. [Обзор..., 1888, с. 45].

Врач-общественник Бриллиантов, начавший свою службу в 1859 г. в Верхоянском округе, за 30 лет провел большую лечебно-оздоровительную работу среди местного населения. В 1880 г. без единого смертельного исхода добился ликвидации вспышки эпидемии кори, охватившей $\frac{1}{5}$ часть Верхоянска. Он исполнял также роль ветеринарного врача, успешно боролся с эпизоотией сибирской язвы. Во всем ему активно помогал местный купец С. Горохов, пожертвовавший вновь построенную юрту для помещения больных. Деятельным помощником Бриллиантова при ликвидации кори был сыльный врач Я. Белый, вынесший в 1882 г. целиком на своих плечах тяжелую борьбу с эпидемией оспы.

Кроме упомянутых больниц, содержащихся за счет казны, имелись 23 больницы на 283 койки на приисках Олёкминской и Витимской систем. В больницах области за 1884 г. получили необходимую медицинскую помощь 4249 чел. Из них 4109 чел. выздоровело, а 53 умерло. Частная практика медиков охватила 2273 чел., из них выздоровело 1870, умерло 267 [Обзор..., 1885, с. 49, 51].

В области была одна казенная аптека при Якутской гражданской больнице ведомства Приказа общественного призрения, при ней состоял провизор. В окружных городах при лечебницах имелись аптеки, заведование которыми было возложено на фельдшеров под наблюдением врачей.

В конце XIX в. лечение гражданских лиц, как и везде, было платным, составляя 9 руб. в месяц с каждого. Доход больницы складывался из собственных поступлений якутской больницы (плата за лечение, продажа медикаментов из аптеки), из средств, выделяемых Иркутским приказом общественного призрения, и пособия от фонда земских сборов.

29 мая 1897 г. был введен закон о преобразовании сельской медицины в Иркутском генерал-губернаторстве. В соответствии с этим законом в Якутии предусматривалось образование 10 сельских врачебных участков, которые делились по округам согласно численности населения: в Якутском — 5, Вилюй-

ском — 2, в остальных округах по 1 врачебному участку. Каждый из них имел стационар на 5–10 кроватей, амбулаторию и аптеку [ПСЗРИ, собр. 3, т. 17, № 14188]. Финансирование якутской гражданской больницы осуществлялось Иркутским приказом общественного призрения. В конце XIX в. больница со всем принадлежавшим ей имуществом была безвозмездно передана в ведение Якутского областного правления. С начала XX в. в Якутии стала создаваться новая сеть медицинского обслуживания населения. В 1903 г. здесь имелось 7 больниц, 10 фельдшерских пунктов, в которых работали 17 врачей. К 1913 г. количество больных, пользовавшихся медицинской помощью, достигло уже 80 тыс. чел., или почти $\frac{1}{3}$ населения.

Благодаря энергичной деятельности областного медицинского инспектора В.А. Вонгородского, в 1898 г. в Якутске открылась бесплатная лечебница Красного Креста. За 1900 г. в ней были обслужены 7050 больных. Здесь впервые прошли научные чтения. Виталий Антонович Вонгородский был одним из самых деятельных врачей дореволюционной Якутии и оставил о себе добрую память как врач и организатор здравоохранения. В 1897 г. он добился созыва I съезда медицинских работников Якутской области и руководил его работой. Ему принадлежит заслуга организации Общества врачей Якутской области. В обеспечении средним кадровым персоналом медицинских учреждений большую роль сыграла якутская фельдшерская школа, открывшаяся в 1906 г. по инициативе В.А. Вонгородского [Чемезов, 1956, с. 48, 55; Николаев, 2005, с. 94].

Среди тех, кто в XIX — начале XX в. бескорыстно помогал коренным жителям края справиться с различными болезнями, были политические ссыльные — Э.А. Абрамович, Д.А. Юрасов, А.А. Сипович, В.Н. Катин-Ярцев, С.И. Мицкевич, Г.К. Орджоникидзе и др., снискавшие глубокое уважение местного населения своей подвижнической деятельностью в деле оказания своевременной медицинской помощи. В 1922 г. благодарные горожане назвали одну из улиц города в честь политссыльного и общественного деятеля М.В. Сабунаева, прослужившего до конца своей жизни врачом в Якутске.

Отдельно хочется сказать о тяжелых социально-бытовых условиях медиков в царское время. Специфические условия отдаленного уголка России, отсутствие дорог и транспортных средств, суровый климат делали жизнь и работу врача настолько тяжелой, что сюда соглашались ехать единицы. К примеру, назначенные на должность верхоянского окружного врача лекарь Дучинский и ветеринарный врач Штанге отказались ехать в область сразу после своего назначения, что вызвало новую волну переписки по поводу набора недостающего медицинского персонала [Обзор..., 1888, с. 59].

Сельские врачи и фельдшеры, терпя невзгоды, преодолевая трудности, добирались в отдаленные наслеги, чтобы оказать необходимую медицинскую помощь. Здесь следует выделить гуманитарную миссию сестры милосердия из Англии Кэт Марсен (Kate Marsden, 1859–1931). Ее легендарное путешествие на санях и верхом на лошади в Якутскую область и в Вилюйский округ через всю Сибирь и обратно, начавшееся в феврале 1891 г., закончилось в декабре того же года. За это время отважная британская сестра милосердия, заручившись поддержкой влиятельных представительниц царского двора, доехала до Вилюйского округа и посетила самые труднодоступные места в глухой тайге в поисках больных проказой, составила список прокаженных, на месте добилась у местных властей оказания им необходимой помощи. На обратном пути организовала сбор пожертвований путем создания в Якутске, Иркутске и даже в Лондоне фонда помощи прокаженным. Собранные средства она направляла в Якутск на строительство корпусов лечебницы для прокаженных и православной церкви в Вилюйске. Вблизи г. Вилюйска в сосновом бору был основан выселок с лечебницей, и в 1894 г. построен храм во имя св. Пантелеймона. Имя Кэт Марсен у вилюйчан было связано с образом спасителя, проявившего сердечное участие в горькой судьбе больных проказой [Васильева, 2019, с. 121–122].

Численность медицинских кадров постепенно стала увеличиваться, появились медики с высшим образованием из числа уроженцев Якутии. Саха из Западно-Кангаласского улуса Георгий Николаевич Слепцов в 1881 г. окончил Санкт-Петербургскую императорскую военно-медицинскую академию. Прокопий Нестерович Сокольников, уроженец 3-го Жехсогонского наслега Батурусского улуса, в 1896 г. завершил учебу на медицинском факультете Московского университета. В декабре 1898 г. он был назначен на должность врача 4-го участка, обслуживающего население Батурусского, Таттинского и Амгинского улусов Якутского округа [Николаев, 2018, с. 19, 59]. В последующие годы удостоенные звания врача И.Н. Скрыбин, С.Г. Потапов и др. самоотверженно работали на отдаленных медицинских участках. Всю свою жизнь они посвятили медицине, борьбе с эпидемическими заболеваниями и организации новой сети здравоохранения в годы советской власти.

26.2. ОБРАЗОВАНИЕ

Реформы народного образования 60-х годов XIX в. явились составной частью широких социально-экономических, административных, военных, судебных и других преобразований, осуществленных при

Александре II, и обозначили переломный момент в истории российской школы. По «Положению начальных училищ», принятому в 1864 г., начальное образование имело цель «утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные знания». Начальные школы объявлялись общедоступными и бессловесными.

В Якутской области довольно разветвленная сеть школ возникла только на территории Якутского округа. В Колымском округе в этот период школ не существовало. В Олёкминском, Вилюйском и Верхоянском сельских округах открылись и действовали только по одной школе: Сунтарская, Кылахская и Усть-Янская соответственно.

В 1870 г. Министерство народного просвещения распорядилось подчинить начальные училища Якутской области инспектору Якутской прогимназии, что позволило передать контроль над учебными заведениями светским властям. С июля 1900 г. для надзора за деятельностью начальных училищ Министерства народного просвещения была учреждена должность инспектора народных училищ Якутской области. Первым инспектором стал Сергей Осипович Огородников, инспектор Иркутской гимназии, человек во всех отношениях компетентный, выпускник Казанского учительского института [НА РС (Я). Ф. 288-и. Оп. 1. Д. 48. Л. 129; Федоров, 2002, с. 245].

В открытии школ в области принимали участие Якутское епархиальное ведомство и Министерство народного просвещения. Однако губернатор В.З. Колленко, представлявший интересы гражданского образования, выступил против открытия светских школ в сельской местности. Он считал, что «инородцы» должны получать только церковное образование и государство не должно тратить на содержание народных училищ. Поэтому во второй половине XIX — начале XX в. количественное соотношение народных училищ и церковно-приходских школ постоянно менялось. В улусных школах дети, собранные из всех наслегов улуса, учились русскому языку, грамматике, арифметике и закону Божьему. Училище в основном давало четыре ступени образования, как это было принято тогда: первая ступень — начальная грамота, вторая — псалтырь, третья — умение снимать копии и четвертая — умение составлять контракты, что неграмотные якуты считали главным мерилом образованности своих детей. В 1878 г. в области уже насчитывалось 29 учебных заведений, в которых обучался 731 учащийся.

Городские образовательные учреждения. В 1853 г. в области было только пять учебных заведений, все они находились в Якутске, три из них были гражданскими и два — по линии духовного ведомства.

В 1844 г. проводивший ревизию дел в городах Якутской области сенатор И. Толстой писал в отчете Правительствующему сенату, что казаки Олёкминска и Вилюйска из-за отсутствия школы начинают забывать свой родной язык. В связи с удручающим положением с образованием в городах области Министерство народного просвещения вменило в обязанность губернаторам учредить новые школы. Первый губернатор Якутской области К.Н. Григорьев за четыре года своей деятельности (1852–1856 гг.) содействовал открытию четырех начальных учебных заведений. Так, были учреждены приходские училища в Якутске, Вилюйске и Среднеколымске. Открытые в двух последних городах — в 1855 г. в Вилюйске, а затем в Олёкминске — приходские училища Министерства народного просвещения местные по привычке называли казачьими школами.

Из-за отсутствия средних специализированных учебных заведений губернатор Ю.И. Штубендорф, затем управляющий областью Н.Ф. Скрябин направляли на учебу в Казань выпускников уездного училища, которые проходили учебу как пансионеры, т.е. на средства частной земской повинности области. В 1861 г. на Якутской сельскохозяйственной ферме работали пять человек, окончивших курс в Казанской школе земледельческих работ. В начале 60-х годов в ветеринарной школе Казани учились несколько якутов, перешедших затем в фельдшерскую школу. Удостоенные звания лекарственных учеников в родную Якутию вернулись П.Ф. Порядин из Мегинского улуса, Г.К. Иванов, Е.П. Павлов из Западно-Кангаласского улуса.

В 1869 г. Якутское уездное училище было преобразовано в мужскую классическую четырехклассную прогимназию. Первым ее инспектором был назначен преподаватель французского языка Иркутской гимназии, надворный советник К.Л. Яковлев. Учителями прогимназии стали выпускники высших учебных заведений Павел Остроумов, Иосиф Дейтер, Василий Шастин, Егор Шелленберг, Василий Эндерлейт, а законоучителем — священник Александр Преловский [НА РС (Я). Ф. 285-и. Оп. 1. Д. 10. Л. 14].

В прогимназию принимались дети, прошедшие обучение в низших начальных школах. Преподавание предметов велось на высоком уровне, что позволило выпускникам продолжить образование в Иркутской гимназии. К.Г. Неустроев, о котором было выше рассказано, входил в число первых выпускников. Осенью 1874 г. Якутская четырехклассная прогимназия была преобразована в шестиклассную. Егор Слепцов, Иннокентий Петров и Андрей Попов были первыми ее выпускниками в 1876 г. В том же году Е. Слепцов принял участие в III Международном конгрессе ориенталистов в Санкт-Петербурге. Затем поступил в Медико-хи-

ругическую академию Санкт-Петербурга. А. Попов был депутатом от казачьего населения Якутской области и принял участие в торжествах по случаю коронации Александра III в Москве. Представителем от инородческого населения области на этих торжествах был Е.Д. Николаев, который также учился в прогимназии. А.И. Попов впоследствии работал секретарем Областного статистического комитета, руководил работой знаменитой Сибиряковской экспедиции в 1894–1896 гг., дослужился до чина статского советника и одно время исполнял обязанности губернатора Якутской области. Выпускник прогимназии И.Л. Кондаков в 1884 г. окончил Санкт-Петербургский университет, в 1898 г. стал ординарным профессором фармации, а затем директором Фармацевтического института. Талантливый исследователь, он известен как первооткрыватель синтетического каучука.

Прогимназия оказалась кузницей учительской интеллигенции: большинство ее выпускников становились учителями начальных народных училищ. Из стен Якутской мужской классической прогимназии вышла целая плеяда образованных, преданных делу просвещения людей.

В 1884 г. в области имелось начальных городских училищ по одному во всех городах, в Якутске — мужская и женская прогимназии, семинария с духовным училищем и приготовительным классом, школа «элементарная», детский приют, 12 сельских училищ с охватом 697 учеников [Обзор..., 1885, с. 58].

29 декабря 1889 г. Якутскую шестиклассную классическую мужскую прогимназию реорганизовали в реальное училище. Горожане давно выражали надежду на то, что власти в Якутске откроют гимназию, которая будет давать выпускникам среднее образование, достаточное для поступления в высшие учебные заведения. Однако их надежды не сбылись. Выпускники реального училища вынуждены были ехать в другие города и проходить еще год обучения, позволявший им поступать в университет, что, конечно, многим было не под силу. Училище имело семь основных классов. В 1896/97 учебном году в нем обучалось 97 учащихся, из них детей дворян — 3, купцов — 15, чиновников — 18, мещан — 24, крестьян — 5, якутов — 24. В отличие от классических прогимназий реальное училище давало своим питомцам некоторые технические знания. Древние языки не преподавались. В первых четырех классах изучались общеобразовательные предметы, а в трех старших довольно глубоко и последовательно проходили физику, математику, химию, естествознание, историю, словесность и два иностранных языка. При реальном училище работали учебные кабинеты: физический, химический, биологический и историко-краеведческий, в них проводились опы-

ты и лабораторные работы. В училище отмечали знаменательные даты — исторические и литературные, ставили спектакли и устраивали концерты [Афанасьев, 1966, с. 141, 148].

Значение Якутского реального училища для провинциального города и края велико. На протяжении десятилетий оно служило центром подготовки местной интеллигенции. Десятки его выпускников работали на ниве просвещения и культуры, сами готовили кадры национальной интеллигенции.

Среднюю профессиональную подготовку юношество проходило и в церковно-духовных образовательных учреждениях. В 1858 г. архиепископ Иннокентий (впоследствии митрополит Московский и Коломенский) перевел в Якутск учрежденную в пос. Ситхи (Аляска) духовную семинарию, которая давала ученикам среднее образование. Выпускники ее продолжали учебу в высших духовных учебных заведениях. Московскую и Казанскую духовные академии окончили и работали преподавателями выпускники семинарии Н.Н. Москвин, П.В. Попов, Г.А. Попов, П.П. Явловский и др. [Иванова, 2007, с. 9–10].

В 1860 г. в Якутске открылась первая воскресная школа, которая содержалась за счет городского общества. В школе обучались преимущественно дети ремесленников и мелких торговцев. При губернаторе К.Н. Светлицком в заложной части города было построено деревянное здание приюта для детей арстантов и ссыльнопоселенцев. 15 апреля 1888 г. состоялось торжественное открытие приюта. В первый год в приют было принято 27 детей в возрасте от 3 до 14 лет: 14 мальчиков и 13 девочек. При приюте была открыта школа, руководителем и наставником которой стал учитель мужской прогимназии К.К. Атласов, а первыми учителями по чтению, письму, арифметике — И.М. Горохов и Е.Д. Попов. Регент архиерейского хора священник тюремной церкви Железнов преподавал детям церковное пение. Мальчики старшего возраста обучались сапожному ремеслу. Всякого рода домашняя работа: мытье полов, стирка белья, шитье, починка одежды и обуви — выполнялась самими детьми под наблюдением надзирательницы. Был утвержден устав приюта, на основании которого учреждался особый совет во главе с одним из членов тюремного комитета. В том же году количество детей приюта увеличилось до 42: 25 мальчиков и 17 девочек. Для содержания девочек отдельно от мальчиков потребовалось строительство дополнительного дома, которое было завершено в 1889 г.

Существовало в городе и духовное училище. Духовная семинария, перенесенная из Ситхи, в связи с пожаром, уничтожившим учебный корпус, была

закрыта в 1870 г. и возобновила свою деятельность лишь в 1883 г. Градо-Якутские православные храмы также открывали воскресные церковно-приходские школы, куда могли ходить дети простых мещан, ссыльных и якутов. В городе имелось Якутское епархиальное женское училище, где учились девочки из семей духовенства на полном пансионе.

В конце 1870-х годов представители интеллигенции Якутска внесли предложение о создании в городе среднего учебного заведения для девушек. Официальное открытие Якутской женской четырехклассной прогимназии, впоследствии преобразованной в семиклассную гимназию, состоялось в торжественной обстановке 15 августа 1882 г. Учебные занятия были организованы по уставу гимназии, утвержденному 24 мая 1870 г. Изучали русский язык, словесность, арифметику, историю, географию, математику, физику, космографию, естественную историю, французский и немецкий языки, рисование, черчение, пение и рукоделие, а также закон Божий. В прогимназию принимали детей различных сословий. В 1894 г. в ней было всего 56 учениц, из них одна якутка [НА РС (Я). Ф. 286-и. Оп. 1. Д. 10, 17; Д. 8. Л. 2, 3; Афанасьев, 1966, с. 150–151].

Сельские образовательные учреждения. В 1870-х годах в сельской местности области стала быстро развиваться сеть народных училищ. Так, в дополнение к существовавшим Сунтарскому, Амгинскому и Средневилюйскому, в 1870 г. было открыто Баягантайское, в 1872 г. — Борогонское, Батурусское, Намское, в 1874 г. — Кангаласское и Синское училища [Попов, 1957, с. 17]. Уже к 1881 г. в области было 14 сельских народных школ с 215 учениками [Обзор..., 1882, вед. № 8]. Инспектор народных училищ Якутской области в 1901 г. докладывал главному инспектору училищ Восточной Сибири, что сельские народные училища действуют на основании Устава 1828 г. [НА РС (Я). Ф. 288-и. Оп. 1. Д. 24. Л. 15об.].

В Якутском округе первой школой можно признать домашнюю школу Ытык-Кельского священника Димитриана Попова, организованную им в 1861 г. Вновь открытые школы в связи с различными преобразованиями нередко меняли свою подчиненность или закрывались. К примеру, Ытык-Кельская церковно-приходская школа, открытая 19 мая 1869 г., через несколько лет была переведена в Чурапчинское училище. Баягантайская, Амгинская, Усть-Майская церковно-приходские школы в 1870-е годы были преобразованы в народные училища, а Намская — была закрыта, но позднее продолжила свою деятельность.

В 1871 г. 24 родовых старосты Батурусского улуса собрали с населения 335 руб. и ходатайствовали об открытии в Чурапче начального народного училища, которое было открыто 4 апреля 1872 г.

В этот день местным обществом было составлено два приговора: первый — об увеличении содержания нового училища и второй — о закрытии Ытык-Кельской школы (в 1874–1875 гг. для школы было построено отдельное здание). В список первых учеников училища были включены 25 мальчиков из 22 наслегов улуса. Они жили в пансионе за счет средств, собранных с населения. Такие сборы проводились ежегодно.

Осенью 1872 г. в центре Намского улуса было открыто одноклассное училище Министерства народного просвещения, в котором обучалось 18 детей, а преподавал И.Г. Васильев, один из первых якутских учителей. Под училище было выделено отдельное здание. Местное население всячески поддерживало открытие училища, содействовало его развитию как первому очагу просвещения, на свои средства содержало училище и пансион. В 1874 г. улус на расходы школы собрал 928 руб. В этом году в пансионе проживало 12 учеников, приехавших из других наслегов. Дети учились с большой охотой. В последующие годы на укрепление учебно-материальной базы школы, улучшение качества учебно-воспитательной работы много сил и знаний отдали народные учителя П.А. Ушницкий, Ф.Г. Дьяконов, Г.И. Эверстов, И.И. Винокуров, С.С. Шахурдин, Е.Д. Прокопьева и др.

В Якутской области были открыты так называемые масловские школы. Петербургский тайный советник И.И. Маслов в 1891 г. завещал 400 тыс. руб. для учреждения сельских училищ Министерства народного просвещения «без различия народности и вероисповедания на всем пространстве Российской империи». Большая заслуга в открытии масловских школ в Якутии принадлежит М.А. Афанасьеву из 1-го Оспетского наслега Дюпсунского улуса. В 1891 г. в комиссию по исполнению духовного завещания он подал заявление об открытии на средства Маслова школы в Дюпсунском улусе. В 1895 г. комиссия уведомила якутского губернатора, что из пожертвованного капитала предполагается открыть в Якутской области три школы [Телеграфные известия, 1896].

При Дюпсунской Троицкой церкви с 1862 г. в течение полутора лет существовала школа, которую закрыли из-за эпидемии оспы. Во второй раз она была открыта в 1889 г. как церковно-приходская. Через три года по инициативе головы Дюпсунского улуса В.В. Никифорова было организовано Братство при Дюпсунской церкви, чтобы «поддерживать школу в материальном отношении...» [Летопись..., 1894, с. 137]. В 1893 г. В.В. Никифоров безвозмездно отдал свой шестикомнатный дом для размещения в нем школы. 5 июня 1897 г. родоначальниками и общественными поверенными Дюпсунского улуса был составлен общественный при-

говор. В этом приговоре сообщалось, что на целый улус имеется только одна церковно-приходская школа, которая «по незначительности своей программы и по другим причинам совершенно не удовлетворяет своему назначению». Далее они ходатайствовали о выделении из капитала Маслова 10 тыс. руб. на открытие в Дюпсунском улусе двухклассного училища [НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 13458. Л. 192–193об.]. Дюпсунское училище было открыто 12 октября 1898 г. Первоначально в него поступили десять учащихся: шесть пансионеров и четверо приходящих [Там же. Л. 137]. Первой учительницей была назначена «девица Варвара Кузнецова», окончившая курс в Якутском епархиальном женском училище. Новое школьное здание было построено в течение 1900 г. [Там же. Л. 42об.].

В Вилюйском округе население Сунтарского улуса, понимая необходимость обучения русской грамоте своих детей, поддержало предложение начальства об открытии новой школы. Вилюйский окружной исправник в отчете за 1861 г. писал следующее: «Якуты в последнее время начинают чувствовать потребность в грамотности, и потому предложение местного начальства об основании школы в селении Сунтар встретило со стороны инородцев сильное одобрение и готовность помогать материальными средствами. Якут 3-го Жарханского наслега Савин Семен принял на себя все первоначальные расходы при устройстве училища, а местный приют уступил для этой цели церковный дом и двое священников вызвались быть преподавателями во вновь устраиваемой школе». В ноябре 1862 г. в доме священника П. Попова была открыта народная школа — первое учебное заведение на западе Якутии. Школа в основном содержалась на средства всего улуса, поэтому инородцы требовали перевести ее к его центру, в местность Эльгяй. Перенос школы позволял инородной управе более оперативно управлять хозяйственной стороной учебного заведения. Этот вопрос был положительно решен в 1868 г., когда в Эльгяе построили специальное здание для школы. В том же году Сунтарская школа была переведена на новое место, но при этом свое название сохранила. Учителем в ней с 1875 г. стал работать уроженец Западно-Кангаласского улуса Д.Д. Сивцев. В 1900 г. он принял участие во всемирной выставке в Париже. Сохранились сведения о том, что Д.Д. Сивцев, одетый в национальный костюм, давал пояснения о выставочных экспонатах не только на русском, но и на французском языке.

В 1875 г. в Сунтаре открылась первая в улусе одноклассная церковно-приходская школа под попечительством священника Н.Г. Верещагина. В других наслегах также стали учреждаться при церквях церковно-приходские школы. Шейнская церковь была

построена в 1890 г. на средства инородца Бутукайского наслега Г.П.Терешкина. При ней церковно-приходская школа начала функционировать с 1892 г. Первым учителем стал псаломщик В.М. Попов. Кутанинская церковно-приходская школа была открыта 1 сентября 1892 г. С 1897 г. попечителем ее состоял Н.А.Самсонов, который пожертвовал под школу свой дом. Открытие Тойбохойской церковно-приходской школы датируется 1898 г. Первым учителем был И.Д. Сивцев, брат эльгыйского учителя Д.Д. Сивцева.

Одной из старейших школ Якутии является хампинская школа, открытая в сентябре 1867 г. и именовавшаяся Средневилюйским народным училищем. Она содержалась за счет местного населения. Одним из первых учителей в Средневилюйском училище стал воспитанник Иркутской учительской семинарии В.Г. Монастырев.

В Олёкминском округе 28 февраля 1850 г. открылось Витимское училище [Школы..., 1881, с. 30]. В 1857 г. для него было выстроено новое здание. На содержание училища обществом крестьян перечислялось до 700 руб. в год [Памятная книжка..., 1880, с. 127]. В 1869 г. было основано Мухтуйское училище, на содержание которого местным обществом отпускалось 245 руб. Учителем состоял В.Я. Орлов, окончивший Киренское уездное училище [Памятная книжка..., 1881, с. 190, 192]. Большепеледуйская школа открылась 6 декабря 1894 г. [Отчет..., 1897, с. 274]. Постепенно при Витимском приходе возникли школы грамоты: Серкинская, Чуйская, Паршинская [Там же, с. 275–276].

На Нохтуйской станции, заселенной русскими крестьянами, в 1889 г. была учреждена церковно-приходская школа [Майнов, 1912, с. 40]³⁹. Здание для школы было пожертвовано богатым тунгусом И.А. Якоминим. В содержании учебного заведения принимало участие население станций Точильное, Жедайское, Каменское и Тинное [НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 13458. Л. 177об.]. В сентябре 1899 г. крестьяне селений Нохтуйской волости составили сельские приговоры о своем участии в открытии в с. Нохтуйское школы имени Маслова и о возложении части расходов по содержанию школы «на дивиденды из общественных питейных заведений». Бывшую Нохтуйскую церковно-приходскую школу было решено перевести в Жедайское селение [НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 13458. Л. 207об.–208об., 227]. Первым учителем согласилась стать «девица Евгения Феодоровна Семенова», дочь нохтуйского крестьянина, окончившая курс в Якутском епархиальном духовном училище в 1897 г. Новое учебное заведение было открыто 23 ноября 1899 г.

³⁹ Есть сведения, что Нохтуйская школа была открыта 26 марта 1891 г. [НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 13458. Л. 177об.].

Политические ссыльные, получив разрешение на ведение занятий, стали учить грамоте якутских детей. Среди них в развитии образования в якутских улусах значительную роль сыграли Н.П. Странден, Д.А. Юрасов, В.Н. Шаганов, М.А. Натансон, П.П. Подбельский, И.Т. Цыпенко и др. Позже В.В. Никифоров назвал П.П. Подбельского своим учителем. Политссыльный В.М. Ионов (1851–1922) в 1-м Жехсогогонском наслеге Батурусского улуса в 1897 г. организовал в отдельной юрте школу с пансионом, в которой обучались и жили дети якутов из ближайших аласов. В ней были устроены классное помещение, кабинет учителя, столовая, кухня и спальня. Школа просуществовала до 1903 г. В отличие от других политссыльных, В.М. Ионов стремился по возможности добиться системного и предметного обучения. Особое значение он придавал изучению русского языка, произведений классиков русской литературы. Сам составил букварь для якутских детей. Педагогическую деятельность он продолжил и после переезда в Якутск, где его частная школа, на содержание которой шли пожертвования демократически настроенной интеллигенции, продержалась вплоть до 1910 г., т.е. до отъезда его из Якутии.

26.3. ТЕАТР И МУЗЕЙ

На рубеже XIX–XX вв. Якутск представлял собой типичный провинциальный областной городок, застроенный деревянными домами, с населением всего 8–9 тыс. чел. В городе имелось только одно общественное заведение — Клуб благородного собрания, куда могли попасть лишь те, кто был причислен к сословию дворян, верхушке духовенства, казначества и гильдейского купечества. Остальная часть населения была вынуждена организовывать свой досуг самостоятельно в узком кругу. Театральные любительские постановки появились в Якутске еще в первой половине XIX в. Об этом писал в книге «Поездка в Якутию» Н. Щукин, посетивший город в 1830 г. Уже тогда при городском клубе существовал «театр, на коем служащая и торгующая молодежь ломала комедии». В 1863 г. представители русской интеллигенции города организовали группу любителей музыки и литературы, которая просуществовала с некоторыми перерывами вплоть до 1891 г.

Из архивных дел Якутской женской прогимназии известно, что любителями драматического искусства в Якутске было поставлено несколько спектаклей в ее пользу. На счет прогимназии в 1879 г. поступило 150 руб., в 1884 г. — 500, в 1885 г. — 300, в 1886 г. — 600, в 1887 г. — 400, в 1888 г. — 250, в 1889 г. — 500 руб. Кроме того, в 1888 г. устроители спектаклей и музыкальных вечеров в пользу при-

юта арестантских детей внесли 250 руб., а в 1885 г. в пользу голодающих — 300 руб. [ГАИО. Ф. 25. Оп. 24. Д. 26. Л. 1, 5, 6, 16].

Осенью 1889 г. члены группы любителей музыки и литературы были на приеме у областного начальника, где обсуждали вопрос об организации кружка любителей драматического искусства, музыки и литературы. Якутский губернатор В.З. Коленко, сочувственно отнесясь к этому предложению, принял на себя ответственность за продвижение проекта устава кружка. В основу якутского проекта были положены Уставы кружка любителей музыки и драматического искусства Иркутска и Нерчинска, особенно последнего, утвержденного высшестоящими органами в 1887 г. В проект был внесен ряд соответствующих условиям провинциального города изменений, включающих устройство музыкально-литературных вечеров с танцами, концертов, спектаклей, новогодних елок, «живые и туманные картинки» с объяснениями, публичных чтений по программам, утвержденным правлением кружка. Члены кружка настаивали на организации библиотеки с нотами, книгами, периодическими изданиями, касающимися вопросов музыкального искусства и литературы в стране. Они также ставили вопрос о назначении пособия исполнителям и создании коллекции музыкальных инструментов. Предложение об учреждении кружка любителей музыки и литературы нашло поддержку в Общем присутствии и Областном управлении, которые, приняв во внимание «существенную полезность» его как в деле «улучшения общественной нравственности, так и в деле благотворительности», представили проект устава на рассмотрение иркутского генерал-губернатора. Завязалась переписка с канцелярией генерал-губернатора, который после просмотра отправил проект обратно с предложением переделать его с учетом положений устава Красноярского драматического общества. Энтузиасты из числа городской интеллигенции доработали проект. Пройдя соответствующие обсуждения в бюрократических кабинетах, устав Якутского кружка любителей музыки и литературы был утвержден министром внутренних дел России П.Н. Дурново 10 мая 1891 г.

На основании утвержденного устава было избрано новое правление. В его состав вошли: председатель, он же режиссер М.И. Карпович, члены: К.К. Атласов, А.Г. Кокшарский, Д.И. Меликов, С.Н. Шанцев, В.К. Востросаблин. С этого времени кружок приобрел статус народного театра, а театральные представления носили систематический характер. Сформировался большой современный репертуар, и спектакли давались два-три раза в неделю. Постановки, полюбившиеся зрителям, показывали по несколько раз и подолгу сохраняли в

репертуаре. За сезон давалось от 8 до 20 премьерных спектаклей по пьесам В.А. Крылова, И.А. Салова, А.Н. Островского, А.П. Чехова, Н.В. Гоголя, А.С. Пушкина. Театр не имел собственного здания, и правление кружка было вынуждено арендовать здание Благородного собрания, где стали ставить спектакли.

Тесно связанный с демократическим прогрессивным движением, театр вместе со зрителями прошел сложный путь развития и непрерывных поисков. Русская и мировая классика занимала ведущее место в его репертуаре. В разное время на сцене шли спектакли по пьесам Л. Толстого, А. Островского, А. Чехова, М. Горького, Ф. Достоевского, У. Шекспира, Ф. Шиллера, Ж.-Б. Мольера, Лопе де Вега и др. Из репертуарного плана видно, что театральная труппа кружка с первых дней своего существования стала активным пропагандистом реализма в искусстве, обращаясь к лучшим творениям русской и мировой драматургии.

В учреждениях и организациях города постепенно возникли свои любительские группы, которые время от времени заявляли о себе устройством музыкальных вечеров, хорового пения. В клубе добровольной пожарной дружины проходили репетиции и концерты духового оркестра под руководством А. Сивогринова [Петров, 2015, с. 7, 9]. В окружных городах Олёкминске и Вилюйске возникли небольшие кружки музыкантов-любителей. Будущий якутский композитор М.Н. Жирков создал в Вилюйске струнный оркестр, состоящий из учителей и чиновников.

О высокой потребности в музыкальных инструментах среди горожан Якутска говорит один случай, произошедший в 1879 г. В описи движимого и недвижимого имущества обанкротившегося купца И. Платонова имелось фортепиано, которое дочь купца успела продать. В связи с этим было заведено судебное дело, закончившееся безрезультатно для нескольких исковых заявителей, захотевших приобрести инструмент.

В 1914 г. правление кружка любителей музыки и литературы подняло вопрос о долговременной аренде здания клуба приказчиков под театр. Публика с сочувствием отнеслась к этой идее, так как собранные воедино многочисленные любительские кружки могли составить хорошую труппу. Некоторые полагали, что материальная сторона театра только выиграет от такого объединения. Клуб приказчиков был известен своими либерально-демократическими традициями, и городская публика охотно посещала постановки драматических произведений любимых авторов. Не случайно здесь 3 (16) марта 1917 г. во время спектакля по пьесе Г. Ибсена «Доктор Штокман» в присутствии многочисленной публики, среди которой были вице-губернатор Тизен-

гаузен и городской голова Юшманов, политссылный М.И. Губельман объявил об отречении царя Николая II, о революции, о передаче власти Государственной думе [Макаров, 1979, с. 200].

В годы Первой русской революции якутская интеллигенция, возглавляемая В.В. Никифоровым, решила воспользоваться манифестом от 17 октября 1905 г., разрешившим создавать общественные, политические и культурные организации. Первый спектакль на якутском языке был поставлен 3 января 1906 г. по сюжету олонхо П.А. Охлопкова — Наара Суох «Бэрт киһи Бэриэт Бэргэн» («Удалой молодец Бэриэт Бэргэн»). Спектакль прошел в клубе добровольной пожарной команды Якутска. Из-за отсутствия собственного здания организаторы национального любительского театра были вынуждены в буквальном смысле кочевать из одного дома в другой. К примеру, вторая постановка спектакля «Бэриэт Бэргэн», состоявшаяся в апреле 1906 г., проходила в доме Маркова. Другая постановка на якутском языке, но уже по драматическому произведению В.В. Никифорова «Манчаары», прошла в доме автора драмы, расположенном по улице Никольской. Последующие спектакли по сюжетам олонхо, например «Кулан кугас аттаах Кулантай бухатыыр» («Имеющий удалого коня богатырь Кулантай»), ставились в Якутском инородческом клубе [Жирков и др., 2010, с. 27–35].

Царская цензура, стоявшая на страже незыблемости самодержавия, запретила показывать драму «Манчаары» в народном театре. Несмотря на все запреты, докладные письма иркутскому жандарму и прочие препятствия, театральная самодеятельность в городе развивалась, хотя полулегально и на частных квартирах. Об этом свидетельствует докладная осведомителя жандармскому управлению Иркутской губернии от 12 мая 1914 г. следующего содержания: «В день какого-то семейного праздника инородцем Анемподистом Ивановичем Софроновым в своей квартире устроен спектакль... Была поставлена на русском языке пьеса Чехова “Предложение”. Исполнителями ролей были сам Софрон и его жена, а также учителя из инородцев. Присутствовало 11 семейств зрителей». Один из основоположников якутской художественной литературы А.И. Софронов свое первое драматическое произведение «Дьадаҥы Дьаакып» («Бедный Яков») поставил в собственном доме. К тому времени он был женат на известной артистке нарождающегося национального театра Е.К. Яковлевой. Постепенно появился целый ряд драматических произведений на якутском языке, вслед за которыми зрителю был представлен переводной репертуар. Постановки на якутской сцене таких шедевров театрального искусства, как «Женитьба» Н.В. Гоголя (перевод В.В. Никифорова — Кюльмнюра, 1909), «Власть тьмы»

Л.Н. Толстого (перевод В.В. Никифорова — Кюльмнюра, 1912), «От ней все качества» Л.Н. Толстого (перевод А.И. Софронова, 1912), вызвали живой интерес общественности [Жирков и др., 2010, с. 33, 52].

Театральное искусство саха, таким образом, выросло на благодатной почве народного устного творчества олонхо, признанного сегодня шедевром устного нематериального искусства мировой культуры. Олонхо — это и вид народной оперы, и особая драматургическая форма фольклора. Следовательно, якутское театральное искусство уходит корнями в русское театральное искусство и в историческую древность якутской культуры олонхо.

Якутский краеведческий музей — первое научное и культурно-просветительское учреждение края — был открыт 7 июня 1891 г., хотя до этой даты при Статистическом комитете существовал ведомственный музей. Начиная с 1887 г. по инициативе секретаря Якутского областного статистического комитета, энтузиаста-краеведа А.И. Попова начались работы по устройству музея для систематического, планомерного, всестороннего показа и исследования производительных сил Якутского края. В обращении учредителей говорилось, что этот музей должен «собрать и сохранить у себя коллекции более или менее редких произведений природы, изделий человека Якутской области для наглядного ознакомления с местной природой и культурой и со временем для научного исследования ученых лиц» [Шишигин, 1991, с. 7]. Первым экспонатом музея стал череп «допотопного» вымершего животного, присланный якутом Вилюйского округа Г.Егоровым.

На призыв комитета о пожертвовании вещей для музея сразу же откликнулись многие жители улусов Якутии, и уже вскоре набралось 1280 экспонатов. Количество экспонатов постепенно росло благодаря отзывчивости якутского населения на каждое культурное начинание в крае. Из числа первых жертвователей можно вспомнить старосту крестьян Иркутского тракта, члена ВСОРГО Н.П. Припузова, архиепископа Мелетия, письмоводителя Дюпсюнской инородческой управы, будущего выдающегося общественного деятеля якутского народа В.В. Никифорова, купца В.А. Кашкарева и др. На местах сбор материалов по специально разработанной программе вели окружные исправники. Неоценимую роль в успешной организации работы музея сыграли политические ссыльные. Первым консерватором (заведующим) музея стал политссылный В. Зубрилов (1891–1893 гг.), за ним М. Сосновский (1894–1896 гг.), Н. Виташевский (1896–1898 гг.), В. Окольский (1899–1900 гг.), П. Оленин (1901–1903 гг.) и др. Большую помощь в пополнении коллекций, систематизации экспозиций оказали другие политссыльные, принимавшие активное

участие в исследовательской деятельности в крае в области этнографии, археологии, филологии, естественной истории: Э. Пекарский, В. Ионов, И. Майнов, В. Тан-Богораз, В. Иохельсон, Н. Геккер, П. Драверт и др. [Винокуров, 1986, с. 18].

Сбор экспонатов на выставки проводился главным образом по инициативе и при непосредственном участии Якутского статистического комитета, официально возглавляемого губернатором, который в свою очередь поручал эту работу своим полицейским чиновникам, окружным исправникам в Олёкминске, Вилуйске, Якутске, Колымске, Верхоянске; другим официальным лицам, которым рассылались соответствующие предписания. Среди экспонентов были участники экспедиций в Якутский край, политические ссыльные, энтузиасты-краеведы, зарекомендовавшие себя как истинные «любители старины и древностей», и т.д. Постепенно расширение коллекций подвигло якутское общество на строительство в 1909–1911 гг. специального здания музея, в стенах которого в 1917 г. было сосредоточено 19 тыс. систематизированных экспонатов. Первая экспозиция музея состояла из уникального материала — предметов культа, старинного быта местного населения и русских землепроходцев.

Материальная и духовная культура народов Якутии нашла отражение в Русской этнографической выставке в Москве (1867 г.); Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке в Екатеринбурге (1878 г.); Антропологической выставке в Москве (1879 г.); Выставке сельскохозяйственных и кустарных производств в Якутске (1890 г.); крупнейшей в дореволюционное время Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде (1896 г.); Всероссийской кустарно-промышленной выставке в Москве (1902 г.); выставке Приамурского края (1913 г.) и др. Экспозиции из Якутии были представлены на всемирных выставках в Вене (1873 г.) и Париже (1900 г.). Тематика экспозиций была весьма разнообразной: краеведческая, историческая, этнографическая, геологическая и др. в зависимости от масштаба и характера деятельности их организаторов. В организации выставок принимали участие Петербургская Академия наук, Русское географическое общество, учебные заведения, музеи и т.д. На всероссийских и всемирных выставках достойным образом были представлены якутские экспонаты, раскрывающие развитие и особенности промышленности, быта, хозяйства, материальной и духовной культуры народов. Во второй половине XIX в. возрос экономический интерес к Сибири, в том числе к Якутии. Поэтому большое научное и просветительское значение для такого обширного региона имели организация и участие якутян в различного рода

выставках как научно-практического, так и художественного характера, что и было использовано по мере сил и возможностей далекого края.

26.4. БИБЛИОТЕКА

После падения в 1861 г. крепостного права постепенно стали появляться новые законы, позволявшие представителям российской интеллигенции приобщаться к духовным ценностям путем устройства библиотек для массового читателя. Определенные статьи Городового положения 1870 г. предоставляли городским органам управления право открывать и содержать на городские доходы такие общепользные учреждения, как библиотеки. В Якутске еще до принятия Городового положения имелись ведомственные и частные библиотеки, доступ к которым был весьма ограничен. В церковных и учебных заведениях были небольшие библиотечки, содержавшие литературу узкой тематики.

Находившиеся у частных лиц книги и журналы передавались для чтения из рук в руки, что, естественно, не удовлетворяло потребности жителей. Тяга к чтению, особенно художественной литературе, у просвещенной части населения постепенно возрастала. В фондах библиотеки имелись сочинения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, В.А. Соллогуба, Н.С. Щукина, У. Шекспира, М. Сервантеса, Ф. Купера и др.

В 1870 г. в городе открылась первая частная Якутская публичная библиотека, созданная на средства купца М.А. Шестакова. В фонде библиотеки насчитывалось около 9 тыс. книг, журналов и газет, что для провинциального города было огромным богатством. М.А. Шестаков установил связи с научными, государственными и общественными организациями и сумел договориться с ними о бесплатном выделении книг в той или иной мере. К примеру, Канцелярия е.и.в. на имя Шестакова отправила четыре наименования юридической литературы, всего 50 экземпляров с условием внесения их в каталог и установления надзора за их сохранностью. Фонды частных и общественных библиотек подлежали обязательной проверке представителями полиции. Но поскольку библиотека получила книги от самой Канцелярии е.и.в., то исполняющий обязанности губернатора В.П. де Витте в августе 1872 г. создал комитет по надзору за библиотекой, которому вменил в обязанность проверять ее работу.

Книжный фонд библиотеки был весьма богат: кроме беллетристики включал литературу по медицине, химии, физики, географии. Шестаков отдавал предпочтение выписке научной литературы и активно выступал за распространение естественнонаучных знаний. По неуставленным причинам

он был вынужден продать библиотеку купцу Ф. Соловьеву, который, обанкротившись, в 1875 г. в свою очередь продал ее Е.И. Вильконецкому. Небрежное обращение с фондом библиотеки привело к тому, что часть книг попала в чужие руки, часть была распродана. Библиотека окончательно была закрыта в 1880 г. [Захарова, 2004, с. 77, 83].

В 1884 г. имелась библиотека при Якутской мужской прогимназии, содержащая до 1590 названий из 5349 томов, кабинет естественной науки с 41 предметом по зоологии и коллекции по минералогии и ботанике. При каждом учебном заведении города имелась библиотечка, обычно включающая книги, соответствующие профилю заведения [Обзор..., 1885, с. 60].

Вопрос учреждения общедоступной библиотеки время от времени вставал перед Якутской городской думой, члены которой, ссылаясь на отсутствие средств, постоянно отказывались принять на себя хлопоты по содержанию книжного фонда. Даже М.А. Шестакову, задумавшему продать свою библиотеку, ставили заведомо неприемлемые условия. После того как епископ Якутский и Вилюйский Иаков выступил с инициативой по организации городской библиотеки, члены городской думы обратились к губернатору за разрешением. Причем епископ Иаков в пользу открываемой библиотеки пожертвовал значительное количество литературы из личного собрания, составившей основу книжного фонда вновь создаваемой библиотеки, взял на себя первоначальные расходы по переплету книг и оплате труда библиотекаря.

П.П. Осташкин, исполнявший обязанности губернатора Якутской области, 1 апреля 1886 г. распорядился «открыть Публичную Библиотеку в Якутском городском общественном зале для бесплатного чтения». На основании этого распоряжения хранитель книг и библиотекарь Н.И. Москвин направил в адрес немногочисленных учреждений и руководителей города, в том числе в якутскую городскую управу, якутскому купеческому старосте, якутскому мещанскому старосте и др., сообщение о начале работы библиотеки с просьбой «обнародовать» написанное им «Объявление». Первая общедоступная городская библиотека открыла свои двери 9 апреля 1886 г. Вначале она размещалась в так называемой биржевой зале Гостиного двора, где происходило собрание гласных (депутатов) Якутской городской думы, секретарем которой продолжительное время работал Н.И. Москвин [НА РС (Я). Ф. 165-и. Оп. 1. Д. 1142. Л. 1, 2]. Затем городская управа на арендных правах разместила фонды библиотеки в помещении одной из лавок того же Гостиного двора.

В донесении библиотекаря Н.И. Москвина, написанном 2 июля 1887 г. в Якутскую городскую думу,

упоминается, что в городскую библиотеку от потомственного почетного гражданина И.М. Сибирякова поступило 54 книги русских классиков Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Островского, Гончарова, А. Толстого, Некрасова и Г. Успенского. В этом же донесении он просил думу оказать помощь предоставлением шкафов или если это невозможно, то хотя бы сундуками, а также отдельного помещения. В ответном письме библиотекарь выразил дарителю Сибирякову «благодарность за Ваше просвещенное содействие нуждам библиотеки».

Однако 8 марта 1888 г. Н.И. Москвин подал прошение епископу Иакову об освобождении его от обязанностей библиотекаря ввиду «многосложности занятий». Епископ Иаков в письме в Якутскую городскую думу от 12 марта «свидетельствует ему глубокую благодарность за усердную его службу и устройство библиотеки в самые критические времена», при этом отметил, что «за составление отчета по библиотеке, весьма дельное, постараюсь особо отблагодарить». Также обещал «ежегодно содействовать умножению библиотеки деньгами и книгами и удовлетворять ее необходимым потребностям по заявлению библиотекаря». Он предложил городской думе избрать нового библиотекаря и представил кандидатом на эту должность правителя канцелярии епископа, губернского секретаря Иннокентия Трифонова, что было и удовлетворено последующим протоколом Якутской городской думы от 16 мая 1888 г. [НА РС (Я). Ф. 165-и. Оп. 1. Д. 1142. Л. 1, 2, 4, 11].

В Вилюйске первым официально учрежденным очагом культуры надо считать городскую библиотеку. По ходатайству вилюйского исправника Б.Ф. Кочаровского 30 сентября 1898 г. якутский губернатор В.Н. Скрипицын утвердил устав Вилюйской городской библиотеки. Для создания книжного фонда в виде пожертвований поступили денежные средства от жителей Сунтарского улуса, частных лиц и рабочих Бодайбинских приисков. Якутская духовная консистория дала свое согласие на утверждение в должности наблюдателя за библиотекой протоиерея местного храма М. Винокурова. В Олѣкминске, Верхоянске и Среднеколымске политссылные на основе полученных из центра книг составили библиотеки с весьма солидным для того времени книжным фондом.

В период правления губернатора И.И. Крафта горожане, собрав значительную сумму денег, в 1911 г. возвели прекрасное в архитектурном отношении двухэтажное здание из красного кирпича, которое, по словам И.И. Крафта, стало поистине «украшением города» и поныне им остается. В нем размещались Якутская городская публичная библиотека и Якутский областной музей.

ГЛАВА 27

НАУЧНОЕ ИЗУЧЕНИЕ

Обстановка, сложившаяся на Чукотке, Камчатке, охотском побережье и островах Тихого океана в связи с расширением промысловой деятельности иностранных рыболовов и зверопромышленников, а также предполагаемое строительство телеграфа для установления связи между США и Европой через Сибирь обусловили особое внимание правительства к северо-восточным окраинам. Учитывая неоднозначность внешнеполитической обстановки, а также для содействия возможным работам при строительстве телеграфа правительство решило принять меры для того, чтобы привести чукчей в «совершенное подданство» России.

Генерал-губернатор Восточной Сибири предложил послать экспедицию в составе «чиновника якутского управления Майделя, находившегося уже в сношении с чукчами» и пяти казаков «в видах ближайшего ознакомления администрации с Чукотским краем и обитающими в нем бродячими инородцами, известными под общим именем чукчей» [НА РС (Я). Ф. 560-и. Оп. 21. Д. 118. Л. 1].

Начавшись как правительственное предприятие, экспедиция постепенно обрела и задачи научного характера. Академик К.М. Бэр составил специальное задание, касающееся отдельных наблюдений в области духовной культуры чукчей, поисков неведомой земли, изучения морской фауны и флоры, морских течений [Ответы..., 1871, с. 60–68]. Предложение собрать коллекцию рыб поступило от академика Ф.Ф. Брандта [Майдель, 1894, с. 525]. Известно также, что через Академию наук Г.Л. Майдель получил инструкцию, а также рассказы и рисунки эскимосов от датского ученого Г.И. Ринка [Там же, с. 190, 517]. После сообщения Майделя из Среднеколымска о том, что между Алазеей и Индигиркой летом 1867 г. найден труп мамонта, Конференция Академии «положила... просить его отыскать и исследовать» останки вновь заявленного животного [ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 7–9]. Кроме того, участники экспедиции должны были провести ряд астрономических, метеорологических, магнитных наблюдений, собрать коллекции ботанические и зоологические, выяснить возможную трассу для проведения телеграфной связи между США и Европой через Сибирь [РГИА. Ф. 1262. Оп. 13. Д. 16. Л. 2].

Сибирский отдел Русского географического общества командировал в путешествие астронома К.К. Неймана и топографа П. Афанасьева. Из Якутска в состав экспедиции был рекомендован «окружной лекарский ученик Антонович» «для сбора естественнонаучных коллекций» [РГИА. Ф. 381.

Оп. 8. Д. 3740. Л. 5; Алексеев, 1970, с. 270]. С ноября 1868 г. по сентябрь 1870 г. в экспедиции работал юкагир Федор (Егор) Лычкин, «который, провожая экспедицию на собственных своих нартах до мыса Якан, много помогал ей в материальном отношении как отличнейший промышленник и был почти незаменим как превосходный переводчик» [ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 495. Карт. 2052. Л. 132, 132об.]. Нейман писал, что от Алдана экспедицию сопровождали два казака Якутского казачьего полка и пять якутов. Упомянув о встрече с колымским купцом Н.А. Соловьевым, он отмечал: «...г. Соловьев... отделил для нас десять оленей из-под товаров, позволив пользоваться ими до самого Средне-Колымска... не требуя за это никакого вознаграждения». По словам путешественника, из Анюйской крепости их сопровождали казаки Якутского казачьего полка — Захар Божедонов, Иван Котельников, Василий Киприянов [Нейман, 1871].

Одним из итогов работы чукотской экспедиции 1868–1870 гг., возглавляемой Г.Л. Майделем, было появление его «Путешествия по северо-восточной части Якутской области» и «Исторического обзора действий Чукотской экспедиции» Неймана, в которых представлены историко-этнографические наблюдения. Выясняя границы Якутской области, Майдель привел данные о ее административном делении на округа (Якутский, Вилюйский, Олёкминский, Верхоянский, Среднеколымский), о численности и плотности населения, количестве городов и других поселений. Отметив исключительно слабую заселенность Колымского округа, путешественник определил общее число населения «приблизительно в 7500 душ» (3500 якутов, 1500 эвенов, 1000 русских, 800 юкагиров, 400 эвенков, 400 чуванцев). Сведения о количестве чукчей он находил еще менее точными, однако считал возможным заключить, «что общее число душ этого народа не превзойдет 3500» [Майдель, 1894, с. 61].

Исследователь рассмотрел вопросы миграции населения, этнического смешения, занятий, общественной организации, населенные центры на северо-востоке, описал народы и их языки. В фокусе научных интересов были и исследования вечномерзлых грунтов. Значение работы Чукотской экспедиции по изучению подземных льдов отмечено в советской научной литературе. П.А. Шумский пишет, что Майдель дал самое детальное и точное макроскопическое описание ископаемых льдов, «отметив такие черты их строения, которые большинство исследователей оставляли и до сих пор продолжают оставлять без внимания, или сознательно

не упоминают, не находя им объяснения», а также наметил районы их распространения [Шумский, 1959, с. 8]. Наблюдения над почвенным льдом путешественник продолжал и во время исследования трупов ископаемых животных.

В 1880-х годах Военно-топографический отдел готовил к изданию карту Азиатской России. При составлении листов по северо-восточной территории страны отдел воспользовался данными Майделя и Афанасьева. О.Ф. Штубендорф, выражая признательность за участие в редактировании названного картографического труда, писал Майделю: «Листы сии подверглись совершенной переработке благодаря тем драгоценным сведениям, которые были сообщены мне Вами при письме Вашем от 3 декабря 1878 года» [ПФА РАН. Ф. 1053. Оп. 2. Д. 28. Л. 1об.]. Члены Чукотской экспедиции проделали огромную работу по уточнению географии региона. Афанасьев и Майдель провели съемку пути по маршрутам: Алдан — устье Тукулана — вверх по Тукулану к Яне — вниз по Яне — по восток через Догдо — на Селеннях — через Индигирку в Среднеколымск; Среднеколымск — устье Колымы; Нижнеколымск — через Малый и Большой Анюй — устье Анадыря — Марково — Нижнеколымск; Малый Анюй — вверх по Омолону — вниз по Омолону до его устья; Среднеколымск — через Верхнеколымск — до истоков Зырянки; Малый Анюй — к Ледовитому океану — по побережью Ледовитого океана на восток до Якана; Марково на Анадыре — через Пенжинскую губу — Гижигинск; Среднеколымск — нижнее течение Алазеи и Индигирки — вдоль левого берега Индигирки до озера Абый — на запад через область и через хребет — до Верхоянска [Майдель, 1894, с. 59–60].

Майдель составил карту Якутской области; в его монографии представлен специальный раздел «Орографический очерк Якутской области». Большое значение для уточнения карты края имели съемки, проведенные Афанасьевым (особенно для районов Колымы, Большого и Малого Анюя, Омолона и Гыдана). Нейман произвел астрономические и магнитные наблюдения. Антонович собрал коллекцию птиц, «подтвердившую разницу видового состава между колымскими и чукотскими ареалами обитания» [Наумов, 1965, с. 129]. Майдель составил большую коллекцию рыб. По просьбе Академии в Петербург был выслан гербарий [Майдель, 1894, с. 525–526]. В Зоологический музей были переданы сведения о раскопках мамонта и его останки [Алексеев, 1970, с. 278]. По инициативе Майделя в Верхоянске сыльный И.А. Худяков в течение 14 месяцев фиксировал температурные данные. На основании этих сведений академик Г.И. Вильд вычислил для города среднемесячные температуры, которые свидетельствовали о «высокой степени

континентальности Якутской области» [Наумов, 1965, с. 128–129].

Как известно, в 1932/33 г. был проведен второй Международный полярный год, затем, в 1957/58 г., — Международный геофизический год и Международный год геофизического сотрудничества. К 80-м годам XIX столетия относится начало интернациональных научных предприятий, когда была выполнена первая международная программа метеорологических, астрономических и магнитных наблюдений в высоких широтах, в том числе на севере Якутии.

К. Вайпрехт, австрийский полярный исследователь, выступая в 1875 г. в Граце на 48-м съезде немецких естествоиспытателей, отметил особое значение для науки исследования полярных областей как «самых важных на земном шаре». Подчеркивая интенсивность здесь различных природных явлений, слабый уровень их изученности, путешественник предлагал опоясать всю арктическую зону наблюдательными станциями с целью организации систематических одновременных наблюдений [Гельвальд, 1884, с. 865–869]. На заседании Полярной комиссии 1881 г. в Петербурге Академией было принято решение о сроках наблюдений в рамках Первой международной полярной экспедиции 1882–1883 гг. В проведении экспедиции приняли участие: Австро-Венгрия, Англия, Голландия, Дания, Норвегия, Финляндия, Франция, Швеция, Германия, Россия, Соединенные Штаты Америки. Всего в 1882–1883 гг. в Арктику и на Южный полюс Земли было направлено 14 экспедиций из разных стран.

Россия должна была организовать работу станций на острове Новая Земля и в Якутии (Сагатырь, устье Лены). Участие в подготовке этих станций приняли Академия наук, Русское географическое общество, министерства (морское, военное и внутренних дел), Военно-топографический отдел (Иркутск), Технологический институт [Пасецкий, 1983, с. 52].

Полярная комиссия Географического общества предложила на должность начальника полярной станции в Якутии штабс-капитана, сотрудника Морской обсерватории в Кронштадте Н.Д. Юргенса. Военное министерство рекомендовало в состав экспедиции кандидата математического факультета Дерптского университета А.Г. Эйгнера, а Министерство внутренних дел — доктора медицины А.А. Бунге.

Сохранившиеся документы позволяют назвать участников и формы содействия экспедиции на территории Якутии, достаточно полно показать роль населения Якутии и ее разнообразных административных структур в исследовании края.

Участие в организации содействия путешественникам приняли Главное управление Восточной

Сибири, губернатор Якутской области, Якутское областное правление, полицмейстер г. Якутска, якутский окружной исправник, атаман Якутского пешего городского казачьего полка, Верхоянская окружная полицейская управа, инородческая управа в Булуна, надзиратель Жиганского улуса, некоторые старосты и старшины области [НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Т. 1. Д. 3297. Л. 1об., 6об., 13, 26, 27, 30, 43, 51об., 54об., 193об., 222об., 503]. Юргенс особо отметил помощь полицмейстера Якутска и исправника Якутского округа [Там же. Л. 54об.].

В снаряжении экспедиции и ее деятельности участвовали представители местного населения: якуты, русские казаки, крестьяне, офицеры и матросы Иркутского местного батальона. Население Якутской области в связи с экспедицией в Сагастырь выполнило огромный комплекс разнообразных работ. Жители Булуна, Ленского архипелага, «обывательских станций» между Булуном и Верхоянском выразили готовность доставлять на станцию корреспонденцию. Михаил Герасимович Серебряков (учитель Олёкминского приходского училища), Цемгин (преподаватель физики в Якутской прогимназии), якутский мещанин Петр Леонтьев по просьбе Юргенса вели метеонаблюдения в Магане и Олёкминске, причем в последнем с участием Серебрякова и Цемгина была организована метеостанция [Там же. Л. 30, 43, 57, 338об., 367, 493, 504]. В Якутске «рабочие люди» построили разборные дом для станции и павильоны для наблюдений. С инструментами, оружием, патронами, домом, павильонами, съестными припасами («между прочим взяты две коровы и теленок»), сеном, «осветительными материалами (120 пудов керосину)», кирпичом и глиной для печей («во всей Ленской дельте глины нет, а в Булуна она плоха») состоялось 50-дневное плавание по Лене [Отчет ИРГО..., 1883, с. 25–26].

Местное население участвовало и в обеспечении работы станции в устье Лены. В ноябре 1882 г., затем в апреле 1883 г. Юргенс сообщал, что ежедневно на станцию приходили работать по несколько человек, что с осени якуты на собаках завезли запас дров. Коренные жители Якутии снабжали путешественников свежей провизией (рыбой, олениной), средствами передвижения (нартами, подводами), зимней одеждой, оленьими кожами и камусом для торбасов; доставляли и отвозили почту, проводили магнитные и астрономические наблюдения; служили проводниками и переводчиками [НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Т. 1. Д. 3297. Л. 50, 51об., 54об., 338об., 342, 384, 503, 503об., 504].

Участники экспедиции провели в дельте Лены ряд стационарных магнитных, метеорологических и ледовогеографических наблюдений; на территории от устья р. Оленёк до устья Яны было сделано бо-

лее 20 маршрутных геомагнитных наблюдений и определений астрономических пунктов. К предварительному отчету Юргенса были приложены барометрические данные за 1882/83 г., данные о температуре воздуха, влажности, облачности, силе ветра, его продолжительности и средней скорости, о температуре на поверхности земли и на глубине [Юргенс, 1885, с. 37, 38–54]. В научном архиве Географического общества по сей день хранятся «Астрономические наблюдения, произведенные участниками русской полярной экспедиции к устью р. Лены в 1882–1884 гг.», «Ежечасные магнитные наблюдения» горизонтального и вертикального напряжений земного магнетизма», «Фотографии экспедиции» [ГАИО. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1, 2, 5].

Важным моментом работы путешественников явился сбор историко-этнографических сведений о народах Якутии. Юргенс и Бунге оставили краткие записи о поселениях и занятиях жителей края.

В 1885–1886 гг. состоялась экспедиция А.А. Бунге — Э.В. Толля на Новосибирские острова и в Прианский край. Работа на Новосибирских островах определялась учеными как главная цель экспедиции и одновременно как самая трудная ее часть. Путешественники должны были провести комплексное изучение края в ортографическом и физико-географическом, геологическом и палеонтологическом, ботаническом и зоологическом, а где имеются инородцы, и в этнографическом отношении [РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 835. Л. 36об., 37; ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 34; Извлечение..., 1884, с. 40; Бунге, 1887, с. 574; Отчет..., 1886, с. 2–6].

Одним из значительных результатов деятельности путешественников было первое научное описание Новосибирских островов, их геологическое исследование. Получив известие о завершении экспедиции, Академия наук констатировала, что «поручение и в этой части задачи (изучение Новосибирских островов. — Д. III.) исполнено в почти неожиданном объеме и что наука глазами наших делегатов наконец в первый раз с сотворения земли осмотрела эти негостеприимные оконечности» [Отчет..., 1890, с. 22–23; Обручев, 1937, с. 34, 348–349]. Толль пришел к заключению о сходстве древнейшей фауны острова Котельный с соответствующими отложениями Северной Америки и Урала. В отчете Академии наук за 1889 г. читаем: «...получается интересный вывод, что остров Котельный составляет собою один из этапных пунктов на пути соединения двух обширных морских бассейнов — Урала и Северной Америки в эпоху среднедевонской трансгрессии» [Отчет..., 1890, с. 23; Обручев, 1937, с. 349].

С 1887 по 1889 г. в периодических изданиях Академии наук и Русского географического общества были опубликованы материалы экспедиции Бун-

ге — Толля в форме «Предварительного отчета и сообщений о результатах работы». В.А. Обручев перевел и опубликовал статью Толля «Почвенный лед и условия сохранения трупов потретичных животных на севере Сибири» [Изв. ВСОРО. 1892. Т. 23, № 2]. На заседании Физико-математического отделения Академии наук 16 января 1890 г. было представлено «Описание коллекций млекопитающих животных, собранных Новосибирской экспедицией 1885—1886 гг.», составленное И.Д. Черским (издано в качестве приложения к тому 65 «Записок Академии наук»).

В 1889 г. от генерал-губернатора Восточной Сибири в Академию поступило сообщение о том, что в районах рек Анабар и Балахна найдены два трупа мамонта. Для изучения условий их залегания, а также геологического и физико-географического исследования Анабарского и Хатангского краев было решено послать экспедицию во главе с Толлем. Последний был тогда серьезно болен и от поручения отказался [ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 137. Л. 119об.; Д. 141. Л. 38; Отчет..., 1891, с. 8].

Готовность принять на себя руководство экспедицией выразил И.Д. Черский, компетентный в вопросах изучения останков ископаемых животных. Он предложил изменить программу предстоящих исследований, считая наиболее важными районами работы бассейны Колымы, Индигирки и Яны. Черский также говорил о том, что желательно посетить район Алазеи. Академическая экспедиция Черского состоялась в 1891—1892 гг., но не была завершена из-за кончины ученого.

Участники путешествия собрали интересный исторический, этнографический, фольклорный материал. Касаясь вопроса расселения народов Якутии, Черский писал о «довольно обильном населении» — якутах, заселивших долину Индигирки, а также о шести «постоянных жительствовах» их на северо-восточном склоне Верхоянского хребта (двух — по р. Сунтар, одного — в долине Агаякана, одного — в долине р. Ичугей) и по обе стороны цепи Улахан-Чистай (на реках Нера и Кыгыл-Балыктах). Эти сведения в «Предварительном отчете» об экспедиции дополнены сообщением о проживании на Агаякане семи семейств, а на Ичугей-Юрях — трех. Черский сообщал также о поселении юкагиров и эвенов в 70 верстах к юго-востоку от Верхнеколымска, неподалеку от устья Нелемной [Черский, 1893а, с. 16; 1893б, с. 2, 11, 12, 14, 27].

Значительное внимание исследователь уделил характеристике хозяйственной деятельности населения края. При этом Черский подчеркивал связь занятий якутов, юкагиров, эвенов с природными возможностями. Занятия якутов скотоводством, рыбным и пушным промыслом в долинах рек Индигирка, Сунтар, Агаякан, Ичугей-Юрях, Нера, Кыгыл-Ба-

лыктах он объяснял наличием обширных и тучных лугов. Меньшее количество лугов, по его мнению, было причиной более слабого (по сравнению с Индигиркой) развития скотоводства в районе Верхнеколымска. Далее Черский писал, что самые богатые из якутов по Колымскому тракту имели до 35 голов рогатого скота и до 50 лошадей, а в верхнем течении Индигирки — до 209 голов рогатого скота и 500 лошадей («средней руки якут имеет их до 80 штук») [Черский, 1893а, с. 16; 1893б, с. 11, 16—17]. Подмечен был им и сезонный характер занятости юкагиров и эвенов, поселившихся около р. Нелемной, не имеющих ни лошадей, ни рогатого скота, ни оленей. С конца июня до октября они занимались рыболовством; затем до первых чисел декабря откочевывали для пушного промысла, а в феврале отправлялись вверх по реке для изготовления лодок («которые они сплавляют в Верхнеколымск к концу июня»). В отличие от них эвены, заселившие область верхнего течения Колымы («горные ламуты»), по наблюдению Черского, занимались оленеводством [Черский, 1893а, с. 7; 1893б, с. 13—14].

Интересны наблюдения Черского о развитии земледелия и овощеводства в бассейнах Индигирки и Колымы. 24 июня 1891 г. экспедиция достигла долины р. Татты. В этот день исследователь записал: «В долине много пашен (ячмень, ярица); около одного домика, очевидно пришельца из Европы, разведен миниатюрный огород с капустой и картофелем» [Черский, 1893а]. Выращивание овощей зафиксировано Черским вниз по Колыме до Среднеколымска, «составляющего крайний северный пункт огородничества», где «капуста уже вовсе не дает вилок». Здесь, по сведениям путешественника, в 1891 г. был получен хороший урожай ячменя «в огороде Н.Е. Нехорошева» [Черский, 1893а, с. 18; 1893б, с. 19]. Однако, писал Черский, продукты земледелия в бассейнах Индигирки и Колымы в конце прошлого столетия еще не стали товаром и были скорее деликатесом, «драгоценными подарками», так как выращивались в ограниченном количестве. Одновременно исследователь называл районы, благоприятные для развития этой формы хозяйства, — южнее Верхнеколымска, вверх по Колыме; по Индигирке, в ее верхнем и среднем течении. Черский считал, что в этом крае «до 67°10′ северной широты огородничество, как равно и некоторое земледелие, должны иметь великую будущность», явиться «значительным подспорьем» населению, особенно в период плохого улова рыбы [Черский, 1893а, с. 19; 1893б, с. 15, 19].

Среди материалов экспедиции можно найти свидетельства о различных видах поселений на северо-восточном склоне Верхоянского хребта, по р. Сунтар, в долинах Агаякана и Ичугей-Юрях, на реках Нера и Кыгыл-Балыктах, в Верхнеколымске,

с. Кулымское, расположенном на левом берегу Омолона [Черский, 1893а, с. 16; 1956, с. 290].

В письме А.А. Штрауху от 6 февраля 1892 г. из Верхнеколымска Черский сообщал, что выслал в Академию наук «предварительный отчет об исследованиях экспедиции в 1891 г., карту верхних течений рр. Колымы и Индигирки, а также Индигиро-Алданского водораздела», «геологический разрез горной страны между р. Алданом и Верхнеколымском», «подробный геологический маршрут от р. Алдана до Верхнеколымска». Некоторые результаты геологических наблюдений были изложены Черским и в письме от 13 сентября 1891 г. непременно секретарю Академии [Черский, 1956, с. 223–229].

В.А. Обручев писал, что Черский «впервые сообщил достоверные сведения о геологическом строении Индигирско-Колымского края»; отмечал важное географическое открытие путешественника (горная страна с тремя высокими цепями: хребты Тас-Кытсабыт, Улахан-Чистай и Томус-Хая на водоразделе между Индигиркой и Колымой) [Обручев, 1937, с. 8]. Данные метеорологических наблюдений, которые велись по пути из Якутска в Верхнеколымск и во время зимовки, были посланы Черским в Главную физическую обсерваторию.

Разнообразны сборы экспедиции. Это коллекция ископаемых раковин, «неизвестных до сих пор», «коллекция бабочек, собранная в окрестностях Якутска», и коллекция насекомых. В письме из Оймякона Черский писал о работе по составлению орнитологической коллекции; о ботанической коллекции Черский упоминал в письме А.А. Штрауху от 30 мая 1892 г. из Верхнеколымска.

Рукописный фонд экспедиции содержит ведомости колымского окружного исправника о населении Колымского округа 1889–1891 гг.; сведения о меновой торговле русских с чукчами на Анюйской ярмарке 1890–1892 гг.; справки о движении населе-

ния в среднеколымской части округа с 1967 по 1892 г., данные о числе родившихся и умерших с 1880 по 1892 г. в Нижнеколымске; сведения о промысле рыбы на р. Ясачной, о тюленьем промысле у устья Колымы; письмо Г. Протопопова о встречах с медведями, о поверьях якутов [Черский, 1956, с. 64, 209, 212, 230, 236, 259].

Как отмечалось, в связи со смертью Черского академическая экспедиция в район Яны, Индигирки, Колымы не была завершена. Конференция Академии, «признав своевременным... продолжить сбор остатков послетретичных животных, а равно геологические и иные исследования в северо-восточной Сибири, а также произвести раскопки двух трупов мамонтов», в конце 1892 г. официально поручила эти работы Э.В. Толлю и Е.И. Шилейко [Отчет..., 1892, с. 10; 1893, с. 8–9; Толль, 1894, с. 42].

Исследуя условия залегания останков мамонтов, Толль пришел к заключению, что они найдены в местах обитания этих животных. На основании изучения геологического строения горной части Сибири к востоку от Лены и Новосибирских островов, предположений относительно прежних границ материка Толль составил представление о «стране мамонтов», когда животные свободно передвигались по Берингии, Северной Америке, северным областям Евразии. Исчезновение «мамонтова материка» он связывал с его раздроблением, образованием водного пространства между Азией и Америкой, островами Новосибирского архипелага. Новосибирские острова, по мнению Толля, являлись отторженной частью Верхоянской дуги [Толль, 1894, с. 48].

Представления о традиционных культурах народов Якутии, результаты изучения древнейших периодов в истории Земли, открытие и изучение вечной мерзлоты, останков ископаемых животных и др. стали достоянием отечественной и мировой науки того времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перевернута последняя страница второго тома «Истории Якутии». Исторические события, факты, люди вереницей прошли перед читателем. Что же почерпнет он из прочитанного? Какие образы и какие важные вехи исторического пути жителей Якутии XVII–XIX вв. встанут перед его мысленным взглядом? Думается, это прежде всего суровый необъятный край, где жили и действовали люди и народы. В первой трети XVII в. на территории коренных народов — юкагиров, якутов, эвенков и эвенов, — прошедших до этого многовековой путь освоения земель и адаптации к северному климату, создания особого социума со своей культурой и мировоззрением, появились русские землепроходцы, служилые и промышленные люди. Было и неприятие, вызванное культурным шоком, когда встретились представители цивилизаций, в прошлом не имевшие прямых контактов. К чувствам недоверия и отчужденности, конечно же, примешивалось удивление тем, как сумели эти суровые, непривычные на вид рослые люди пройти такие громадные расстояния. Притом пришли они не с пустыми руками. Взамен ценной пушнины, главного богатства древних насельников края, поступали нужные, иногда диковинные товары: металлические изделия (топоры, котлы), оружие, ткани, хлеб, предметы роскоши. Были конфликты, подчас жестокие, с потерями. Несмотря на неизбежность этнокультурных и политических трений, всегда сопровождавших подобные встречи представителей колонизирующей страны и народов, подвергавшихся колонизации, рано проявилось стремление мирно разрешать возникавшие проблемы. Мы видим, как в 1632 г. почти вся улусная элита якутов «шертовала», принесла присягу верности русскому царю. Сложнее было достичь соглашения с разрозненными родами тунгусов и юкагиров, разбросанных на бескрайних просторах тундры и тайги. Аманатство,

взаимные набеги продолжались весь XVII в. и в начале XVIII в. Однако и эти народы довольно быстро осознали преимущество вступления в подданство державы, простершей свою длань до самого края североазиатского материка. Были очевидны мощь и целеустремленность растущего государства, неуклонно приводившего к ясаку все большее количество народов. Власть воевод, нередко переходившая в деспотизм, тем не менее последовательно направлялась государственной волей монархов и мощного аппарата (Сибирского приказа) к укреплению государства, расширению границ.

Традиционные общества якутов и северных народов, попав в орбиту политического и культурного влияния Русского государства, усваивали и адаптировали новшества, в свою очередь передавая достижения собственной культуры (способы и средства охоты и рыбной ловли), без которых невозможно существовать в этом суровом краю. Православие как проводник государственной политики Русского государства не сразу, но уже в первое столетие колонизации обозначило свое присутствие строительством храмов и монастырей. Торговля, земледелие, различные промыслы активно проникали в Якутскую землю.

Тяготы ясачного режима, оскудение промыслов, потребности государственного освоения, в котором немало места отводилось самим иноверцам (якуты, например, обязаны были нести повинности по извозу на своих лошадях), инициировали диалог между высшей властью и представителями якутской элиты. Поездки депутатов якутских князцов во второй половине XVII в., имевшие цель заявить о трудностях и проблемах, которые испытывали ясачные, стали важным прецедентом в истории этноконфессиональной политики Русского государства.

Следующее столетие поставило немало вопросов, на которые нужно было давать адекватные ответы.

Реформы Петра Великого докатились и до дальней окраины империи. Воевод вскоре сменяют коменданты и областные начальники, уезд станет областью, наметятся новые административно-территориальные границы. Государство, принявшее черты регулярного полицейского государства, реформирует ясачное обложение и земельные отношения в ходе работы Первой ясачной комиссии. Но перед этим был сложный период, связанный с кризисом ясачной системы, обнищанием ясачного населения. Вновь был диалог высшей власти в лице державной Екатерины II и якутских депутатов С. Сыранова и А. Аржакова. Вновь были приняты эффективные решения. Веяния эпохи выразились во все большем проникновении новаций в традиционную культуру коренных народов. Культурный обмен стал интенсивнее. Развивается земледелие, торговля принимает систематический характер, в оборот попадает все большее количество товаров, привезенных и произведенных на месте. Планы правительства по инкорпорации ясачных иноземцев, которые чаще назывались в тот период иноверцами, включают меры, связанные с крещением, приближением местных народов к статусу русских крестьян.

Это же столетие стало временем блестящих географических открытий русских путешественников — участников академических Камчатских 1720–1740-х годов, Северо-Восточной 1785–1793 гг. и иных экспедиций. Знания о далеких землях и народах стали достоянием мировой науки.

В XIX в. Якутия приобрела новый административный статус области, что отразило не только географическую, но хозяйственную и социокультурную специфику региона. Продолжая оставаться осваиваемой территорией, Якутия заняла свое место в географии власти империи. Этническая карта края по-прежнему характеризуется преобладанием якутского населения, особенно увеличившегося к концу XVIII — первой половине XIX в., но немногочисленное русское население стало заметно влиять на местный хозяйственно-культурный облик, чему способствовала массовая христианизация. К 1820-м годам практически не осталось некрещеных якутов, эвенков, эвенов и юкагиров. Русская православная церковь обрела здесь свои привычные институты: благочиния и приходы. Через Божье слово, через первые церковные школы, через распространение земледелия продолжалась начавшаяся два столетия назад интеграция народов Якутии в Русское государство и приобщение к русской культуре.

Реформы, прежде всего Сибирская реформа 1822 г., а также буржуазные реформы 1860–1870-х годов, не обошли стороной якутян, непосредственно повлияв на их жизнь. Статус инородцев, квалифицированный в трех разрядах: бродячих, кочевых, оседлых,

был зафиксирован законодательно. С одной стороны, он гарантировал сохранность традиций и политическую и экономическую стабильность за счет предоставляемых льгот, с другой — нацеливал на постепенное сближение инородцев с остальными сословиями. После 1861 г. Якутия прочно заняла свое место в общероссийском рынке. Торговля, ярмарки, банки, финансово-кредитные учреждения, прииски, предпринимательство в различных формах властно вторгались в жизнь якутян. Вместе с тем рос и культурный уровень. К концу столетия мы имеем сеть начального образования, здравоохранения, общественность. Горожане Якутска, Олѣкминска, Вилюйска выписывали газеты, посещали клубы, ставили спектакли. Начали издаваться газеты. Быстрый темп модернизации империи 1880–1890-х годов заставлял правительственных агентов, прежде всего губернаторов, и в далекой Якутии принимать меры к внедрению тех или иных новшеств. Не всегда это удавалось сделать без проблем. Традиционализм был силен. В правящих кругах и среди набравшей силу инородческой общественности шли дискуссии о путях преобразований.

Посреди калейдоскопа исторических событий мы видим фигуры исторических личностей, главных вершителей истории края. Князь Тыгын и другие лидеры улусной элиты якутов, сделавшие нелегкий выбор принятия русского подданства. Отважные и лихие атаманы казачьих отрядов — землепроходцы Петр Бекетов, Иван Галкин, Василий Поярков, Семен Дежнев, Михаил Стадучин и многие другие, которые «шли встречь солнцу», прибавляя мощь Российского государства. Якутские воеводы Петр Головин, инициатор первой переписи населения, и Мирон Черкашенинов, председатель Первой ясачной комиссии. Якутские депутаты Нохто Никин, Мазары Бозеков, Софрон Сыранов, Алексей Аржаков, искавшие встречи с русскими царями для блага своего народа. Путешественники от Витуса Беринга и Герхарда Миллера до Фердинанда Врангеля и Ричарда Маака, обессмертившие российскую науку. Губернаторы Юлий Штубендорф и Василий Скрыпицын, немало сделавшие для благосостояния края. Якутские купцы, первые учителя народных школ, врачи, меценаты, ссыльные, внесшие свой вклад в историю Якутии, и многие и многие другие. Имена их занимают достойное место на страницах нашей книги.

Смеем надеяться, что история Якутии XVII–XIX вв., о которой повествуется во втором томе, принесет в копилку знаний об одном из крупнейших и важных регионов нашей страны свой вклад и послужит делу воспитания подрастающего поколения в духе любви к своей Родине.



СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

АРХИВНЫЕ ФОНДЫ

1. Архив Института восточных рукописей Российской академии наук (Архив ИВР РАН)

Ф. 11. Личный фонд Николая Алексеевича Виташевского.

2. Архив Якутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (Архив ЯНЦ СО РАН)

Ф. 4. Документы деятелей науки и культуры.

Ф. 5. Институт языка, литературы и истории СО АН СССР.

3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО)

Ф. 24. Главное управление Восточной Сибири.

Ф. 25. Канцелярия Иркутского генерал-губернатора.

Ф. 69. Иркутская городская дума.

Ф. 293. Восточно-Сибирский отдел Императорского русского географического общества.

4. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (НИА СПбИИ РАН)

Ф. 160. Якутская приказная изба.

Ф. 607. Якутская воеводская изба.

5. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я))

Ф. 1-и. Якутская воеводская канцелярия Иркутской губернии.

Ф. 8-и. Зашиверский частный комиссар.

Ф. 11-и. Нижнеколымский частный командир.

Ф. 12-и. Якутское областное управление (правление).

Ф. 13-и. Якутский областной стряпчий.

Ф. 15-и. Якутское окружное полицейское управление.

Ф. 19-и. Олёкминское окружное управление.

Ф. 20-и. Олёкминское окружное полицейское управление.

Ф. 22-и. Вилюйское окружное управление.

Ф. 23-и. Вилюйское окружное полицейское управление.

Ф. 24-и. Верхоянское окружное управление.

Ф. 25-и. Верхоянское окружное полицейское управление.

Ф. 26-и. Верхоянский окружной исправник.

Ф. 29-и. Батуруская инородная управа.

Ф. 31-и. Борогонская инородная управа.

Ф. 36-и. Дюпсюнская инородная управа.

Ф. 39-и. Кангаласская инородная управа.

Ф. 43-и. Мегинская инородная управа.

Ф. 44-и. Намская инородная управа.

Ф. 50-и. Хочинская инородная управа.

Ф. 51-и. Эльгетская инородная управа.

Ф. 52-и. Усть-Оленское крестьянское общество.

Ф. 53-и. Нижнеколымское крестьянское общество Колымского округа Якутской области.

Ф. 100. Земский заседатель 3-го участка Якутского округа.

Ф. 136-и. Староста крестьян Иркутского тракта.

Ф. 141-и. Нижнеколымский мещанский староста.

Ф. 164-и. Якутская городская ратуша.

Ф. 165-и. Якутская городская управа.

Ф. 166-и. Якутская городская дума.

Ф. 180-и. Якутский окружной земский суд.

Ф. 192-и. Якутский окружной суд.

Ф. 226-и. Якутская духовная консистория.

Ф. 285-и. Якутская мужская прогимназия.

Ф. 287-и. Якутский епархиальный училищный совет.

Ф. 288-и. Инспектор народных училищ Якутской области.

Ф. 343-и. Якутский статистический комитет.

Ф. 348-и. Якутский окружной землемер.

Ф. 401-и. Якутский городской казачий полк.

Ф. 414. Якутский совет рабочих депутатов.

Ф. 560-и. Маганская Петропавловская церковь.

Ф. Р-1413. Личный фонд И.Д. Новгородова.

Ф. Р-1365. Личный фонд М.Н. Тимофеева-Терешкина.

6. **Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГА ВМФ)**
 Ф. 25. Траверсе Иван Иванович, адмирал (1754–1831 гг.).
 Ф. 166. Департамент морского министра г. Санкт-Петербурга (1803–1828 гг.).
 Ф. 223. Рукописи Петра Великого и другие документы, поступившие из Адмиралтейств-совета и других мест. Коллекция (1659–1855 гг.).
7. **Российский государственный архив древних актов (РГАДА)**
 Ф. 214. Сибирский приказ.
 Ф. 607. Якутская воеводская канцелярия.
 Ф. 1177. Якутская приказная изба.
 Ф. 1409. Собственная е.и.в. канцелярия.
8. **Российский государственный исторический архив (РГИА)**
 Ф. 20. Департамент торговли и мануфактур Министерства финансов.
 Ф. 381. Канцелярия министра земледелия.
 Ф. 383. Первый департамент Министерства государственных имуществ.
 Ф. 468. Комитет е.и.в.
 Ф. 733. Департамент народного просвещения.
 Ф. 735. Канцелярия министра народного просвещения.
 Ф. 759. Собственная е.и.в. канцелярия по учреждениям императрицы Марии.
 Ф. 796. Канцелярия Синода.
 Ф. 1261. Второе отделение с.е.и.в. канцелярии.
 Ф. 1262. Второе отделение с.е.в. канцелярии (1834–1862 гг.).
 Ф. 1263. Комитет министров.
 Ф. 1264. Первый Сибирский комитет (1827–1838 гг.).
 Ф. 1265. Второй Сибирский комитет (1852–1864 гг.).
 Ф. 1284. Департамент общих дел МВД.
 Ф. 1286. Департамент полиции исполнительной.
 Ф. 1287. Хозяйственный департамент МВД.
 Ф. 1409. Собственная е.и.в. канцелярия.
9. **Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (ПФА РАН)**
 Ф. 1. Конференция Академии наук.
 Ф. 2. Канцелярия Конференции Академии наук (1804–1922 гг.).
 Ф. 4. Комитет правления Академии наук (1803–1893 гг.).
 Ф. 21. Миллер Герард Фридрих.
 Ф. 24. Веселовский Константин Степанович (1819–1901 гг.), экономист, статистик, академик.
 Ф. 27. Герман Иван Филиппович (Бенедикт Франц Иоганн) (1755–1815 гг.), горный инженер, академик.
 Ф. 37. Редовский И.И. (1774–1807 гг.).
 Ф. 47. Комиссия по изучению Якутской АССР (1824–1828 гг.).

Ф. 98. Мессершмидт Даниил-Готтлиб (1685–1735 гг.), путешественник по Сибири, доктор медицины.

Ф. 161. Левенталь Лев Григорьевич (1836–1910 гг.).
 Ф. 291. Бялыницкий-Бируля Алексей Андреевич (1864–1937 гг.), зоолог, профессор, чл.-корр. АН.
 Ф. 1053. Толмачев Иннокентий Павлович (1872–1950 гг.), геолог.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Акты архивов Якутской области (1650–1800 гг.) / Под ред. Е.Д. Стрелова. — Якутск, 1916.

Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. — Иркутск, 1941.

Башарин Г.П. К истории Западной Якутии (документы о распределении земли в вилюйских волостях 70-х годов XVIII в.) // Якутский архив (сборник статей и документов). — Якутск, 1960. — Вып. 1. — С. 69–170.

Белов М.И. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах: Сб. документов о великих русских географических открытиях на Северо-Востоке Азии в XVII в. — М.; Л., 1952.

Борисов А.А. О некоторых особенностях этнодемографической ситуации в Якутии середины XIX в.: динамика численности населения // Развитие территорий. — 2016. — № 3. — С. 23–28.

Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению при Сибирском комитете действительным статским советником Гагемейстером. — СПб., 1854. — Ч. 2.

Географическое описание о Жиганском уезде и прочем вообще // Описание Иркутского наместничества 1792 г. — Новосибирск, 1988.

Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археологической комиссией Академии наук. — СПб.: Тип. Эдуарда Праца. — Т. 3. — 1848; Т. 4. — 1851; Т. 6. — 1857; Т. 7. — 1859.

Журналы 24-го съезда духовенства Якутской епархии. — Якутск: Тип. обл. правления, 1913.

Иркутские архипастыри и викарии Иркутской епархии. Краткий перечень их назначения, служения и проч. С приложением церковных церемониалов при перенесении мощей Святителя Иннокентия, Иркутского чудотворца, происходивших в 1805, 1860 и 1872 гг. — Иркутск: Тип. А.А. Сизых, 1896.

История долины Энгсиэли в русских документах XVII века: Сб. документов. Вып. 1 / Отв. ред. А.А. Борисов. — Иркутск: Оттиск, 2019.

Мартынов М.Н. Якутия по наказам в комиссию 1767 года о сочинении проекта нового уложения // Учен. зап. ИЯЛИ ЯФ АН СССР. — Якутск, 1955. — Вып. 3. — С. 55–72.

Материалы по истории Якутии XVII в. (документы ясачного сбора): в 3 ч. — М., 1970.

Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов. — М.: Памятники исторической мысли, 2009.

Москвин И.С. Воеводы и начальники г. Якутска и их действия // Памятная книжка Якутской области на 1863 г. — СПб., 1864.

Никифоров В.В. Материалы к истории якутского самоуправления // Якутская жизнь. — 1908. — № 33–34.

Николаев Е.Д. Краткая записка о современном состоянии Якутского края // Илин. — 1997. — № 4. — С. 29–33.

Новое разделение и устройство составных частей Восточной Сибири // Журнал Министерства внутренних дел. — СПб., 1851. — Ч. 36, № 10.

Обзор Якутской области за 1881. — Якутск, 1882.

Обзор Якутской области за 1884. — Якутск, 1885.

Обзор Якутской области за 1885. — Якутск, 1886.

Обзор Якутской области за 1886. — Якутск, 1887.

Обзор Якутской области за 1887. — Якутск, 1888.

Обзор Якутской области за 1888. — Якутск, 1889.

Обзор Якутской области за 1895. — Якутск, 1896.

Обзор Якутской области за 1897. — Якутск, 1898.

Обзор Якутской области за 1898. — Якутск, 1899.

Окладников А.П. К истории этнографического изучения Якутии: (Описание быта и нравов Якутии, сочиненные в г. Якутске в 1768–1769 и 1785 гг.) // Сборник материалов по этнографии якутов. — Якутск, 1948.

Описание Иркутского наместничества 1792 г. — Новосибирск, 1988.

Открытие русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. на Северо-Востоке Азии. — Л., 1951.

Отчет ИРГО за 1882 год. — СПб., 1883.

Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Якутской епархии за 1893/94 учебный год. — Якутск, 1895. — Ведомость № 1.

Памятная книжка Якутской области на 1863 г. — СПб., 1864.

Памятная книжка Якутской области на 1867 год. — СПб., 1869.

Памятная книжка Якутской области на 1871 г. — Якутск, 1871.

Пекарский Э.К. Материалы по якутскому обычному праву // Сб. Музея антропологии и этнографии. — Л., 1925. — С. 660–706.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. LXXX: Якутская область. — СПб., 1904.

Петров Е.Ф. Собрание российских законов о медицинском управлении. — СПб., 1826.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года: в 48 т. — СПб.: Тип. II отд-ния СЕИВК, 1830. — Т. 5: 1713–1719; Т. 7: 1723–1727; Т. 20: 1775–1780; Т. 21: 1781–1783; Т. 23: 1789–1796; Т. 24: 1796–1798; Т. 28: 1804–1805.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе: с 12 декабря 1825 года по 28 февраля 1881 года: в 55 т. — СПб.: Тип. II отд-ния СЕИВК. — Т. 10: 1835. — 1836; Т. 26: 1851. — 1852; Т. 30: 1855. — 1856; Т. 31: 1856. — 1857; Т. 34: 1859. — 1861; Т. 38: 1863. — 1866; Т. 39: 1864. — 1867; Т. 43: 1868. — 1873; Т. 49: 1874. — 1876.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье: с 1 марта 1881 года по 1913 год: в 33 т. — СПб.; Пг.: Гос. тип. — Т. 3: 1883. — 1886; Т. 17: 1897. — 1900.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного вероисповедания Российской империи. — Пг.: Синод. тип., 1915.

Приклонский В.Л. Летопись Якутского края, составленная по официальным и историческим данным. — Красноярск: Енисейская губернская тип., 1896.

Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией. — СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1875. — Т. 2.

Свод законов Российской империи. — СПб. — Т. 2: Учреждение Сибирское; Положение об инородцах Сибири. — 1892; Т. 9: Законы о состояниях. — 1899; Т. 16: Учреждение судебных установлений; Положение нотариальное. — 1892.

Святитель Иннокентий (Вениаминов) в Якутии: Сб. документов / Сост. И.И. Юрганова и др. — Якутск: Медиахолдинг «Якутия», 2015.

Соколов М.П. Якутия по переписи 1917 г. — Иркутск, 1925.

Справочная книжка Якутской епархии на 1889 г. / Издание редакции Якутских епархиальных ведомостей. — Якутск: Тип. обл. правления, 1892.

Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев на основании данных специальной разработки материалов переписей 1897 г. — СПб., 1912. — Т. 3.

Статистические сведения Якутской области за 1879 год. — Якутск, 1879.

Статистические таблицы Российской империи. — СПб., 1863. — Вып. 2.

Статистическое обозрение Сибири. — СПб., 1810.

Судебное Уложение 1649 года. Текст, комментарии. — Л., 1987.

Уваровский. Воспоминания / Подгот. текста и вступ. ст. Н.М. Заболоцкого. — Якутск, 1947. — (На якут. яз.).

Экспедиция Беринга: сб. документов. — М., 1941.
Якутского Спасского второклассного монастыря настоятели (1640–1902): краткий перечень их назначения, служения и прочее. — Иркутск: Тип. Сизых, 1903.

Якуты [из записок о народах, обитающих в восточной Сибири, надворного советника Ланганса] // *Сибирский вестник*, издаваемый Григорием Спаским. — СПб., 1824. — Ч. 3, кн. 17, 18.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Якутские епархиальные ведомости.

Якутские областные ведомости.

Якутская окраина.

Якутские вопросы.

ЛИТЕРАТУРА

Аврамов В. Очерк золотопромышленности Олёкмы. — Барнаул, 1884.

Алексеев А.И. Гавриил Андреевич Сарычев. — М., 1966.

Алексеев А.И. Сыны отважные России. — Магадан, 1970.

Алексеев А.Н., Крюбези Э. Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований: Пер. с франц. — Якутск, 2012.

Андреев А.И. Изучение Якутии в XVIII веке // Учен. зап. ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР. — Якутск, 1956. — Вып. 4.

Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. — М.; Л., 1960. — Вып. 2: XVII век.

Анисимов А.Ф. Родовое общество эвенков (тунгусов). — Л., 1936.

Антропова В.В. Вопросы военной организации и военного дела у народов Крайнего Севера Северо-Востока Сибири // *Сиб. этногр.* сб. — М.; Л., 1957. — Вып. 2.

Аргунов И.А. Социальное развитие якутского народа. Историко-социологическое исследование образа жизни. — Новосибирск, 1985.

Аргунов И.А. Социальная сфера образа жизни в Якутской АССР. История формирования и современные проблемы. — Якутск, 1988.

Афанасьев В.Ф. Школа и развитие педагогической мысли в Якутии. — Якутск: Якуткнигиздат, 1966.

Барсуков И.П. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский. По его сочинениям, письмам и рассказам современников. — М., 1883.

Бахрушин С.В. Организация Якутского воеводства // Якутия в XVII в. — Якутск, 1953. — С. 46–49.

Бахрушин С.В. Научные труды. — М., 1955. — Т. 3, ч. 1.

Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII — середина XIX в.). — М., 1956.

Башарин Г.П. История животноводства в Якутии второй половины XIX — начала XX в. — Якутск, 1962.

Башарин Г.П. История земледелия в Якутии (XVII в. — 1917 г.). — Якутск, 1989. — Т. 1.

Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии: в 2 т. — М.: Арт-Флекс, 2003.

Башарин Г.П. Социально-экономические отношения в Якутии второй половины XIX — начала XX в. — Якутск, 2012.

Бётлингк О.Н. О языке якутов. — Новосибирск, 1990.

Богораз В.Г. Краткий отчет об исследовании чукоч Колымского края. — Б.м., 1899.

Борисов А.А. Социальная история якутов позднего Средневековья и Нового времени. — Новосибирск, 2010.

Борисов А.А. Якутские улусы в эпоху Тыгына. — Якутск, 1997.

Борисов А.А. О динамике численности якутов в середине XIX в. // *Новый исторический вестник*. — 2011. — № 29 (3). — С. 8–15.

Борисов А.А. О некоторых особенностях этнодемографической ситуации в Якутии середины XIX в.: динамика численности населения // *Развитие территорий*. — 2016. — № 3. — С. 23–28.

Борисов А.А., Шадрин В.И. Природные катаклизмы в Якутии: историко-этнографические свидетельства о природных аномалиях и способах адаптации народов Якутии // *Природа и культура: материалы Междунар. науч. конф.*: в 2 ч. — Якутск: Изд-во СВФУ, 2012. — Ч. 2.

Бородин И. Коллекторы и коллекции по флоре Сибири // *Тр. Ботанического музея Академии наук*. — СПб., 1907. — Вып. 4.

Бояршинова Я. К вопросу о присоединении Сибири к Русскому государству // *Труды Томск. ун-та им. В.В. Куйбышева*. — Томск, 1954. — Т. 128. — С. 61–82.

Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). — Новосибирск, 2008.

Бронштейн Ю., Шнакенбург Н. Записки доктора Мерка — участника экспедиции Биллингса — Сарычева в 1785–1792 гг. // *Сов. Арктика*. — 1941. — № 4.

Бунге А.А. Предварительный отчет об экспедиции на Новосибирские острова // *Изв. ИРГО*. — 1887. — Т. 23, вып. 5.

Бурнашева Н.И. В единении — сила! История кооперации Якутии (вторая половина XIX в. — 1920-е гг.). — М., 2009.

- Бурнашева Н.И.* Кооперация в социально-экономическом развитии Якутии (1870–1980-е гг.). — М., 2011.
- Василевич Г.М.* Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). — Л., 1969.
- Васильева У.* Подвиг сестры милосердия Кэт Марсден на Вилюйской земле // Вилюйская земля: уважая прошлое, творить будущее / Авт.-сост. А.А. Яковлев, Л.Я. Кононова. — Вилюйск, 2019.
- Введенский А.А.* Строгановы, Ермак и завоевание Сибири // Исторический сборник Киев. ун-та. — 1949. — № 3.
- Вдовин И.С.* История изучения палеоазиатских языков. — М.; Л., 1954.
- Вигель Ф.Ф.* Записки. — М., 2000.
- Винокуров П.В.* Хранитель времени. — Якутск, 1986.
- Власть и реформы. От самодержавной к Советской России.* — М.: ОЛМА-ПРЕСС Экслибрис, 2006.
- Воленс Н.В.* Очерк хозяйственного строя Якутии // Якутия. — Л., 1927. — С. 687–688.
- Воробьев В.В.* Формирование населения Восточной Сибири. — Новосибирск, 1975.
- Врангель Ф.П.* Путешествие по Сибири и Ледовитому морю. — М., 2011.
- Габышев Н.А.* Афанасий Уваровский и его «Воспоминания» (биографический очерк). — Якутск, 1995.
- Габышев Н.А.* А.Я. Уваровский и его «Воспоминания» // О жизни и деятельности Афанасия Уваровского. — Якутск, 2011. — С. 5–27.
- Гаврильева Р.С.* Одежда народа саха конца XVII — середины XVIII века: опыт этнографической реконструкции: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Якутск, 2000.
- Геденштром М.М.* Отрывки о Сибири. — СПб., 1830.
- Гельвальд Фр.* В области вечного льда: история путешествий к Северному полюсу с древнейших времен до настоящего. — 2-е изд. — СПб., 1884.
- Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обычаев, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопримечательностей. — СПб., 1777. — Ч. 3.
- Гейтер М.Я.* Из тех и этих лет... — М., 1991.
- Гоголев А.И.* Демографическое обозрение дореволюционной Якутии // Гоголев А.И. Лекции по исторической этнографии якутов. — Якутск, 1978. — С. 71–77.
- Гоголев А.И.* Археологические памятники позднего Средневековья XIV–XVIII вв. — Иркутск, 1990.
- Гоголев З.В.* Якутия на рубеже XIX–XX веков. — Новосибирск, 1970.
- Горбачев М.Ф.* Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Ленского горного округа. — СПб., 1903.
- Горцевская В.А.* Очерк истории изучения тунгусо-маньчжурских языков. — Л., 1959.
- Греков В.И.* Очерки по истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. — М.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Григорьев А.А.* Развитие физико-географической мысли в России в XIX — начале XX в. — М., 1961.
- Гурвич И.С.* К вопросу об общественном строе якутов в XVII–XIX веках // Учен. зап. ИЯЛИ ЯФ АН СССР. — Якутск, 1955. — Вып. 3. — С. 3–17.
- Гурвич И.С.* Этническая история северо-востока Сибири. — М., 1966.
- Гурвич И.С.* Северные якуты и долганы // Этническая история народов Севера. — М., 1982.
- Дамешек Л.М.* Внутренняя политика царизма и народы Сибири: XIX — начало XX в. — Иркутск: Изд-во ИрГУ, 1986.
- Дамешек И.Л.* Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX — начало XX в.). — Иркутск: Изд-во Иркут. пед. ун-та, 2005.
- Дамешек Л.М., Дамешек И.Л.* Ясак в Сибири в XVIII — начале XX в. — Иркутск: Изд-во ИрГУ, 2014.
- Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Перцева Т.А.* Сибирские реформы М.М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона. — Иркутск: Изд-во ИрГУ, 2017.
- Дворниченко А.Ю.* Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. — М.: Весь мир, 2010.
- Дивин В.А.* Русские мореплаватели на Тихом океане в XVIII веке. — М., 1971.
- Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Дьяконов А.Л.* Пушной промысел в Якутии конца XVIII — середины XIX века. — Якутск: ЯНЦ, 1990.
- Дьяконова Н.Н.* Якутская интеллигенция в национальной истории: судьбы и время (конец XIX в. — 1917 г.). — Новосибирск, 2002.
- Дьяченко В.И., Ермолова Н.В.* Эвенки и якуты юга Дальнего Востока. XVII–XX вв. — М.; СПб., 1994.
- Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. — М.: РГГУ, 2008.
- Ерошкин Н.П.* Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. — М., 1960.
- Жирков А.Н., Сергеенко Е.А., Степанова Н.С.* Национальный любительский театр (1906–1920 гг.) // Антология Саха театра: в 3 кн. — Якутск, 2010. — Кн. 1.
- Захаров В.П.* Пушной промысел и торговля в Якутии (конец XIX — начало XX в.). — Новосибирск, 1995.

- Захаров В.П.* Извозный промысел в Якутии на рубеже XIX–XX вв. // Исторические исследования в Республике Саха (Якутия). Поиски и проблемы. — Якутск, 1999.
- Захаров В.П.* Очерк из истории предпринимательства: С.П. Барашков // Первые шаги фермерства в Республике Саха (Якутия). — Якутск, 2000.
- Захарова Т.В.* История библиотек Якутии (XVII век — 1920 год). — Якутск: ЯФ Изд-ва СО РАН, 2004.
- Зиннер Э.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. — [Иркутск], 1968.
- Зувев А.С.* Аборигенная (инородческая) политика России в Сибири // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. — Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. — Т. 1. — С. 9–14.
- Зыков Ф.М.* Традиционные орудия труда якутов (XIX — начало XX века). — Новосибирск, 1989.
- Иванов В.Н.* Новое о приобщении якутов к земледелию // Исторический архив. — 1962. — № 6. — С. 195–197.
- Иванов В.Н.* Социально-экономические отношения у якутов. XVII век. — Якутск, 1966.
- Иванов В.Н.* Русские ученые о народах Северо-Востока Азии. — Якутск, 1978.
- Иванов В.Н.* Вклад А.Ф. Миддендорфа в изучение истории и этнографии народов северо-востока Сибири // Развитие гуманитарных исследований в Якутии. — 1981. — С. 55–63.
- Иванов В.Н.* Из истории приобщения якутов к русскому земледелию в XVII в. // Изв. СО АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. — 1989. — Вып. 1. — С. 63–67.
- Иванов В.Н.* Якутия в составе Русского государства (XVII век). — Якутск, 2002.
- Иванов В.Н.* Алексей Аржаков: «Сии размышления многие годы занимали душу мою». — Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2015.
- Иванов В.Ф.* Историко-этнографическое изучение Якутии XVII–XVIII вв. — М., 1974.
- Иванов В.Ф.* К истории развития земледелия в Якутии в XVII в. // Советские архивы. — 1987. — № 1. — С. 84–86.
- Иванов В.Ф.* Русские письменные источники по истории Якутии XVIII — начала XIX в. — Новосибирск, 1991.
- Иванов В.Ф.* Социально-экономические отношения в Якутии (конец XVII — начало XIX в.). — Новосибирск, 1992.
- Иванов В.Х.* Якутская резьба по кости. — М., 1979.
- Иванова В.С.* От первых школ до наших дней. — Якутск, 2007.
- Игнатьева В.Б.* Национальный состав населения Якутии (этностатистическое исследование). — Якутск, 1994.
- Игнатьева М.Н.* Судебная реформа в Сибири. — Якутск, 1993.
- Извлечение* из протоколов Физико-математического отделения // Зап. Акад. наук. — 1884. — Т. 49.
- Инструкция*, данная Академией Г.Ф. Миллеру при отправлении в Сибирское путешествие // Миллер Г.Ф. История Сибири. — М.; Л., 1937. — Т. 1.
- Ионов В.М.* К вопросу о скотоводстве у якутов Якутского округа // Памятная книжка Якутской области на 1896 г. — Якутск, 1895. — Вып. 1.
- Ионова О.В.* Василий Манчары. — Якутск, 1946.
- Ионова О.В.* Присоединение Якутии к Русскому государству // История Якутской АССР. — М., 1957. — Т. 2.
- Иркутский край.* Четыре века: история Иркутской губернии (области) XVII–XXI вв. / Гл. ред. проф. Л.М. Дамешек. — Иркутск: Востсибкнига, 2012.
- История* здравоохранения дореволюционной России (конец XVI — начало XX в.) / Под ред. Р.У. Хабриева. — М.: ГЭОТАР-Медиа, 2014.
- История* Сибири: в 5 т. — Л.: Наука, 1968. — Т. 2.
- История* Якутской АССР. — М., 1957. — Т. 2.
- Кабузан В.М.* Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. — М., 1990.
- Кабузан В.М., Троицкий С.М.* Новые источники по истории населения Восточной Сибири во 2-й половине XVIII в. // Сов. этнография. — 1966. — № 3. — С. 21–46.
- Казарян П.Л.* История Верхоянска. — Якутск, 1998.
- Калашников А.А.* Константин Николаевич Светлицкий // Руководители Якутии / Ред. кол. Е.П. Антонов и др. — Якутск, 2012.
- Каменский А.Б.* Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. — М.: Новое литературное обозрение, 1999.
- Каппелер А.* Россия — многонациональная империя / Пер. с нем. яз. С. Червонной. — М.: Традиция — Прогресс-Традиция, 2000.
- Карлов В.В.* Эвенки в XVII — начале XX в. Хозяйство и социальная структура. — М., 1982.
- Кацуки Хидэо.* К истории изучения японского языка в России. Школа в Якутске // Илин. — 1997. — № 3–4.
- Ключевский В.О.* Сочинения. — М., 1957. — Т. 2.
- Кожухов Ю.В.* Русские крестьяне Восточной Сибири в первой половине XIX в. — Л., 1967.
- Колониальная* политика Московского государства в Якутии XVII в. — Л., 1936.
- Кононов А.Н.* Востоковедение // История Академии наук СССР. — М.; Л., 1964. — Т. 2.
- Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России. — 2-е изд. — Л., 1982.

- Копылов А.Н.* Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX в. — Новосибирск, 1974.
- Косвен М.О.* Этнографические результаты Великой Северной экспедиции 1733–1743 гг. // Сибирский этнографический сборник III. — М.; Л., 1961.
- Красинский Г.* Покорение Сибири и Иван Грозный // Вопр. истории. — 1947. — № 3.
- Краткий катихизис на русском и якутском языках.* — СПб., 1844.
- Кристенсен О.Г.* История России в XVII в. — М., 1989.
- Ксенофонтов Г.В.* Ураанхай-сахалар. Очерки по древней истории якутского народа. — Иркутск, 1937.
- Лебедев Д.М., Есаков В.А.* Русские географические открытия и исследования с древнейших времен до 1917 г. — М., 1971.
- Левенталь Л.Г.* Подати, повинности и земля у якутов // Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. — Л.: Изд-во АН СССР, 1929.
- Леонов Н.И.* Александр Федорович Миддендорф. — М., 1967.
- Летопись* Дюпюнской Троицкой церкви // Якутские епархиальные ведомости. — 1894. — 1 мая.
- Линденау Я.И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. — Магадан: Кн. изд-во, 1983.
- Маак Р.К.* Вилюйский округ Якутской области: в 3 ч. — СПб., 1886. — Ч. 2.
- Маак Р.К.* Вилюйский округ. — 2-е изд. — М., 1994.
- Майдель Г.* Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868–1870 гг. барона Гергарда Майделя. — СПб., 1894. — Т. 2.
- Майнов И.И.* Некоторые данные о тунгусах Якутского края. — Иркутск, 1898.
- Майнов И.И.* Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. — СПб., 1912.
- Майнов И.И.* Население Якутии. — Л., 1927.
- Макаров Г.Г.* Октябрь в Якутии. — Якутск, 1979. — Ч. 1.
- Макаров И.Г.* Уголовная, религиозная и политическая ссылка в Якутии: вторая половина XIX в. — Новосибирск, 2005.
- Манчары* в преданиях народа / Сост. И.Г. Березкин. — Якутск, 1972. — (На якут. яз.).
- Материалы* по обычному праву и общественному быту якутов. — Л.: Изд-во АН СССР, 1929.
- Материалы* для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: хронологические обзоры и описание архив. материалов / Сост. В.Ф. Гнучева; Под общей ред. акад. В.Л. Комарова. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
- Матханова Н.П.* Сибирская мемуаристика XIX в. — Новосибирск, 2010.
- Мейер Х.* Изъяснение прохождению Венеры по Солнцу, бывшему мая 23 дня 1769 г. — СПб., 6/г.
- Миддендорф А.Ф.* Путешествие на север и восток Сибири А. Миддендорфа. — СПб., 1860. — Ч. 1.
- Мионов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2014.
- М.М. Сперанский:* сибирский вариант имперского регионализма. — Иркутск, 2003.
- Наумов Г.В.* Русские географические исследования Сибири в XIX — начале XX в. — М., 1965.
- Национальное государство:* теория, история, политическая практика // Полис. — 1992. — № 5/6.
- Национальные окраины Российской империи:* становление и развитие системы управления. — М.: Славянский диалог, 1998.
- Нейман К.К.* Исторический обзор действий Чукотской экспедиции // Изв. СОРГО. — Иркутск, 1871. — Т. 1, № 4, 5.
- Николаев А.П., Васильев В.Е.* Религиозный фактор в межэтнических отношениях: ретроспектива и современность // Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия): потенциал, тенденции, перспективы. — Новосибирск, 2000.
- Николаев В.П.* Общественное здравоохранение и медицина в Якутском (Ленском) крае. Опыт исторического и медико-социального анализа. — Новосибирск, 2005.
- Николаев В.П.* Три первых врача-саха Георгий Слепцов, Прокопий Сокольников, Иван Скрябин. — Якутск, 2018.
- Николаева А.С.* Роль политических ссыльных в становлении личности В.В. Никифорова // Василий Васильевич Никифоров — Кюлюмнюр. — Якутск, 2016.
- Новлянская М.Г.* Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. — Л., 1970.
- Новлянская М.Г.* Филипп Иоганн Страленберг. — М.; Л., 1966.
- Ногин В.* На полюсе холода. — М.; Пг., 1923.
- Обручев В.А.* История геологического исследования Сибири. Период четвертый (1889–1917 гг.). — М.; Л., 1937.
- Обручев В.А.* К 100-летию первой академической экспедиции по изучению вечной мерзлоты // Изв. РГО. — Л., 1946. — Т. 78, вып. 5/6.
- Островский Б.Г. Ф.П.* Врангель (1796–1870). Очерк о жизни и деятельности // Сибирский вестник. — 1820. — Ч. 10.
- Островский Б.Г. Ф.П.* Врангель (1796–1870). Очерк о жизни и деятельности // Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам и по Ледовитому морю. — М., 1948.
- Ответы* Чукотской экспедиции на вопросы академика Бэра // Изв. СОРГО. — Иркутск, 1871. — Т. 2, № 1–2.

- Отрывок* из путешествия г. Адамса к Ледовитому морю для отыскания мамонта // Сиб. вестник. — СПб., 1820. — Ч. 10.
- Отчет* о деятельности Императорской Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1889 г. — СПб., 1890.
- Отчет* о деятельности Императорской академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1884 год. — СПб., 1886.
- Отчет* о деятельности Императорской Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1890–1891 гг. — СПб., 1891.
- Отчет* о деятельности Императорской Академии по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1891–1892 год. — СПб., 1892.
- Отчет* о деятельности Императорской Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1893 год. — СПб., 1893.
- Отчет* Иркутского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты за 1895/96 учебный год // Иркутские епархиальные ведомости. — 1897. — 15 окт.
- Павленко Н.И.* Пётр Первый. — М.: Молодая гвардия, 1975.
- Павлинов Д.М.* Об имущественном праве якутов // Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. — Л.: Изд-во АН СССР, 1929.
- Павлинов Д.М., Виташевский Н.А., Левенталь Л.Г.* Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов. — Л., 1929.
- Павлов А.С.* Ленский флот. — Якутск, 2015.
- Памятная книжка* Восточно-Сибирского учебного округа, составленная по сведениям к 1 января 1880 года. — Красноярск: Тип. С.К. Гоштовт, 1880.
- Памятная книжка* (вторая) Восточно-Сибирского учебного округа, составленная по сведениям к 1 января 1881 года и дополненная данными по 1 октября 1881 г. — Иркутск: Тип. Штаба Восточно-Сибирского военного округа, 1881.
- Памятная книжка* Якутской области на 1896 г. — Якутск, 1896.
- Памятники* права Саха (Якутия): сб. документов и материалов: в 2 ч. / Отв. ред. М.М. Федоров. — Якутск, 1994.
- Парникова А.С.* Расселение якутов в XVII — начале XX в. — Якутск, 1971.
- Пасецкий В.М.* Разгадки тайна ждет. — Л., 1983.
- Патканов С.В.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. — СПб., 1912. — Т. 3.
- Патканов С.К.* О приросте инородческого населения Сибири. — СПб., 1911.
- Петров П.А., Ягья В.С.* Здравоохранение Якутии. — Якутск, 1972.
- Петров П.П.* Города Якутии (Социально-экономический очерк истории). — Якутск, 1990.
- Петров П.П.* Градо-Якутские православные храмы. — Якутск: Бичик, 2000.
- Петров П.П.* Экспедиции в неведомые Сунтарские земли // Сунтарский улус в печати: история и современность (XVIII — начало XXI в.). — Якутск, 2007.
- Петров П.П.* Краткий обзор зданий старого Якутска, где ставились первые спектакли // Ежегодник Саха театра = Саха театра сылтан сыл: [вып. 1] Театральные сезоны 2011–2014 гг. — Якутск, 2015.
- Петухова З.И.* Якутская Степная Дума (1827–1838 гг.). — Якутск, 2007.
- Плужников Н.В., Шадрин В.И.* Юкагиры // Народы северо-востока Сибири. — М., 2010.
- Полевой Б.П.* Забытый источник сведений по этнографии Сибири XVII века (о сочинении Адама Каменского-Длужика) // Сов. этнография. — 1965. — № 5.
- Попов А.А.* Якутские записи А.Ф. Миддендорфа // Тюркологический сборник. — М.; Л., 1951. — Вып. 1.
- Попов Г.А.* Расселение якутов в XVII и начале XVIII столетия // Изв. Якутского отдела Государственного Русского географического общества. — Якутск, 1928. — Т. 3.
- Попов Г.А.* Сочинения. Т. 2: Якутский край. — Якутск, 2006.
- Попов С.Ф.* К вопросу о развитии школ в Якутии в XIX веке // Учен. зап. Якут. ун-та. — Якутск, 1957. — Вып. 2.
- Потапов И.А.* Якутская резьба по дереву. — Якутск, 1972.
- Приклонский В.Л.* Три года в Якутской области // Живая старина. — 1890. — № 1.
- Прутченко С.М.* Сибирские окраины. — СПб., 1899. — Т. 2.
- Рабинович Г.Х.* Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX — начала XX в. — Томск, 1975.
- Реклю Э.* Земля и люди: всеобщая география: в 19 т. — СПб., 1883. — Т. 6.
- Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX в. — Омск: Изд-во ОмГУ, 2004.
- Романов Н.С.* Ясак в Якутии в XVII веке. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1956.
- Романова Е.Н.* Якутский праздник ысыах: истоки и представления. — Новосибирск: Наука, 1994.
- Российское законодательство X–XX веков.* — М., 1986. — Т. 4.
- Руководители* Якутии. — Якутск, 2012.

- Румовский С.* Наблюдения явления Венеры в Российской империи в 1769 г. учиненные. — СПб., 1771.
- Русская Тихоокеанская эпопея* / Сост. В.А. Дивин. — Хабаровск, 1979.
- Русский архив: историко-литературный сборник.* — М., 1869.
- Санников А.П.* Церковь, общество и государство на восточных окраинах Российской империи в XVII–XVIII вв. — Иркутск: Изд-во ИрГУ, 2016. — 311 с.
- Сарычев Г.А.* Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. — М., 1952.
- Сафронов Ф.Г.* Материалы о возникновении земледелия среди якутов // *Ист. архив.* — 1950. — Т. 5. — С. 51–73.
- Сафронов Ф.Г.* Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илима в XVII в. — Якутск, 1956.
- Сафронов Ф.Г.* Город Якутск в XVII — начале XIX в. — Якутск: Кн. изд-во, 1957.
- Сафронов Ф.Г.* Русское население Якутии // *История Якутской АССР.* — М., 1957. — Т. 2.
- Сафронов Ф.Г.* Охотско-Камчатский край. — Якутск, 1958.
- Сафронов Ф.Г.* Русские крестьяне в Якутии (XVII — начало XX в.). — Якутск, 1961.
- Сафронов Ф.Г.* Ссылка в Восточную Сибирь в XVII веке. — Якутск, 1967.
- Сафронов Ф.Г.* Декабристы в якутской ссылке. — Якутск, 1975.
- Сафронов Ф.Г.* Русские на Северо-Востоке Азии в XVII — середине XIX в. — М.: Наука, 1978.
- Сафронов Ф.Г.* Русские промыслы и торги на Северо-Востоке Азии в XVII — середине XIX в. — М., 1980.
- Сафронов Ф.Г.* Якуты. Мирское управление в XVII — начале XX в. — Якутск: Кн. изд-во, 1987.
- Сафронов Ф.Г.* Василий Манчары. — Якутск, 1991.
- Сафронов Ф.Г.* Дореволюционные начальники Якутского края. — Якутск: КИФ «Ситим», 1993.
- Сафронов Ф.Г.* Православное христианство в Якутии. — Якутск, 1998.
- Сафронов Ф.Г., Иванов В.Ф.* Письменность якутов. — Якутск, 1992.
- Сафронов Ф.Г., Ионова О.В.* О социально-экономических отношениях в Якутии XVII–XIX вв. // *Вопр. истории.* — 1956. — № 8.
- Свенске К.Ф.* Обзор главнейших путешествий и географических открытий. — СПб., 1855. — Т. 1.
- Серовский В.Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования. — 2-е изд. — М., 1993.
- Сибирь* в составе Российской империи. — М.: Новое литературное обозрение, 2007.
- Скалон В.Н.* Русские землепроходцы XVII века в Сибири. — М., 1951.
- Слезкин Ю.Л.* Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. — М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- Слепцов П.А.* Якутский литературный язык. Истоки, становление норм. — Новосибирск, 1986.
- Словцов П.А.* Письмо из Сибири. — 1826.
- Соколовский С.В.* Категория «коренные народы» в российской политике, законодательстве и науке // *Этнометодология.* — М., 1999. — Вып. 5.
- Сокращенный Катихизис.* — Иркутск, 1819.
- Сокращенный Катихизис.* — 2-е изд. — Иркутск, 1821.
- Софронеев П.С.* Якуты в первой половине XVIII века. — Якутск, 1972.
- Станюкович Г.В.* Музей антропологии и этнографии за 250 лет // *Сб. МАЭ.* — М.; Л., 1964. — Т. 22.
- Степанов Н.Н.* Социальный строй тунгусов в XVII в. // *Сов. Север.* — Л., 1939. — Т. 3.
- Сыромятников Б.И.* «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. — М.: Изд-во АН СССР, 1943.
- Сыромятников И.В.* Кэт Марсден — основательница Вилюйского лепрозория // *Вилюйский улус: история, культура и фольклор.* — Якутск, 2009.
- Телеграфные известия // Якутские областные ведомости.* — 1896. — 8 апр.
- Тилезиус фон Тиленау В.Г.* Описание остова сибирского мамонта // *Тр. Академии наук.* — СПб., 1821. — Ч. 1.
- Титова З.Д.* Предисловие // *Линденау Я.И.* Описание народов Сибири: первая половина XVIII века. — Магадан, 1983.
- Тобуроков Н.Н., Сыромятников Г.С., Габышев Н.А., Михайлова М.Г.* История якутской литературы (середина XIX — начало XX века). — Якутск, 1993.
- Токарев С.А.* Очерк истории якутского народа. — М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1940.
- Токарев С.А.* Общественный строй якутов XVII — XVIII веков. — Якутск, 1945.
- Токарев С.А.* Несколько данных о якутах и их соседях // *Сборник материалов по этнографии якутов.* — Якутск, 1948.
- Токарев С.А.* История русской этнографии. — М., 1966.
- Толль Э.В.* Об экспедиции на Новосибирские острова и побережье Ледовитого океана от Святого Носа до Хатангской губы // *Зап. Имп. Акад. наук.* — 1894. — Т. 75, кн. 1.
- Туголуков В.А.* Кто вы, юкагиры? — М., 1979.
- Туголуков В.А.* Этнография народов Северо-Восточной Сибири // *Развитие гуманитарных исследований в Якутии.* — Новосибирск, 1981.
- Туголуков В.А.* Эвены // *Этническая история народов Севера.* — М., 1982.

- Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. — М., 1985.
- Уайт Дж.М. Индейцы Северной Америки. Быт, религия, культура / Пер. с англ. С.К. Меркулова. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2006.
- Устьянский и Булунский тракты // Иркутские губернские ведомости. — 1904. — 24 дек.
- Уткин К.Д. Черная металлургия якутов второй половины XIX — начала XX в. — Якутск, 1991.
- Федоров В.И. Якутия в эпоху войн и революций (1900–1919). — М., 2002. — Кн. 1.
- Федоров В.И. Якутия в эпоху войн и революций (1900–1919): в 2 кн. — Новосибирск, 2013.
- Федоров М.М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII — начало XIX века). — Якутск: Кн. изд-во, 1978.
- Федоров М.М. История правового положения народов Восточной Сибири в составе России (XVII — начало XIX в.). — Иркутск: Изд-во ИрГУ, 1991.
- Федорова Е.Н. Население Якутии: прошлое и настоящее (геодемографическое исследование). — Новосибирск, 1998.
- Федорова Е.Н., Пахомов Е.А. Административно-территориальное устройство Якутии: прошлое и настоящее. — Новосибирск, 2011.
- Федченко Б.А. Якутская флора // Тр. Ботанического музея Академии наук. — СПб., 1907. — Вып. 3.
- Чемезов В.Н. Здравоохранение в дореволюционной Якутии // Учен. зап. ИЯЛИ. — Якутск, 1956. — Вып. 4.
- Черников А.М. Экспедиция И.И. Редовского в Якутию и к Охотскому морю (1806–1807 гг.) // Материалы отделения истории географических знаний. — Л., 1962. — Вып. 1: Географическое изучение Сибири: XVII–XIX вв.
- Черников А.М., Пидотти О.А. Путешествие ботаника И.И. Редовского в 1806–1807 гг. в Якутию и к Охотскому морю (к 200-летию со дня рождения) // Ботан. журнал. — 1974. — Т. 59, № 3.
- Черников А.М., Сыроватский А.Д. Экспедиция И.И. Редовского в Якутию и к Охотскому морю (1806–1807 гг.) // Сб. научных статей. — 1966. — Вып. 4. — С. 172–190.
- Черский И.Д. Предварительный отчет об исследованиях в области рек Колымы, Индигирки и Яны // Зап. Имп. Акад. наук. — 1893а. — Т. 33. Прил. № 5.
- Черский И.Д. Сведения об экспедиции Императорской академии наук для исследования рек Колымы, Индигирки и Яны. I, II // Зап. Имп. Акад. наук. — 1893б. — Т. 21. Прил. № 8.
- Черский И.Д. Неопубликованные статьи, письма и дневники. Статьи о И.Д. Черском и А.И. Черском. — Иркутск, 1956.
- Чикачев А.Г. Русские на Индигирке: историко-этнографический очерк. — Новосибирск, 1990.
- Чикачев А. Русские арктические старожилы Якутии. — М., 2002.
- Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. — М., 1859. — Кн. 3.
- Шарапов И.П. Очерки по истории Ленских золотых приисков. — Иркутск, 1949.
- Шибанов Ф.А. Исленьев — астроном-географ и картограф XVIII века // Вестн. ЛГУ. Геология — география. — Л., 1973. — № 18, вып. 3. — С. 133–139.
- Ширина Д.А. Зарубежная публикация «Воспоминания» // Полярная звезда. — Якутск, 1977. — № 3.
- Ширина Д.А. Академическая экспедиция 1806–1807 гг. по Якутии и Охотскому побережью // Развитие гуманитарных исследований в Якутии. — Новосибирск, 1981.
- Ширина Д.А. Петербургская Академия наук и Северо-Восток. 1725–1917 гг. — Новосибирск, 1994.
- Ширина Д.А. Гуманист и просветитель. — Якутск, 2000.
- Шишигин Е.С. Распространение христианства в Якутии. — Якутск, 1991.
- Шишигин Е.С. 100 лет Якутскому музею. — Якутск, 1991.
- Школы и грамотность в Киренском округе Иркутской губернии: Памятная книжка / Сост. К. Кокоулин. — Иркутск, 1881.
- Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). — М., 1956.
- Шеглов И.В. Хронология истории Сибири. — Иркутск, 1883.
- Штернберг Л.Я. Иногородцы. Общий обзор // Формы национального движения в современных государствах / Под ред. А.И. Кастелянского. — СПб., 1910.
- Шумский П.А. Очерк истории исследования подземных льдов. — Якутск, 1959.
- Шукин Н.С. Воспоминания об иркутских театрах // Северная пчела. — 1844. — № 128.
- Шукин Н. Поездка в Якутск. — 2-е изд. — СПб., 1844.
- Эргис Г.У. [Г.П. Башарин. История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII — середина XIX в.). — М., 1956. — Рец.] // Сов. этнография. — 1958. — № 1. — С. 186–189.
- Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции. 1785–1795 гг. / Сост. З.Д. Титова. — Магадан, 1978.
- Юкагиры (историко-этнографический очерк) / Отв. ред. А.П. Окладников. — Новосибирск, 1975.
- Юрганова И.И. История Якутской епархии. 1870–1919 гг. (деятельность духовной консистории). — Якутск: Академия, 2007.

Юрганова И.И. Церкви Якутии. Краткая история. — Якутск; Сергиев Посад: Патр. изд.-полигр. центр, 2010.

Юрганова И.И. Православие в Якутском крае: сб. ст. — Иркутск: Изд-во ИрГУ, 2016.

Юргенс Н.Д. Экспедиция к устью реки Лены с 1881 года по 1885 год. — СПб., 1885.

Юшков С.В. История государства и права СССР. — М., 1961. — Ч. 1.

Явловский П.П. Летопись города Якутска от основания его до настоящего времени (1632–1914). — Якутск, 2004. — Т. 2: 1801–1914.

Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. — СПб., 1891.

Яковлев Э.М. Становление органов земского управления в Якутии // Василий Васильевич Никифоров — Кюлюмнюр. — Якутск, 2016.

Якутия в XVII в. (Очерки). — Якутск, 1953.

Якутия. Хроника. Факты. События. 1632–1917 гг. / Сост. А.А. Калашников. — Якутск, 2000.

Beiträge zur Kenntniss russischen Reiches uns der angranzenden Lander Asiens. Abt. 2. — St.-Petersburg, 1855. — Bd. 9. — S. 417–427.

Fisher R.H. The Russian fur trade 1550–1700. — Berkeley; Los Angeles: University of California press, 1943.

Instruktion G.F. Muller's für den Akademiker — Adjuncten J.E. Fischer. Unterricht, was bey Beschreibung der Völker, absonderlich der Sibirischen in acht zu nehmen // Сб. МАЭ при Императорской Академии наук. — СПб., 1900. — Т. 1, вып. 1.

Lantzeff G.V. Siberia in the seventeenth century. A study of Colonial Administration. — New York: Octagon books, 1972.

Voyage au pays des yakoutes (russic Asiatique) par Ouvarovski (1830–1839) // Le Tour du Monde. Nouveau journal des voyages. — Paris, 1861.

Wood A. Introduction to: The history of Siberia. From Russian Conquest to Revolution / Ed. by A. Wood. — London; New York, 1991.



СПИСОК АББРЕВИАТУР

ДАИ — Дополнения к актам историческим

ИВР РАН — Институт восточных рукописей Российской академии наук

НА РС (Я) — Национальный архив Республики Саха (Якутия)

НИА СПбИИ РАН — Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук

ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи

ПФА РАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

РГА ВМФ — Российский государственный архив Военно-Морского Флота

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

РГИА — Российский государственный исторический архив

РИБ — Русская историческая библиотека

РНБ ОР — Российская национальная библиотека. Отдел рукописей

СЗРИ — Свод законов Российской империи

ЯНЦ СО РАН — Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук



СПИСОК АВТОРОВ II ТОМА

- Борисов Андриан Афанасьевич*, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
- Дамешек Лев Михайлович*, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Иркутского государственного университета
- Иванов Василий Николаевич*, доктор исторических наук, профессор Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, директор Института олонхо
- Николаев Александр Петрович*, кандидат исторических наук, доцент Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова
- Петров Пантелеймон Пантелеймонович*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
- Ширина Данара Антоновна*, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
- Юганова Инна Игоревна*, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН



ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (Борисов А.А.)	5	Глава 10. Русская православная церковь в Якутии (Юрганова И.И.)	62
ЧАСТЬ I			
ЯКУТИЯ В XVII ВЕКЕ			
Глава 1. Якутия накануне присоединения к Русскому государству (Борисов А.А.)	7	Глава 11. Культурные изменения и новации (Борисов А.А., Ширина Д.А.)	65
Глава 2. Вхождение Якутии в состав Русского государства (Иванов В.Н.)	10	11.1. Трансформации в традиционной культуре	65
Глава 3. Общественный строй и хозяйство во второй половине XVII века (Иванов В.Н., Борисов А.А., Николаев А.П.)	22	11.2. Зачатки образования и здравоохранения	69
3.1. Якуты	22	11.3. Начало научного изучения	70
3.2. Народы Севера	31	ЧАСТЬ III	
Глава 4. Освоение Якутии Русским государством и последствия этого процесса (Иванов В.Н.)	32	ЯКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ	
Глава 5. Распространение православия на северо-востоке России (Юрганова И.И.)	36	В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	
ЧАСТЬ II		Глава 12. Административное устройство Якутской области (Борисов А.А., Дамешек Л.М.)	76
ЯКУТИЯ В XVIII ВЕКЕ		12.1. Административные преобразования в Восточной Сибири: образование Якутской области и областного правления	76
Глава 6. Административное устройство (Борисов А.А.)	39	12.2. Сибирская реформа генерал-губернатора М.М. Сперанского в Якутской области	78
Глава 7. Народонаселение (Борисов А.А.)	41	Глава 13. Особенности народонаселения (Борисов А.А.)	83
Глава 8. Социальные отношения и хозяйство (Борисов А.А.)	45	13.1. Якуты: переход к демографическому кризису	84
8.1. Скотоводство, промыслы и ремесла, торговля	46	13.2. Русское население: колебания численности	85
8.2. Социальные отношения у якутов	48	13.3. Город Якутск: изменения в составе населения	85
8.3. Первая ясачная комиссия	52	13.4. Русские анклавов	86
8.4. Аграрные отношения после Первой ясачной комиссии	54	13.5. Изменение численности малочисленных народов Севера	87
8.5. Социально-экономические отношения малочисленных народов Севера	56	Глава 14. Социально-экономическое развитие Якутии (Петров П.П.)	90
8.6. Социальные отношения у русского населения	57	14.1. Подати и повинности	90
Глава 9. Общественное движение за самоуправление инородцев в Якутии (Борисов А.А.)	59	14.2. Вторая ясачная комиссия	93
9.1. Депутация С. Сыранова	59	14.3. Земельные отношения	95
9.2. «План о якутах» А. Аржакова	60	14.4. Землепользование у русских крестьян	97
		14.5. Торговля	99
		14.6. Городское население	100
		Глава 15. Инородческое самоуправление (Борисов А.А.)	101
		Глава 16. В составе Иркутской епархии (Юрганова И.И.)	107

Глава 17. Культура и общественная жизнь (<i>Борисов А.А., Ширина Д.А.</i>)	109	23.1. Пути сообщения. Пароходство	155
17.1. Трансформации в культурном развитии: традиции и новации	109	23.2. Финансово-кредитные учреждения. Бан- ковское дело	157
17.2. Зарождение образования, здравоохране- ния, театральной культуры и обществен- ной жизни в области	113	23.3. Торговля	160
17.3. Научное изучение	118	23.4. Предпринимательство	165
ЧАСТЬ IV		23.5. Добыча золота	165
ЯКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ		23.6. Добыча полезных ископаемых	167
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА		23.7. Солеварение	168
Глава 18. Расширение статуса области до гу- бернского уровня (<i>Дамешек Л.М., Борисов А.А.</i>)	125	23.8. Поставка леса	168
Глава 19. Историко-демографическая ситуа- ция (<i>Петров П.П.</i>)	128	23.9. Промыслы	169
Глава 20. Общественные инициативы по пре- образованию местного самоуправления конца XIX века (<i>Петров П.П.</i>)	133	23.10. Извоз	170
Глава 21. Сельское хозяйство (<i>Петров П.П.</i>)	139	23.11. Социальная помощь	170
21.1. Крупный рогатый скот	139	Глава 24. Общественно-политическая жизнь (<i>Петров П.П.</i>)	173
21.2. Коневодство	140	Глава 25. Якутская епархия (<i>Юрганова И.И.</i>)	176
21.3. Оленеводство	141	Глава 26. Развитие культуры (<i>Петров П.П.</i>)	181
21.4. Пушной промысел и добыча бивней	142	26.1. Здравоохранение	182
21.5. Рыболовство	143	26.2. Образование	185
21.6. Земледелие	144	26.3. Театр и музей	189
Глава 22. Земельные отношения (<i>Петров П.П.</i>)	147	26.4. Библиотека	192
Глава 23. Экономическое развитие под влия- нием буржуазных реформ 1860–1870-х годов (<i>Петров П.П.</i>)	154	Глава 27. Научное изучение (<i>Ширина Д.А.</i>)	194
		Заключение (<i>Борисов А.А.</i>)	199
		Список использованных источников	201
		Архивные фонды	201
		Опубликованные источники	202
		Периодические издания	204
		Литература	204
		Список аббревиатур	212
		Список авторов II тома	213

Научное издание

ИСТОРИЯ ЯКУТИИ

В трех томах

ТОМ II

Редактор *Н.С. Астанина*
Художественный редактор *Л.В. Матвеева*
Художник *Н.А. Ларшина*
Технический редактор *Н.М. Остроумова*
Корректоры *И.Л. Малышева, Л.А. Анкушева*
Оператор электронной верстки *С.К. Рыжкович*

Подписано в печать 27.11.20. Формат 84 × 108¹/₁₆.
Усл. печ. л. 22,7+5,8 вкл. Уч.-изд. л. 41,0. Тираж 3000 экз. Заказ № 370.

Новосибирский филиал ФГУП «Издательство «Наука».
630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25.
(383)343-35-45
(383)344-33-75
rednauka@yandex.ru

Сайт издательства <https://naukapublishers.ru>
Сайт интернет-магазина «Академкнига» <https://naukabooks.ru>

ISBN 978–5–02–038820–8

